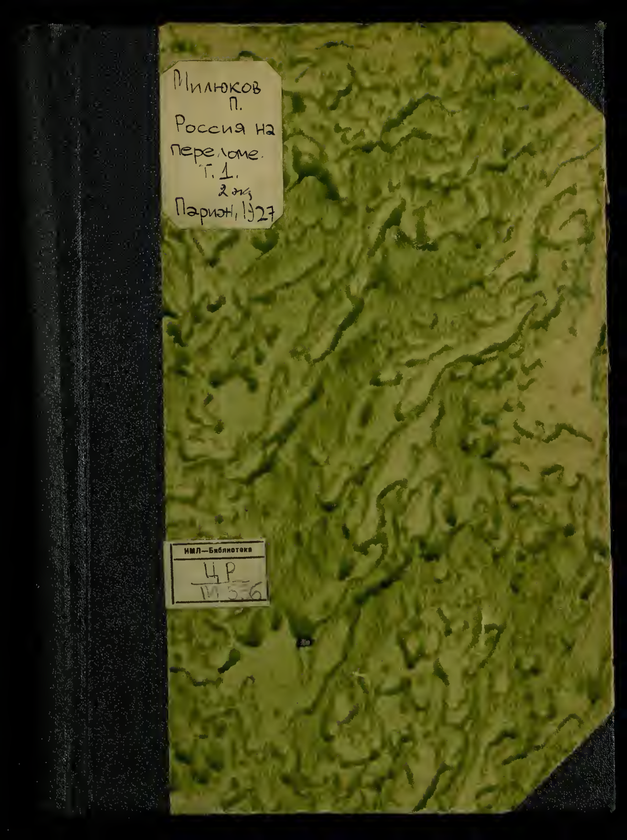
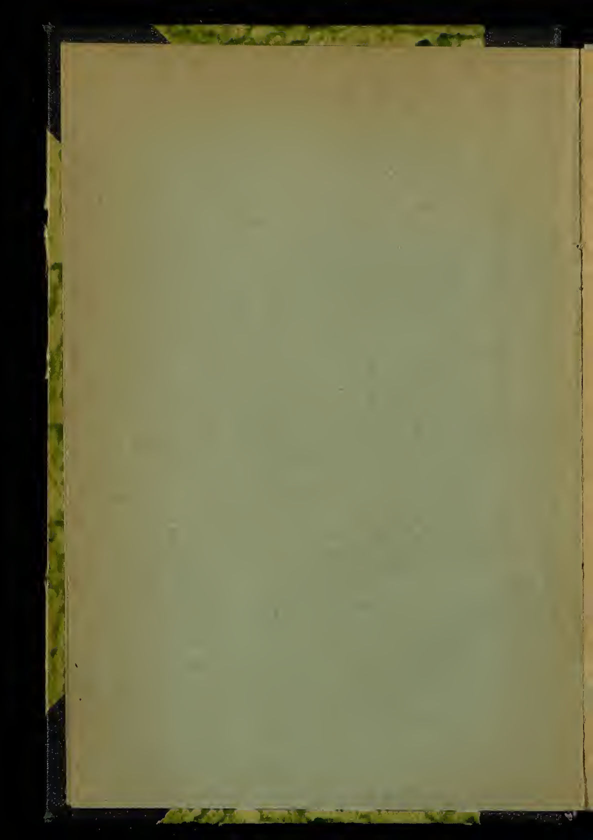

Милюков
П.
Россия на
переломе.
Т. 1.
2 экз
Париж, 1927



П. МИЛЮКОВЪ

РОССІЯ НА ПЕРЕЛОМѢ

БОЛЬШЕВИСТСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

ПРОИСХОЖДЕНІЕ и УКРѢПЛЕНІЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ПАРИЖЪ
1927

П. МИЛЮКОВЪ

РОССІЯ НА ПЕРЕЛОМѢ

БОЛЬШЕВИСТСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

ПРОИСХОЖДЕНІЕ и УКРѢПЛЕНІЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ПАРИЖЪ
1927

IMPRIMERIE D'ART VOLTAIRE
34, RUE RICHER, PARIS (IX),
O. ZELUK, DIRECTEUR

Предисловіе.

Исторія этой книги разсказана и духъ, ее одушевляющій, охарактеризованъ далѣе въ предисловіи къ нѣмецкому изданію, которое я намѣренно оставляю въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было обращено къ иностранному читателю. Мнѣ остается прибавить то, что должно быть сказано о русскомъ изданіи этого сочиненія. Прежде всего я долженъ тутъ высказать мою горячую благодарность кружку друзей, — Н. П. Вакару, И. П. Демидову, И. И.Манухину, И. И. Фундаминскому—, которые рѣшили,что книга достойна предстать передъ русскимъ читателемъ, собрали необходимыя для этого немалыя средства и побудили меня взяться вновь за работу, чтобы придать сочиненію русское обличье. Это было до извѣстной степени облегчено для меня тѣмъ, что всѣ дополнительныя части къ американскому тексту книги я уже написалъ для нѣмецкаго изданія по-русски, имѣя въ виду возможность русскаго изданія. Но, обращаясь къ русской аудиторіи, естественно имѣть въ виду многое, что не нужно для иностранныхъ читателей; столь же естественно опустить кое-что что нужно только для иностранцевъ. Такимъ образомъ, русскій текстъ пришлось еще разъ пересмотрѣть и во многихъ мѣстахъ существенно дополнить. Дополненія эти предуказывались и выходомъ новыхъ сочиненій и матеріаловъ по разнымъ отдѣламъ этой работы, и развитіемъ событій въ теченіе послѣдняго 1926 года. Затѣмъ, я воспользовался даннымъ случаемъ, чтобы совершенно вновь написать двѣ первыя главы перваго тома, которыя въ нѣмецкомъ изданіи оставались приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ были написаны для американцевъ. Какъ разъ здѣсь потребности иностраннаго и русскаго читателя значительно расходились, и теперешній

русскій текстъ имѣетъ мало общаго съ англійскимъ (сохраняющимъ свои преимущества для иностранцевъ). При этомъ значительно расширились и самыя рамки изложенія. Обѣ главы составляютъ 42 страницы въ американскомъ изданіи, 42 въ нѣмецкомъ и 121 въ русскомъ*). Событія, приведшія къ февральской революціи и къ побѣдѣ большевиковъ, здѣсь охарактеризованы (конечно, въ общихъ штрихахъ), имѣя въ виду гораздо большую освѣдомленность русскаго читателя и его особенное отношеніе къ предмету. Долженъ, однако, прибавить, что указанія на мою личную роль, которыя я считалъ долгомъ сдѣлать для моихъ американскихъ слушателей и читателей — просто, чтобы ознакомить ихъ съ угломъ зрѣнія лектора и автора, и въ нѣмецкомъ и въ русскомъ изданіи устранены, чтобы не мѣшать строго историческому изложенію. Значительно пополненъ отдѣлъ третьей главы о красной арміи. Двѣ слѣдующія главы также пополнены новыми данными. Наконецъ, очень существенно пополнена шестая глава объ антибольшевистскомъ движеніи, составляющая одна весь второй томъ, въ виду особаго интереса вопроса для русскихъ читателей за-границей. Въ американскомъ изданіи эта глава занимала 67 страницъ, въ нѣмецкомъ 188, здѣсь она составляетъ уже 280 страницъ, представляя, какъ сказано, особое цѣлое.

Я не могу жаловаться на пріемъ, оказанный нѣмецкому изданію германской критикой. Германская наука еще разъ проявила въ ней ту солидность, основательность, знаніе дѣла, которыя ей свойственны. Мнѣ тѣмъ болѣе приходится цѣнить это, что германскій читатель приступалъ къ книгѣ съ предвзятымъ мнѣніемъ о моихъ якобы антигерманскихъ чувствахъ. Эта странная репутація, кажется, создана мнѣ въ Германіи Паулемъ Рорбахомъ. Многія рецензіи начинались или кончались именно этимъ предостереженіемъ читателю. Я удовлетворенъ тѣмъ, что, прочтя книгу, рецензенты часто кончали невольнымъ признаніемъ, что на объективность автора можно положиться. Не повторяю многаго лестнаго, что отчасти было приведено въ объявленіяхъ о русскомъ изданіи.

*) При этомъ надо имѣть въ виду перемѣны формата. Американское изданіе, въ 392 страницы, имѣетъ около 1800 типографскихъ знаковъ на страницѣ, нѣмецкое — около 2400 и русское — около 2.300.

Нѣмецкое изданіе сдѣлало книгу доступной болѣе широкому кругу читателей; на нее появились и два русскіе отзыва — къ сожалѣнію слишкомъ поздно, чтобы я могъ припять ихъ во вниманіе. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ С. П. Мельгунову (въ "Голосѣ Минувшаго на Чужой Сторонѣ", № 4). Страстный тонъ, свойственный этому историку - публицисту, въ соединеніи съ тѣми политическими тенденціями, выразителемъ которыхъ онъ является въ послѣднее время, сильно помѣшали объективности его сужденій. Его цѣль — доказать, что въ своей книгѣ я — не историкъ, а политикъ, — притомъ политикъ, перемѣнившій позицію и пытающійся скрыть отъ читателя свое политическое прошлое. Я, дѣйствительно, не хотѣлъ занимать своей личностью читателя (даже въ той мѣрѣ, въ какой считалъ это необходимымъ для американцевъ) и, дѣйствительно, хотѣлъ стать выше временныхъ настроеній и мѣняющихся тактическихъ задачъ. Не мнѣ судить, въ какой степени мнѣ это удалось. Но критеріемъ удачи или неудачи служитъ соотвѣтствіе изложенія и выводовъ фактамъ, — а я все время старался говорить языкомъ фактовъ. Въ этой области С. П. Мельгуновъ смогъ указать только мелкія и второстепенныя "неточности", которыя, если и признать ихъ таковыми, ровно ничего не мѣняютъ въ общей картинѣ.

Иной характеръ имѣетъ рецензія С. Н. Прокоповича (главнымъ образомъ на экономическую часть этого сочиненія: третій томъ русскаго изданія). Эта рецензія тоже довольно строга ко мнѣ; но за этого рода строгость я могу только быть благодаренъ. Не со всѣми замѣчаніями критика я могу согласиться; но во всякомъ случаѣ всѣ его компетентныя указанія и поправки будутъ приняты во вниманіе при пересмотрѣ матеріала третьяго тома.

Особенность русскаго изданія, кромѣ значительно расширенныхъ размѣровъ текста, потребовавшаго, вмѣсто двухъ томовъ нѣмецкаго изданія, цѣлыхъ три тома, это — присоединеніе къ тексту подстрочныхъ ссылокъ на источники. Эта работа была довольно сложна, такъ какъ многіе источники, послужившіе мнѣ для текста 1922 г., не находятся болѣе подъ руками. Но я уже сказалъ, что отъ этого первоначальнаго текста въ настоящемъ изданіи почти ничего не осталось; настоящую работу, какъ и нѣмецкое изданіе, я вправѣ трак-

товать, какъ совершенно новое сочиненіе. Тѣмъ не менѣе, ссылки на источники и литературу иногда имѣютъ у меня значеніе оправданія или контроля того, что и независимо отъ нихъ было мной изложено по моимъ рукописнымъ записямъ или многочисленнымъ вырѣзкамъ изъ повременныхъ изданій. Сюда относятся и нѣкоторыя "неточности", указанныя г. Мельгуновымъ и находящія оправданіе въ данныхъ указаннаго характера, которыя я не всегда могъ документировать подсрочными ссылками. Немотивированныя "неточности" едва ли имѣются въ моей работѣ. Не слѣдуетъ также заключать изъ отсутствія указанія на тотъ или другой печатный источникъ, что онъ остался мнѣ неизвѣстенъ. Мои ссылки не претендуютъ на библіографическую полноту. Онѣ имѣютъ цѣлью лишь указать читателю на главное, что существуетъ въ литературѣ по затронутымъ въ книгѣ вопросамъ, или на то специальное, что послужило лично мнѣ для составленія изложенія. Извѣстнаго элемента случайности я при этомъ отрицать не могу. Съ упреками въ неполнотѣ заранѣе готовъ согласиться. Особенно сожалѣю я, что не могъ, по условіямъ работы, въ достаточной мѣрѣ использовать обширной совѣтской литературы, — хотя и прилагалъ къ этому посильныя старанія. По мѣсту работы мнѣ не были также доступны обильныя хранилища русскаго матеріала, относящагося къ описываемому періоду, накопленныя въ Прагѣ; я могъ пользоваться лишь тѣмъ, что можно достать въ Парижѣ, — въ особенности въ богатомъ собраніи Musée de la guerre (въ Vincennes) хранителю восточнаго отдѣленія котораго, M-r Lerat приношу здѣсь мою искреннюю благодарность. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что и въ настоящемъ видѣ мои ссылки на источники и литературу сослужатъ службу читателямъ и будущимъ изслѣдователямъ.

Выпуская въ свѣтъ русское изданіе книги, я вновь повторяю — и этому своему заявленію я придаю особенное значеніе, — что хотѣлъ смотрѣть на событія глазами историка, а не политика. Если гдѣ-нибудь въ этихъ событіяхъ проявлялась моя личная роль (я вовсе не склоненъ ее преувеличивать), — и она, конечно, подлежитъ сужденію историка. И даже та переоцѣнка нѣкоторыхъ явленій, получившихъ болѣе объективное освѣщеніе въ свѣтѣ исторической перспек-

тивы, — въ которой не то обвиняетъ, не то обличаетъ меня С. П. Мельгуновъ, должна была-бы свидѣтельствовать объ отсутствіи съ моей стороны той слѣпоты и приверженности къ личнымъ увлеченіямъ или заблужденіямъ, которыя мѣшаютъ серьезному историческому изслѣдованію. О томъ, что въ этихъ обличеніяхъ соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не мѣсто говорить здѣсь: объ этомъ лучше говорить тогда, когда придется писать личные мемуары. Но для нихъ — я продолжаю думать — время еще не наступило.

Парижъ, 10 января 1927 г.

Предисловіе

КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ основѣ этой книги лежитъ курсъ лекцій о "русской катастрофѣ", прочтенный мною въ the Lowell Institute въ Бостонѣ (Массачусеттсъ) по приглашенію администраціи этого почтеннаго учрежденія, въ октябрѣ и ноябрѣ 1921 года. Тогда же я переработалъ матеріалъ этихъ лекцій въ форму книги, которая появилась въ началѣ 1922 г. подъ названіемъ Russia to-day and to-morrow, въ изданіи фирмы Макмиллана. Я имѣлъ основаніе говорить тогда въ предисловіи къ этой книгѣ, что въ моментъ ея составленія завершился циклъ событій въ Россіи и передо мной былъ законченный періодъ исторіи. А именно, закончилось, въ извѣстномъ смыслѣ, и "бѣлое", и "красное" движеніе въ Россіи. "Первое", говорилъ я, "закончилось съ потерей послѣдняго клочка антибольшевистской территоріи "бѣлыми" въ Крыму. Послѣднее пришло къ опредѣленному концу въ великомъ русскомъ голодѣ 1921 г. Пораженіе ген. Врангеля ознаменовало собой вырожденіе "бѣлаго" движенія. Голодъ 1921 г. обнаружилъ истощеніе Россіи подъ большевистскимъ управленіемъ. Что бы ни случилось впредь, эти два явленія отмѣтятъ поворотный пунктъ въ исторіи русской революціи".

Мнѣ и теперь не приходится мѣнять своей тогдашней оцѣнки. 1921 годъ дѣйствительно оказался поворотнымъ пунктомъ, и первое четырехлѣтіе большевистскаго господства стоитъ передъ нами въ законченномъ видѣ. Его характерныя черты стали теперь, по контрасту, еще яснѣе. Это — періодъ разрушенія и "грабежа награбленнаго", по формулѣ Ленина, періодъ "военнаго" или "интегральнаго коммунизма", какъ

— съ оттѣнкомъ пренебреженія — называютъ его теперь сами большевики, періодъ гражданской войны внутри и полной изоляціи совѣтской власти извнѣ. Но съ тѣхъ поръ прошло еще второе четырехлѣтіе, 1922 - 1925. Этотъ послѣдній періодъ еще нельзя назвать столь же законченнымъ, какъ первый. Но онъ, несомнѣнно, носитъ отличительныя черты, — и притомъ отчасти противоположныя нервому.Дойдя въ своей попыткѣ создать натуральный обмѣнъ услугъ между государствомъ и подданными до полнаго истощенія всѣхъ старыхъ запасовъ и до зкономическаго банкротства, которое грозило немедленнымъ крушеніемъ ихъ власти, большевики попытались выхлопотать себѣ отсрочку у исторіи, путемъ измѣны всѣмъ своимъ принципамъ. Они сдѣлали уступки, постепенно расширявшіяся, капиталистическому строю; и хотя они не провели зтихъ уступокъ послѣдовательно, а все время возвращались назадъ, къ своимъ принципамъ, въ значительной степени иарализуя послѣдствія важныхъ измѣненій, ими же допущенныхъ, тѣмъ не менѣе, необходимо признать, что періодъ голаго разрушенія и простого потребленія запасовъ, безъ всякаго новаго производства, кончился въ 1921 году.

Внутри Россіи начался конструктивный процессъ, — правда, не столько со стороны самого совѣтскаго правительства, сколько со стороны получившаго хоть маленькую возможность дышать населенія. Населеніе ободрилось и постепенно переходитъ отъ полной подавленности и отъ безпрекословнаго повиновенія терроризировавшей его власти къ коллективному сопротивленію, сперва пассивному, а потомъ и активному, — сперва на чисто экономической почвѣ, а потомъ и на политической.

Этотъ новый характеръ второго четырехлѣтія не засталъ меня врасплохъ. Я уже предвидѣлъ зту перемѣну, дѣлая характеристику перваго закончившагося четырехлѣтія 1918-1921 г. г. Въ томъ же предисловіи я писалъ, что надо различать между отрицательной и положительной сторонами революціоннаго процесса, между его преходящими и временными фазами — и его постояннымъ внутреннимъ значеніемъ. "Рисуя разрушительную сторону революціи", говорилъ я, "я не хотѣлъ бы, чтобы и конструктивная сторона революціи была упущена изъ виду. Мы присутствуемъ при рожденіи русской демократіи, среди развалинъ прошлаго, которое ни-

когда не вернется. Не слѣдуетъ проявлять нетерпѣнія по отношенію къ большому и сложному революціонному процессу, который въ другихъ странахъ требовалъ десятилѣтій, если не столѣтій, для своего завершенія".

Я радъ констатировать, что ходъ событій подтвердилъ эту точку зрѣнія на ходъ русской революціи. Процессы, о которыхъ я говорилъ — и которые нелегко было замѣтить въ тѣ первые четыре года, стали теперь видны и для невооруженнаго взгляда. Послѣ мрачной картины сплошного разрушенія мы получили — если еще не мирную картину созиданія, то картину дѣятельной борьбы между созидательными и разрушительными началами, съ несомнѣннымъ перевѣсомъ на сторонѣ первыхъ. Совѣтская власть, какъ читатель увидитъ въ этой книгѣ, все еще цѣпляется за свои первоначальныя утопическія позиціи; и въ этомъ отношеніи остаются правы тѣ, кто не вѣрилъ и не вѣритъ въ возможность эволюціи совѣтской власти. Такъ же неисправима оставалась до конца и пережившая себя власть старой монархіи — съ тѣмъ результатомъ, который мы всѣ знаемъ: съ крушеніемъ стараго строя въ острой революціонной формѣ. Но съ другой стороны, фактъ эволюціи на-лицо, и отрицать его больше нельзя. Эволюціонируетъ въ Россіи сама жизнь, вопреки усиліямъ власти задержать ея теченіе.

Я не думаю, чтобы такую точку зрѣнія на событія, совершившіяся въ Россіи въ теченіе послѣдняго четырехлѣтія, можно было назвать пристрастной или партійной, или, тѣмъ болѣе, примирительной по отношенію къ большевикамъ. Но я долженъ предупредить нѣмецкаго читателя, что далеко не всѣ русскіе раздѣляютъ ее и что въ эмигрантской русской средѣ она служитъ признакомъ опредѣленнаго политическаго направленія, именно республиканско - демократическаго, выразителемъ котораго я считаюсь. Другія теченія все еще цѣпляются за отжившіе методы "бѣлаго движенія". Они склонны считать русскій народъ "преступнымъ" и "грѣшнымъ" народомъ, а будущность Россіи или вовсе безнадежной или могущей быть исправленной лишь путемъ насильственнаго дѣйствія извнѣ Россіи со стороны самой эмиграціи быть можетъ, вспомоществуемой тѣми или другими иностранными державами — или даже ихъ коалиціей. Прибавлю еще, что разсчетъ на такой исходъ фактически связанъ съ

возможнымъ торжествомъ монархическихъ и классовыхъ землевладѣльческихъ тенденцій, раздѣляемыхъ большинствомъ русской эмиграціи, которая похожа въ этомъ отношеніи на эмиграцію всѣхъ революцій. Я лично и мои единомышленники — льщу себя увѣренностью, что число ихъ растетъ — заняли по отношенію къ этимъ прогнозамъ и перспективамъ рѣзко - отрицательную и политически - боевую позицію. Но, повторяю, я не считаю, что именно этой политической позиціей опредѣляется мой взглядъ на событія. Скорѣе наоборотъ, сама позиція опредѣлена моимъ взглядомъ, какъ историка. Историкъ, а не политикъ преобладаетъ въ этой книгѣ.

Послѣ всего сказаннаго естественно, что получивъ предложеніе моего издателя — дать книгу этого содержанія нѣмецкому читателю, — я рѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, чтобы совершенно переработать мою американскую книгу, подтвердивъ мой взглядъ на первое четырехлѣтіе совѣтской власти характеристикой второго. Какъ сказано, мнѣ не понадобилось измѣнять духа и направленія книги. Но самый текстъ сплошь пересмотрѣнъ и передѣланъ. При этомъ утилизированъ обширный матеріалъ, появившійся въ печати съ того времени и касающійся не только второго, но и перваго четырехлѣтія. Многія части прежней книги вновь составлены на основаніи этого новаго матеріала. Нечего и говорить, что въ книгѣ впервые появляется весь матеріалъ, характеризующій второе четырехлѣтіе. Въ результатѣ, несмотря на рядъ сокращеній и на то, что я совершенно опустилъ послѣднюю главу американской книги, не связанную съ ея основнымъ содержаніемъ, размѣры моей работы выросли почти вдвое. Книга такъ разрослась, что пришлось раздѣлить ее на два тома. Поэтому я считаю себя вправѣ смотрѣть на эту книгу, какъ на совершенно новое произведеніе, и даю ей иное заглавіе.

Отдавая мою работу на судъ читателя и критика, я хотѣлъ бы, чтобы ее судили не по количеству сообщаемыхъ въ ней фактовъ — это количество можно бы было увеличить до безконечности —, но по степени правильности выбора и сопоставленія этихъ фактовъ и степени ихъ доказательности для вытекающихъ изъ нихъ выводовъ. Быть можетъ, найдутъ, что для этой цѣли подобранныхъ мною фактовъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Въ свою защиту

скажу лишь, что мнѣ приходилось все время имѣть дѣло съ положеніями, продолжающими вызывать самые горячіе споры. Въ виду этого было особенно важно заставить говорить факты самимъ за себя — и въ этомъ искать доказательствъ объективности выводовъ. Тѣ, кто пойдетъ по тѣмъ же путямъ позднѣе, смогутъ пройти ихъ быстрѣе — или, наоборотъ, задержаться на темахъ отдѣльныхъ главъ, сдѣлавъ ихъ предметомъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ. Мнѣ, при теперешнемъ состояніи литературы предмета, приходилось соединять и то, и другое: доказательность и возможную общедоступность.

Я не присоединилъ библіографическаго списка по той причинѣ, что большая часть использованной мною литературы не имѣется на нѣмецкомъ и вообще на иностранныхъ языкахъ, а — только на русскомъ. Наиболѣе необходимыя ссылки на мои источники читатель найдетъ въ разныхъ мѣстахъ книги.

Парижъ, 10 іюля 1925 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ ВЗЯЛИ ВЕРХЪ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ УДЕРЖАЛИСЬ У ВЛАСТИ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ И СОВѢТСКОЕ СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО (С. С. С. Р.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОВѢТСКАЯ ДИПЛОМАТІЯ И ТРЕТІЙ ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Почему революція была неизбѣжна?

1.

Неискренность уступки со стороны царя и царицы. — Политическая и соціальная задача революціи. — Союзъ самодержавія съ дворяиствомъ и разгонъ двухъ первыхъ Думъ. — Измѣненіе избирательнаго закона.— Ограниченность правъ Думы. — Роль Государственнаго Совѣта. — Революціоная роль Думы перевѣшиваетъ творческую.

Революціи становятся неизбѣжны, когда имѣется налицо нѣсколько условій, совпадающихъ во времени, а именно: 1, когда ощущается массой настоятельная потребность въ крупной политической или соціальной реформѣ — такой, какъ ограниченіе самодержавія или передача земли крестьянамъ, 2, когда власть противится мирному разрѣшенію этой назрѣвшей потребности, 3, когда въ силу внутренней смуты, культурныхъ перемѣнъ или внѣшней военной неудачи эта власть теряетъ способность принудительно дѣйствовать и 4, когда не только перестаютъ бояться власти, но начинаютъ даже презирать ее и открыто смѣяться надъ нею.

Наступленіе перваго условія въ исторіи Россіи было отмѣчено еще Сперанскимъ во «Введеніи къ уложенію законовъ». Оно подтверждено — почти въ тѣхъ же выраженіяхъ — во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте при опубликованіи манифеста 17 октября 1905 года.Второе условіе наступило тогда же.*)

*) **Сперанскій:** «каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ степень гражданскаго образованія, онъ ниспровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ». **Витте:** «Корни волненія въ нарушенномъ равновѣсіи... Россія переросла форму существующаго строя и стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы».

Осуществленіе третьяго и четвертаго условій есть дѣло царствованія имп. Николая II. Въ этой вступительной главѣ мы должны будемъ прослѣдить, какимъ образомъ два послѣднія условія соединились съ двумя первыми, чтобы произвести неизбѣжный результатъ: сперва пробную революцію 1905 г., а затѣмъ и окончательную, настоящую революцію 1917 года, послѣдствія которой составляютъ предметъ изложенія этой книги.

Почти четверть вѣка тому назадъ, въ 1903 - 1904 г. г. мнѣ пришлось читать передъ американской аулиторіей лекціи на тему о "Русскомъ Кризисѣ". *) Русскій кризисъ тогда только наступалъ, хотя признаки приближавшейся революціи были настолько ясны, что для внимательнаго наблюдателя было не трудно сыграть роль пророка. Нетрудно было и указать тѣ первыя двѣ причины, по которымъ наступавшій періодъ затяжного политическаго кризиса не могъ быть избѣгнуть. Главной причиной было не одно только затруднительное экономическое положеніе, а, главнымъ образомъ, неспособность верховной власти и ея совѣтниковъ понять необходимость обновленія политическаго и соціальнаго строя Россіи. Въ моей книгѣ было указано, какъ въ теченіе болѣе столѣтія передъ первой русской революціей 1905 года верховная власть перешла къ системѣ самозащиты, тормазившей внутреннее развитіе страны и вызывавшей чувства недовольства и раздраженія, распространявшіяся на все болѣе и болѣе широкіе соціальные круги.

Наконецъ, эта революція произошла. Испуганный царь Николай II въ моментъ паники подписалъ знаменитый манифестъ 17 октября 1917 года. На моментъ казалось, что отъ этой уступки можно будетъ повести начало свободной политической жизни въ Россіи и правильнаго функціонированія народнаго представительства. Но моментъ иллюзіи быстро прошелъ. Уже неполнота и несовершенство самаго манифеста показывали, что уступка царя неискренна, а послѣдовавшія немедленно вслѣдъ за тѣмъ событія не оставили въ этомъ никакого сомнѣнія. Опубликованная теперь переписка имп. Николая съ его супругой Александрой Федоровной показываетъ, что царь всегда, даже

---

*) Лекціи эти въ обработанномъ видѣ изданы Chicago University Press: The Russian Crisis,1905. Имѣется французскій переводъ:La crise Russe, trad. Marie Petite, Ed. Librairie Nouvelle Paris, 1907, съ дополнительной главой о событіяхъ 1905 - 1906 гг.

и въ самый моментъ уступки, смотрѣлъ на свою власть, какъ смотрѣли многіе неограниченные монархи, сдѣлавшіеся жертвами народныхъ революцій: онъ считалъ, что, какъ монархъ "Божіей милостію", онъ не имѣетъ права ограничивать свою власть, а долженъ передать ее въ неумаленномъ видѣ своему наслѣднику. Царица всей силой воли поддерживала въ немъ это убѣжденіе *). Ни о какой "конституціи" или "хартіи" при такой точкѣ зрѣнія не могло быть и рѣчи. И, если манифестъ 17 октября, а затѣмъ и изданные 27 апрѣля 1906 года "основные законы" все же заключали въ себѣ нѣкоторые элементы конституціоннаго строя, то признаться въ этомъ оффиціально царь никогда не хотѣлъ, а его правительство не имѣло никакой возможности.

Эта основная двусмысленность провела грань сперва между царемъ и образованнымъ русскимъ обществомъ, а потомъ, когда сказались практическія послѣдствія борьбы за сохраненіе самодержавія, грань эта прошла и между царемъ и русскимъ народомъ.

Чтобы перевести борьбу изъ стадіи первоначальнаго конфликта между царемъ и верхами русскаго общества въ окончательный конфликтъ между царемъ и народомъ, нужно было присоединить къ *политическому* мотиву — борьбѣ за ограниченіе самодержавнаго абсолютизма еще и мотивъ *соціальный*, понятный

---

*) Многочисленныя указанія на мнѣніе императрицы Александры Федоровны о неограниченности власти монарха можно найти въ ея «Письмахъ» (изданіе «Слова», Берлинъ, 1922), — напр. (ссылаюсь на англійскій текстъ) т. I, 424, 438, 446, 455, 462, 467, 470, 473, 476 (never forget thst you sre snd muat remain authocratie imperor — we are not ready for a conatitutional governement, Nicholas (Николаевичъ) fsult snd Wittés it was that the Duma exists), 486 (Russia, thank God, is not s conatitutional conntry), 490, 503, 513 (you are Lord snd Master in Russia, remember thst), 521, 526 (you sre the Lord snd Master in Russia snd God allmighty placed you there), 529, 555 и т. д. Отсюда же видно, въ какой степени эта идеологія укрѣплялась постояннымъ вліяніемъ „Our friend", т. е. Распутина. Намекъ на соотвѣтственныя «мысленныя оговорки», при опубликованіи манифеста 17 октября и при отреченіи Николая II отъ престола я нахожу въ письмахъ императрицы, въ дни февральской революціи, опубликованныхъ въ «Красномъ Архивѣ». «Если тебя принудятъ къ уступкамъ, то ты ни въ какомъ случаѣ не обязанъ ихъ исполнять». «Такое обѣщаніе не будетъ имѣть никакой силы, когда власть будетъ снова въ твоихъ рукахъ». «Я знаю, что ты не могъ подписать противнаго тому, въ чемъ ты клялся на своей коронаціи (т. е. передать наслѣдство неумаленнымъ сыну?)... Ты спасъ царство твоего сына и свою святую чистоту». Это пишется по полученіи извѣстія объ отреченіи царя въ пользу Михаила. Выводъ отсюда одинъ: отказъ за сына умышленно фиктивенъ и «не будетъ имѣть никакой силы». См. мою статью: «Послѣдніе совѣты царицы», «Посл. Новости», 23 февр. 1924 г.

всей народной массѣ. Это осложненіе произошло тогда же, въ періодъ первой революціи и первыхъ уступокъ, въ 1905 - 6 г. г. Первое народное представительство поставило на первую очередь, вмѣстѣ съ борьбой за расширеніе своихъ правъ, — борьбу за расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ передачи крестьянству большей части земли, находившейся въ собственности государства и помѣщиковъ. Достаточно было дать такую постановку аграрнаго вопроса, чтобы, съ одной стороны, вовлечь въ конституціонную борьбу широкія народныя массы, а съ другой—отбросить все землевладѣльческое сословіе, составлявшее въ то время единственный въ Россіи правящій классъ, къ союзу съ самодержавной властью. Судьба перваго русскаго представительства, какъ извѣстно, была рѣшена еще до его созыва, — какъ только слухи о возможности радикальной постановки аграрнаго вопроса дошли до власти.

Справиться съ политической стороной первой русской революціи для правительства оказалось нетрудно. Тотъ же графъ Витте, который добился отъ царя опубликованія октябрьскаго манифеста, помогъ Николаю II избавиться отъ его ближайшихъ послѣдствій. Для этого надо было какъ можно скорѣй покончить съ неудачной войной, которая создала возможность революціоннаго взрыва, вернуть въ Россію съ полей Манчжуріи русскія войска, отсутствіе которыхъ заставило царя подписать манифестъ, и, наконецъ, дать правительству, путемъ заключенія иностраннаго займа, возможность обойтись на первыхъ порахъ безъ согласія народнаго представительства на бюджетъ, въ случаѣ если оно проявитъ строптивость. Все это: миръ, войско и деньги гр. Витте обезпечилъ царю къ моменту созыва первой государственной думы *). Но этотъ наиболѣе выдающійся изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей послѣ Сперанскаго понималъ, что такимъ образомъ создается только отсрочка, которою необходимо воспользоваться для окончательнаго урегулированія политическаго конфликта. Не менѣе ясно онъ понималъ, что надо спѣшно разрѣшить основной соціальный вопросъ Россіи — вопросъ о передачѣ земли крестьянамъ.

---

*) Гр. Внтте такъ именно поннмалъ н самъ свою услугу, оказанную самодержавію. См. напнсанную мною по сообщеннымъ имъ даннымъ, біографію въ Словарѣ Гранатъ, а также (менѣе отчетлнво) и его «Воспоминанія», нзданныя «Словомъ» (Берл. 1922): напр., пнсьмо государю объ отставкѣ II, 294.

Но *политическій* вопросъ нельзя было разрѣшить, не нарушая интересовъ самодержавія. *Соціальный* вопросъ нельзя было разрѣшить, не нарушая интересовъ дворянства. Вотъ почему Витте сталъ сразу ненавистенъ и самодержцу, и дворянамъ — и скрѣпилъ своей дѣятельностью ихъ союзъ. Когда соперникъ Витте, Горемыкинъ, заявилъ въ засѣданіи совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ государя, что Дума должна быть разогнана, какъ только она коснется аграрнаго вопроса, Витте понялъ, что его роль кончена и что Россіи не миновать на этомъ пути второй революціи. Онъ ушелъ. *)

Нужно было пройти цѣлому десятилѣтію русскаго "лжеконституціонализма", чтобы всѣ поняли, что правъ былъ въ этой затѣянной царемъ и правительствомъ послѣдней борьбѣ всетаки Витте,а не его постоянный соперникъ. На первыхъ порахъ казалось, что правительство побѣдило и что побѣда его полная. Помогла тутъ правительству сама русская революціонная интеллигенція. Тщетно русскіе конституціоналисты убѣждали ее держаться въ рамкахъ парламентской борьбы, не апеллируя къ народу, еще совершенно неподготовленному, чтобы отвѣтить на этотъ призывъ. На этомъ самомъ спорѣ — о методахъ борьбы съ самодержавіемъ — единый до октябрьскаго манифеста общественный фронтъ преждевременно распался. Попытка *революціонной* части общественности рѣшить споръ московскими баррикадами (декабрь 1905 года) была, какъ и нужно было предвидѣть, раздавлена; а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала стоять угрозой надъ правительствомъ и *конституціонная* часть общественности. Дѣло первой государственной думы было, собственно говоря, проиграно еще раньше, чѣмъ она собралась. Если, всетаки, выборы въ Думу состоялись на основѣ довольно либеральнаго избирательнаго закона 11 декабря, то это только потому, что правительство разсчитывало получить на этихъ выборахъ — такъ увѣрялъ и Витте — послушное правительству "сѣренькое" крестьянское большинство. Какъ извѣстно, большинство по закону 11 декабря было раздѣлено между крестьянствомъ (43%) и дворянствомъ (34%), и никто не ожидалъ, что дума выйдетъ "кадетская" и будетъ проводить радикальную аграрную реформу.

---

*) Этотъ знаменательный моментъ Витте отмѣтилъ въ своемъ письмѣ государю 14 апрѣля 1906 г. объ отставкѣ. Значеніе этого рѣшенія онъ не разъ подчеркиваетъ въ «Воспоминаніяхъ» (II, 295,313,317).

Нужно ли прибавлять, что и при основной двусмысленности политическаго положенія, и при такомъ распредѣленіи главныхъ соціальныхъ силъ, правительство и не думало сдаваться. Даже и потерявъ надежду получить послушное крестьянско - помѣщичье большинство, оно вовсе не желало искать мирнаго исхода? Такой исходъ могло бы дать созданіе правительства изъ думскаго большинства, и это правительство, конечно, было бы не революціоннымъ, а конституціоннымъ. Но сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки были слишкомъ несерьезны и свидѣтельствовали лишь о желаніи прикрыть популярными именами правительственную побѣду. Общественные дѣятели на это не пошли, и побѣду самодержавія и дворянства затушевать передъ народомъ не удалось *). Странѣ было ясно, кто побѣдилъ. Кому это не было ясно въ 1907 году, тѣмъ стало ясно въ дальнѣйшемъ.

Побѣда правительства прежде всего была закрѣплена, по прямому требованію дворянства, новымъ избирательнымъ "положеніемъ", которое никакъ нельзя назвать "закономъ". Положеніе 3 іюня 1907 года формально перенесло большинство въ государственной думѣ отъ крестьянства и отъ демократическихъ партій на старый правительственный классъ. Здѣсь въ болѣе крупныхъ размѣрахъ произошло то - же, что сдѣлалъ въ началѣ 1890-хъ годовъ министръ гр. Д. А. Толстой съ избирательнымъ закономъ въ земство. Такъ какъ земская реформа 1864 года дала органамъ мѣстнаго самоуправленія слишкомъ либеральный составъ, который, по вѣрному замѣчанію Витте, противорѣчилъ самодержавно - бюрократической структурѣ центральнаго управленія, и такъ какъ правительство не хотѣло перестраивать верхняго этажа государственнаго зданія въ стилѣ

---

*) Подробный разсказъ о попыткахъ переговоровъ правительства съ общественными дѣятелями см. въ воспоминаніяхъ Д. Н. Шипова и въ моей брошюрѣ «Три попытки» (Парижъ, 1921. Изд. Фр.-русская печать). Рѣзкое, но справедливое сужденіе объ этихъ попыткахъ высказалъ покойный гр. П. А. Гейденъ, выразившійся, что тутъ общественные дѣятели приглашались на роль «мнимыхъ дѣтей при дамахъ демимонда». Особенно ясна неискренность П. А. Столыпина, ведшаго переговоры по приказанію Николая, но, очевидно, заинтересованнаго въ томъ, чтобы они не удались. До какой степени извращались слухи объ этихъ переговорахъ въ кругахъ, близкихъ къ правительственнымъ, видно, напр., изъ записокъ Половцева («Красный Архивъ»), гдѣ мнѣ приписываются небывалые переговоры съ гр. Потоцкимъ и невѣроятная фраза, будто бы мной сказанная и совершенно раздражившая императора: «хоть день, да мой»!

нижняго этажа (для этого пришлось бы дать конституцію), то нижній этажъ былъ перестроенъ по типу верхняго. Власть въ деревнѣ получили тѣ "130.000 помѣщиковъ", которыхъ еще Николай I называлъ своими "полицеймейстерами" и которые стремились къ этой власти со времени крестьянскаго освобожденія. Теперь, положеніемъ 3 іюня, къ этому нижнему этажу былъ въ свою очередь приспособленъ и верхній этажъ. Реакціонная организація "объединеннаго дворянства" давно уже выставила свой избирательный контръ - проектъ закону 11 декабря. Но ей не удалось провести его тотчасъ послѣ разгона государственной думы. Тогда дворянство, въ лицѣ крайнихъ правыхъ политическихъ партій, пошло на форменную осаду второй думы. Эта послѣдняя, хотя и оказалась въ большинствѣ соціалистической, но именно поэтому, чувствуя свою хрупкость, проявляла сугубую осторожность. Здѣсь не мѣсто разсказывать, какъ ловили и на чемъ поймали эту думу. Достаточно сказать, что въ этой охотѣ правительство не соблюло даже и минимальныхъ формъ политическаго приличія. Церемониться было не съ кѣмъ. Дума была разогнана, какъ только въ совѣщаніяхъ правыхъ заговорщиковъ былъ готовъ новый избирательный проектъ, долженствовавшій въ угоду дворянству замѣнить законъ 11 декабря. По этому проекту процентъ дворянскихъ представителей въ думѣ увеличивался съ 34 до 51%, а процентъ крестьянъ былъ уменьшенъ съ 43 до 22,4 (остальная часть думы по прежнему состояла изъ горожанъ — 24,2% вмѣсто 23 — и рабочихъ — 2,3% вмѣсто 3,4%): Чтобы сохранить твердость и неподвижность этихъ пропорцій, пришлось раздѣлить избирателей по соотвѣтственнымъ куріямъ; а чтобы обезпечить внутри курій перевѣсъ за политически - благонадежными и за соціально - сильными, введена была многоэтажная система выборовъ, причемъ рабочіе и крестьяне выбирались въ высшихъ инстанціяхъ въ общихъ съ другими выборщиками собраніяхъ, гдѣ преобладали дворяне и купечество. Когда-то Бисмаркъ назвалъ старую прусскую куріальную систему выборовъ "худшей изъ избирательныхъ системъ". Онъ не предвидѣлъ, что можетъ быть еще худшая, — основанная на утрировкѣ тѣхъ же худыхъ принциповъ, — система «положенія 3 іюня». Конечно, такую систему можно было провести только волей самодержавной власти, съ прямымъ нарушеніемъ новыхъ основныхъ законовъ 1917 года, по которымъ

всѣ измѣненія избирательнаго закона должны были проходить черезъ думу. Это былъ форменный государственный переворотъ.

О другихъ ограниченіяхъ правъ народныхъ представителей — въ самой государственной думѣ — позаботились уже сами эти основные законы. Недаромъ при ихъ дѣйствіи вся система народнаго представительства 1907 - 1917 г. получила названіе "лжеконституціонализма". Государственная Дума получила право бюджета. Но какъ было урѣзано это право! Всѣ расходы, производившіеся до 1905 года, были "забронированы" отъ усмотрѣнія думы. Вдвойнѣ были забронированы расходы на дворъ и на императорскую фамилію. По бюджету 1905 года забронированная, неприкосновенная для думы часть составляла почти половину (47%) всего бюджета. Но и изъ остальной половины, незабронированной (53%), расходы по государственному хозяйству (которые нельзя ввести въ опредѣленную сумму въ началѣ года и которые составляютъ главную составную часть расхода), тоже были изъяты изъ распоряженія думы. Если бы дума рѣшила отказать въ какомъ - нибудь расходѣ незабронированномъ, но существовавшемъ въ предыдущемъ году, то ея отказъ лишь возстановлялъ автоматически ассигновку предыдущаго года. Только совершенно новые расходы могли быть вычеркнуты думой реально. Затѣмъ, всѣ расходы на войну, на подготовку къ войнѣ и вообще на спѣшныя нужды проходили мимо думы. Поэтому - то въ годы войны чрезвычайный бюджетъ (проходившій сверхъ смѣты), выросъ настолько, что сравнительно съ нимъ обыкновенный бюджетъ потерялъ всякое значеніе. Думу не спрашивали также при заключеніи торговыхъ договоровъ, при выдачѣ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ, при опредѣленіи подробностей иностранныхъ займовъ, тарифовъ и т. д.

Законодательная власть думы также должна была считаться съ забронировкой областей, спеціально опекаемыхъ правительствомъ. Сюда относилось, прежде всего, военное законодательство — область, въ которой правительство особенно усердно охраняло прерогативу верховной власти и изъ - за которой у него вышелъ первый острый конфликтъ съ государственной думой. Оспаривалось и право думы законодательствовать въ церковныхъ вопросахъ, хотя дума не простирала своихъ требованій дальше того, что и ранѣе принадлежало не церкви, а государственной

власти. Но особенно чувствительно дума относилась къ ограниченію ея законодательныхъ правъ — правомъ правительства законодательствовать въ чрезвычайномъ порядкѣ спѣшности (87-я статья), во время отсутствія думы. Такими чрезвычайными распоряженіями правительства былъ разрѣшенъ аграрный вопросъ. Въ томъ же порядкѣ Столыпинъ нарочно распустилъ думу на три дня, чтобы провести спеціальный законъ, съ которымъ не хотѣла согласиться верхняя палата, Государственный Совѣтъ.

Наконецъ, и права думы въ области контроля надъ администраціей, т. е. тамъ, гдѣ отношенія были особенно ненормальны, оказались совершенно иллюзорными. Не говоря уже о томъ, что правительство не обязано было отвѣчать на запросы и вопросы думы раньше истеченія мѣсяца, въ теченіе котораго значительная часть этихъ запросовъ теряла всякій актуальный интересъ,—даже если дума добивалась отвѣта правительства и находила его неудовлетворительнымъ,—изъ этого не вытекало ровно никакихъ политическихъ послѣдствій. Не только министръ, получившій вотумъ недовѣрія думы, не уходилъ въ отставку, но иногда, напротивъ, именно недовѣріе думы и укрѣпляло довѣріе верховной власти къ министру. Антагонизмъ между властью и страной при этомъ условіи не только не смягчался народнымъ представительствомъ, но, напротивъ, достигалъ особенной остроты.

Но и послѣ того, какъ всѣ упомянутыя трудности и препятствія были преодолѣны, оставалось еще одно и самое важное: сопротивленіе государственнаго совѣта. Половина его членовъ назначалась царемъ изъ отставныхъ сановниковъ, и вмѣстѣ съ административной и законодательной опытностью они приносили съ собой на спокойныя бархатныя кресла Маріинскаго дворца также и отжившую правительственную идеологію и, въ особенности, чиновничье послушаніе послѣднему приказанію власти. Въ случаѣ малѣйшаго проявленія ихъ независимости у правительства всегда оставался способъ усмирить строптиваго члена: его просто при новогоднемъ пересмотрѣ вычеркивали изъ списка членовъ совѣта. Но и выборная половина членовъ совѣта была не многимъ лучше. Изъ 98 выборныхъ членовъ 68 прямо или косвенно представляли дворянство, что, съ прибавкой шести іерарховъ церкви, уже составляло солидное большинство 74-хъ противъ скромной цифры 12-ти представителей торгово-про-

мышленнаго класса, гдѣ иногда попадались либералы, и шести представителей академіи и университетовъ, изображавшихъ крайній лѣвый флангъ верхней палаты. Для такого состава даже многіе министры были черезчуръ либеральны. Ни одинъ законъ, отъ котораго нѣсколько отзывало «духомъ 17-го октября», не имѣлъ ни малѣйшаго шанса пройти черезъ эти государственныя тѣснины. Единственный законопроектъ этого рода, пропущенный верхней палатой, — законъ о вѣротерпимости, — не удостоился одобренія государя. Все органическое законодательство, вытекавшее изъ октябрьскаго манифеста, было, такимъ образомъ, безнадежно заторможено въ "пробкѣ" государственнаго совѣта. За то желательные для правительства и націоналистическаго большинства думы законопроекты проходили съ быстротою экспресса.

При такихъ условіяхъ, немудрено, что практика нашего псевдоконституціоннаго строя за десять лѣтъ его существованія свелась къ саботажу законодательства и къ прогрессировавшему обостренію взаимоотношеній съ властью. Это обостреніе особенно стало чувствоваться, когда — въ концѣ этого періода — вновь проявилась неизмѣнная тенденція верховной власти покончить даже съ такой скромной конституціей, урѣзавъ еще больше права думы на практикѣ и сведя ее къ роли законосовѣщательнаго учрежденія. Между тѣмъ, въ той неизбѣжной борьбѣ, которая отсюда послѣдовала, дума вовсе не была безсильна. Въ глазахъ страны дума имѣла авторитетъ уже потому, что ея публичныя засѣданія были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ раздавалась свободная нецензурованная рѣчь и гдѣ громко разоблачались темныя стороны режима. Имена разоблачителей, преимущественно изъ рядовъ оппозиціи, становились широко извѣстны въ странѣ. Къ ихъ рѣчамъ особенно прислушивались. Общество привыкло къ гласному обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ бюджета, военно - морскаго дѣла, внѣшней политики, школы и церкви и т. д. Пренія въ государственной думѣ по всѣмъ этимъ вопросамъ сняли покровъ тайны и неприкосновенности съ вопросовъ высшей государственной политики. И вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаружили крайнюю скудость правительственной мысли въ этихъ областяхъ и тѣмъ широко популяризировали критику оппозиціи. Въ то самое время, какъ *созидательная* дѣятельность народнаго представительства была почти парализована скрытой

борьбой сторонниковъ стараго самодержавія противъ правъ думы, ея *критическая* роль, какъ « народной трибуны », выдвинулась на первое мѣсто. Дума не создала новой революціи: для этого она была слишкомъ лояльна и умѣренна. Но она и не отвратила опасности этой революціи. Напротивъ, она ее значительно усилила. Дума сдѣлалась какъ бы аккумуляторомъ общественнаго недовольства и могущественнымъ рупоромъ, черезъ который глухое и безформенное чувство недовольства и раздраженія возвращалось народу въ видѣ политически осознанныхъ, опредѣленно отчеканенныхъ политическихъ формулъ.

II.

Значеніе внѣшней неудачной войны. — Прогрессивный блокъ и послѣдній шансъ царя. — Подъ вліяніемъ царицы царь отталкиваетъ руку помощи (сентябрь 1915 г.). — Затишье 1916 г. и взрывъ (ноябрь). — Толки о переворотѣ. — Предостереженія предсѣдателя Думы. — Предостереженія великихъ князей. — Предостереженія иностранныхъ дипломатовъ. — Противоположные совѣты крайнихъ правыхъ перевѣшиваютъ. — Стихійность переворота.

Самодержавіе само приблизило собственную катастрофу, а вмѣстѣ съ ней и катастрофу Россіи, забывши, что нельзя вести борьбу одновременно и съ "внутреннимъ" и съ "внѣшнимъ" врагомъ. Умнѣйшіе изъ его защитниковъ, какъ П. Н. Дурново, это хорошо понимали, — и поэтому они предупреждали правительство противъ войны, въ особенности, противъ войны съ такимъ врагомъ, какъ Германія, традиціонная защитница неограниченной монархической власти. Были, правда, другіе консерваторы, которые, напротивъ, видѣли во внѣшней войнѣ способъ укрѣпить власть, отвлекши въ сторону національное недовольство. Но, не говоря о томъ, что этотъ доводъ былъ взятъ не изъ русской исторіи (русская народная масса не проникнута воинственнымъ національизмомъ), тутъ предполагалось, что внѣшняя война будетъ непремѣнно побѣдоносной. А знатоки военнаго дѣла видѣли, что Россія, не успѣвшая еще возстановить своихъ военныхъ силъ послѣ пораженія въ японской войнѣ, едва ли въ состояніи будетъ справиться съ европейскими арміями, находившимися на высотѣ современной военной техники. Въ дѣйствительности, вопросъ о войнѣ рѣшился даже не тѣми или другими политическими соображеніями, а просто стихійнымъ

ходомъ вещей: фактомъ вхожденія Россіи въ одинъ изъ лагерей, на которые раздѣлялась Европа, и традиціонными русскими претензіями на покровительство славянскимъ народностямъ на Балканахъ. По отношенію къ болѣе глубокимъ причинамъ европейскихъ разногласій австро-сербскій конфликтъ былъ, правда, лишь случайнымъ поводомъ конфликта. Тѣмъ легче было бы для русской дипломатіи устранить этотъ поводъ, какъ европейская дипломатія устранила передъ тѣмъ поводъ, созданный конфликтомъ въ Марокко. Она не сумѣла или не смогла сдѣлать этого. Невыгодная для Россіи война возгорѣлась въ самый неудобный для нея моментъ, за два года до окончанія начатыхъ правительствомъ по настоянію союзниковъ вооруженій *).

Для самодержавія эта война сдѣлалась сигналомъ къ его окончательному низверженію. Именно подъ вліяніемъ неудачъ въ войнѣ и созданнаго войной внутренняго положенія в ѣ р о я т н о с т ь приближающейся революціи превратилась мало по малу въ полную д о с т о в ѣ р н о с т ь и н е и з б ѣ ж н о с т ь. Урокъ 1905 года долженъ бы былъ служить въ этомъ отношеніи серьезнымъ предостереженіемъ. Но урокъ этотъ не былъ понятъ. Мы видѣли, что тогда, отчасти благодаря государственному искусству, неожиданно проявленному самоучкой Витте, отчасти вслѣдствіе неподготовленности и неорганизованности русскихъ общественныхъ силъ, правительству удалось совладать съ революціей, разразившейся вслѣдъ за пораженіемъ Россіи въ легкомысленно начатой японской войнѣ. На этотъ разъ, въ 1917 году, въ рядахъ защитниковъ самодержавія не оказалось умныхъ людей, а положеніе было гораздо серьезнѣе. Нельзя и сравнивать того разстройства, экономическаго и финансоваго, которое послѣдовало за напряженіемъ японской войны, съ тѣмъ глубокимъ истощеніемъ и разложеніемъ всего народнаго организма, къ которымъ привела затянувшаяся на долгіе годы міровая война. И въ то самое время, какъ русскій народъ дошелъ до крайней степени физическаго и моральнаго утомленія, силы революціи оказались гораздо болѣе организованными —

*) Напомню брошюру Frobenius, Deutsche Schicksalsstunde, гдѣ такъ и мотивировался выборъ начала войны нашими противниками. Это же заставило форсировать дипломатическое положеніе и Германію, гдѣ были убѣждены, что Россія неготова и не посмѣетъ выступить. См. резюме актовъ, изданныхъ герм. мин. ин. дѣлъ у Kautsky, Wie der Weltkrieg entstand, 64—67.

уже въ результатѣ десятилѣтняго функціонированія народнаго представительства. Со времени 1905 года измѣнилось, какъ видимъ, все кругомъ: не измѣнилась лишь тупое и ослѣпленное противодѣйствіе, какимъ верховная власть и ея совѣтники встрѣчали малѣйшія уступки законнымъ требованіямъ народа — соціальнымъ и политическимъ.

Здѣсь не мѣсто разсказывать событія времени войны, поведшія къ окончательному разрыву между правительствомъ и народомъ. Эти событія разсказаны мною въ другомъ мѣстѣ *). Отмѣчу лишь вкратцѣ главныя вѣхи и поворотные пункты этихъ событій. Если бы нужно было указать точный моментъ, когда вторая революція сдѣлалась окончательно неизбѣжной, я назвалъ бы августъ - сентябрь 1915 года. Уже въ началѣ этого года обнаружилась полная неподготовленность Россіи къ войнѣ въ техническомъ отношеніи и полная безпомощность въ этомъ отношеніи военнаго вѣдомства подъ управленіемъ ген. Сухомлинова **). Въ апрѣлѣ обнаружилось и наглядное послѣдствіе этой неподготовленности — отступленіе русскихъ войскъ въ Галиціи ***). Неготовы были и наши европейскіе союзники для такой длительной войны. Но у нихъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, явились свои Ллойдъ - Джорджи и Альберты Тома, — и работа закипѣла. Въ Россіи, напротивъ, сложившійся самъ собой въ началѣ войны единый фронтъ "священнаго единенія" съ властью уже успѣлъ дать трещины вслѣдствіе упорной реакціонной политики правительства Горемыкина, Маклакова и Щегловитова. Даже правительственное большинство четвертой думы подъ вліяніемъ ударовъ, нанесенныхъ патріотическому чувству, прониклось оппозиціонными настроеніями. Въ іюльскомъ засѣданіи государственной думы, наконецъ созванной, послѣ долгаго сопротивленія правительства, на длительную сессію, такой вѣрный оруженосецъ власти, какъ обязанный ей матеріальной поддержкой націоналистъ графъ Бобринскій, требовалъ

*) См. мою «Исторію второй русской революціи», вступительная глава къ первому тому, и сжатый очеркъ дѣятельности партіи народной свободы: «Въ свѣтѣ двухъ революцій».

**) См. отзывы нашихъ военныхъ спеціалистовъ: ген. Ю. И. Данилова: Россія въ міровой войнѣ («Слово», Берлинъ, 1924), стр. 25-55, 136, 152, 191, 242, 245-265. Ген. Головина: Изъ исторіи кампаніи 1914 года на русскомъ фронтѣ. Пламя. Прага, 1926 г. Вторая и третья глава. Ср. «Воспоминанія ген. В. А. Сухомлинова» (Берлинъ, 1924), стр. 298-299.

***) Ген. Даниловъ, глава XVII.

(уже послѣ отставокъ Сухомлинова, Маклакова и Щегловитова) "патріотическаго скептицизма ко всему, что предъявитъ правительство", и усвоилъ себѣ лозунгъ, становившійся отнынѣ лозунгомъ большинства думы: "единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ". Болѣе лѣвыя теченія уже тогда требовали большаго: ихъ лозунгомъ было "министерство, отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ", т. е. формальная парламентарная система. Было ясно, что на это царь пойти не можетъ. Но вновь сложившееся большинство государственной думы (оно обнимало 315 депутатовъ изъ 440), получившее названіе «прогрессивнаго блока», хотѣло дать послѣдній шансъ царю для спасенія династіи и Россіи, для предупрежденія революціонной катастрофы. 21 августа оно опубликовало свою программу - минимумъ, включавшую наиболѣе необходимыя для примиренія съ народомъ реформы *).

Появленіе въ Г. Думѣ «прогрессивнаго» большинства съ программой, отнюдь не непріемлемой даже для тогдашняго правительства, вызвало со стороны сравнительно - либеральныхъ министровъ кабинета Горемыкина (Поливановъ, Сазоновъ, гр. Игнатьевъ, кн. Щербатовъ, А. Самаринъ, Харитоновъ, Баркъ, даже Кривошеинъ) попытку повернуть политику правительства на путь примиренія со страной. Къ несчастію, ихъ заявленія о необходимости перемѣны правительственнаго курса совпали съ ихъ представленіями государю о необходимости отказаться отъ его намѣренія принять лично командованіе надъ безпорядочно отступавшими войсками. А въ этомъ вопросѣ, рѣшенномъ царемъ подъ вліяніемъ Распутина и царицы, перемѣнить его рѣшеніе было невозможно: можно было только раздражить его и вызвать наружу

---

*) О настроеніяхъ Г. Думы подъ вліяніемъ военныхъ событій и правительственной политики см. воспоминанія М. В. Родзянко въ VI и XVII томахъ «Архива русской революціи». Эти воспоминанія увлечен- наго своей боевой ролью предсѣдателя Думы нѣсколько субъективны и не всегда точны, но за то тѣмъ болѣе красочно и ярко отражаютъ настроенія руководящихъ круговъ Думы и близкихъ къ этимъ соціальнымъ кругамъ военныхъ и придворныхъ круговъ столицы. Отъ широкихъ общественныхъ и политическихъ теченій Родзянко стоялъ далеко; отсюда его невольныя упрощенія недоступной ему стороны картины и преувеличенія силы факторовъ, доступныхъ его наблюденію. Надо, однако, сказать, что невольно тѣ же упрощенія и преувеличенія передавались изъ руководящихъ, близкихъ къ правительственнымъ круговъ и въ болѣе широкіе общественные круги и становились сами по себѣ факторомъ роста революціонныхъ настроеній. О борьбѣ правительства съ Думой см. также показанія мои и Гучкова передъ чрезвычайной слѣдственной комиссіей временнаго правительства, напечатанныя въ VI томѣ совѣтскаго изданія «Паденіе царскаго режима».

его всегдашнюю черту характера, проявлявшуюся въ такихъ случаяхъ, — неразсуждающее, фаталистическое упорство. Собственно, къ общественному мнѣнію, какъ оно отражалось въ гос. думѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и въ печати, и эта часть министровъ относилась трафаретно — враждебно. «Дать острастку», «распустить», «закрыть» — таковы были мѣры, которыя самые либеральные изъ нихъ постоянно совѣтовали принять противъ «распущенности» думы, «разнузданности» печати и т. д. Но въ августѣ 1915 г. и они, наконецъ, прозрѣли. Совѣтъ министровъ, по выраженію Сазонова, «висѣлъ на воздухѣ сверху и снизу». *Сверху* — въ виду того, что значительная часть власти была отнята у гражданскихъ вѣдомствъ и передана въ руки военныхъ властей, а послѣднія, — «любой тыловой вояка» — прикрытыя всемогущимъ начальникомъ штаба в. к. Николая Николаевича Янушкевичемъ, распоряжались вполнѣ безконтрольно. Противъ этого своеволія, особенно проявившагося при выполненіи «кутузовской» нелѣпой мѣры — сплошномъ выселеніи населенія изъ всей прифронтовой полосы, и сложилась первая острая оппозиція въ рядахъ правительства. Но мало по малу это оппозиціонное настроеніе перенесено было и на придворные круги, и на самую верховную власть, когда члены правительства увидѣли, что они совершенно безсильны измѣнить курсъ, диктуемый сверху, и что въ результатѣ всеобщаго растущаго недовольства, правительство быстро теряетъ почву и *снизу*. Въ особенности, проявленія недовольства въ Москвѣ обнаружили для нихъ опасность положенія. Тонъ разговоровъ въ совѣтѣ министровъ во второй половины августа круто измѣнился, подъ вліяніемъ этихъ настроеній въ странѣ. Даже Кривошеинъ поставилъ (19 августа) ребромъ дилемму: «надо или реагировать съ вѣрой въ свое могущество, или вступить открыто на путь завоеванія для власти моральнаго довѣрія». Онъ справедливо замѣтилъ при этомъ: «ни къ тому, ни къ другому мы неспособны». Совсѣмъ не либеральный, кн. В. Шаховскій поддержалъ Кривошеина: «Нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что пораженія на фронтѣ создали революціонно - повышенное настроеніе въ странѣ», и «мы должны сказать его величеству, что пока общественныя настроенія, вообще, и московскія, въ частности, еще остаются умѣренными и облекаются въ почтительныя формы..., отметать все огуломъ было бы опасно». При такомъ настроеніи либеральная часть кабинета невольно скло-

нилась къ мысли — пойти на соглашеніе съ «прогрессивнымъ блокомъ» Г. Думы. Но противникомъ всякаго соглашенія былъ «вынутый изъ нафталина», по его собственному выраженію, премьеръ Горемыкинъ, политическая философія котораго сводилась къ фразѣ: «пока я живъ, буду бороться за неприкосновенность царской власти». Большинство министровъ рѣзко разошлось съ Горемыкинымъ послѣ засѣданія совѣта 20 августа въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ государя, въ которомъ Горемыкинъ поддержалъ Николая въ его рѣшеніи занять мѣсто главнокомандующаго. Восемь министровъ послѣ того подали царю письменное заявленіе, въ которомъ настаивали на сохраненіи в. к. Николая Николаевича, сообщали о своемъ «коренномъ разномысліи» съ Горемыкинымъ и заявляли, что «въ такихъ условіяхъ теряютъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и родинѣ», т. е., въ сущности, подавали самодержавному царю конституціонную отставку. Въ засѣданіи 28 августа оппозиціонные министры поставили вопросъ о томъ, чтобы смягчить впечатлѣніе роспуска Думы, на которомъ настаивалъ Горемыкинъ, переговорами съ представителями прогрессивнаго блока Думы, о его программѣ. Они настояли на разсмотрѣніи этой программы въ этомъ самомъ засѣданіи и, констатировавъ пріемлемость «пяти шестыхъ» ея для правительства, добились согласія Горемыкина на устройство «частнаго совѣщанія» съ членами блока. Совѣщаніе это состоялось 27 августа: представители правительства нашли, что программа блока «не встрѣчаетъ возраженій», но заявили откровенно блоку, что «въ нынѣшнемъ своемъ составѣ совѣтъ министровъ проводить ее не можетъ». При докладѣ въ совѣтѣ объ этомъ совѣщаніи (28 августа) Кривошеинъ, однако, совершенно справедливо заявилъ: «что мы ни обѣщай, какъ ни заигрывай съ прогрессивнымъ блокомъ и общественностью, *намъ, все равно, ни на грошъ не повѣрятъ*. Вѣдь, требованія Гос. Думы и всей страны сводятся къ вопросу не *программы, а людей*, которымъ ввѣряется власть». И онъ сдѣлалъ изъ этого вѣрнаго наблюденія правильный выводъ: «пускай монархъ рѣшитъ, какъ ему угодно направить дальнѣйшую внутреннюю политику: по пути-ли игнорированія такихъ пожеланій или по пути примиренія», избравъ во второмъ случаѣ пользующееся общественными симпатіями лицо и возложивъ на него образованіе правительства,... отвѣчающаго чаяніямъ страны». Оппозиціонные министры при-

соединились къ этой формулировкѣ. Но для Горемыкина это означало «ограниченіе монарха въ прерогативѣ избранія министровъ». И онъ повторялъ: «можетъ быть мои взгляды и архаичны, но мнѣ поздно ихъ мѣнять». На слѣдующій день Горемыкинъ выѣхалъ въ ставку, куда уже переѣхалъ царь, и привезъ оттуда рѣшеніе царя: «думу закрыть не позже 3 сентября, а всѣмъ министрамъ (включая и Горемыкина, кончено), оставаться на мѣстахъ»; царь «пріѣдетъ лично и все разберетъ». Сазоновъ почти въ истерикѣ заявилъ: «послѣдствія будутъ ужасны: во весь ростъ встаетъ вопросъ о бытіи государства.... Вопросъ идетъ о судьбахъ Россіи». «Вынутый изъ нафталина» старикъ спокойно твердилъ: «все - пустяки; все это одно только запугиваніе; ничего не будетъ».... *)

Вотъ почему и послѣдній шансъ проложить мостъ между верховной властью и страной прошелъ безрезультатно.

Послѣ роспуска первой государственной думы въ политической исторіи этого десятилѣтія не было другого болѣе трагическаго момента. Это рѣшеніе показывало, что царь рѣшительно не понимаетъ сложившагося положенія. Руководимый услужливымъ царедворцемъ и истерической женщиной, онъ отбрасывалъ протянутую ему руку помощи, не отдавая даже себѣ отчета, кѣмъ, какъ и при какихъ условіяхъ она протянута. Переписка царицы показываетъ, что это былъ совсѣмъ другой міръ идей и предразсудковъ, —тотъ міръ, въ которомъ вращалась царственная чета. Въ этой искусственно изолированной средѣ все существующее дѣлилось на «нашихъ» и «не-нашихъ». «Наши» — это были друзья «нашего друга» Распутина. «Не-

---

*) Яркая картина смѣны настроеній въ засѣданіяхъ совѣта министровъ въ эти рѣшительные мѣсяцы — іюль - августъ 1915 г. — вырисовывается изъ записи преній на засѣданіяхъ, сдѣланной помощникомъ управляющаго дѣлами совѣта министровъ А. Н. Яхонтовымъ и опубликованной подъ заглавіемъ «Тяжелые дни» въ Архивѣ Русской Революціи т. XVIII. стр. 5-136. До средины августа—это картина полной безпомощности въ борьбѣ съ произвольными дѣйствіями ставки, точнѣе говоря, начальника штаба в. к. Николая Николаевича, совершенно оттѣснившаго на второй планъ своими распоряженіями всѣ гражданскія власти. Уже въ этотъ періодъ засѣданія совѣта министровъ полны нервности и настроеніе близко къ паническому. Надо отмѣтить, что Горемыкинъ неоднократно предупреждалъ министровъ въ эти дни, что ихъ критика великокняжескаго веденія дѣла на фронтѣ есть вода на мельницу придворныхъ вліяній, которыя разжигаютъ нервность царя по отношенію къ главнокомандующему и настраиваютъ его на принятіи должности главнокомандующаго самому. Весьма нелогиченъ поэтому крутой переходъ министровъ къ еще болѣе паническому настроенію, когда обнаружилось, что предсказанія Горемыкина правильны и что царь рѣшилъ самъ ѣхать на фронтъ. Надо, однако, прибавить, что

наши" — всѣ остальные. Распутинъ, вопреки всѣмъ событіямъ, продолжалъ убаюкивать суевѣрную царицу безграмотными телеграммами, обѣщавшими славное и спокойное царствованіе въ случаѣ подчиненія его совѣтамъ, но грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, если тронутъ его ставленниковъ или не будутъ пользоваться его амулетами. Дума съ ея засѣданіями была гдѣ - то вдалекѣ и въ туманѣ. Императрица была увѣрена, что стоитъ только «стукнуть кулакомъ", показать сильную волю и сослать въ Сибирь или "повѣсить" Гучкова и Милюкова — и все будетъ въ порядкѣ. Она уже провела кампанію противъ "Николаши" (в. к. Николая Николаевича) и его "черныхъ женщинъ" (черногорскихъ принцессъ Милицы и Анастасіи), мѣшавшихъ, съ ея точки зрѣнія, царю быть полновластнымъ и заслонявшихъ его отъ народа. Она настояла на принятіи царемъ званія главнокомандующаго, согласно указаніямъ Распутина, но вопреки мнѣнію либеральной части министерства. Оставшись одна въ Царскомъ Селѣ, она фактически вошла въ роль правительницы, принимая министровъ, выслушивая ихъ доклады, настаивая на смѣнѣ лицъ, неугодныхъ ей и "нашему другу", — и на назначеніи угодныхъ. Квартира Распутина становилась "передней", черезъ которую кандидаты проходили на министерскія кресла. Началась та смѣна министровъ, которую Пуришкевичъ увѣковѣчилъ именемъ "министерской чехарды". Фаворитизмъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ. Шайка крупныхъ и мелкихъ аферистовъ окружила Распутина и царицу. Этимъ путемъ можно было за деньги обойти законъ, получить назначеніе на должность, освобожденіе отъ суда, отъ воинской повинности и т. д. Къ ненависти, которую

панника эта въ то время раздѣлялась и гос. думой и близкими къ ней
общественными кругами. Очень сомнительно, чтобы это настроеніе
распространялось и далѣе, въ болѣе широкіе круги. Во всякомъ слу-
чаѣ, въ кругахъ министерскихъ и думскихъ оно самымъ невыгоднымъ
образомъ сплелось съ постановкой болье серьезнаго вопроса объ ор-
ганизаціи власти и о ея программѣ, способной успокоить настроенія
въ странѣ и предупредить революціонный взрывъ. Это соединеніе
двухъ разныхъ по существу вопросовъ отчасти содѣйствовало и тому,
что при дворѣ вниманіе было сосредоточено всецѣло на личномъ во-
просѣ, какимъ сталъ вопросъ о командованіи, тогда какъ вопросъ о
новомъ правительственномъ курсѣ, волновавшій страну, прошелъ для
двора почти незамѣченнымъ. Приведенныя въ текстѣ цитаты изъ за-
писи Яхонтова и другія параллельныя мѣста см. Арх. Р. Револ. XVIII,
стр. 16, 19-21, 32-33, 37, 43, 52-55, 63-64, 70, 73-75, 83—86 (формула Кри-
вошеина), 89—98 (конфликтъ съ Горемыкинымъ), 105-115 (обсужде-
ніе программы блока), 119 (отчетъ о бесѣдѣ съ представителями бло-
ка), 122-127 (острый конфликтъ съ Горемыкинымъ и постановка ка-
бинетнаго вопроса), 128-136 (Горемыкинъ закрывается рѣшеніемъ
царя).

возбуждала дѣятельность правительства, прибавилось теперь презрѣніе. Правительства перестали бояться: оно стало предметомъ сатиры и гласной насмѣшки. *) По письмамъ царицы можно было прослѣдить, какъ настойчиво она проводила всѣ свои указанія относительно лицъ и принциповъ въ сознаніе слабовольнаго царя. Каждый день она ему внушаетъ, что онъ силенъ, что онъ «повелитель» и хозяинъ, что онъ самодержецъ, "поставленный всемогущимъ господомъ" и принесшій присягу, что онъ долженъ "показать кулакъ", что только съ момента, когда его "мягкое" царствованіе превратится въ "твердое", начнется, по "словамъ нашего друга, — слава твоего царствованія". И все это пересыпается безграмотными телеграммами Распутина и его амулетами. Напримѣръ, 7 сентября 1915 года: "не опоздайте въ испытаніи, прославитъ Господь своимъ явленіемъ", или 15 сентября: "не забудь опять подержать образокъ въ твоей рукѣ и н ѣ с к о л ь к о разъ причесать волосы Е г о гребенкой передъ засѣданіемъ министровъ" **).

16 сентября, наконецъ, состоялось это памятное засѣданіе въ ставкѣ, къ которому Александра Федоровна такъ усердно готовила своего супруга. Съ него можно датировать окончательную перемѣну курса. Фатальную роль сыграло въ этотъ рѣшающій моментъ письмо къ царю предсѣдателя совѣта объединеннаго дворянства Струкова — реминисценція изъ времени борьбы съ первыми думами***). Гребенка Распутина была пущена въ ходъ, и царь былъ «намѣренно нелюбезенъ» съ министрами, а черезъ день,пріѣхавъ въ Петербургъ,подписалъ отставки двухъ самыхъ ненавистныхъ царицѣ и ея друзьямъ,кн.Щербатова и Сама-

---

*) Эта картина особенно ярко обрисована показаніями, даииыми ближайшими ея участниками въ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи. См. особенно показанія А. Н. Хвостова, М. М. Андроникова, Бѣлецкаго и др.

**) Въ дополненіе къ перечисленнымъ выше мѣстамъ «Переписки» см. еще I, 463, 494, 501, 506, 509, 511, 528, 533, 535-536, 540, 542, 544-533, 599-601. II, 438, 441, 442, 444, 446-450, 461-462. Russia loves to feel whip — its their nature) 463, (сравненіе съ «Союзомъ русскаго народа»: one is rotten, weak, immoral society — the other healthy, righthinking, devoted subjects: and *to these one must listen, their voice is Russia* and not society or the Duma's. One sees the right so clearly and *they know the Duma ought to be closed);* 464, 467.

***) Въ оцѣнкѣ значенія письма Струкова сошлись М. В. Родзянко (Архивъ, XVII, 107) и В. I. Гурко (его выступленіе въ Парижѣ по поводу моего доклада о «бѣломъ движеніи»).

рина*). За ними мало по малу были удалены и другіе министры, сочувствовавшіе "блоку" и несочувствовавшіе исполненію совѣтовъ Распутина и царицы. Ихъ мѣсто заняли кандидаты крайнихъ правыхъ организацій, вродѣ Хвостова. Щегловитовъ на съѣздѣ крайнихъ правыхъ (21 ноября) уже заговорилъ объ октябрьскомъ манифестѣ, какъ о "потерянной грамотѣ". Въ моментъ крайней опасности началась прежняя игра въ реставрацію. Созывъ думы былъ отсроченъ съ 15 ноября — впервые безъ точнаго указанія срока созыва. Съѣзды земствъ и городовъ 5 декабря были запрещены, и депутація по этому поводу не была принята государемъ. Разрывъ совершился. Позиціи были заняты, и страна очутилась въ политическомъ тупикѣ.

Послѣ остраго момента конца 1915 года, слѣдующій 1916-й годъ прошелъ сравнительно вяло. Факторы, стоявшіе наверху политической жизни, ничего больше не могли сдѣлать для разрѣшенія конфликта. Но это не значило, что конфликтъ прекратился. Напротивъ, съ общественныхъ верховъ броженіе спускалось въ нижніе общественные слои. Начинался тотъ распадъ въ странѣ и то разложеніе арміи, которое потомъ стали считать спеціальными явленіями революціонныхъ мѣсяцевъ 1917 года. Все сильнѣе становились и толки о предстоящей насильственной развязкѣ. О ней особенно стали думать въ кругахъ близкихъ къ двору или въ средѣ, гдѣ затяжка кризиса ощущалась особенно болѣзненно — въ арміи. И тамъ, и здѣсь возлагали особыя надежды на государственную думу. Но предсѣдатель государственной думы уже истощилъ свои рессурсы непосредственнаго воздѣйствія на государя. Въ маѣ 1915 года, въ отвѣтъ на "неоднократное" предложеніе министра Маклакова о необходимости "уменьшенія правъ думы и сведенія ея на степень законосовѣщательнаго учрежденія", Николай II написалъ на оборотѣ: "дѣйствительно, время настало сократить государственную думу. Интересно, какъ будутъ чувствовать себя при этомъ г. г. Родзянки и К-о". Въ ноябрѣ "другъ" говорилъ: «если будетъ побѣда, думу не надо созывать; если же нѣтъ, то надо». И въ январѣ 1916 года думу рѣшились созвать, — и даже пожертвовали Горемыкинымъ. Царь 9 февраля, въ первый

*) Горемыкинъ такъ характеризовалъ Яхонтову смыслъ засѣданія 16 сентября: «всѣ получили нахлобучку отъ Государя за августовское письмо и за поведеніе во время августовскаго кризиса». Архивъ XVIII, стр. 136.

и единственный разъ, посѣтилъ думу. 27 февраля царь, послѣ бесѣды съ Родзянко, рѣшился было даже пожертвовать Распутинымъ, которому было велѣно ѣхать въ Тобольскъ. А 1 марта Николай II согласился на новую "жертву" — преданіе суду Сухомлинова. Но впечатлѣніе этихъ полумѣръ быстро исчезло и вліяніе императрицы было возстановлено. Къ осени 1916 года отношенія царя къ предсѣдателю думы окончательно испортились. Сессія думы открылась 1 ноября при крайне напряженномъ настроеніи всего общества, всей арміи, всей страны. Повсюду сложилось окончательное убѣжденіе, что съ такимъ правительствомъ, какъ правительство замѣстителя Горемыкина, Штюрмера, и при такомъ настроеніи верховной власти выиграть войну невозможно. Отъ думы всѣ ждали громкаго выраженія этого убѣжденія. Имя императрицы было названо мною съ думской трибуны въ выдержкѣ изъ австрійской газеты вмѣстѣ съ именами окружавшихъ ее авантюристовъ. Это упоминаніе произвело впечатлѣніе прорвавшагося нарыва. Штюрмеръ былъ освистанъ. 5 ноября военный и морской министры демонстративно просили думу поддержать ихъ своимъ довѣріемъ..... 9 ноября послѣдовала отставка Штюрмера. Его преемника А. Ф. Трепова встрѣтилъ въ думѣ такой же пріемъ. 16 декабря дума разошлась на каникулы, а 17 декабря въ особнякѣ Юсупова былъ убитъ Феликсомъ Юсуповымъ и Пуришкевичемъ при участіи в. к. Дмитрія Павловича Распутинъ *).

Это было послѣднее предупрежденіе. Но какъ то всѣ сразу почувствовали, что это убійство нисколько не измѣняетъ положенія. И рождественскія каникулы прошли въ повсемѣстныхъ толкахъ о чемъ то болѣе серьезномъ, что ожидало Россію. Въ центрѣ разговоровъ стояла опять таки дума. Родзянко разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что къ нему неоднократно обращались представители высшаго общества съ заявленіями, что дума должна спасти Россію. Сложилась даже легенда, что предсѣдатель думы при содѣйствіи гвардейскихъ офицеровъ и англійскаго посла Бьюкенана подготовляетъ дворцовый переворотъ. Генералъ Крымовъ въ началѣ января устроилъ свиданіе

---

*) М. В. Родзянко (Архивъ, XVII, «Крушеніе имперіи»), стр. 98-99, 117-118, 121, 145-147, 150, 153. Изъ Дневника Пуришкевича. Убійство Распутина (нѣсколько изданій).

съ членами думы у Родзянко и, указавши, что, по мнѣнію арміи, безъ перемѣны курса не можетъ быть побѣды, заявилъ: "настроеніе арміи таково, что всѣ съ радостью будутъ привѣтствовать извѣстіе о переворотѣ. Если вы рѣшитесь на эту крайнюю мѣру, мы васъ поддержимъ. Все было испробовано, но вредное вліяніе жены сильнѣе честныхъ словъ, сказанныхъ царю. Другихъ средствъ, очевидно, нѣтъ". Разговоры пошли о принудительномъ отреченіи царя и даже о болѣе сильныхъ мѣрахъ. Со словъ покойнаго кн. Г. Е. Львова мнѣ извѣстно, что и ген. Алексѣевъ раздѣлялъ это мнѣніе и даже собирался передъ своей болѣзнью арестовать императрицу, если бы она пріѣхала въ ставку. Наконецъ, М. В. Родзянко разсказываетъ, что "приблизительно въ то же время" (т. е. въ январѣ) онъ былъ вызванъ в. к. Маріей Павловной пріѣхать къ ней въ часъ ночи и, пріѣхавъ на слѣдующій день къ завтраку, выслушалъ предложеніе Кирилла Владимировича — "уничтожить императрицу", такъ какъ "она губитъ страну", благодаря ей создается угроза царю и всей царской фамиліи, и такое положеніе терпѣть дольше невозможно. «Устранить царицу» должна была государственная дума... 8 января къ Родзянкѣ пріѣхалъ в. к. Михаилъ Александровичъ, предлагавшій Родзянко стать во главѣ "отвѣтственнаго министерства" и выслушавшій отъ него отвѣтъ, что "при несчастномъ безволіи царя" нужно прежде всего удалить императрицу. 7 января Родзянко получилъ докладъ у царя и повторилъ ему свою давнюю пѣсню о чрезвычайной серьезности положенія, объ изолированности правительства послѣ того, какъ удалены всѣ министры, пользовавшіеся нѣкоторымъ довѣріемъ общественныхъ круговъ, о растущемъ негодованіи на императрицу, которую обвиняютъ въ сочувствіи Германіи, о "чудовищныхъ слухахъ о существованіи шпіонства и измѣны за спиной арміи", объ отсутствіи какого либо правительственнаго курса, о несогласованности отношеній между тыломъ и фронтомъ. Онъ настаивалъ на удаленіи императрицы отъ политическихъ дѣлъ. Царь "сжалъ обѣими руками голову и сказалъ: "неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался"? Увы этотъ проблескъ прошелъ безслѣдно. 10 февраля во время послѣдней аудіенціи предсѣдатель думы былъ встрѣченъ холодно; царь нетерпѣливо прерывалъ его докладъ, а на повторныя подтвержденія объ угрожающемъ положеніи въ странѣ и о

возможности революціи отвѣтилъ коротко: мои свѣдѣнія противоположны, а если дума позволитъ себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, то будетъ распущена *).

Въ этотъ промежутокъ между засѣданіемъ думы 1 ноября и предстоявшимъ въ концѣ февраля 1917 года открытіемъ новой сессіи думы неизбѣжность революціоннаго взрыва стала настолько ясна даже и въ собственной семьѣ царя, что мы имѣемъ нѣсколько попытокъ, исходившихъ отъ великихъ князей, убѣдить Николая пойти на уступки и тѣмъ "спасти себя, династію и Россію". По прямому порученію царицы - матери и двухъ сестеръ царя в. к. Николай Михайловичъ написалъ 1 ноября 1916 года царю письмо, въ которомъ убѣждалъ его не поддаваться вліяніямъ, которыя проходятъ черезъ антуражъ Александры Федоровны. "Твои первыя побужденія и рѣшенія хороши и правильны. Но какъ только проявляется чужое вліяніе, ты начинаешь колебаться, и твои дальнѣйшія рѣшенія — уже не тѣ. Если тебѣ удастся удалить тайныя силы, которыя постоянно вмѣшиваются во всѣ дѣла, то Россія возстановится и довѣріе подданныхъ къ тебѣ вернется. Наступитъ скоро часъ, когда съ высоты трона ты самъ дашь министрамъ отвѣтственность передъ тобой и передъ законодательными учрежденіями — просто, естественно, безъ давленія извнѣ, — не такъ, какъ октябрьскій манифестъ. Иначе, грозитъ эра новой смуты и покушеній...". Прочтя это письмо, царица писала Николаю, что напрасно онъ не прервалъ великаго князя и не пригрозилъ ему Сибирью въ случаѣ повтоненія измѣнническаго поступка. По ея настоянію, 1 января Николай Михайловичъ былъ высланъ изъ Петербурга. 11 ноября в. к. Георгій Михайловичъ писалъ царю изъ арміи, что если внутреннее положеніе продолжится,то не можетъ быть побѣды, что ненависть къ Штюрмеру всеобщая, всѣ единодушно требуютъ его отставки и отвѣтственнаго министерства, какъ "единственной мѣры, способной предотвратить общую катастрофу", — и что говорятъ это "не лѣвые и не либералы" — на что не стоило бы обращать вниманія, — а "люди преданные тебѣ и желающіе счастья Россіи". На это письмо императрица

*) Родзянко, Архивъ, XVII, 157-163, 166-167. Подтвержденія этого см. въ перепискѣ кн. Юсупова, опубликованной въ т. XIV «Краснаго Архива».

отозвалась, какъ на "глупость". "Вспомни, даже Филиппъ *) говорилъ, что не надо давать конституціи". Самое интересное изъ этихъ писемъ принадлежитъ в. к. Александру Михайловичу. Начатое съ разрѣшенія царя 25 декабря, оно дописывалось 1 и 25 января, только 4 февраля было отослано и отражаетъ на себѣ быстрое паденіе надеждъ на мирный исходъ. А. М. началъ съ того, что Россія переживаетъ самый опасный моментъ, что народъ и общество "требуютъ очень немногаго", что не нужно даже "отвѣтственнаго" передъ думой министерства, а только министерство объединенное и пользующееся довѣріемъ страны; что нельзя править "въ полный разрѣзъ съ желаніями всѣхъ вѣрноподданныхъ"; что репрессивная политика только расшатываетъ монархическій принципъ и толкаетъ людей въ лѣвый лагерь; что можно было бы "однимъ росчеркомъ пера все успокоить". Но время идетъ, а (прибавка 25 января) "твои совѣтники продолжаютъ вести Россію и тебя къ вѣрной погибели", ибо "недовольство растетъ съ большой быстротой, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становится пропасть между тобой и народомъ". "Правительство подготовляетъ революцію, народъ ея не хочетъ". "Такое положеніе продолжаться не можетъ.... Приходишь въ полное отчаяніе, что ты не хочешь внять голосамъ тѣхъ, которые знаютъ, въ какомъ положеніи находится Россія"...**).

Былъ еще путь, которымъ доведенные до отчаянія пассивностью царя патріоты пытались повліять на него и вырвать его изъ заколдованнаго круга "темныхъ" вліяній, которыя плѣнили и парализовали его волю. Это былъ путь вліянія иностранныхъ дипломатовъ. Конечно, обвиненіе, будто революцію совершилъ Родзянко и государственная дума съ помощью сэра Джорджа Бьюкенана относится къ области тенденціозныхъ легендъ, распространявшихся въ правыхъ кругахъ. Но самъ Бьюкенанъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ о своихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми депутатами и о своихъ попыткахъ повліять на царя съ

*) Магнетизеръ, приставленный къ царицѣ «черными женщинами».

**) Письма великихъ князей я цитирую по французскому переводу совѣтскаго изданія Lettres des grands ducs a Nicolas II, Payot, Paris 1926, 257-260, 218-222. Письмо в. к. Александра Михайловича напечатано также въ Арх. р. революціи, V, 334-334. Ср. также Бьюкенана, II, стр. 29-30 о попыткахъ Елизаветы Федоровны и Викторіи Федоровны.

цѣлью предупредить революцію. Въ первый разъ уже въ началѣ февраля 1916 года Бьюкенанъ "сдѣлалъ попытку повліять на государя, чтобы онъ принялъ болѣе либеральный курсъ". Онъ указывалъ царю на "растущее недовольство во всѣхъ слояхъ общества", особенно среди арміи на фронтѣ, гдѣ уже тогда открыто заявлялось, что "пора смести тѣхъ, кто виноватъ въ страданіяхъ арміи". Бьюкенанъ убѣждалъ Николая даровать народу въ знакъ благодарности то, что будетъ оскорбительнымъ уступить революціоннымъ угрозамъ. 18 августа 1916 года, по поводу назначенія Штюрмера, Бьюкенанъ писалъ своему правительству: "если государь и впредь будетъ держать своихъ реакціонныхъ совѣтниковъ, я боюсь, что революція неизбѣжна". 18 октября въ Могилевѣ Бьюкенанъ вторично вернулся въ разговорѣ съ царемъ къ темѣ о "сильномъ недовольствѣ во всей странѣ", о томъ что рабочіе бастуютъ, а крестьяне "начинаютъ терять вѣру въ непогрѣшимость государя и самодержавіе дискредитируется". Наконецъ, въ январѣ 1917 года, "не желая ждать событій, не сдѣлавъ послѣдняго усилія", Бьюкенанъ просилъ у своего правительства спеціальнаго разрѣшенія на разговоръ съ царемъ и 12 января былъ принятъ, но стоя, въ пріемной, вмѣсто кабинета: очевидно, царь зналъ о цѣли визита. Примѣромъ Англіи Бьюкенанъ старался объяснить царю важность не только коллективнаго фронта союзниковъ для побѣды, но и "солидарности между всѣми классами" въ каждой странѣ. "Я сказалъ ему, вспоминаетъ Бьюкенанъ, что теперь между нимъ и его народомъ образовалась непреодолимая преграда и, если Россія объединена, то лишь въ *оппозиціи противъ* его теперешней политики".

Николай, послѣ попытокъ оправдаться, далъ Бьюкенану классическій отвѣтъ. "Выпрямившись и твердо взглянувъ на меня, государь сказалъ: думаете ли вы, что *я* долженъ заслужить довѣріе моего народа или что онъ долженъ снова заслужить мое довѣріе?" Бьюкенану оставалось уподобить царя человѣку,который «ночью черезъ лѣсъ идетъ къ пропасти,»— и извинить свое нарушеніе дипломатической корректности тѣмъ, что дѣло идетъ о безопасности самого царя и тѣхъ кто ему дорогъ. Бьюкенанъ предсказалъ царю, что "въ случаѣ революціи онъ можетъ разсчитывать только на незначительную горсточку солдатъ для защиты династіи", такъ какъ народъ и армія пред-

ставляють одно цѣлое *). Даже и это предсказаніе, какъ извѣстно, оказалось черезчуръ оптимистическимъ.

Всѣ усилія думы и ея предсѣдателя, членовъ царской семьи, наконецъ, иностранныхъ дипломатовъ, были совершенно безплодны. Нельзя даже говорить тутъ о полномъ безволіи царя, какъ объ основной причинѣ его бездѣйствія. Его воля была направлена въ другую сторону, противоположную дававшимся совѣтамъ, не только настояніями императрицы, но и его собственнымъ убѣжденіемъ — той тайной мыслью, которая не выходила у него изъ головы послѣ опубликованія манифеста 17 октября. Мысль эта состояла въ томъ, что у него насиліемъ и обманомъ вырвано согласіе на нарушеніе собственныхъ правъ и что согласіе это, рано или поздно, должно быть взято назадъ, а не расширено новымъ согласіемъ въ направленіи дальнѣйшаго ограниченія самодержавной власти. Вотъ почему гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ "глупые" совѣты о дарованіи отвѣтственнаго министерства и объ уступкахъ думѣ, производили на него противоположные свѣты крайнихъ правыхъ — тѣхъ, кому еще въ 1905 году онъ обѣщалъ, что "солнце правды вновь взойдетъ надъ русской землей". Справа Николаю совѣтовали теперь, какъ тогда, вступить въ открытую борьбу со всѣми этими непрошенными совѣтчиками, распустить думу, превратить ее въ совѣщательное учрежденіе и т. д. Какъ разъ такіе именно совѣты были преподаны царю въ тотъ же промежутокъ — ноября 1916 — февраля 1917 года, къ которому относятся и всѣ приведенные совѣты о либеральномъ курсѣ. Изъ кружка крайне-

---

*) Sir George Buchanan. My mission to Russia, т. II. Русскій переводъ: «Моя миссія въ Россіи», изд. Обелискъ, Берлинъ, 1924, стр. 7, 17, 21, 33-38. Пользуюсь случаемъ опровергнуть показаніе Бьюкенана на стр. 70-71, будто онъ «принималъ» меня въ англійскомъ посольствѣ въ числѣ другихъ «лидеровъ либеральныхъ партій». Я переступилъ порогъ англійскаго посольства впервые только въ качествѣ министра иностр. дѣлъ. Мои поправки къ разсказу Бькенана о телеграммѣ короля Георга Николаю и о проектѣ выѣзда Николая II въ Англію были напечатаны въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 8 сент. 1921 и перепечатаны съ примѣчаніями г. Андре Пьера и со статьями А. Ф. Керенскаго (изъ «Воли Россіи», 28 августа и 16 сентября) въ The Living Age, December 10, 1921. Палеологъ разсказываетъ о своей неудачной попыткѣ говорить съ императоромъ въ „La Russie des Tzars" III, 150. 0 159-160, 162, 165-166, 169-171, 201-202. Даже такой преданный императору лично человѣкъ, какъ ген. Hanbury Williams не удержался въ послѣднюю минуту, чтобы не написать письма Николаю. The Emperor Nicholas II as I knew him, London, 1922, стр. 152-155.

праваго Римскаго - Корсакова вышла записка, которую въ ноябрѣ не рѣшился передать царю Штюрмеръ, а въ январѣ передалъ послѣднiй премьеръ царя, безцвѣтный кн. Голицынъ. Здѣсь находимъ полный планъ усмиренiя предстоящаго мятежа: назначенiе на высшiе посты людей "непримиримыхъ" и готовыхъ "пасть въ борьбѣ", роспускъ думы безъ срока, введенiе военнаго положенiя и полевыхъ судовъ въ столицахъ, снабженiе пулеметами и артиллерiей гвардейскихъ полковъ, закрытiе всей лѣвой печати, милитаризацiя заводовъ и т. д. Въ приложенной объяснительной запискѣ пояснялось, что уступки конституцiоннымъ партiямъ ни къ чему не поведутъ, ибо онѣ будутъ сметены революцiонными партiями. Здѣсь рекомендовалось, напротивъ, уничтоженiе «величайшаго государственнаго соблазна» — основныхъ законовъ и введенiе новаго избирательнаго порядка, при которомъ большинство законосовѣщательнаго учрежденiя было бы вполнѣ въ рукахъ правительства. Въ томъ же духѣ писалъ царю письма и проектъ манифеста (во второй половинѣ декабря) Николай Маклаковъ, заслужившiй расположенiе царственной четы въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же направленiи, наконецъ, продолжали дѣйствовать и непрерывныя увѣщанiя царицы. Изъ письма въ письмо она продолжала повторять: "будь твердъ, вѣрь мнѣ, нашему другу и Протопопову и не уступай Родзянкѣ". Убiйство Распутина только ожесточило царицу еще больше, но не измѣнило вѣры въ спасительность совѣтовъ "святого человѣка". Напротивъ, вѣрность его политикѣ стала теперь долгомъ преданности къ памяти погибшаго «друга». Ближайшiй шагъ къ выходу изъ тупика усматривался теперь въ отсрочкѣ думы, причемъ за этимъ мнимымъ страшилищемъ совершенно не видѣли назрѣвшаго конфликта со страной, несравненно болѣе опаснаго*).

Послѣ отсрочки, входившей, какъ мы видѣли, въ намѣренiя правыхъ, Государственная Дума собралась 14 февраля. Она чувствовала свое полнѣйшее безсилiе и "утомленность въ безплодной борьбѣ". Ея намѣренiя были самыя мирныя. Но руководство событiями давно уже ушло отъ нея къ болѣе лѣвымъ теченiямъ. Не было серьезности и во всѣхъ разговорахъ о

---

*) Записки кружка Римскаго-Корсакова и Н. Маклакова см. въ Арх. р. рев. V, 334-334 Ссылки на письма Александры Федоровны съ настоятельными совѣтами предпочесть Думѣ — союзъ русскаго народа см. выше.

готовящемся переворотѣ сверху. Его всѣ ожидали, но никто не сдѣлалъ. Нѣкоторые члены думы лишь сговорились, какъ дѣйствовать въ случаѣ, если переворотъ совершится. Совершился же онъ, несмотря на всѣ ожиданія, неожиданно — и не сверху, а снизу. Лѣвыя политическія партіи были застигнуты имъ врасплохъ такъ же, какъ и правыя. Если и была руководящая и организующая рука, дѣйствіе которой проявлялось въ агитаціи на заводахъ и въ казармахъ, то и здѣсь едва - ли былъ какой либо планъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣйствія лѣвыхъ партій сталкивались съ работой провокаторовъ, подосланныхъ полиціей, и, кто знаетъ, быть можетъ, и съ матеріальной поддержкой непріятеля. Какъ бы то ни было, начавшись 27 февраля одновременно въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ и среди фабричныхъ рабочихъ, революція сразу приняла видъ не военнаго пронунціаменто, а подлиннаго народнаго возстанія. Ея успѣхъ былъ обезпеченъ не ея внутренней силой, а безсиліемъ противника. Характернымъ образомъ, революція побѣдила съ того момента, когда во главѣ ея стала не сила, а *символъ:* законопослушная четвертая дума. Въ этой побѣдѣ.... *легенды* лучше всего запечатлѣлось то роковое непониманіе между общественностью и властью, которое привело къ трагическому исходу.

III.

Слабость сцѣпленія — основная черта. — Ея проявленіе въ исторіи русской государственности. — Примитивность управленія. — Фактическій анархизмъ народа. — Недостатокъ сцѣпленія соціальныхъ элементовъ. — Служилый характеръ дворянства. — Претензіи крестьянъ на всю землю. — Слабость интеллектуальнаго сцѣпленія. — Отчужденность отъ народа и мѣняющаяся идеологія верховъ. — Максимализмъ въ политикѣ. — Слабость сцѣпленія національностей съ цѣлымъ. — Большевизмъ — специфическій итогъ русской исторіи.

Мы на минуту отвлечемся теперь отъ фатальнаго хода событій, объясняющаго, почему революція въ Россіи стала неизбѣжна въ опредѣленный психологическій моментъ и среди опредѣленно сложившейся обстановки военнаго времени. Отъ текущихъ событій поднимемся на высшую точку зрѣнія, которая объяснитъ намъ, уже независимо отъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и отъ деталей ежедневной жизни, то, что можно назвать *внутренней необходимостью* переворота: его болѣе глубокій

смыслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его особый, специфически - русскій характеръ.

Говоря вообще, можно было бы сказать, что есть извѣстный періодъ въ жизни націй, способныхъ развиваться, когда насильственный переворотъ становится весьма вѣроятенъ, какъ кратчайшее средство покончить съ устарѣлыми политическими и соціальными учрежденіями отжившаго строя и облегчить переходъ отъ средневѣковья къ современной демократіи. Русская революція не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила, — и въ этомъ ея основной смыслъ. Въ ней, поэтому, можно искать и найти сходство съ другими такими же переломами, какъ, напримѣръ, съ англійской революціей XVII столѣтія или, въ особенности, съ французской революціей 1789 - 1795 г. г. Для русскаго человѣка, пережившаго событія 1917-го и послѣдующихъ годовъ, становятся особенно понятны и живы всѣ перипетіи прежнихъ революцій. Въ психологіи всѣхъ этихъ революцій есть, очевидно, что-то общее.

Но рядомъ съ этими общими чертами каждая національная революція имѣетъ и спеціальныя черты, свойственныя именно ей. Эти спеціальныя черты вытекаютъ изъ всего характера исторіи данной націи. Именно въ годы катастрофическихъ перемѣнъ эти историческія черты, обыкновенно скрывающіяся подъ поверхностью повседневныхъ явленій, выступаютъ особенно ярко. Остановимся на этихъ чертахъ, завѣщанныхъ русской революціи исторіей Россіи.

Основной русской особенностью, проходящей красной нитью черезъ всѣ стороны историческаго процесса — политическую, соціальную, интеллектуальную и національную, является, на мой взглядъ, извѣстная слабость сцѣпленія и цементированія частей, составляющихъ соціальный аггрегатъ. Съ политической точки зрѣнія эта особенность несомнѣнно отличаетъ русскую государственность, являясь естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самаго способа происхожденія русскаго государства и процесса его историческаго роста. Идя съ Запада Европы на Востокъ, можно отмѣтить извѣстную правильность, съ какой постепенно мѣняется характеръ созданія государствъ. Тѣ же процессы эволюціи государственныхъ учрежденій, которые происходили на берегахъ Сены и Луары уже въ V — VII столѣтіяхъ по Р. Х., развивались на востокъ отъ

Рейна однимъ или двумя столѣтіями позже (VII - VIII), а на восточныхъ границахъ Германіи четырьмя или пятью столѣтіями позже (IX - XI). Еще дальше на востокъ, на безпредѣльныхъ равнинахъ будущей россійской имперіи, тотъ же процессъ совершался отъ пяти до девяти столѣтій позднѣй, чѣмъ во Франціи. Всего ранѣе онъ начался тутъ въ Южной Россіи, на Днѣпрѣ и єго притокахъ, въ IX - XII столѣтіяхъ. Всего позднѣе онъ протекалъ въ московскомъ центрѣ (XIV и слѣд. столѣтія). Результатомъ болѣе поздняго развитія государственныхъ учрежденій въ Восточной Европѣ. явилась разница въ формахъ этого развитія. Государство на востокѣ появилось слишкомъ поздно, чтобы вести свое происхожденіе исключительно изнутри, изъ стихійнаго процесса органическаго внутренняго развитія. Оно было принесено на востокъ *извнѣ*. На Западѣ, напротивъ, государство развилось изъ примитивной стадіи племенной жизни черезъ промежуточную ступень племенной аристократіи (старѣйшинъ клановъ). На Востокѣ соціальное разслоеніе внутри племенъ еще не успѣло сдѣлать достаточныхъ успѣховъ, какъ уже появилась потребность въ государствѣ. За отсутствіемъ *внутреннихъ* элементовъ мѣстной, національной государственности — государственныя учрежденія здѣсь просто были наложены *сверху*, надъ учрежденіями племенными. Краснорѣчивая лѣтописная легенда, какъ нельзя лучше символизируетъ такое происхожденіе русскаго государства. "Земля наша велика и обильна", говорили посланцы сѣверныхъ племенъ скандинавскому витязю (викингу), "а порядка въ ней нѣтъ. Приди княжить и владѣть нами". Эта легенда о призваніи варяговъ не напрасно стала ходячимъ крылатымъ словомъ, которое всегда употребляютъ, когда хотятъ сказать, что порядокъ въ Россіи снова приходится вводить извнѣ. Единственная послѣдовательная доктрина русскаго націонализма, славянофильство, тоже использовало эту легенду. Славянофилы хотѣли сказать этимъ, что русскія государственныя учрежденія, происходя изъ-за границы, остались чуждыми русской душѣ и русскому народу. «Земля» не хочетъ дѣлить «грѣха» государства. «Земля» предпочитаетъ выбрать путь "внутренней правды", — путь Маріи, оставивши путь "внѣшней правды", — путь Марфы или путь "порядка", который надо поддерживать силой, — иностраннымъ пришельцамъ. Отнимите при такой концепціи внѣшнюю силу

государства, и русскія "племена" должны снова вернуться въ состояніе естественной "безгосударственности".

И дѣйствительно, въ теченіе столѣтій государственная власть оставалась въ Россіи тѣмъ, чѣмъ была въ эпоху перваго прихода викинговъ. Она была иностраннымъ пришельцемъ, которому слѣдовало оказывать послушаніе только въ мѣру получаемой отъ него пользы. Народъ вовсе не хотѣлъ отождествлять себя съ государствомъ, чувствовать себя частью государства, отвѣтственной за цѣлое. "Земля" продолжала жить и чувствовать себя независимой отъ государственныхъ властей. И это не только было возможно, — это оказывалось даже неизбѣжнымъ при существованіи примитивной до крайности и неразвитой системы управленія. При этой системѣ, характеризующейся крайней разбросанностью исполнительныхъ органовъ власти въ скудно населенной странѣ, центральное правительство было просто не въ состояніи добраться до каждаго отдѣльнаго подданнаго. Приходилось ли ему собирать налоги, или преслѣдовать уголовныхъ преступниковъ, единственнымъ способомъ осуществить власть въ теченіе очень долгаго времени было для него — обратиться къ цѣлой общинѣ, къ которой принадлежалъ плательщикъ или преступникъ. Община связывалась круговой порукой отвѣтственности за своего отдѣльнаго члена. Когда Петръ Великій попробовалъ было измѣнить такой порядокъ вещей и нарушить эту примитивную анархію, введя для этого лучшую по тому времени шведскую систему управленія, то его иностранные совѣтники сообщили ему, что примѣнить эту систему къ Россіи совершенно невозможно по очень простой причинѣ: управленіе одной маленькой провинціей, какъ Лифляндія, по шведскому образцу обходилось дороже, чѣмъ стоило управленіе всей Россіей при сохраненіи стараго традиціоннаго.... безпорядка. И пришлось до времени оставить все по старому.

Очевидно, населеніе было слишкомъ бѣдно, чтобы вынести расходы на усовершенствованныя провинціальныя учрежденія болѣе передовыхъ странъ. Собственно говоря, оно было слишкомъ бѣдно даже и для несенія расходовъ на упрощенное центральное управленіе, расходовъ, которые быстро возрастали. Политическое развитіе и процессъ расширенія русскаго государства постоянно опережали экономическое развитіе Россіи. Поэтому государство всегда принуждено было вымогать отъ своихъ малосостоятель-

ныхъ подданныхъ больше, чѣмъ они могли дать. Это создавало объективную необходимость прибѣгать къ силѣ. При этомъ тяжесть поддержки даже и существующихъ государственныхъ учрежденій оказывалась такъ велика, что населеніе отнюдь не обнаруживало склонности мѣнять традиціонное пассивное повиновеніе власти, вооруженной высшими атрибутами силы, на готовность подчиняться добровольно государству, созданному при собственномъ участіи.

Все это объясняетъ: 1) почему сельское населеніе въ Россіи до послѣдняго времени оставалось въ извѣстномъ смыслѣ анархическимъ по природѣ, 2) почему всѣ существенныя перемѣны приходилось вводить сверху, правительственной властью, и 3) почему каждое новое правительство могло быть увѣрено въ пассивномъ повиновеніи, только бы оно не слишкомъ грабило простой народъ. Эти характерныя черты въ значительной степени помогаютъ понять тѣ формы распада власти, а затѣмъ и формы подчиненія, черезъ которыя прошелъ русскій революціонный процессъ.

Переходимъ теперь къ другому проявленію той же самой основной черты: къ недостатку сцѣпленія среди соціальныхъ элементовъ русскаго общества. Мы не встрѣчаемъ въ соціальной исторіи Россіи никакихъ группировокъ населенія, достаточно плотныхъ, чтобы ограничить правительственную власть. Въ Западной Европѣ при средневѣковомъ феодальномъ строѣ и при позднѣйшемъ ростѣ городскихъ вольностей дѣло стояло иначе. Но на Востокѣ Европы не было ни землевладѣльческой аристократіи, ни буржуазіи, достаточно сильныхъ и объединенныхъ, чтобы диктовать свои условія растущей власти царя. Въ Россіи, такъ же какъ при византійскомъ и при мусульманскомъ режимахъ, вся земля считалась собственностью главы государства, все равно, назывался ли онъ императоромъ, халифомъ или царемъ. Не только землевладѣльческое дворянство не могло ограничить верховной власти въ Россіи, но оно само было создано этой самодержавной властью, какъ классъ военныхъ "слугъ" государя. Царь давалъ своимъ "служилымъ" людямъ "помѣстья" подъ условіемъ несенія дѣйствительной военной службы. Характерно для соціальнаго строя Россіи, что съ XVI вѣка термины "служилый человѣкъ" и "дворянинъ" (т. е. служащій при дворѣ) означали классъ средняго и высшаго благо-

роднаго сословія, причемъ "дворянинъ" изъ низшаго слоя сталъ постепенно высшимъ, оттѣснивъ внизъ "дѣтей боярскихъ", потомковъ независимыхъ землевладѣльцевъ. Правда, что въ XVIII вѣкѣ положеніе дворянскаго класса измѣнилось. Царскія пожалованія окончательно превратились въ неограниченную и безусловную частную собственность, не связанную съ обязательной военной службой, отъ которой дворянство было освобождено. Но крестьянство не забыло, что первоначально "помѣстья" его господъ принадлежали царю и давались "помѣщикамъ" только условно и временно, въ видѣ вознагражденія за службу. Крестьяне такъ и не признали превращенія военныхъ служебныхъ участковъ въ частную собственность и упорно ждали, когда, наконецъ, царь узнаетъ объ ихъ нуждѣ и вернетъ имъ ихъ земли, наградивъ своихъ дворянъ по-прежнему денежнымъ жалованьемъ. Это убѣжденіе легло въ основу длиннаго ряда крестьянскихъ возстаній, не прекращавшихся со времени Екатерины II до самаго освобожденія крестьянъ въ 1861 году. Но понятіе о землѣ, какъ объ исконно - крестьянской собственности, дожило до революціи XX вѣка, и торопливая попытка Столыпина — въ промежуткѣ между двумя революціями — сравнять крестьянскую со всякой другой частной собственностью и тѣмъ смѣшать карты, наткнулась на упорное сопротивленіе той же вѣковой крестьянской идеологіи.

Съ своей стороны дворянство ничего не сдѣлало, чтобы закрѣпить за собой исторически перешедшія къ нему земли. Въ Россіи не было передачи имѣній въ родъ по праву первородства: имѣнія дробились и подраздѣлялись до безконечности, такъ что въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи они до того мельчали и превращались въ такіе крошечные участки, что почти не отличались отъ крестьянскихъ надѣловъ. Такимъ образомъ, въ составѣ дворянства происходила постоянная смѣна. Немногія старинныя дворянскія фамиліи выживали; большая часть вымирала или опускалась на дно соціальной лѣстницы, уступая мѣсто новымъ пришельцамъ сверху — изъ царскаго "двора". Доступъ въ дворянство былъ широко открытъ, а съ Петра Великаго каждый, достигшій извѣстнаго чина на военной или государственной службѣ или (позднѣе) получившій орденъ св. Владиміра, становился дворяниномъ. Мало по малу, правда, и эта аристократія «чина» тоже потеряла значительную часть своихъ

владѣній, — вновь "пожалованныхъ" Екатериной и Павломъ, — и въ свою очередь опускалась внизъ, подобно старой аристократіи "происхожденія". Значительная часть дворянской земли перешла къ крестьянамъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ освобожденіемъ 1861 года. Но дворяне все еще сохранили тогда около 105 милліоновъ десятинъ. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія передъ революцiей они и изъ этого количества потеряли (путемъ продажи или за долги) большую часть. Въ моментъ революціи 1917 года уже только треть указаннаго количества (35 милліоновъ десятинъ) оставалась во владѣніи дворянства. Крестьяне продолжали добиваться перехода въ свои руки и этой трети. Въ революціи 1905 года много помѣщичьихъ усадебъ было сожжено и много помѣщиковъ убито. Это движеніе и сдѣлало неотложной аграрную реформу первыхъ двухъ государственныхъ думъ, и какъ контръ - мѣру, вызвало «ударное» законодательство Столыпина. Столыпинскіе «отрубники» первыми были разгромлены при наступленіи крестьянской революціи лѣта 1917 года. А за ними, какъ извѣстно, сметенъ былъ съ лица Россіи и весь старый землевладѣльческій классъ, — именно какъ правящій, какъ "дворянскій". Дворянское землевладѣніе погибло вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, самодержавіемъ. Я напоминаю здѣсь всѣ эти элементарные факты, чтобы показать, какъ тѣсно этотъ кажущійся произвольнымъ и насильственнымъ исходъ былъ связанъ со всей соціальной исторіей Россіи. По восточному сложилась наша дворянская собственность: по восточному она была и уничтожена.

Перейдемъ теперь къ третьему варіанту той же основной черты, отмѣченной выше: къ слабости *интеллектуальнаго* сцѣпленія между соціальнымъ верхомъ и низомъ русскаго общества. Разумѣется, нельзя отрицать единства національнаго способа мыслить и чувствовать — единства, проходящаго черезъ всѣ соціальные слои. Русскій интеллигентъ — не иностранецъ для своего народа. Въ его интеллектуальномъ творчествѣ сказалась и даже ярко отобразилась душа его націи. Но и здѣсь исторія надолго развела верхи и низы въ разныя стороны и помѣшала ихъ непрерывному взаимодѣйствію. Уже то обстоятельство, что до второй половины XIX вѣка единственнымъ образованнымъ классомъ въ Россіи былъ классъ дворянскій, положило рѣзкую грань между нимъ и народной массой. Интеллигенціи и при-

шлось въ наши дни въ значительной степени раздѣлить судьбу этого класса. Очень долго русская интеллигенція, ведущая свою генеалогію съ реформы Петра Великаго, продолжала играть "служилую" роль по отношенію къ государству. Поколѣніе петровскихъ учениковъ, «птенцовъ гнѣзда Петрова», исключительно для служебныхъ цѣлей, кое-какъ и наскоро нахватало верховъ европейскихъ прикладныхъ знаній. Въ слѣдующемъ поколѣніи — времени императрицы Елизаветы — интеллигенція занялась болѣе пріятнымъ занятіемъ — одѣваться по модѣ, говорить на иностранныхъ языкахъ, танцовать, вести себя культурно. Но цѣлью всего этого оставалось — служить нравамъ двора и не уронить себя при дворянскихъ пріемахъ. Третье поколѣніе — времени Екатерины II — пошло дальше, перейдя отъ ложноклассическихъ образцовъ къ Монтескье и Вольтеру. Но и тутъ начало было положено самой императрицей, и только въ концѣ вѣка, подъ вліяніемъ революціонныхъ идей, часть этой интеллигенціи, на свое горе, попыталась идти собственнымъ путемъ. Четвертое послѣ Петра поколѣніе — Александра I, наконецъ, окончательно рѣшилось — въ наиболѣе передовой своей части — служить не правительству, а странѣ, и перейти изъ роли чиновниковъ въ роль гражданъ. Но туть-то и оказалось, что благодаря и своему соціальному происхожденію, и своему воспитанію, и, наконецъ, правительственной политикѣ, эти піонеры прогресса отрѣзаны отъ непосредственнаго общенія съ народомъ. Въ XIX вѣкѣ эта рознь между интеллигенціей и народомъ даже сильнѣе чувствовалась, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, ибо всѣ три указанныя причины — соціальное положеніе, воспитаніе и правительственная политика — провели еще рѣзче грань между интеллигенціей и народной массой, чѣмъ это было при болѣе элементарныхъ условіяхъ культурной жизни эпохи императрицъ.

Послѣдствія такого отчужденія сказались въ постепенномъ усиленіи абстрактнаго образа мыслей, прогрессировавшаго какъ разъ параллельно съ ростомъ желанія интеллигенціи воздѣйствовать на практическую политику. Въ свою политику интеллигенція поэтому внесла черту, которая отличала ее до самой послѣдней революціи: интеллектуальный максимализмъ. Этому максимализму какъ нельзя лучше соотвѣтствовало и самое содержаніе очередныхъ идеологій, заимствованныхъ поколѣніями

временъ Николая I, Александра II, Александра III изъ западной политической литературы. Еще декабристовъ — поколѣніе времени Александра I, — нельзя назвать максималистами и утопистами. Но непосредственно послѣ ихъ неудачи въ 1825 году русской интеллигенціей завладѣлъ религіозно-философскій максимализмъ эпохи первыхъ славянофиловъ и западниковъ, который и легъ въ основу абстрактно - максималистскаго взгляда Герцена и Бакунина на міровую миссію русскаго народа. Затѣмъ, февральская революція 1848 года сдѣлала нашихъ интеллигентовъ соціалистами утопистскаго типа. Въ слѣдующія десятилѣтія они послушно слѣдовали за метаморфозами европейскаго соціализма, переходя отъ Фурье къ Прудону, отъ Прудона къ Карлу Марксу, отъ Маркса къ революціонному синдикализму типа Сореля и Ленина. Въ то же время, начиная съ середины XIX вѣка, ряды интеллигенціи начали пополняться "разночинцами" изъ низшихъ соціальныхъ слоевъ, а передовое дворянство окончательно бросило военную и гражданскую службу для "либеральныхъ профессій", открывшихся съ "великими реформами" Александа II, — профессій земца, врача, адвоката, журналиста, педагога, ученаго, художника.... Больше всего привлекло и во всѣхъ этихъ профессіяхъ русскую интеллигенцію то, что строго запрещалось самодержавіемъ, но что требовалось страной: политика. Воспитанное на чтеніи лучшихъ политическихъ произведеній запада, это послѣднее поколѣніе, точнѣе, два - три послѣднихъ поколѣнія, очень хорошо знали политическую жизнь и учрежденія передовыхъ демократій всего свѣта. Но доступъ къ изученію собственной демократіи продолжалъ быть прегражденнымъ, а разработка методовъ примѣненія этихъ знаній къ русской дѣйствительности не только не поощрялась и не находила практическаго примѣненія, а напротивъ, преслѣдовалась и оставалась чисто теоретической. Немудрено, что, за исключеніемъ группы, связанной съ земской дѣятельностью, и отчасти университетскихъ профессоровъ — спеціалистовъ по общественнымъ наукамъ — интеллигенція, преимущественно представленная въ политикѣ своими болѣе молодыми членами, оставалась максималистской, абстрактно - мыслившей вплоть до революціи XX вѣка. Ея максимализмъ былъ одной изъ главныхъ причинъ неудачи первой революціи 1905 года. Къ несчастію, онъ не только далеко не исчезъ и ко времени второй

революціи 1917 года, но и нашелъ себѣ особенно обильную пищу въ обстоятельствахъ, созданныхъ войной и непосредственнымъ вмѣшательствомъ народныхъ массъ. Здѣсь, какъ видимъ, тоже черты послѣдней революціи тѣсно связаны со всѣмъ историческимъ процессомъ.

Четвертымъ проявленіемъ недостатка сцѣпленія явились центробѣжныя стремленія *національностей*, населявшихъ россійскую имперію. Нельзя отрицать, что были на лицо и очень сильныя центростремительныя теченія, поддерживаемыя общими интересами, связывавшими національности съ цѣлымъ. Эти общіе интересы сложились въ теченіе вѣковъ. Они вытекали изъ географическаго единства территоріи и изъ взаимной экономической зависимости разныхъ частей ея. Состоявшійся послѣ революціи 1917 года разрывъ до сихъ поръ очень болѣзненно переживается оторвавшимися частями, еще не нашедшими новаго равновѣсія. Но надо признать, что сцѣпленіе этихъ частей съ цѣлымъ скорѣе поддерживалось пассивной привычкой подчиненія, чѣмъ сознательнымъ выборомъ и желаніемъ быть вмѣстѣ. Напротивъ, система крайней централизаціи и подавленія національныхъ особенностей, примѣнявшаяся самодержавіемъ, возмущала національное чувство. Недовольство особенно выросло и обострилось въ послѣдніе тридцать лѣтъ передъ революціей — съ тѣхъ поръ, какъ націоналистически настроенный Александръ III началъ усиленно примѣнять систему насильственной руссификаціи инородцевъ. Уже къ концу XIX столѣтія стало совершенно ясно, что при первомъ же толчкѣ, который переживетъ государство, вожди національныхъ группъ, пробудившихся къ національному самосознанію, будутъ искать внѣ Россіи поддержки и союзниковъ въ своей борьбѣ противъ бюрократической централизаціи и русскаго націонализма.

Таковы основные моменты, глубоко уходящіе корнями въ исторію прошлыхъ столѣтій, которые не могли не выйти наружу при первой серьезной встряскѣ и не произвести соотвѣтственнаго вліянія на опредѣленіе физіономіи русской революціи. Спеціальныя особенности, отличающія эту революцію, ея національное лицо, сводятся, такимъ образомъ, 1) къ самобытному анархизму массъ, удерживавшихся режимомъ насилія въ состояніи пассивнаго подчиненія, 2) къ упадку вліянія правящаго класса, осужденнаго на гибель и цѣплявшагося для своего

спасенія за такую же клонившуюся къ паденію силу — самодержавіе, 3) къ теоретическому максимализму революціонной интеллигенціи, склонной къ утопическимъ рѣшеніямъ и лишенной политическаго опыта, и 4) къ сепаратистскимъ стремленіямъ интеллигентскихъ вождей національныхъ меньшинствъ. Соединеннымъ результатомъ дѣйствія этихъ факторовъ явился русскій большевизмъ — специфически русскій продуктъ, выросшій на національной почвѣ и невозможный въ этомъ видѣ нигдѣ, кромѣ Россіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Почему большевики взяли вверхъ?

I.

Контрастъ двухъ революцій: февральской и октябрьской. — Психологія революцій. — Большевизмъ. — Стадія революціоннаго процесса. — Движущія пружины революціи: 1) Демагогическій аргументъ — «контръ - революція»; 2) Рѣшающій факторъ — война.

Всего восемь мѣсяцевъ (февраль - октябрь) отдѣляють первую революцію 1917 года отъ второй. Мы теперь знаемъ, почему была неизбѣжна первая революція, февральская. Но почему стала необходима вторая, октябрьская? Этотъ вопросъ тѣмъ естественнѣе, что обѣ революціи стояли въ полнѣйшемъ контрастѣ другъ съ другомъ. Первую, февральскую мы называли «безкровной» и считали національной и разумной. Это былъ плодъ порыва всѣхъ частей націи и всѣхъ политическихъ группъ — включая и консервативныя — къ освобожденію отъ устарѣвшей политической формы, мѣшавшей объединить всѣ силы націи въ общемъ усиліи самозащиты отъ внѣшняго врага. Но вторая революція, октябрьская, наоборотъ, разъединила націю и стала сигналомъ длительной гражданской войны, въ которой были примѣнены худшіе виды насилія. Въ противоположность національному характеру февральской революціи, октябрьскій переворотъ самъ объявилъ себя интернаціональнымъ. Руководство революціей перешло при немъ отъ признанныхъ лидеровъ — оппозиціонеровъ думы послѣдняго десятилѣтія — къ группѣ вождей, только - что бывшихъ изгнанниками и собравшихся въ Россію со всѣхъ концовъ свѣта — изъ Женевы, Парижа, Лондона, Нью - Іорка. Самыя цѣли, въ противоположность опредѣленному національному заданію февральскаго переворота — спасти Россію отъ пораженія, были явно утопиче-

скими — коммунизмъ въ Россіи и во всемъ мірѣ. Какъ же случилось, что эта утопическая и интернаціональная по своей вывѣскѣ революція побѣдила разумную и національную? И какъ случилось, что разумная и національная революція просуществовала всего восемь мѣсяцевъ, тогда какъ утопическая и интернаціональная приближается уже къ своему десятилѣтію? Попытаемся отвѣтить здѣсь на первый изъ этихъ вопросовъ. Отвѣтъ на второй будетъ данъ въ слѣдующей главѣ.

Первый и общій отвѣтъ нетруденъ. Русская революція не была бы революціей, если бы она остановилась на первой стадіи и не дошла до крайностей. Продѣлать всѣ стадіи — такова судьба всѣхъ настоящихъ революцій. Всѣ онѣ начинались сравнительно скромно и сдержанно, — и всѣ развивали крайнія тенденціи по мѣрѣ того, какъ власть ускользала изъ рукъ умѣренныхъ группъ, захватившихъ ее первоначально, и попадала въ руки импровизированныхъ вождей неорганизованныхъ массъ. Чѣмъ эти вожди могли привлечь къ себѣ вниманіе массъ? Очевидно, прежде всего, рѣзкой критикой поведенія своихъ предшественниковъ. Массы, естественнно, недовѣрчивы и подозрительны. Разъ революція началась, у нихъ появляется инстинктивная боязнь, какъ бы она не кончилась слишкомъ рано и слишкомъ близко къ своему исходному пункту. Масса не хочетъ вождей и политическихъ партій, которые становятся ей извѣстны въ готовомъ видѣ, — но желаютъ говорить отъ ея имени. Она не вѣритъ во все то, что имѣетъ прошлое. Она хочетъ выбирать и санкціонировать своихъ вождей сама, — и останавливается на послѣднихъ пришедшихъ. Всѣ предыдущіе, хотя бы они были дѣятелями той же революціи, очень скоро дискредитируются, какъ «контръ - революціонеры», желающіе остановить революцію раньше ея естественнаго конца, и , слѣдовательно, лишить массы какихъ - то возможныхъ, но неизвѣданныхъ достиженій. Уроки прошлаго при этомъ не научаютъ, — даже если и становятся извѣстны: каждая нація должна, очевидно, сама продѣлать свой собственный опытъ.

Вотъ почему никакая большая революція не ограничивается своей первоначальной цѣлью — болѣе или менѣе драматическимъ сверженіемъ старой центральной власти. Революція есть сложный и длительный процессъ: постепенная смѣна настореній въ широкихъ соціальныхъ слояхъ. Нужно время, чтобы этотъ процессъ

начался въ массахъ и прошелъ черезъ всѣ свои естественныя стадіи. Пока онѣ не пройдены, революція должна слѣдовать своему неизбѣжному курсу и не можетъ остановиться на серединѣ. Революціонный пожаръ *долженъ* выжечь до тла все, что уцѣлѣло отъ низвергаемаго порядка, — не только всѣ учрежденія, но и всѣ пережитки психологіи. Она останавливается среди созданныхъ ею развалинъ и произведеннаго опустошенія лишь тогда, когда съ удовлетвореніемъ замѣчаетъ, что среди элементовъ предстоящей реконструкціи нѣтъ сомнительныхъ: все зелено, но не гнило. Только тогда она успокаивается на соціальныхъ и политическихъ достиженіяхъ, не допускающихъ реставраціи и навѣрное не имѣющихъ связи съ прошлымъ.

Съ этой точки зрѣнія и «коммунистическая» революція 25 октября 1917 года не есть что то новое и законченное. Она есть лишь одна изъ ступеней длительнаго и сложнаго процесса русской революціи. Мы увидимъ, что никакого «коммунизма» не было введено въ Россіи и что сами коммунисты въ процессѣ революціи должны были приспособляться къ условіямъ русской дѣйствительности, чтобы существовать. Большевистская побѣда въ этомъ смыслѣ лишь продлила общій процессъ русской революціи. Она только открыла новый періодъ ея. Существенна въ этой побѣдѣ не поверхностная смѣна лицъ и правительствъ — и даже не перемѣна ихъ тактикъ и программъ, а непрерывность великаго основного потока революціоннаго преобразованія Россіи, плоды котораго одни только и переживутъ всѣ отдѣльныя стадіи процесса.

Таковъ общій и предварительный отвѣтъ на вопросъ, почему большевики побѣдили. Онъ, однако, настолько общъ, что въ немъ тонетъ и уничтожается отдѣльная роль лицъ и партій и устраняется вопросъ объ ихъ индивидуальной отвѣтственности. Вопросъ объ отвѣтственности для историка можетъ быть не интересенъ. Но и для него — для простого пониманія индивидуальнаго историческаго процесса, для объясненія національнаго лица революціи—эти подробности необходимы. Можетъ быть, ничто не могло случиться иначе, чѣмъ случилось. Но почему оно случилось именно такъ, а не иначе? Въ концѣ предыдущей главы мы искали этого индивидуальнаго объясненія національнаго лица русской революціи въ прошломъ. Мы не можемъ уклониться отъ выясненія тѣхъ же индивидуальныхъ

чертъ, унаслѣдованныхъ отъ этого историческаго прошлаго, въ настоящемъ, въ самомъ процессѣ революціи.

Итакъ, что заставило русскую революцію въ ея индивидуальномъ процессѣ развиваться по тѣмъ ступенямъ, которыя она проходила? Въ великой французской революціи, напримѣръ, мы знаемъ, каковы были эти движущія пружины, превратившія скромное начало въ настоящую революцію, въ глубокій національный массовый процессъ. Были ли на лицо тѣ же мотивы въ русскомъ дореволюціонномъ движеніи? Какъ будто, ихъ не было. Прежде всего, у насъ не было той борьбы за и противъ старой неограниченной власти, которая составила содержаніе перваго періода французской революціи. Царская власть сдалась сразу — послѣ отреченія Николая и послѣ отказа назначеннаго имъ преемника, в. к. Михаила, взойти на престолъ раньше рѣшенія учредительнаго собранія. Наши монархисты сразу стушевались, и не было учрежденія, въ которомъ могла бы вестись словесная борьба за прерогативу царской власти. Формально или фактически, в с ѣ политическія теченія, продолжавшія активно участвовать въ политикѣ, — даже и консервативныя, — стали республиканскими. Затѣмъ, у насъ не было того страха передъ иностраннымъ нашествіемъ, не было тѣхъ опасеній, что придутъ иностранцы и возстановятъ свергнутую власть, которыя доводили до пароксизмовъ отчаянія и паники общественное мнѣніе временъ національнаго собранія и конвента французской революціи. У насъ не было въ то время и знатныхъ эмигрантовъ, которые бы настаивали передъ иностранными дворами на интервенціи. Эта опасность отчасти появилась *потомъ,* при к л а с с о в о й октябрьской революціи. Но въ *первой* стадіи — февральской «безкровной» революціи — русскій революціонный процессъ не имѣлъ никакихъ видимыхъ враговъ — ни «внутреннихъ», ни «внѣшнихъ». Долгое время ссылка на «контръ - революціонную опасность» оставалась лишь демагогическимъ пріемомъ, лишеннымъ реальнаго основанія, если не считать, что «контръ - революція» существовала потенціально.

И однако же, этотъ аргументъ постоянно употреблялся, чтобы «толкать» впередъ революціонный процессъ. Цѣлью было при этомъ выдвиженіе впередъ «революціонной демократіи», сперва въ ея умѣренныхъ, а затѣмъ и въ ея неумѣренныхъ элементахъ. Самый терминъ «революціонная демократія», при-

думанный специально Церетели для данной конъюнктуры, оказался достаточно неясенъ и эластиченъ, чтобы, въ предѣлахъ восьми мѣсяцевъ между февралемъ и октябремъ, послужить для ряда политическихъ модуляцій изъ болѣе умѣренныхъ въ болѣе крайніе тона. Конечнымъ результатомъ этихъ модуляцій было то, что былъ откинутъ, какъ ставшій ненужнымъ, и самый терминъ «демократія». Но, очевидно, *не эта* политическая терминологія, употребленіе которой ограничивалось верхами, могла сама по себѣ двигать впередъ революціонный процессъ. Дѣйствительныя пружины, мѣнявшія настроенія массъ, скрывались внутри; о нихъ до времени не говорили, а отчасти даже ихъ и не замѣчали. Тѣмъ не менѣе, эти пружины были весьма реальны. Въ нихъ надо разобраться, если хотимъ объяснить себѣ индивидуальное лицо русскаго революціоннаго процесса.

Главной и основной пружиной, развертывавшейся въ этомъ процессѣ постепенно, но неуклонно, надо считать *войну* — съ ея внѣшнимъ ходомъ и съ ея послѣдствіями на фронтѣ и внутри Россіи. Неудачный ходъ войны далъ въ сущности успѣхъ февральской революціи въ лицѣ ея рѣшающихъ факторовъ (дума, военные вожди). Но положительное отношеніе революціонной власти къ продолженію войны послужило затѣмъ первой причиной ея ослабленія. Та же война, еще до революціи, воспитала «пораженческіе» кадры, помогла имъ организоваться въ международномъ масштабѣ (Циммервальдъ), а послѣ революціи двинула эти кадры противъ дѣятелей февральской революціи и дала часть основной программы октябрьскому перевороту. Наконецъ, послѣдствія войны на фронтѣ и внутри Россіи заранѣе расположили народныя массы въ пользу тѣхъ, кто явился самымъ смѣлымъ отрицателемъ войны — и вмѣстѣ съ тѣмъ оказался отрицателемъ февральской революціи. Война, въ этомъ смыслѣ, приготовила народъ къ октябрьской революціи. Разобравшись во всѣхъ перечисленныхъ моментахъ вліянія войны на революцію, мы ближе подойдемъ и къ пониманію главныхъ особенностей русской революціи.

Конечно, война не была единственнымъ факторомъ. О немъ даже меньше другихъ говорили въ процессѣ революціонной борьбы. Только къ концу февральской стадіи значеніе этого фактора стало пониматься въ широкихъ кругахъ. На первомъ планѣ стояли другія задачи и другіе лозунги. «Союзныя обяза-

тельства», «Учредительное собраніе», «земельный вопросъ», «рабочій контроль надъ фабриками», задачи сохраненія производительныхъ силъ, стремленія національностей... Но политическое содержаніе всѣхъ этихъ лозунговъ по необходимости мѣнялось, смотря по тому, защищались ли они сторонниками продолженія или сторонниками прекращенія войны, защитниками «февраля» или подготовителями «октября». Послѣдніе постепенно овладѣвали всѣми этими лозунгами, отбрасывая одни, принимая другіе въ томъ толкованіи, какое давали сами сторонники февраля, истолковывая, наконецъ, по своему, въ процессѣ политической конкуренціи, третьи. Такъ, по наслѣдству или по контрасту, программа февральской революціи превратилась въ программу октябрьскаго переворота при активномъ содѣйствіи самой «революціонной демократіи». Здѣсь открывается мѣсто и поводъ уже не только для характеристики индивидуальныхъ чертъ русской революціи, но и для оцѣнки поведенія отдѣльныхъ лицъ и политическихъ партій. Перейдемъ же теперь къ болѣе внимательному разбору всѣхъ отмѣченныхъ чертъ, — поскольку это нужно для рѣшенія основного вопроса этой главы: почему одержали верхъ большевики?

II.

Противорѣчія революціи. — «Война до побѣднаго конца». — Дума и монархія стушевываются первыя. — «Совѣтъ» и временное правительство. — Соціалисты противъ участія во власти. — Пріѣздъ Ленина и циммервальдизмъ. — Международное происхожденіе и цѣли Циммервальдъ - Кинталя. — Пропаганда въ Россіи противъ войны.

«Война до побѣднаго конца въ тѣснѣйшемъ единеніи съ союзниками»: такъ формулировало одну изъ основныхъ задачъ революціи временное правительство въ своемъ обращеніи къ гражданамъ 6 марта. Именно э т а цѣль объединила вокругъ революціи консервативныя группы общественнаго мнѣнія съ либеральными, Государственную Думу съ главнокомандующими армій на всѣхъ фронтахъ. Какъ бы ни преувеличивали лѣвые элементы (въ дѣйствительности застигнутые врасплохъ) свою роль въ этой начальной стадіи революціи, даже и они не могли отрицать, что участіе того и другаго элемента, Государственной Думы и оффиціальныхъ вождей арміи, было существенно необходимо для самаго успѣха революціи. Не будь Думы съ ея признанными вождями общественнаго мнѣнія, конечно, отвѣтственные

руководители арміи, какъ Алексѣевъ, Рузскій и другіе, не дали бы царю совѣта — отречься; вооруженная борьба, которую хотѣлъ царь и на которую побуждала его царица, приняла бы иной характеръ, чѣмъ неудачная попытка ген. Иванова. Одни только крайніе лѣвые элементы, оставшись безъ средоточія, которое могло принять на себя власть и овладѣть настроеніемъ, не смогли бы удержаться*). Лучшее доказательство этого — собственное сознаніе лѣвыхъ элементовъ. И въ этотъ первый моментъ, и нѣкоторое время спустя эти лѣвые элементы признавали себя совершенно неподготовленными, чтобы взять власть. Они не хотѣли даже вводить въ составъ перваго правительства кого - либо изъ своихъ (Керенскій вошелъ въ значительной степени за свой страхъ, оказавъ давленіе на совѣтъ рабочихъ депутатовъ) и ограничивались лишь той или другой степенью контроля и «давленія» надъ «буржуазнымъ» временнымъ правительствомъ, съ цѣлью выиграть время и получить достаточный просторъ для организаціи дружественныхъ себѣ элементовъ **).

Совершенно правы поэтому, съ другой стороны, и русскіе реакціонеры, когда они считаютъ думскихъ лидеровъ отвѣтвѣтственными за успѣхъ революціи. Было бы неправильно со стороны умѣренныхъ элементовъ Думы отрицать свою отвѣтственность послѣ того, какъ революція приняла не то направленіе, какого они желали. Совершенно другой вопросъ, отвѣтственны ли они за самую эту перемѣну направленія, — за дальнѣйшее развитіе революціи и переходъ ея въ другія стадіи. Тутъ вопросъ осложняется не только тѣмъ, общимъ для всѣхъ революцій, закономъ полѣвѣнія, который мы отмѣтили выше, но также и тѣмъ фактомъ, что полѣвѣніе это конкретно совершалось не сразу и не катастрофически, а путемъ цѣлаго ряда переходныхъ оттѣнковъ, среди которыхъ менѣе опытные политическія лица и теченія разбирались съ трудомъ и разобрались не сразу. Каждое изъ болѣе умѣренныхъ теченій оказалось при этомъ ходѣ революціи въ противорѣчіи съ самимъ собой. Раньше

---

*) О настроеніяхъ въ ставкѣ и среди командующихъ фронтами см. пятую главу «Воспоминаній» ген. А. С. Лукомскаго съ приложенными къ ней матеріалами. См. также его выводъ, характеризующій настроеніе военныхъ на стр. 151.

**) См. все послѣдующее изложеніе. О настроеніяхъ лѣвыхъ круговъ въ первые дни революціи см., напр., въ «Запискахъ о революціи» Н. Суханова, ч. I, 141, 153 и др.

чѣмъ каждое успѣло вполнѣ осознать это противорѣчіе, оно приведено было ходомъ вещей къ фактической капитуляціи. Такъ разрѣшились три основныя противорѣчія, которыми страдали правительственныя, оппозиціонныя и соціалистическія партіи. Умѣренная и лояльная, монархически настроенная въ своемъ огромномъ большинствѣ государственная дума первая сдала свою позицію — не только самодержавія, но и монархіи вообще. Именно умѣренныя группы государственной думы растерялись всего болѣе передъ напоромъ крайнихъ тенденцій и панически капитулировали передъ ними, чтобы затѣмъ окончательно исчезнуть съ поля политической борьбы. Надо признать, что при огромномъ разстояніи, которое отдѣляло эти группы и ихъ политическія программы отъ устремленій эпохи революціи, это исчезновеніе было совершенно неизбѣжно. Предсѣдатель думы Родзянко имѣлъ намѣреніе сдѣлать изъ государственной думы практическій и правовой факторъ, который могъ бы влiять на событія февральскаго періода революціи*). Но это начинаніе было совершенно безнадежно. Та репутація либерализма, съ которой дума могла выступить въ первые дни революціи, была создана ей исключительно рѣчами ораторовъ оппозиціи и стояла въ рѣшительномъ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ составомъ ея членовъ — продуктомъ избирательной кампаніи 1912 года, проведенной подъ сильнѣйшимъ правительственнымъ давленіемъ. «Прогрессивный блокъ» этой думы былъ прогрессивнымъ только по отношенію къ тенденціямъ двора и ставленниковъ Распутина. Легенда о томъ, что Государственная дума, какъ учрежденіе, стала во главѣ революціи, рѣшивъ будто-бы послѣ своего оффиціальнаго роспуска 26 февраля «не разъѣзжаться», совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дума, наоборотъ, послушно подчинилась роспуску — и была въ своемъ цѣломъ совершенно неспособна на красивый революціонный жестъ. Самый рево-

*) См. воспоминанія М. В. Родзянко: Гос. Дума и февральская революція. Архивъ Р. Революціи, VI, 63, 65, 71-73. Въ первыя минуты М. В. Родзянко предполагалъ, что «полная власть» переходитъ «въ его руки» и требовалъ спеціально отъ Керенскаго «безусловно слѣпо повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ». Скоро онъ убѣдился въ своей ошибкѣ и сталъ требовать созыва Г. Думы или всѣхъ четырехъ Думъ. Мои возраженія, о которыхъ онъ упоминаетъ, основывались на оцѣнкѣ его личности и на оцѣнкѣ политическаго значенія Думы, помимо тѣхъ юридическихъ возраженій (связь Думы со старыми основными законами), которыя онъ приводитъ.

люціонный взрывъ этихъ дней не имѣлъ никакого отношенія къ роспуску думы, о которомъ ни массы, ни возставшіе солдаты совершенно ничего не знали. «Временный комитетъ членовъ государственный думы» былъ частнымъ учрежденіемъ, которое только ходомъ событій и молчаливымъ признаніемъ массъ было поставлено во главу революціи. Вышедшее изъ среды этого комитета «временное правительство», возглавленное признаннымъ вождемъ земско-городского движенія княземъ Львовымъ, не имѣло другого титула для своего существованія, кромѣ репутаціи своихъ членовъ, конечно, связанной съ дѣятельностью большинства ихъ въ государственной думѣ. Уходившая въ исторію власть, въ лицѣ отказавшагося великаго князя Михаила Александровича, пробовала дать этому правительству санкцію преемственности; но въ глазахъ революціи этотъ титулъ былъ настолько споренъ и такъ слабо формулированъ самимъ в. к, М. А. *), что на него никогда впослѣдствіи не ссылались. Такимъ образомъ, у пишущаго эти строки въ отвѣтъ на вопросъ, въ упоръ поставленный ему 2 марта на митингѣ въ Екатерининской залѣ Таврическаго дворца при его докладѣ о назначеніи временнаго правительства: кто васъ выбралъ, былъ одинъ только готовый отвѣтъ: «насъ выбрала русская революція».

Но у органа русской революціи нашелся немедленно и конкурентъ, предъявившій свои права — пока еще не на участіе во власти, а на контроль надъ нею. Въ первый же день революціи рядомъ съ Госуд. Думой появился въ залахъ Таврическаго дворца наскоро созванный «совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», учрежденіе, сохранившее въ глазахъ революціонизированныхъ массъ авторитетъ со времени неудавшейся революціи 1905 года. При обстановкѣ первыхъ дней революціи совѣтъ не считалъ себя призваннымъ захватить тотчасъ же власть, выпавшую изъ рукъ царя. Какъ только обнаружилась фактически инціатива думскаго комитета, совѣтъ уступилъ ему мѣсто. Взаимныя отношенія между двумя учрежденіями, изъ которыхъ одно только — именно временное правительство — признавало себя и было признано другими законной властью, были установлены на основѣ соглашенія, заключеннаго

---

*) «Прошу всѣхъ гражданъ... подчиниться временному правительству, по почину Г. Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти.»

1 - 2 марта при участіи пишущаго эти строки. По этому соглашенію, «демократія» признавала создавшееся правительство «властью», хотя и «создавшейся изъ общественно - умѣренныхъ слоевъ общества», но, «въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія (принятыхъ) обязательствъ», заслуживающей «поддержки демократіи», каковая и «должна быть ей оказана» *).

Съ момента заключенія этого соглашенія и фактической ликвидаціи монархіи — при участіи консервативныхъ членовъ государственной думы, — мы вступаемъ въ періодъ дѣйствія второго внутренняго противорѣчія, которое въ своей «исторіи революціи» я формулировалъ словами: «буржуазная власть подчиняется цѣлямъ соціализма». Противорѣчіе это развертывается въ томъ же направленіи, какъ и первое: въ направленіи капитуляціи болѣе умѣреннаго теченія передъ болѣе крайнимъ, которое, въ свою очередь, впослѣдствіи капитулируетъ передъ самымъ крайнимъ — большевизмомъ. Обыкновенно, этотъ переходный періодъ революціи характеризуется, какъ періодъ «двоевластія» правительства и совѣта рабочихъ депутатовъ. Но при первомъ, единственно «буржуазномъ» изъ четырехъ революціонныхъ правительствъ февральскаго періода, по крайней мѣрѣ въ первое время, этого «двоевластія» еще не было. Правда, съ первыхъ же дней была организована «контактная комиссія» представителей совѣта рабочихъ депутатовъ, которая въ опредѣленные дни засѣдала съ представителями правитель-

---

*) См. мою «Исторію второй русской революціи», I, стр. 45 - 49, и Н. Суханова «Записки о революціи», I. 213-214, 221-223. 224-241, 255-262, 269-289, 295-300, 307-321, 331-344. Изложеніе фактовъ, съ множествомъ интересныхъ деталей, прерывается у Суханова собственными догадками, очень часто невѣрными, и разсужденіями съ точки зрѣнія «послѣдовательно мыслящаго марксиста, вообще, и циммервальдца, въ частности». Вообще же, несмотря на эти ограниченія, Сухановъ - хорошій наблюдатель и талантливый писатель.... Его характеристики ярки и большей частью вѣрны; его описанія — красочны. Въ его политической позиціи есть черта, которая даетъ ему возможность наблюдать со стороны — и наблюдать, поэтому, довольно объективно. Это именно его положеніе далеко налѣво отъ совѣтскаго центра, но въ то же время не съ большевиками. Моя политическая позиція — направо отъ совѣтскаго центра, но не съ правыми элементами «буржуазіи» — ставила меня въ аналогичное положеніе съ другой стороны. Неудивительно, что въ характеристикѣ положенія совѣтскаго центра мы часто сходимся. Но Суханову лично извѣстна та сторона событій и личныхъ отношеній, которая была скрыта отъ моего непосредственнаго наблюденія. Такимъ образомъ, при всей непріемлемости точки зрѣнія Суханова и при обиліи фантастическихъ неточностей, семь то-

ства въ Маріинскомъ дворцѣ, предъявляя правительству свои жалобы или «требованія». Но она не отрицала власти временнаго правительства и далеко не всегда ея претензіи удовлетворялись. Изъ провинціи уже начали приходить тревожные вопросы, свободно ли правительство и нѣтъ ли для него опасности со стороны совдепа. На эти вопросы члены правительства неизмѣнно отвѣчали заявленіями о своей полной свободѣ и о дружественномъ согласіи съ совѣтомъ. Меньшевикъ Данъ говорилъ 8 апрѣля: «это клевета, будто совѣтъ хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти... Власть — это временное правительство». Однако, вопросъ оказался спорнымъ уже на первомъ съѣздѣ совѣтовъ, 30 марта. Стекловъ, главный участникъ «контактныхъ» совѣщаній, оправдывался тѣмъ, что «въ первые дни революціи не было еще на кого опереться; мы имѣли передъ собою лишь неорганизованную массу... Со всѣхъ сторонъ сообщалось, что въ Петроградъ идутъ войска съ цѣлью усмиренія революціи». «Но теперь положеніе измѣнилось: за спиною совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — армія и народъ», возражалъ оппонентъ Стеклова, военный врачъ Есиповскій. «Представители революціоннаго пролетаріата должны поэтому войти въ составъ временнаго правительства. Правительство должно быть *коалиціоннымъ*. Пока этого не произойдетъ, двоевластіе неизбѣжно».

Со стороны лѣвыхъ партій противъ этого предложенія, уже раздѣлявшагося многими, продолжали выставляться серьезныя возраженія, какъ принципіальныя, такъ и тактическія. Принци-

мовъ его «Записокъ о революціи» (Берлинъ 1922-1923) являются полезнымъ дополненіемъ, къ моему собственному изложенію въ трехъ томахъ (Софія, 1921-1922). Естественно также, что представители центральныхъ совѣтскихъ позицій съ своей точки зрѣнія будутъ критиковать наши изложенія—и въ томъ, въ чемъ они расходятся (въ силу противоположности политическихъ критеріевъ), и въ особенности въ томъ, въ чемъ они сходны, ибо это сходное есть критика центральныхъ совѣтскихъ позицій. Во всякомъ случаѣ, книги Суханова и мои суть единственные два связные разсказа о всѣхъ восьми мѣсяцахъ февральской революціи. Имѣются изложенія на иностранныхъ языкахъ, но они менѣе удовлетворительны. Сюда относятся: From Liberty to Brest-Litovsk. The first year of the Russian Revolution, by Ariadna Tyrkova-Williams, Mackmillan, London, 1919, стр. 526. The Birth of the Russiane Democracy, by A. I. Sack, New Iork, 1918, три изданія, 556 стр., 154 иллюстраціи Aimé Masson. Histoire complète de la Revolution Russe, Paris, 1917, стр. 256 — и др. Очень полезны при изученіи февральской революціи календарныя сводки фактическихъ данныхъ, изданныя «Издпартомъ»: Н. Авдѣевъ, Революція 1917 года (хроника событій) т. I, январь-апрѣль, т. II, апрѣль-май, и Вѣры Владиміровой, Революція 1917 г. т. III, іюнь-іюль и т. IV, августъ-сентябрь.

ціальное возраженіе было особенно отчетливо формулировано на томъ же съѣздѣ Гендельманомъ (соціалистомъ - революціонеромъ) и Сухановымъ - Гиммеромъ (соціальдемократомъ). Гендельманъ говорилъ: «если взять правительство въ свои руки, то это значило бы, что революція — перманентная; что мы можемъ настоящую революцію довести до революціи соціальной. А такая революція сейчасъ невозможна; если же невозможна, то нельзя давать своего авторитета мѣрамъ, которыя носятъ буржуазный характеръ; нельзя брать на себя власть ни цѣликомъ, ни частично». Сухановъ выражался еще опредѣленнѣе. «Мы сейчасъ совершаемъ не соціалистическую, а буржуазную революцію, а потому во главѣ ея должны стоять и дѣлать буржуазное дѣло ея люди изъ буржуазіи». Соціалистамъ же «пришлось бы своими соціалистическими руками дѣлать буржуазное дѣло, и это было бы гибелью довѣрія демократіи и соціалистическихъ партій къ своимъ вождямъ». Тутъ было совершенно вѣрно предсказано то, что случилось. Принципіальное возраженіе противъ участія во власти было формулировано, какъ видимъ, въ терминахъ тактики. И эти тактическія соображенія были еще откровеннѣе выражены членомъ съѣзда Пумпянскимъ. «Принять сейчасъ коалиціонное министерство—значитъ понизить гребень революціонной волны, на вершинѣ которой стоите вы... Коалиціонное министерство есть примиреніе, смягченіе и пониженіе революціонности, а этого дѣлать мы не должны». Другими словами, сохраненіе власти за буржуазіей было разсматриваемо, какъ средство дальнѣйшаго развертыванія революціонной пружины — въ формѣ оппозиціи къ ней. Для этого развертыванія нужно было, преждевсего, выиграть время, такъ какъ утвержденіе, что «народъ и армія — за спиной совѣта», далеко еще не отвѣчало дѣйствительности. И самый съѣздъ совѣтовъ, на которомъ обсуждался вопросъ о правительствѣ, былъ еще признанъ неправомочнымъ — по своей неполнотѣ, хотя на немъ и присутствовали 480 делегатовъ отъ 138 мѣстныхъ совѣтовъ и отъ 56 тыловыхъ и фронтовыхъ организацій*).

Въ ожиданіи, пока достаточно укрѣпившись, умѣренныя соціалистическія партіи согласятся «дѣлать буржуазное дѣло»,

---

*) Моя «Исторія», I, 73-76. Авдеевъ, I, 151-167. Сухановъ, II, 393-400.

участвуя въ буржуазномъ правительствѣ, — первому буржуазному правительству предоставлялось дѣлать «буржуазными руками соціалистическое дѣло». Подъ этимъ условіемъ его и терпѣли. Стекловъ, конечно, нѣсколько преувеличивалъ, когда на томъ же съѣздѣ заявлялъ, защищая резолюцію одобренія правительству: «та же самая программа, которую нынѣ осуществляетъ временное правительство подъ аплодисменты всей россійской буржуазіи, встрѣтила бы со стороны командующихъ классовъ самое энергичное сопротивленіе, если бы ее проводили мы подъ фирмой совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ». Но, во всякомъ случаѣ, правительство не мѣшало проведенію «той же самой программы» (въ ея начальной стадіи) и «постольку» до времени терпѣлось. Церетели, яснѣе другихъ понимавшій невозможность соціалистической республики и неизбѣжность буржуазной, на этомъ основаніи защищалъ правительство. Онъ придумалъ, какъ сказано, для большаго удобства защиты, эластическій терминъ «революціонной демократіи», объединявшій соціализмъ со всей той частью буржуазіи, которая еще не «отпала отъ революціи». Что съ теченіемъ времени она должна будетъ «отпасть» и что положеніе остается временнымъ и переходнымъ, это принужденъ былъ признать и самъ Церетели, въ качествѣ марксиста.

Въ такомъ, довольно неопредѣленномъ положеніи было дѣло, когда 3 апрѣля пріѣхалъ въ Петроградъ Ленинъ. Его тезисы, заявленные на другой же день по пріѣздѣ, окатили холоднымъ душемъ даже его приверженцевъ. Его противники изъ среды умѣренныхъ соціалистовъ и нѣкоторыхъ болѣе наивныхъ радикаловъ торжествовали: теперь - то, по ихъ убѣжденію, Ленинъ долженъ былъ разоблачить самого себя — и остаться одинокимъ въ собственной средѣ. Въ дѣйствительности, тутъ начинался новый, рѣшающій періодъ революціи. Среди теченій, ослабленныхъ внутренними противорѣчіями, Ленинъ одинъ былъ послѣдователенъ. И развертываніе революціи, на которомъ такъ настаивали даже и умѣренные соціалисты, пошло не по ихъ линіи, а по линіи Ленина. Вотъ почему, раньше чѣмъ мы перейдемъ къ ихъ колебаніямъ, познакомимся съ линіей большевиковъ.

Эту линію можно обозначить однимъ словомъ: циммервальдизмъ. Пріѣхавшіе въ Россію большевики привезли ее изъ - за границы готовой. Созданная въ интернаціональной средѣ, она естественно была переполнена интернаціональными элементами. Но ея основ-

ная пружина — непримиримое отрицаніе войны, — «пораженчество», — давала могучее средство для внутренней демагогіи.

Идея о связи грядущей соціальной революціи съ внѣшней войной, именно съ неудачей войны, несомнѣнно, если не занесена въ заграничную соціалистическую среду, то сильно укрѣплена въ ней русскими соціалистами. Они уже сдѣлали попытку, несовсѣмъ неудачную, утилизировать настроеніе, созданное пораженіемъ русскаго правительства въ японской войнѣ 1905 г. Но въ неудавшейся революціи 1905 года единственный тактическій пріемъ русскихъ соціалистовъ - большевиковъ былъ тотъ, къ которому, какъ къ крайней и послѣдней мѣрѣ, учили прибѣгать западные соціалисты. Это была — всеобщая стачка. Политическій успѣхъ октябрьской стачки этого года окрылилъ соціалистовъ громадными надеждами. Но эти надежды были совершенно уничтожены полнымъ проваломъ декабрьской стачки, долженствовавшей по ихъ плану перейти въ вооруженное возстаніе, разбитое на московскихъ баррикадахъ. Они увезли съ собой въ эмиграцію разочарованіе въ методѣ стачки и должны были искать другого. Эти поиски свелись къ разсчету на повтореніе пропущеннаго шанса, — на новую неудачную войну. Западный соціализмъ и даже крайнее его выраженіе, «революціонный синдикализмъ», все еще продолжали разсчитывать на всеобщую стачку, какъ на средство предупредить войну. Русскіе «товарищи», вѣроятно, уже въ это время думали не столько о томъ, чтобы предупредить войну (они учили, что въ капиталистическомъ строѣ войны неизбѣжны), сколько о томъ, чтобы ее утилизировать, переведя войну на фронтѣ въ соціальную революцію внутри. Для этой цѣли уже и за-границей была усвоена, на ряду съ идеей международной всеобщей стачки (намѣченной на случай войны международными конгрессами въ Штутгартѣ 1907 и въ Базелѣ 1912,) также и идея антимилитаристской пропаганды въ арміи*). Насколько мысли о возможности превращенія войны въ

---

*) **Штутгартская** резолюція, принятая подъ вліяніемъ антимилитаристской пропаганды Эрве: «если наступитъ опасность войны, обязанность рабочаго класса... воспрепятствовать войнѣ всѣми силами... смотря по степени остроты классовой борьбы и общаго политическаго положенія». **Базельская** резолюція: «пусть правительства знаютъ, что при настоящемъ положеніи Европы и при настроеніи рабочаго класса они не могутъ бросатся въ войну безъ опасности для самихъ себя.... Конгрессъ привѣтствуетъ стачки русскихъ рабочихъ... Интеріаціоналъ считаетъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ — добиться паденія царизма.

революцію были на Западѣ уже ходячими ко времени начала міровой войны, можетъ свидѣтельствовать одна забытая книга малоизвѣстнаго автора, нѣкоего Дюфура, въ которой можно найти уже въ 1913 году полное обоснованіе Ленинской тактики. Дюфуръ формулируетъ, какъ общій соціалистамъ и синдикалистамъ, слѣдующій тезисъ. «Они разсчитываютъ произвести революцію въ моментъ европейской войны, которая вызоветъ напряженный кризисъ нищеты и сведетъ къ минимуму сдерживающія силы государства. При этомъ въ качествѣ средствъ будутъ употреблены: общая забастовка, насиліе во всѣхъ его видахъ и отпаденіе отъ правительства части арміи, которое будетъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ совпаденія войны съ революціей». Въ книгѣ Дюфура даются подробныя указанія, какъ угадать подходящій моментъ войны для рѣшительнаго революціоннаго шага «сознательнаго меньшинства» *). При этомъ предвосхищаются даже нѣкоторыя частности тактики Ленина. Ленинъ былъ правъ въ своей полемикѣ съ Каутскимъ, когда утверждалъ, что незадолго до войны *всѣ* марксисты и *всѣ* соціалисты были согласны въ томъ, что европейская война создаетъ *«революціонную конъюнктуру»* и что, «слѣдовательно, ожиданіе революціонной конъюнктуры въ Европѣ было не увлеченіемъ большевиковъ, *а общимъ* мнѣніемъ всѣхъ марксистовъ».

Можно представить себѣ разочарованіе, негодованіе, гнѣвъ крайняго крыла соціалистовъ - интернаціоналистовъ, когда послѣ всѣхъ разговоровъ о предупрежденіи войны стачкой, о саботажѣ рабочихъ, о сопротивленіи солдатъ, объ отказѣ въ кредитахъ воюющимъ правительствамъ и т. д., соціалисты всѣхъ воюющихъ державъ сразу повѣрили своимъ правительствамъ, что война «оборонительная», и не только дали имъ деньги, но даже вошли въ составъ правительствъ военнаго времени, раздѣливъ общій національный порывъ. Такъ было въ Германіи, Франціи, Бельгіи, потомъ и въ Англіи, Италіи **). Въ глазахъ этихъ крайнихъ теченій второй интернаціоналъ — интернаціоналъ «соціалъ - патріотовъ», тѣмъ самымъ обанкрутился и самъ собой распался, вслѣдствіе

---

*) Dufour, ex-professeur d'Economie Politique. Le Syndicalisme et la Prochaine Révolution, Paris, Riviére, 1913, p.p. 436. О роли всеобщей стачки въ довоенной тактикѣ синдикализма см. Arthur D. Lewis. Syndicalism and the general strike, London, Fisher Union, 1912.

**) Подборъ фактовъ перехода на національную точку зрѣнія см. въ книжкѣ Alexandre Zévaés. La Faillite de l'Internationale, Paris (1917 ?).

такой измѣны собственнымъ рѣшеніямъ и идеямъ *). И при содѣйствіи русскихъ «товарищей», очень скоро послѣ начала войны, явилась мысль о созданіи новаго, « третьяго » интернаціонала, который бы поспѣшилъ воспользоваться наступившей «революціонной коньюнктурой». Ленинъ, жившій тогда въ Швейцаріи, формально обсуждалъ въ своемъ органѣ: «Соціалъ - Демократъ» вопросъ о превращеніи войны въ окопахъ въ классовую борьбу внутри всѣхъ государствъ. Троцкій и Мартовъ въ то же время участвовали въ подобныхъ же бесѣдахъ небольшого кружка, собиравшагося по вечерамъ въ маленькой книжной лавкѣ Librairie du Travail. Здѣсь были на - лицо всѣ видные французскіе «пораженцы»: Монаттъ, Гильбо, Розмеръ, Мергеймъ, поэтъ Мартине. Среди общаго увлеченія «Священнымъ единеніемъ» (l'Union Sacrée) эта группа чувствовала себя одинокой; но она была очень горда своей вѣрностью правовѣрной доктринѣ. «Намъ оставалось мрачное удовлетвореніе, что мы были первыми людьми въ Парижѣ, которые принадлежали къ будущему интернаціоналу. У этого скромнаго очага зажглась искра Циммервальда **). На эту «искру» есть, правда, и другіе претенденты. Анжелика Балабанова въ своихъ воспоминаніяхъ***) разсказала намъ про свое совершенно искреннее волненіе, переданное ею вождямъ итальянской партіи (вначалѣ даже включая Муссолини). Пользуясь нейтралитетомъ Италіи вначалѣ войны, итальянскіе соціалисты, Моргари, Серрати и др. оказались первыми посредниками при попыткахъ свести вмѣстѣ «пораженцевъ» всѣхъ странъ, въ особенности, конечно, воюющихъ, и организовать ихъ для сопротивленія начавшейся войнѣ. Швейцарія служила самымъ удобнымъ мѣстомъ для ихъ собраній. Въ другомъ мѣстѣ я изложилъ подробно исторію этихъ попытокъ —

*) «Обороическая» тактика 4 августа 1914 г., коиечио, противорѣчила аитимилитаристской позиціи, отрицавшей въ принципѣ идею родниы во имя идеи ннтериаціоиала, какъ того требовала доктриия первоначальнаго марксизма. Но уже съ иачала 90-хъ годовъ XIX в. это противорѣчіе, давно замѣчеииое германскими соціалъ-демократами, было устраиеио рядомъ заявлеиій стараго Либкиехта, Бебеля, Ауэра, Фольмара, Давида. Мириая эволюція марксизма прослѣжеиа въ киигѣ Andler'a: „La decomposition du socialisme allemand", причемъ авторъ, стаиовясь въ позу обличителя по отиошеиію къ германскому соціализму, остается представителемъ иаціоиальиой точкн зрѣиія у себя дома.

**) La vie ouvrière, 11 juin, 1919, статъя Raymond Lefebvre 17 sept. 1919.

***) А. Балабанова. Изъ лнчиыхъ воспомииаиій цнммервальдца. «Киига». Леиинградъ - Москва, 1925.

сперва утилизировать связи второго интернаціонала, а затѣмъ, уже независимо отъ него и отъ «соціалъ - патріотовъ» воюющихъ странъ, создать особую пораженческую организацію съ опредѣленной цѣлью, подсказанной русскими лѣвыми соціалистами: съ цѣлью превращенія міровой войны въ міровую революцію *). Напомню только, что доля вліянія русской эмиграціи въ этихъ предпріятіяхъ постоянно увеличивалась. На первомъ съѣздѣ въ Циммервальдѣ, маленькой деревушкѣ въ десяти километрахъ отъ Берна, долженствовавшей получить міровую извѣстность (5 - 12 сентября 1915 года), «лѣвое» (русское) крыло еще не было въ большинствѣ. Но и тамъ оно небезуспѣшно выступило не только противъ «соціалъ - патріотовъ» (праваго крыла соціалъ-демократіи), а и противъ «центра» (Каутскій, Гаазе, Лонге, Прессманъ и т. д.). Оно провело рѣшенія, что за войну отвѣтственна не одна Германія, а всѣ капиталистическія правительства и всѣ буржуазныя партіи; что цѣль войны — не національная побѣда, а «миръ безъ аннексій, на основѣ самоопредѣленія народовъ, и — борьба за соціализмъ»; что цѣль самой циммервальдской конференціи — возстановить разорванныя международныя связи пролетаріата и призвать его къ непримиримой классовой борьбѣ. Русскіе, поляки и Радекъ хотѣли большаго: призыва къ немедленному ниспроверженію самыхъ «основъ общества», безъ чего не можетъ быть настоящаго мира. Но имъ пришлось додѣлывать это уже послѣ Циммервальда, при помощи выбранной на немъ «Бернской международной соціалистической комиссіи». Комиссія эта предназначалась, очевидно, замѣнить бюро второго интернаціонала. Она попала всецѣло въ распоряженіе швейцарскаго соціалиста Роберта Гримма, совмѣщавшаго оппортюнизмъ съ лѣвизной и не стѣснявшагося въ средствахъ и пріемахъ дѣятельности, и наивной энтузіастки Анжелики Балабановой. На второй конференціи въ Кинталѣ (5 - 9 февраля 1916 года), послѣ достаточной подготовки, крайнія рѣшенія русскихъ были уже благополучно проведены: а именно, выдѣлившіяся изъ соціалистическихъ партій крайнія организаціи объявлены свободными отъ

---

*) Bolshevism an international danger, by Paul Miliukov, George Allen. London, 1920. Очень полный подборъ фактовъ сдѣланъ также въ книгѣ „Jean Msxe“: De Zimmerwald un Bolchévisme, ou le triomphe du Marxisme Pangermaniste. Essai sur les menées internationalistes pendant la guerre, Paris, Bossard, 1920, pp. 236.

обязательствъ передъ «націоналистическими секціями международнаго пролетаріата» и установлена ихъ взаимная связь. Такъ получилось зерно Третьяго Интернаціонала. Конецъ войны былъ поставленъ кинтальскими рѣшеніями въ прямую зависимость отъ завоеванія власти народными массами и уничтоженія частной собственности; провозглашенъ лозунгъ борьбы «всѣми средствами за немедленный миръ безъ аннексій». Въ то же время Кинтальская конференція отвергла, хотя и не безъ внутренней борьбы, всѣ методы «буржуазнаго или социалистическаго пацифизма», вродѣ ограниченія вооруженій, обязательнаго арбитража, или даже превращенія малыхъ націй въ государства. Программа и органъ «міровой революціи» были теперь готовы: оставалось ими воспользоваться*).

1916-й годъ былъ годомъ энергическаго напора циммервальдскихъ настроеній на болѣе умѣренныя соціалистическія теченія повсюду въ Европѣ. И нельзя сказать, чтобы это давленіе встрѣтило соотвѣтствующій отпоръ среди умѣренныхъ соціалистовъ. Въ Германіи появились тайные, написанные на машинкѣ листки, подписанные псевдонимомъ «Спартака» — и пропаганда привела къ формальному разрыву между парламентарнымъ и революціоннымъ соціализмомъ. Революціонное меньшинство образовало въ апрѣлѣ 1917 года «независимую с. д. партію», быстро пріобрѣтшую популярность; при этомъ осталась внѣ ея еще болѣе крайняя группа соціалистовъ «интернаціоналистовъ». Во Франціи также усилилось меньшинство Лонге, а внѣ его появилась крайняя лѣвая, представленная участникомъ Циммервальда Бурдерономъ, который требовалъ выхода соціалистовъ изъ кабинета, распаденія «священнаго единенія», отказа въ военныхъ кредитахъ и порицанія парламентской фракціи. Подъ этимъ вліяніемъ и болѣе умѣренные соціалисты стали требовать отъ правительства пересмотра и точнаго опредѣленія «цѣлей войны», «скорѣйшаго окончанія ея», «отказа всѣхъ воюющихъ отъ аннексіонистскихъ тенденцій». Самба уже не вошелъ (въ ноябрѣ 1916 года) въ новый кабинетъ Бріана. А Альберу Тома національный конгрессъ (декабрь), хотя и поручилъ «энергично

*) Bolshevism, 49-57. Балабанова, 65-97. Библіотека журнала «Интерціоналъ» № № 39 и 41 (оффиціальные документы первой и второй циммерв. конференцій). Lénine. La tache des represantants de le gauche de Zimmerwald, dans le parti socialiste Suisse. Ed. de la «Nouvelle Internationale».

обезпечить національную оборону», но при этомъ поставилъ «цѣлью — добиться скорѣйшаго конца войны и справедливаго мира». И здѣсь большинство своей уступчивостью готовило побѣду меньшинству *).

Февральская революція въ Россіи, конечно, еще усилила крайнія тенденціи западнаго соціализма. А передъ циммервальдцами она прямо поставила вопросъ о немедленномъ примѣненіи ихъ тактики въ ея крайней русской формѣ. «На экстренномъ засѣданіи всѣхъ находившихся въ Швейцаріи западно - европейскихъ и русскихъ циммервальдцевъ, созванномъ въ Бернѣ, было выработано горячее воззваніе къ трудящимся массамъ всего міра, главнымъ образомъ, воюющихъ странъ», разсказываетъ Балабанова. Мартовъ такъ формулировалъ основной лозунгъ воззванія: «Либо революція убьетъ войну, либо война убьетъ революцію. Ибо борьба русскаго пролетаріата противъ господствующихъ классовъ является въ то же время борьбой противъ войны. Миръ и республика или продолженіе войны и контръ - революція — вотъ дилемма, рѣшеніе которой зависитъ отъ мірового пролетаріата.... Революціонное выступленіе пролетаріевъ другихъ странъ является единственной формой поддержки русской революціи». Перевести «центръ революціонной борьбы за европейскій миръ», а вмѣстѣ и центръ дѣятельности Бернской комиссіи, въ Петербургъ — такова была теперь задача циммервальдцевъ. Русскіе эмигранты лѣваго крыла ѣхали въ Россію съ этой цѣлью **).

Французскій публицистъ Клодъ Ане встрѣтилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Бергенѣ делегацію совѣтовъ, ѣхавшую убѣждать западныхъ соціалистовъ заключить миръ по циммервальдской формулѣ. Вызванный его рѣзкими замѣчаніями, членъ делегаціи Іосифъ Гольденбергъ повторилъ ему основной лозунгъ Бернскаго манифеста. «Приказъ номеръ первый» говорилъ онъ, «не былъ ошибкой: это была необходимость.... Въ тотъ день, когда мы сдѣлали революцію, мы поняли, что если мы не

---

*) Bolshevism, 58-63. Pendant la guerre. Le parti socialiste, la guerre et la paix, résolutions et documents, ed. l'Humanité, 1918. Paria. Repèrtoire de variations parlementaires (1911-1917). Contribution à l'Histoire de la défense nationale par R. F. et L. D. Charles Maurras, Les chefs socialistes pendant la guerre, Paris, 1918. British Labour and the War, by Paul U. Keller, and Arthur Gleason. N. 1.1919, p p. 503. Edwyn Bevan, German Social Democracy during the war, London, George Allen, 1918.

**) Балабанова, 98 - 99.

разрушимъ старую армію, то она подавитъ революцію. Намъ приходилось выбирать между арміей и революціей. Мы не колебались: мы выбрали революцію и пустили въ ходъ — я смѣю сказать — геніально - необходимыя средства» *).

Дѣйствительно, разрушеніе арміи и достиженіе этимъ путемъ мира въ окопахъ, чтобы начать классовую войну внутри страны— такова была основная задача циммервальдцевъ, — *настоящихъ* циммервальдцевъ — въ Россіи. Эта тенденція проходитъ красной нитью черезъ всѣ событія революціи, вплетаясь въ эти событія сперва какъ - то экспромтомъ, со стороны, неизвѣстно изъ какого источника — чаще всего въ то время можно было подозрѣвать, что изъ германскаго источника **), — а затѣмъ она выдвигается все ярче и ярче, все болѣе и болѣе откровенно, — и наконецъ торжествуетъ не только надъ основной тенденціей февральской революціи — войной «до побѣднаго конца», но и надъ компромиссной формулой умѣреннаго большинства Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, — «война до общаго демократическаго мира безъ аннексій и контрибуцій» — и безъ побѣды.

«Пораженчество» среди большевиковъ - эмигрантовъ предшествовало циммервальдизму. Ленинъ писалъ уже въ самомъ началѣ войны въ своемъ женевскомъ органѣ («Соціалъ - Демократъ» № 33 — октябрь, 38 — февраль): «для насъ, русскихъ соціалъ - демократовъ, пораженіе царской монархіи было бы меньшимъ зломъ». «Мы надѣемся на пораженіе Россіи, потому что оно облегчитъ внутреннюю побѣду — освобожденіе Россіи отъ цѣпей царизма». Переходъ отсюда на международную циммервальдскую точку зрѣнія былъ не труденъ. «Я вспоминаю», говоритъ швейцарскій соціалистъ Грумбахъ, «что Ленинъ сказалъ мнѣ, что онъ твердо вѣритъ въ революцію въ Германіи, если предварительно революція сможетъ побѣдить въ Рос-

*) Claude Anet. La rèvolution russe II, 61.

**) Это — одинъ изъ наиболѣе спорныхъ пунктовъ въ вопросѣ о Циммервальдѣ. Обыкновенно обвиненіе въ германскомъ содѣйствіи съ негодованіемъ отвергается циммервальдцами; но даже Балабанова принуждена признать его въ случаяхъ съ Зюдекумомъ, Грейлихомъ и Гриммомъ. «Изъ личныхъ воспоминаній», стр. 30-35, 61-64, 109-119. Трудно также сомнѣваться въ роли Гельфанта - Парвуса. См. также признанія Гаазе и Людендорфа. Я не затрагиваю здѣсь вопроса о документахъ, дискредитированныхъ изданіемъ Сисюка, но нѣкоторые изъ нихъ я считаю подлинными. См. мою «Исторію», III, 188 и Bolshevism, 43-47, также Maxe o. c.

сіи» *). Такимъ образомъ, готовя одновременно и пораженіе и революцію въ Россіи, большевики могли считать, что дѣлаютъ дѣло Циммервальда, — дѣло международнаго переворота. Но на почвѣ Цимервальда къ нимъ примыкали и соціалистическія группы, далекія отъ пораженчества. Чхеидзе, Церетели и Керенскій называли себя тоже циммервальдцами. Только пріѣздъ въ Россію Роберта Гримма (въ іюнѣ) открылъ имъ до нѣкоторой степени глаза на близость подлиннаго циммервальдизма къ пораженчеству.

Начало агитаціи противъ войны проведено было не подъ открытымъ большевистскимъ и циммервальдскимъ флагомъ. Пять членовъ соціалъ - демократической фракціи государственной думы, арестованные, судившіеся и высланные въ Сибирь за пораженческую агитацію, значительно смягчили текстъ Ленинскаго проекта резолюціи, въ которомъ говорилось о «меньшемъ злѣ» пораженія царскихъ войскъ. Общее настроеніе среди рабочихъ въ началѣ войны было рѣшительно «оборонческое» **). Такимъ же оно было у Кропоткина, у Плеханова. Но думскіе депутаты — соціалисты и трудовики сразу же воздержались въ думѣ отъ вотированія военныхъ кредитовъ и тѣмъ заняли двусмысленную позицію. Въ теченіе 1916 года «пораженческая» пропаганда сдѣлала большіе успѣхи среди рабочихъ и въ арміи, — тѣмъ болѣе, что на фронтѣ къ вліянію соціалистовъ присоединилась несомнѣнная работа германцевъ. «Русскій Вѣстникъ», издававшійся въ Берлинѣ, систематически распространялся въ русскихъ окопахъ. Члены думы получали съ фронта корреспонденцію, доказывавшую, что разложеніе фронта началось и далеко пошло впередъ задолго до февральской революціи. Даже и независимо отъ какой - либо агитаціи, отсутствіе снарядовъ, винтовокъ и продовольствія, страшныя жертвы людьми, утомленіе старыхъ войскъ, неподготовленность новыхъ подкрѣп-

---

*) Grumbach, Brest-Litovsk, Payot, 1918, стр. 13. Надежды на паденіе русскаго «царнзма», «опоры всѣхъ реакціонныхъ державъ Европы, самаго страшнаго врага европейской демократін» (Базельская резолюція 1912 г.) были связаны съ надеждой на общую побѣду мірового пролетаріата уже въ марксизмѣ н во второмъ ннтернаціоналѣ. См напр. Zévaès o. c. 132. Отюсда же попыткн переложнть на Россію отвѣтственность за войну, см. напр. Maxe, o. c. 45, 49, Laskine, Les socialistes des Kaiser, (La russophobie Marxiste).

**) Gr. Alexinsky. Russia and the Great War, 229—257.

леній, потеря вѣры въ побѣду, — все это создавало на фронтѣ настроенія, которыя сказывались сдачей цѣлыхъ военныхъ частей непріятелю *). Какъ упомянуто выше, всѣ эти явленія и вызвали рѣшимость Думы и вождей арміи поддержать революцію. Но съ самаго начала революціи лозунгъ «войны до побѣды» встрѣтилъ самое энергичное сопротивленіе со стороны циммервальдцевъ, перенесшихъ теперь свою дѣятельность изъ Швейцаріи въ Россію, а за ними и со стороны все болѣе широкихъ соціалистическихъ, рабочихъ и солдатскихъ круговъ.

Уже въ демонстраціи 14 февраля, — т. е. за двѣ недѣли до революціи, рабочіе петроградскихъ заводовъ вышли на улицу съ криками: «долой войну». Въ первые дни революціи, въ первомъ же номерѣ «Извѣстій», въ манифестѣ большевистскаго Ц. К., датированномъ 26 февраля, встрѣчаемъ вполнѣ развернутый циммервальдскій лозунгъ. «Немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства» (тогда еще не созданнаго), говорится въ этомъ манифестѣ, « — войти въ сношеніе съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ, — и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ». Затѣмъ появился, несомнѣнно, подъ тѣми же вліяніями, знаменитый приказъ № 1, усиленно проводившійся. Уже 7 марта большевистскій петербургскій комитетъ с. д. постановилъ предложить совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ принять немедленно мѣры «къ свободному доступу на фронтъ и въ ближайшій его тылъ для преобразованія фронта въ организованную на демократическихъ началахъ революціонную армію и для революціонной агитаціи, для чего послать на мѣста эмиссаровъ совѣта и свободно допускать партійныхъ агитаторовъ; обратиться черезъ соціалистическія партіи всѣхъ странъ съ призывомъ къ пролетаріату вести революціонную борьбу противъ своихъ угнетателей и начать братанье на фронтахъ съ революціонными войсками россійской демократіи». 8 марта былъ напечатанъ въ «Соціалъ-

*) Объ упадкѣ боеспособности арміи уже послѣ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ наступленія см. ген. Ю. Н. Данилова, Россія въ міровой войнѣ, Берлинъ, 1924, стр. 246 — 248; при отступленіи изъ Польши, стр. 353-4; лѣтомъ и осенью 1915 г., стр. 377, 394-5. Въ 1916 г. Воспоминанія А. С. Лукомскаго. 105.

Демократѣ» самый текстъ первомайскаго воззванія Кинтальской конференціи 1916 года съ его рѣзкой критикой продажной прессы, военныхъ поставщиковъ, соціалъ - патріотовъ» и т. д., призывающихъ къ войнѣ «до побѣднаго конца», и съ призывами къ «рабочимъ городовъ и деревень» — противопоставить этому лозунгу «правительствъ и имперіалистическихъ кликъ» лозунгъ «долой войну, да здравствуетъ немедленный миръ безъ аннексій». 14 марта, какъ бы въ отвѣтъ на торжественный обмѣнъ заявленій между представителями союзниковъ (Англіи, Франціи, Италіи) и министромъ иностранныхъ дѣлъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ выпустилъ воззваніе къ народамъ всего міра съ призывомъ «начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ и взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ». Правда, тутъ же прибавлялась оговорка: «русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей», — и предсѣдатель совѣта Чхеидзе еще подчеркнулъ ее заявленіемъ: «обращаясь къ нѣмцамъ, мы не выпускаемъ изъ рукъ винтовку». Но именно это и дѣлалось на фронтѣ. Оффиціальная сводка перечисляетъ пятнадцать случаевъ въ въ мартѣ и апрѣлѣ, когда германскіе солдаты — очевидно, по распоряженію свыше — пытались устроить братаніе съ нашими солдатами, пока еще не распропагандированными *). Въ это время начало входить въ обычай митингованіе, неисполненіе военныхъ приказовъ, насиліе надъ офцерствомъ т. д.

Съ этихъ поръ двойной цѣлью большевиковъ - циммервальдцевъ, окончательно установленной послѣ пріѣзда эмигрантовъ, становится, съ одной стороны, разложеніе арміи, съ другой — агитація за немедленный миръ безъ аннексій въ международномъ масштабѣ. Безсознательно, меньшевики и с.р.-ы имъ помогаютъ. Первой мишенью развертывающейся революціи и становятся — военный министръ временнаго правительства, пытающійся сохранить дисциплину и боевое настроеніе арміи, и министръ иностранныхъ дѣлъ, вынужденный сохранять соглашенія съ союзниками. На этой двойной почвѣ — арміи и дипломатіи — разыгрываются и первые конфликты.

---

*) Авдеевъ, I, 21, 45, 51-2, 71, 74, 78 и прил. 8-е, 94 и прил. 9-е. Моя «Исторія» 77-84. Разложеніе арміи въ 1917 году. Гос. изд. 1925, стр. 37-38.

III.

Разложеніе арміи и невозможность наступленія. — Отказъ отъ завоевательныхъ цѣлей войны. — Пріѣздъ союзныхъ соціалистовъ. — Сношенія членовъ врем. правительства съ Бьюкенаномъ. — Правительство ставитъ вопросъ о вступленіи соціалистовъ. — Отставки Керенскаго и Гучкова дѣлаютъ министерскій кризисъ неизбѣжнымъ. — «Пріятіе войны» и «пріятіе власти» соціалистами.

Первой практической задачей подлинныхъ циммервальдцевъ, взявшихъ въ свои руки закулисное руководство революціей, было — добиться свободнаго доступа циммервальдскимъ агитаторамъ на фронтъ и свободныхъ сношеній съ циммервальдскими отдѣлами за - границей. Для первой цѣли надо было побѣдить сопротивленіе военнаго вѣдомства; для второй — вѣдомства иностранныхъ дѣлъ. Надо признать, что сопротивленіе въ обоихъ вѣдомствахъ было встрѣчено слабое — и преодолѣно было безъ особаго труда. Въ серединѣ марта регулярныя сношенія циммервальдцевъ съ фронтомъ и съ за-границей можно считать наладившимися. Результатъ проповѣди на фронтѣ началъ сказываться очень скоро. Каковы бы ни были элементы разложенія арміи, бывшія на - лицо до пріѣзда большевистскихъ агитаторовъ, все же, по свидѣтельству военнаго командованія, начало серьезнаго разложенія фронта, сдѣлавшаго военныя операціи невозможными, слѣдуетъ датировать именно съ этого момента. Въ первые моменты свѣдѣнія о революціи въ Петроградѣ вызвали даже подъемъ настроенія на фронтѣ — въ смыслѣ готовности къ борьбѣ, соотвѣтственно начальной идеологіи революціи. Донесенія объ этомъ получались съ разныхъ частей фронта. И члены думы долго еще пользовались обаяніемъ въ рядахъ арміи, когда пріѣзжали на фронтъ. Но рядомъ съ этимъ, уже въ концѣ марта начальники частей констатировали упадокъ боевого настроенія, пониженіе «упругости» и боеспособности солдатъ, увлеченіе ихъ политическими событіями и нежеланіе идти въ бой. Всѣ эти признаки достигли такого напряженія, что ген. Лукомскій уже 18 марта сдѣлалъ изъ нихъ общій выводъ: «приводить нынѣ въ исполненіе намѣченныя весной активныя операціи недопустимо». А ген. Алексѣевъ 12 марта писалъ министру Гучкову. «На конференціи въ Шантильи, 15 - 18 ноября 1918 г. и въ Петроградѣ въ февралѣ 1917 г..., мы приняли обязательства.... не позже, какъ черезъ три недѣли послѣ начала наступленія союзниковъ рѣшительно атаковать противника... Теперь

дѣло сводится къ тому, чтобы съ меньшей потерей нашего достоинства передъ союзниками или отсрочить принятыя обязательства или совсѣмъ уклониться отъ исполненія ихъ.... Уже пришлось сообщить, что мы можемъ начать активныя дѣйствія не раньше первыхъ чиселъ мая... Придется высказать, что раньше іюля они не могутъ на насъ разсчитывать. Мы находимся въ столь большой зависимости отъ союзниковъ въ матеріальномъ и денежномъ отношеніяхъ, что отказъ союзниковъ отъ помощи поставитъ насъ въ еще болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ нынѣ» *).

А. И. Гучковъ пытался ввести «демократизацію» арміи въ опредѣленныя рамки путемъ учрежденія особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ ген. Поливанова. Но большевики не ожидали рѣшеній этой комиссіи. «Декларація правъ солдата», внесенная въ комиссію, какъ проектъ, была опубликована уже 14 марта, какъ «постановленіе совѣта солдатскихъ депутатовъ», а 22 марта напечатанъ былъ другой проектъ — о введеніи «комитетовъ», — также принятый въ арміи, какъ окончательный законъ.

Параллельно съ этимъ шла пропаганда отказа отъ завоевательныхъ цѣлей войны. Вслѣдъ за опубликованіемъ упомянутаго выше «воззванія къ народамъ всего міра», делегаты совѣта въ контактной комиссіи, въ особенности Церетели, начали требовать отъ министра иностранныхъ дѣлъ опубликованія заявленія о цѣляхъ войны, соотвѣтственно формулѣ «миръ безъ аннексій и контрибуцій». Тщетно, пишущій эти строки убѣждалъ ихъ, что па почвѣ циммервальдской формулы сговориться съ соціалистами-патріотами воюющихъ сторонъ невозможно, а требовать пересмотра договоровъ безполезно и, въ случаѣ односторонняго отказа Россіи отъ сдѣланныхъ союзниками уступокъ, невыгодно для насъ. Уступая большинству товарищей по кабинету, я согласился опубликовать — не дипломатическую ноту, а воззваніе къ гражданамъ, въ которомъ могъ по чистой совѣсти развить освободительную идеологію войны, дѣйствительно тождественную съ идеологіей русской революціи... Выраженія «аннексіи» и «контрибуціи» здѣсь замѣнены описательными выраженіями:

---

*) «Разложеніе аріми въ 1917 году», стр. 10-11, 25-35 (мартовскія данныя), 41-56, (мартовскіе и апрѣльскіе доклады членовъ Г. Думы съ фронта). Gen. Monkievitz, La decomposition de l'armée russe. Paris, Payot 1919, 37-55.

«Цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ». Рядомъ съ этимъ по почину покойнаго Ф. Ф. Кокошкина было вставлено заявленіе, что правительство будетъ «ограждать право нашей родины при полномъ соблюденіи обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ», и что «русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной, подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ» *). Эта нота 28 марта, хотя и принятая единогласно всѣмъ кабинетомъ, сдѣлалась исходнымъ пунктомъ для агитаціи противъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Неожиданное и очень вліятельное участіе въ этой разгорѣвшейся распрѣ приняли соціалисты - патріоты союзныхъ странъ. Встревоженные слухами о циммервальдской агитаціи и объ активныхъ настроеніяхъ совѣта, дѣлающихъ невозможной весеннее наступленіе на фронтѣ, правительства союзныхъ странъ мобилизовали своихъ соціалистовъ**). Соціалистическія делегаціи Франціи, Англіи, Италіи одна за другой стали появляться въ Петроградѣ. За ними появились и министры - соціалисты, Альберъ Тома, Гендерсонъ, Вандервельде. Первые два имѣли прямое порученіе своихъ правительствъ — смѣнить пословъ Франціи и Англіи, Палеолога и Бьюкенана, какъ слишкомъ консервативныхъ для русской революціи, и занять временно самимъ ихъ мѣсто. Тома и сдѣлалъ это. Съ пріѣздомъ соціалистовъ - министровъ установился непосредственный контактъ русскихъ умѣренныхъ

---

*) Моя «Исторія», I, 84-87.

) Опасенія союзниковъ, что русская армія не будетъ въ состояніи вести серьезнаго наступленнія, предшествовали революціи, см., напр., заявленіе ген. Кастельно Палеологу, La Russie des Tsars, III, 197. Конечно, послѣ революціи онн должны были усилиться. См. тамъ же, 265, 269, 276, 279 и др. Значеніе весенняго выступленія для союзниковъ ясно нзъ словъ Людендорфа въ Meine Kriegserinnerungen (Berlin 1919), 338-339: «отсутствіе русскаго наступленія весной 1917 г. не дало развиться общему положенію, какъ оно ни было серьезно, въ общій кризисъ, какой мы пережили въ сентябрѣ 1916 г. Я не знаю, какъ могло бы высшее командованіе совладать съ положеніемъ, еслн бы русскіе іюльскіе успѣхи перенести на апрль-май. Въ апрѣлѣ и маѣ 1917 г., несмотря на нашу побѣду на Энъ (Шампань) только **русская революція спасла насъ отъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій». Французское н англійское наступленіе началось въ срединѣ апрѣля. Слѣды смущенія въ публикѣ вслѣдствіе отсутствія русскихъ см., напр., **Charles Benoist. L'Europe en feu, III, 177-183.**

соціалистовъ съ пріѣзжими. О результатахъ этого контакта можно судить по мемуарамъ Бьюкенана и Палеолога. «Мы должны считаться», такъ выражаетъ Бьюкенанъ послѣ разговора съ Тома общую директиву (еще не зная, что самъ онъ предназначенъ стать ея жертвой), «съ тѣмъ, что перевѣсъ сейчасъ на сторонѣ соціализма. Если мы хотимъ заручиться его поддержкой для успѣшнаго окончанія войны, то должны привлечь его симпатіи». И Бьюкенанъ устраиваетъ рядъ бесѣдъ съ Керенскимъ, Церетели, Терещенко, Скобелевымъ, кн. Львовымъ. Онъ очень увлекается культурнымъ Терещенко. «Керенскій — единственный человѣкъ, на котораго мы могли разсчитывать, что онъ заставитъ Россію воевать». 27 и 28 марта Бьюкенанъ пишетъ своему правительству въ крайне пессимистическомъ духѣ: «я лично утратилъ всякую надежду на возможность успѣшнаго русскаго наступленія весной. У меня также нѣтъ оптимистическихъ взглядовъ на ближайшее будущее страны». Но послѣ бесѣдъ съ Терещенко, Керенскимъ, кн. Львовымъ и Церетели — его перспективы проясняются.Болѣе экспансивный и болѣе близкій къ русскимъ соціалистическимъ «товарищамъ» Альберъ Тома болѣе рѣшителенъ. Онъ въ восторгѣ отъ революціи и хочетъ, какъ «товарищъ», вліять на ходъ русской революціи. Тамъ, гдѣ онъ сталкивается съ результатами вліянія Циммервальда, онъ, конечно, получаетъ отпоръ. Черезъ установившіеся каналы сообщенія, неодобрительныя характеристики пріѣзжихъ «соціалъ - предателей» немедленно передаются въ Петербургъ и оказываютъ надлежащее вліяніе на совѣтъ. Тамъ засыпаютъ гостей коварными вопросами: «а почему не пріѣхали въ Россію представители соціалистическихъ меньшинствъ? А какъ вы относитесь къ капиталистическимъ правительствамъ? А что вы думаете объ Индіи, Ирландіи, Марокко?». Пріѣзжіе тщетно пытались разъяснить понятія «аннексіи» и «контрибуціи» въ пріемлемомъ для себя смыслѣ и убѣдить совѣтъ въ справедливости дезаннексіи Эльзасъ - Лотарингіи. Они рѣшительно протестовали противъ созыва международной соціалистической конференціи въ Стокгольмѣ и отказывались явиться туда безъ предварительнаго соглашенія между союзниками объ условіяхъ мира.Съ своей стороны они готовы были уступить и «выбросить баластъ». Въ концѣ концовъ, они уѣхали изъ Россіи разочарованные. Но они оставили по себѣ нѣкоторое наслѣдство: борясь съ Циммервальдомъ, они за то сговорились

съ умѣренными соціалистами. При моральной поддержкѣ иностранцевъ, послѣдніе продвинулись къ власти, припявъ на себя и выполненіе союзныхъ обязательствъ, — въ первую очередь наступленія на фронтѣ. Мы увидимъ сейчасъ, что шагъ этотъ оказался роковымъ *).

Вопросъ о вступленіи соціалистовъ въ правительство, снятый съ очереди въ концѣ марта (см. выше), былъ вновь поставленъ на очередь ходомъ борьбы противъ министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ многочисленныхъ выступленій на рабочихъ и солдатскихъ митингахъ съ требованіемъ «дальнѣйшихъ шаговъ» для послѣдовательнаго проведенія циммервальдской программы, противъ министра иностранныхъ дѣлъ были двинуты толпы съ окраинъ, части войскъ петроградскаго гарнизона. Это еще не было выполненіемъ систематическаго плана большевиковъ — или тѣмъ менѣе совѣта. Ленинъ еще не осмотрѣлся въ обстановкѣ и не завоевалъ собственной партіи. Большинство совѣта шло за Церетели. Но это, все же, была первая проба, первый смотръ силъ, который долженъ былъ внушить крайнимъ теченіямъ увѣренность въ себѣ. Послѣ бесѣдъ съ союзными дипломатами и соціалистами, умѣренные вожди поняли, что дальше того, что уже сдѣлано, идти трудно **). Но циммервальдская пропаганда, поддерживаемая ими самими, уже сдѣлала свое дѣло: съ улицы шли лозунги, оставлявшіе далеко позади вождей совѣта и заставлявшіе ихъ съ одной стороны идти на дальнѣйшія уступки — для вида —, съ другой стороны, переходить отъ политики фразъ къ болѣе реальной политикѣ. При этихъ условіяхъ, вопросъ объ удаленіи непопулярныхъ министровъ изъ кабинета и о пополненіи правительства вождями совѣта, которые бы уничтожили «двоевластіе», самъ становился на очередь: Примѣръ и

---

*) Сэръ Джорджъ Бьюкенанъ, Моя миссія въ Россіи. Воспоминанія дипломата, т. II. 79, 81, 83, 86. Paléologue, La Russie des Tsars, III, 283, 299-300, 302-304, 306 («l'appui que vous (французскіе соціалисты) prêtez aux extrémistes, va précipiter le cataclysme final »), 307, 309-313 (« nous devons soutenir Milioukov contre Kerensky... Avec Kerensky, c'est le triomphe assuré du *Soviet*, ce que veut dire le déchaînement des passions populaires, la destruction de l'armée, la rupture des liens nationaux, la fin de l'Etat russe... Appuyé par Buchanan, Albert Thomas se déclare catégoriqnement pour Kerensky... K. seul est capable de fonder avec le Soviet, un gouvernemeut digne de notre confiance... Nous devons jeter du lest »).

**) См. длительный разговоръ Церетели съ Бьюкенаномъ, II, 95-97.

совѣтъ союзныхъ соціалистовъ - министровъ придавалъ смѣлости и развязывалъ руки. Что дѣло здѣсь шло о непосредственной и вполнѣ сознательной поддержкѣ союзниками готовившейся перемѣны внутренняго положенія, видно изъ телеграммъ къ Рибо, въ которыхъ Палеологъ и Тома развили прямо противоположные планы дѣйствій. Первый считалъ крайне опаснымъ дискредитированіе руководящихъ дѣятелей временнаго правительства въ пользу Совѣта и грозилъ потерей союзника; второй готовилъ свое правительство къ пораженію министра иностр. дѣлъ и увѣрялъ, что «при помощи нашихъ поощреній... можетъ развиться революціонный патріотизмъ» въ арміи *).

Уличныя сцены 21 апрѣля завершились побѣдой правительства. Министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ лишь частичныя разъясненія къ той нотѣ 15 апрѣля, при которой онъ согласился послать свои деклараціи 27 марта къ союзникамъ и которая послужила непосредственнымъ поводомъ, вызвавшимъ уличный взрывъ 21 апрѣля (между прочимъ, выраженія ноты «гарантіи и санкціи», возмутившія лѣвыхъ, были вставлены по просьбѣ Тома**). Церетели провелъ въ совѣтѣ резолюцію о признаніи объясненій правительства удовлетворительными, — къ большому негодованію ленинцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бьюкенанъ записалъ въ своихъ донесеніяхъ: «Терещенко сказалъ мнѣ, что не раздѣляетъ взглядовъ Милюкова, что результатъ настоящаго конфликта между совѣтомъ и правительствомъ является крупной побѣдой послѣдняго. Конечно, съ чисто моральной стороны это была побѣда.... Она сдѣлала возможнымъ оспаривать требованіе совѣта о предоставленіи ему исключительнаго права отдавать приказы войскамъ. Но правительству, можетъ быть, придется принять въ свою среду одного или двухъ соціалистовъ». «Львовъ, Керенскій и Терещенко», пишетъ Бьюкенанъ въ другомъ мѣстѣ, «пришли къ убѣжденію, что, такъ какъ совѣтъ слишкомъ могущественный факторъ, чтобъ его уничтожить или съ нимъ не считаться, то

---

*) Обѣ телеграммы и тезисы ихъ резюмирующіе, см. у Paléologue III, 315-318, 336-338. Ср. ядовито изложенную сцену 328-329, личныя замѣчанія 332.

**) Палеологъ говоритъ (III, 330): Sous la pression du Soviet, de Kerensky et *malheureusement aussi* d'Albert Thomas, Milioukov s'est résigné и т. д. Изъ текста видно, что вставки Тома только рассердили совѣты. Я уступилъ не слишкомъ много, а скорѣе слишкомъ мало: вернувшись въ министерство, помню, я сказалъ Тома: j'ai trop vaincu.

единственное средство положить конецъ двоевластію это образовать коалицію *).

Дѣйствительно, уже 21 апрѣля кн. Львовъ на спеціальномъ совѣщаніи съ исполнительнымъ комитетомъ совѣта поставилъ въ упоръ вопросъ: «годимся ли мы для нашего отвѣтственнаго поста въ данное время? Если нѣтъ, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочія, уступивъ мѣсто другимъ». Это была формальная постановка кабинетнаго вопроса. Поставить его въ такой обстановкѣ — значило уже стать на точку зрѣнія совѣта и признать правительство отвѣтственнымъ передъ органомъ «революціонной демократіи». За этимъ, нѣсколько импровизированнымъ шагомъ послѣдовалъ другой — уже отъ имени всего кабинета: обращеніе къ странѣ съ отчетомъ о двухмѣсячной дѣятельности правительства съ указаніемъ на встрѣтившіяся трудности. По мысли противниковъ коалиціи документъ долженъ былъ быть своего рода «завѣщаніемъ» и *обвиненіемъ* тѣхъ, кто мѣшалъ. Но послѣ ряда смягченій онъ превратился скорѣе въ *извиненіе*. Воззваніе кончалось туманнымъ обѣщаніемъ «возобновить усилія къ расширенію состава правительства путемъ привлеченія активныхъ творческихъ силъ». Львовъ и оффиціально довелъ до свѣдѣнія предсѣдателей совѣта и думы (Чхеидзе и Родзянко) объ этомъ намѣреніи правительства. Въ тотъ же день (26 апрѣля) Керенскій формально открылъ министерскій кризисъ, опубликовавъ въ Ц. К. своей партіи заявленіе, что отнынѣ «представители трудовой демократіи могутъ брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранію и формальному уполномочію тѣхъ организацій, въ которыхъ состоятъ». Это значило — по собственному почину замѣнить туманное, но импонировавшее доселѣ странѣ происхожденіе перваго временнаго правительства «изъ революціи» — формальной зависимостью каждаго члена будущихъ правительствъ отъ партій и ихъ мѣняющихся настроеній. Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы значительно ослабить авторитетъ слѣдующихъ правительствъ сравнительно съ первымъ **).

Другой рѣшительный шагъ, сдѣлавшій неизбѣжнымъ измѣ-

*) Бьюкенанъ, II, 89-90, 91 (донесеніе 21 мая. 9 апрѣля Керенскій, напротивъ, успокаивалъ Бьюкенана: «Совѣтъ умретъ естественной смертью, волненія въ арміи уладятся» и т. д. стр. 81.).

**) Моя «Исторія», 101-108. Сухановъ, III, 211-216, 328-333.

ненiе состава перваго временнаго правительства, заключался въ отставкѣ военнаго министра А. И. Гучкова. Еще въ серединѣ апрѣля Гучковъ сдѣлалъ попытку «по душѣ» поговорить съ членами военной комиссiи совѣта и убѣдить ихъ, что для того, чтобы армiя могла продолжать воевать, надо прекратить разговоры о мирѣ и о цѣляхъ войны. Онъ заявилъ, что готовъ уступить мѣсто любому изъ нихъ, только бы работа оздоровленiя армiи не подрывалась въ корнѣ. Онъ выслушалъ отвѣтъ Суханова: совѣтъ «не можетъ принести въ жертву поддержанiю боеспособности армiи самого себя, т. е. интересы революцiи». Гучковъ затѣмъ сдѣлалъ и другую попытку. Онъ приглашалъ членовъ исполнительнаго комитета совѣта выслушать доклады главнокомандующихъ съ фронта, Алексѣева, Брусилова, Щербачева и др. «Факты, сообщенные генералами, признаетъ Сухановъ, были глубоко печальны: всѣ эти случаи «митинговъ, предварительно оцѣнивающихъ каждый приказъ, случаевъ прямого неповиновенiя и отказовъ выступить на позицiи, гибельнаго братанiя съ непрiятелемъ, который при этомъ преслѣдуетъ развѣдочныя цѣли, пользуясь добродушiемъ и довѣрчивостью русскаго человѣка» и т. д. Но совѣтскiе люди сказали себѣ: «на то они и генералы, чтобы стараться разбить противника....; но у родины есть права, интересы, задачи и помимо обороны».

Церетели и тутъ, какъ въ вопросѣ о мирѣ, выступилъ съ компромиссными предложенiями, принятыми совѣтомъ. 30 апрѣля совѣтъ обратился съ воззванiемъ къ армiи, которое шло навстрѣчу желанiямъ союзныхъ соцiалистовъ. Воззванiе рѣзко возставало противъ точки зрѣнiя Циммервальда, противъ одностороннихъ братанiй на фронтѣ, противъ сепаратнаго мира и даже высказывалось за «наступательныя дѣйствiя, которыхъ можетъ потребовать боевая обстановка», въ ожиданiи, пока «пробудятся народы всѣхъ странъ»... Отказываясь отъ Циммервальда, «принимая войну», соцiалисты дѣлали себя министерiабельными, — готовыми «прiять власть». Но они рисковали остаться позади того стихiйнаго потока, которому сами же открыли путь, и сдѣлаться его жертвой. Во всякомъ случаѣ, для достиженiя непосредственныхъ практическихъ результатовъ было уже поздно. Въ тотъ же день было опубликовано письмо Гучкова объ отставкѣ, «въ виду условiй, которыя грозятъ роковыми послѣдствiями и оборонѣ, и свободѣ, и самому бытiю Россiи». Черезъ день, при

перестройкѣ перваго правительства въ коалиціонное, вышелъ изъ него и министръ иностранныхъ дѣлъ, принципіально не одобрявшій перехода къ системѣ коалиціи съ министрами, отвѣтственными передъ совѣтомъ.

Застигнутый нѣсколько врасплохъ и этими фактическими отставками, и принципіальной постановкой кабинетскаго вопроса, и демонстративнымъ поворотомъ лидеровъ въ сторону, противоположную циммервальдской линіи, совѣтъ не безъ колебаній разрѣшилъ своимъ членамъ войти въ составъ министерства. Еще 29 апрѣля, послѣ долгихъ преній, исполнительный комитетъ высказался большинствомъ одного голоса противъ вступленія соціалистовъ въ коалицію. Но подъ вліяніемъ хода событій, 1 мая, большинствомъ 41 голоса противъ 18, было принято обратное рѣшеніе. Послѣ продолжительной торговли за мѣста 6 мая новый кабинетъ — первый коалиціонный — былъ сформированъ. Въ немъ было 6 соціалистовъ и 9 несоціалистовъ. Кромѣ Чернова и съ трудомъ согласившагося Церетели, остальные министры-соціалисты не имѣли большого политическаго вѣса. Началось развертываніе третьяго изъ противорѣчій революціи: дѣланіе «буржуазнаго» дѣла соціалистическими руками, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого — превращеніемъ твердаго большинства совѣта, оказавшаго «довѣріе» и «поддержку» коалиціонному кабинету, въ меньшинство.

IV.

Министры-соціалисты поддерживаютъ «буржуазную» революцію. — Дипломатія Терещенко и наступленіе Керенскаго. — Новые конфликты въ рабочемъ и крестьянскомъ вопросѣ. — Отставка Коновалова. — Большевики ищутъ опоры на фабрикахъ и въ казармахъ. — Совѣтъ теряетъ вліяніе. — Цѣли отмѣненной демонстраціи 10 іюня. — Наступленіе 16 іюня. — Дни 3-6 іюля. — Переломъ и реакція.

Послѣ пріѣзда Ленина и его перваго выступленія 4 апрѣля большевистская «Правда» выразилась слѣдующимъ образомъ. «Что касается общей схемы тов. Ленина, то она представляется намъ непріемлемой, поскольку она исходитъ отъ признанія буржуазно - демократической революціи законченной и разсчитываетъ на немедленное перерожденіе этой революціи въ революцію соціалистическую». Какъ видимъ, всѣ соціалистическія партіи сходились

тогда въ признаніи, что февральская революція есть революція буржуазная. Но отсюда Ленинъ и его партія дѣлали выводы, что къ «буржуазной» революціи соціалистамъ не слѣдуетъ прикасаться. Къ этому мнѣнію склонялись и лѣвыя крылья другихъ соціалистическихъ партій,отличавшіяся болѣе или менѣе сильнымъ интернаціоналистическимъ оттѣнкомъ: меньшевики съ настоящимъ лидеромъ партіи, Мартовымъ (пріѣхавшимъ въ Петербургъ какъ разъ послѣ составленія коалиціоннаго правительства) и с. р. — тоже съ своимъ главнымъ лидеромъ Черновымъ. Несомнѣнно съ этой точки зрѣнія было непослѣдовательно принять участіе въ *буржуазной* власти для проведенія *буржуазной* революціи. На это шли не старые, а вновь выдвинувшіеся вожди, какъ чужой для с.р. - овъ Керенскій или успѣвшій въ ссылкѣ оторваться отъ партіи с. д. (меньшевиковъ) дипломатъ и тактикъ безъ программы Церетели. Въ моментъ заключенія первой коалиціи за ними, правда, шло большинство совѣта и исполнительнаго комитета. Но мы видѣли, что не безъ сопротивленія эти органы подчинились крутому повороту во взглядахъ, приведшему этихъ подлидеровъ къ власти. За предѣлами совѣта уже тогда бурлила непослушная масса, готовая соблазниться болѣе понятными крайними лозунгами. Изъ провинціи тоже стали скоро приходить резолюціи, неодобрявшія самый принципъ коалиціи. Роль посредниковъ между компромиссной линіей коалиціи и главной, традиціонной линіей партіи заняли у с. р. - овъ Гоцъ и у с. д. - овъ Данъ. Комбинація кое какъ держалась, но все время давала трещины , — и все время для новыхъ склеекъ приходилось дѣлать уступки крайнимъ теченіямъ. Такимъ образомъ, соціалисты, вошедшіе въ правительство, съ самаго начала были парализованы какъ своими партіями, такъ и развертывавшимся влѣво настроеніемъ массъ. Обезоруживая своимъ присутствіемъ въ правительствѣ буржуазные элементы, они сами остались невооруженными для борьбы съ растущей волной. Тѣмъ не менѣе, они старались добросовѣстно проводить линію, которая была условлена съ союзными соціалистами - патріотами. Вначалѣ эти послѣдніе еще оставались въ Россіи и присматривали за дѣятельностью новыхъ министровъ, взявшихъ власть при ихъ поддержкѣ и по ихъ совѣту.Интересовавшая ихъ работа должна была вестись, по - прежнему, въ области военно - дипломатической. Верхомъ торжества союзниковъ оказалось, что министръ иностранныхъ

дѣлъ Терещенко успѣвалъ осторожно продолжать линію Милюкова, а военный министръ Керенскій оказался рѣшительнѣе Гучкова и генераловъ въ вопросѣ о наступленіи. Уже въ правительственной декларации 6 мая вся новая программа свелась въ дипломатіи къ обѣщанію «предпринять *подготовительные* шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ декларации 27 марта (объявленной при Милюковѣ «лицемѣрной» и неудовлетворительной), а въ области военнаго дѣла, въ качествѣ «главнѣйшей задачи», поставлено было «укрѣпленіе боевой силы, какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ дѣйствіяхъ». Въ декларацiяхъ министровъ наступленіе выдвигалось на первый планъ, а «подготовительные шаги» къ миру были поставлены въ зависимость отъ предварительныхъ успѣховъ наступленія и отъ соотвѣтствующаго «роста взаимнаго довѣрія» съ союзниками. Вслѣдъ затѣмъ Терещенко благоразумно умолкъ, а Керенскій поспѣшилъ на фронтъ — готовить наступленіе — и оттуда слалъ министрамъ восторженныя сообщенія о своихъ ораторскихъ успѣхахъ.

Въ ожиданіи результатовъ въ вопросахъ мира и войны, къ двумъ основнымъ конфликтамъ, которые старался притушить коалиціонный кабинетъ, присоединились два другіе, не менѣе серьезные и еще болѣе чувствительные для массъ: крестьянскій и рабочій. Въ вопросахъ о передачѣ земли крестьянамъ и объ организаціи промышленности министерская декларація 6 мая была болѣе чѣмъ сдержанна и легко поддавалась обвиненію въ классовой заинтересованности. По аграрному вопросу она ограничивалась заботой, «чтобы обезпечить наибольшее производство хлѣба», отлагая рѣшеніе вопроса «о переходѣ земли» до учредительнаго собранія. Во второмъ вопросѣ давались довольно широкія обѣщанія, вплоть до «организаціи производства въ необходимыхъ случаяхъ»; — но главной цѣлью при этомъ ставилась «борьба съ хозяйственной разрухой страны», т. е., косвенно, съ захватными тенденціями рабочихъ. А большевистская всероссійская конференція 24 - 29 апрѣля уже заранѣе объявила, что ни первое, ни коалиціонное правительство, «охраняя прибыли капиталистовъ и помѣщиковъ, не способны принять рядъ революціонныхъ мѣръ въ области хозяйственной». Заинтересованные преимущественно въ вопросѣ о соціализаціи промышленности, большевики еще 16-го мая провели черезъ исполнительный

комитетъ программу не только «государственнаго и общественнаго контроля надъ производствомъ, но и «прямого руководства» всей хозяйственной дѣятельности страны, съ «ограниченіемъ частнаго предпринимателя и торговца», съ введеніемъ государственной торговой монополіи и трестовъ, съ «регулирующимъ участіемъ государства въ распредѣленіи сырья и вырабатываемыхъ продуктовъ», съ «государственнымъ регулированіемъ труда» и участіемъ во всемъ этомъ, въ центрѣ и на мѣстахъ «совѣтскихъ организацій». Эта программа вызвала немедленныя возраженія и отставку министра торговли и промышленности А. И. Коновалова, «скептически относившагося къ той формѣ общественно - государственнаго контроля и къ тому способу регулированія производства, которое нынѣ предлагаютъ». Послѣ войны и дипломатіи это былъ третій разрывъ «революціонной демократіи» не столько съ «буржуазіей», сколько съ здравымъ смысломъ. Мѣсто Коновалова осталось незаполненнымъ; «буржуазнаго» министра для выполненія коммунистической программы 16 мая найти было не легко. По аграрному вопросу дѣло стояло менѣе остро, и конфликтъ оттянулся до іюля. Черновъ не спѣшилъ оглашать свою программу и предпочиталъ пока дѣйствовать втиши, поощряя народное «правотворчество» на мѣстахъ*).

Но главный вопросъ былъ теперь не въ томъ, что дѣлаетъ министерство. Конфликтъ перекинулся уже въ теченіе іюня на одну ступень дальше. Онъ шелъ не между соціалистами и «буржуазіей», а между большевиками и тѣми умѣренными соціалистами — руководителями совѣта, — которые получили слѣва ироническую кличку «звѣздной палаты». Большевики, съ первыхъ дней революціи обнаружившіе стремленіе къ созданію собственной реальной вооруженной силы, тутъ же, на мѣстѣ, подъ руками, въ Петроградѣ, употребили всѣ свои силы на работу въ этомъ направленіи. Они вели энергичную агитацію противъ «министровъ - капиталистовъ», а также и противъ совѣта, — на фабрикахъ Петербургской и Выборгской стороны и среди солдатъ петроградскаго гарнизона, избалованныхъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ и совершенно разложившихся. Вспомогательнымъ резервомъ долженъ былъ служить Кронштадтъ, куда

*) Подробности см. въ главѣ третьей моей «Исторіи второй революціи» 1, 121-248; Сухановъ, IV, первыя четыре главы. Характеристика «звѣздной палаты» тамъ же, IV, 44-46. О большевистскомъ характерѣ экономической программы см. тамъ же, 112-116 и еще ярче 170-172.

Ленинъ въ опасныя минуты переносилъ свою квартиру. А въ столицѣ, на поверхности, въ совѣтѣ и его исполнительномъ комитетѣ сохранялось послушное «звѣздной палатѣ» большинство, которое безпрекословно шло за Церетели и Чхеидзе, маскируя этимъ постепенное перемѣщеніе соотношенія силъ. Лояльныя обѣщанія союзникамъ казались, какъ будто исполненными. Министры - соціалисты поочередно призывали въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ къ благоразумію и говорили почти «кадетскія» рѣчи. Тѣмъ временемъ въ рабочихъ и солдатскихъ нѣдрахъ Петрограда политическая температура быстро поднималась. Рано или поздно, дойдя до точки кипѣнія, это внутреннее волненіе должно было вылиться наружу.

Это произошло уже въ половинѣ іюня, и реальное соотношеніе силъ вполнѣ опредѣлилось къ концу этого мѣсяца. Скоро вся страна узнала, что въ Петроградѣ имѣется уже три центра власти: правительство, которое — все въ прошломъ и которое только благодаря совѣту сохранило номинальную власть; совѣтъ, имѣвшій эту власть въ настоящемъ, но быстро ее терявшій, и наконецъ большевистская тайная организація — власть будущаго, но уже признаваемая во все болѣе широкихъ рабочихъ и солдатскихъ кругахъ столицы. Формальный лозунгъ большевиковъ, противопоставленный идеѣ коалиціоннаго кабинета, былъ уже въ началѣ мая: вся «власть совѣтамъ». Но по мѣрѣ того, какъ большевики пріобрѣтали независимую отъ совѣтовъ силу, а совѣтъ являлся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ «звѣздной палаты», этотъ лозунгъ становился все болѣе фиктивнымъ.

Въ теченіе іюня (3-24) засѣдалъ первый полномочный «всероссійскій» съѣздъ совѣтовъ. На немъ всерьезъ и продолжительно обсуждались резолюціи объ отношеніи къ правительству, къ войнѣ; шла работа въ многочисленныхъ секціяхъ — аграрной, рабочей, военной, продовольственной, національной и т. д. Въ заключеніе, опять таки впервые, былъ выбранъ всероссійскій полномочный органъ, ЦИК, — изъ 300 членовъ, изъ которыхъ 100 должны были представлять революціонную власть въ провинціи. И въ то же время чувствовалось, что все это — несерьезно. Изъ 1050 делегатовъ съѣзда — большевиковъ было только 105. Они и не пытались бороться за большинство; ихъ работа была въ другомъ мѣстѣ. Разсчетъ былъ вѣрнымъ. Членамъ съѣзда скоро надоѣло принимать продиктованныя «звѣздной

палатой» компромиссныя рѣшенія, санкціонировавшія заднимъ числомъ дѣйствія власти. Даже раздѣляя ихъ, они все съ большей тревогой оглядывались на совѣтъ, который приносилъ сюда съ улицы иного рода рѣшенія, постоянно отвлекавшія съѣздъ отъ его «органической работы». Это были рѣшенія, диктовавшіяся большинствомъ Ц. К. и выполнявшіяся безпрекословно обитателями петербургскихъ рабочихъ окраинъ и распропагандированными воинскими частями, все болѣе многочисленными*).

9 іюня предсѣдатель съѣзда Чхеидзе сообщилъ тревожную новость: завтра въ Петроградѣ назначена демонстрація, и этотъ день можетъ стать роковымъ! Лозунги демонстраціи, объявленные въ прокламаціи, развѣшанной въ рабочихъ районахъ и подписанной большинствомъ ц. к. и центр. бюро фабрично-заводскихъ комитетовъ (тоже большевистскимъ), были совсѣмъ не похожи на «совѣтскіе»: «долой думу, государственный совѣтъ, десять (включая Керенскаго) министровъ - капиталистовъ», «вся власть совѣту», «пересмотръ декларации правъ солдата», «долой анархію въ промышленности, да здравствуетъ контроль и организація въ промышленности»; «пора кончать войну», «хлѣба, мира, свободы». Это былъ только *фасадъ* демонстраціи. Ея дѣйствительная *цѣль* была — какъ узналъ Сухановъ въ 1920 году — направить рабочіе отряды и вѣрные большевикамъ полки на Маріинскій дворецъ, вызвать членовъ правительства и, въ благопріятномъ случаѣ арестовать ихъ. Затѣмъ предполагалъ взять власть ц. к. большевиковъ. Сопротивленіе, если оно будетъ слабо, готовились подавить вооруженной силой. До дюжины военныхъ частей большевики считали въ это время уже совсѣмъ своими; на сторонѣ правительства, по ихъ разсчетамъ, оставалось всего пять полковъ «вѣрныхъ» — и такое же количество должно было остаться въ случаѣ столкновенія нейтральными. Ленинъ тремя днями раньше сдѣлалъ на съѣздѣ совѣтовъ эффектное заявленіе: «большевистская партія (какъ и «всякая», впрочемъ) готова каждую минуту взять власть въ свои руки одна». Нужна только благопріятная минута, прибавлялъ къ этому Ц. К. Въ этомъ послѣднемъ онъ еще не былъ увѣренъ. За переворотъ стоялъ рѣшительно Сталинъ, противъ него были (тѣ же что въ октябрѣ)

*) Какъ быстро выдохся интересъ къ съѣзду у самихъ членовъ, см. у Суханова, IV, 260. То же и относительно новаго Исполнительнаго Комитета, тамъ же, 278 - 280.

Каменевъ и Зиновьевъ; Ленинъ колебался. Но слухи о заговорѣ дошли до руководящихъ совѣтскихъ круговъ, и Чхеидзе забилъ въ набатъ. Рѣшено было запретить демонстрацію и разослать депутатовъ по заводамъ и полкамъ для убѣжденія солдатъ и рабочихъ — оставаться спокойными*).

Въ эту ночь члены съѣзда хорошо узнали, что о нихъ думаютъ въ тѣхъ низахъ, изъ которыхъ исходили реальныя рѣшенія. Въ одинъ голосъ тамъ говорили: Съѣздъ подкупленъ помѣщиками и буржуазіей; большинство съѣзда и состоитъ изъ буржуевъ и имперіалистовъ; рѣшенія съѣзда необязательны; слушаться надо только ц. к. большевиковъ. Солдаты грозили депутатамъ расправой и арестомъ, заявляли что «идутъ рѣзать буржуазію» и что, даже если большевики отмѣнятъ демонстрацію, они черезъ нѣсколько дней, все равно, выйдутъ на улицу и разгромятъ буржуазію**). Трудно сказать, что произошло бы, если бы въ два часа ночи сами большевики не отмѣнили демонстраціи. Почему они отмѣнили ее? Едва-ли потому, что, побѣдивъ, они сами не знали бы, что дѣлать на другой день послѣ побѣды. Ленинъ же сказалъ, что они «всегда готовы», а октябрьскій переворотъ подтвердилъ это. Сухановъ предполагаетъ, что сдержало большевиковъ соображеніе, что скажетъ провинція, еще не распропагандированная. Но вѣрнѣе, что правъ Зиновьевъ, напоминающій разговоръ Ленина по поводу іюльскихъ событій, происшедшихъ всего три недѣли спустя. «А не попробовать ли намъ сейчасъ», смѣясь говорилъ намъ Ленинъ, но онъ тутъ же прибавилъ: — Нѣтъ, сейчасъ брать власть нельзя, потому что *фронтовики еще не наши*. Сейчасъ обманутый либералами фронтовикъ придетъ — и перерѣжетъ питерскихъ рабочихъ***).

Фронтъ былъ до такой степени «не нашъ», что на немъ, — правда, послѣ долгой подготовки и вопреки мнѣнію серьезныхъ военныхъ авторитетовъ, Керенскій подписалъ 16 іюня приказъ о наступленіи. Раньше чѣмъ свѣдѣнія объ этомъ дошли до Петрограда, тамъ 18 іюня состоялась «мирная демонстрація», устроенная совѣтскими сферами, чтобы компенсировать лѣвыхъ за несостоявшуюся демонстрацію 10 іюня. Демонстрація 18 іюня

---

*) Сухановъ, IV, 316-323.
**) См. мою «Исторію», I, 217-219. Сухановъ, IV, 300-301.
***) Г. Зиновьевъ. Ленинъ. Гос. издат. 1924, стр. 41.

прошла вяло и казенно; но она показала еще разъ, что въ Петроградѣ безусловно преобладаютъ большевистскіе лозунги и настроенія и что даже въ дружественной правительству манифестаціи — говорить о «поддержкѣ коалиціоннаго правительства» просто невозможно. Говорилось лишь о «довѣріи совѣтамъ». На другой день, 19-го, выступила въ послѣдній разъ на улицахъ буржуазія, по полученіи извѣстій о первыхъ побѣдахъ наступающихъ «полковъ 18 іюня». Но это торжество было мимолетно, такъ-же какъ и надежды, что съ наступленіемъ на фронтѣ возстановятся и нормальныя отношенія между страной и властью внутри.

Въ первыхъ числахъ іюля наступилъ новый «благопріятный моментъ» для большевиковъ и для распропагандированныхъ ими солдатъ и рабочихъ. Эти элементы въ своемъ нетерпѣніи шли дальше самихъ своихъ руководителей и настойчиво предлагали большевистскому Ц. К. устроить вооруженное выступленіе *).

2 іюля представился подходящій случай: вышли изъ состава правительства три министра — члены партіи народной свободы. Они мотивировали свой уходъ, какъ частнымъ эпизодомъ, — заключеніемъ за ихъ спиной недопустимаго соглашенія вліятельной министерской группы («тріумвирата» Церетели, Терещенко и Некрасова) съ украинскими націоналистами, такъ и вообще своимъ нежеланіемъ постоянно идти въ хвостѣ за министрами-соціалистами, вовсе не думавшими соблюдать условій «честной коалиціи» и помыкавшими своими министерскими коллегами еще безцеремоннѣе, чѣмъ совѣтскимъ большинствомъ**).

Открытіе новаго министерскаго кризиса давало удобный поводъ для практической постановки лозунга о передачѣ «всей власти совѣтамъ» и для ликвидаціи союза совѣта съ «буржуазіей». Съ этимъ требованіемъ и рѣшили выступить рвавшіяся въ бой части войскъ и группы рабочихъ.

Ихъ выступленіе на улицу началось самочинно 3 іюля. Оно, несомнѣнно, поставило въ трудное положеніе, какъ совѣтъ, такъ и самихъ большевиковъ. Совѣтъ, выдерживая тезисъ о «буржуазной» революціи, по - прежнему не хотѣлъ брать власти, которую

---

*) Г. Зиновьевъ. Ленинъ. 1924. Стр. 41.

**) См. докладъ Подвойскаго о ходѣ большевистской пропаганды среди петроградскихъ солдатъ. «Въ теченіе двухъ недѣль мы выслушиваемъ настойчивыя требованія отъ различныхъ полковъ объ устройствѣ демонстраціи протеста противъ политики Керенскаго. Выходъ солдатъ на улицу становится неизбѣжнымъ. Намъ пришлось поставить передъ Ц. К. вопросъ именно въ этой плоскости.» Владимирова, III, 312.

ему навязывали; онъ и не представлялъ себѣ формы государственной власти безъ правительства.Съ своей стороны, у большевиковъ тоже преобладало на этотъ разъ осторожное отношеніе къ уличному выступленію. Можно повѣрить заявленіямъ, даннымъ большевистскими вождями въ связи съ слѣдствіемъ надъ ними, что они употребляли всѣ усилія, чтобы предупредить уличное выступленіе 3 іюля, и что только убѣдившись къ ночи на 4-е іюля, что удержать солдатъ и рабочихъ невозможно, они рѣшились стать во главѣ движенія, чтобы организовать его и тѣмъ самымъ овладѣть имъ. И Сухановъ, кажется, напрасно иронизировалъ надъ Луначарскимъ, сказавшимъ ему утромъ 4-го іюля: «я только что привелъ изъ Кронштадта двадцать тысячъ совершенно *мирнаго* населенія». Кронштадтцы, дѣйствительно, рѣшивъ во что бы то ни стало ѣхать въ Петербургъ, не знали, что тутъ дѣлать, пока ихъ не направили отъ дома Кшесинской въ Таврическій дворецъ—просить совѣтъ принять власть и арестовать министровъ. Такъ какъ совѣтъ не думалъ этого дѣлать, то кронштадтцамъ оставалось или начать вооруженное возстаніе, или сѣсть на свои суда и вернуться домой. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ большевиковъ они сдѣлали не первое, а второе. Такъ же безплодно оказалось появленіе у Таврическаго дворца десятковъ тысячъ путиловскихъ рабочихъ и выступленіе вѣрныхъ большевикамъ пулеметнаго и гренадерскаго полковъ. Возстаніе уже начинало утихать, убитое своей безпредметностью, — если даже не считать проливного дождя, о которомъ говоритъ Сухановъ. Только въ этотъ моментъ — къ ночи на 5-е іюля — появились у Таврическаго дворца вѣрные совѣту полки, а за ними пришли — 5-го іюля — и вызванныя съ фронта воинскія части *).

Послѣ этого картина сразу перемѣнилась. «Звѣздная палата» на этотъ разъ рѣшила показать суровость. Церетели еще въ ночь на 4-е развилъ передъ ЦИК свой планъ — сохранить кабинетъ, какъ онъ былъ, въ неполномъ составѣ, и собрать черезъ двѣ недѣли пленарное засѣданіе ЦИК съ провинціальными членами, непремѣнно въ Москвѣ, гдѣ можно спокойно работать безъ давленія улицы **). Теперь онъ могъ безъ труда провести свой

*) Сухановъ, IV, 367-452ч Моя «Исторія», I, 237-248. Владимирова, III, 133-153, и показанія большевистскихъ лидеровъ, 307-319, 329-337, 355-371.

**) Сухановъ, IV, 380, 382.

планъ, вызвавшій вначалѣ недоумѣніе и сопротивленіе совѣта. Такимъ образомъ, была спасена идея коалиціи. — необходимой при «буржуазной» революціи. Но не только она была спасена отъ петроградской большевистской волны: правительство, опираясь на ЦИК, перешло на этотъ разъ въ наступленіе. Противъ большевиковъ были въ первый разъ приняты мѣры, диктовавшіяся уголовнымъ закономъ. Каменевъ, Троцкій, Луначарскій очутились въ тюрьмѣ, а Ленинъ и Зиновьевъ избѣжали ареста только потому, что во время скрылись. Личный авторитетъ Ленина былъ подорванъ въ солдатскихъ массахъ опубликованіемъ документовъ, указывавшихъ на его связь съ германцами. Незадолго передъ тѣмъ правительство выслало изъ Петрограда вождя циммервальдизма Роберта Гримма, уличеннаго въ сношеніяхъ съ германскимъ правительствомъ *).

Іюльскіе дни создали почву для реакціи противъ снисходительнаго отношенія къ большевикамъ. Но то, что окончательно закрѣпило это настроеніе, пришло уже послѣ іюльскихъ дней. Въ ночь на 7-е іюля пришли первыя страшныя извѣстія, что наступленіе на фронтѣ, — наступленіе, которое составляло главный, если не единственный смыслъ той политической двусмысленности, которую представлялъ первый коалиціонный кабинетъ, — это наступленіе провалилось. Объ этой возможности многіе предупреждали и многіе ее предсказывали; но всетаки вѣсть объ отступленіи поразила, какъ громомъ. Сухановъ сохранилъ воспоминаніе о внезапной перемѣнѣ отношенія къ большевикамъ подъ вліяніемъ извѣстій съ фронта: даже въ лѣвыхъ кругахъ на нихъ стали смотрѣть, какъ на враговъ, съ которыми не можетъ быть мирныхъ разговоровъ и соглашеній. Съ своей стороны и Ленинъ заявилъ по поводу привлеченія его къ суду: «4-го іюля еще возможенъ былъ мирный переходъ власти къ совѣтамъ..... Съ этого момента совѣты фактически передаютъ власть контръ - революціи..... Теперь мирное развитіе революціи въ Россіи уже невозможно, и вопросъ исторіей поставленъ такъ: либо полная побѣда контръ - революціи, либо новая революція» **). Конечно, и 4-го іюля переходъ къ большевикамъ былъ бы совсѣмъ не мирнымъ. Но Ленинъ правъ въ томъ смыслѣ,

*) О дѣлѣ Гримма см. Балабанова, 109-119; Сухановъ, IV, 223-229.
**) Владимирова, III, 357.

что здѣсь революція вступила въ новый фазисъ. Политическій смыслъ этого фазиса революціи, вслѣдъ за многими, я старался передать въ заглавіи второго тома моей «Исторіи»: «Корниловъ или Ленинъ?» *).

V

Политическія послѣдствія іюльскихъ дней и неудачи наступленія. — Диктатура Керенскаго. — Репрессивныя мѣры въ тылу и на фронтѣ. — Демонстративная отставка Керенскаго и второй коалиціонный кабинетъ. — Проба силъ на Московскомъ совѣщаніи. — Успѣхи большевиковъ. — Корниловъ — кандидатъ переворота.

«Или революція (въ ея лѣвомъ пониманіи) убьетъ войну, или война убьетъ революцію». Этотъ циммервальдскій лозунгъ (см. выше стр. 57) получилъ обновленный смыслъ въ іюлѣ 1917 года, когда мы встрѣтили его въ устахъ делегата за - границу Гольденберта (стр. 57-58). Все значеніе, весь смыслъ созданія первой министерской коалиціи, съ точки зрѣнія войны и союзниковъ, заключался въ томъ, чтобы возстановить боеспособность русскаго фронта. Быть можетъ, этотъ фронтъ и былъ бы въ состояніи держаться неопредѣленное время, если бы командо-

---

*) Сухановъ, IV, 477-480, 498-500; Владимирова, III, 309; докладъ Сталина 27 іюля: «въ связи съ слухами съ фронта о прорывѣ круто измѣнилось отношеніе къ намъ меньшевиковъ и с.-р. Люди, говорившіе съ нами, какъ товарищи, вдругъ призвали для охраны Таврическаго дворца войска, заявили, что мы вызвали вооруженное возстаніе, и объявили насъ измѣнниками революціи». Сухановъ разсказываетъ, что утромъ 8 іюля Луначарскій, съ которымъ онъ ночевалъ вмѣстѣ, сказалъ ему, что Ленинъ дѣйствительно имѣлъ 4 іюля «опредѣленный планъ государственнаго переворота». Передача власти совѣту должна была свестись къ назначенію «совѣтскаго» министерства, въ которое намѣчены были Ленинъ, Троцкій и Луначарскій. «Это правительство должно было немедленно издать декреты о мирѣ и о землѣ,привлечь этимъ всѣ симпатіи милліонныхъ массъ населенія и закрѣпить этимъ свою власть». Соглашеніе съ Луначарскимъ состоялось, «когда кронштадтцы направлялись отъ дома Кшесинской къ Таврическому дворцу... 176-й полкъ... долженъ былъ арестовать ЦИК. Къ тому времени Ленинъ долженъ былъ пріѣхать на мѣсто дѣйствія и провозгласить новую власть. Но Ленинъ опоздалъ. 176 полкъ былъ перехваченъ и разложился». Однако, Троцкій рѣшительно отрицалъ эту версію и на очной ставкѣ съ Луначарскимъ заставилъ послѣдняго заявить, что «перепуталъ» Сухановъ. Это же самое Луначарскій повторилъ и въ письмѣ къ Суханову 30 марта 1920 г. Онъ-де даже говорилъ Троцкому, что «считалъ бы бѣдствіемъ, если бы власть оказалась тотчасъ въ нашихъ рукахъ», на что, однако, Троцкій отвѣтилъ, что «это вовсе не было бы такъ плохо; что массы, конечно, поддержали бы насъ». См. IV, 511-515.

ваніе ограничилось пассивной обороной фронта въ окопахъ. Германское командованіе, видимо, на это шло, въ разсчетѣ расположить къ себѣ русскихъ пораженцевъ. Но Керенскій, какъ мы видѣли, взялъ военный портфель съ обязательствомъ передъ союзниками — выполнить принятыя до революціи военныя обязательства и перейти въ наступленіе. Серьезные военные авторитеты, какъ мы упоминали, высказывались противъ этого риска — и пошли на него только въ разсчетѣ на «невѣсомый» факторъ — революціоннаго возбужденія. Сильныя дозы этого возбужденія Керенскій и преподносилъ, объѣзжая фронты. Такъ удалось создать нѣсколько «ударныхъ» частей, которыя первыми пошли въ наступленіе — и первыми погибли. Теперь эта карта была бита, а вмѣстѣ съ нею и надежда умѣренныхъ и правыхъ элементовъ на прочное улучшеніе внутренняго положенія. Послѣ провала наступленія, оставалось или идти на миръ, не обманывая себя насчетъ возможности убѣдить союзниковъ заключить *общій* миръ — рѣшаться прямо уже на заключеніе *сеператнаго*(«похабнаго», какъ его потомъ стали называть на фронтѣ) мира или же — война должна была на самомъ дѣлѣ «убить революцію» (опять таки въ лѣвомъ пониманіи революціи), то есть надо было путемъ экстренныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ, не мирившихся съ установившимся режимомъ ослабленія дисциплины, спѣшно возстанавливать боеспособность войскъ. Было ясно, что сдѣлать этого нельзя, не устранивъ вліянія большевиковъ на совѣтъ и совѣта на правительство, т. е. не измѣнивъ всей внутренней политики. Даже въ лѣвыхъ кругахъ (Данъ) заговорили о «военной диктатурѣ», какъ о единственномъ средствѣ достигнуть этой цѣли. Угроза вооруженнаго возстанія, дважды висѣвшая надъ революціонной властью, — 10 іюня и 4 іюля — развязывала руки. Диктатура требовала диктатора, и на мѣсто этого диктатора автоматически выдвигался Керенскій. Лѣвые признавали, что таковъ былъ объективный ходъ вещей, и готовы были молча съ этимъ мириться. И Церетели недалекъ былъ отъ готовности защищать эту комбинацію. *).

При такомъ настроеніи, сложившемся въ послѣіюльскіе дни и въ дни отступленія, было ясно, что Керенскому надо сдѣлаться формальнымъ главой правительства, какимъ онъ уже былъ фактически при первой коалиціи. Этому больше не мѣшали кадеты,

*) Сухановъ, V, 16-17, 19-23.

которые ушли. Мѣшалъ только кн. Львовъ, опоздавшій уйти и теперь очутившійся въ ложномъ положеніи. И Львовъ былъ вынужденъ подать въ отставку *). Надо признать, что выборъ кн. Львова главой революціоннаго правительства былъ столько же неудаченъ, сколько онъ былъ въ свое время неизбѣженъ. Гамлетовская нерѣшительность, прикрытая толстовскимъ непротивленчествомъ и облеченная въ слащаво - елейный оффиціально - оптимистическій стиль — это было прямо противоположно тому, что требовалось отъ революціоннаго премьера. Керенскій понялъ эту роль лучше. Онъ говаривалъ, что масса не умѣетъ признавать власть «въ пиджакѣ». Онъ облекся во френчъ и очень быстро усвоилъ себѣ наполеоновскія позы, повелительный тонъ, не допускающій возраженій, гремящій голосъ, переходившій въ нервическій крикъ при попыткѣ сопротивленія, отрывистую рубленую рѣчь въ распоряженіяхъ и торжественные карамзинскіе періоды въ деклараціяхъ. Именно отсюда пошла перемѣна тона Церетели и др. по отношенію къ большевикамъ, превратившая послѣднихъ изъ «товарищей» въ преступниковъ. Передъ Керенскимъ послѣ іюльскихъ дней должны были потѣсниться и совѣтскіе органы, которые онъ только въ исключительныхъ случаяхъ удостоивалъ своимъ присутствіемъ, предоставляя въ остальное время обработку ихъ Церетели. Въ рѣчахъ послѣдняго въ эту пору несомнѣнно почувствовались отблески величія Керенскаго. Въ виду исключительности и серьезности положенія, всѣ эти нововведенія были приняты на первое время почти безъ ропота. Если Керенскій и не былъ настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ, то н у ж н о было, чтобы онъ по крайней мѣрѣ *казался* такимъ.

Послѣдовалъ цѣлый дождь репрессивныхъ мѣръ въ тылу и на фронтѣ. Новое правительство, наскоро составленное Керенскимъ по собственному усмотрѣнію, съ замѣной ушедшихъ членовъ случайными фигурами, начало съ того, что потребовало и получило 9 іюля отъ исполнительнаго комитета совѣта званіе «правительства спасенія революціи» и признаніе «неограниченныхъ полномочій для возстановленія организаціи и дисциплины

---

*) Не очень рыцарскій способъ, какимъ Керенскій и «министры-соціалисты» удалили кн. Львова, разсказанъ у Суханова, IV, 486-491, 509-510; ср. мою «Исторію», II, 17-18. Но надо признать, что премьерство Керенскаго было вполнѣ логичнымъ выводомъ изъ послѣіюньской конъюнктуры.

въ арміи, рѣшительной борьбы со всякими проявленіями контръ-революціи и анархіи». *Фактъ* диктатуры, собственно, былъ налицо; но тутъ сказалось пристрастіе новаго премьера къ словамъ. Большевики попрятались, населенію приказано было выдать все «холодное и огнестрѣльное оружіе», Кронштадтъ принужденъ былъ выдать своихъ вождей, на фронтѣ введена была смертная казнь, балтійскій флотъ приведенъ въ субординацію, большевистскія газеты закрыты, введена военная цензура и произведена масса арестовъ. Въ то же время выступили впервые открыто съ рядомъ заявленій организаціи опредѣленно праваго направленія, какъ офицерскій союзъ и торгово - промышленники. Въ частныхъ совѣщаніяхъ членовъ государственной думы послышались ультраправыя рѣчи (Пуришкевича и Масленникова). Невскій проспектъ увидѣлъ демонстрацію въ старомъ стилѣ: торжественныя церковныя похороны убитыхъ въ іюльскіе дни казаковъ, при участіи правительства и Керенскаго. Диктатурой пахло въ воздухѣ; диктатуру предлагали въ это время Керенскому справа, какъ онъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ позднѣе. Наконецъ, первоначальное предложеніе Церетели о созывѣ въ Москвѣ пленума исполнительнаго комитета совѣта, превратилось, по выраженію Мартова, въ проектъ «земскаго собора» въ Москвѣ же, на которомъ Керенскій хотѣлъ «растворить демократію», пригласивъ туда, для уравновѣшенія лѣвыхъ, равное по числу представительство правыхъ группъ. Въ эти дни, казалось, историческая дилемма станетъ такъ: Ленинъ или... Керенскій. Церетели готовъ былъ, если не уступить, то — стушеваться, ибо «теперь методы идейнаго воздѣйствія безсильны въ борьбѣ съ анархіей» и «періодъ розовой мечтательной юности революціи прошелъ» *). Было очень символично, что въ эти самые дни, 18 іюля, Керенскій съ министрами перебрался въ Зимній дворецъ, а совѣтскіе органы начали переселеніе въ Смольный......

Керенскій, тѣмъ не менѣе, встрѣтилъ препятствія: съ одной стороны, въ условіяхъ, выставленныхъ к. д. для вступленія въ министерство, а съ другой. — въ непріемлемой для к. д. программѣ кабинета, одобренной 8 іюля совѣтомъ. Онъ прибѣгъ

---

*) Въ соотвѣтствующихъ тонахъ характеристика этого періода дана Сухановымъ въ гл. I-й пятой части его «Записокъ о революціи». Испугъ Церетели передъ «военной диктатурой», нервность Керенскаго, послушаніе встревоженныхъ совѣтскихъ органовъ изображены здѣсь очень ярко.

тогда къ экстренной мѣрѣ, которая окончательно дѣлала его безконтрольнымъ арбитромъ положенія. 21-го іюля онъ сложилъ всѣ свои полномочія. На зарѣ 22-го эти полномочія были возвращены ему представителями всѣхъ политическихъ партій и организацій, послѣ оживленныхъ преній въ Малахитовомъ залѣ Зимняго дворца. Савинковъ въ этомъ засѣданіи кончилъ рѣчь глухой угрозой — *диктатуры, которая выйдетъ изъ арміи.* Всѣ понимали, что лучше, всетаки, дать полномочія, составить кабинетъ по личному выбору и не связывать его формальной отвѣтственностью передъ разными партійными органами, непримиримыми относительно другъ друга. Ясно было также и то, что это — не рѣшеніе, а худой компромиссъ, судьба котораго будетъ зависѣть исключительно отъ личной политики Керенскаго. Такъ началось 25 іюля, по окончаніи затянувшагося на три недѣли министерскаго кризиса, правленіе второго коалиціоннаго кабинета. 11 министровъ этого кабинета были соціалисты, 7 министровъ — не соціалисты (изъ нихъ 4 к. д.). Церетели въ этой коалиціи не участвовалъ, и его уходъ ярче всего знаменовалъ наступленіе новаго періода. Вмѣсто программы новаго правительства, на которой нельзя было сговориться, Керенскій опубликовалъ 26 іюля краткое воззваніе за своей единственной подписью, говорившее о «забвеніи споровъ передъ лицомъ непріятеля», о необходимости «желѣзной власти въ суровыхъ условіяхъ военной необходимости» и о «героическихъ усиліяхъ», которыми только и «можетъ быть спасена родина». «Революціонная демократія» Церетели принуждена была всему этому покориться. «Бойтесь поставить народъ передъ выборомъ между собой и страной», училъ ее Церетели — и убѣждалъ дать власти диктаторскія полномочія. Газета Чернова, «Дѣло Народа», ставила прогнозъ, совпадавшій съ прогнозомъ Ленина: «Это послѣдняя попытка создать національное правительство. Съ неудачей ея революція окажется окончательно откинутой либо въ ту, либо въ другую сторону» *).

Ясность положенія была затемнена только тактикой Керен-

---

*) Такъ же, въ сущности, но съ другой стороны, судилъ о положеніи меньшевикъ-интернаціоналистъ Мартовъ. Онъ писалъ въ «Новой Жизни»: «Вопросъ поставленъ жизнью такъ — или контръреволюціонная (въ лѣвомъ смыслѣ) ликвидація революціи, или ея продолженіе и развитіе **путемъ диктатуры,** осуществляемой силами организованной демократіи и осуществляющей задачи революціонного творчества. Нынѣшній кризисъ власти весь цѣликомъ сводится къ

скаго, который не рѣшался сдѣлать выбора ни туда, ни сюда и продолжалъ балансировать между обѣими сторонами для сохраненія собственной власти. Какъ первое наглядное проявленіе этой политики балансированія, онъ собралъ нелѣпое московское «Государственное совѣщаніе» 13 - 15 августа. Въ залѣ и на сценѣ Большого театра состязались готовые разойтись окончательно лагери русской общественности, довольно равномѣрно распредѣлившіеся между правой и лѣвой половинами обширнаго помѣщенія. Когда хлопала ораторамъ одна половина, другая или молчала, или свистала. Никакихъ рѣшеній и не предполагалось выносить. Не было и голосованій. Не предполагалось даже вначалѣ и иныхъ выступленій, кромѣ правительственныхъ. Правительство дѣлало смотръ силамъ, противопоставляя лѣвымъ правыхъ и видя въ этомъ средство — самому удержаться по срединѣ. Въ дѣйствительности оно, потерявъ уже лѣвыхъ, теперь теряло и правыхъ. Ибо за полтора мѣсяца, протекшихъ со времени іюльскихъ дней до московскаго совѣщанія, лѣвые успѣли оправиться отъ смущенія, а правые успѣли выставить своего кандидата въ «диктаторы». Это былъ, дѣйствительно, «кандидатъ изъ арміи» — Корниловъ; предварительно распропагандированный съ фронта Савинковымъ и журналистами, а теперь пріѣхавшій въ Москву уже со всѣми атрибутами своей военной власти. Керенскій ѣхалъ на совѣщаніе, напуганный слухами, что не только военный заговоръ готовится, но что онъ уже созрѣлъ и «провозглашеніе диктатуры» будетъ пріурочено къ самымъ днямъ совѣщанія. Этимъ объяснялись его истерическія угрозы «желѣзомъ и кровью» по неизвѣстному адресу. Но это же сообщило особенный эффектъ выступленіямъ генераловъ Алексѣева, Корнилова, Каледина. Впечатлѣніе силы осталось не на сторонѣ правительства — и не на сторонѣ поддерживавшей его части соціализма, пытавшагося пойти на уступки, но все же выставившаго, въ дополненіе къ непринятой «буржуазіей» программѣ 8 іюля, непріемлемую программу 14 августа, плохо прослушанную совѣщаніемъ. Большевики, герои

обнаженію этого основного вопроса. Отъ его рѣшенія не отвертѣться ни деклараціями, ни хитроумными комбинаціями распредѣленія, дѣлежа, накопленія и перемѣщенія портфелей». Сухановъ, V, 81. Объ отставкѣ Керенскаго, совѣщаніи въ Малахитовомъ залѣ и новомъ кабинетѣ см. тамъ же V; 3-я глава (83-122) и моя «Исторія» (переговоры к.-д. объ условіяхъ «честной» коалиціи и пренія съ соціалистами въ Малахитовомъ залѣ), II, 23-50.

будущаго, отсутствовали въ залѣ Большого театра. Въ общемъ итогѣ правительство опять получило внѣшнее признаніе и поддержку. Но авторитетъ его былъ въ Москвѣ поколебленъ личнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ Керенскимъ на тѣхъ, кто видѣлъ его здѣсь въ первый разъ. Не государственный человѣкъ чувствовался за туманными угрозами и надутыми декларацiями собственнаго могущества, а запуганный двусторонними опасностями дилетантъ, съ трудомъ удерживавшій равновѣсіе на той математической линіи, на которой эти опасности сходились. Ясно было, что ни та, ни другая сторона не считаетъ его вполнѣ своимъ. На чью сторону онъ станетъ, когда эти стороны столкнутся въ послѣдней схваткѣ надъ его головой? Въ Москвѣ еще нельзя было найти окончательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Ясно было лишь, что послѣіюльскій «диктаторъ» успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ влѣво, хотя въ то же время вся его тактика использованія чрезвычайныхъ полномочій сближала его съ правыми. Споръ между «диктатурой» и совѣтами осложнился споромъ между «буржуазной» и «военной» диктатурой.

Почему Керенскій колебался между противоположными шагами? Помимо его личныхъ свойствъ, тутъ было и другое объясненіе. Съ одной стороны, въ ближайшіе дни послѣ московскаго совѣщанія «революціонная демократія» не только пришла въ себя, но и рѣшительно выходила изъ повиновенія. Въ петербургскомъ совѣтѣ с.р.-ы, вмѣстѣ съ большевиками, потребовали отмѣны смертной казни и въ первый разъ оставили Церетели въ меньшинствѣ 4-хъ голосовъ противъ всѣхъ. Когда Церетели спрашивалъ, будутъ ли они свергать правительство, если оно смертной казни не отмѣнитъ, въ отвѣтъ слышались возгласы: да, пойдемъ на улицу! Въ выборахъ въ городскую думу большевики собрали 200 тысячъ голосовъ (33%), т. е. шли тотчасъ за с. р. - ами (37%). Это означало, что завоеваніе Петербургскихъ низовъ большевиками подвигается быстрымъ темпомъ. Съ другой стороны, росло также нетерпѣніе и въ противоположномъ лагерѣ — военной диктатуры, окончательно разочаровавшемся въ Керенскомъ. Корниловъ уже съ самаго начала отступленія обращался къ правительству съ требованіями, носившими характеръ ультиматумовъ, и грозилъ, что если правительство «не сумѣетъ стать на опредѣленный и твердый

путь», то «придутъ другіе люди, которые уничтожатъ завоеванія революціи» (телеграмма 7 іюля). Его союзникомъ тогда же оказался Савинковъ. На совѣщаніи въ ставкѣ 16 іюля требованія Корнилова были повторены и систематизированы другими военачальниками (особенно Деникинымъ). Требованіе «сильной власти» сказалось въ назначеніи Корнилова главнокомандующимъ, а отчасти и въ переговорахъ съ к. д., при составленіи второго коалиціоннаго кабинета. Но никакой послѣдовательности ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ Керенскій не обнаружилъ. Переговоры съ к. д. прервались, а съ Корниловымъ немедленно же вышелъ первый конфликтъ изъ-за поставленныхъ тѣми и другимъ условій. Это и повело къ отставкѣ Керенскаго 21 - 22 іюля для полученія чрезвычайныхъ полномочій (см. выше). Кабинетный конфликтъ разрѣшенъ былъ составленіемъ новаго (хотя отнюдь не «сильнаго») кабинета; но конфликтъ съ Корниловымъ затянулся и еще обострился послѣ личныхъ свиданій 3 и 10 августа. Тутъ между премьеромъ и главнокомандующимъ уже открыто обсуждался вопросъ объ отставкѣ Корнилова или самого Керенскаго и о возможности и желательности государственнаго переворота для созданія *настоящей* диктатуры. Мы видѣли, что реальной развязки этого конфликта Керенскій ожидалъ уже въ Москвѣ. Въ это время онъ окончательно склонился къ тому, чтобы самому стать главнокомандующимъ на мѣсто Корнилова, присоединивъ къ «неограниченнымъ полномочіямъ» премьера (подтвержденнымъ 2 августа для спеціальной цѣли борьбы со ставкой) еще и эту должность. Корниловъ недвусмысленно намекалъ Керенскому, что еще неизвѣстно, кто кого смѣнитъ, и въ ожиданіи возможной отставки принималъ свои мѣры. Керенскій на отставку не рѣшался. Тогда началъ думать объ отставкѣ Керенскаго Корниловъ. Политическій споръ капитальнаго значенія для Россіи принималъ, такимъ образомъ, личный характеръ. Въ ожиданіи неизбѣжнаго конфликта, обѣ стороны стягивали вооруженныя силы и обѣ были убѣждены, что стягиваютъ ихъ для себя. Шансы успѣха на сторонѣ Корнилова учитывались слѣдующимъ образомъ представителемъ дипломатическаго вѣдомства въ ставкѣ кн. Гр. Ник. Трубецкимъ (въ телеграммѣ 28 августа къ Терещенкѣ): «Трезво оцѣнивая положеніе, приходится признать, что весь командный составъ, подавляющее большинство офицерскаго корпуса и

лучшія строевыя части арміи пойдутъ за Корниловымъ. На его сторону станетъ въ тылу все казачество, большинство военныхъ училищъ, а также лучшія строевыя части. Къ физической силѣ слѣдуетъ присоединить превосходство военной организаціи надъ слабостью правительственныхъ органовъ, моральное сочувствіе всѣхъ несоціалистическихъ слоевъ населенія, а въ *низахъ— растущее недовольство* существующимъ порядкомъ, въ большинствѣ же народной и городской массы — притупившееся ко всему р а в н о д у ш і е, к о т о р о е п о д ч и н я е т с я у д а р у х л ы с т а..... Съ другой стороны, послѣднія событія на фронтѣ и въ тылу съ наглядной очевидностью выяснили картину полной несостоятельности нынѣшняго порядка вещей и неизбѣжность катастрофы, если не произойдетъ перелома».

Событія показали, что въ этомъ прогнозѣ былъ очень серьезный просчетъ. Это было, впрочемъ, и тогда ясно тѣмъ, кто могъ смотрѣть на шансы военнаго переворота съ другого конца, чѣмъ кн. Трубецкой. Въ его собственныхъ вычисленіяхъ упоминается одинъ факторъ, который долженъ былъ оказаться рѣшающимъ; а именно, недовольство массъ существующимъ порядкомъ и равнодушіе ихъ къ тому, что дѣлалось наверху. Чтобы найти разгадку исхода предстоявшаго конфликта, нужно было внимательно присмотрѣться къ тому, что дѣлается въ странѣ. Въ этомъ заключается и объясненіе того, что тѣ, кто зналъ настроеніе русской провинціи, не могли ожидать для предпріятія Корнилова того легкаго успѣха, на который разсчитывали близкія къ Корнилову лица и онъ самъ.

VI

Состояиіе русской провинціи. — Исчезновеиіе административныхъ властей. — Политика ки. Львова и Церетели. — Самоуправляющіяся «республики». — Правительство саикціонируетъ земельные захваты. — Ростъ аграрнаго «правотворчества». — Лозуигъ «мира» и окончательное разложеніе фроита. — Дезертирство и фактическая демобилизація. — Солдаты въ городахъ и въ деревиѣ. — Лозуигъ «хлѣба». — Разстройство продовольствеииаго дѣла. — Лозунгъ «рабочаго коитроля» и кризисъ промышлеииости.

Состояніе русской провинціи въ дни февральской революціи характеризуется однимъ словомъ: разложеніе *). Разло-

*) Этотъ отдѣлъ сжато резюмируетъ содержаніе иенапечатаииой главы IV выпуска моей «Исторіи второй революціи». Въ ожиданіи опубликованія архивиыхъ даиныхъ, глава эта составлена на основаніи корреспоиденцій изъ провинціи, печатавшихся въ газетахъ того времени, главнымъ образомъ, въ «Русскомъ Словѣ» и «Русскихъ Вѣдо-

женіе это связано, конечно, съ тѣмъ глубокимъ функціональнымъ разстройствомъ всей народной жизни, которое вызвано непривычнымъ и длительнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ страны въ военное время. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что началось оно еще до революціи, какъ мы видѣли, и въ отношеніи разложенія фронта. Но своего широкаго развитія разложеніе достигло уже послѣ февральскаго переворота, и чѣмъ ближе къ октябрьскому, тѣмъ болѣе степень разложенія увеличивалась. Въ послѣіюльскіе дни, въ дни московскаго совѣщанія и корниловскаго движенія, правительство, какъ мы сейчасъ увидимъ, обладало уже чрезвычайно слабой властью для того, чтобы осуществить какія - бы то ни было свои рѣшенія. Такъ же слабы — и потому же — оказались и его противники справа.

Собственно, съ первыхъ дней революціи правительство само лишило себя органовъ для осуществленія своей воли въ провинціи. Старыя власти, отъ губернатора до стражника, исчезли сами собой, прежде чѣмъ правительство успѣло замѣнить ихъ новыми. На смѣну явились всевозможные самочинные «комитеты», «совѣты» и другія организаціи, составленные преимущественно изъ элементовъ, бывшихъ опальными при старомъ режимѣ, изъ членовъ соціалистическихъ партій и т. д. Ни компетенція ихъ, ни взаимоотношенія, ни формы связи съ высшей властью опредѣлены не были. Кн. Львовъ ограничился суммарной мѣрой, назначивъ замѣстителями губернаторовъ и уѣздныхъ представителей власти — предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Но составъ этихъ новыхъ «комиссаровъ» власти, сложившійся при условіяхъ стараго режима, не былъ ни популяренъ, ни особенно удаченъ по существу. А когда новые представители администраціи являлись въ Петербургъ за инструкціями, кн. Львовъ неизмѣнно отвѣчалъ имъ то же, что опубликовано въ его интервью 7 и 19 марта: «Мы безконечно счастливы, что можемъ творить новую жизнь народа..... вмѣстѣ съ народомъ». «Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ».... по «властнымъ указаніямъ самой жизни. Въ лицѣ мѣстныхъ общественныхъ комитетовъ и другихъ подобныхъ организацій она создала уже зародыши

мостяхъ». Къ комплектамъ этихъ газетъ я и отсылаю читателя. Сводка о положеніи дѣлъ въ провинціи за мартъ-май 1917 г. сдѣланная канцеляріей Г. Думы по отчетамъ депутатовъ,напечатана въ Красномъ Архивѣ, т. XX.

мѣстнаго демократическаго самоуправленія, подготовляющаго населеніе къ будущимъ реформамъ. Въ этихъ комитетахъ я вижу фундаментъ, на которомъ должно держаться мѣстное самоуправленіе, до созданія новыхъ его органовъ. Комиссары временнаго правительства, посылаемые на мѣста, имѣютъ своей задачей не становиться п о в е р х ъ создавшихся органовъ въ качествѣ высшей инстанціи, но лишь служить посредствующимъ звеномъ между ними и центральной властью и облегчить процессъ ихъ организаціи и оформленія»*). Послѣ горькаго опыта анархіи, къ которой привела эта тактика, тонъ слѣдующаго, послѣіюльскаго министра внутреннихъ дѣлъ Церетели, совершенно измѣнился. Циркуляръ Церетели 19 іюля начинается грозными словами: «администрація обязана — неукоснительно и рѣшительно проводить въ жизнь всѣ распоряженія правительства, содѣйствовать всѣми силами укрѣпленію авторитета революціонной власти». «Вы имѣете право, вамъ вмѣняется въ обязанность требовать безусловнаго подчиненія всѣхъ и каждаго распоряженіямъ временнаго правительства», которое «не остановится ни передъ какими мѣрами». Но съ какой *цѣлью?* Оказывается, съ цѣлью «рѣшительно пресѣкать всякіе контръ - революціонные происки», — для чего необходимо «дѣйствовать въ единеніи съ организованной народной силой» «черезъ посредство людей, искренно преданныхъ дѣлу свободы». По утвержденію Церетели, «контръреволюціонные элементы пытаются... самочинно взять репрессіи въ свои руки, чтобы съ ихъ помощью разбить всѣ демократическія организаціи». Циркуляръ, такимъ образомъ, прямо санкціонировалъ передачу власти этимъ послѣднимъ организаціямъ. «Мы должны призвать къ поддержкѣ и объединить всѣ мѣстныя общественныя революціонно - демократическія силы» и «широко использовать опытъ и т в о р ч е с к у ю и н и ц і а т и в у этихъ организацій въ дѣлѣ устроенія мѣстной общественной и хозяйственной жизни». Какъ бы предвосхищая это распоряженіе новаго начальства, прокуроръ Харьковской судебной палаты разъяснилъ 24 іюля губернскимъ и уѣзднымъ комиссарамъ, до волостныхъ властей включительно, что отнынѣ «новыми государственными учрежденіями въ Россіи, безпримѣрными въ исторіи человѣчества, являются совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, народные совѣты и п р о ч.,

*) См. мою «Исторію», I, 67.

которые обладают «чрезвычайно широким кругомъ дѣятельности» и «совершаютъ по истинѣ поразительную работу».

Дѣйствительно, въ результатѣ Россія обзавелась цѣлой сѣтью самостоятельныхъ республикъ, совершенно не считавшихся другъ съ другомъ и въ своихъ предѣлахъ осуществлявшихъ всѣ функціи суверенной власти. Въ Казани, напримѣръ, совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ рѣшилъ отпустить съ фронта солдатъ призыва 1899 года, а когда военный министръ призналъ это постановленіе незаконнымъ, совѣтъ постановилъ: увѣдомленіе министра оставить безъ вниманія. Рязанскій совѣтъ нарядилъ «демократическую слѣдственную комиссію» надъ прокуроромъ Сталемъ, посланнымъ для слѣдствія объ аграрныхъ погромахъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ, и прикомандировалъ своихъ делегатовъ «для охраны интересовъ крестьянъ». Въ Самарѣ «губернскій комитетъ народной власти» постановилъ выпустить въ продажу лотерейные билеты на 600 тысячъ для покрытія расходовъ, а въ Благовѣщенскѣ совѣтъ взглянулъ на дѣло проще и рѣшилъ произвести въ городѣ поголовный обыскъ для обнаруженія обуви и мануфактуры. Еще проще поступилъ Раненбургскій совѣтъ, конфисковавъ товаръ у купца Шибанова и распредѣливъ его между собой — по стольку - то аршинъ на брата (съ соблюденіемъ іерархіи). Въ деревняхъ дѣло шло еще дальше. Въ с. Иліевцахъ, Подольск. губерніи, была присуждена къ смерти и повѣшена крестьянка за измѣну мужу - солдату. Въ Саратовской губерніи одинъ сходъ постановилъ прекратить уплату податей, ибо правительство временное и деньги могутъ исчезнуть, а другой волостной комитетъ наградилъ ротнаго фельдшера Грылева званіемъ врача. Такъ понималась на мѣстахъ «широкая компетенція» смѣнившихъ власть организацій.

Легко себѣ представить, что произошло, когда въ дезорганизованную такимъ образомъ среду были брошены лозунги, всего послѣдовательнѣе проводившіеся большевиками: «земля», «демократическій миръ», «хлѣбъ», «рабочій контроль». Остановимся, прежде всего, на «землѣ». Первое революціонное правительство положило въ основу радикальной аграрной реформы, которую должно было провести учредительное собраніе, предварительное собираніе и серьезное изученіе матеріала. Но спокойно заниматься такимъ изученіемъ среди начавшагося водоворота было, очевидно, невозможно, и уже первое положеніе о «земельныхъ комитетахъ»,

изданное 21 апрѣля, носило на себѣ черты компромисса между двумя теченіями. Въ компетенцію комитетовъ вошла не только «подготовка матеріаловъ», но и «разрѣшеніе вопросовъ, споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ области земельныхъ и сельско - хозяйственныхъ отношеній». При этомъ комитеты имѣли право издавать «обязательныя постановленія» по этимъ вопросамъ. Строгаго разграниченія компетенціи между волостными, уѣздными и губернскими комитетами не существовало. Надо еще прибавить, что на мѣстахъ одинаковымъ авторитетомъ съ этимъ «положеніемъ» 21 апрѣля пользовалась резолюція всероссійскаго совѣта крестьянскихъ депутатовъ 25 мая, распространенная съ чрезвычайной быстротой по Россіи с.-р. - ами черновцами. Въ силу этой резолюціи, «все дѣло подготовки.... переходитъ въ руки самого трудового населенія.... въ направленіи раскрѣпощенія земли отъ узъ частной собственности безъ всякаго выкупа», причемъ «всѣ земли безъ исключенія должны перейти въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ», такъ же и «рабочія руки», «сборъ сѣна, зерна» и т. п. и, наконецъ, «рѣшительныя мѣры по реквизиціи» всего живого и мертваго инвентаря; и все это съ «устраненіемъ всякой стѣснительной опеки губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ». Оффиціальная инструкція комитетамъ, которую самочинно замѣнила эта резолюція, была издана только два мѣсяца спустя, 16 іюля; но и въ этой правительственной инструкціи земельные комитеты были уполномочены «далеко идти въ удовлетвореніи справедливыхъ требованій крестьянства», т. е. получили возможность заднимъ числомъ санкціонировать всѣ земельные захваты. Не могло измѣнить этого и «положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ комиссарахъ» 19 сентября, сдѣлавшее, правда, робкую попытку подчинить дѣятельность комитетовъ надзору комиссаровъ и юрисдикціи судовъ по административнымъ дѣламъ.

Съ какой постепенностью и послѣдовательностью развивались въ деревнѣ послѣдствія этой основной двусмысленности въ отношеніи правительства къ аграрному «правотворчеству», пропагандировавшемуся Черновымъ и нашедшему, конечно, благодарную почву въ настроеніи крестьянства, видно будетъ изъ слѣдующаго объективнаго разсказа одного изъ владѣльцевъ разоренныхъ имѣній. Подъ этимъ разсказомъ могли бы подписаться тысячи. «Первыя встрѣчи съ крестьянами послѣ рево-

люціи были самыми дружелюбными. Но по мѣрѣ образованія въ уѣздѣ и волости исполнительныхъ, продовольственныхъ и всякихъ другихъ комитетовъ, отношенія стали обостряться, такъ какъ во главѣ комитетовъ оказались люди необразованные, малокультурные и раньше жившіе на сторонѣ. Комитеты по отношенію къ землевладѣльцамъ стали на вполнѣ опредѣленную организованную позицію, которая и дала въ результатѣ просторъ дикому произволу. Постепенно, шагъ за шагомъ комитеты вполнѣ сознательно разоряли помѣщичьи хозяйства. То они брали изъ имѣній плѣнныхъ, то ставили препятствія къ найму рабочихъ и дѣлали невозможнымъ уборку урожая, то, наконецъ, продавали овесъ съ торговъ на корню, то рожь въ копнахъ по низкой убыточной цѣнѣ.... Землевладѣлецъ писалъ, требовалъ соблюденія указаній центральной власти, старался подвести фундаментъ права подъ переустройство деревенскихъ отношеній на новыхъ началахъ... Ему не отвѣчали вовсе или.... указывали инстанцію, куда жаловаться; и тѣмъ дѣло кончалось... Съ 1 августа событія пошли инымъ темпомъ. Въ имѣніи начались поджоги, кражи.... Когда явилась милиція, то вызванные солдаты арестовали ее, а не зачинщиковъ - крестьянъ. Волостные сходы отпускали арестованныхъ. Тщетно взывалъ владѣлецъ къ комиссару временнаго правительства.... Наконецъ, на 17 сентября былъ назначенъ разгромъ имѣнія.... Крестьяне распредѣлили между собой функціи и, помолившись Богу, въ опредѣленный часъ запрягли подводы и двинулись на имѣніе. Пошло все село, насчитывающее до 3.000 душъ населенія, и повезло за собой до 2.000 телѣгъ.... Сняты были желѣзныя крыши, взять весь тесъ, аккуратно вынуты двери и рамы, увезено до 90.000 пудовъ хлѣба.... Послѣ того крестьяне развели скотъ по домамъ и подожгли домъ.... На мѣстѣ пожарища не осталось ни щепки, ни обрывка мебели — такъ стройно и организованно прошла работа этой одной ночи»... «Солдаты.... приходили въ имѣнье только тогда, когда тамъ уже все было кончено».... *).

Какъ представляли себѣ крестьяне сложившееся положеніе, при которомъ можно было въ полномъ сознаніи своего права, «помолившись Богу», дѣлить между собой помѣщичью собственность, видно будетъ изъ другого любопытнаго документа — письма кре-

*) «Русскія Вѣдомости», 29 сентября 1917 г. Статья Ол. Л—дова.

стьянъ въ крестьянскій банкъ. «Товарищи граждане», пишутъ они, « почему вы въ эти критическіе моменты требуете уплаты за земли? Былъ приказъ въ газетѣ, что выборы отмѣняются по случаю военнаго времени; потомъ вышла революція. *Кому именно будемъ платить? Сейчасъ нѣту настоящаго правительства.* Должно быть, вы тоже слышали, что по новому режиму господскія земли.... всѣ пойдутъ прочь. Сейчасъ постановлено: *никакихъ нѣту законовъ,* а вы требуете. Вотъ когда кончится война и утвердятся новые законы, тогда не нужно требовать: сами уплатимъ. А сейчасъ не стращайте: уплачено не будетъ... Еще извѣщаю... по случаю революціи и свободы ближайшія деревни рубятъ нашъ лѣсъ безпощадно и не спросятъ у насъ. Ну, а что мы имъ противъ скажемъ? Ну, и мы *тоже знаемъ, что теперь равноправіе,* — и *спорить не можемъ*»... Споры рѣшались, если рѣшались, самосудомъ...

Точная статистика аграрныхъ захватовъ едва - ли существуетъ. Но вотъ данныя, напечатанныя газетой «Рабочій» (25 августа) и характеризующія цифрами постепенное развитіе аграрныхъ волненій:

Первая половина марта	3
Вторая половина марта	9
Первая половина апрѣля	52
Вторая половина апрѣля	111
Первая половина мая	175
Вторая половина мая	337
Первая половина іюня	391
Вторая половина іюня	464
Первая половина іюля	481
Вторая половина іюля	288

Своего максимума разложеніе провинціи достигло тогда, когда въ мирную до тѣхъ поръ деревню влилась струя вооруженныхъ солдатъ съ фронта. При безсиліи законной власти — власть уже перешла, какъ мы видѣли, къ совѣтамъ. Но отъ совѣтовъ она переходитъ къ толпѣ, а отъ толпы къ вооруженнымъ отрядамъ. Нѣкоторое время между «революціонерами» и простыми грабителями тутъ еще проводится грань; еще упоминается о вмѣшательствѣ войскъ и милиціи на сторонѣ порядка; за отсутствіемъ тѣхъ и другихъ — дѣло рѣшается самосудомъ населенія надъ грабите-

лями. Мало по малу и эти грани стираются. Познакомимся же съ ролью солдатчины въ процессѣ разложенія.

Основной мотивъ популярности лозунга «демократическаго мира» на фронтѣ намъ извѣстенъ: это — желаніе ускорить раздѣлъ земли въ деревнѣ и самимъ поспѣть къ этому раздѣлу. Подъ вліяніемъ этого мотива, разложеніе арміи прогрессируетъ ускореннымъ темпомъ, послѣ неудачи іюньскаго наступленія. Въ особенности же оно становится замѣтно послѣ возстанія Корнилова и достигаетъ высшей точки въ октябрѣ, непосредственно передъ большевистскимъ переворотомъ. Постановленіе общаго собранія офицеровъ л. гв. Петроградскаго полка 4 октября такъ рисуетъ этотъ процессъ усиленія армейскаго распада и его причины.«Люди, насильно сдѣланные солдатами, силой присланные въ окопы, не хотятъ воевать.... Идея защиты родины понята немногими, воспринята еще меньшими. Любовь къ себѣ, осложненная теперь надеждами на лучшее будущее («земля»), заглушаетъ все остальное, и мы, офицеры, вынужденные заставить их дѣйствовать вопреки голосу ихъ собственнаго разсудка, тѣмъ самымъ перестаемъ быть имъ близкими и понятными. Пріѣзды комиссаровъ загнали внутрь выявившіяся желанія, но, конечно, не убили ненависти къ войнѣ и къ ея сторонникамъ, офицерамъ». Послѣ отступленія, «точно банды разбойниковъ двигались войска, воруя, грабя, уничтожая, избивая и убивая. Мы были зрителями: остановить погрома мы не могли.... Переходы вглубь Россіи, при отводѣ въ резервъ, вызвали новые погромы — уже русскихъ деревень, заводовъ и экономій. То съ лозунгомъ «хлѣба», то съ краснымъ цвѣткомъ въ кокардѣ, люди громятъ и воруютъ, — воруютъ закупленный для арміи хлѣбъ, громятъ работающіе на армію заводы, дѣлаютъ это подъ флагомъ свободы, во имя борьбы съ «капиталомъ». Протестъ офицеровъ вызываетъ площадную брань и обвиненія въ продажѣ Галиціи, продажѣ Риги и т. д.» Общій выводъ: «армія въ теперешнемъ составѣ и управляемая по теперешней системѣ защищать государства не можетъ. Напротивъ, она сама добьетъ его, когда голодъ, нужда, осеннія и зимнія трудности, а, главное, сознаніе полнѣйшей безотвѣтственности окончательно одолѣютъ ее».

Рядъ фактическихъ сообщеній съ фронта за сентябрь и октябрь подтверждаютъ эти трагическія строки. Тутъ отмѣчается, что случаи отказа въ повиновеніи военнымъ приказамъ стали повсе-

дневнымъ явленіемъ, увеличилось количество убійствъ офицеровъ при безнаказанности виновниковъ; отношеніе не только къ временному правительству, но и къ совѣтамъ стало окончательно отрицательнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось вліяніе большевистскихъ лозунговъ и пропаганды большевистскихъ изданій, обильно разсылавшихся на фронтъ и встрѣчавшихся тамъ съ берлинскими, изданіями, вродѣ «Товарища». Участились, вмѣстѣ съ тѣмъ, и случаи безпрепятственнаго уже теперь братанія съ непріятелемъ. Къ зимѣ нетерпѣніе увеличивается, войска требуютъ немедленнаго мира и грозятъ, все равно, уйти съ позицій при наступленіи зимняго времени*).

Послѣ оправданія шт. кап. Дзевалтовскаго, прервавшаго рѣчь Керенскаго заявленіемъ ему недовѣрія отъ имени полка и называвшаго себя открыто большевикомъ и ученикомъ Ленина, сознаніе полной безнаказанности стало всеобщимъ.

Естественно, что, не дождавшись вожделѣннаго мира, солдаты начали разрѣшать вопросъ объ окончаніи войны каждый для себя лично. Дезертирство увеличилось въ чрезвычайной степени. Вѣроятно, немало солдатъ на фронтѣ получали изъ тыла письма, подобныя слѣдующему письму солдата - украинца изъ запаснаго полка къ брату на позиціи. «Жалко мнѣ тебя, братецъ, что ты находишься въ такомъ критическомъ положеніи. Неужели ты хуже всѣхъ? Усе тыловые на фронтъ не пойдутъ, хочутъ мира.. Намъ надо усемъ соединиться и заняться съ буржуазіей. Надо ихъ немного выдушить, тогда намъ только буде хорошо; а то вы тамъ стоите на фронтѣ, а буржуи граблятъ вашихъ отцовъ и матерей, и также женъ и такъ дальше. У насъ никто не пойдетъ на позицію, *но и оружія не бросимъ*, пока не получимъ объясненіе, за что проливали кровь. Такое у насъ постановленіе».

Дѣйствительно, посланные съ тыла на фронтъ солдаты разбѣгались, и до мѣста доходилъ почти одинъ только списокъ дезертировъ. А навстрѣчу имъ шелъ громадный потокъ бѣглецовъ съ фронта, совершенно перегрузившій желѣзныя дороги. Спѣша домой къ «раздѣлу», солдаты не хотѣли задерживаться ни минуты и заставляли желѣзнодорожныхъ служащихъ, подъ угрозой немедленной расправы, нарушать всѣ условія нормальнаго движенія.

---

*) См. Разложеніе арміи въ 1917 году, стр. 104 - 118. **Gen. Monkevitz. La décomposition de l'armée, chapitre XV.** См. также дневникъ проф. **Jules Legras**, члена французской миссіи, работавшаго въ качествѣ офицера русской службы на фронтѣ. **Mémoires de Russie, Payot, Paris, 1921 passim.**

Они перехватывали вагоны съ продовольствіемъ для арміи, расхищали казенные и частные грузы, требовали отправки поѣздовъ, когда путь не былъ еще свободенъ, и т. д. Вопросъ о демобилизаціи милліонныхъ армій и въ нормальное время былъ сложнымъ вопросомъ, который безпокоилъ и заставлялъ думать о примѣненіи экстренныхъ мѣръ для сохраненія порядка. А теперь демобилизація совершалась стихійно, и двинувшаяся внутрь Россіи лавина несла съ собой всѣ сложившіяся въ рядахъ арміи привычки распущенности солдатъ въ непріятельской странѣ. Со всего фронта шли теперь извѣстія о «рядѣ безсмысленныхъ убійствъ, грабежей и насилій, о разрушеніи и сожженіи крупнѣйшихъ экономій, о разгромѣ винныхъ складовъ, о погромахъ населенія».*) Одновременно и въ глубокомъ тылу намѣчаются аналогичные очаги заразы. Такъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября такимъ очагомъ становится московскій военный округъ. Начинаютъ безчинствовать запасные полки въ Коломнѣ и Серпуховѣ, въ Калугѣ, Орлѣ, Козловѣ, Тамбовѣ. Отсюда безпорядки перекидываются въ Екатеринославъ, Бахмутъ, Уфу. Въ городахъ происходитъ систематическій грабежъ магазиновъ. Въ концѣ сентября, начавшись въ Бендерахъ, пьяные погромы перекинулись съ югозападнаго фронта въ Острогъ и Харьковъ, оттуда въ началѣ октября — въ Саратовскую и Самарскую губерніи.

Попавъ, наконецъ, въ деревню, солдаты и сюда внесли свои нравы. Деревня была вожделѣнной цѣлью всѣхъ этихъ многочисленныхъ пассажировъ, которые наполняли площадки и крыши вагоновъ, висѣли на буферахъ, грозили смертью поѣздной прислугѣ, хотя бы за часовое промедленіе, спѣша поспѣть къ раздѣлу земель и разбору усадебъ. Естественно, что своимъ присутствіемъ они еще болѣе обострили соціальную борьбу тамъ,гдѣ она еще не была закончена.Раньше и больше всего,конечно,пострадали и тутъ прифронтовыя мѣстности. Цѣлые уѣзды были охвачены погромнымъ движеніемъ. Комиссары Подольской губ. заявляли на съѣздѣ въ Кіевѣ, что губернія словно подверглась татарскому нашествію. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уничтожены всѣ посѣвы, скотъ, птица, рыба въ выпущенныхъ прудахъ. Во многихъ селахъ остались лишь обгорѣлые столбы. Передвинувшись въ центръ, солдатская струя все же не затерялась. Уже по дорогѣ домой солдаты

*) Разложеніе арміи въ 1917 году. стр. 119 - 138.

оказывали многочисленныя услуги крестьянамъ противъ ихъ соціальнаго врага. Прибывъ на мѣсто, солдаты вновь поднимаютъ аграрную волну, вмѣшиваются въ борьбу села съ селомъ и въ распоряженія организацій «революціонной демократіи». Въ помощь себѣ они выпускаютъ изъ тюремъ уголовныхъ преступниковъ, изъ которыхъ образуются разбойничьи шайки, подолгу наводящія ужасъ на цѣлую округу.

Мы познакомились съ тѣмъ, во что превратились при осуществленіи лозунги «земли» и «мира». Остановимся еще на судьбѣ лозунговъ «хлѣба» и «рабочаго контроля». Съ «хлѣбомъ» обстояло весьма неблагополучно. Временное правительство унаслѣдовало отъ стараго режима «твердыя цѣны» на хлѣбъ — и сохранило ихъ. Но крестьяне по этимъ цѣнамъ не хотѣли продавать хлѣбъ, въ особенности, не хотѣли продавать на деньги, покупная стоимость которыхъ падала, вслѣдствіе инфляціи. А товаровъ, нужныхъ для деревни, въ обмѣнъ, у правительства не было въ достаточномъ количествѣ. Притомъ, отчасти іюньская жара и іюльскіе дожди, отчасти плохая обработка земли и сокращеніе площади посѣва, наконецъ, самочинныя дѣйствія правительственныхъ органовъ закупки хлѣба — все это заставило крестьянъ придерживать хлѣбъ. Населеніе не выпускало хлѣба отъ себя, громило запасы, предназначенные къ вывозу. Сперва, такимъ образомъ, огородились другъ отъ друга губерніи, потомъ внутри губерніи стали проводить между собой границу уѣзды, наконецъ, дошло до того, что отдѣльныя волости перестали выпускать хлѣбъ изъ своихъ предѣловъ. Пострадали отъ этого, конечно, въ первую голову города и армія. Средняя погрузка хлѣбныхъ грузовъ въ Петроградъ упала съ 68,4 вагоновъ въ маѣ на 34,7 вагоновъ въ іюнѣ и 15,4 въ іюлѣ. Погрузка въ Москву шла съ такимъ же пониженіемъ: 85,5 въ маѣ, 45,3 въ іюнѣ, 19,3 въ іюлѣ. Не получая продовольствія отъ государства, армія и города стали сами заботиться о себѣ. Сперва отдѣльные фронты, потомъ отдѣльныя арміи, корпуса и даже полки стали посылать делегаціи для закупки хлѣба въ хлѣбородныя губерніи. Ихъ примѣру послѣдовали города въ лицѣ своихъ управъ, потребительныхъ и иныхъ обществъ и, наконецъ, отдѣльные обыватели. Явились въ изобиліи спекулянты и «мѣшечники», которые стали загружать собой поѣзда и провозить хлѣбъ въ качествѣ ручного багажа. Конечно, всѣ эти категоріи покупателей, чтобы выманить хлѣбъ у крестьянъ, не считались съ твер-

дыми цѣнами и взвинчивали цѣну зерна. Мѣстами, однако, крестьяне все же предпочитали употреблять хлѣбъ па «самогонку». Въ оправданіе саботажа правительственной продовольственной кампаніи, крестьяне приводили соціальные мотивы. «Горожанамъ и рабочимъ мы хлѣба не дадимъ», говорили они. А армейскія делегаціи сами просили: «не давайте хлѣба; тогда скорѣе кончится война». 15 октября министръ продовольствія Прокоповичъ, сообщившій приведенные факты, заявилъ: «какъ нельзя воевать, когда внутри арміи идетъ гражданская война, такъ нельзя разрѣшить продовольственный кризисъ, когда въ странѣ начинается гражданская война». И онъ взывалъ, увы, слишкомъ поздно: «Мы должны перестать быть главноуговаривающими.... Уговоры дѣйствуютъ лишь на людей совѣсти. Необходима сила, нужно создать органы власти на мѣстахъ... Если мы не можемъ установить неприкосновенности личности всѣхъ исполнителей гражданскаго долга, то.... мы ничего сдѣлать не сможемъ». Дѣйствительно, продовольственныя власти на мѣстѣ цѣлыми группами подавали въ отставку, не имѣя возможности уберечься отъ ярости толпы, грабившей продовольственные склады, чтобы спастись отъ быстро надвигавшагося голода.... Изъ цѣлаго ряда уѣздовъ служащіе въ продовольственныхъ управахъ и комитетахъ посылали заявленія правительству, что «толпы осаждаютъ управы», «требуютъ хлѣба, грозя разгромомъ», «арестуютъ, бьютъ, убиваютъ — и служба въ продовольственныхъ комитетахъ становится невозможной». Остается «уступить мѣсто военнымъ властямъ».... Средство, какъ мы знаемъ, тоже не надежное, такъ какъ солдаты или мирволили крестьянамъ, или сами грабили продовольственные склады.

Перейдемъ къ «рабочему контролю». Рабочій, наряду съ солдатомъ, а иногда и впереди солдата, считалъ себя господиномъ положенія. Солдатъ освобождалъ себя отъ службы въ арміи; рабочій — отъ службы на фабрикѣ. Свою «диктатуру пролетаріата» онъ упражнялъ прежде всего на фабричной администраціи. Онъ былъ увѣренъ, что стоитъ хорошенько прижать «буржуя», чтобы выжать изъ него какую угодно заработную плату за какъ угодно сокращенное число часовъ труда. При этомъ борьба съ «капиталистами» принимала не столько экономическій, сколько политическій характеръ. Требовалось посредствомъ борьбы съ капиталомъ «создать органы борьбы за переходъ власти къ революціон-

ной демократіи». Этимъ объясняется явно нецѣлесообразный въ ихъ собственныхъ интересахъ характеръ требованій рабочихъ. Напрасно протестовали даже меньшевики, заявляя, что декреты совѣтовъ о «захватѣ власти» приведутъ лишь къ тому, что капиталы уйдутъ изъ банковъ, капиталисты убѣгутъ раньше ареста, и «не только денежные знаки, но и продукты исчезнутъ изъ оборота», такъ что «рабочіе будутъ обречены на голодную смерть». Въ дѣйствительности, острота положенія маскировалась необходимостью удовлетворить немедленно требованія рабочихъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Рядъ промышленныхъ предпріятій превратился въ своего рода благотворительныя учрежденія для содержанія правительственныхъ пенсіонеровъ. Конечно, выдержать такую нагрузку предприниматели могли, только перелагая свои добавочные расходы на государство — въ видѣ дополнительныхъ субсидій. Военные годы, съ внѣбюджетными расходами, ихъ къ этому пріучили. Но и тутъ былъ предѣлъ. Въ концѣ концовъ, вагоновожатые получали больше, чѣмъ городской голова, а заработокъ служащихъ трамвая равнялся министерскому жалованью. Милліарды новыхъ расходовъ вели къ усиленію печатанія бумажекъ, а цѣна ихъ падала, и рабочіе предъявляли новыя и новыя требованія на повышеніе заработной платы. Въ случаѣ отказа — примѣнялась забастовка. Бастовали всѣ, кто могъ. Бастовали служащіе городскихъ предпріятій, наборщики соціалъ-демократической типографіи, лабазники товарищескаго кооператива, пекари, повара, швейцары и дворники, извозчики, сидѣлки больницъ и ученики средне-учебныхъ заведеній. Въ результатѣ началось дѣйствительное бѣгство капиталистовъ, закрытіе фабрикъ («разгрузка» Петербурга), безплодныя, быстро отрезвлявшія рабочихъ попытки «соціализаціи» и т. д.

Мы встрѣчаемъ въ этомъ бѣгломъ перечнѣ немало явленій, которыя привыкли относить только ко времени большевистскаго господства. Но всѣ эти явленія появились, какъ видимъ, уже во время февральской революціи или очень явственно обозначились къ концу этого періода. Раньше, чѣмъ стать большевистской, Россія созрѣла для большевизма. Своеобразный «военный соціализмъ», развившійся во время войны, въ результатѣ чрезвычайнаго расширенія нормальныхъ функцій государства, объединялъ оба режима и дѣлалъ переходъ отъ одного къ другому, если не незамѣтнымъ, то, во всякомъ случаѣ, болѣе легкимъ, особенно въ

провинціи. Не «министры - соціалисты», а рыбинское биржевое общество предлагало, напримѣръ, правительству, въ качествѣ «единственнаго выхода изъ положенія», — «прекратить ростъ цѣнъ на предметы крестьянскаго обихода, для чего установить предѣлъ роста рабочей платы, что дастъ возможность установить твердыя цѣны на фабрикаты и привести ихъ тѣмъ въ соотвѣтствіе съ твердыми цѣнами на хлѣбные продукты». Но достаточно вспомнить слова С. Н. Прокоповича, чтобы заключить, что не только для такихъ военно - соціалистическихъ экспериментовъ, но и для выполненія самыхъ элементарныхъ государственныхъ функцій временное правительство уже со второй половины лѣта не имѣло никакой силы.

VII

Кто создастъ сильную власть? — Условія успѣха. — Союзъ военной и гражданской власти въ предпріятіи Корнилова. — Личный коэфиціентъ въ этомъ союзѣ. — Взаимная недоговоренность. — Отступленіе Керенскаго, сдвигъ совѣтовъ влѣво. — Пораженіе политики Церетели. — Демократическое совѣщаніе обнаруживаетъ параличъ воли.

Таково было то положеніе внутри Россіи, при которомъ созданіе сильнаго правительства представлялось рѣшительно всѣмъ, включая даже и большевиковъ, совершенно неотложнымъ дѣломъ. Было ясно, что именно данному правительству второй коалиціи задача эта не подъ силу, ибо единственная его поддержка — старое большинство совѣтовъ — отъ него ускользала. Большинство перевыборовъ въ петроградскій совѣтъ давало большевиковъ, и было ясно, что столичныя массы — съ ними. Провинція, при извѣстномъ уже намъ состояніи ея, не могла быть ни за, ни противъ того или другого правительства: она была сама по себѣ и не шла ни за тѣми, ни за другими. Она выжидала, — но, выжидая, усваивала себѣ анархическіе навыки. Сильную власть привыкли представлять себѣ — опять таки всѣ партіи, включая и большевиковъ, — какъ власть, опирающуюся непосредственно на военную силу, призванную замѣнить моральный авторитетъ. Но мы знаемъ также и состояніе арміи. Громадная часть ея такъ разложилась, что была пригодна только на внутренніе погромы. Казалось, однако, что именно это безсиліе провинціи и большей части арміи, обрекавшее ихъ на пассивность, облегчаютъ захватъ власти наверху незначительнымъ, но хорошо организован-

нымъ и сознательно идущимъ къ своей цѣли меньшинствомъ. Въ такомъ положеніи находились и на это явно разсчитывали большевики. Но не было - ли, если не въ соціалистическомъ центрѣ, то въ правой части общественности такого же характера силы, которую можно бы было имъ противопоставить?

Такая сила, казалось, была - въ офицерствѣ, въ командномъ составѣ, въ сохранившихъ боеспособность, хотя бы и немногочисленныхъ военныхъ частяхъ. На этихъ группахъ и сосредоточились надежды той части общества, которая, какъ въ центрахъ, такъ и въ провинціи, мечтала о возвращеніи къ порядку. Съ этимъ порядкомъ отнюдь не соединялось понятія стараго режима. Съ нимъ не соединялось также никакого специфическаго классоваго интереса. Напротивъ, многіе и многіе были искренно убѣждены, что революція гибнетъ отъ слабости власти и что сильная власть есть единственное средство сохранить ея завоеванія.

Но это было возможно при одномъ условіи: если всѣ эти силы порядка сгруппируются около временнаго правительства. Ибо, какъ бы оно ни было слабо и безпомощно само по себѣ, оно все же оставалось символомъ власти, созданной революціей, и разорвать съ нимъ — значило погрузить страну въ полный хаосъ, совершить скачокъ въ неизвѣстное. Такимъ образомъ, для тѣхъ, кто затѣвалъ военный переворотъ, единеніе съ гражданской властью, было необходимымъ условіемъ успѣха. А для правительства, если оно хотѣло выйти изъ роли призрака, колеблемаго каждымъ вѣтромъ, только и оставалось — пойти навстрѣчу даннымъ военнымъ кругамъ и заключить съ ними союзъ сотрудничества.

Казалось, — все къ этому и шло въ предпріятіи Корнилова. Корниловъ безспорно задумалъ вооруженный переворотъ — и задумалъ его давно — во всякомъ случаѣ не позже начала августа. Но онъ понималъ, что надо совершить его съ «максимумомъ легальности», то есть въ настолько тѣсной кооперацій военной власти съ гражданской, насколько только это было возможно. Съ другой стороны, и глава правительства, казалось, понималъ, что для того, чтобы найти опору противъ возраставшей силы большевиковъ, ему остается только опереться на военную силу, слѣдовательно, войти съ ея представителями въ возможно тѣсный контактъ. Связь эта, казалось, облегчалось тѣмъ, что посредникомъ между представителями силы и права являлся соціалистъ, принятый арміей,

— комиссаръ Савинковъ. Совѣты были неправы, относя Керенскаго и Савинкова къ «корниловцамъ». Но они были правы, что оба стояли гораздо ближе къ Корнилову, чѣмъ къ совѣтамъ, и что исторически была неизбѣжна коалиція премьера не съ совѣтами, а съ главнокомандующимъ.

Къ несчастію для Россіи, оба лица, которыя занимали эти посты и отъ которыхъ зависѣло сдѣлать успѣшной эту послѣднюю попытку къ спасенію, были до послѣдней степени неприспособлены и для этой задачи, и для взаимнаго союза. Параллелизмъ своего положенія они до нѣкоторой степени понимали — и до послѣдней минуты длили недоразумѣніе о возможности взаимнаго сотрудничества. До послѣдней минуты «заговоръ» въ ставкѣ прикрывался полувысказаннымъ черезъ посредника (Савинкова) *согласіемъ* Керенскаго. *Цѣль* у обѣихъ сторонъ была одна: усмиреніе большевиковъ, въ случаѣ ихъ новаго возстанія, которое предусматривалось въ концѣ августа*). *И средство* было одно: переводъ къ Петербургу надежной части войскъ (третьяго корпуса). Двусмысленнымъ оставалось до конца рѣшеніе вопроса, кто именно будетъ командовать петербургскимъ округомъ, а стало быть и этими войсками. Керенскій явно готовилъ ихъ для себя, не покидая мысли объ отставкѣ Корнилова въ удобную минуту. А Корниловъ, заранѣе рѣшившій не уходить, хотѣлъ при помощи этихъ войскъ произвести въ Петербургѣ чистку и даже рѣзню совѣтовъ по своему вкусу. Онъ посылалъ для этого офицеровъ въ Петербургъ, а къ себѣ въ ставку вызывалъ въ послѣднюю минуту политическихъ дѣятелей и самаго Керенскаго съ Савинковымъ, чтобы сохранить жизнь перваго отъ случайной офицерской мести и дать имъ обоимъ министерскіе посты (юстиціи и военныхъ дѣлъ) въ своемъ новомъ кабинетѣ. Такова была схема корниловскаго плана, разсчитаннаго на «максимумъ легальности». Но эта общая схема прикрывала непримиримыя и несогласимыя черты, которыя и вышли наружу, когда обѣ стороны подошли вплотную къ осуще-

---

*) Помимо этого возстаиія (которое большевики во-время отмѣиили), движеиіе Кориилова могло быть расчитаио иа впечатлѣиіе, которое должио было произвести падеиіе Риги и вытекавшая отсюда угроза Петербургу. О предстоявшемъ паденіи Риги Корииловъ предупреждалъ временное правительство еще 3 августа, зиая о иамѣреиіяхъ германцевъ обойти ее съ тыла, ио ие имѣя возможиости иичего противопоставить этому плаиу, въ виду разложеиія войскъ. Рига пала 20 августа. Какъ извѣстно, лѣвые обвиииили Корнилова, что оиъ самъ сдалъ Ригу и «открылъ фроитъ», чтобы создать обстаиовку для переворота. См. мою «Исторію, II стр. 155.

ствленію казавшагося общимъ плана. Керенскій до конца продолжалъ хитрить и балансировать, страхуя себя отъ большевиковъ заразъ на обѣ стороны: военной силой направо и своей безспорной «легальностью» передъ совѣтской «звѣздной палатой» — налѣво. Для Корнилова не только всѣ совѣтскіе дѣятели, но и министръ Черновъ, были измѣнниками, предателями и германскими агентами. И онъ всѣмъ имъ готовилъ варфоломеевскую ночь. Трагическій комикъ и прямолинейный солдатъ говорили на разныхъ языкахъ и не могли ни сговориться, ни даже понять другъ друга. «Я имъ революціи не отдамъ», говорилъ Керенскій Некрасову въ день корниловскаго покушенія. «Я имъ не отдамъ Россіи», писалъ Корниловъ въ своихъ прокламаціяхъ. При такомъ положеніи, посылка Вл. Львова къ Керенскому для послѣднихъ переговоровъ 26 августа была для Корнилова второстепенной деталью. И она же фатально превратилась въ разорвавшуюся бомбу для внезапно прозрѣвшаго Керенскаго, только тутъ догадавшагося, что въ задуманномъ дѣйствѣ онъ не можетъ надѣяться сохранить роли перваго персонажа. Его реакція на это ошеломившее и ослѣпившее его открытіе была судорожнымъ рефлексомъ патологическаго состоянія воли, а не обдуманнымъ шагомъ государственнаго дѣятеля. По своему обычаю, придя въ состояніе аффекта, онъ безъ разсужденій форсировалъ положеніе, имѣя въ виду только себя лично и продолжая, по привычкѣ, отожествлять русскую революцію съ собственной особой. Однимъ почеркомъ пера онъ превратилъ (ночь на 28-е) Корнилова въ бунтовщика и измѣнника и вернулся на протоненный путь плѣнника совѣтовъ *).

Но теперь это былъ уже не тотъ совѣтъ, который, при помощи гибкой тактики Церетели, создавалъ для Керенскаго пьедесталъ спасителя Россіи. Отбросивъ отъ себя навсегда весь военный лагерь, Керенскій не смогъ уже реабилитировать себя и въ мнѣніи лагеря соціалистическаго, — даже въ предѣлахъ собственной партіи, сразу отодвинувшейся отъ него влѣво, въ сторону Чернова. Тотъ же сдвигъ произошелъ и въ совѣтѣ — въ сторону большевиковъ. Дни «корниловщины» подготовили эту перемѣну. Въ то время, когда корниловскіе войска шли на Пе-

---

*) Здѣсь, конечно, выдѣлены, только основные штрихи сложнаго положенія. Подробный разсказъ о движеніи Корнилова см. во 2-мъ томѣ моей «Исторіи», главы VI - IX. Преступность поведенія Керенскаго и его близость къ Корнилову съ с о в ѣ т с к о й точки зрѣнія очень ярко изображена въ анализѣ Суханова, Записки, V, 215-368.

тербургъ и судьба корниловскаго пронунціаменто была еще неясна, когда Керенскій, покинутый всѣми, въ ночь на 29 августа изнывалъ въ смертельной тоскѣ въ царскихъ комнатахъ Зимняго дворца, фактически задачу разложенія корниловскихъ отрядовъ, разстройства его сообщеній и т. д. принялъ на себя организованный лѣвыми элементами совѣта «военно - революціонный комитетъ». Этотъ «комитетъ борьбы», спѣшно организованный, положилъ конецъ колебаніямъ Керенскаго. Онъ организовалъ изъ рабочихъ отряды «красной гвардіи», совершилъ въ самомъ Петербургѣ рядъ «самочинныхъ дѣйствій» и арестовъ, терроризировавшихъ сторонниковъ Корнилова въ столицѣ. Повсемѣстно въ Россіи тоже открылись «комитеты спасенія революціи» — первое предвѣстье большевистскихъ совѣтовъ. Именно, по требованію петербургскаго совѣта уволенъ былъ (30 августа) отъ всѣхъ должностей «по телефону» Савинковъ, и его замѣстителемъ на посту военнаго министра назначенъ черезъ день новый любимецъ «революціонной демократіи» ген. Верховскій *). Члены кабинета изъ партіи народной свободы, а за ними и другіе министры подали въ отставку уже въ ночь на 27 августа. Керенскій, потребовавшій отъ нихъ чрезвычайныхъ полномочій «для подавленія мятежа», остановился на идеѣ о замѣнѣ правительства пятичленной «директоріей». Самого себя онъ назначилъ верховнымъ главнокомандующимъ, отчисливъ и предавъ суду Корнилова и его сообщниковъ (30 августа). Чтобы облегчить себѣ мирное овладѣніе ставкой и арестъ Корнилова (1 сентября), Керенскій назначилъ начальникомъ штаба ген. Алексѣева, подавшаго въ отставку немедленно по «выполненіи задачи ликвидаціи ставки» (5 сентября). Отсюда пошла вражда между Корниловымъ и Алексѣевымъ, сказавшаяся впослѣдствіи (см. т. II стр. 56 **).

Самой существенной чертой сложившагося послѣ «корниловщины» положенія были, однако, не эти неизбѣжныя мѣры, а упомянутый выше сдвигъ влѣво руководящаго большинства петербургскаго совѣта. Политика Церетели и защищавшійся имъ курсъ впервые потерпѣли формальное пораженіе въ засѣданіи петербургскаго совѣта 31 августа, гдѣ большинствомъ 279 противъ 115 при 51 воздержавшихся были приняты резолюція, пред-

*) О роли военно - рев. комитета см. Суханова, V, 290-298, 315-322. Моя «Исторія», II, 269-270.

**) Моя «Исторія», II, 277-290.

ложенная большевиками. Резолюція требовала отстраненія отъ власти не только к. д., но и всѣхъ цензовыхъ элементовъ, созданія власти изъ представителей революціоннаго пролетаріата и крестьянства, а въ качествѣ программы для этого правительства выставляла: декретированіе демократической республики, отмѣну частной собственности на помѣщичью землю, аннулированіе тайныхъ договоровъ и предложеніе всѣмъ воюющимъ народамъ заключить демократическій миръ, отмѣну смертной казни на фронтѣ, возстановленіе полной свободы агитаціи въ арміи, прекращеніе репрессій противъ рабочихъ, конфискацію буржуазныхъ газетъ, выборность комиссаровъ, самоопредѣленіе народностей. Попытка правящей группы объяснить это голосованіе случайностью и провѣрить его въ новомъ засѣданіи 9 сентября кончилась новой и окончательной неудачей. Слишкомъ увѣренный въ себѣ, Церетели поставилъ ребромъ вопросъ о перемѣнѣ тактики совѣта; онъ и его друзья пугали совѣтъ возобновленіемъ корниловщины при новой большевистской тактикѣ. Но, увы, то, что происходило съ большинствомъ совѣта, было лишь выравниваніемъ фронта, сравнительно съ тѣмъ, что произошло въ странѣ. Опасности справа болѣе не было послѣ неудачи Корнилова. За то выросла чрезвычайно опасность слѣва, и группа Церетели испытала это на себѣ. Она должна была подать въ отставку, послѣ того какъ и 9 сентября за нее оказалось только 414 голосовъ противъ 619 при 67 воздержавшихся. Полное безсиліе правительства передъ этимъ настроеніемъ видно изъ его тщетной попытки закрыть революціонные комитеты (4 сентября). «Революціонныя организаціи» категорически отказались признать за правительствомъ право роспуска и, наоборотъ, постановили продолжать «работать съ прежней энергіей» *).

Рѣшить дальнѣйшую судьбу кабинета и власти должно было, по постановленію Центральнаго исполнительнаго комитета совѣта (куда ретировалась теперь разбитая петербургскимъ комитетомъ группа Церетели), спеціально созванное на 12 сентября «демократическое совѣщаніе». При этомъ принципъ коалиціи, особенно коалиція съ к. д., считался заранѣе отвергнутымъ. Всѣ переговоры Керенскаго о новомъ составѣ министерства были такимъ об-

---

*) Моя «Исторія», III, 16-18, 27-28. Сухановъ, VI, 20-29, 48-51. Была сохранена и красная гвардія, т. е. вооруженія рабочихъ, подъ названіемъ «рабочей милиціи».

разомъ парализованы, и новый министерскій кризисъ затянулся до 26 сентября, — на цѣлый мѣсяцъ со времени корниловскаго выступленія. А еще черезъ мѣсяцъ, 25 октября, большевики произвели переворотъ и захватили власть.

Эти два послѣдніе мѣсяца были уже только агоніей. Форма коалиціи, которой грозила неудача уже въ моментъ ея появленія въ маѣ, теперь была явно для всѣхъ дискредитирована и справа и слѣва. Эта центральная позиція была потеряна. Но обѣ стороны, связанныя въ коалиціи, продолжали за нее цѣпляться, ибо исходъ вправо сталъ невозможенъ послѣ неудачи Корнилова, а исходъ влѣво былъ побѣдой большевизма. Кадеты, по прежнему, требовали твердой и сильной власти, независимой отъ самочинныхъ организацій «революціонной демократіи». Но этой «сильной властью» была фактически власть Керенскаго, только - что потерявшаго послѣднюю реальную опору -- въ оскорбленномъ офицерствѣ, но все еще считавшагося министромъ «революціонной демократіи». Съ другой стороны, и звѣздная палата, быстро терявшая свое вліяніе на совѣты, не могла обойтись безъ Керенскаго, ибо видѣла въ немъ связующее звено съ «буржуазными» группами. Въ качествѣ правовѣрныхъ соціалистовъ и марксистовъ, эти политики продолжали твердо держаться убѣжденія, что въ Россіи возможна только буржуазная революція, а, слѣдовательно, «цензовые элементы» должны быть представлены въ правительствѣ. Въ то же время, умѣренныя соціалистическія группы, меньшевики и с.р.-ы, вынужденныя конкурировать съ большевистской демагогіей, быстро лѣвѣли и требовали отъ Керенскаго ряда уступокъ влѣво: отказа отъ коалиціи съ к. д., объявленія республики, формальнаго закрытія гос. думы съ ея комитетомъ и гос. совѣта, выпуска изъ тюремъ арестованныхъ послѣ іюльскихъ дней большевиковъ и т. п.

Главное, что предстояло сдѣлать защитникамъ продолженія коалиціи, — это использовать соотвѣтственнымъ образомъ отсрочку, полученную Церетели. Надо было организовать «демократическое совѣщаніе» такъ, чтобы оно провело не большевистскія рѣшенія 31 августа, вызвавшія отставку звѣздной палаты, а возстановленіе идеи коалиціи, съ сохраненіемъ въ ней, въ той или другой видоизмѣненной формѣ, и «цензовыхъ элементовъ», съ которыми Керенскій не прерывалъ переговоровъ. Это, какъ сейчасъ увидимъ, удалось. Но это была и послѣдняя удача Церетели. Онъ

сохранилъ ровно столько вліянія, сколько было нужно, чтобы не пустить демократическое совѣщаніе двинуться влѣво отъ коалиціи. Но ему не удалось сдвинуть его и на старое мѣсто вправо. Получилось нудное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Керенскій получилъ свободу составить кабинетъ, какъ хотѣлъ, но безъ прежней поддержки слѣва. А большевики получили «свободу агитаціи» для накопленія въ своихъ рядахъ, подъ прикрытіемъ «совѣтской легальности», достаточныхъ силъ для возобновленія корниловской попытки навыворотъ. Въ ожиданіи этого момента центральная комбинація, получившая именно въ этотъ періодъ характерное названіе «керенщины», держалась по инерціи, сохранивши только фиктивную власть, безсильная остановить дифференціацію политическихъ настроеній вправо и влѣво отъ этого «бутафорскаго» центра*).

1 сентября Керенскій, оставшійся послѣ отставки министровъ кадетовъ и соціалистовъ въ составѣ избранной имъ пятичленной «директоріи» (Керенскій, Терещенко, ген. Верховскій, адм. Вердеревскій, Никитинъ,), провозгласилъ «россійскую республику». 4 сентября былъ освобожденъ изъ тюрьмы Троцкій, проведшій 9 сентября вмѣстѣ съ Каменевымъ въ Петроградскомъ совѣтѣ низложеніе Церетели. 10 сентября объявлено объ отставкѣ ген. Алексѣева и произведена чистка высшаго командного состава. При такихъ настроеніяхъ собралось 14 сентября «демократическое совѣщаніе» въ составѣ около 1.400 членовъ. «Цензовыхъ элементовъ» подъ ихъ собственнымъ именемъ, конечно, на это собраніе пригласить было нельзя. Тѣмъ не менѣе, ихъ мнѣніе было, соотвѣтственно тактикѣ Церетели, до извѣстной степени представлено приглашенными на совѣщаніе кооператорами, крестьянскими депутатами, большинствомъ членовъ городскихъ, военныхъ и экономическихъ организацій и т. д. Оффиціальныя рѣчи на совѣщаніи были неожиданно умѣрены, начиная съ выступленія предсѣдателя Чхеидзе, заявившаго, что «вмѣсто скачка въ царство свободы былъ сдѣланъ прыжокъ въ царство анархіи», продолжая рѣчами бывшихъ министровъ - соціалистовъ, въ одинъ голосъ свидѣтельствовавшихъ о государственности, надпартійности и

*) О промежуточиомъ періодѣ между ликвидаціей корииловскаго возстаиія и созывомъ демократическаго совѣщаиія см. первую главу IV тома «Записокъ» Суханова и первую главу III выпуска моей «Исторіи». См. также IV томъ хроиики В. Владимировой, подъ соотв. датами, и иитересиыя приложеиія, освѣщающія дѣятельность и взгляды большевиковъ.

классовомъ безкорыстіи к. д., и кончая призывомъ Чхенкели къ русскому «чувству національной тревоги за судьбу Россіи» *). Но настроеніе аудиторіи было иное, и единодушія по отношенію къ вопросу о коалиціи не оказалось. При голосованіяхъ собраніе настолько запуталось, что Церетели, выполняя свой планъ, могъ заявить единогласное мнѣніе президіума: «среди организованной демократіи нѣтъ единства воли, которая могла бы быть претворена въ жизнь». Рѣшеніе было передовѣрено собранію сокращеннаго состава. Въ немъ все-таки оказалось только 50 голосовъ за коалицію и 60 противъ. Послѣ новыхъ безконечныхъ споровъ рѣшено было, умолчавъ о принципѣ коалиціи, связать будущее правительство программой 14 августа и отвѣтственностью передъ особымъ представительнымъ органомъ, выдѣленнымъ изъ состава съѣзда. Делегаціи пяти членовъ поручено, въ глухихъ выраженіяхъ, «принять мѣры къ созданію власти». Войтинскій въ заключительномъ словѣ пророчествовалъ: «если демократія не найдетъ общаго языка, общаго пути, общей тактики, то неминуемо крушеніе всѣхъ вашихъ чаяній и гибель революціи» **).

Еще разъ — но уже въ послѣдній — Церетелевская тактика словесныхъ примиреній непримиримаго одержала побѣду. Половина пути отъ непримиримыхъ настроеній «революціонной демократіи» къ полному возвращенію на путь «традиціонной совѣтской тактики» была пройдена. Оставалось пройти вторую половину — въ порядкѣ переговоровъ съ Керенскимъ и его кандидатами въ новую третью коалицію. Керенскій не соглашался признать какую - бы то ни было зависимость отъ дем. совѣщанія. Приглашенные изъ Москвы кадеты и торговопромышленники не соглашались ни на программу 14 августа, ни на «отвѣтственность» правительства передъ новымъ представительнымъ органомъ. Въ новомъ совѣщаніи въ Малахитовой залѣ (22 сентября) Церетели уступилъ и эти пункты. Измученный безвыходностью спора «демократическій совѣтъ», выбранный «дем. совѣщаніемъ» (закрывшимся 22 сентября), принялъ тремя голосами (109 противъ 84 и 22 воздержавшихся черновцевъ) резолюцію Дана, не столько одобрявшую соглашеніе, сколько въ уклончивыхъ выраженіяхъ прикрывшую отступленіе «демократіи»***). Сознаніе разложенія

*) См. мою «Исторію», III, 37-47, Сухановъ, VI, 81-86, 98-104, 114-116.

**) Моя «Исторія», III, 47-51, 54-60. Сухановъ, VI, 118-153.

***) Моя «Исторія», III, 62-75. Сухановъ, VI, 153-157, 161-182. Владимирова, IV, подъ соотв. датами.

страны висѣло надъ переговаривавшимися и принудило обѣ стороны къ плохому компромиссу. Этотъ компромиссъ представлялся «цензовымъ элементамъ» послѣднимъ оплотомъ противъ большевиковъ, а представителямъ «революціонной демократіи»—новой отсрочкой ихъ ликвидаціи.Впрочемъ, они не знали,какъ эту отсрочку использовать. Ясно представляли себѣ положеніе только оба борющіеся фланга. Большевики 21 сентября провели въ петербургскомъ совѣтѣ боевую резолюцію: они постановили мобилизовать всѣ силы совѣтовъ и революціонныхъ комитетовъ, сохранить «полноту власти» тамъ,гдѣ она уже захвачена,«укрѣплять позиціи»,гдѣ этого еще нѣтъ, создавать новые органы борьбы, а для объединенія этой борьбы ускорить созывъ съѣзда совѣтовъ, давно намѣченнаго на сентябрь, а теперь отложеннаго правительствомъ до 20-го октября. Этотъ съѣздъ долженъ былъ служить сигналомъ къ «организаціи революціонной власти».А до тѣхъ поръ... большевики не соглашались терпѣть ни новаго правительства, которое они объявили «правительствомъ гражданской войны», ни новаго представительнаго органа, въ который они шли только для того, чтобы демонстративно выйти. Сухановъ восклицаетъ по поводу этой «оффиціально объявленной анархіи и начатаго возстанія»: «и господа на паркетахъ Зимняго дворца при такихъ условіяхъ толковали о сильной коалиціонной власти! Вѣдь, кажется, что-нибудь одно: или изъ Зимняго надо, какъ крысамъ, разбѣжаться, или надо единымъ духомъ раздавить этотъ новый Смольный со всѣми его филіалами, разсѣянными по всей странѣ. Но для того, чтобы его раздавить, надо имѣть очень большую силу. А вѣдь силъ не было совсѣмъ никакихъ. Всѣ силы были у новаго Смольнаго».*) Что «никакихъ силъ» не было у правительства третьей коалиціи, это, конечно, для того момента было преувеличеніемъ. Но... во главѣ коалиціи опять стоялъ неизбѣжный Керенскій, а короновалъ его опять неизбѣжный Церетели. Это осуждало послѣднее правительство февральской революціи на безсиліе, при полномъ сознаніи послѣдствій этого безсилія и при полномъ желаніи собрать эту силу. Церетели, сознавая, что наступилъ конецъ его руководства совѣтской политикой, уѣхалъ на Кавказъ, передавъ роль посредника съ властью Дану и Гоцу. Керенскій — все еще продолжалъ считать себя незамѣнимымъ при данныхъ настроеніяхъ «демократіи» и

*) Вѣра Владимирова, IV, 251-255. Сухановъ, VI, 159.

положенiи «цензовыхъ элементовъ». Но онъ не удовлетворялъ ни тѣхъ, ни другихъ. Троцкiй остроумно и довольно вѣрно выразился, заявивъ передъ демократическимъ совѣщанiемъ: «Вина за создавшееся положенiе падаетъ на партiи совѣтскаго большинства, искусственно создавшiя тотъ режимъ, гдѣ наиболѣе отвѣтственное лицо, независимо отъ собственной воли, становится математической точкой приложенiя бонапартизма». Начинали понимать эту свою «вину» и вожди совѣтовъ. Чхеидзе даже, въ полномъ отчаянiи, поставилъ въ совѣщанiи съ кандидатами въ министры вопросъ: «а не приняла ли бы власть *одна* буржуазiя, если бы демократiя обѣщала ей поддержку»? *Если бы* такая постановка была *возможна,* то, очевидно, не было бы надобности нагромождать одну за другой три коалицiи; слѣдовало бы остаться при исходномъ правительствѣ революцiи. Но послѣ пяти мѣсяцевъ двусмысленной «поддержки» коалицiонной власти «революцiонной демократiей», вопросъ Чхеидзе слишкомъ запоздалъ — и въ моментъ потери влiянiя самой этой «демократiей» могъ быть принятъ только за иронiю или провокацiю. И Плехановъ, оцѣнивая положенiе, писалъ въ тѣ дни въ своемъ «Единствѣ»: «сохранивъ *единство* демократическаго фронта, направленнаго въ сторону захвата власти большевиками, вмѣсто открытаго *раздѣленiя* его на сторонниковъ большевизма и государственности, Церетелли произнесъ А. Единомышленники Ленина хотятъ, чтобы онъ произнесъ Б. На это онъ врядъ ли рѣшится. Но ленинцы обойдутся безъ его помощи. Разъ произнесено А, *будетъ* произнесено и Б.: за это ручается объективная логика событiй». В. Д. Набоковъ, главный участникъ переговоровъ о третьей коалицiи, имѣлъ возможность немедленно же провѣрить этотъ прогнозъ. Убѣжденный прямыми заявленiями Церетели и его «неподдѣльной панической тревогой передъ растущей мощью большевизма», что цѣль созданiя и третьей коалицiи, и долженствовавшаго подкрѣплять ее «совѣта республики» («предпарламента») заключается въ «укрѣпленiи врем. правительства въ борьбѣ съ большевизмомъ», Набоковъ попробовалъ заявить объ этомъ его замѣстителю. «Данъ отвѣтилъ, что онъ и его друзья не склонны напередъ обѣщать свое довѣрiе и свою поддержку... и не видятъ возможности встать на точку зрѣнiя борьбы съ большевизмомъ прежде всего и во что бы то ни стало», «Мы разошлись», вспоминаетъ Набоковъ, «съ тяжелымъ чувствомъ, съ сознанiемъ, что начинается опять старая ка-

нитель и что наши «лѣвые друзья» «неисправимы». А газета «Рѣчь» говорила: «это есть послѣдній опытъ, за которымъ, въ случаѣ неудачи, намъ грозитъ каннибальское торжество Ленинцевъ на развалинахъ великой Россіи».*)

VIII

Умѣренность третьей коалиціи. — Большевики и страна. — Опасенія большевиковъ. — Роль «Совѣта Республики». — Отсутствіе большинства по важнѣйшимъ вопросамъ. — Ленинъ и Троцкій рѣшаютъ наступленіе. — Публичное назначеніе срока. — «Совѣтская легальность» облегчаетъ открытую подготовку переворота. — Растерянность Керенскаго и «иллюзіи» соціалистовъ. — Какъ использовали ихъ большевики. — Оправданія Керенскаго.

Центральные комитеты с. р. и с. д., скрѣпя сердце, одобрили третью коалицію только «при данныхъ политическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ», какъ «единственный выходъ изъ создавшагося положенія».Явленія распада страны стали слишкомъ яркими;разрушеніе транспорта,разстройство продовольствія, наступающій голодъ, закрытіе фабрикъ, забастовки, военные бунты — все это слишкомъ задѣвало и тормазило дѣятельность самого правительства, чтобы даже и «революціонная демократія» не почувствовала необходимости въ «сильной» власти. Составъ коалиціи, впервые включившей представителей торговопромышленности, былъ, считая даже и «министровъ - соціалистовъ», болѣе умѣреннымъ, чѣмъ составъ первыхъ двухъ коалицій. Его программа исключила всѣ утопическіе пункты изъ программъ 8-го іюля — 14 августа. За исключеніемъ вопросовъ о мирѣ и объ арміи она свидѣтельствовала о полномъ отрезвленіи. Если въ Петроградѣ сентябрьскіе выборы въ районныя думы показали громадный ростъ (съ 11% до 51%) большевиковъ, то ростъ этотъ произошелъ за счетъ с.р-овъ (съ іюньскихъ 58% до 14%) и с.д. (съ 12% до 4%), тогда какъ к.д. сохранили, а пропорціонально и усилили свои позиціи (съ 17% до 26 %). А въ 643 городахъ Россіи (изъ 779) къ 2 сентября выборы въ новые демократическіе органы самоуправленія дали только 7% большевиковъ въ губернскихъ и 2%

---

*) Сужденіе Троцкаго — см. у Суханова VI 130 (у Владимирова — IIV, 236 — нѣсколько иначе). Предложеніе Чхеидзе, оцѣнку положенія Плехановымъ и цитату изъ «Рѣчи» — см. въ моей «Исторіи», III, 66-69. Разсказъ Набокова о разговорѣ съ Даномъ — въ его статьѣ о «Врем. Правительствѣ». Архивъ р. революціи, I, 79-80; и замѣчанія Суханова по этому поводу, VI, 170-171.

въ прочихъ городахъ. Въ первыхъ возобладалъ соціалистическій блокъ, а во вторыхъ половина выбранныхъ гласныхъ принадлежала къ безпартійнымъ *). Такимъ образомъ, большевики могли опереться только на организованный пролетаріатъ столицъ и на возраставшую часть арміи, но не на все русское населеніе. Они и сами это чувствовали. Вопросъ о томъ, какъ откликнется провинція на ихъ легкую побѣду въ столицахъ, заставлялъ ихъ откладывать открытое выступленіе для захвата власти. Въ сентябрѣ они готовы были даже допустить образованіе «демократическаго правительства» безъ буржуазіи, но съ своимъ пропорціональнымъ участіемъ и съ тѣмъ, чтобы вопросъ былъ перерѣшенъ мирно въ ихъ пользу октябрьскимъ съѣздомъ совѣтовъ. Троцкій въ своихъ недавнихъ разоблаченіяхъ приводитъ главный аргументъ противниковъ немедленнаго переворота: «допустимъ, что «вооруженное возстаніе *можетъ* дать побѣду, а потомъ что? А потомъ мы *не сможемъ удержаться по соціально - экономическимъ причинамъ*». И еще 11 октября, за двѣ недѣли до возстанія, Зиновьевъ и Каменевъ написали письмо, въ которомъ рекомендовался медленный путь «агитаціи, пропаганды, сплоченія массъ» и т. д. «При правильной тактикѣ», учитывали авторы письма, «мы можемъ получить треть, а то и больше мѣстъ въ учредительномъ собраніи»... Учитывали «осторожные» изъ большевиковъ, и то, что самое возстаніе можетъ не удаться, благодаря вооруженной силѣ противниковъ. «Пять тысячъ юнкеровъ, прекрасно вооруженныхъ, организованныхъ, желающихъ въ силу своего классоваго положенія и умѣющихъ драться; затѣмъ штабъ, затѣмъ ударники, затѣмъ значительная часть гарнизона, затѣмъ очень значительная часть артиллеріи, расположенная вѣеромъ вокругъ Питера. Затѣмъ противники съ помощью ЦИК'а почти навѣрняка попробуютъ привести войска съ фронта»... **).

Опасенія «осторожныхъ» людей были бы вполнѣ основательны при двухъ условіяхъ: 1) Если бы во главѣ государства стояла власть, ясно понимающая положеніе и рѣшившаяся защищаться тѣмъ единственнымъ способомъ, который обѣщалъ успѣхъ, именно, предупреждая нападеніе противника собственнымъ нападені-

*) Картина внутренняго положенія, развертывавшаяся передъ глазами ЦИКА, изображена Сухановымъ, VI, 208-221. Измѣненіе въ программѣ 14 августа — тамъ же, 186 - 187 и моя «Исторія», III, 69 - 70. Цифры выборовъ — «Исторія», III, 80 и 84.

**) Троцкій, 1917, II, 96; I, XXXIX.

емъ, и 2) Если бы ЦИК продолжалъ оказывать этой власти хотя бы ту помощь, какую оказывалъ прежде при руководствѣ уѣхавшаго Церетели. Сейчасъ мы увидимъ, что ни того, ни другого условія не было на лицо.

Мы видѣли, съ какимъ трудомъ наладилась комбинація третьей коалиціи.Поддерживать эту комбинацію долженъ былъ«совѣтъ республики». Это учрежденіе было задумано демократическимъ совѣщаніемъ, какъ верховный органъ «демократіи», назначавшій отвѣтственное передъ собой правительство. Но при осуществленіи онъ превратился изъ учрежденія законодательнаго въ совѣщательное и изъ выборнаго органа «демократіи» въ «приглашенное» правительствомъ учрежденіе. 367 членовъ, выбранныхъ демократическимъ совѣщаніемъ («демократическій совѣтъ»), конечно, не уравновѣшивались въ немъ 156-ю представителями «цензовыхъ» элементовъ. Но при извѣстныхъ уже намъ умѣренныхъ настроеніяхъ кооператоровъ, части земцевъ и экономическихъ группъ, нельзя было заранѣе отказаться отъ попытки даже и въ такомъ «предпарламентѣ» составить большинтво для поддержки коалиціоннаго правительства. Было ясно, что даже и въ такомъ случаѣ это учрежденіе является слишкомъ поздно, чтобы сыграть рѣшающую роль въ событіяхъ, несмотря на собранныя въ немъ блестящія всероссійскія имена. Короткій срокъ предполагавшагося существованія «Совѣта Республики» — шесть недѣль оставшихся до созыва Учредительнаго собранія (28 ноября), дѣлалъ совершенно невозможнымъ использовать предпарламентъ для серьезнаго «органическаго» законодательства, т..е. для рѣшенія по существу поставленныхъ на очередь государственной разрухой административныхъ и экономическихъ вопросовъ. Неизбѣжно на долю предпарламента выпала декларативная и демонстративная роль по всѣмъ деликатнымъ вопросамъ «высокой политики», которые составляли предметъ борьбы съ самаго начала февральской революціи. Изъ нихъ по двумъ основнымъ вопросамъ, военному и дипломатическому, значительныя уступки «революціонной демократіи» были сдѣланы уже во вступительной декларація правительства. Тѣмъ не менѣе, именно на этихъ двухъ вопросахъ и произошло рѣшительное расхожденіе двухъ крыльевъ палаты. По военному вопросу приходилось констатировать сильнѣйшее распаденіе арміи въ обстановкѣ новыхъ непріятельскихъ успѣховъ (занятіе о-ва Эзеля, Моона и побережій рижскаго залива). По

вопросу о мирѣ даже самыя радикальныя предложенія не шли дальше попытки предложить союзникамъ на парижской конференціи (безконечно откладывавшейся и собранной совсѣмъ не для этого) начать мирные переговоры, *если* непріятели откажутся отъ захватовъ. Идти дальше этого безплоднаго проекта было некуда, если только не предлагать солдатамъ самимъ начать переговоры на фронтѣ, на что не рѣшался даже новый военный министръ, Верховскій, пробовавшій заговорить съ представителями партій о немедленномъ окончаніи войны. Но въ то же время принять позиціи «буржуазной» части правительства по обоимъ вопросамъ умѣренно-соціалистическія партіи тоже не рѣшались, такъ какъ это значило бы подставить себя подъ ударъ большевиковъ. Послѣдніе съ самаго начала засѣданій предпарламента (7 октября) выбрали благую часть, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ и уйдя изъ Маріинскаго дворца «на баррикады». Вынужденная конкурировать съ ними, лѣвая часть совѣта республики не только не пошла навстрѣчу правительственнымъ рѣшеніямъ, но, напротивъ, стала настойчивѣе, чѣмъ когда либо, подчеркивать свое разногласіе съ правительствомъ. И Керенскій, и Терещенко все время были подъ ударами собственныхъ союзниковъ. Это обезсиливало коалицію и окончательно дискредитировало ея идею. Ни по военному, ни по дипломатическому вопросу въ предпарламентѣ не нашлось въ концѣ долгихъ споровъ большинства, которое укрѣпило бы позицію власти. Напротивъ, разбродъ мнѣній по этимъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ окончательно продемонстрировалъ тотъ тупикъ, въ который зашло правительство, связанное своими единственными сторонниками среди соціалистовъ. Единственнымъ политическимъ результатомъ краткосрочной сессіи предпарламента (7-25 октября) оказалось демонстративное — на глазахъ у всѣхъ — расхожденіе группъ, создавшихъ послѣднюю коалицію, причемъ соціалистическія группы, явно передвинулись влѣво. «Настроенія были уже не тѣ», пишетъ объ этомъ Сухановъ. «Меньшевики и с. р-ы были уже *оппозиціей,* а не правительственными партіями»*).

---

*) Составъ Совѣта Республики см. въ моей «Исторіи», III, 123-125. Сухановъ, V, 239-244. Уходъ большевиковъ — тамъ же, 249-256; «Исторія» 127-128. Пренія объ арміи — «Исторія» 134-144, 147-148. О внѣшней политикѣ 149-178. Поворотъ умѣренныхъ соціалистовъ влѣво см. у Суханова, VI, 261-262, 270-306 (попытки созданія «лѣваго блока»).

Такова была обстановка — явнаго разложенія коалиціи, — въ которой Ленинъ, опираясь на Троцкаго и вразрѣзъ съ ближайшими товарищами, сталъ рѣшительно настаивать на наступленіи. Уже въ концѣ сентября Ленинъ написалъ брошюру: *«удержатъ -ли* большевики государственную власть» (о томъ, что они могутъ ее *взять,* уже не спорили). Здѣсь онъ опровергалъ взглядъ, что большевики «изолированы» отъ населенія, и доказывалъ, что всѣ условія, отсутствіе которыхъ, помѣшало поставить вопросъ о захватѣ власти въ дни іюльскаго выступленія, теперь уже на-лицо, а именно: «1) нарастаніе революціи въ общенаціональномъ масштабѣ (т. е. и въ провинціи), 2) полный моральный и политическій крахъ коалиціи и 3) большія колебанія въ лагерѣ промежуточныхъ элементовъ». На печатныя возраженія Зиновьева и Каменева онъ отвѣтилъ (19-21 сентября) печатными же статьями въ защиту немедленнаго выступленія. Такимъ образомъ, новый лозунгъ былъ данъ на глазахъ у всѣхъ *). Такъ же публично прошла и подготовка возстанія 25 октября. Троцкій правильно заявлялъ при праздновании второй годовщины октябрьскаго переворота: «тщетно память пытается найти въ исторіи другое возстаніе, которое было бы заранѣе во всеуслышаніе назначено на опредѣленное число и было бы въ положенный день осуществлено — и притомъ побѣдоносно.» «Опредѣленное число» было предуказано днемъ созыва второго всероссійскаго съѣзда совѣтовъ. Первоначально вѣдь предполагалось, что съѣздъ возьметъ власть и мирно передастъ ее совѣтамъ. Всѣ понимали это, и потому старое большинство совѣтовъ пыталось черезъ свои органы отсрочить и по возможности разстроить съѣздъ. Но Дану удалось только отложить его съ 15 на 25 октября. Тогда «осторожные» изъ большевиковъ, въ томъ числѣ и Ленинъ, стали настаивать на томъ, чтобы «исправить ошибку» назначенія опредѣленной даты — и устроить «фактическое возстаніе *раньше* «легальнаго срока», чтобы тѣмъ застать врасплохъ непріятеля. Именно *этотъ* вопросъ былъ рѣшенъ окончательно тотчасъ по уходѣ большевиковъ изъ Маріинскаго дворца, 10 октября, въ засѣданіи Центральнаго комитета партіи, всѣми голосами противъ Зиновьева и Каменева (см. выше) **).

---

*) Аргументы Ленина см. въ моей «Исторіи», III, 179-187. Его статьи — у Суханова, VII, 62-66.

**) Троцкій, «Уроки октября» въ «1917», I, L и въ рѣчи по поводу второй годовщины, тамъ же, II, 81-84; О попыткахъ с. д. отложить съѣздъ см. Суханова, VII, 29-31. Настоянія Ленина о возстаніи до даты

Съ этого момента началась, параллельно съ полемикой въ печати, открытая подготовка вооруженнаго возстанія. Всякій рискъ былъ устраненъ тѣмъ «невѣсомымъ» факторомъ, который Троцкій называетъ «совѣтской легальностью». Другими словами, для совѣтской среды существовало свое понятіе «легальности», особое отъ правительственнаго. Постоянныя фактическія нарушенія закона совѣтами — даже и при старомъ большинствѣ, поддерживавшемъ коалицію, не считались «нелегальными».

Вотъ собственное признаніе Троцкаго по этому поводу: «Мы называемъ это возстаніе легальнымъ въ томъ смыслѣ, что оно выросло изъ *нормальныхъ* условій двоевластія. И при господствѣ соглашателей (такъ назывались с. д. меньшевики и с. р-ы) въ петроградскомъ совѣтѣ бывало не разъ, что совѣтъ *провѣрялъ или исправлялъ дѣйствія правительства.* Это какъ бы *входило въ конституцію того режима,* который вошелъ въ исторію подъ названіемъ *керенщины.* Придя въ петроградскомъ совѣтѣ къ власти, мы, большевики только продолжили и углубили методы двоевластія. 1. Мы взяли на себя провѣрку приказа о выводѣ гарнизона (объ этомъ вопросъ былъ поставленъ въ порядкѣ демагогіи уже въ концѣ сентября, но рѣшеніе было принято петербургскимъ исп. комитетомъ 9 октября по компромиссному *предложенію* меньшевиковъ и с. р.). Этимъ самымъ (продолжаетъ Троцкій) мы прикрыли традиціями и пріемами легальнаго двоевластія *фактическое возстаніе* петроградскаго гарнизона». Сталинъ въ своей полемикѣ съ Троцкимъ не опровергаетъ, а только подтверждаетъ и дополняетъ его утвержденія, признавая, что «каждый шагъ своего наступленія революція старается продѣлать подъ видомъ обороны». Указанное имъ перечисленіе этихъ послѣдовательныхъ маскировокъ на основѣ «совѣтской легальности» очень отчетливо воспроизводитъ тѣ этапы, черезъ которые прошла подготовка возстанія, и тѣ силы, которыя рѣшили его успѣхъ. «Отказъ отъ вывода войскъ..... былъ продѣланъ подъ лозунгомъ обороны Петрограда отъ возможнаго наступленія внѣшняго врага (соотвѣтствующая маскировка Керенскимъ его попытки перебраться изъ Петербурга въ Москву была провалена дружными совѣтскими протестами, передъ кото-

25 октября см. въ статьѣ Сталина противъ Троцкаго, Сборникъ: За партію, за ленинизмъ. Объ «урокахъ октября». Ленинградъ 1924, раб. издательство «Прибой». О засѣданіи 10 октября на квартирѣ Суханова съ участіемъ Ленина см. у него, VII, 33-35.

рыми правительство отступило)». 2. Слѣдуетъ второй этапъ подготовки наступленія: «образованіе военно - революціоннаго комитета (постановленіе исп. ком. 12 октября, утвержденное совѣтомъ 16 окт.)». Оно передавало всѣ функціи обороны и всю военную власть изъ рукъ законныхъ органовъ власти въ руки петербургскаго совѣта съ его большевистскимъ большинствомъ. Этотъ шагъ по Сталину былъ продѣланъ «подъ лозунгомъ организаціи совѣтскаго контроля надъ дѣйствіями штаба округа». 3. Третій этапъ по Сталину: «Открытый переходъ гарнизона на сторону военно - революціоннаго комитета и организація сѣти совѣтскихъ комиссаровъ». Первое было констатировано на собраніяхъ представителей гарнизона, устроенныхъ военнымъ отдѣломъ петербургскаго совѣта 18, 19 и 21 октября.Второе (сѣть комиссаровъ при частяхъ гарнизона) было устроено тогда же, и объ этомъ было объявлено оффиціально 23 октября, вмѣстѣ съ объявленіемъ этихъ комиссаровъ «неприкосновенными».22 октября въ оффиціальной телефонограммѣ военно - революціонный комитетъ вступалъ, такъ сказать, оффиціально въ исполненіе обязанностей и объявлялъ распоряженіе правительственнаго штаба недѣйствительными. Сталинъ правильно говоритъ,что все это«знаменовало собой начало возстанія»,и Сухановъ не менѣе основательно заявляетъ, что *фактически* «временное правительство было свергнуто уже 21 октября». «Тѣмъ не менѣе», продолжаетъ Сталинъ, «эти шаги были продѣланы подъ лозунгомъ защиты петроградскаго совѣта отъ возможныхъ выступленій контръ - революціи, чтобы тѣмъ легче втянуть въ свою орбиту нерѣшительные, колеблющіеся элементы» *).

Что же дѣлали въ эти рѣшающіе дни правительство и Керенскій? Противники его ясно видѣли, что онъ долженъ былъ дѣлать. Сухановъ, наблюдавшій внимательно все происходившее, говоритъ объ этомъ: «говоря серьезно (а не доктринерски?), только полной наивностью и ребячливостью нашего опереточнаго правительства можно объяснить, что оно не пыталось въ это время принять хоть какія - нибудь дѣйствительныя мѣры обороны. Конечно прис. пов. Керенскій не могъ выиграть этого дѣла; но онъ могъ и долженъ

---

*) Утвержденіе Троцкаго, что «тихое, почти легальное вооруженное возстаніе было уже на три четверти, если не на десять десятыхъ, совершившимся фактомъ» до 25 октября см. въ «1917», I, L. Полемика Сталина, только подтверждающая Троцкаго, въ названномъ выше Сборникѣ. Этапы возстанія подробно разсказаны у Суханова, VII, 35-48, 52-54, 68-77, 80-141, 148-158. Моя «Исторія» III, 189-221.

былъ попытаться. Вѣдь на дворѣ былъ не май и не іюнь. Теперь ему терять было нечего. Надо было рисковать, дѣйствуя ва банкъ» *). Конечно, всего правительства обвинять нельзя. Оно оцѣнивало положеніе такъ же ясно, какъ Сухановъ. Я разсказалъ въ своей исторіи тѣ усилія, которыя дѣлались группой министровъ во главѣ съ Коноваловымъ, чтобы заставить Керенскаго дѣйствовать **). Но глава правительства находился въ какомъ - то патологическомъ состояніи паралича воли, напоминающемъ состояніе Николая передъ революціей. По его собственному заявленію, онъ находился «между молотомъ правыхъ и наковальней лѣвыхъ большевиковъ», Вниманіе его, кромѣ того, было отвлечено въ эти дни борьбой съ новымъ соперникомъ, ген. Верховскимъ, который послѣ своего предложенія о сепаратномъ мирѣ вынужденъ былъ удалиться изъ правительства. На словахъ Керенскій и Терещенко заявляли въ тѣ дни, что очень рады выступленію большевиковъ, потому что оно дастъ поводъ разгромить ихъ окончательно. То же настроеніе отчасти раздѣлялось и поддерживавшей власть частью соціалистовъ. Но среди этой группы появилось теперь новое настроеніе. Оріентируясь не на возстаніе, а на возможныя рѣшенія второго съѣзда совѣтовъ, они обдумывали переходъ отъ коалиціи къ чисто соціалистическому министерству и для *этой* цѣли вели переговоры съ большевиками. Большевики использовали и этотъ свой шансъ, наряду съ «совѣтской легальностью», весьма искусно. Приводимъ опять свидѣтельство Троцкаго. «Мы не только ставили правительство въ политически невыгодное положеніе (всѣми упомянутыми шагами), но и прямо таки *усыпляли* (т. е. намѣренно вводили въ заблужденіе) его и безъ того лѣнивую и неподвижную мысль. Эти люди (т. е. не правительство, а бывшая звѣздная палата) вѣрили всерьезъ, что дѣло идетъ для насъ о совѣтскомъ парламентаризмѣ, о новомъ съѣздѣ, гдѣ будетъ вынесена новая резолюція о власти». Троцкій подтверждаетъ свое показаніе тѣми переговорами, которые въ послѣднюю минуту, въ ночь на 25-е, велись с.р-ами и с. д-ками съ большевиками, по показанію самого

---

*) Сухановъ, VII, 48. Все послѣдующее изложеніе Суханова основано на мысли, что масса до конца оставалась въ нерѣшительности и что еще въ ночь на 22-е октября 500 юнкеровъ, офицеровъ и казаковъ «имѣли немало шансовъ» «разгромить, парализовать Смольный» (VII, 99).

**) «Исторія», III, 77-79, 193-194. Проведя начало октября и 14-17 въ ставкѣ, Керенскій собирался надолго уѣхать на нижнюю Волгу, «для ознакомленія съ настроеніемъ народа»!

Керенскаго. Онъ только прибавляетъ, что большевики *добросовѣстно обманывали* Керенскаго... пославъ для переговоровъ какъ разъ тѣхъ изъ своей среды, «которые, дѣйствительно, хотѣли ликвидаціи возстанія и вѣрили въ формулу соціалистическаго правительства, созданнаго соглашеніемъ партій. Но объективно эти парламентеры, несомнѣнно, оказывали возстанію услугу, *питая своими собственными иллюзіями иллюзіи враговъ*». Такимъ образомъ, «соглашатели оказались цѣликомъ и полностью *пойманы на удочку совѣтской легальностью*». На отвѣтственность этихъ «соглашателей», Дана и Гоца — да еще на усыплявшіе его доклады начальника штаба, полковника Полковникова, Керенскій и пытался потомъ сложить отвѣтственность за собственное бездѣйствіе. Онъ, однако, несомнѣнно самъ раздѣлялъ «соглашательскія» иллюзіи Дана. И даже, уѣзжая изъ Зимняго дворца утромъ 25 октября, навстрѣчу вызываемой арміи (оказавшейся призрачной), Керенскій уже готовилъ, какъ это видно изъ его послѣдней прокламаціи, замѣстителей своимъ коллегамъ, оставленнымъ безъ помощи въ Зимнемъ дворцѣ. До послѣдней минуты, какъ въ корниловскіе дни, какъ въ дни московскаго совѣщанія, онъ продолжалъ колебаться между двумя противоположными рѣшеніями. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, помимо болѣзненнаго состоянія, параличъ его воли *).

---

*) Заявленія Троцкаго см. въ «1917», I, LIII — LIV. Ленина, когда
онъ пришелъ въ «ярость» по поводу возможнаго соглашенія, Троцкій
успокаивалъ тѣмъ, что «это **для прикрытія игры»** (тамъ же, II, 94). По-
пытка самооправданія сдѣлана Керенскимъ въ статьѣ «Гатчина» (Со-
времен. Записки X; цитирую по перепечаткѣ въ Сборникѣ «Издалека»,
Парижъ, 1922, стр. 194-203). Мой разборъ этой попытки см. въ «Исто-
ріи», III, 205-206, 211-213, 218-221. Я указалъ, что подъ вліяніемъ убѣ-
жденій Дана, что «завтра же» военный штабъ возставшихъ будетъ
распущенъ, возстаніе будетъ «потушено» самими большевиками, под-
чинившимися «волѣ совѣтскаго большинства», произойдетъ «переломъ
настроенія въ массахъ» и вліяніе большевиковъ начнетъ «быстро па-
дать» («Издалека». 197), Керенскій въ послѣднюю минуту, въ ночь на
25-е, самъ дезорганизовалъ окончательно собственную оборону, отста-
вивъ Полковникова, котораго несправедливо подозрѣвалъ въ «двой-
ной игрѣ», и окруживъ себя довѣренными офицерами, а также рѣ-
шивъ привлечь довольно проблематическія «партійныя военныя орга-
низаціи», которыя, конечно, «не появились», тогда какъ настоящій воен-
ный элементъ, съ офицерствомъ и юнкерами во главѣ, по собствен-
ному замѣчанію Керенскаго, «сталъ терять бодрость духа» и даже
началъ поговаривать объ арестѣ Керенскаго, — какъ способѣ «безъ
Керенскаго легче и скорѣе справиться съ большевиками» (Издалека»,
201-202). О переговорахъ съ Керенскимъ по поводу созданія однород-
наго соціалистическаго министерства см. въ моей «Исторіи», III, 206. На-
мекъ на предстоящее «объявленіе новаго состава правительства» въ
приказѣ Керенскаго изъ Пскова см. въ моей «Исторіи», III, 259. Ср.
тамъ-же, 264, 266, 270.

Здѣсь не мѣсто разсказывать событія 25 октября и послѣдующихъ дней. Общую оцѣнку ихъ читатель найдетъ въ шестой главѣ этой книги (томъ II). Сказаннаго достаточно, чтобы показать, какъ *общія* причины, коренившіяся въ положеніи Россіи, такъ и *партійныя*, — вытекавшія изъ характера, взглядовъ и тактики соціалистическихъ партій, изъ ихъ «товарищеской» близости къ большевикамъ, — такъ, наконецъ, и *личныя*, — заложенныя въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ и, особенно, главнаго изъ нихъ, Керенскаго, — сдѣлали побѣду большевиковъ неизбѣжной. Другой рядъ причинъ вытекаетъ изъ самыхъ свойствъ большевиковъ, ихъ ученія, ихъ платформы и тактики. Мы упоминали выше и объ этихъ причинахъ. Но намъ еще разъ прійдется остановиться на нихъ подробнѣе, чтобы объяснить, какимъ образомъ случилось, что власть, упавшая такъ легко, подобно созрѣвшему плоду, въ руки большевиковъ, столь прочно и продолжительно удержалась за ними, вопреки ихъ собственнымъ первоначальнымъ предположеніямъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Почему большевики удержались у власти?

I

Демагогическія уступки солдатамъ, крестьянамъ, рабочимъ. — Миръ, земля, контроль. — Преобладаніе политическаго элемента у большевиковъ. — Начало дѣятельности Ленина (1890 — 1903 г.г.). — «Генеральная репетиція» 1905 г. — Большевики и совѣты 1905 года. — «Ленинизмъ 1917 года и марксизмъ». — Противорѣчіе съ русскимъ государственнымъ распадомъ.

Въ цитированной выше брюшюрѣ: «Удержатъ ли большевики государственную власть» Ленинъ откровенно изложилъ планъ той беззастѣнчивой и не признающей границъ демагогіи, которая поставила большевиковъ въ особенно выгодное положеніе сравнительно со всѣми другими, болѣе совѣстливыми политическими партіями. Какъ могутъ большевики не удержать власти? По двумъ наиболѣе интересующимъ массы вопросамъ, аграрному и національному, только «одни они способны вести рѣшительную политику: провести немедленныя революціонныя мѣры противъ помѣщиковъ и немедленно же возстановить полную свободу Финляндіи, Бѣлоруссіи, мусульманъ и т. д.». Въ вопросѣ о войнѣ тоже «только пролетаріатъ, достигшій власти, сразу предложитъ справедливый миръ и пойдетъ на дѣйствительно революціонныя мѣры» для его скорѣйшаго достиженія. Только «пролетаріатъ» можетъ взять въ свои руки — не какой - нибудь «государственный контроль» надъ производствомъ и распредѣленіемъ — «это просто буржуазно - реформистская фраза», а «именно всенародный рабочій контроль», какъ аппаратъ «соціалистической революціи». «Когда послѣдній чернорабочій, либо безработный, каждая кухарка, всякій разоренный крестьянинъ увидитъ, что пролетарская власть... беретъ лишніе продукты у тунеядцевъ, вселяетъ принудительно безпріютныхъ въ квартиры богачей, что земли переходятъ

къ трудящимся, фабрики и банки подъ контроль рабочихъ, что за укрывательство богатства ждетъ милліонеровъ немедленная и серьезная кара,... тогда.. поднимутся милліоны борцовъ..., и никакія силы капиталистовъ и кулаковъ... не побѣдятъ народной революціи». Возражаютъ, что пролетаріатъ «не сможетъ технически овладѣть государственнымъ аппаратомъ», арміей, полиціей, чиновничествомъ? Ленинъ признаетъ, что это дѣйствительно, «одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ». Но не даромъ Марксъ училъ, что «пролетаріатъ долженъ не просто овладѣть государственной машиной, а разбить ее и замѣнить ее новой». Новая машина — это «совѣты», созданные «народнымъ творчествомъ революціонныхъ классовъ». Если бы ихъ не было, «то пролетарская революція въ Россіи была бы дѣломъ безнадежнымъ». Но разъ они есть, въ нихъ имѣется на лицо и «вооруженная сила рабочихъ и крестьянъ, тѣсно связанная съ массами, и средство держать эту силу въ рукахъ, и «организаціонная форма авангарда» угнетенныхъ классовъ, и, наконецъ, «возможность соединить выгоды парламентаризма съ выгодами непосредственной и прямой демократіи, т. е. соединеніе и законодательной функціи и исполненія законовъ». Нужно, конечно, сохранить, «кромѣ угнетательнаго аппарата арміи, полиціи и чиновничества, аппаратъ *учетно - регистраціонный*». Этотъ аппаратъ подготовленъ капитализмомъ для соціализма въ видѣ «банковъ, синдикатовъ, почты, потребительскихъ обществъ, союзовъ служащихъ». «Государственный банкъ съ его отдѣленіями въ каждой волости, при каждой фабрикѣ, — это уже *девять десятыхъ* соціалистическаго аппарата». Остается лишь «отрѣзать, отрубить отъ него капиталистовъ съ ихъ нитями вліянія»....

Такъ упрощенно представлялась Ленину задача, предстоявшая ему послѣ захвата власти. Фактически, онъ приступилъ послѣ захвата власти къ ея исполненію еще болѣе упрощенно. Демагогическая часть — раздѣлъ добычи — здѣсь уже безусловно преобладала. Надо было немедленно удовлетворить каждую изъ соціальныхъ группъ, помощь которыхъ была нужна, давъ каждой то, что было ей обѣщано. Это и было сдѣлано самымъ примитивнымъ образомъ, не спрашивая о томъ, насколько принимаемыя мѣры соотвѣтствовали задачамъ «коммунизма». «Миръ» арміи, «земля» крестьянамъ, «рабочій контроль» пролетаріату: таковы были требованія этихъ группъ въ періодъ мартовской революціи.

Миръ, земля и контроль были обѣщаны, правда, и другими партіями. Но, при существованіи временнаго правительства, армія должна была ждать рѣшенія союзниковъ, чтобы заключить миръ. Крестьяне должны были ждать земли отъ учредительнаго собранія, а созывъ учредительнаго собранія приходилось отложить до созданія мѣстныхъ органовъ самоуправленія, которыя могли бы гарантировать правильные и свободные выборы. Народности должны были также ждать рѣшенія учредительнаго собранія для размежеванія территорій и опредѣленія предѣловъ автономій. Рабочимъ приходилось дѣлить контроль надъ фабриками съ государственными учрежденіями. Во всѣхъ этихъ случаяхъ конкурентами являлись большевики и въ самой наглядной формѣ предлагали: возьмите все это сами — и сейчасъ же. Именно *эти* обѣщанія, данныя въ такой непосредственной формѣ, они и принялись осуществлять тотчасъ же послѣ захвата власти, для ея закрѣпленія за собой. Солдатамъ они говорили, по существу, въ декретѣ 28 октября 1917 года, т. е. тотчасъ послѣ переворота: «идите навстрѣчу германцамъ въ любомъ мѣстѣ фронта и заключайте перемиріе за собственный страхъ».Крестьянамъ уже 25 октября, въ сáмый день переворота, они совѣтовали: «не ждите рѣшенія учредительнаго собранія, осуществляйте немедленно то, что вы рѣшили на крестьянскомъ съѣздѣ въ іюнѣ». Народностямъ они заявляли 2 ноября: «вы свободны располагать собой, *вплоть до отдѣленія* и образованія независимыхъ государствъ». Наконецъ, рабочимъ они говорили (декретъ 1 ноября): «идите къ владѣльцамъ и къ управляющимъ вашей фабрики и скажите имъ, что вы получили право раскрыть ихъ торговыя книги, опредѣлить размѣры производства и цѣны фабрикатовъ, словомъ, сами вести каждое отдѣльное предпріятіе».

По мѣрѣ того, какъ выяснялась программа «рабоче - крестьянской диктатуры», соперники большевиковъ, меньшевики, съ недоумѣніемъ и злорадствомъ спрашивали: гдѣ же тутъ соціализмъ? Болѣе или менѣе намѣчена только *политическая* сторона — методы захвата власти. Экономическая же программа совершенно отсутствуетъ или не идетъ дальше той, изъ-за которой ушелъ изъ министерства Коноваловъ. Однако же большевизмъ, выставляя именно такую программу и проводя свою безпринципную тактику, былъ только вѣренъ самому себѣ. Въ самомъ своемъ происхожденіи, въ борьбѣ, которую въ девяностыхъ

годахъ XIX вѣка вели «революціонные марксисты» противъ «легальныхъ марксистовъ» (Струве), потомъ въ борьбѣ «Искры» первой (ленинской) редакціи противъ марксистскаго экономизма въ 1900-1903 г. г., затѣмъ при столкновеніяхъ мнѣній на Лондонскомъ съѣздѣ 1903 года, гдѣ произошло впервые формальное раздѣленіе на «большевиковъ» (т. е. получившихъ большинство па этомъ съѣздѣ) и «меньшевиковъ», — наконецъ, во всей дальнѣйшей борьбѣ этихъ двухъ группъ партіи с. д. ленинское направленіе постоянно подчеркивало тѣ же самыя черты — преобладаніе политики и революціоннаго бланкизма надъ экономикой и эволюціонной «научностью». Въ этомъ отношеніи Ленинъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Уже настаивая на рѣзкомъ выдѣленіи членовъ партіи отъ сочувствующихъ, на крайней централизаціи партіи, какъ «передового отряда» рабочаго класса, на монополизаціи руководства партіей въ рукахъ «профессіональныхъ политиковъ», на устраненіи колеблющихся «интеллигентовъ» и на выдвиженіи впередъ готовыхъ подчиниться дисциплинѣ рабочихъ, Ленинъ имѣлъ въ виду, какъ свою послѣднюю практическую задачу, созданіе изъ партіи сплоченнаго отряда для захвата власти и для использованія государства въ цѣляхъ классовой борьбы, — какова бы ни была къ тому моменту степень экономической зрѣлости страны. При большой готовности вступать во временныя соглашенія, хотя бы и съ «либералами» — смотря по положенію революціонной «конъюнктуры», — Ленинъ никогда не хотѣлъ смѣшиваться или сливаться не только съ ними, но даже и съ «содѣйствующими» изъ состава «пролетаріата». Прежде всего, проповѣдывалъ онъ, надо «отмежеваться», а потомъ уже вліять на однихъ и сговариваться съ другими. Это - та же самая тактика, которую, какъ увидимъ, Ленинъ примѣнилъ и при созданіи третьяго интернаціонала (см. главу V-ая стр.). Та же «твердокаменность» и безразборчивость отличаетъ его методы уже въ самый моментъ выдѣленія изъ безформенныхъ с. д-кихъ группъ — кадровъ будущей партіи большевиковъ. Вы говорите: я ввожу «осадное положеніе», «ежевыя рукавицы», говорилъ онъ Мартову,лидеру меньшевиковъ на II съѣздѣ (1903)? «Да, вѣрно. По отношенію къ неустойчивымъ и шаткимъ элементамъ мы не только можемъ, мы обязаны создавать «осадное положеніе» ... Весь нашъ утвержденный отнынѣ съѣздомъ централизмъ есть не что иное, какъ «осадное положеніе» для столь многочисленныхъ источниковъ полити-

ческой расплывчатости. Противъ расплывчатости именно и нужны особенные, хотя бы и исключительные законы; и сдѣланный съѣздомъ шагъ... создалъ прочный базисъ для *такихъ* законовъ и *такихъ* мѣръ». А Плехановъ, поддерживавшій на этомъ съѣздѣ Ленина, приложилъ эту тактику къ демократіи. Присоединяясь къ заявленію делегата Посадовскаго, что «всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены выгодамъ нашей партіи», Плехановъ произнесъ свои памятныя слова: «Успѣхъ революціи—высшій законъ. Если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или иного демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться... Мыслимъ случай, когда мы, соц.-демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Если бы выборы (въ парламентъ) оказались неудачными, то намъ нужно бы было стараться разогнать его не черезъ два года, а, если можно, то черезъ двѣ недѣли». Когда въ 1917 г. Ленинъ заставилъ большевиковъ сперва провозгласить лозунгъ «вся власть совѣтамъ», а затѣмъ захватить власть мимо совѣтовъ и разогнать не въ «двѣ недѣли», а въ двадцать четыре часа учредительное собраніе, онъ лишь примѣнялъ тотъ же принципъ: salus revolutionis — suprema lex. И конечно, *политическая* проблема въ такой моментъ совершенно отодвигала на второй планъ проблему *экономическую* *).

Первая русская революція 1905 г. дала возможность Ленину произвести, по его выраженію, «Генеральную репетицію 1917 г.» Въ противоположность колебавшимся меньшевикамъ, большевики рѣшительно пошли мимо государственной думы, которую бойкотировали, къ захвату власти вооруженнымъ возстаніемъ «пролетаріата» подъ собственнымъ руководствомъ. Ленинъ признавалъ тогда, что русская революція будетъ буржуазной, ибо Россія – отсталая экономически страна, въ которой преобладаетъ крестьянство, а пролетаріатъ недостаточно организованъ. Онъ признавалъ и то, что вводить соціализмъ въ Россіи, когда кругомъ нея соціализмъ не введенъ въ странахъ съ несравненно болѣе развитой промышленностью, — безнадежное дѣло. Но это не мѣшало ему съ тѣмъ же упорствомъ идти по единственному пути, который онъ

*) О борьбѣ Ленина съ «легальными марксистами», съ «экономистами, съ меньшевиками на II съѣздѣ см. «Исторію В. К. Ж.», т. I, выпускъ первый, подъ ред. Ем. Ярославскаго, Гос. изд. 1926, главы V-VIII. См. также «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, Русск. Рев. Архивъ, Берл. 1924.

зналъ и въ который онъ вѣрилъ, — до той точки, до какой позволитъ очередная революціонная ситуація. А эта ситуація рисовалась ему въ 1905 г.и даже въ началѣ 1906 г.какъ похожая на 1847 годъ, а не на 1849 (т. е. канунъ революціи, а не расплата за нее). И онъ заявлялъ: «Мы не остановимся на полупути(т. е. на завоеваніи свободъ для буржуазіи)... Въ Россіи — *двѣ* разнородныхъ соціальныхъ войны: одна въ нѣдрахъ современнаго самодержавно-крѣпостническаго строя, другая въ нѣдрахъ будущаго, уже рождающагося на нашихъ глазахъ буржуазно - демократическаго строя. Одна общенародная борьба за демократію, т. е. за самодержавіе народа; другая - классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей за соціалистическое устройство общества». Въ первой борьбѣ онъ готовъ былъ помочь бѣднымъ безпомощнымъ либераламъ, которые сами ничего не умѣютъ сдѣлать; но по мѣрѣ того, какъ они добьются того, что нужно и ему, онъ самъ поведетъ вторую, классовую борьбу за соціалистическое устройство. Тутъ, можетъ быть, не было предусмотрѣно, что эта вторая борьба начнется слишкомъ рано и слишкомъ скоро броситъ власть въ руки Ленина. «Доведеніе революціи до конца» уже въ 1905 г. означало для Ленина «революціонный переворотъ, полное сверженіе самодержавія, отстраненіе непослѣдовательной и своекорыстной буржуазіи, революціонно - демократическую диктатуру пролетаріата и крестьянства». Безполезно спрашивать, вѣрилъ - ли, дѣйствительно, Ленинъ тогда въ такой конецъ, какъ утверждалъ, и думалъ ли онъ о томъ, что будетъ дѣлать дальше съ «диктатурой». Во всякомъ случаѣ, этотъ путь и тогда велъ не черезъ государственную думу — и даже не черезъ «временное правительство», а прямымъ путемъ на совѣты» и на «вооруженное возстаніе». Форма «совѣтовъ» такъ удобно противопоставлялась формамъ «демократіи» — и въ *экономическомъ* смыслѣ (какъ «федерація коммунъ» на революціонномъ языкѣ XIX вѣка) и въ особенности въ *политическомъ* смыслѣ — какъ готовые наслѣдники и воспреемники власти. Совѣтъ рабочихъ (а за нимъ и «крестьянскихъ» и «солдатскихъ») депутатовъ 1905 г. появился независимо отъ большевиковъ, почти автоматически, какъ естественная форма самочиннаго представительства массъ. Но въ исторіи этого совѣта можно прослѣдить любопытную параллель съ 1917 г.И тогда въ совѣтѣ уже шла ожесточенная борьба большевиковъ съ конкурентами меньшевиками и съ с.р-ами за превращеніе совѣта въ классовую

пролетарскую организацію, а затѣмъ — въ центръ агитаціи за вооруженное возстаніе. «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ», заявлялъ Ленинъ въ ноябрѣ 1905 г., «не рабочій парламентъ и не органъ самоуправленія, а боевая организація для достиженія опредѣленныхъ цѣлей.» И въ 1906 г. онъ подтверждалъ, что совѣты, «несмотря на всю ихъ зачаточность, стихійность, неоформленность, расплывчатость въ составѣ и въ функціонированіи..., были именно *органы власти...*, зародыши новаго... революціоннаго правительства.. Это была въ зачаткѣ *диктатура* революціонныхъ элементовъ народа»*).

Когда прошелъ періодъ упадка и разложенія 1907 - 1917 г. и сложилась новая революціонная ситуація, Ленинъ, какъ мы видѣли, снова пошелъ тѣмъ же путемъ. Его мысль была по прежнему устремлена на непосредственное разрѣшеніе *политической* задачи — захвата власти. Обстановка оказалась выгоднѣе; сопротивленіе — слабѣе. И онъ на этотъ разъ «дошелъ до конца». Но, занятый своей единственной навязчивой идеей, онъ пришелъ къ концу, если не съ пустыми, то съ полупустыми руками. Разработаны были опять - таки только методы захвата власти. Въ ожиданіи своего часа, въ августѣ - сентябрѣ 1917 г., Ленинъ написалъ свое политическое дополненіе къ Марксу; «Государство и революція», гдѣ пытался связать свой большевизмъ съ коммунизмомъ Маркса періода «коммунистическаго манифеста» 1848 г. Основная идея книжки та, что съ каждой новой революціонной вспышкой Марксъ и Энгельсъ все совершеннѣе разрабатывали свое ученіе о революціонномъ захватѣ власти; но только онъ, Ленинъ, единственный правильный истолкователь Маркса, доведетъ это ученіе до полнаго совершенства и законченности, сообщивъ ему надлежащую глубину**).

---

*) О бойкотѣ Думы и борьбѣ съ меньшевнками см. «Письма Мартова». Роль Ленина въ революціи 1905 г. и его пониманіе роли «совѣтовъ» см.въ «Очеркахъ по исторін совѣтовъ раб. депутатовъ» П. Горнна, изд. Комм. у-та имени Свердлова, Москва, 1925 стр. 21, 24, 47 - 49, 55. 58-61, 65. О прецедентахъ «совѣтовъ» въ европейскомъ революц. двнженіи см. Wilhelm Mautner, Der Bolschevismus, Voraussätzungen (Geschichte). Theorie, zugleich eine Untersuchung seines Verhältnisses zu Marxismus, Berl.-Stuttg.-Leipzig-Hohlhammer, 1920, стр. 274-294. См. тоже объ эластнчностн понятія «совѣтовъ» Мартова, «Міровой Большевизмъ»,Берлинъ, 1923,стр. 29-42.

**) Дѣльный анализъ этого сочиненія Ленина н очень продуманное сопоставленіе его съ подлинными идеями Маркса см. въ только что названномъ сочнненіи Маутнера, стр. 127-219. Ср. также Мартова, «Міровой большевизмъ», 61-93.

Въ чемъ суть этого единственнаго вклада Ленина въ марксизмъ? Она очень проста — въ стилѣ Колумбова яйца. Вся ошибка предшественниковъ Ленина — въ томъ, что послѣ ожидаемаго революціоннаго переворота они слишкомъ скоро собирались приступить къ полному уничтоженію государства. Зачѣмъ? Вѣдь Ленинъ знаетъ, что сразу соціализма ввести нельзя. Въ промежуткѣ пусть государство сыграетъ свою роль: по существу ту же самую, которую оно играло для буржуазіи; но пусть теперь оно сыграетъ эту роль для новаго побѣдителя - пролетаріата. «Государство, по Марксу, есть органъ классоваго господства, органъ порабощенія одного класса другимъ». Отчего же не воспользоваться этимъ органомъ — именно какъ органомъ порабощенія — для порабощенія самихъ «поработителей»? «Авангардъ пролетаріата» (а мы знаемъ, что это — партія большевиковъ), способный захватить власть и повести все общество къ соціализму, *нуждается* въ государствѣ, какъ централизованной организаціи силы и насилія — и для подавленія сопротивленія эксплуататоровъ, и для руководства массами населенія». Мы уже знаемъ, что «демократическіе принципы» при этомъ подавленіи можно отбросить въ сторону. «Мы не утописты. Намъ нужна соціалистическая революція при наличности такой человѣческой природы, *какова она теперь*. Эта природа не можетъ существовать безъ подчиненія... Она должна подчиняться вооруженному авангарду..., пока народъ не пріучится соблюдать элементарныя условія соціальнаго существованія безъ насилія и безъ подчиненія». Одной этой оговорки, очевидно, достаточно, чтобы отсрочить ad calendas graecas полную отмѣну государства, какая считалась сама собой разумѣющейся при введеніи соціалистическаго строя. А въ ожиданіи, — «такъ какъ государство есть только переходное учрежденіе, которое мы должны использовать въ революціонной борьбѣ для того, чтобы силой раздавить нашихъ противниковъ, — совершенно нелѣпо говорить о государствѣ *свободнаго народа*. Пока пролетаріатъ *вообще* нуждается въ государствѣ, онъ нуждается въ немъ *не въ интересахъ свободы*, а въ интересахъ сокрушенія враговъ». Итакъ, ленинистская «диктатура» пролетаріата есть принципіально и фактически диктатура насилія меньшинства, «авангарда». Она начинается съ разрушенія стараго государственнаго аппарата, арміи и чиновничества, и съ замѣны его новымъ рабочимъ персоналомъ, для котораго не надобно спеціальной выучки, такъ какъ въ «пролетарскомъ» государствѣ всѣ

функціи выборныхъ и смѣняемыхъ администраторовъ сводятся къ *контролю* и регистраціи — за одинаковую для всѣхъ рабочую плату — надъ дѣятельностью крупныхъ общественныхъ организацій («по примѣру почты»).

Безъ всякаго сомнѣнія, построеніе Маркса и Энгельса, хотя Ленинъ и старается передать его по возможности собственными словами учителей, является здѣсь безмѣрно упрощеннымъ. Предрѣшивъ соціалистическій переворотъ въ странѣ, которая даже не перешла еще изъ вполнѣ натуральнаго хозяйства въ индустріальный періодъ, Ленинъ, естественно, долженъ былъ оттородить себѣ, въ предѣлахъ марксовской доктрины, особую неприкосновенную сферу, куда не проникала бы критика конкурентовъ меньшевиковъ *). Онъ достигаетъ этого, забронировывая то «переходное» состояніе между «буржуазнымъ» государствомъ и полнымъ уничтоженіемъ государства при соціализмѣ, къ созданію котораго ему не терпится приступить путемъ вмѣшательства партіи въ «буржуазную революцію» и немедленнаго захвата власти вооруженнымъ «авангардомъ» пролетаріата — отъ его имени. Что «вооруженный авангардъ», разрушивъ государственный аппаратъ и истребивъ буржуазію, все-таки не сможетъ сразу создать коммунизма (высшій родъ соціализма) — это для Ленина ясно. Но, чтобы пріобрѣсти право на революціонный переворотъ и на захватъ власти, нужно же разсчитывать на созданіе чего - то существенно новаго. Ленинъ ищетъ этого въ туманномъ понятіи «полугосударства» и «неполнаго коммунизма», которые и будутъ сутью этого перехода отъ пролетарскаго государства къ полной безгосударственности.

---

*) Троцкій и Парвусъ въ 1905-6 г. г. пошли дальше меньшевиковъ,
но не дотянули до ленинской концепціи. Онн не вѣрятъ, какъ и мень-
шевнки, въ возможность немедленной соціалнстнческой революціи, но
не хотятъ мириться н на остановкѣ революціи въ фазисѣ «буржуазной
республики». Онн поэтому провозглашаютъ «перманентную» револю-
цію, которая должна длиться до достиженія фазиса соціалистической
революціи. Идея Леннна идетъ дальше идеи «перманентной» революціи
въ томъ отношеніи, что допускаетъ, разъ «пролетаріатъ» у власти, не
только борьбу за соціалнзмъ, но и самое осуществленіе соціализма въ
его подготовнтельной стадіи, Ленинъ пользуется при этомъ, какъ вид-
но изъ вышеприведенной цитаты, марксистской идеей о постепенномъ
созрѣваніи «въ лонѣ» буржуазнаго строя — будущаго соціалистическа-
го строя, который, созрѣвъ, легко сбрасываетъ («арестъ 100 капиталн-
стовъ»!) капиталистическій строй, какъ отвалнвающуюся шелуху. Пра-
вда, въ основной своей тактнкѣ Ленинъ тотчасъ же забываетъ про эту
ндею, осуждающую a limine весь его экспериментъ. Но въ этомъ и
заключается неясность и запутанность исходныхъ точекъ «ленннизма».
О «перманентной» революціи Троцкаго въ 1905 г. см. Варейкиса.
Внутрипартійныя разногласія (отношеніе партіи къ троцкизму). Госизд.
1925. 45-60.

Вотъ его попытка описать эту «первую и низшую ступень» коммунистическаго общества въ терминахъ марксизма.

«Средства производства уже вышли изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ. Средства производства принадлежатъ всему обществу. Каждый членъ общества, выполняя извѣстную долю общественно - необходимой работы, получаетъ удостовѣреніе отъ общества, что онъ такое-то количество работы отработалъ. По этому удостовѣренію онъ получаетъ изъ общественныхъ складовъ предметовъ потребленія соотвѣтственное количество продуктовъ. За вычетомъ того количества труда, которое идетъ на общественный фондъ, каждый рабочій, слѣдовательно, получаетъ отъ общества столько - же, сколько онъ ему далъ».

Такимъ образомъ въ первой фазѣ коммунистическаго общества (которую обычно зовутъ соціализмомъ), «буржуазное право» отмѣняется **не** вполнѣ, а лишь отчасти, лишь въ мѣру уже достигнутаго экономическаго переворота, т. е. лишь по отношенію къ средствамъ производства. «Буржуазное право» признаетъ ихъ частной собственностью отдѣльныхъ лицъ. Соціализмъ дѣлаетъ ихъ **общей** собственностью. Постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадаетъ.

Но оно остается все же въ другой своей части, остается въ качествѣ регулятора (опредѣлителя) распредѣленія продуктовъ и распредѣленія труда между членами общества.

«Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть» — этотъ соціалистическій принципъ **уже** осуществленъ; «за равное количество труда равное количество продукта», — и этотъ соціалистическій принципъ **уже** осуществленъ. Однако, это еще не коммунизмъ, и это еще не устраняетъ «буржуазнаго права», которое неравнымъ людямъ за неравное (фактически неравное) количество труда даетъ равное количество продукта».

«Государство отмираетъ, поскольку капиталистовъ уже нѣтъ, **подавлять** поэтому какой бы то ни было **классъ** нельзя.

Но государство еще не отмерло совсѣмъ, ибо остается охрана «буржуазнаго права», освящающаго фактическое неравенство. Для полнаго отмиранія государства нуженъ полный коммунизмъ». *)

Мы сейчасъ увидимъ, что и въ этомъ, довольно широко отгороженномъ пространствѣ для соціальнаго экспериментированія въ подготовительной *еще* «государственной» фазѣ, Ленину не удалось умѣститься. Тутъ было бы умѣстно вспомнить замѣчаніе Энгельса, что когда доктринеры получаютъ власть, иронія исторіи

---

*) Н. Ленинъ. Государство и революція, Изд. «Коммуниста», М. 1919, стр. 117, 119, 120.

принуждаетъ ихъ дѣлать противоположное тому, что предписывала ихъ школьная доктрина. Во всякомъ случаѣ, уже и здѣсь отклоненіе отъ марксизма настолько велико, что правильнѣе оставить за ленинской концепціей русское названіе — большевизма или, какъ повелось послѣ его смерти, «ленинизма». Конечно, Марксъ не вовсе безъ вины въ ленинской конструкціи. Ибо есть два Маркса: энтузіастъ революціонеръ 1848 года, котораго ловитъ на словахъ Ленинъ, и реалистъ — ученый позднѣйшаго времени, котораго онъ принужденъ игнорировать. Но во всякомъ случаѣ, Марксъ не думалъ ни сужать понятія государства до исключительно принудительной классовой организаціи, ни идти къ соціализму мимо демократіи, ни разумѣть подъ «диктатурой пролетаріата» — организованное насиліе олигархическаго меньшинства надъ всѣмъ народомъ, ни, въ особенности, насильственно вводить соціализмъ безъ соотвѣтственнаго уровня экономическаго развитія и т. д. За все это отвѣтственъ исключительно ленинскій большевизмъ и, можетъ быть, въ качествѣ послѣдней заграничной моды — революціонный синдикализмъ Жоржа Сореля и его единомышленниковъ*).

Естественно, что, очутившись у власти со своей упрощенной и руссифицированной доктриной, большевизмъ долженъ былъ почувствовать необходимость дальнѣйшихъ немедленныхъ приспособленій къ русской дѣйствительности. Непримиримый и твердокаменный въ доктринѣ и въ основной своей цѣли, Ленинъ, какъ мы знаемъ, былъ безпредѣльнымъ оппортюнистомъ въ выборѣ средствъ. Русская государственность, въ состояніи тогдашняго разрушенія,

---

*) Резюмирующее сопоставленіе разногласій между Марксомъ — Энгельсомъ и Ленинымъ см. въ книгѣ Маутнера, 212 - 220; тамъ же 214-215 и попытка объясненія противорѣчій въ самомъ Марксѣ. О сходствѣ идей большевизма и революціоннаго синдикализма см. тамъ же, 297-307. Въ англійскомъ и нѣмецкомъ изданіи настоящей книги и, особенно, въ моей книгѣ Bolchevism, an international danger (22-31), я посвятилъ больше вниманія сходству идей Ленина съ идеями Жоржа Сореля въ его Reflexions sur la violence, впервые напечатанныхъ въ Mouvement Socialiste, въ 1906 г. (послѣднее изданіе съ предисловіемъ о Ленинѣ) и другихъ писателей революціонно - синдикалистской плеяды (Ed. Berth, Pouget, Lagardelle, Mertheim, Broillet, Bousquet, Bled, Challaye и др). Я предполагалъ тутъ вліяніе русской революціи (большинство произведеній революціонныхъ синдикалистовъ появилось въ 1906 и 1908 г. г., см. напр. списокъ, приложенный къ книгѣ Arthur Lewis), толкнувшее синдикализмъ на революціонный путь и въ свою очередь обратно повліявшее черезъ революціонно - синдикалистскихъ писателей на болѣе рѣшительныя отклоненія Ленина отъ Маркса (отказъ отъ демо-

прежде всего нуждалась не въ дальнѣйшемъ «разрушеніи аппарата», а въ его скорѣйшемъ возстановленіи. Чтобы имѣть вообще какую - либо власть, приходилось прежде всего возстановить машину управленія. Чтобы было что распредѣлять и потреблять, надо было наладить производство. Большевики, такимъ образомъ, сразу очутились передъ дилеммой: или вводить хотя бы «неполный коммунизмъ», или укрѣплять государственность, необходимую для всякаго правительства. Но когда выборъ становился между сохраненіемъ власти или осуществленіемъ доктрины, они разумѣется безъ всякаго стѣсненія предпочитали первое послѣднему, въ какія бы противорѣчія съ самими собой это ихъ ни вводило. Вотъ почему изъ этихъ двухъ линій ясна и отчетлива только одна: средства сохраненія власти. Другая линія — осуществленіе пролетарской доктрины — чрезвычайно извилиста, прерывиста и сбивчива. Внести хотя бы нѣкоторое внѣшнее подобіе осуществленія «неполнаго коммунизма» помогъ только тотъ «государственный соціализмъ», который они унаслѣдовали отъ временнаго и царскаго правительства, какъ печальный результатъ государственнаго напряженія военнаго времени. И когда потомъ, оглядываясь заднимъ числомъ на безпорядочное экспериментированіе первыхъ годовъ власти, большевики хотѣли обозначить его отсталый, не - соціалистическій характеръ, они привыкли говорить: то была пора «военнаго коммунизма». Сравнительно съ нимъ, даже и «государственный капитализмъ» представлялся огромнымъ прогрессомъ — или великой уступкой.

кратіи и парламентаризма, ученія о «сознательномъ авангардѣ», о захватѣ власти меньшинствомъ, о революціонной борьбѣ, какъ благѣ самой по себѣ, независимо отъ практическихъ послѣдствій, объ Action directe и т. д. Разумѣется, и Сорель претендуетъ, какъ Ленинъ, что онъ только возстановляетъ подлиннаго Маркса «Коммунистическаго манифеста» 1847 г., — искаженнаго реформистскими послѣдователями. Ленинисты, однако отвергаютъ прямое вліяніе Сореля на Ленина — и въ этомъ изданіи я намѣренно подчеркиваю единство мысли и тактики Ленина съ дореволюціонныхъ временъ до 1917 г. Сходство ленинизма и рев. синдикализма, въ концѣ концовъ, дѣйствительно, можетъ объясняться, по Зомбарту тѣмъ, что у нихъ «одинъ отецъ — Марксъ и одна мать — революція». Ленина отталкивало отъ синдикализма преобладаніе въ немъ экономическаго элемента надъ политическимъ. Естественно, съ другой стороны, что Мартовъ (Міровой большевизмъ, 89) ищетъ связи ленинизма съ анархосиндикализмомъ именно вслѣдствіе выдвиженія въ революціонномъ синдикализмѣ политическаго элемента.

Въ настоящей главѣ мы прослѣдимъ параллелизмъ обѣихъ указанныхъ линій: прерывистой съ постоянными уклонами линіи осуществленія пролетарской доктрины и весьма твердо и послѣдовательно развивавшейся линіи самосохраненія на позиціи захваченной «надъ» пролетаріатомъ диктатуры.

II.

Причины колебаній при осуществленіи пролетарской доктрины. — Россія — ступень для міровой революціи. — Русская революція — первая, но только міровая революція сдѣлаетъ ее соціалистической.— Разсчетъ на близкіе сроки. — Національзація крупнаго капитала. — Три періода націонализаціи промышленности. — Націонализація торговли, внутренней и внѣшней. — Подходъ къ соціалистической системѣ распредѣленія и къ элиминаціи денежнаго обмѣна. — До соціализма далеко. — Противорѣчія правительственныхъ мѣръ и дѣйствительности. — Непрочность всей системы.

Нерѣшительность, съ которой большевики приступили къ осуществленію соціалистической (или «коммунистической») стороны своей доктрины, несомнѣнна. Можно спорить только относительно причинъ этой нерѣшительности. Самая главная изъ нихъ — это уже указанная неясность представленія объ экономической сторонѣ предпринятой большевиками соціальной революціи. Конечно, если бы тутъ была на лицо та степень ясности, которую предполагаетъ истинный, нефальсифицированный Ленинымъ марксизмъ, то, можетъ быть, не было бы и самой октябрьской революціи. Но нельзя все относить на счетъ этой неясности. Мы знаемъ уже, что, готовясь къ революціонному перевороту, Ленинъ понималъ, что ввести въ Россіи соціализмъ *сразу* невозможно. На выручку тутъ являлись двѣ дополнительныя идеи, кое - какъ прикрывавшія коренное отступленіе отъ основной идеи Маркса, что соціальная революція должна быть подготовлена въ «лонѣ» капиталистическаго строя, настолько, чтобы оставалось только громадному большинству эксплуатируемыхъ экспропріировать немногихъ эсклуататоровъ, завладѣвъ готовыми формами синдицированныхъ или соціализированныхъ предпріятій. Обрывки этой основной идеи прорываются и у Ленина («арестовать сто капиталистовъ», овладѣть банками и трестами и т. д.). Но ему, все же,

не можетъ быть неясно, что до *такой* степени индустріализаціи, которая дѣлаетъ подобный переходъ теоретически легкимъ, Россія не дошла. Тутъ и является на помощь, во - первыхъ, та идея переходнаго періода (овладѣнія современнымъ государствомъ для ускоренной подготовки безгосударственнаго строя), о которой мы уже говорили. Вторая вспомогательная идея состоитъ въ простомъ переложеніи того, что невозможно для Россіи, на болѣе подготовленныя индустріальныя государства Запада. *Россія не можетъ* сразу стать соціалистическимъ государствомъ. Но она можетъ, создавъ у себя пролетарскую власть, что ей легче сдѣлать именно по причинѣ ея отсталости (слабость буржуазіи и т.д.), помочь затѣмъ *другимъ*, болѣе подготовленнымъ для соціализма индустріальнымъ странамъ, произвести *у себя* соціальныя революціи. Потомъ она получитъ отъ нихъ помощь для русскаго пролетаріата, чтобы превратить и Россію, въ какой - то неопредѣленный срокъ, въ соціалистическое общество. За неимѣніемъ лучшаго, именно эта вторая наивная и безпомощная идея становится для большевиковъ настоящимъ символомъ вѣры. Мы подойдемъ къ ней ближе, когда будемъ говорить о третьемъ интернаціоналѣ (V глава). Но это — настолько *центральная* и неизбѣжная идея въ общемъ построеніи большевизма, она такъ полно объясняетъ беззаботность большевиковъ относительно вопросовъ, достаточно ли подготовленъ ихъ собственный экспериментъ, долго - ли они останутся у власти, слѣдуетъ ли имъ немедленно приступать къ введенію соціализма или можно обождать Западныхъ революцій, — что необходимо уже здѣсь установить ея теоретическое мѣсто. Мы знакомы съ идеей связи между всемірной революціей и русской, — ибо это есть идея Циммервальда (стр. 52 - 60). Но мы разсматривали циммервальдизмъ, главнымъ образомъ, какъ *средство*, какъ орудіе для устройства революцій. Переходя къ вопросу о *цѣли*, о внутреннемъ содержаніи этихъ революцій, циммервальдцы неизбѣжно сталкивались съ вопросомъ, насколько, при различіи національныхъ условій въ каждой странѣ, эти цѣли и содержаніе должны быть одинаковы или различны. Бернская конференція заграничныхъ группъ р. соц. дем. раб. п. уже 1 ноября 1914 г., т. е. въ самомъ началѣ войны, вынесла резолюцію, которая такимъ образомъ различила вкладъ разныхъ государствъ въ это міровое событіе. «Гражданская война, которую революціонная соціалъ - демократія дѣлаетъ своимъ лозунгомъ въ настоящую эпоху, означаетъ

борьбу пролетаріата съ оружіемъ въ рукахъ противъ буржуазіи (1) за экспропріацію класса капиталистовъ въ руководящихъ капиталистическихъ странахъ, (2) за демократическую республику въ Россіи, (3) за республику въ другихъ отсталыхъ монархіяхъ». Ленину оставалось прибавить къ этой формулѣ только ту мысль, что Россія будетъ *первой* въ ряду соціальныхъ революцій, поставленныхъ на очередь міровой войной *).

До нѣкоторой степени онъ и тутъ *могъ* прикрыться марксизмомъ. Марксъ, какъ извѣстно, еще въ 1882 г. написалъ свои знаменитыя слова въ предисловіи къ русскому переводу Коммунистическаго манифеста, сдѣланнаго Вѣрой Засуличъ: «когда (или «если») русская революція *станетъ сигналомъ рабочей* революціи на Западѣ — такъ что обѣ дополнятъ одна другую -- то современная русская община можетъ послужить исходнымъ пунктомъ развитія коммунизма». Нѣтъ нужды напоминать, что это народническое представленіе объ общинѣ уже было опровергнуто самими русскими марксистами, опиравшимися, между прочимъ, и на фактъ дальнѣйшаго разложенія общины. Фраза Маркса была подхвачена Ленинымъ, какъ пророчество (см. выше его слова Грумбаху), и, отправляясь въ Россію въ апрѣлѣ 1917 г., онъ писалъ въ своемъ прощальномъ письмѣ швейцарскимъ рабочимъ: «русскому пролетаріату выпала на долю великая задача *начать* рядъ революцій, которыя съ объективной необходимостью созданы имперіалистической войной..... Мы очень хорошо знаемъ. что

---

*) См. заявленіе Ленина въ концѣ 1915 г. (Соч. XIII. 212-213): «военный кризисъ усилилъ экономическій и политическій факторы, толкающіе (мелкую буржуазію) и **крестьянство**, въ томъ числѣ, влѣво. Въ этомъ объективная основа возможности побѣды демократической революціи въ Россіи. Что въ Зап. Европѣ вполнѣ созрѣли объективныя условія соціалистической революціи, этого намъ нѣтъ надобности доказывать здѣсь: это признавали до войны всѣ вліятельные соціалисты во всѣхъ передовыхъ странахъ». Позднѣе, послѣ совершившихся фактовъ, Ленинъ отчетливѣе формулировалъ причины, почему въ Россіи, «въ конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуаціи 1917 г., было легко **начать** соціалистическую революцію, тогда какъ **продолжать** ее и довести до конца Россіи будетъ труднѣе, чѣмъ европейскимъ странамъ». А именно, въ Россіи сложились «специфическія условія»: 1) возможность соединить совѣтскій переворотъ съ окончаніемъ, благодаря ему, имперіалистской войны, невѣроятно измучившей рабочихъ и крестьянъ; 2) возможность использовать на извѣстное время смертельную борьбу двухъ всемірно могущественныхъ группъ имперіалистическихъ хищниковъ, каковыя группы не могли соединиться противъ совѣтскаго врага; 3) возмож-

русскій пролетаріатъ слабѣе организованъ и менѣе подготовленъ духовно, чѣмъ рабочій классъ другихъ странъ... (но) особыя историческія условія сдѣлали русскій пролетаріатъ на *возможно краткій промежутокъ времени* передовымъ борцомъ революціоннаго пролетаріата всего міра. Россія - земледѣльческая страна, одна изъ самыхъ отсталыхъ среди всѣхъ европейскихъ странъ. Соціализмъ не можетъ немедленно побѣдить теперь же въ Россіи. Но крестьянскій характеръ страны можетъ — имѣя въ виду крупное феодальное землевладѣніе—, какъ показалъ опытъ 1905 г., дать громадное развитіе буржуазно - демократической революціи въ Россіи, сдѣлать ее *прологомъ соціалистической мировой революціи* и тѣмъ создать *вступленіе* къ ней». У этой мысли есть, конечно, и обратная сторона: *если* міровой революціи не будетъ, тогда становится невозможна и соціальная революція въ Россіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ судорожнѣе будетъ большевистская мысль цѣпляться поэтому за шансы міровой революціи, какъ за условіе введенія соціализма въ Россіи. Но въ 1917 г. никакихъ сомнѣній еще нѣтъ въ душѣ Ленина; и онъ кончаетъ свое письмо къ швейцарскимъ рабочимъ увѣренной фразой: «мы непобѣдимы, *потому что* непобѣдима интернаціональная пролетарская революція».

Такимъ образомъ, Россія являлась, прежде всего, средствомъ для рѣшенія міровой задачи. Такъ какъ эта задача должна была рѣшиться въ ближайшія «недѣли» и мѣсяцы (впослѣдствіи появились «годы» и «десятки лѣтъ»), то нечего было особенно заботиться о *немедленномъ* введеніи соціализма въ Россіи. Это придетъ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ побѣдой соціализма во всемъ мірѣ; те-

---

иость выдержать сравиительио долгую граждаискую войиу, отчасти благодаря гигантскимъ размѣрамъ страиы н худымъ средствамъ сообщеиія и 4) иаличиость такого глубокаго буржуазно-демократическаго революціониаго движеиія въ крестьяиствѣ, что партія пролетаріата взяла революціоииыя требоваиія у партіи крестьянъ (с. р.) и сразу осуществила ихъ, благодаря завоеванію политической власти пролетаріатомъ». См. «Детская болезиь левизиы в коммуиизме» (1920 со ссылкой на 1918), стр. 53-54. Что касается «продолжеиія и доведенія до коица» русской соціалистической революціи, Леиинъ всегда представлялъ себѣ ясно, что «соціальная революція въ такой страиѣ (съ меиьшинствомъ рабочихъ и громадиымъ большинствомъ мелкихъ земледѣльцевъ) можетъ имѣть окоичательиый успѣхъ **лишь прн двухъ** условіяхъ (одииаково иеосуществимыхъ П. М.): во - первыхъ, при условіи поддержки ея своевремеиио соціальиой революціей въ одной или иѣсколькихъ передовыхъ страиахъ. Другое условіе — это соглашеиіе между осуществляющимъ свою диктатуру или держащимъ въ своихъ рукахъ государственную власть пролетаріатомъ и большиииствомъ крестьяискаго иаселеиія». См. докладъ «о продовольствеииомъ кризисѣ» иа X съѣздѣ 1921 г. (Соч. XVIII. стр. 137, 133.).

перь же нужно прежде всего укрѣпить власть, чтобы помочь міру въ его побѣдѣ. Для укрѣпленія власти, долженствующей послужить выполненію такой великой міровой задачи и спасти всю міровую цивилизацію отъ окончательной гибели, — всѣ средства дозволены.

Этотъ ходъ мыслей объясняетъ, почему большевизмъ послѣ своей побѣды, въ разсчетѣ, пока въ кратчайшій срокъ исполнятся событія, не столько задался мыслью объ организаціи производства, сколько предался самому безразсчетливому использованію всѣхъ наличныхъ средствъ, накопленныхъ старымъ режимомъ. Ему нужно было въ ближайшій моментъ бросить на міровую арену возможно большую вооруженную силу на помощь міровому «пролетаріату». Большевизмъ спѣшилъ пользоваться властью и потому,что вообще на долгое существованіе въ Россіи онъ завѣдомо не разсчитывалъ. Мы имѣемъ рядъ признаній самыхъ крупныхъ большевиковъ, что ихъ разсчетъ удержаться у власти не простирался первоначально дальше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ этотъ короткій срокъ нужно было выжать изъ Россіи все, что она могла дать для мірового пожара. Наградой былъ предстоящій успѣхъ, въ которомъ Ленинъ, этотъ фанатикъ и маньякъ единой идеи — несомнѣнно искренній — не хотѣлъ сомнѣваться.

Въ соотвѣтствіи со своими первоначальными, неясными и неполными идеями объ экономической сторонѣ переворота Ленинъ на другой день послѣ побѣды опубликовалъ два декрета. Одинъ изъ нихъ націонализировалъ банки (см. о ихъ роли стр. 123.). Другимъ — крупныя землевладѣльческія хозяйства передавались въ распоряженіе мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, — все еще съ оговоркой, что окончательное рѣшеніе принадлежитъ учредительному собранію. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду сразу нанести тяжелый ударъ *крупному* капиталу — движимому и недвижимому. Частная собственность вообще при этомъ не была затронута. Среднее и мелкое землевладѣніе осталось неприкосновеннымъ, а владѣльцамъ небольшихъ капиталовъ было разрѣшено получать съ ихъ текущихъ счетовъ въ банкахъ по 1.500 рублей ежемѣсячно.

Съ такой же нерѣшительностью большевики приступили къ вопросу о націонализаціи промышленности. Мы видѣли, что выполняя свои демагогическія обѣщанія, они сразу расширили рабочій контроль надъ фабриками почти до предѣловъ управленія предпрія-

тіями. Но до самаго 1 августа 1918 г. они прибѣгали къ «націонализаціи» (точнѣе, къ секвестру) фабрикъ, только какъ къ способу сломить сопротивленіе владѣльцевъ предпріятій этому расширенному контролю. Еще въ ноябрѣ 1918 г. Ленинъ признавалъ, что принятыя правительствомъ мѣры «неполны и противорѣчивы», и объяснялъ это тѣмъ, что «нельзя вводить соціализмъ, прежде чѣмъ рабочій классъ не научится руководить и поддерживать свой авторитетъ». И дѣйствительно, практика рабочаго контроля показала полную нелѣпость этой мѣры. Прежде всего, контроль былъ индивидуальный — надъ каждой фабрикой отдѣльно, при посредствѣ комитета, составленнаго изъ ея рабочихъ. Въ результатѣ получился полный хаосъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе пытались замѣнить хозяевъ. Но по большей части они сохраняли прежнюю администрацію и весьма энергично защищали права старыхъ владѣльцевъ, сознавая, что отъ этого зависитъ успѣшный ходъ дѣла и, слѣдовательно, исправное полученіе заработной платы. Полученными правами, прежде всего, они воспользовались, чтобы какъ можно больше повысить заработную плату и сократить часы работы. Вмѣсто восьмичасоваго дня, введеннаго уже при временномъ правительствѣ, рабочіе проводили на фабрикѣ четыре-пять часовъ непроизводительнаго труда. Большевикамъ пришлось принимать и постепенно усиливать мѣры для возстановленія дисциплины и увеличенія производительности труда (см. третій томъ, глава VII) *).

Слѣдуя своимъ руководящимъ идеямъ, большевики признали неудачу и круто перемѣнили тактику, отказавшись отъ непосредственнаго контроля рабочихъ надъ промышленностью. Примѣръ новаго подхода подала практика, установившаяся во время войны при царскомъ строѣ и сохраненная временнымъ правительствомъ. Существовалъ рядъ центральныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ распредѣленіемъ сырья (топлива, кожъ, льна, хлопка, металловъ), и комитетовъ, объединявшихъ отдѣльныя отрасли промышленности. Большевики уже 18 декабря 1917 г. создали «всероссійскій совѣтъ народнаго хозяйства» (ВСНХ или Совнархозъ), цѣлью котораго было вначалѣ «централизовать управленіе мѣстными учрежденіями рабочаго контроля». Но мы видѣли, что это не удалось. Тогда, начиная съ февраля 1918 г., при ВСНХ

---

*) О рабочемъ контролѣ см. Simon Zagorsky, La république des Soviets, bilan économique, Payot, 1921. Paris, 8-22.

появились вспомогательныя организацiи для централизацiи контроля: «главки» и «центры»: главсахаръ, главбумага, главлѣсъ, центрочай, центромыло и т. д. Въ мартѣ 1918 такихъ центральныхъ управленiй, незамѣтно ограничивавшихъ «рабочiй контроль», было уже 15, къ началу 1919 г. — 51, охватившихъ всѣ отрасли производства. Одинъ изъ главныхъ членовъ ВСНХ, Ларинъ признавался, что вмѣстѣ съ Рыковымъ ввелъ эти учрежденiя самочинно, никого не спрашивая, простыми объявленiями въ оффицiозѣ. Постепенно эти «центры» заняли мѣсто рабочихъ комитетовъ и такимъ образомъ бюрократизировали управленiе промышленностью. Внутри самихъ «главковъ» и «центровъ» главная роль перешла отъ общихъ собранiй къ «президiуму». Конечно, при этомъ отъ «рабочаго» контроля осталось очень мало: президiумы состояли изъ профессiоналовъ или обольшевиченныхъ интеллигентовъ; рабочихъ туда попало весьма мало. *)

Только послѣ этихъ двухъ перiодовъ хаотическаго «рабочаго контроля» и бюрократическихъ «главковъ» (о трестахъ мы будемъ говорить впослѣдствiи) наступилъ во второй половинѣ 1918 г. перiодъ окончательной «нацiонализацiи». И тутъ большевики еще продолжали колебаться: Ларинъ продолжалъ стоять за «контроль», Бухаринъ за нацiонализацiю. Всеобщая нацiонализацiя всей промышленности была декретирована только 28 iюня 1918 г., неожиданно для самихъ большевиковъ и по случайному поводу. Ларинъ велъ въ Берлинѣ переговоры о дополнительномъ (торговомъ) договорѣ къ Брестъ-Литовскому. Нужно было охранить русскую промышленность отъ неумѣренныхъ германскихъ претензiй. Единственный способъ для этого былъ — объявить всю промышленность государственной монополiей, такъ какъ государственныя монополiи по Брестъ-Литовскому договору (п. 3) освобождались отъ договорныхъ условiй. Ларинъ телеграфировалъ объ этомъ 25 iюня Ленину, — и черезъ три дня появился декретъ о нацiонализацiи. Разумѣется, офицiальная мотивировка декрета была иная: онъ издавался «съ цѣлью болѣе дѣйствительной борьбы противъ экономическаго разстройства и продовольственныхъ безпорядковъ и для *упроченiя диктатуры* бѣдноты и рабочаго класса». Но и послѣ того нацiонализацiя всей промышленности

*) О перiодѣ централизацiи въ «главкахъ» и «центрахъ». см. **Zagorsky, o. c. 22-26, 30-31.**

осуществилась не сразу. Ходъ ея будетъ виденъ изъ слѣдующихъ цифръ національзированныхъ предпріятій:

Отъ 1 декабря 1917 до 15 мая 1918	304 предпріятія
Отъ 15 мая до 1 сентября 1918	401 "
Отъ 1 сентября 1918 до 1 января 1919	420 "

Только къ концу 1919 г. общая цифра національзированныхъ предпріятій поднялась до 4.000; и Рыковъ могъ сказать: «это означаетъ, что почти вся промышленность находится въ рукахъ органовъ совѣтскаго государства и что частная промышленность совершенно исчезла» *).

Еще труднѣе было національзировать сразу частную торговлю. Мы впослѣдствіи увидимъ, что это вообще не удалось сдѣлать въ полной мѣрѣ. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ лишь въ мартѣ 1918 г. — тоже по спеціальному поводу. При извѣстномъ уже намъ разстройствѣ транспорта и вообще взаимоотношеній между городомъ и деревней, при общемъ крахѣ продовольственнаго дѣла и возраставшихъ явленіяхъ голоданія городского населенія было необходимо — не для введенія соціализма, а просто для возстановленія элементарнаго равновѣсія между сельскимъ и городскимъ производствомъ и потребленіемъ — урегулировать ихъ взаимоотношенія въ порядкѣ государственнаго вмѣшательства. Система твердыхъ цѣнъ и система пайковъ были введены уже при старомъ режимѣ, сохранены и расширены при временномъ правительствѣ. Недостатки этой системы пополнялись частными заказами и экспедиціями учрежденій, добровольческимъ «мѣшочничествомъ». Съ тѣмъ и другимъ мы встрѣтимся позднѣе и при большевикахъ. Но имъ, конечно, было легче провести этотъ «государственный капитализмъ» до крайнихъ послѣдствій. Вынужденные организовать обмѣнъ между деревней и городомъ, они столкнулись съ нежеланіемъ крестьянъ продавать хлѣбъ за деньги — и это нежеланіе росло по мѣрѣ того, какъ цѣна денегъ падала (см. гл. VII). Нужно было дать деревнѣ за хлѣбъ не деньги, а мануфактурные товары. Этимъ и занялся «Комиссаріатъ продовольствія» («Компродъ») вмѣстѣ съ «Главпродуктомъ». Напр., на апрѣль и май 1918 г. «Компродъ»

---

*) О ходѣ «національзаціи» промышленности см. Zagorsky, 33-35 39-43.

выработалъ планъ распредѣленія въ деревнѣ 182 милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей. На мартъ-іюнь было намѣчено къ распредѣленію 19 милл. аршинъ сукна; въ іюлѣ — 3 милл. фунтовъ чая и т. д. При новости дѣла и при недостаткѣ товаровъ исполнить эти планы было чрезвычайно трудно. Ситца было распредѣлено до августа только 6% указаннаго количества; сукна только 13%; чая (по 1/15 фунта въ городѣ, 1/30 фунта въ деревнѣ) только 51% и т. д. Наложить руку на запасы, находившіеся въ частной торговлѣ, было при такомъ положеніи весьма соблазнительно. Большевики начали съ опредѣленія твердыхъ цѣнъ на всѣ эти товары. Для этой цѣли въ каждомъ городѣ съ населеніемъ не меньше 10.000 жителей были образованы спеціальные комитеты. Наличные запасы товаровъ были приведены въ извѣстность и регистрированы. Но твердыя цѣны постоянно отставали отъ рыночныхъ, въ виду обезцѣненія денегъ. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ до окончательнаго рѣшенія, которое и было принято 9 октября 1918 г.: національзировать всю внутреннюю торговлю и сконцентрировать регистрацію и распредѣленіе продуктовъ въ рукахъ «Компрода» съ его провинціальными отдѣленіями, «губкомпродами», «уѣздкомпродами» и «горкомпродами», а доставку продуктовъ въ рукахъ «Главпродукта». Всѣ лавки и магазины съ этого момента были закрыты, ихъ содержимое использовано для распредѣленія въ городѣ и деревнѣ, а цѣна конфискованнаго товара присоединена къ текущимъ счетамъ владѣльца въ національномъ банкѣ. Иногда частнымъ торговцамъ позволялось, впрочемъ, продолжать веденіе торговли въ качествѣ государственныхъ приказчиковъ *).

Національзировать внѣшнюю торговлю было, конечно, гораздо легче, и это было сдѣлано раньше. Торговый флотъ былъ объявленъ національной собственностью 8 февраля 1918 г., а внѣшняя торговля національзирована 21 апрѣля 1918 г. Въ это время, какъ увидимъ впослѣдствіи, размѣры этой торговли спустились до крайне ничтожныхъ цифръ, и пресловутая «блокада»

*) О ходѣ національзаціи торговли см. Zagorsky. 117—120, 136—143. О пайкахъ и твердыхъ цѣнахъ — тамъ же, 120 — 136. Ростъ цѣнъ предметовъ потребленія виденъ будетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Мука ржаная, пудъ: **1918 г.,** январь — 60 руб., іюнь — 250 р., декабрь — 400 р., **1919 г.** февраль — 800 руб. Мясо фунтъ — въ тѣ же сроки: 2,87 р. — 5.90 — 16.70 — 30, масло (фунтъ) — 10 р., 14 р., 20 р., 120 р.

большевиковъ не могла много прибавить къ той фактической изоляціи Россіи, которая получилась въ результатѣ міровой войны еще до октября 1917 г. Внѣшнимъ поводомъ для національзаціи заграничной торговли послужило подписаніе Брестъ-Литовскаго мира. Какъ видно изъ доклада Рыкова 25 января 1920 г., большевики не обманывали себя относительно ближайшихъ послѣдствій этой мѣры. «Было бы большой ошибкой», говорилъ Рыковъ, «считать, что снятіе блокады или заключеніе мира могутъ хоть сколько нибудь смягчить нашъ сырьевой кризисъ. Напротивъ, ихъ послѣдствіемъ будетъ увеличеніе потребности въ сырьѣ, такъ какъ сырье — это единственный предметъ, который Россія можетъ дать Европѣ и который можетъ служить базой для торговаго обмѣна ». *)

Послѣ того, какъ національзація промышленности и торговли стала совершившимся фактомъ, считали-ли большевики, что ими начато или можетъ быть начато введеніе въ Россіи соціалистическаго строя? На словахъ, а иногда можетъ быть и по убѣжденію, мы встрѣчаемъ немало утвержденій подобнаго рода въ печатныхъ и устныхъ выступленіяхъ большевиковъ въ тѣ годы. Система «распредѣленія» и обмѣна мануфактурныхъ продуктовъ на земледѣльческіе — система, начатая, правда, уже правительствами времени войны, — казалось, давала возможность обходиться безъ посредниковъ и безъ денежныхъ операцій. Казалось, остается только дополнить національзацію промышленности — «промышленнымъ производствомъ хлѣба въ совѣтскихъ имѣніяхъ» («совхозахъ», такъ и называвшихся: «фабрики хлѣба») и «натурализовать» рабочую плату, т. е. платить за трудъ не деньгами, а товарами, и можно будетъ перейти къ полной отмѣнѣ денегъ. Принципъ — «кто не трудится, тотъ не ѣстъ», былъ уже провозглашенъ въ совѣтской конституціи. Жалованье спеціалистовъ было уравнено съ жалованьемъ рабочихъ...

Но главные вожди соціализма не обманывали себя относительно скромнаго значенія всего достигнутаго. Ленинъ уже въ апрѣлѣ 1918 г. былъ принужденъ сознаться, что процессъ осуществленія даже и «неполнаго коммунизма» подвигается впередъ крайне медленно. Онъ предложилъ начать форменное «окруженіе» и осаду капитала. Примѣненные до сихъ поръ методы, признавалъ

---

*) Zagorsky, 117, 49-52.

Ленинъ,«скорѣе имѣютъ видъ методовъ завоеванія, чѣмъ правильнаго управленія. Даже книжки для контроля обязательной трудовой повинности еще не введены. Надо двигаться впередъ медленно и постепенно, провѣряя каждый сдѣланный на ощупь шагъ практическими результатами». И Красинъ въ своемъ докладѣ петроградскому совѣту р. и с. д. 25 октября 1918 г. откровенно заявлялъ: «На пути отъ капиталистическаго производства къ соціалистическому режиму мы проходимъ черезъ режимъ т. наз. государственнаго капитализма... Мы знаемъ, что для того, чтобы дойти до соціалистическаго режима, намъ нужно еще долго трудиться».

Очевидно, разрушать «буржуазный» режимъ оказалось труднѣе, чѣмъ низвергнуть «буржуазное» правительство. Это было тѣмъ труднѣе, что большевики застали этотъ режимъ въ процессѣ разложенія книзу, а не развитія кверху, какъ требуется для перехода къ соціализму настоящимъ марксизмомъ. Они заговаривали объ отмѣнѣ денегъ, когда приходилось не только прибѣгать къ худшему виду денегъ — бумажкамъ, но и безмѣрно увеличивать инфляцію, повышая дороговизну жизни съ быстротою, за которой не могли поспѣть никакія перемѣны въ твердыхъ цѣнахъ. Они налаживали аппаратъ распредѣленія, когда подлежащіе распредѣленію запасы «награбленнаго» были уже распредѣлены, а новой продукціи не предвидѣлось. Они уничтожали частную инпціативу — и принуждены были прибѣгать къ ея суррогатамъ, въ томъ числѣ къ коопераціи, которую они своимъ прикосновеніемъ постепенно, начиная съ конца 1919 г., бюрократизировали, сдѣлавъ ее частью оффиціальнаго распредѣлительнаго аппарата и понудивъ все населеніе обязательно записываться членами коопераціи, — что фактически свелось къ полному уничтоженію значенія коопераціи. Въ той сравнительно тѣсной городской средѣ, гдѣ большевистская власть могла не только приказывать, но и слѣдить за исполненіемъ своихъ приказаній, эти распоряженія мертвили ткани живого соціальнаго организма или становились орудіемъ большевистской политики. Сюда, напр., относится система «пайковъ», при помощи которой власть отобрала новый персоналъ профессіоналовъ, готовыхъ служить совѣтской власти, и обрекала на медленную смерть «паразитарный» классъ «буржуазіи» и интеллигенціи, живущей умственнымъ трудомъ.

Въ общемъ итогѣ, большевики неизбѣжно выполняли не-

обходимую по тому моменту для *всякаго* правительства функцію — укрѣпленія власти послѣ войны и революціи. Но они дѣлали это способами, которые были дѣйствительны лишь на короткій промежутокъ времени. Продолженные долѣе срока, на который разсчитано было первоначально пребываніе большевиковъ у власти, тѣ же мѣры противорѣчили поставленной задачѣ и обращались противъ власти, употреблявшей эти средства. Создавая — въ лицѣ партіи — новый правящій классъ, почти касту, большевики изолировали себя отъ населенія. Захватывая въ руки всѣ источники производства, они подрывали самый нервъ производства, т. е. рубили тотъ сукъ, на которомъ сидѣли. Это элементарное безуміе, скоро перешедшее въ условную оффиціальную ложь, было настолько очевидно, что единственнымъ объясненіемъ того, какъ могли неглупые въ другихъ отношеніяхъ люди не замѣчать или игнорировать искусственность своего базиса, можетъ быть только одно, уже приведенное выше: *временный характеръ* поставленной себѣ *задачи*. Въ дальнѣйшихъ частяхъ изложенія мы увидимъ, какъ съ крушеніемъ этой предпосылки вышли наружу всѣ плохо скрытыя противорѣчія и какъ — уже не для того, чтобы вводить идеальный строй, а просто, чтобы существовать, большевикамъ пришлось выкинуть за бортъ одну за другой всѣ части той самой утопической доктрины, для осуществленія которой, съ огромными жертвами для родины, они совершили свой кровавый переворотъ.

III.

Три опоры власти. — Коммунистическая партія. — Поглощеніе ею государства. — Требованія разграниченія и отказъ вождей. — «Разрушительный процессъ». — Избирательное право и практика. — Собираніе Россіи. — Составъ коммунистической партіи. — Ядро и периферія. — Ленинскій призывъ.

Вводя, на ощупь, съ указанными колебаніями и отступленіями, подобіе «военнаго коммунизма», большевики, какъ мы видѣли, даже и этимъ воспользовались въ своихъ интересахъ, — чтобы централизовать въ своихъ рукахъ всѣ рессурсы разстроенной народной экономіи и тѣмъ укрѣпить основы своей власти. Но они не могли, конечно, не сознавать всей искусственности и непрочности этой постройки. И не на такомъ хрупкомъ финансово-экономическомъ базисѣ они разсчитывали построить свою силу.

Испанскіе замки интегральнаго или половиннаго соціализма — это было хорошо и здорово для Запада. У себя дома, на Востокѣ, Ленинъ предпочиталъ укрѣпиться на твердой скалѣ доброй старой самодержавной традиціи. И, оцѣнивая стиль его постройки, наши любители «Евразіи» не даромъ находили этотъ стиль — азіатскимъ.

Надежда или, лучше сказать, не надежда, а полная увѣренность большевиковъ, что они смогутъ сохранить власть, основывалась на трехъ опорныхъ массивахъ, на которыхъ выведено было все зданіе. Эти три опоры они возвели, въ противоположность колеблющейся тактикѣ введенія коммунизма, съ чрезвычайной послѣдовательностью и съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ какимъ-бы то ни было доктринамъ или моральнымъ сдержкамъ. Отрицаніе «демократизма» сказалось здѣсь въ полной мѣрѣ. Первой опорой была ихъ монопольная *партія* — это основное орудіе централизованнаго управленія. Вторая опора — *красная армія*. Третья — единственная въ исторіи, совершенно безпримѣрная система шпіонажа и *краснаго террора*. За десять лѣтъ господства примѣненіе этихъ средствъ варіировалось, и намъ придется еще возвращаться къ тому или другому изъ нихъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изложенія. Но уже теперь необходимо познакомиться съ каждымъ изъ нихъ, чтобы понять, почему большевики, захвативъ власть благодаря стеченію исключительно благопріятныхъ обстоятельствъ, затѣмъ не только удержались у власти, вопреки всѣмъ прогнозамъ, въ томъ числѣ и ихъ собственнымъ, но и создали такую систему неограниченнаго и безконтрольнаго властвованія, подобной которой не знаетъ исторія.

Первымъ и основнымъ орудіемъ ихъ господства явилась, какъ сказано, «РКП» или Россійская Коммунистическая Партія, въ 1925 г. перекрещенная въ ВКП, т. е. въ «Всесоюзную К. П.». Въ теоріи и на основаніи буквы конституціи, коммунистическая партія есть такое же частное учрежденіе, какъ и всякая другая партія. До лѣта 1918 г., пока въ составѣ правительства, въ союзѣ съ коммунистической партіей, участвовала въ управленіи партія лѣвыхъ соціалистовъ - революціонеровъ, РКП въ теоріи лишь «стремилась» къ преобладанію въ совѣтахъ. *Теоретически* можно было представить себѣ случай, когда она могла бы опять очутиться въ совѣтахъ въ меньшинствѣ, какъ было въ началѣ мартовской революціи 1917 г. Но практика, конечно, съ самаго начала разо-

шлась съ теоріей. Самъ Ленинъ никогда не скрывалъ, что его «пролетарская диктатура» есть самая неограниченная олигархія, правящая государствомъ непосредственно черезъ партію. «Партіей, собирающей ежегодно съѣзды», говоритъ онъ въ 1920 г., «руководитъ избранный на съѣздѣ Центральный комитетъ изъ 19 человѣкъ, причемъ текущую работу въ Москвѣ приходится вести еще болѣе узкимъ коллегіямъ, именно такъ называемымъ Оргбюро (Организаціонному бюро) и Политбюро (Политическому бюро), которыя избираются на пленарныхъ засѣданіяхъ Цска въ составѣ пяти членовъ Цска въ каждое бюро. *Выходитъ, слѣдовательно, самая настоящая олигархія.* Ни одинъ важный политическій или организаціонный вопросъ не рѣшается ни однимъ государственнымъ учрежденіемъ въ нашей республикѣ безъ руководящихъ указаній Цека партіи» *). Въ дѣйствительности и Цека отступаетъ на задній планъ передъ этой «пентархіей» Политбюро, какъ констатировали итальянскіе делегаты - соціалисты Нофри и Поццани, побывавшіе въ Россіи лѣтомъ 1920 г. и давшіе едва ли не первую правдивую картину положенія въ совѣтской республикѣ. Они засвидѣтельствовали, что съ февраля по іюнь 1920 г. Цека собрался только одинъ разъ, чтобы просто голосовать декларацію Лигѣ Націй и установить текстъ воззванія къ народу по поводу войны съ Польшей **).

Надо сказать, что такое положеніе характеризуетъ особенно начальный періодъ господства большевиковъ, когда система ихъ учрежденій не была еще разработана и когда требовались немедленныя мѣры въ порядкѣ военныхъ приказовъ. Тутъ уже дѣлать различіе между партійными органами и государственными учрежденіями совѣтскаго типа вовсе не приходилось. Тогда окончательно установилась практика, по которой партійные органы не только руководили, но и непосредственно управляли государствомъ. Такъ было даже по отношенію къ центральнымъ учрежденіямъ. Еще въ февралѣ 1921 г. «Коммунистическій трудъ» свидѣтельствуетъ: «дѣятельность центральнаго исполнительнаго комитета и совѣта народныхъ комиссаровъ (правительственныя учрежденія) замѣнена дѣятельностью центральнаго комитета партіи или, лучше сказать, его «политическаго бюро» и «организа-

*) Ленинъ, Детская болезнь, стр. 36.

**) La Russia com'é, Gregorio Nofri.—Fernando Pozzani, con prefazione di Filippo Turati, Firenze, Remporad, 8-19.

ціоннаго бюро». Они обыкновенно изучаютъ подробно всѣ текущія дѣла, которыя должны рѣшать совѣтскіе органы. Въ результатѣ дѣятельность центральнаго исполнительнаго комитета и совѣта народныхъ комиссаровъ получила чисто формальный характеръ. Министерства представляютъ законопроекты прямо въ центральный комитетъ (партіи) и затѣмъ приводятъ ихъ въ исполненіе независимо отъ центральныхъ органовъ власти» *). Тѣмъ болѣе это смѣшеніе партіи съ правительствомъ составляло постоянную черту провинціальныхъ учрежденій. «Практика военнаго періода» говоритъ оффиціальный отчетъ о дѣятельности РКП за 1922-23 гг., «неизбѣжно должна была сдѣлать изъ ЦК. и губернскихъ комитетовъ (партіи) мобилизаціонные аппараты, которые наспѣхъ набирали и выбрасывали на наиболѣе опасные пункты нашихъ фронтовъ ударные группы мобилизованныхъ коммунистовъ. Эта чрезвычайная обстановка... накладывала свой отпечатокъ... и въ 1919, и въ 1920, и, отчасти, въ 1921 году. Мобилизаціи военныя, продовольственныя, на транспортъ слѣдовали одна за другой... Вся партія представляла собой дисциплинированную боевую армію». Естественнымъ послѣдствіемъ была *милитаризація и крайняя централизація партіи,* въ которой «методы партійной работы... тяготѣли къ системѣ боевыхъ приказовъ (резолюція X съѣзда)»**). Вся совѣщательная работа партіи атрофировалась, замерли періодическія собранія членовъ, распоряжались только исп. комитеты — и требовали безпрекословнаго повиновенія. Въ этотъ періодъ «переброска» рядового члена партіи съ одной должности на другую была постояннымъ правиломъ. Все это вызывало естественное противодѣйствіе изнутри партіи. Явились требованія ввести въ партіи «демократизмъ». Одновременно съ этимъ появившаяся въ партіи оппозиція требовала — разграниченія между аппаратомъ партіи и аппаратомъ совѣтовъ. И на первыхъ порахъ послѣ наступленія «мирнаго періода» съѣзды партіи (отъ VIII до XI) пошли навстрѣчу этимъ желаніямъ оппозиціи. Но скоро было замѣчено, что отдѣленіе государства отъ партіи въ корнѣ противорѣчитъ всей структурѣ «диктатуры

---

*) Цитата взята изъ книги Lydia Bach, Le droit et les institutions de la Russie Sovietique. Paris, 1923, стр. 85-6.

**) Итоги партійной работы за годъ (1922-1923). Изд. Красная Новь, Москва, 1923 г. стр. 34 - 35, Росс. Ком. Партія въ резолюціяхъ ея съѣздовъ, 2-е изд. Гос. Издат. Москва (1924), стр. 227.

пролетаріата», осуществляемой при помощи его «сознательнаго» и «вооруженнаго авангарда». И Ленинъ уже въ 1921 г. напоминалъ: «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституція совѣтской республики строится на томъ, что партія все исправляетъ, назначаетъ и строитъ по одному принципу... Партія управляетъ, руководитъ всѣмъ государствомъ, господствуетъ и должна господствовать надъ громаднымъ государственнымъ аппаратомъ». Къ концу жизни, въ 1923 году Ленинъ вернулся къ мысли о «фактическомъ и юридическомъ преобладаніи партіи надъ госаппаратомъ». Соотвѣтственно этому и XII съѣздъ партіи внесъ поправку, предостерегавшую «противъ слишкомъ расширительнаго толкованія» этихъ рѣшеній «о необходимости точнаго раздѣленія труда между партійными и совѣтскими организаціями»... «Въ переживаемый періодъ РКП руководитъ и должна руководить всей политической и культурной работой органовъ государственной власти, направляетъ и должна направлять дѣятельность всѣхъ хозяйственныхъ органовъ республики. Диктатура рабочаго класса не можетъ быть обезпечена иначе, какъ въ формѣ диктатуры его передового авангарда, т. е. компартіи». Такъ былъ формально признанъ принципъ диктатуры «надъ пролетаріатомъ». И Зиновьевъ въ знаменитой дискуссіи съ оппозиціей, къ которой мы вернемся въ другомъ мѣстѣ, уже послѣ смерти Ленина, заостряетъ его ученіе въ теорію «монополіи легальности» партіи. РКП «осуществляетъ диктатуру пролетаріата и именно потому является *единственной* легальной партіей въ Союзѣ Республикъ. Она раздавила всѣ остальныя политическія партіи, она оставила за собой монополію на свободу печати, монополію на свободу политической работы... Проявить себя политически или даже на хозяйственной аренѣ въ настоящую минуту можно только, входя въ нашу партію.... Нельзя осуществлять диктатуру пролетаріата, если коммунистическая партія не имѣетъ монополіи легальности» *). Мы увидимъ, какіе выводы сдѣлала изъ этого тезиса «оппозиція».

---

*) Резолюцію XII съѣзда см. въ «Р. К. Партія въ резолюціяхъ» стр. 335. Рѣчь Зиновьева. См. его же заявленіе на засѣданіи ком. фракціи XI съѣзда СССР («Правда» 8 февраля 1924): «мы незыблемо стоимъ на почвѣ пролетарской диктатуры, — желѣзной диктатуры... Взаимоотношенія партіи и государства должны остаться старыя: партія руководитъ, партія — душа всего, партія занимается не только агитаціей и пропагандой, какъ ей хотѣли подсунуть, а партія организуетъ, партія направляетъ, партія руководитъ совѣтской властью, партія — ея голова».

Конечно, теорія Зиновьева противорѣчитъ совѣтской конституціи, въ которой партія вовсе не упоминается. Но это не мѣшаетъ ей точно воспроизводить совѣтскую дѣйствительность. И хотя сама конституція даетъ уже достаточно лазеекъ, чтобы допустить партію къ непосредственному участію въ управленіи, но практика партійнаго управленія вовсе не нуждается въ этихъ формальныхъ лазейкахъ, — и вовсе не въ формальныхъ юридическихъ трудностяхъ заключались препятствія къ овладѣнію Россіей диктатурой коммунистической партіи. Главное изъ этихъ препятствій составлялъ на первыхъ порахъ тотъ распадъ Россіи — соціальный, административный, территоріальный, экономическій, на который мы уже указывали. Народный комиссаріатъ внутреннихъ дѣлъ приступалъ къ одолѣнію этого затрудненія съ идеями, отчасти напоминавшими тѣ, съ которыми мы встрѣтились на первыхъ шагахъ временнаго правительства (см. выше). Вотъ что писалъ въ оффиціальномъ «Вѣстникѣ» этого вѣдомства нѣкто С. Духовскій «о задачахъ мѣстнаго управленія» въ іюлѣ 1918 г. *). «Необходимыми органами управленія буржуазнаго государства были его неизмѣнные спутники: постоянная армія, полиція, бюрократія, духовенство, судейское сословіе. Коль скоро господствующимъ классомъ является пролетаріатъ, несомнѣнно, должны быть уничтожены до основанія всѣ корни буржуазнаго управленія государствомъ... Дабы закрѣпить за собой власть, надо.... уничтожить постоянное войско, стереть съ лица земли полицію, въ корнѣ подавить силу поповъ и замѣнить чиновниковъ выборными должностными, смѣняемыми во всякое время лицами... И только послѣ этой «разрушительной» работы выдвигается другая задача — «творческая», «которая состоитъ въ организаціи власти на мѣстахъ, соотвѣтственно новымъ заданіямъ революціи». Мы знаемъ, что первая задача, «разрушительная», была въ сущности фактически выполнена до большевиковъ, и они могли безпрепятственно приняться за вторую — созданіе «демократическаго централизма», съ различеніемъ «интересовъ мѣстныхъ и интересовъ общегосударственныхъ». Но на первое время мы присутствуемъ при новой стадіи «разрушительнаго» процесса. Орудіемъ его является то своеобразное избирательное право, которое, хочетъ замѣнить и «полицію, и бюрократію, и поповъ», — выборными и смѣняемыми.... членами партіи.

*) См. «Вѣстникъ нар. комиссаріата внутр. дѣлъ», № 18-19, 25 іюля 1918 г.

Какъ извѣстно, ст. 65 конституціи лишаетъ избирательнаго права опредѣленныя группы населенія по признаку ихъ «буржуазности», а ст. 23-я — по признаку политической неблагонадежности. Примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ и опредѣленіе деталей выборовъ зависитъ къ тому же отъ мѣстныхъ избирательныхъ коллегій (ст. 66 и 70), и, наконецъ, высшая инстанція по своему усмотрѣнію всегда можетъ отмѣнить выборы, «неправильно произведенные». (ст. 79). Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ тому, что никакихъ твердыхъ законодательныхъ опредѣленій для выборовъ въ совѣтской Россіи не существуетъ (за исключеніемъ, конечно, основного правила, фигурирующаго въ ст. 9-й конституціи: «это правительство имѣетъ цѣлью полное подавленіе буржуазіи»)*). Такимъ образомъ, неудивительно, что въ томъ же «Вѣстникѣ нар. комиссаріата внутр. дѣлъ» мы находимъ слѣдующее разъясненіе. «Основой и сутью совѣтскаго строя является то положеніе, что вся власть въ Сов. Россіи принадлежитъ *исключительно* рабочему классу и бѣднѣйшему крестьянству. Всѣ остальные классы по совѣтской конституціи лишены всякаго права вліять и участвовать въ управленіи страной. *Всякая попытка* какъ городской, такъ и сельской буржуазіи, кулаковъ и зажиточнаго крестьянства въ томъ числѣ, принимать *хотя бы косвенное участіе въ выборахъ* или даже въ простой предвыборной агитаціи есть *тягчайшее преступленіе противъ закона.* Еще *большимъ преступленіемъ,* конечно, считается участіе послѣдней въ совѣтахъ или ихъ исполнительныхъ органахъ. Оно и должно преслѣдоваться.... *по суду*... Революціоннымъ судомъ должна карать совѣтская Россія преступниковъ, нарушающихъ ея конституцію».

Это не только толкованіе журналиста.Въ томъ же номерѣ встрѣчаемъ циркулярную телеграмму комиссаріата за №7278, подписанную наркомомъ внудѣлъ Петровскимъ, гдѣ предписывается, въ виду того, что «въ послѣднее время наблюдаются попытки зажиточныхъ слоевъ деревни захватить въ свои руки совѣты путемъ участія въ выборахъ и даже въ работѣ въ сельскихъ, волостныхъ и уѣздныхъ совѣтахъ», а также въ виду того, что «совѣты, особенно волостные и сельскіе, часто не обраща-

*) Для подробностей см. книгу Бродовича. Анализъ литературы и общій выводъ см. также въ статьѣ Б. Миркина - Гецевича въ Revue du Droit Public, Avril-Mai-Juin, 1926: Le droit électoral soviétique. Leo Zaitzeff. Wahlrecht und Wahlpraxis in Sovietrussland, въ Osteuropa Zeitschrift, 1926, № 7.

ютъ на это вниманія, — арестовать и предать суду за нарушеніе совѣтской конституціи всѣхъ кулаковъ, принимавшихъ до сихъ поръ участіе въ выборахъ совѣтовъ и работающихъ въ нихъ». Устранивъ такимъ образомъ отъ самоуправленія здоровое населеніе деревни, большевики получили полную возможность замѣнить его партійными людьми. Но найти подходящаго персонала въ партіи они не могли, и получился результатъ, ярко описанный въ книжкѣ Нофри подлинными цитатами изъ красной печати» *). «Чуждыя принципамъ партіи» лица вписались въ нее только для того, чтобы стать «волостными диктаторами» и «сатрапами», терроризующими населеніе» (Правда, 14 января 1919). «Съ оружіемъ въ рукахъ они являлись къ бѣднякамъ, отнимали все необходимое, грозили убійствомъ, сѣкли въ случаѣ протестовъ розгами» (Веч. Извѣстія 12 февр., 1919). «Въ редакцію «Правды» со всѣхъ концовъ Россіи поступаютъ сообщенія, рисующія печальную картину: запуганное населеніе и безобразія членовъ партіи — представителей мѣстныхъ совѣтовъ» (письмо Осминскаго въ «Правдѣ» 25 декабря 1918). Частный примѣръ: «въ Макарьевѣ слѣдователемъ состоитъ старый городовой, записавшійся въ коммунисты. Продовольственнымъ комиссаромъ состоитъ урядникъ, секретаремъ труда — нижегородскій делегатъ, уволенный за взятки. Трудно говорить о вліяніи коммунистовъ на населеніе, которое видитъ въ ихъ рядахъ своихъ прежнихъ знакомыхъ изъ стараго режима» («Правда» № 281). Коммунистъ стараго склада, Мещеряковъ, пишетъ («Правда», 5 февр. 1919): «Всѣ видятъ насилія, всѣ знаютъ, что въ наши учрежденія вошли негодяи и бездѣльники; мы всѣ жалѣемъ объ ихъ присутствіи въ партіи; но очиститься отъ этой нечисти не можемъ; оглашать же факты — значитъ только рекламировать свинство, ибо практическіе результаты рѣдки». Не забудемъ, что все это «выборныя» власти на выборныхъ должностяхъ. Но условія, при которыхъ происходили выборы, только гарантировали полную безотвѣтственность и безнаказанность лицъ, выбранныхъ *по назначенію*. Вотъ для иллюстраціи одинъ изъ примѣровъ, приведенный Нофри изъ журнала «Соціалистъ» (№ 2, 6 апрѣля 1920 г.). Политрукъ 270 полка Лапинъ обращается наканунѣ выборовъ къ рабочимъ фарфоровой фабрики со слѣдующимъ циркуляромъ: «Товарищи рабо-

*) Nofri, стр. 20-32.

чіе, вамъ предстоитъ трудная задача — выбрать комитетъ вашего синдиката. Вы должны избрать товарищей, которые будутъ вамъ полезны — людей, которые стоятъ за власть совѣтовъ. Чтобы избѣжать непріятностей, вы должны послать въ комитетъ только коммунистовъ, на которыхъ мы можемъ положиться. Въ спискѣ кандидатовъ я вижу только семь именъ товарищей, заслуживающихъ быть выбранными (слѣдуютъ имена). Предлагаю голосовать исключительно за нихъ. Если комитетъ окажется избраннымъ изъ другихъ лицъ, я его немедленно распущу и предложу вамъ повторить выборы». Мотивы оффиціальныхъ кандидатуръ и послѣдствія ихъ невыбора не всегда указываются такъ отчетливо, какъ въ этомъ документѣ. Но существо выборовъ, производимыхъ открытымъ голосованіемъ, здѣсь охарактеризовано полностью.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что передъ сопротивленіемъ крестьянства въ январѣ 1925 г. совѣтская власть принуждена была смягчить свою предвыборную тактику. Но изъ этихъ же смягченій мы видимъ, каковъ былъ вплоть до этого года общій обычай. Сельскія группы — какъ, впрочемъ, и городскія — составляли свои списки кандидатовъ, не опрашивая избирателей на предвыборныхъ собраніяхъ. Выдвигались въ кандидаты только коммунисты, притомъ одновременно занимавшіе административныя должности въ деревнѣ, т. е., непосредственное начальство избирателей. На голосованіе ставился обязательно одинъ только правительственный списокъ. Крестьяне, критически относившіеся къ дѣйствіямъ мѣстной совѣтской власти, просто лишались избирательнаго права (на это давалъ полное право — вышеупомянутый п. 23-й конституціи). Избиратели не оповѣщались о днѣ и мѣстѣ выборовъ, или оповѣщались всего за 18 часовъ. Списокъ лишенныхъ избирательныхъ правъ не вывѣшивался. Въ избирательныхъ комиссіяхъ не было представителей населенія, и провѣрки жалобъ на неправильность выборовъ фактически не существовало*). Сами большевики послѣ приступа къ реформѣ 1925 г. стали называть эту систему, выработанную въ эпоху «военнаго коммунизма», — системой «назначенства» и «командованія».

Надо признать, что, при желаніи командовать Россіей силами одной партіи и при трудности перехода отъ состоянія полнѣйшаго распада къ сколько - нибудь организованному управленію изъ центра — эта система «назначенства» была неизбѣжна. Въ уже ци-

*) См. предвыборную инструкцію Кагановича.

тированномъ «Вѣстникѣ ком. вн. дѣлъ», рядомъ съ приводившейся статьей Духовскаго — и въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ ней — находимъ другую статью В. Тихомирнова: «къ единству», которая очень наглядно рисуетъ процессъ этого перехода отъ распада къ объединенію подъ совѣтскимъ режимомъ. Здѣсь говорится о «собираніи разсыпавшейся территоріи въ первый періодъ революціи на рядъ какъ бы независимыхъ другъ отъ друга губернскихъ, уѣздныхъ и даже волостныхъ республикъ», какъ о процессѣ только что совершающемся и далеко незаконченномъ. Сообщаются при этомъ и интересные отдѣльные факты. «Недавно казанскимъ совдепомъ было вынесено постановленіе о прекращеніи именованія «казанской республикой». «Калужская республика также доживаетъ свои послѣдніе дни». Исчезаютъ постепенно и мѣстные «совнаркомы», замѣняясь наименованіями *«Исполнительныхъ комитетовъ»*. «Такъ же незамѣтно схлынулъ и водопадъ всевозможныхъ мѣстныхъ комиссаровъ, и происходитъ замѣна ихъ наименованіемъ «завѣдующаго отдѣлами Исп. Комитета.» Во многихъ мѣстахъ при мѣстныхъ исп. комитетахъ стали возникать «отдѣлы связи» (Ярославль, Орелъ, Смоленскъ и многіе другіе совдепы)... Крѣпится связь по губерніямъ. Созываются спеціальныя совѣщанія «завѣдующихъ связью» (тутъ же приложенъ и образцовый уставъ отдѣла связи при ярославскомъ губернскомъ исп. ком. совѣтовъ. Онъ начинается съ признанія, что «каждый совѣтъ росс. федер. республики образовался *снизу»,«революціоннымъ путемъ»,* съ «вполнѣ самостоятельной законодательной работой»;... «но опытъ показалъ, что существующая изолированность и обособленность дѣйствій совѣтовъ неизмѣнно влечетъ за собой вредный параллелизмъ», а потому отдѣлъ связи «ставитъ своей задачей устранить указанныя противорѣчія въ предѣлахъ Ярославской губерніи», т. е. покончить съ Ярославской «конфедераціей»).... Далѣе статья описываетъ, какъ управленіе, централизуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократизируется. «Крѣпится связь съ центромъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ поступать въ ЦИК и въ комиссаріатъ внутр. дѣлъ протоколовъ засѣданій исп. комитетовъ, сообщеній, отчетовъ... Часто, не успѣвъ еще и возникнуть, «отдѣлы связи» сливаются съ административными отдѣлами. Такъ было, напр., недавно въ Ярославлѣ... Благодаря этому налаживается постепенно и самъ административный аппаратъ, принимая форму отдѣловъ управленія» съ ихъ основными подотдѣлами: об-

щимъ, информаціонно - инструкторскимъ, милиціей и комиссіей по борьбѣ съ контръ - революціей (послѣдняя, правда, стоитъ еще изолированно отъ мѣстнаго административнаго аппарата)... Сами же совѣщанія «завѣдующихъ связью», не успѣвъ родиться, замѣняются съѣздами завѣдующихъ отдѣлами управленія, начальниковъ милиціи и т. д. Недавно такой съѣздъ закончился въ Ярославлѣ. «Облискомзап» сумѣлъ уже собрать два такихъ съѣзда. Были подобные съѣзды и въ другихъ областяхъ».

Какъ видимъ, процессъ собранія единой Россіи изъ мѣстныхъ «республикъ» — необходимая предпосылка для господства партіи надъ Россіей — пошелъ въ 1918 году довольно быстро. Въ ближайшемъ же номерѣ «Вѣстника пар. ком. вн. д.» (№ 20 отъ 25 августа 1918 года) находимъ интересную резолюцію съѣзда предсѣдателей губернскихъ совдеповъ, свидѣтельствующую о весьма централистскихъ настроеніяхъ въ этой средѣ. «Признаная безспорнымъ право трудящихся массъ всѣхъ націй на самоопредѣленіе», говорится здѣсь, «съѣздъ считаетъ, однако, что областное объединеніе, не оправдываемое практическими удобствами, хозяйственнаго и административно - финансоваго управленія, неизбѣжно принимаетъ характеръ политическаго сепаратизма, который, съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ совѣтскаго правительства, долженъ быть осужденъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Совѣтскія республики не есть республики совѣтовъ, а потому образованіе областныхъ объединеній, не покоящихся на принципахъ хозяйственно - экономическаго и административнаго удобства, а исходящихъ изъ національныхъ или политическихъ соображеній, объективно приводитъ къ борьбѣ не за интернаціональное движеніе, а за движеніе національное, буржуазно - сепаратистическое, — къ борьбѣ противъ соціализма». Надо прибавить, что резолюція эта была принята послѣ оживленныхъ преній, но не между сторонниками самоуправленія областей и сторонниками федераціи — послѣднихъ на съѣздѣ вовсе не было,— а между сторонниками полнаго централизма и сторонниками областного самоуправленія въ исключительныхъ случаяхъ. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи развернулся вопросъ о самоуправленіи подъ національными вліяніями (см. слѣд. главу).

При такихъ условіяхъ распада и собиранія Россіи строилась самая централистическая партія въ мірѣ. Созданая эту партію,Ленинъ уже имѣлъ въ виду примѣръ 130.000 помѣщиковъ—Паллон-

скихъ и Николаевскихъ «полицеймейстеровъ»,при помощи которыхъ управлялъ Россіей царь.Коммунистическая партія созидалась на началахъ особой привилегированной касты,которая должна была оставить далеко позади историческій образецъ россійскаго благороднаго дворянства.Не говоримъ уже о томъ,что только члены партіи обладали «монополіей легальности», которая ставила ихъ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ, лишеннымъ покровительства закона, — какъ особую высшую расу, какъ классъ завоевателей, пришедшихъ въ чужую страну, обитаемую низшей расой. Члены партіи, помимо особаго покровительства слитой съ закономъ власти, часть которой они составляли, пользовались также привилегіями, исключительно цѣнными при развалѣ матеріальнаго быта въ совѣтской Россіи. Они имѣли право на дешевую или даровую квартиру, получали даровое продовольствіе, пользовались правомъ передвиженія. Они получали мѣста на правительственной службѣ, пріобщавшія ихъ къ новому правящему классу и дававшія всѣ выгоды, соединенныя съ властью и съ злоупотребленіемъ властью въ странѣ безъ закона и правосудія. Борьба съ этими неограниченными правами во имя «совѣтской легальности» началась только въ 1925 году, когда уже сами крестьяне принялись убивать мѣстныхъ сатраповъ. Какъ же опредѣлялся составъ партіи въ результатѣ всѣхъ этихъ выгодъ?

Мы имѣемъ для отвѣта на этотъ вопросъ подробныя оффиціальныя данныя. Идейную основу партіи составили, конечно, тѣ ея дѣятели, которые за-границей и въ Россіи создали ее (1902 г.), подвергаясь всѣмъ преслѣдованіямъ царскаго режима. До начала 1917 года такихъ «подпольниковъ» было немного: оффиціальный отчетъ насчитываетъ ихъ 10.431 ч. (всего 2,7% состава партіи въ 1922 г.). Въ 1917 г. влилось въ партію изъ «резервуара лучшей части пролетаріата», т. е. рабочихъ распропагандированныхъ коммунистами (главнымъ образомъ, металлистовъ), 35.154 ч. (дальнѣйшіе 9,1%). Всего, такимъ образомъ, партія располагала въ моментъ своей побѣды около 50.000 членовъ (ок. 12%). Для созданія аппарата управленія этого было мало. Царь, по упомянутому выраженію Ленина, управлялъ Россіей съ 130.000 помѣщиковъ. Но подобрать новыхъ сотрудниковъ для партіи, рѣшившейся создать новый привилегированный классъ, было нетрудно. По признанію Зиновьева,*) «главный притокъ начинается въ

*) Рѣчь въ началѣ февраля 1924 г., на которую мы дальше будемъ ссылаться.

1918 г. и даже 1919 г., *только когда прочность* совѣтской власти стала вырисовываться болѣе ясно». Дѣйствительно, приростъ новыхъ членовъ партіи въ эти три рѣшающіе года составлялъ:

1918	63.643	(16,5%)
1919	107.840	(27,9%)
1920	121.789	(31,5%)
Всего	293.272	(75,9%)

Такимъ образомъ, семь восьмыхъ партіи (какъ она сложилась къ 1922 г.) пришли въ нее со стороны, послѣ ея побѣды. Естественно, что, какъ и признаетъ партійный отчетъ, при условіяхъ военнаго положенія «разбирать качества, масштабъ, способности, наклонности работниковъ было невозможно». Мы уже видѣли отчасти, каковъ былъ этотъ составъ. Партія пополнилась уголовными элементами, въ рядахъ которыхъ идейный элементъ потонулъ. «Вторая категорія», по словамъ того же отчета, — «это попутчики, карьеристы и прочіе мелко - буржуазные элементы». На службу къ большевикамъ, какъ извѣстно, пошли «спецы», т. е. не только большинство прежнихъ служащихъ въ учрежденіяхъ, но и большинство класса свободныхъ профессій. Въ тѣ годы не было другого способа спасти себя отъ голодной смерти. Къ этой категоріи, главнымъ образомъ, относится насмѣшливое прозвище, данное Троцкимъ: «рѣдиски» — красные снаружи, но бѣлые внутри. *)

Только послѣ окончательной побѣды надъ «бѣлымъ» движеніемъ большевики получили досугъ для приведенія въ извѣстность пестраго состава своей партіи. Къ 1921 г. относится первая регистрація членовъ партіи — очень неполная — и первая ея «чистка» отъ чуждыхъ ей элементовъ. Впрочемъ, чистка эта облегчалась тѣмъ, что въ это же время вводилась «Новая экономическая политика» (см. о ней VII главу). Чуждые элементы, «примкнувшіе къ партіи по выгоднымъ для себя причинамъ, отошли отъ партіи, какъ только выступила на свѣтъ родная имъ стихія, торговля и проч.». Особенно ярокъ былъ отходъ крестьянства, вошедшаго въ партію «въ 1920 году, когда шелъ разгромъ бѣлыхъ и освобо-

*) Итоги парт. работы 1922 - 23 г. г., стр. 34, 38, 113, 119.

ждались окраины». Нижеслѣдующія цифры оффиціальнаго отчета показываютъ, въ какой степени быстро прошло увлеченіе крестьянства партіей — увлеченіе, объясняемое, очевидно, вліяніемъ ошибочной тактики «бѣлыхъ» (см. главу VI) *).

Было въ партіи крестьянъ (въ 14 губерніяхъ)	членовъ	кандидатовъ
Мартъ 1920	15.314	7.212
Сентябрь 1920	80.954	22.211
1922 г.	23.431	6.013

Но и тѣ крестьянскіе элементы, которые остались въ партіи послѣ 1921 года, въ значительной степени руководились при этомъ возможностью извлечь изъ принадлежности къ партіи выгоду для собственнаго хозяйства. Они, по коммунистической терминологіи, «хозяйственно обросли». Такой «окрѣпшій хозяйственно коммунистъ не выходитъ изъ партіи, наоборотъ, стремится вліять изнутри на партійную ячейку, приспособляя ея работу къ своимъ хозяйственнымъ интересамъ **). Другими словами, коммунисты въ деревнѣ сдѣлались «кулаками» и маленькими сатрапами — и навлекли на себя ту ненависть крестьянъ, которая все чаще и чаще стала прорываться къ 1924 году въ убійствахъ этихъ новыхъ помѣщиковъ.

Партійный отчетъ не скрываетъ, что «переходъ отъ героической эпохи напряженія всѣхъ партійныхъ силъ къ періоду мирнаго строительства вызвалъ въ рядахъ партіи упадочныя настроенія». Немудрено, что въ результатѣ разбойничьяго характера гражданской войны, «часть членовъ партіи, честные товарищи, много пережившіе въ военный періодъ, испытали крайнее нервное утомленіе» и болѣе не хотѣли состоять въ партіи. Отчетъ отмѣчаетъ это, въ частности, относительно «подпольниковъ», т. е. какъ разъ относительно стараго идейнаго элемента партіи. Большевики хотѣли вернуть его къ работѣ, но встрѣтили сопротивленіе. Было констатировано, что многіе «подпольники» «уклоняются отъ отвѣтственной работы» и просятъ только оставить ихъ въ покоѣ: они «хотятъ

*) Итоги, 57, 113-114, 179.
**) Итоги, 102 — 103, 113.

уйти вообще, стать незамѣтными, не будучи никѣмъ тронуты». Таково было настроеніе «честныхъ» коммунистовъ *).

«Генеральная чистка» 1921 г. уменьшила составъ партіи, по крайней мѣрѣ на 180.000 членовъ и кандидатовъ **).Дальнѣйшая «напряженная чистка партіи контрольными комиссіями», въ 1922 г., по тому же свидѣтельству, «вычистила» сверхъ того еще около 60.000. Мы впослѣдствіи увидимъ, что тутъ, помимо политическихъ соображеній, большевики руководились также и невозможностью содержать на казенныхъ хлѣбахъ такое большое количество привилегированныхъ. Вновь было принято въ 1921 г. только 40.000 членовъ, и въ 1922 г., когда пріемъ былъ оффиціально прекращенъ, перечислено изъ кандидатовъ въ члены только 14.400. Такимъ образомъ, численность партіи, насчитывавшей къ срединѣ 1921 г. около 700.000 членовъ и 100.000 кандидатовъ, сократилось къ началу 1924 г. до 350.000 членовъ и 122.000 кандидатовъ***). Дѣлиться «пирогомъ» побѣдители съ побѣжденными, очевидно, болѣе не желали, когда «пирога» перестало хватать на всѣхъ (см. VII главу).

Конечно, уцѣлѣлъ, по преимуществу, административный аппаратъ партіи и сохранены ея «командующія» позиціи въ арміи и школѣ. Рабочихъ «отъ станка», т. е. дѣйствительно работавшихъ на заводахъ, было въ партіи «пролетаріата» въ началѣ 1924 года только 75.000 (по Зиновьеву 50.666 членовъ и 20.178 кандидатовъ).Крестьянъ «отъ сохи»,т.е.,дѣйствительно, занимавшихся сель. хозяйствомъ, числилось 95.000 (по Зиновьеву 65.498 чл. и 26.243 кандидата). Сверхъ того около 100.000 рабочихъ было занято въ различныхъ «государственныхъ аппаратахъ», — по администраціи, хозяйству, въ профессіональномъ движеніи. Въ красной арміи и различныхъ военныхъ организаціяхъ служили на «командныхъ постахъ» (отчасти изъ тѣхъ же рабочихъ) 58.000. Въ школѣ числились 44.000. «Служащихъ» въ собственномъ смыслѣ — на всѣхъ указанныхъ постахъ — было 98.707. Категоріи эти иногда пересѣкаются, и потому общій итогъ на 1924 годъ выходитъ нѣсколько выше показаннаго Молотовымъ (по Зиновьеву 386.313 членовъ). Во всякомъ случаѣ, очевидно, что *не служили*

*) Итоги, 102 - 103, 113.
**) Свидѣтельство Молотова, 29 мая 1924 г.
***) Итоги, 119-120.

только находившіеся въ школѣ и на заводахъ; остальная партія была занята непосредственно въ государственномъ аппаратѣ. Служащіе,по правильному замѣчанію Зиновьева, есть «ядро совѣтской власти, руководящая ея часть».

Въ этомъ «ядрѣ», однако, имѣется свое ядро, весьма немногочисленное. Въ постановленіи партійной конференціи въ августѣ 1922 г., это ядро «активныхъ партійныхъ работниковъ» опредѣлено въ 15.325 ч., въ томъ числѣ (параллельно присоединяю дѣйствительныя цифры, показанныя Зиновьевымъ въ статьѣ 13 декабря 1923 *):

Центральныя учрежденія Москвы	100	
Центр. учрежденія другихъ областей	225	3.600
Губернскія — по 20 ч. на сто губерній	2.000	
Уѣздныя — по 8 ч. на 1000 уѣздовъ	8.000—8.321	

Секретари ячеекъ:

губернскихъ по 20 ч. на 100	2.000	6.900
волостныхъ—изъ 14.000 ячеекъ обезпечить ..	3.000	

Партійный отчетъ за 1922 - 1923 г. г. сообщаетъ результаты изученія «отвѣтственныхъ партійныхъ кадровъ», причемъ оказываются «взятыми на учетъ» всего 2.583 работника**), а изъ этого числа «на учетѣ центральнаго комитета» значится 1.339 ч. Конечно, въ этомъ «командномъ кадрѣ» крестьянъ почти вовсе нѣтъ (8:8%), рабочихъ всего пятая часть (21%), а 62, 8% состоитъ изъ «интеллигентовъ и служащихъ». Въ наиболѣе важныхъ отдѣлахъ этотъ процентъ поднимается до 69,9%. Здѣсь ютится и наибольшее количество (до 50,4% на «верхушкѣ») дореволюціонныхъ большевиковъ. Нечего и говорить, что пропорція ихъ достигаетъ 100% въ той руководящей группѣ 11-ти, которая изъ центральнаго «политбюро» правитъ Россіей. Но и въ этой правящей группѣ 1.339 ч. только четверть получила высшее образованіе (25,6%), треть имѣетъ среднее образованіе (34,3%), а четверть — только

---

*) РКП въ резолюціяхъ, 331. Зиновьевъ: Раб. демократія и обновленіе, Петр. «Правда», 13 дек. 1923 г.

**) Зиновьевъ въ упомянутой статьѣ выдѣляетъ изъ показанной имъ общей цифры «платныхъ» работниковъ (18.781) «отвѣтственныхъ» 7.660 чел.; остальные «техническіе».

низшее (24%). Такова олигархія, правящая 160 милліонами населенія Россіи *).

При переходѣ съ военнаго на мирное положеніе, т. е. съ 1921 г., верхушка партіи употребила очень много усилій, чтобы по крайней мѣрѣ на важнѣйшихъ постахъ въ губерніяхъ и по возможности въ уѣздахъ подобрать кадръ отвѣтственныхъ администраторовъ, организаторовъ и пропагандистовъ идей партіи. Но результаты этихъ усилій, по отчету 1922 - 1923 г. г., все еще были весьма неудовлетворительны. Партія имѣла въ отчетный годъ 32.000 ячеекъ на протяженіи Россіи. «Но внутренняя количественная мощь ячеекъ невелика, особенно въ деревняхъ», признается отчетъ. Попытки центра установить регулярную связь даже съ губернскими органами партіи долго встрѣчали или пассивное, или даже активное сопротивленіе, такъ какъ мѣстныя группы очень неохотно разставались съ фактически пріобрѣтенной самостоятельностью. «Колоссальное сопротивленіе», по словамъ отчета, вызвали попытки продолжать «переброски» членовъ партіи, бывшія обычными въ военное время. «Теперь мирное время, и оставьте насъ работать у себя на мѣстѣ», говорили перебрасываемые. А одинъ рабочій изъ Иванова - Вознесенска даже выразился такъ: «сколько насъ ни разсаживаетъ Центральный Комитетъ по разнымъ организаціямъ, мы, какъ кошки, собираемся опять въ одно мѣсто». Такимъ образомъ, попытки усилить уѣздныя и волостныя организаціи посылкой болѣе опытныхъ дѣятелей изъ губерніи долгое время оставались безплодными. Правильная организація изъ губерній съ трудомъ была распространена на уѣздъ, почти до конца не удавалась въ волостяхъ и совершенно не привилась въ селѣ, которое до самаго конца успѣшно отбивалось отъ коммунистическаго начальства **).

Жалобы партійнаго отчета на низкій уровень развитія и даже отсутствіе простой грамотности рядовыхъ членовъ партіи начинаются уже по отношенію къ наилучше обставленнымъ городскимъ «промышленнымъ ячейкамъ». «Что касается политической развитости членовъ промячеекъ, то необходимо констатировать низкій уровень политическихъ знаній рабочихъ коммунистовъ». Естественно, что по отношенію къ деревенскимъ ячейкамъ это требо-

*) Итоги, 81 — 87.
**) Итоги, 47 — 57, 197.

ваніе «политграмоты» даже и не ставится. «Деревенская ячейка», откровенно констатируетъ отчетъ, «въ пережитую эпоху гражданской войны была аппаратомъ административнаго нажима», т. е. служила для взиманія налоговъ. Основу ея заложили не крестьяне въ собственномъ смыслѣ, а ушедшие изъ городовъ съ паденіемъ фабрикъ рабочіе и демобилизованные солдаты. На Украинѣ, напримѣръ, въ деревенскихъ ячейкахъ было 63% бывшихъ красноармейцевъ. Затѣмъ, въ эти ячейки поступала «бѣднота», не имѣвшая собственнаго хозяйства и охотно бравшая на себя административныя должности. Все это были элементы, чуждые деревнѣ; и коренное деревенское населеніе до поры до времени терпѣло власть чужаковъ, не желая само къ ней прикасаться. Но послѣ укрѣпленія совѣтской власти положеніе это измѣнилось. Уже отчетъ 1922 - 1923 г. г. отмѣчаетъ, что «всѣ идущія съ мѣстъ свѣдѣнія характеризуютъ конецъ 1922 г., какъ моментъ переломный, отмѣченный тягой крестьянъ въ партію, *принимающей порой характеръ классоваго напора*». Большевики испугались прироста этихъ «активныхъ» крестьянъ въ партію, и XI съѣздъ, установилъ ограниченія въ пріемѣ. «Дискуссія» конца 1923 и начала 1924 г. заставила обратить вниманіе на то обстоятельство, что партія по составу включала къ январю 1924 г., при общей цифрѣ (см. выше) 386 тысячъ, всего 83 тысячи «рабочихъ отъ станка», т. е. 22% партіи и (по разсчету Сталина) всего 5% состава рабочихъ въ крупной промышленности. Притомъ дискуссія выяснила, что уровень «безпартійныхъ» рабочихъ гораздо выше уровня партійныхъ. Для «пролетарской» партіи это было довольно неудобно; и XIII партійная конференція (январь 1924) признала «необходимымъ увеличить во что бы то ни стало количественно пролетарское ядро партіи и удѣльный вѣсъ его во всей политикѣ партіи». Для этой цѣли постановлено было привлечь «отъ станка» не менѣе 100.000 рабочихъ, закрывъ въ то же время совершенно пріемъ «для всѣхъ» непролетарскихъ элементовъ». А XIII съѣздъ партіи (конецъ мая 1924 г.), поощренный приливомъ рабочихъ, превысившимъ вдвое (200.000) намѣченную цифру, рѣшилъ даже, что «въ теченіе ближайшаго года въ партіи должно быть больше половины ея состава — рабочихъ отъ станка».*) Несомнѣнно, этотъ «призывъ», названный «ленинскимъ» въ честь скончавшагося «Ильича», представлялъ большой рискъ для старыхъ руководителей партіи.

---

*) РКП въ резолюціяхъ, 375, 393.

Конечно, ЦК принялъ всѣ мѣры, чтобы въ партію не проникли ни слишкомъ строптивые, ни слишкомъ неподготовленные элементы. Объ осторожности свидѣтельствуетъ, напр., то, что изъ 203.865 поданныхъ къ 1 марта заявленій рабочихъ только 50.416 были послѣ провѣрки «утверждены кандидатами» въ партію *). Но все же въ партію проникла такимъ образомъ молодежь, не прошедшая старой революціонной школы и принесшая съ собой свои новыя понятія. Нѣсколько бѣглыхъ уроковъ «политграмоты» не могли измѣнить ея міровоззрѣнія, — и съ вліяніемъ этихъ новыхъ элементовъ мы еще встрѣтимся. Вообще, послѣ 1923 г. дальнѣйшую исторію партіи нельзя вести безъ упоминанія о начавшейся внутри партіи политической борьбѣ, становившейся все болѣе острой и напряженной за послѣдніе четыре года. Къ этой исторіи мы вернемся въ концѣ настоящаго сочиненія.

Соціальный составъ партіи измѣнился послѣ «ленинскаго пріема» слѣдующимъ образомъ**):

Въ тысячахъ:	1 апрѣля 1924	1 іюля 1925	1 ноября 1925
Рабочихъ (до приз.)	196(44%)	(послѣ) 534(59%)	570
Крестьянъ	128(28%)	216(24%)	
Служащихъ и пр.	121(27%)	160(18%)	
Всего въ партіи членовъ и кандидатовъ:	446 тысячъ	911 тысячъ	1.025 тысячъ

Число рабочихъ въ іюлѣ 1925 г. составляло 26% всего количества рабочихъ (2.100 тысячъ), занятыхъ въ крупной промышленности; но рабочіе «отъ станка» (383 тысячи изъ 534) составляли только 18%. Въ деревнѣ положеніе партіи и къ концу 1925 года было еще несравненно слабѣе. Отъ XIII до XIV съѣзда число коммунистовъ въ сельскихъ ячейкахъ поднялось съ 136 до 202 тысячъ; но по отношенію къ 53-54 милліонамъ крестьянъ это составляло 0, 26 — 0,37%. Молотовъ разсчиталъ, что одна коммунистическая ячейка приходится на 26 селеній и одинъ коммунистъ на 250 взрослыхъ (старше 18 лѣтъ) крестьянъ. Эту громадную непропорціональность нужно также имѣть въ виду при оцѣнкѣ зна-

*) «Правда» 20 марта, 1924.
**) Докладъ Сталина на XIV конференціи, «Извѣстія», 22 декабря, 1925 г.

ченія политической борьбы внутри партіи и въ странѣ, начавшейся вмѣстѣ съ хозяйственнымъ оживленіемъ страны, т. е. съ 1922 года (см. третій томъ, гл. IX). Теперь же мы можемъ сказать, что однихъ этихъ цифръ — 18% рабочихъ крупной промышленности и ¼ — ⅓ процента крестьянъ — достаточно, чтобы, заключить, до какой степени правящая каста оставалась изолированной въ странѣ. Такая каста могла управлять только насиліемъ. И съ другой стороны, насильническій режимъ совѣтской олигархіи не могъ обойтись безъ существованія подобной касты.

Подводя итогъ, можно сказать, что партія РКП *состоитъ изъ очень немногочисленнаго ядра* старыхъ партійныхъ работниковъ, которое фактически неограниченно управляетъ партіей и черезъ партію всей Россіей, опредѣляетъ составъ «отвѣтственныхъ» работниковъ и назначаетъ ихъ на мѣста, удаляетъ и вводитъ въ партію новыхъ членовъ, и пытается постепенно раскинуть по всей Россіи сѣть довѣренныхъ и испытанныхъ людей, обязанныхъ безпрекословно повиноваться приказаніямъ сверху. По отношенію къ населенію партія коммунистовъ составляетъ привилегированный классъ, но по отношенію къ своему начальству она — безгласное стадо. Какъ привилегированный классъ, РКП, конечно, не обладаетъ ни культурностью, ни техническими познаніями стараго привилегированнаго класса, и только присутствіе въ ея средѣ и подъ ея управленіемъ многочисленныхъ спеціалистовъ («спецовъ») по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, подготовленныхъ еще при старомъ режимѣ, даетъ ей возможность овладѣть минимальной техникой, необходимой при управленіи государствомъ. Чѣмъ дальше отъ центра и чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ составъ администраторовъ становится хуже и пріемы управленія болѣе архаическими, безконтрольными и насильственными. Бороться съ произволомъ мѣстныхъ управителей центральная власть не можетъ, а — при проникающемъ ее самое духѣ «пролетарскаго» насилія — даже и не всегда хочетъ. Она прекрасно понимаетъ, что только насиліемъ и страхомъ эта власть, составляющая ничтожное меньшинство (1/2 — 1/5 одного процента населенія), и можетъ удержаться среди народныхъ массъ, которыя ее ненавидятъ и которыя считаются съ ней только потому (и до тѣхъ поръ), что (и пока) не имѣютъ силъ съ нею покончить.

IV.

Марксъ и Ленинъ о разложенін старой и созданін новой армін. — Красная гвардія. — Мѣры дальнѣйшей «демократнзаціи» арміи. — Поворотъ къ созданію добровольческой «соціалнстической» арміи. — Сомнѣнія. — Кампанія пропаганды. — Переходъ къ идеѣ обязательной службы. — Негодность стараго состава. — Реформы Троцкаго. — Привлеченіе «царскихъ» офицеровъ къ командованію. — Полемнка. — Отзывъ стараго генерала. — Красные курсанты. — Численность красной арміи и причины ея успѣха. — Демобилизація. — Реформа 1924 г. — Безсиліе партін въ армін. — Спеціальныя войска. — Національныя формированія

Второй основной опорой совѣтской власти явилась *красная армія.* Но это — опора въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ коммунистическая партія. ВКП., какъ мы видѣли, создала аппаратъ управленія и слилась съ нимъ. Слить въ такой же степени аппаратъ защиты государства съ коммунистической партіей никогда не удавалось. Красная армія, при всемъ стараніи сдѣлать ее классовой, осталась *національной.* Иной она быть не могла уже потому, что русская армія есть армія по преимуществу крестьянская, т. е. соціально отличная отъ «пролетаріата». Можно было, если угодно, назвать ее «рабоче - крестьянской» арміей и попытаться слить оба понятія въ понятіи «арміи трудящихся». Но нельзя было измѣнить дѣйствительность при помощи совѣтской терминологіи.

Конечно, и въ этой области не обошлось безъ попытокъ приложить коммунистическую доктрину въ чистомъ видѣ. Но и здѣсь доктрина сейчасъ же отступала на второй планъ, какъ только этого требовали интересы сохраненія совѣтской власти. Подъ вліяніемъ этихъ уступокъ исторія красной арміи прошла черезъ цѣлыхъ четыре періода, которые можно назвать періодами красногвардейскихъ организацій, добровольческо - «соціалистической» арміи, регулярной арміи по набору и демобилизованной смѣшанной кадрово-территоріальной арміи.

Марксъ и Энгельсъ учили, что, «какъ условіемъ, такъ и результатомъ всякой побѣдоносной революціи являлась дезорганизованная армія и полное разложеніе дисциплины». Ленинъ повторяетъ вслѣдъ за Энгельсомъ: «безъ дезорганизаціи арміи ни одна революція не обходилась и обойтись не можетъ».*) Здѣсь дол-

*) Письмо Энгельса Марксу отъ 26 сентября 1851 г., и Ленинъ, Соч. XV, 494 — 495: Пролетарская революція и ренегатъ Каутскій. Дѣльный общій очеркъ исторіи красной арміи см. въ брошюрѣ Н. Блисковицкаго. Красная Армія, краткій очеркъ, «Прибой», Ленинградъ, 1926.

женъ былъ быть, прежде всего, примѣненъ общій принципъ — «разрушенія стараго аппарата». Мы видѣли съ какимъ успѣхомъ это было достигнуто *). Но далѣе ставился вопросъ, чѣмъ же замѣнить армію въ новомъ пролетарскомъ аппаратѣ и какъ совершить переходъ отъ одного аппарата къ другому при условіи наличности недемобилизованнаго фронта съ милліонной арміей стараго типа. Готовый отвѣтъ на первую половину вопроса былъ: разоружить буржуазію и вооружить пролетаріатъ.Со ссылкой на Энгельса, Ленинъ писалъ: «во Франціи послѣ каждой революціи бывали вооружены рабочіе.... Вооруженные рабочіе были зачаткомъ *новой* арміи». И только - что пріѣхавъ въ Россію, 20 апрѣля 1917 г. Ленинъ писалъ въ «Правдѣ»: «введеніе рабочей милиціи, оплачиваемой капиталистами, есть мѣра, имѣющая огромное, безъ преувеличенія можно сказать, гигантское, рѣшающее значеніе, какъ практическое, такъ и принципіальное. Революція не можетъ быть гарантирована, успѣхъ ея завоеваній не можетъ быть обезпеченъ, дальнѣйшее развитіе ея невозможно, если эта мѣра не станетъ всеобщей, не будетъ доведена до конца и проведена по всей странѣ **). Дѣйствительно, тогда же начались попытки организаціи «красной гвардіи» на петербургскихъ заводахъ. Какъ мы видѣли, эта вооруженная сила, объединенная общегородскимъ центромъ — главнымъ штабомъ при петроградскомъ совѣтѣ депутатовъ, — вмѣстѣ съ полками петроградскаго гарнизона — сыграла рѣшающую роль въ дни октябрьскаго переворота. Накапунѣ переворота красная гвардія получила (23 октября) свой уставъ, въ основу котораго было положено добровольческое комплектованіе, но при соблюденіи самой строгой дисциплины ***). А въ сраженіи съ 500 казаками Краснова подъ Пулковымъ она получила первое боевое крещеніе. Въ это время въ красной гвардіи числилось 13.000 человѣкъ ****). Около этого времени появились

---

*) См. выше стр. 57-63, 69, 79, 95-98.

**) Блисковицкій, 18-19, 15.

***) Выше, стр. 117 - 118. Документы о красной гвардіи см. въ сочиненіи: «Гражданская война, матеріалы по исторіи Красной арміи (комиссія по изслѣдованію и использованію опыта міровой и гражд. войнъ). Высшій Воен. Ред. Совѣтъ, т. 1-ый, Москва, 1923 г., стр. 9 — 36. Уставъ 23 октября 1917 г. тамъ же на стр. 9 — 12.

****) См. мою «Исторію» т. III, стр. 254 — 5: «очень недурно обученные», красногвардейцы дѣйствовали совершенно правильно, подъ руководствомъ германскаго оберъ - лейтенанта Отто Бауэра и при участіи дисциплинированныхъ латышскихъ стрѣлковъ» (отзывъ ген. Краснова) — Цифра 13.000 дана въ докладѣ англійской делегаціи, Russia 1914, 83.

отряды красной гвардіи и въ другихъ городахъ Россіи: Москвѣ (3.000), Харьковѣ, Тулѣ, Одессѣ, на Уралѣ, въ Донбассѣ и т. д. Но все это были разрозненныя единицы разнаго качества и численности; а главное, послѣ захвата власти большевиками пришлось поставить на очередь иной, болѣе сложный вопросъ: что дѣлать съ несравненно болѣе численными фронтовыми военными частями? Рѣшивъ судьбу революціи своей пассивностью и своимъ разложеніемъ, эти части могли вѣдь быть полезны той частью своего личнаго состава, которая пріяла октябрьскую революцію.

Ленинъ тутъ былъ непримиримъ. Онъ считалъ «чудовищнымъ самообольщеніемъ» думать, что эта армія, пригодная только для разрушенія, могла пригодиться для созиданія. «Наша недемобилизованная армія могла только бѣжать панически, увлекая за собой и красноармейскіе отряды», писалъ онъ, опровергая противоположное мнѣніе Покровскаго. И, дѣйствительно, настроеніе господствовавшее въ старой арміи, не могло сразу переломиться.«Эта больная армія заражала весь организмъ», писалъ тотъ же Ленинъ:«война сильнѣе чѣмъ проповѣди,чѣмъ десять тысячъ разсужденій» *). Въ такой средѣ октябрьскихъ переворотовъ хотѣли воспользоваться только для окончательной «демократизаціи» арміи. Народные комиссары по военнымъ и морскимъ дѣламъ составили 23 ноября 1917 года проектъ декларацій, которою солдаты сравнивались съ офицерами, вводилась выборность всего командного состава, уничтожались спеціальныя военныя училища, расширялись права выборныхъ войсковыхъ организацій—«вплоть до контрольныхъ комиссій надъ оперативными дѣйствіями» и т. д. **). Въ этомъ же духѣ дѣлались и первыя распоряженія по арміи. 16 декабря Ленинъ подписалъ декретъ, уничтожавшій званіе офицера и всѣ чины, титулы, ордена въ арміи ***).

Скоро, однако же, настроеніе верховъ круто измѣнилось. Подъ вліяніемъ международной обстановки и хода Брестъ - Литовскихъ переговоровъ, въ особенности же въ связи съ навязчивой идеей о предстоящей міровой революціи и о необходимости помочь ей со стороны совѣтской Россіи, сталъ на очередь вопросъ о созданіи новой арміи, не менѣе сильной, чѣмъ старая, которую уже въ силу Брестъ - Литовскаго договора большевики обязаны были де-

*) Лениңъ, XV, 119, 136 (Цитаты у Блисковицкаго).
**) Проектъ декларацiи 23 ноября см. въ «Гражд. войнѣ», 1, 55 — 58.
***) «Гражд. война», I, 59 — 71, 66.

мобилизировать. Общеармейскій съѣздъ по демобилизаціи арміи, открывшійся 27 ноября 1917 г., «находилъ необходимымъ приступить къ организаціи *соціалистической* арміи путемъ *добровольнаго* вступленія *по рекомендаціи* революціонныхъ соціалистическихъ партій и раб. солд. и крест. организацій. Всѣ остальныя массы прежней арміи должны быть демобилизованы, *за исключеніемъ,* однако, призывовъ нѣсколькихъ годовъ, впредь до окончанія вышеназванныхъ формированій». Инструкція въ этомъ духѣ была подписана Крыленко 23 декабря *).

При дальнѣйшемъ обсужденіи, однако же, стали выясняться трудности. Докладъ Невскаго въ собраніи военныхъ организацій при ЦК большевиковъ призналъ, что «очень трудно организовать соціалистическую армію» и что «нужно создать ее не изъ однихъ рабочихъ, но изъ *всѣхъ трудящихся*». Подвойскій совѣтовалъ «влить свѣжіе элементы» въ старый составъ. А тов. Вериченовъ, представлявшій, очевидно, настроеніе фронта, спрашивалъ: «неужели *въ тылу* не найдутся революціонныя войска, чтобы *смѣнить* тѣхъ, кто находился по три года на фронтѣ?» **). Наконецъ, среди этихъ борющихся идей и настроеній, «въ ночь на 31 декабря», по юбилейному воспоминанію Подвойскаго, «была найдена организаціонная форма, чтобы воплотить въ жизнь великую идею созданія Красной арміи». Это была идея пятичленной коллегіи, которая «прежде всего установила пять принциповъ: 1) Красная армія есть армія рабочихъ и крестьянъ; 2) она строится на основѣ *добровольнаго* вступленія революціонно - *сознательныхъ* рабочихъ и крестьянъ; 3) она борется за интересы трудящихся *всего міра и служитъ* поддержкой *революцій* во всемъ мірѣ; 4) Красноармейцы состоятъ *на службѣ у государства* и получаютъ отъ него содержаніе; 5) Семья красноармейцевъ обезпечивается всѣми видами довольствія въ натурѣ». Въ изданномъ, на основаніи этого рѣшенія, «Положеніи объ организаціи соціалистической арміи», 1 января 1918 г. уже сдѣлано первое отступленіе отъ этихъ принциповъ, а именно: «рѣшено *на фронтѣ* принципъ добровольства проводить въ жизнь *постепенно*». А декретъ совнаркома 15 января, окончательно установившій приступъ къ «созданію новой арміи», усвоилъ ей названіе «рабоче - крестьянской». Былъ удержанъ при этомъ принципъ рекомендаціи, пред-

---

*) «Гражд. война», I, 100 — 108.
**) «Гражд. война» 1, 129 — 131, 137 — 140.

усмотрѣно привлеченіе «наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ элементовъ трудящихся классовъ», и цѣли красной арміи опредѣлены въ соотвѣтствіи съ доктриной, какъ назначеніе служить «фундаментомъ для замѣны постоянной арміи всенароднымъ вооруженіемъ и поддержкой для грядущей соціалистической революціи въ Европѣ». «Армія намъ нужна», говорилъ Зиновьевъ 3 января: «угнетенный классъ не можетъ сейчасъ разоружаться» въ виду международной опасности для пролетарской революціи. Характерно отмѣтить, въ то же время, что при обсужденіи техническихъ подробностей созданія красной арміи въ мартѣ 1918 г. въ Москвѣ приняли участіе британскій, французскій и сербскій полковники*).

Послѣдовала широко - организованная кампанія новаго уговариванія массъ въ духѣ, совершенно противоположномъ прежнему разложенію. Это противорѣчіе не всегда даже прикрывалось новой терминологіей. Урокъ Брестъ - Литовска былъ слишкомъ нагляденъ. И Ленинъ давалъ теперь директиву (на VII съѣздѣ партіи) «воспользоваться этой передышкой (подписаніемъ мира), чтобы *убѣдить народъ* объединяться, *сражаться,* чтобы говорить *русскимъ* рабочимъ, крестьянамъ: создавайте самодисциплину, — дисциплину строгую, иначе вы будете лежать подъ пятой нѣмецкаго сапога; какъ лежите сейчасъ, такъ неизбѣжно будете лежать, пока народъ не научится бороться и создавать арміи, способныя не бѣжать, а идти на неслыханныя мученія. Учитесь у нѣмца его дисциплинѣ, иначе мы — погибшій народъ и вѣчно будемъ лежать распростертыми въ рабствѣ». Для большевиковъ эта національная тема новой демагогіи была необычна. Но Ленинъ имѣлъ возможность опереться въ агитаціонной кампаніи среди крестьянства и на другой, менѣе отвлеченный мотивъ. «Крестьянамъ, вернувшимся къ своей землѣ, вырванной у помѣщиковъ, есть что защищать — и если на Россію обрушится нашествіе, мы встрѣтимъ врага, какъ одинъ человѣкъ», говорилъ онъ 14 мая 1918 г. на засѣданіи ВЦИК. Здѣсь имѣется въ виду, очевидно, внѣшнее нашествіе «мірового капитализма и имперіализма», котораго ждалъ Ленинъ (см. V главу). Но позднѣе аргументація противъ «тамбовской» психологіи пріобрѣла за себя новые, еще болѣе конкретные мотивы. «Середины нѣтъ», писалъ Ленинъ въ сво-

*) Гражданская война, I, 129-131, 137-140. Russia, Report of the British Trades Unions Delegation, 1924, 85.

емъ письмѣ къ рабочимъ и крестьянамъ по поводу побѣды надъ Колчакомъ. «Либо диктатура (т. е. желѣзная власть) помѣщиковъ и капиталистовъ, либо диктатура рабочаго класса. Чтобы защитить власть рабочихъ и крестьянъ отъ разбойниковъ, т. е. отъ помѣщиковъ и капиталистовъ, намъ нужна могучая красная армія... Съ крѣпкой красной арміей мы непобѣдимы. Безъ крѣпкой арміи — мы неминуемая жертва Колчака, Деникина и Юденича». А практическій выводъ тотъ, что «кто не помогаетъ всецѣло и беззавѣтно красной арміи, тотъ сторонникъ колчаковщины, того надо истреблять безпощадно» *).

Это чередованіе и смѣна аргументовъ очень поучительны. Изъ нихъ видно, какъ непріятная вначалѣ для усталыхъ народныхъ массъ идея новой арміи становилась популярной, по мѣрѣ выясненія классовой подоплеки бѣлаго движенія, и какъ, по мѣрѣ смѣны отвлеченныхъ для крестьянина мотивовъ (міровая пролетарская революція, рабство у нѣмца) болѣе осязательными (отнятіе земли помѣщикомъ), становилось возможнымъ замѣнить тактику полнаго «добровольчества» тактикой принужденія и даже угрозами «безпощаднаго истребленія».

Практика, конечно, очень скоро показала полную невозможность созданія арміи вообще — а многочисленной арміи въ особенности — на добровольческихъ началахъ и по «рекомендаціи». Къ концу апрѣля 1918 г. въ армію зачислилось только 106.000 добровольцевъ. Эта идея сохраняла практическое значеніе, какъ переходная, лишь до тѣхъ поръ, пока большевики не успѣли объединить управленіе разсыпавшимися частями Россіи (стр. 154-5) и установить аппаратъ мѣстной партійной власти. По мѣрѣ же того, какъ управленіе централизовалось и организовался контроль надъ населеніемъ, быстро крѣпла мысль о замѣнѣ идеи добровольчества идеей обязательной военной службы по набору. За такой переходъ говорили, конечно, и техническія соображенія. Въ своемъ первоначальномъ составѣ красная армія, очевидно, не могла совладать съ «бѣлогвардейскими» отрядами, угрожавшими совѣтской власти сперва съ Юга, а потомъ и съ другихъ концовъ Россіи — съ Востока, Запада, Сѣвера. Первымъ матеріаломъ для образованія красной арміи, за исключеніемъ немногочисленныхъ отрядовъ красной гвардіи, послужили солдаты тѣхъ же разлагавшихся фронтовъ, не желавшіе воевать и дезертировавшіе массами.

*) Ленинъ, XV, 136 — 138, 291; XVI, 30.

При общемъ уходѣ съ фронтовъ «самотекомъ», наибольшее количество этихъ деморализованныхъ элементовъ скопилось на Кавказскомъ фронтѣ, откуда нельзя было уйти прямо въ Россію и куда съ трудомъ проникала центральная совѣтская власть. Бросивъ фронтъ и отыскивая пути возвращенія, дезертиры образовали здѣсь, въ пути вооруженныя шайки, жившія грабежомъ и реквизиціями у населенія, предводимыя авантюристами, выдѣлившимися изъ солдатъ или унтеръ - офицеровъ, враждовавшими между собой и претендовавшими на полную самостоятельность оперативныхъ дѣйствій. Превосходя въ десять - двадцать разъ численность «бѣлыхъ армій» того періода, эти «красные» отряды терпѣли, тѣмъ не менѣе, постоянныя пораженія вслѣдствіе полнаго незнанія военнаго дѣла и упадка военной дисциплины. Старое офицерство и главный штабъ сторонились пока отъ красной арміи,ожидая скораго паденія большевиковъ;да къ нимъ въ первое время и не обращались.Для собственной защиты совѣтская власть на эти безпорядочныя толпы не полагалась,предпочитая опираться въ своей очередной работѣ по«истребленію буржуазіи»на отряды инородцевъ и иностранцевъ—латышей,китайцевъ,венгерскихъ и германскихъ военноплѣнныхъ, дисциплинированныхъ, хорошо вооруженныхъ и правильно организованныхъ. Особенной жестокостью при этомъ отличились латышскіе стрѣлки и китайцы, изъ которыхъ набирались кадры совѣтскихъ палачей. Отряды инородцевъ и иностранцевъ посылались усмирять крестьянскія возстанія, они стояли съ пулеметами позади рядовъ красныхъ солдатъ и не позволяли имъ, подъ угрозой разстрѣла, бѣжать съ поля битвы.

Было ясно,что съ такой арміей нельзя выйти противъ современныхъ «имперіалистскихъ» армій на помощь міровой революціи. Троцкій почувствовалъ это особенно наглядно въ своихъ переговорахъ въ Брестѣ съ германскими генералами,особенно,когда въ отвѣтъ на его угрозы возстаніемъ мірового пролетаріата и на его приказъ о демобилизаціи русскаго фронта они отвѣтили наступленіемъ на Петербургъ и заставили совѣтское правительство со всей поспѣшностью перебраться въ Москву (см. главу V).Троцкій за свою политику въ Брестѣ былъ въ это время удаленъ Ленинымъ съ поста комиссара иностранныхъ идѣлъ. 2 сентября 1918 г. онъ сталъ во главѣ вновь образованнаго Военно - Революціоннаго Совѣта. Троцкій подхватилъ созрѣвшую уже идею созданія настоящей регулярной арміи — не такой, какая была намѣчена рѣше-

ніями декабря 1917 г. и января 1918 г.,а армін,отвѣчающей всѣмъ техническимъ требованіямъ современной военной науки. И онъ принялся постепенно создавать такую армію на смѣну неудавшейся арміи революціонно - сознательныхъ добровольцевъ. Декретомъ 23 апрѣля 1918 г. были отмѣнены выборы командировъ солдатами. Декретомъ 8 апрѣля опредѣлены функціи военнаго комиссара, «органа совѣтской власти» при арміи. Комиссаръ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы армія не послужила орудіемъ контръ - революціи и контрасигнуетъ всѣ приказы военныхъ командировъ и совѣтовъ. Но спеціально военное руководство, оперативные и боевые приказы принадлежатъ военнымъ спеціалистамъ. Комиссаръ лишь обезпечиваетъ строгое исполненіе приказовъ. Приказъ начальства, подписанный комиссаромъ, есть законъ. Этимъ отмѣнялись всякія обсужденія военныхъ приказовъ солдатами. Декретъ 9 апрѣля, исправленный исп. комитетомъ 22 апрѣля, установилъ сѣть органовъ военнаго министерства (военные комиссаріаты) въ провинціи: въ волости, уѣздѣ, губерніи и округѣ. Тутъ уже должна была производиться не вербовка добровольцевъ, а — вестись точный учетъ всѣхъ способныхъ носить оружіе. Вводилось общее военное обученіе — на случай мобилизаціи. Къ такимъ принудительнымъ мобилизаціямъ совѣтское правительство и приступило въ іюнѣ. Декретомъ 12 іюня призваны были въ армію пять призывныхъ возрастовъ (21-25 лѣтъ), изъ 51 - го уѣзда 12-ти губерній. Это дало къ октябрю контингентъ около 350.000. Правда, значительная часть этого контингента продолжала дезертировать уже на пути къ мѣстамъ сбора. Но къ 1 ноября въ распоряженіи власти была уже армія въ полмилліона людей, къ концу 1918 года — 790.000 *).

Кто будетъ командовать этой арміей? Какъ и въ другихъ областяхъ государственной службы, большевики обратились къ спеціалистамъ царскаго времени. Количество офицеровъ, съ самаго начала перешедшихъ къ большевикамъ изъ убѣжденія, было крайне ограничено. Но превращеніе «демократизированной» арміи въ регулярную, съ полнымъ возвращеніемъ къ старой дисциплинѣ, вплоть до возстановленія смертной казни, примирило значительную часть офицерства со службой въ такой арміи. Даже и тѣ, кто ожидалъ скораго паденія большевиковъ, стали думать те-

*) Червона армія в Россіи. Кн. 1-я. За час Квітень — Червень 1918. Розвідочный Відділ Г. У. Т. Ж. (текстъ русскій), Кіивъ, 1918 стр. 36, 39. Деникинъ Очерки р. смуты, ч. III, стр. 144. Блисковицкій, 26 — 40. Роль Троцкаго см. у Lévy, Trotsky, 83-98 и приложеніе, 120-143.

перь, что сохранить для Россіи такую національную армію есть ихъ прямая патріотическая обязанность —, не только для защиты Россіи отъ иностраннаго нападенія (о которомъ тогда говорили, какъ о немедленно угрожавшемъ), но и въ интересахъ предстоящаго внутренняго переворота. Многіе изъ этой категоріи офицеровъ были впослѣдствіи изобличены и разстрѣляны большевиками. Большинство перешедшихъ на совѣтскую службу офицеровъ и генераловъ не принадлежало ни къ той, ни къ другой категоріи—не руководились ни своими симпатіями къ большевикамъ, ни контръ-революціонными намѣреніями. Это были средніе люди, «не - герои»,которые находили въ службѣ при большевикахъ,—продолженіе отправленія своей профессіи и средство спасти себя и свои семьи отъ голодной смерти, грозившей всякому, лишенному совѣтскаго снабженія продовольствіемъ въ натурѣ. Какъ бы то ни было, разъ вступивъ по той или другой причинѣ въ красную армію, военные спеціалисты, связанные привычной обстановкой строгой военной дисциплины, въ большинствѣ служили совѣтской власти вѣрно и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пользовались своей властью надъ солдатами для подготовки контръ - революціонныхъ выступленій.

Въ средѣ самихъ большевиковъ мысль привлечь при реформѣ арміи къ командованію «царскихъ» офицеровъ и генераловъ вызвала вначалѣ сильное сопротивленіе. Еще 10 января 1919 г. встрѣчаемъ въ «Извѣстіяхъ» любопытную полемику Троцкаго по этому поводу. Троцкій отмѣчалъ «недовольство въ низшихъ и среднихъ кругахъ партіи» тѣмъ, что, за отсутствіемъ «нашихъ», приходилось прибѣгать къ «чужимъ». Но онъ спрашивалъ недовольныхъ: «можете-ли вы дать мнѣ сейчасъ же десять дивизіонныхъ, пятьдесятъ полковниковъ, двухъ армейскихъ генераловъ, одного командира фронта, которые были бы всѣ коммунистами? Даже для роты и эскадрона не хватаетъ коммунистовъ, а чѣмъ выше, тѣмъ ихъ меньше, и кто практически занимается реорганизацией арміи, у того нѣтъ выбора». Намъ говорятъ объ измѣнахъ и дезертирствѣ въ лагерь противника? Но забываютъ сказать, сколько цѣлыхъ полковъ погибло вслѣдствіе плохой военной подготовки кадровъ, вслѣдствіе того, что полковникъ не умѣлъ установить связь, не организовалъ службу безопасности, не понималъ приказаній, или не умѣлъ читать карты»? Совѣтуютъ назначать командиромъ простого солдата-коммуниста, а при немъ начальни-

комъ штаба офицера-спеціалиста.Но тогда вся отвѣтственность за распоряженія перелагается на солдата, которому его совѣтчикъ можетъ тѣмъ легче подсказать измѣнническій планъ. Если коммунистъ-солдатъ можетъ догадаться объ этомъ,—то тѣмъ скорѣе догадается «комиссаръ» изъ испытанныхъ революціонеровъ, имѣющій право немедленно наказать измѣнника. Членъ ЦК Каменскій шелъ дальше и въ печатной полемикѣ «отрицалъ вообще военную науку и искусство». Троцкій осыпаетъ своего сочлена сарказмами. Наполеонъ и Гинденбургъ кое - что понимали въ руководствѣ арміями, — а они придавали огромное значеніе военной наукѣ. Соціализмъ не только никогда не отказывался прибѣгать къ спеціалистамъ, но, напротивъ, всегда имѣлъ въ виду послѣ своей побѣды принудить ихъ служить — силой или высокими окладами жалованья. Красный терроръ имѣлъ цѣлью вовсе не истребить поголовно спеціалистовъ, а лишь сломить политическую волю интеллигенціи и подчинить ее своимъ видамъ. Такъ поступали съ докторами, профессорами, инженерами; такъ надо поступить и съ офицерами. Но они предадутъ при первой встрѣчѣ съ англичанами и французами? Конечно предадутъ, если мы будемъ слабы въ борьбѣ съ міровымъ имперіализмомъ. Но если мы будемъ сильны, они предадутъ не насъ, а свой классъ. А стать сильными мы можемъ только съ ихъ помощью. Въ крайнемъ случаѣ, всегда остается средство — краснаго террора. Къ тому же, свидѣтельствуетъ Троцкій, психологія офицерства уже перемѣнилась. Тринадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ вмѣстѣ, въ полѣ, съ солдатами, примирили ихъ съ совѣтскимъ режимомъ, за который многіе изъ нихъ уже сложили свои головы *).

Что это наблюденіе — объ измѣнившемся отношеніи къ арміи стараго офицерства — было вѣрно, это можетъ иллюстрировать интересное сужденіе о зарождавшейся красной арміей, высказанное извѣстнымъ спецомъ, генераломъ старой арміи Новицкимъ, уже въ 1918 г. **): «Красная армія. Неостриженные парни, съ надвинутыми на затылокъ фуражками, въ разстегнутыхъ солдатскихъ шинеляхъ, съ винтовками на ремняхъ за правымъ плечомъ, шумной гурьбой плетутся по петроградской панели.... Группа всадниковъ, такого же растрепаннаго и неряшливаго вида, на пло-

*) Я пользовался статьей Троцкаго во франц. переводѣ, въ приложеніи къ біографіи Троцкаго, написанной Roger Lévy, Trotsky, Pages Socialistes, IV-V, Paris 1920 стр. 132 — 142.

**) Цитирую по книжкѣ Блисковицкаго, 61 — 63.

хо содержнмыхъ лошадяхъ, скачутъ по булыжникамъ петроградскихъ мостовыхъ, не жалѣя лошадиныхъ ногъ... Часовые, поставленные на посты, сидятъ на табуреткахъ нлн ступенькахъ крылецъ н, поставивъ свон винтовки между колѣнъ, мирно бесѣдуютъ съ прохожими.... Такова по своему наружному виду, по своему внѣшнему облику рабоче - крестьянская армія. Каждый изъ насъ наблюдаетъ эти сцены изо дня въ день, и не можемъ мы, привыкшіе къ стройнымъ движеніямъ, порядку и дисциплинѣ старой арміи, примириться съ этой распущенностью, съ этимъ разгильдяйствомъ революціоннаго воинства. Особенно тяжело смотрѣть на все это намъ, старымъ служакамъ, выросшимъ, воспитавшимся, прожившимъ многіе годы въ совершенно другой обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе, я съ большимъ интересомъ наблюдаю эти новыя явленія и нахожу въ нихъ много оригинальнаго, своеобразнаго, красочнаго, много впечатлѣній, примиряющихъ меня съ ними, побуждающихъ меня относиться къ нимъ болѣе вдумчиво и серьезно... Я близко видѣлъ и наблюдалъ старыя войска въ тѣ памятные дни, когда армія уже развалилась, дисциплина исчезла, когда строевыя части превратились въ безпорядочную толпу. И это было нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ тотъ безпорядокъ, который мы наблюдаемъ нынѣ. По наружному виду какъ будто - одно и то же: неряшливость одежды, отсутствіе чинопочитанія, небрежное выполненіе воинскихъ обязанностей. Но то была распущенность разложившагося порядка, а это — распущенность еще не сложившагося строя. Тамъ пахло гнилью, вѣяло мертвеннымъ духомъ; здѣсь — хаосъ новаго, неумѣлаго строительства и несложившихся, неустановившихся формъ... Критиковать эту армію внѣ рамокъ переживаемой нами революціи — невозможно; только въ революціонномъ освѣщеніи можно понять ее и предусмотрѣть тѣ пути, по которымъ ей предстоитъ развиваться и видоизмѣняться. Да, Красная армія — это армія революціи и только въ революціонные дни она и возможна. Но за то въ это время никакая другая армія немыслима.. И потому, когда я наблюдаю эти неприглядныя, неряшливыя красноармейскія сценки, меня, правда, коробитъ,... но я не прихожу въ отчаяніе. Я не считаю арміи погибшей»....

Конечно, одними спецами изъ старой арміи большевики довольствоваться не хотѣли, прибѣгнувъ къ нимъ лишь въ виду крайней необходимости. Троцкій говорилъ: «мы фактически создали армію изъ того историческаго матеріала, который былъ подъ

руками... Вмѣсто доктрины, была слегка причесанная идеологія партизанщины »*). Но и доктрину и командный составъ они хотѣли имѣть свои. Къ концу 1918 г. была открыта красная академія ген. штаба въ Москвѣ, поставившая на первыхъ порахъ задачу дать «въ минимумъ времени максимумъ полезныхъ знаній» и объявившая восьмимѣсячный ускоренный курсъ. Фактически не удалось выдержать и этого срока: уже въ апрѣлѣ 1919 г. первые 20 красныхъ генштабистовъ были посланы противъ Колчака; за ними отправлены въ маѣ — 30 на югъ, въ іюнѣ-августѣ — 100 на югозападный фронтъ. Пополняли они низшій аппаратъ — штабы бригадъ и частью дивизій. Но они все же говорили на «общемъ языкѣ» со спеціалистами и помогали растолковать смыслъ приказовъ, приходившихъ изъ высшихъ штабовъ. Громадное большинство первыхъ слушателей академіи — 75-90% — приходили съ фронта, чтобы поскорѣе доучиться и вернуться туда-же. Преобладала среди нихъ интеллигенція. Старыхъ партійныхъ работниковъ и рабочихъ было очень мало, хотя формально почти всѣ курсанты были или коммунистами или «сочувствующими». Только въ сезонъ 1919-20 г. г. удалось наладить въ академіи болѣе нормальный трехгодичный курсъ **).

Во всякомъ случаѣ, уже къ осени 1918 г. на фронтѣ почувствовалась разница въ качествѣ посылаемыхъ изъ Москвы войскъ. По словамъ ген. Краснова, вмѣсто «разбойничьихъ красногвардейскихъ бандъ», съ которыми можно было сражаться и побѣждать — одинъ на десятерыхъ, «появилась только что созданная народная красная рабоче - крестьянская армія, построенная на принципахъ военной науки». Совѣтская армія уже насчитывала въ это время 299 полковъ, распредѣленныхъ между фронтами слѣдующимъ образомъ: на польско - латвійскомъ фронтѣ 65 полковъ, на сѣверномъ германо - финскомъ 38, на восточномъ, противъ Колчака 97, на Донскомъ, противъ Краснова 44, на добровольческо - кубанскомъ, противъ Деникина 22, на Астраханскомъ 5, на курско - брянскомъ 28.... Къ веснѣ 1919 года фронтъ Красной арміи растянулся на 8.000 верстъ, и численность арміи доходила до полутора милліона. Вмѣсто четырехъ возрастовъ, призванныхъ

*) Троцкій, Военная доктрнна нлн мннмо - военное доктрннерство. Госуд. Изд 1921 (Высшій Военный Совѣтъ).

**) Два года красной академін ген. штаба 1918 г. сентябрь 1920. Сборннкъ, составленный слушателямн подъ редакціей Внленскаго - Снбнрякова (отд. военн. лнтер. прн гос. нзд., Москва).

въ 1918 году, пришлось въ слѣдующіе два года дойти до призыва пятнадцати возрастовъ и развернуть армію къ 1 апрѣля 1920 г. до 3.660.000 съ 74.000 офицеровъ, а къ 1 январю 1921 г.5300000. Это была максимальная цифра. Послѣ окончанія гражданской войны (1921) она опять была сведена къ тремъ младшимъ возрастамъ (1899-1901 — 1.595.000 человѣкъ), а въ 1924-25 г. даже къ одному (562.000 ч.), причемъ срокъ службы въ 1925 г. составлялъ два года въ кадровой арміи и 8 мѣсяцевъ въ территоріальныхъ войскахъ (въ теченіе пяти лѣтъ).

За міровую революцію красной арміи сражаться не пришлось, — по счастію для нея, ибо она далеко не обладала технической подготовкой европейскихъ армій. Попытка вызвать уже весной 1919 года въ Германіи революцію и перекинуть туда молодую революціонную армію, какъ увидимъ, провалилась самимъ жалкимъ образомъ. А затѣмъ, вслѣдствіе развитія внутреннихъ фронтовъ гражданской войны, красной арміи некогда было и помышлять объ участіи въ міровой революціи. Она была цѣликомъ занята у себя дома. Къ ходу ея борьбы съ «бѣлыми» арміями мы вернемся во второмъ томѣ (гл. VI) и тамъ увидимъ, что въ этой борьбѣ перевѣсъ скоро перешелъ на сторону красной арміи.*) Тамъ же мы узнаемъ и причины этого перевѣса. Но уже здѣсь нелишне отмѣтить, что у красной арміи были три громадныхъ козыря, которыхъ не хватало «бѣлымъ». Первый козырь — это ея соціальный составъ, особенно чувствовавшійся при встрѣчѣ съ бѣлыми. «Крестьянская» по преимуществу армія сталкивалась здѣсь съ «господской», и населеніе, на территоріи котораго шла борьба, быстро схватывало эту разницу и дѣлало изъ нея соотвѣтственные выводы. Другимъ козыремъ было географическое расположеніе борющихся сторонъ. Красная армія двигалась съ голоднаго сѣвера на богатый югъ, чтобы вернуть сѣверу запасы хлѣба, сахара, нефти, каменнаго угля, отрѣзанные сперва нѣмцами, потомъ бѣлыми. Національный интересъ, понятный массѣ, сливался здѣсь съ личнымъ. Напротивъ, въ походѣ съ юга на сѣверъ, съ Дона на Москву, приходилось уходить отъ хлѣба и везти съ собой продовольствіе не только для себя, но и для освобождаемаго отъ большевиковъ населенія. Нажива здѣсь могла быть только въ формѣ прямого

*) Ходъ военной борьбы по краснымъ источникамъ изложенъ, съ приложеніемъ тетради схемъ, въ сочиненіи: «Боевая работа красной арміи и флота 1918 — 1923. Изд. Высш. Воен. - Ред. Совѣта, подъ общей редакціей В. А. Антонова - Овсѣенко и Б. И. Шапошникова, Москва 1923 г.

грабежа оккупируемыхъ мѣстностей, — что, конечно, тоже не располагало населеніе въ пользу оккупантовъ *). Третій козырь стратегическій состоялъ въ томъ, что, въ связи съ упомянутымъ географическимъ положеніемъ, красная армія двигалась по внутреннимъ линіямъ, что давало возможность перегруппировокъ, пользуясь желѣзными дорогами, соединявшими различные фронты.

Не останавливаясь на періодѣ гражданской войны,о которомъ рѣчь будетъ дальше, перейдемъ теперь къ четвертому моменту въ исторіи красной арміи: къ ея демобилизаціи по окончаніи борьбы съ бѣлыми. Первой мыслью Троцкаго было тутъ — не демобилизовать армію, которая еще можетъ понадобиться для международной борьбы, а консервировать ее, превративъ въ «армію труда», т. е. направить на принудительное обслуживаніе внутреннихъ потребностей государства въ рабочей силѣ. Дѣйствительно, 4 января 1920 г. были созданы четыре «арміи труда». Но мы увидимъ въ главѣ VII, что результатъ этого военно-соціалистическаго творчества оказался совершенно неудаченъ. Всю попытку пришлось бросить, вернувшись къ планомѣрной демобилизаціи арміи и переводу ея на мирное положеніе. Этотъ періодъ демобилизаціи затянулся и закончился только въ 1923 г. Съ этого времени стало возможно серьезно поставить вопросъ объ усовершенствованіяхъ въ арміи, которыя бы приблизили уровень ея технической подготовки къ уровню европейскихъ армій. Въ то же время коммунистическая партія не хотѣла, однако, потерять политическаго руководства арміей. Соединеніе двухъ задачъ, конечно, не могло не затруднить выполненія первой изъ нихъ.

1924-25 годы были годами коренной военной реформы. Реформа эта была поставлена на очередь, прежде всего, объективными условіями: необходимостью сократить расходъ на армію (до 369 милл. или 19% бюджета), уменьшивши вмѣстѣ съ тѣмъ ея численность и ограничивъ ея составъ однимъ призывнымъ годомъ. Старые партійные дѣятели были тѣмъ самымъ удалены изъ арміи, и мѣсто ихъ (съ призывомъ 1922 г.) занялъ комсомольскій молоднякъ, съ одной стороны, и рабочіе «кандидаты ленинскаго призыва, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ политически неграмотные, не имѣвшіе никакого представленія объ условіяхъ пар-

*) См. о всѣхъ этихъ явленіяхъ II томъ этого сочиненія.

тійной работы въ арміи», съ другой стороны*). Пришлось временно даже «свернуть» много «ротныхъ ячеекъ» — составлявшихъ базисъ вліянія партіи въ арміи — и ограничиться «батальонными». Одновременно съ этимъ крестьянскій составъ арміи, требовавшій особенной обработки, поднялся до 82%**). Это былъ, притомъ, «не тотъ классъ, которымъ крестьянство было раньше», а крестьянство, жившее настроеніями, возникшими «на базѣ экономически поднимающейся деревни». Сравнивая лѣтопись проявленій этихъ «настроеній» въ арміи за три послѣдніе мѣсяца 1924 г. съ тѣми же мѣсяцами 1923 г., начальникъ политич. отдѣла А. Бубновъ осторожно говоритъ намъ, что «различные случаи этого порядка (т. е. очевидно, «расхлябанности, ослабленія дисциплины»), «вмѣсто полустраницы, занимаютъ — цѣлыхъ четыре». Рѣшено было бросить, въ виду этихъ угрожающихъ признаковъ, всѣ задачи высшаго порядка, направленныя на «расширеніе культурнаго уровня» пришедшаго изъ деревни рекрута, — на грамотность и экономическую географію», и заняться спеціально натверживаніемъ неграмотному новобранцу партійныхъ директивъ «ленинизма». Это называлось: «не политграмота, а ленинская большевистская учеба и выучка». Иначе выходило, что «культурное развитіе красноармейца, обгоняло его политическое воспитаніе», а это съ полнымъ основаніемъ было признано опаснымъ для совѣтской власти ***).

Обширный планъ военно - техническихъ улучшеній, выполненныхъ въ 1924-25 г. г., насъ здѣсь менѣе интересуетъ; но онъ не менѣе значителенъ для будущей судьбы красной арміи. При ограниченныхъ средствахъ, предоставленныхъ по бюджету, только незначительная часть годового прироста населенія могла быть проведена черезъ ряды арміи. Такъ, въ 1925 г., по признанію «Красной Звѣзды», изъ 1.200.000 контингента 1903 г. только 250.000 предполагалось провести черезъ кадровыя части и 350 черезъ территоріально - милиціонныя части, то-есть, половина населенія остается безъ военнаго обученія. По отношенію ко

---

*) Для характернстнкн работы 1924 г. очень ннтересенъ сборникъ «Красная армія въ 1924 г. н Красная звѣзда», изд. центр. военной газеты «Кр. Звѣзда» М. 1925. Въ сборннкѣ, кромѣ прнвѣтствій, перепечатаны 34 статьи сотрудннковъ, дающія, въ общемъ, очень полный обзоръ матеріала. О перемѣнѣ въ положеніи партін см. стр. 17, 50, 248, 251, 253.

**) По свѣдѣніямъ 1926 г. соціальный составъ армін былъ: рабочнхъ 16,7%, крестьянъ 72%, прочихъ 10,8%.

***) Кр. армія въ 1924 г., стр. 248 — 252, 58 — 60, 259 — 260.

всему населенію призывъ въ кадровыя войска составлялъ 0,29% въ 1924 г., 0,18% въ 1925 г. *). Еще VIII партійный съѣздъ (мартъ 1919) отказался отъ всенароднаго характера милиціи,какъ онъ значился въ старой программѣ, придавъ милиціи исключительно классовый характеръ. IX съѣздъ (мартъ-апрѣль 1920), попытавшись, въ виду «приближенія къ концу гражданской войны», «использовать воинскія части для трудовыхъ задачъ», ввелъ въ то же время принципъ постепеннаго перехода на территоріально - милиціонную систему, съ «всемѣрнымъ приближеніемъ арміи къ производственному процессу», «съ наименьшимъ отвлеченіемъ отъ производительнаго труда» и съ «допризывной подготовкой» молодежи. Но только декретъ 8 августа 1923 г. поставилъ на очередь практическое выполненіе этой программы. Въ настоящее время организація и комплектованіе арміи опредѣляется закономъ 18 сент. 1925 г. объ «обязательной военной службѣ». Вмѣсто сложенія всѣхъ народныхъ силъ и средствъ, предуказываемымъ опытомъ послѣдней войны, тутъ пришлось провести принципы «партійнаго комплектованія», распространивъ его не только на командный составъ, но и на солдатскую массу. По отношенію къ командному составу проводится принципъ «пролетаризаціи», т. е. устраненія прежняго офицерскаго состава изъ активныхъ должностей и замѣны его команднымъ составомъ изъ рабочихъ и крестьянъ. По отношенію къ солдатской массѣ установленъ процентъ комплектованія партійными коммунистами и комсомольцами. Процентъ этотъ различный (отъ 2 до 35%) въ различныхъ частяхъ войска. Всего выше онъ во флотѣ, въ кадрахъ территоріалныхъ частей и въ войскахъ ОГПУ (Объедин. Гос. Полит. Управл.). Чтобы осуществить это заданіе, большевики отказались даже отъ спеціально коммунистическихъ частей (ЧОН), которыя теперь упразднены.

Конечно, на практикѣ, не удается соблюсти установленный процентъ, и фактически партійное укомплектованіе ниже установленнаго. Все же, идея «политическаго» отбора помѣшала осуществить въ чистомъ видѣ идею «всеобщности» воинской повинности, на которой построено положеніе 1925 г. — въ гораздо большей степени, чѣмъ до-военные уставы 1874 и 1912 г. г. **).«По-

*) «Красная Звѣзда» № 202, 1925 г. Докладъ Левичева въ «Правдѣ» 17 августа 1926.

**) Въ положеніи 1925 г. правильнѣе поставленъ вопросъ о физической годности, чѣмъ достигается пониженіе процента бракуемыхъ; значительно сокращены льготы и измѣненъ самый характеръ ихъ; наконецъ, привлечено къ отбыванію воинской повинности окраинное населеніе, прежде освобожденное.

литическій» отборъ исключаетъ изъ рядовъ арміи всѣ «нетрудовые» элементы.

Чѣмъ меньше приходилось расходовать на кадровую армію, тѣмъ больше вниманія должна была привлекать мысль о поддержкѣ извнѣ, о связи арміи со страной и о пополненіи рессурсовъ арміи — рессурсами страны. Здѣсь бюджетныя соображенія столкнулись съ той усвоенной всѣми современными арміями идеей, что «о сколько нибудь успѣшномъ строительствѣ арміи, объ организаціи обороны страны можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если хозяйство страны нормально работаетъ», ибо только въ такомъ случаѣ возможно готовить къ войнѣ *всю* страну, какъ того требуетъ современная техника. Промышленность, транспортъ, школа — все это должно быть наготовѣ, чтобы послужить цѣлямъ народной обороны *). Изъ вопросовъ технической подготовки былъ выдвинутъ въ послѣдніе три года особенно вопросъ о созданіи воздушнаго флота и объ организаціи военно - химическаго дѣла. Тому и другому дѣлу были посвящены двѣ добровольческія организаціи (ОДВФ и Доброхимъ), слитыя потомъ въ одну «Авіохимъ» **). По отношенію къ кадровой арміи при ея переходѣ на мирное положеніе необходимо было улучшить условія содержанія и продовольствія, матеріальнаго снабженія и научной подготовки. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было урегулировать порядокъ прохожденія службы, уничтожить «текучесть», въ связи съ пересмотромъ и фиксированіемъ личнаго состава, и ввести «единоначаліе», вмѣсто дуализма политическаго и техническаго командованія. При переходѣ къ территоріальной системѣ надо было окончательно установить порядокъ комплектованія арміи ***). Всѣ эти вопросы, какъ видимъ, далеко отводятъ военно-научную мысль отъ примитивныхъ задачъ, поставленныхъ при созданіи красной арміи, и все болѣе приближаютъ эту армію къ обычной регулярной арміи, стремящейся стать на современную высоту и сравняться съ лучшими европейскими арміями, воспользовавшись для этого всѣмъ опытомъ послѣдней мiровой войны. Большая работа во всѣхъ этихъ направленіяхъ и совершается военнымъ вѣдомствомъ. Естественно, что она постоянно наталкивается

---

*) Формулировку этой мысли, какъ вошедшей въ общее сознаніе, см. у Блисковицкаго, стр. 69 — 72.

**) Красная армія въ 1924 г., стр. 163 — 173.

***) См. резюмирующія статьи Фрунзе въ цит. сборникѣ, 5 — 39. и Блисковицкій, заключительная глава (68—86), написанная по книгѣ Фрунзе: «На новыхъ путяхъ», «Воен. Вѣстникъ», 1925 г.

на ревнивую подозрительность партіи, которая никоимъ образомъ не можетъ упустить изъ рукъ власти надъ «крестьянской» арміей, ибо это значило бы упустить и самую власть. Мы уже видѣли, однако, что овладѣть арміей для коммунистической партіи нелегко. Съ удовлетвореніемъ начальникъ главнаго управленія РККА Левичевъ сообщаетъ, что рабочій составъ въ призывахъ 1922-1923 г. (1924-1925) поднялся съ 10% до 13,4%; процентъ комсомольцевъ — съ 3,3% до 9,8%, число членовъ и кандидатовъ партіи — съ 1,5% до 2,9%. Но абсолютная незначительность этихъ цифръ сама по себѣ показываетъ невозможность для коммунистическихъ элементовъ справиться съ «отсталой» крестьянской массой призывныхъ (84-80%), которая никакъ не можетъ «отрѣшиться отъ привычки креститься послѣ обѣда», ибо «настроена (75% *всѣхъ* красноармейцевъ) религіозно», но «культурное развитіе которой», въ то же время, «значительно двигается впередъ», «обгоняя ея политическое воспитаніе», усердно подсовываемое на основѣ «ленинской учебы»*).

Крестьянская армія ненадежна — не только въ своихъ старыхъ частяхъ, но и въ самыхъ молодыхъ; быть можетъ въ молодыхъ частяхъ еще менѣе надежна, чѣмъ въ старыхъ. Сознаніе этого отразилось въ постоянныхъ «чисткахъ» команднаго состава, въ связи съ политическими «дискуссіями» внутри партіи, и въ рядѣ проявленій непослушанія или даже форменныхъ бунтовъ, для усмиренія которыхъ приходится примѣнять военную силу. Въ печать проникалъ также рядъ свѣдѣній о случаяхъ, когда власть предпочитала не выпускать войскъ изъ казармъ,

*) Красиая армія въ 1924 г., стр. 62 — 63, 260 — 261. Партійиыхъ комаидировъ имѣлось по даинымъ Блисковицкаго (1925 г.) и Бубиова 1924 г. (Блиск., 81, Бубиовъ въ «Кр. арміи», 51):

	Блисковицкій	Бубиовъ
комаидиры взводовъ	49 %	27%
командиры ротъ	41,5%	36%
комаидиры полковъ	41 %	41%
командиры дивизій		45%
комаидиры корпусовъ		85%
комаидующихъ войсками		69%

По соціальному составу кадровые комаидиры происходятъ: изъ рабочихъ 14%, крестьяиъ 57%, прочихъ 28%, (Блиск). Бубновъ даетъ болѣе детальиыя цифры:

	рабочихъ	крестьянъ	прочихъ
старшій комсоставъ:	35.3%	41.2%	23.5%
комроты	30 %	56.3%	23.1%
комвзводы	30 %	62.4%	7.5%

Преобладаніе крестьянскаго командованія въ низахъ арміи бросается въ глаза.

чтобы не натолкнуться на ихъ сопротивленіе. Все это заставляло совѣтскую власть до послѣдняго времени держать при себѣ особо-надежныя войска ГПУ и «особаго назначенія» (ЧОН), которыя преимущественно и посылались для усмиреній «внутренняго врага». Эти части войскъ удерживались въ повиновеніи и въ чувствахъ преданности совѣтской власти особенными привилегіями и исключительными заботами о нихъ. Въ 1923 г. войска ГПУ изъ общаго числа арміи (750.000 чел.) составляли 150.000; войска особаго назначенія — 175.000, всего, слѣдовательно, 325.000: цифра немалая и сама по себѣ характеризующая, какъ расцѣниваетъ коммунистическая власть степень внутренней опасности, которая ей угрожаетъ. Какъ отражается на составѣ этой части войскъ, по существу постоянныхъ, ежегодное чередованіе призывовъ, мнѣ неизвѣстно *).

Есть еще одна своеобразная черта въ устройствѣ красной арміи, о которой необходимо упомянуть. Вмѣстѣ съ оживленіемъ на XII партійномъ съѣздѣ національныхъ вопросовъ (см. слѣд. главу) тамъ же было рѣшено «принять практическія мѣропріятія по организаціи *національныхъ* войсковыхъ частей». Въ настоящее время уже имѣются отдѣльныя національныя части въ Бѣлоруссіи, Украинской, Крымской, Бухарской, Хорезмской, Якутской С.С.Р., а также въ Закавказьи — Грузіи, Арменіи, Азербайджанѣ, Дагестанѣ, Кареліи и т. д. Однако, прямолинейное проведеніе этой части доктрины наталкивается, съ одной стороны, на естественныя трудности, съ другой — на политическія опасности, которыя сознаются, очевидно, и совѣтскими властями, несмотря на довольную мину, которую онѣ принуждены дѣлать къ этой плохой игрѣ. Къ естественнымъ трудностямъ, заставляющимъ «лишь съ очень большой постепенностью» проводить національное строительство въ арміи, относится новизна военной службы для нѣкоторыхъ національностей, какъ узбеки, киргизы, туркмены, буряты и т. д.; неподготовленность кадровъ команднаго и «политсостава», невыработанность терминологіи военнаго командованія на всѣхъ соотвѣтственныхъ языкахъ и т д. **). О политической опасности, конечно, не говорятъ. но ее стараются предотвратить косвенными мѣрами. Примѣняются на

---

*) Цифры войскъ ГПУ и Чон'а на 1923 г. взяты мною изъ книги Ios. Strom, Sovêtski Rusko, Прага, 1924 г.

**) О національныхъ формированіяхъ см. Красная армія 1924 г., стр. 33 — 34. Блисковицкій, 79 — 81.

практикѣ двѣ главныхъ мѣры этого рода: во-первыхъ, примѣсь, «для вѣрности», къ національнымъ контингентамъ уроженцевъ другихъ мѣстностей и расквартированіе русскихъ частей между національными; во вторыхъ, постоянныя передвиженія національныхъ частей въ другія части Россіи. Такъ, напр., въ 5-ю стрѣлковую дивизію (украинскую) въ 1924 г. были влиты уроженцы центр. Россіи; въ 5-й стрѣлковый корпусъ (бѣлорусскій) — уроженцы Волги; въ Азербайджанѣ расквартирована, кромѣ національной дивизіи, еще 2-я кавказская (обще-русская); въ Грузіи — 1-я и 3-я дивизіи; въ Туркестанѣ русскихъ частей еще больше и т. д. *). Въ упомянутомъ уже докладѣ Левичева упоминается о недоумѣнныхъ вопросахъ призывниковъ: «почему москвичей направляютъ въ Екатеринодаръ, а украинцевъ переводятъ въ Ленинградъ?» Левичевъ объясняетъ это тѣмъ, что «конницу, стоящую въ Москвѣ и Ленинградѣ, приходится комплектовать донцами и кубанцами, ибо конное дѣло свойственно жителямъ степей», а «въ тѣ части, которыя стоятъ на Дону и Кубани, давать значительный процентъ москвичей, ленинградцевъ и харьковцевъ, ибо — армія классовая, а Моск. губ. имѣетъ 44% рабочихъ въ призывномъ возрастѣ, Ленинградъ 50%, тогда какъ въ Черниг. губ. число рабочихъ равняется всего 1 1/2%». Политическій мотивъ, такимъ образомъ, прямо признается. Левичевъ успокаиваетъ, однако, недовольныхъ тѣмъ, что «переброска» уменьшается: въ 1924 г. она составляла 46%, въ 1925 — 36%, въ 1926 — 23%.

V.

Красный терроръ. — Оффиціальныя признанія его значенія. — Характеристика совѣтскаго министра юстиціи (И. З. Штейнберга). — Пріемы пытокъ. — Статистика террора въ 1918 - 1923 г. г. — Кого разстрѣливаютъ? — Политическая тюрьма. — Концентраціонные лагери и ссылка. — Преслѣдованіе соціалистовъ.

Мы подходимъ къ третьему, наиболѣе универсальному средству, которое примѣняется и въ своей спеціальной сферѣ,и при посредствѣ двухъ выше охарактеризованныхъ орудій: партіи и арміи. Это универсальное средство — страхъ, а его спеціальное орудіе — красный терроръ.

*) См. полк. К. Рудинъ, Красная армія, какъ она есть (статьи, печатавшіяся въ «Дняхъ» съ января по апрѣль, 1926 г.), статья «Націон. формированія», «Дни», 24 февр. 1926 г.

Въ этомъ, наиболѣе употребительномъ, но и наиболѣе уязвимомъ пріемѣ властвованія большевики наименѣе охотно сознаются передъ иностранцами*). Когда отрицать его становится невозможнымъ, они пытаются объяснить актъ террора, какъ временный пріемъ, вызванный чувствомъ самосохраненія или мести за покушенія «бѣлогвардейцевъ» на ихъ вождей. (Терроръ оффиціально введенъ осенью 1918 г. послѣ убійства Урицкаго и покушенія на Ленина). По временамъ они начинаютъ утверждать, что терроръ уже отошелъ въ прошлое. И, дѣйствительно, нѣсколько разъ (впервые уже въ февралѣ 1919 г.) они оффиціально объявляли конецъ террора, пробовали отмѣнять смертную казнь, замѣнили вызывавшую чувство ужаса и отвращенія «Че-Ка» скромнымъ Г.П.У, которому предстояло пріобрѣсти такую же репутацію. Но, по существу, отношеніе большевиковъ къ террору никогда не мѣнялось, а для внутренняго употребленія они не только не считали нужнымъ скрывать примѣненіе террора, но, напротивъ, въ интересахъ «устрашенія», придавали террору широкую гласность и самыя поражающія воображеніе формы. «Безнощадное истребленіе эксплуататоровъ», «уничтоженіе паразитныхъ классовъ общества», «полное подавленіе буржуазіи» — введено уже въ самую «декларацію правъ» совѣтской конституціи. Въ «Правдѣ» 11 сентября 1918 г. встрѣчаемъ статью Н. Осинскаго, гдѣ въ слѣдующихъ словахъ развивается оффиціальная теорія краснаго террора. «Отъ диктатуры пролетаріата надъ буржуазіей мы перешли къ красному террору — *системѣ уничтоженія буржуазіи какъ класса* — такъ быстро, что вопросъ о террорѣ обсуждался на митингахъ только недѣлю спустя послѣ обсужде-

*) Въ рядахъ европейской демократіи установилось скептическое отношеніе ко всѣмъ свѣдѣніямъ о красномъ террорѣ, какъ сплошной лжи („pack of lies" говорили англичане), сочиняемой реакціонерами. Въ большинствѣ книгъ иностранцевъ о совѣтской Россіи, и особенно относящихся къ раннимъ годамъ совѣтской власти, вопросъ о красномъ террорѣ обходился молчаніемъ. Сюда относятся, напр., популярныя, въ свое время, книжки Col. Malone M. P. The Russian Republic. 1919. W. T. Goode. Bolshevism at Work, 1920 (см стр. 97). Etienne Antonelli. La Russie Bolcheviste, 1919. André Morizet, Chez Lènine et Trotski Moscou, 1921. Van's 1922, стр. 26 — 31 (защита Че-ка) De'Monzie Du Krémlin au Luxsembourg 1924 стр. 58 (шутливое предпочтеніе Чека передъ судами). Albert Rhys Williams Through The Russian Revolution, 1921, стр. 161 (одно упоминаніе). H. N. Brailsford. The Russian Worker's Republic, 1921, стр. 212 (Чека возстановила порядокъ), 230 - 231 (виновата буржуазія и интеллигенція). Даже отрицательно относящіеся къ большевизму авторы знаютъ мало о красномъ террорѣ, напр.: Keeling, Bolchevism, 1919. Robert Vaucher, L'Enfer Bolchevik a Petrograd (начало террора послѣ убійства Урицкаго, см. стр.

нія вопроса о диктатурѣ». Для объясненія причинъ такого «быстраго перехода» Осинскій приводитъ «двѣ однородныя причины: усиленіе внѣшняго натиска на совѣтскую Россію и попытки буржуазіи возстановить свою власть». Другими словами, принципіальная основа коммунистическаго террора приводится въ связь съ практическими побужденіями — необходимостью устранить опасность для побѣдителей. «Система» Осинскаго строится на «трехъ основаніяхъ»: «физическомъ истребленіи *боевыхъ* элементовъ буржуазіи, строгомъ учетѣ и классификаціи по разрядамъ буржуазной *массы* и экономической кастраціи буржуазіи». Вторая задача выполняется путемъ «отдачи буржуазіи подъ гласный надзоръ, съ провѣркой въ опредѣленные сроки того, что они дѣлаютъ и въ житейскомъ быту, и въ общественной жизни», для чего «выдаются особыя книжки» и «вводится трудовая повинность». «Лица, оказавшіяся опысными, должны либо истребляться, либо быть превращаемы въ заложниковъ, либо помѣщаться въ концентраціонные лагери».

Конечно, эта «система» выполнялась не съ такой строгой методичностью, какъ здѣсь намѣчено. Но о ея выполненіи уже въ то время свидѣтельствуетъ характерная переписка между представителями нейтральныхъ державъ въ Петроградѣ и Чичеринымъ. Въ протестѣ 5 сентября 1918 г., подписанномъ Одье, говорится: «съ единственной цѣлью утолить ненависть противъ цѣлаго класса гражданъ, безъ мандатовъ какой бы то ни было власти, многочисленные вооруженные люди проникаютъ днемъ и ночью въ частные дома, расхищаютъ и грабятъ, арестуютъ и уводятъ въ тюрьму сотни несчастныхъ, абсолютно чуждыхъ политической

333 - 334, 351, 354 — 416). Charles Dumas, La veritè sur les Bolchèviki 1919 стр. 123 — 136. Arthur Ransome (пробольшевнкъ), Six weeks in Russia in 1919, стр. 72 — 76, прнсутствовалъ на засѣданін нсп. ком. по вопросу объ ограниченін правъ Че - ка. Odetta Keun. Sous Lénine, 1922 стр. 102 — 184; 248 — 266; правднвое опнсаніе путешествія по Чрезвычайкамъ. Первое нзслѣдованіе по нсточинкамъ см. у Etienne Buisson Les Bolchèviki (1917 — 1919). Paris. 1919, 101 — 115, кончается сообщеніемъ ЦК отъ 22 февр. 1919 объ окончанін террора. Прекрасно освѣдомлена для своего временн глава „The Red Terror" въ книгѣ Spargo, The greatest failure in all history, 1920, стр. 140 - 191. То же слѣдуетъ сказать о кннгѣ Walling-Gompers. Out of their own months гл. IV, 49 — 71. Снльное, но все же не рѣшающее впечатлѣніе пронзвело опублнкованіе брнтанскнхъ правнтельственныхъ сборнnковъ донесеній агентовъ нзъ Россін. Russia. No 1 (1919). A collection of reports on Bolshevism in Russia u Interim Report of the Committee to collect information of Russia (Miscellaveous, No 13; 1920). Вашингтонъ также опублнковалъ Memorandum on Certain Aspects of the Bolshevist movement in Russia (1919). Эта глава написана на основаніи русскихъ источнnковъ, ие подлежащихъ оспарнванію. См. ниже.

борьбѣ, единственнымъ преступленіемъ которыхъ является принадлежность къ буржуазному классу, уничтоженіе котораго руководители коммунизма проповѣдовали въ своихъ газетахъ и рѣчахъ. Безутѣшнымъ семействамъ нѣтъ возможности получить какую бы то ни было справку относительно мѣстонахожденія родныхъ... Подобные насильственные акты вызываютъ негодованіе цивилизованнаго міра. Дипломатическій корпусъ энергично протестуетъ противъ насильственныхъ актовъ» и т. д. Любопытенъ отвѣтъ Чичерина отъ 12 сентября. Совѣтскій дипломатъ не думаетъ отрицать обвиненія, а только удивляется. Вѣдь «представители нейтральныхъ державъ протестуютъ *не по поводу отдѣльныхъ злоупотребленій, а по поводу режима, проводимаго рабоче-крестьянскимъ правительствомъ въ его борьбѣ съ классомъ эксплуататоровъ*». «Не грозить возмущеніемъ цивилизованнаго міра» должны бы были иностранные представители, «а бояться гнѣва народныхъ массъ всего міра», — ибо «въ Россіи насилія употребляются во имя святыхъ интересовъ освобожденія народныхъ массъ».

Какъ видимъ, совѣтская власть поступала на точномъ основаніи законовъ міровой гражданской войны, къ которой она приступила. Латышъ Лацисъ, виднѣйшій дѣятель Че-Ка, такъ и мотивировалъ тактику, исполнителемъ которой онъ являлся. Для гражданской войны «законы не писаны».«Капиталистическая война», писалъ Лацисъ въ оффиціальномъ органѣ, «имѣетъ свои законы въ разныхъ конвенціяхъ... Но подойдите къ нашей гражданской войнѣ; вы ничего подобнаго не увидите. Вы станете смѣшнымъ, примѣняя или требуя примѣненія этихъ законовъ, считавшихся когда-то священными... Вырѣзать всѣхъ раненыхъ въ бояхъ противъ тебя: вотъ законъ гражданской войны... Въ гражданской войнѣ для противника нѣтъ судовъ... Бей, чтобы не быть побитымъ». И въ своей практикѣ Лацисъ вполнѣ придерживается указаній Осинскаго. Въ оффиціальномъ «Еженедѣльникѣ Чрезвычайной Комиссіи» и въ нѣсколькихъ газетахъ (ноябрь-декабрь 1918 г.) содержится классическое опредѣленіе такого широкаго пониманія краснаго террора. «Мы истребляемъ буржуазію какъ классъ», повторяетъ Лацисъ вслѣдъ за начальствомъ — и дѣлаетъ отсюда практическіе выводы. «Не ищите въ слѣдствіи матеріала и доказательствъ того, что обвиняемый дѣйствовалъ *дѣломъ* или *словомъ* противъ совѣтской власти. Первый вопросъ, который вы

должны ему предложить: *къ какому классу онъ принадлежитъ*, какого онъ происхожденія, образованія или профессіи. *Эти вопросы и должны опредѣлить судьбу обвиняемаго. Въ этомъ смыслѣ и сущность краснаго террора».*

Для такой «системы», очевидно, нѣтъ прецедентовъ въ исторіи, ибо войны первобытныхъ дикарей, для которыхъ тоже «законы не писаны», не велись на началѣ классовой борьбы. Здѣсь соединились, въ безпримѣрномъ и единственномъ сочетаніи, убѣжденіе въ обладаніи абсолютной истиной — своего рода единоспасающей религіей, вродѣ тѣхъ, за которыя когда то жгли людей на кострахъ, — глубокая деформація человѣческой психологіи, созданная пребываніемъ на фронтахъ міровой войны, чувство полнѣйшей безнаказанности бандитовъ, получившихъ цѣлое государство на потокъ и разграбленіе, наконецъ, чувство страха и самосохраненія преступниковъ, вынужденныхъ цѣпляться за попавшую въ руки власть, чтобы сберечь собственную жизнь. Громадное вліяніе, которое имѣло примѣненіе краснаго террора, трудно изобразить лучше, чѣмъ сдѣлалъ это раскаявшійся соціалистъ - революціонеръ, совѣтскій министръ юстиціи И. Э. Штейнбергъ, несущій одинаковую съ большевиками отвѣтственность за примѣненіе этого средства. Изъ его книги я приведу цитату, длиннота которой искупается ея глубокимъ смысломъ и чрезвычайной показательностью.*)

«Терроръ — это не единичный актъ, не изолированное, случайное, хотя и повторяемое проявленіе правительственнаго бѣшенства. Терроръ — это система либо проявляемаго, либо готоваго проявиться насилія сверху. Терроръ — это узаконенный планъ массоваго устрашенія, принужденія, истребленія со стороны власти. Терроръ — это точное, продуманное и до конца доведенное расписаніе каръ, возмездій и угрозъ, которыми правительство запугиваетъ, заманиваетъ, заставляетъ выполнять его безапелляціонную волю. Терроръ — это тяжкій покровъ, наброшенный сверху на все населеніе страны, покровъ, сотканный изъ подозрительности, настороженности, мстительности, озлобленности... При террорѣ — власть въ рукахъ завѣдомаго меньшинства, чувствующаго свое одиночество и боящагося этого одиночества. Терроръ потому и существуетъ, что находящееся у власти и въ одиночествѣ меньшинство зачисляетъ въ станъ своихъ «вра-

*) И. З. Штейнбергъ. Нравственный лнкъ революціи. Скифы. Берлинъ, 1923 г., стр. 18 — 24.

говъ» все большее и большее число людей, группъ, слоевъ... Это понятіе («врагъ революціи») тогда все больше расширяется, растягивается, обнимая собой постепенно всю страну, все населеніе, доходя, наконецъ, до понятія «всѣхъ, кромѣ власти и сотрудниковъ ея».

«Какъ воздѣйствуетъ командующая власть на «враговъ революціи»? Можно ли перечислить ея мѣры полностью? Ихъ такъ много и такъ изобрѣтательны воображеніе и творчество террора въ его авторахъ... Если количественный размахъ террора создается понятіемъ «подозрительнаго», то качественное, матеріальное содержаніе его разрастается безгранично, благодаря принципу «все дозволено»... Это фактически значитъ, что въ отношеніи *всѣхъ* допустимы *всѣ* пути и средства насилія и принужденія. Не забудемъ при этомъ, что этотъ терроръ совершается всегда и неизмѣнно «во имя революціи», во имя высшихъ идеаловъ, достигнутыхъ разумомъ человѣчества... Терроръ не только смертная казнь, которая ярче всего потрясаетъ мысль и воображеніе современниковъ... Формы террора безчисленны и разнообразны, какъ безчисленны и разнообразны въ своихъ проявленіяхъ гнетъ и издѣвательство... Терроръ проявился въ томъ, что на пространствѣ всей революціонной страны въ самую отвѣтственную пору ея жизни заглушено вольное слово. Ни въ печати, ни на собраніяхъ народныхъ, ни въ союзахъ — нигдѣ не допускается слово, которое бы расходилось съ видами командующей власти... Массы въ странѣ террора не только не высказываются, но — при господствѣ только офиціальнаго слова — они не узнаютъ правды о жизни своей и всей страны... Самая мысль становится либо молчаливо растлѣнной, либо молчалински-прислужнической... Терроръ — въ тѣсно сплетенной сѣти политическаго надзора, которымъ правительство опутываетъ всѣ поры, всѣ ткани, всѣ клѣтки революціоннаго общества, въ тайной политической политикѣ, которая неотступно слѣдитъ или дѣлаетъ видъ, что слѣдитъ за каждымъ шагомъ гражданъ, въ хитроумныхъ, дьявольски-изобрѣтательныхъ пріемахъ сыска и провокаціи, которыми тайныя намѣренія гражданъ должны быть обличены передъ лицомъ власти. Терроръ — въ пренебрежительныхъ, въ насмѣшливыхъ, въ мучительныхъ формахъ допроса людей, изобличенныхъ властью, въ тончайшихъ пріемахъ душевной и иной пытки, то дерзко выступающей наружу, то заслоняющейся маской «революціи и соціа-

лизма»,въ переполненныхъ до голоданія,до изнуренія тюрьмахъ..., въ случайности приговоровъ, зависящихъ отъ любой перемѣны политической погоды, отъ колебаній правительственныхъ чиновниковъ, головами казнимыхъ проводящихъ свои политическіе виды. Терроръ — въ произвольныхъ, диктуемыхъ неизвѣстными нормами, выселеніяхъ, реквизиціяхъ, конфискаціяхъ, контрибуціяхъ, лишь по виду цѣпляющихся за сытыхъ и праздныхъ, а по существу бьющихъ по голоднымъ и усталымъ. Но самое страшное, самое чудовищное террора — въ смертной казни, которая, какъ «святая гильотина» революціи, вышла первымъ дѣйствующимъ лицомъ на *бытовую* арену революціи, мечъ которой виситъ на такой тонкой ниточкѣ, что готовъ въ любую минуту спуститься на любую голову. Терроръ — въ крови, которая льется безжалостно, безсмысленнно, ручьями. Терроръ — это «къ стѣнкѣ», которая угрожаетъ за неуплату налога подоходнаго, налога натуральнаго, чрезвычайннаго, и за уходъ изъ арміи, и за уклоненіе отъ нея, и за непоставку лошадей или зерна, и за уличные грабежи и за государственную измѣну, и за безшабашное грюндерство и за обманъ и преступленіе по службѣ, и за мелкую спекуляцію и за искусную контръ - революціонную интригу и за легкомысленное «оскорбленіе величества» (переходного періода). Терроръ въ томъ, что «къ стѣнкѣ» стало тономъ обыденной жизни, что расправѣ надъ беззащитными, превращенію человѣка въ вещь, звѣриному началу въ человѣкѣ открыты всѣ шлюзы и сорваны всѣ плотины. Терроръ — въ животномъ страхѣ, который парализуетъ волю, заставляетъ блѣднѣть сильныхъ, рабски подчиняетъ человѣку съ винтовкой въ рукахъ... Терроръ, наконецъ, въ массовыхъ казняхъ, когда за чужую вину, за ударъ, нанесенный власти, платятся неповинные люди изъ воюющаго класса, платятся люди, случайно попавшіе въ руки этой власти, случайные обитатели государственныхъ тюремъ. Массовый терроръ — въ преслѣдованіяхъ людей безъ вины, въ *заложничествѣ,* въ круговой порукѣ однихъ за другихъ... Терроръ въ томъ, что власть въ защиту свою пускаетъ въ ходъ не тотъ или другой актъ, не тотъ или иной видъ насилія, а въ томъ, что всѣ эти виды и акты насилія пускаются въ *массовомъ* размѣрѣ и *одновременно,* что это звенья одной цѣпи, туго сковывающей сразу и всѣ отправленія жизни страны. Терроръ — не только тогда, когда насиліе примѣняется, но даже и тогда, когда оно еще не примѣняется, когда оно лишь

виситъ постоянной угрозой. *Угроза* терроромъ и есть атмосфера, стихія террора; въ этой атмосферѣ люди живутъ еще болѣе отравленной жизнью, чѣмъ когда дѣйствуетъ самъ терроръ. Если террора нѣтъ сейчасъ, то всегда есть *возможность* его повторенія: есть душевная привычность къ нему у терроризующихъ и терроризуемыхъ.

«Существованіе этихъ двухъ лагерей создаетъ новый строй, въ которомъ, какъ въ прежнихъ насильническихъ, но въ еще болѣе обостренной формѣ, имѣются на лицо всѣ психическіе элементы строя неравенства и угнетенія. На одной сторонѣ — опьяненіе властью: наглость и безнаказанность, издѣвательство надъ человѣкомъ и мелкая злоба, узкая мстительность и сектантская подозрительность, все болѣе глубокое презрѣніе къ низшимъ, однимъ словомъ, *господство*. На другой сторонѣ — задавленность, робость, боязнь наказанія, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество, неустанное обманываніе старшихъ. Получаются два новыхъ класса, раздѣленныхъ между собой глубочайшей соціальной и психологической пропастью: классъ совѣтскихъ комиссаровъ и ихъ челяди и классъ совѣтскихъ «подданныхъ». Чѣмъ сильнѣе нажимъ новаго командующаго класса, тѣмъ безстыднѣе и грубѣе проходитъ онъ свою фазу первоначальнаго накопленія, тѣмъ болѣе яркимъ пламенемъ разгораются чувства злобы, гнѣва и ненависти къ власти у новаго угнетаемаго класса.

«Но этотъ развратъ власти поселяется не только въ отношеніяхъ ея съ подданными, онъ спускается и въ самыя отношенія подданныхъ между собою... Взаимная подозрительность и настороженность, борьба за улыбки и ласки власти, явное или молчаливое предательство ближняго, самоокрашиваніе въ защитные цвѣта, запугиваніе или подкупаніе близостью къ власти, перенесеніе террора въ миніатюрѣ внизъ, подражательность государственному насилію — все это ужасающе развивается въ тѣхъ слояхъ населенія (а это *всѣ* слои), которые толпятся у престола власти. Если всѣ — рабы по отношенію къ власти, тогда между рабами — человѣкъ человѣку волкъ...Надо помнить, что у насъ, въ переходномъ строѣ, плоскость насилія со стороны власти безконечно шире и всеобъемлющѣе, чѣмъ при любомъ старомъ общественномъ строѣ.При режимахъ царскомъ и буржуазномъ насиліе власти концентрировалось лишь въ опредѣленныхъ областяхъ: въ политической, религіозной, національной, отчасти хозяйствен-

ной. Вся же необъятная сфера удовлетворенія человѣческихъ потребностей, сфера индивидуальной жизни «обывателя» находились внѣ плоскости государственно - вооруженнаго воздѣйствія. Теперь же у насъ, когда *всѣ* области и личной, и хозяйственной, и общественной жизни перешли въ руки и подъ надзоръ государственной власти, а власть эта построена исключительно на террористическихъ началахъ, — угнетеніе сверху и безотвѣтная запуганность снизу распространились сами собою на *всѣ* сферы жизни совѣтскаго подданнаго... Это — нашъ терроръ: ему подчинены *всѣ* слои населенія, онъ охватываетъ всѣ области жизни; все дѣлается путемъ принужденія и небрежности къ человѣку, а не путемъ убѣжденія или соглашенія. Терроръ — это соціальная анархія при тѣсной сплоченности власти монархической... Смертная казнь — лишь кровавое увѣнчаніе, мрачный апофеозъ системы, (которая) всѣмъ дыханіемъ своимъ, всѣми атомами своими упорно день за днемъ убиваетъ душу народа».

Громадное мѣсто, которое занимаетъ терроръ въ жизни совѣтской Россіи, охарактеризовано Штейнбергомъ въ приведенныхъ словахъ съ исчерпывающей полнотой и ясностью. Нельзя добросовѣстно оспаривать характеристику этого близкаго свидѣтеля и участника власти. Нельзя отрицать, что терроръ составляетъ не случайную черту, а самую сущность совѣтской системы. Штейнбергъ признаетъ, что до августа 1918 года терроръ былъ «фактическимъ» и только послѣ убійства Урицкаго и покушенія на Ленина въ концѣ августа этого года сталъ «оффиціальнымъ». Дѣйствительно, съ этого времени появилась та оффиціальная *мотивировка* краснаго террора местью за бѣлый терроръ, которую мы привели въ началѣ этого отдѣла.

Въ этой мотивировкѣ, можно различить три стадіи: месть за бѣлый терроръ, борьба съ оружіемъ въ рукахъ противъ вооруженной «контръ революціи», наконецъ, безпощадная классовая борьба вообще, — вотъ эти три постепенно расширяющіяся *оффиціальныя* мотивировки террора. Но и самая широкая изъ нихъ не охватываетъ всей сферы террора, какъ это явствуетъ изъ характеристики Штейнберга. Не только «истребленіе» членовъ враждебнаго пролетаріату класса «буржуазіи» есть задача террора. Главная задача есть «устрашеніе», и распространяется оно на всѣхъ «враговъ правительства», въ чьихъ бы рядахъ они ни находились. Особо опаснымъ врагомъ, напримѣръ, являются соціалисты, и

совѣтскія тюрьмы, какъ при самодержавіи, снова наполнились соціалистами разныхъ партій, причемъ разница обращенія съ «политическими» и «уголовными», строго соблюдавшаяся въ царское время, постепенно затушевалась или, если и сохранилась, то къ невыгодѣ «политическихъ». Разсчитанный на «устрашеніе», терроръ пріобрѣлъ характеръ изысканной жестокости и извращеннаго садизма*). Освобожденные отъ всякихъ юридическихъ нормъ, слѣдователи изощрялись въ изысканіи способовъ получить признаніе всевозможными средствами пытки, а палачи устроили изъ казни — своеобразный спортъ опьяненныхъ виномъ и кокаиномъ людей, кончавшихъ нерѣдко свою карьеру въ домѣ сумасшедшихъ. У каждаго провинціальнаго отдѣла «Че-Ка» были свои излюбленные способы пытки. Въ Харьковѣ скальпировали черепъ и снимали съ кистей рукъ «перчатки». Въ Воронежѣ сажали пытаемыхъ голыми въ бочки, утыканныя гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звѣзду, а священникамъ надѣвали вѣнокъ изъ колючей проволоки. Въ Царицынѣ и Камышинѣ пилили кости пилой. Въ Полтавѣ и Кременчугѣ сажали на колъ. Въ Полтавѣ были такимъ образомъ посажены на колъ 18 монаховъ и сожжены на колу возставшіе крестьяне. Въ Екатеринославѣ распинали и побивали камнями. Въ Одессѣ офицеровъ жарили въ печи и разрывали пополамъ. Въ Кіевѣ клали въ гробъ съ разлагающимся трупомъ, хоронили заживо, потомъ черезъ полчаса откапывали. Самое пребываніе въ тюрьмахъ, переполненныхъ выше всякой мѣры, грязныхъ и полныхъ насѣкомыми, среди уголовныхъ преступниковъ и шпіоновъ, спеціально подсаживаемыхъ къ подозрѣваемымъ, при крайне скудной и нездоровой пищѣ, безъ всякихъ медицинскихъ средствъ, безъ допроса въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и въ то же время при постоянной опасности немедленнаго разстрѣла — иногда вслѣдствіе простаго смѣшенія фамилій, иногда въ качествѣ «заложника», иногда просто такъ, потому что надо очистить тюрьму передъ амнистіей, или передъ приходомъ «бѣлыхъ», — самая эта обстановка была постояннымъ источникомъ моральной и физической пытки.

*) Обширный подборъ фактовъ см. въ почти исчерпывающемъ изслѣдованіи С. П. Мельгунова, Красный терроръ въ Россіи, изд. 2-е, значительно дополненное, Берлинъ, Ватага, 1924. Объ истязаніяхъ и пыткахъ см. стр. 182 — 228. См. также цѣнный фактическій матеріалъ, изданный Центр. Бюро партіи с. р. «Чека». Матеріалы по дѣятельности чрезвычайныхъ комиссій. Берлинъ, 1922. Спеціально относительно духовенства The Assault of Heaven, a collection of facts and documents... Based mainly upon official sources. Compiled by A. A. Valentinov, Berlin. 1924.

Какова статистика краснаго террора? — Комиссія ген. Деникина, разслѣдовавшая матеріалъ по красному террору за 1918-19 г. г., пришла къ ужасающей цифрѣ 1.766.118 истребленныхъ большевиками за эти годы. Цифра эта, по сообщенію, напечатанному въ Times, въ мартѣ 1922 г., составилась изъ слѣдующихъ слагаемыхъ, одни изъ которыхъ, очевидно, болѣе достовѣрны, а другія гадательны:

28 епископовъ.
1215 священниковъ.
6.775 профессоровъ и учителей.
8.800 докторовъ.
54.650 офицеровъ.
260.000 солдатъ.
10.500 полицейскихъ офицеровъ.
48.500 полицейскихъ агентовъ.
12.950 помѣщиковъ.
355.250 представителей интеллигенціи.
193.350 рабочихъ.
815.000 крестьянъ.

Въ виду невозможности провѣрить основанія, на которыхъ построена эта таблица, и въ виду очевидной гипотетичности важнѣйшихъ слагаемыхъ, на нее нельзя ссылаться, какъ на документальное доказательство при сужденіи о террорѣ *). Но едва — ли слѣдуетъ считать преувеличеннымъ ея общій итогъ.

Во всякомъ случаѣ, цифры, сообщаемыя большевиками, крайне преуменьшены и охватываютъ только случаи убійствъ, при которыхъ была соблюдена хоть какая - нибудь процедура судебныхъ трибуналовъ. Разстрѣлы «Че-Ка», освобожденной отъ всякихъ юридическихъ формальностей, и простыя убійства, на которыя, по точному смыслу совѣтскихъ декретовъ, могъ считать себя уполномоченнымъ всякій членъ коммунистической партіи, при этомъ въ счетъ не принимаются. Остаются внѣ подсчета и массовыя убійства въ дни вступленія красныхъ на территоріи и въ города, занимавшіеся бѣлыми. Какъ велика при этихъ условіяхъ разница между оффиціальными показаніями и дѣйствительностью, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Оффиціальный статистикъ «Че-Ка», цитированный ранѣе Лацисъ, утверждалъ, что въ первое полугодіе существованія «Че-Ка» (т. е. до середины 1918 г.) въ двадцати губерніяхъ тогдашней сов.России было разстрѣляно все-

*) Проф. Charles Sarolea воспроизводитъ эту таблицу безъ указанія источника въ своихъ Impressions of Soviet Russia, London 1924, стр. 81-82. Мельгуновъ знаетъ ее только отъ Саролеа (стр. 137) и считаетъ «фантастической».

го 22 чел. А изслѣдователь краснаго террора Мельгуновъ занесъ въ свой карточный каталогъ за то же время 884 случая террора*). За вторую половину 1918 г., когда былъ объявленъ оффиціальный терроръ и когда знаменитый приказъ комиссара внутр. дѣлъ Петровскаго потребовалъ «безусловнаго разстрѣла всѣхъ замѣшанныхъ въ бѣлогвардейской работѣ, безъ — малѣйшихъ колебаній и малѣйшей нерѣшительности», тотъ же Лацисъ занесъ въ свою статистику 4.500 разстрѣлянныхъ. Онъ считалъ это «черезчуръ мягкимъ» и недостаточнымъ. Но по неполнымъ даннымъ Мельгунова цифра разстрѣловъ, зарегистрированныхъ имъ за это время, составляетъ 5004 случая, не считая массовыхъ убійствъ при подавленіи возстаній. А самъ Лацисъ позднѣе поднялъ показанную имъ цифру за вторую половину 1918 г. до 6.185 чел.**). За 1919 г. Лацисъ даетъ цифру разстрѣлянныхъ по постановленіямъ Че-Ка 3.456 ч. Но по другимъ свѣдѣніямъ въ одномъ Кіевѣ, въ 16-ти кіевскихъ «чрезвычайкахъ», погибло не менѣе 12.000 ч. Въ Саратовѣ разстрѣляно и сброшено въ знаменитый оврагъ въ эти два года около 1.500 человѣкъ. Въ Одессѣ за три мѣсяца 1919 г. насчитывается 2.200 жертвъ краснаго террора. Въ Астрахани при усмиреніи рабочей забастовки въ мартѣ того же года погибло не менѣе 2.000, а къ концу апрѣля цифра перевалила за 4.000. Въ Туркестанѣ при усмиреніи возстанія въ январѣ 1919 г. въ одну ночь было перебито свыше 2.500 ч. ***).

15 января 1920 г. предсѣдатель Че-Ка Дзержинскій опубликовалъ объявленіе, что въ виду побѣды надъ бѣлымъ движеніемъ отнынѣ смертная казнь по приговорамъ Че-ка отмѣняется. Но передъ самой ея отмѣной въ Москвѣ и Петроградѣ было разстрѣляно около 700 чел. «Ночь отмѣны смертной казни стала ночью крови», записалъ одинъ изъ казненныхъ на стѣнѣ тюрьмы. А 15 апрѣля того же года было приказано присуждаемыхъ къ смертной казни «отправлять въ полосу военныхъ дѣйствій, какъ въ мѣсто, куда декретъ объ отмѣнѣ смертной казни не распространяется». Конечно, на практикѣ и къ этому лицемѣрію не считали нужнымъ прибѣгать. «Извѣстія» сообщили, что съ января по май 1920 г. разстрѣляно 521 ч. 24 мая, по поводу русско - польской войны, смертная казнь была возстановлена и оффиціально. И разстрѣлы пошли ускореннымъ темпомъ. А именно:

*) Мельгуновъ, 62.
**) Мельгуновъ, 76-85.
***) Мельгуновъ, 64-76.

Съ 22 мая по 22 іюня разстрѣляно	600
Съ іюня по іюль	898
Іюль - августъ	1.183
Августъ - сентябрь	1.206

Это только цифры разстрѣловъ особыхъ военно - революціонныхъ трибуналовъ. А *помимо* этого, въ одномъ Петроградѣ, въ связи съ наступленіемъ ген. Юденича, разстрѣляно въ 1920 г. около 5.000 ч. Болѣе 2.000 разстрѣляно около Архангельска послѣ ухода англійскихъ войскъ;по позднѣйшему разслѣдованію—здѣсь погибло до 8.000. Еще грандіознѣе разстрѣлы на югѣ, послѣ пораженія ген. Деникина и въ особенности послѣ ухода арміи Врангеля. Только въ одной Екатеринодарской тюрьмѣ съ августа 1920 по февраль 1921 года разстрѣляно около 3.000. Въ Крыму число разстрѣлянныхъ по самому скромному подсчету поднимается до 50.000, а другіе считаютъ эту цифру въ 100-120 тысячъ. Бойня продолжалась здѣсь цѣлыми мѣсяцами. Затѣмъ слѣдуютъ такія же массовыя расправы въ Сибири, въ Грузіи, всюду, куда проникалъ красный солдатъ и его спутникъ — палачъ Че-Ка. По мѣрѣ расширенія территоріи совѣтской власти вся Россія была залита кровью *).

Когда періодъ борьбы съ «бѣлымъ движеніемъ» закончился, можно было думать, что красный терроръ отойдетъ окончательно въ прошлое. Такъ и утверждали сторонники совѣтской власти заграницей. Такъ, можетъ быть, и было бы, если бы всякое не только открытое, но и моральное сопротивленіе совѣтской власти прекратилось. Но мы впослѣдствіи увидимъ, что этого не случилось. И созданную терроромъ психологію, такъ ярко описанную Штейнбергомъ, приходилось постоянно поддерживать не путемъ простыхъ угрозъ, а путемъ продолженія системы террористическихъ актовъ. «Всероссійская чрезвычайная Комиссія («Че-Ка»),правда,была замѣнена ГПУ («Государственнымъ политическимъ управленіемъ»). Но перемѣна тутъ была только въ названіи.Разстрѣлы продолжались по-прежнему. Изъ случайнаго сообщенія въ отчетѣ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ мы, напр., знаемъ, что въ маѣ 1922 г. было разстрѣляно 2.372 ч. Въ 1923 г. спеціальная комиссія Центральнаго Исполнительнаго Комитета коммунистической партіи констатировала, что ГПУ разстрѣляло 826 ч. *съ нарушеніемъ установленныхъ формъ*. Съ соблюденіемъ формъ, т. е. видимости судебной процедуры, рев. трибуналы разстрѣляли въ этомъ году

*) Мельгуновъ. 85-110.

съ января по мартъ 40 ч., а за одинъ май — 100. Я не могу приводить здѣсь безконечнаго списка отдѣльныхъ случаевъ разстрѣла, читатель найдетъ его въ книгѣ Мельгунова *). Что касается характера преступленій, за которыя была примѣнена смертная казнь, интересно отмѣтить ихъ измѣненіе послѣ окончанія «бѣлой» борьбы. Мельгуновъ приводитъ слѣдующую статистику этихъ преступленій за 1924 г.: разстрѣляно за возстанія 292 чел., за «контръ-революцію» — 527, за столкновенія въ тюрьмахъ 120, за желѣзнодорожныя дѣла — 32, за «шпіонство» — 70 и за «экономическое шпіонство» — 14, за пропаганду въ красной арміи — 17, за стачки рабочихъ — 154, за убійство селькоровъ — 70.

Не нужно думать, чтобы терроръ направлялся исключительно противъ офицеровъ, помѣщиковъ и вообще «буржуазіи». Онъ былъ направленъ также и противъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигентовъ, включая соціалистовъ. Напр., «Бюллетень партіи лѣвыхъ соціалистовъ - революціонеровъ» констатируетъ въ концѣ 1918 г. разстрѣлы крестьянъ въ рядѣ губерній: въ Тульской 150, въ Калужской 170, въ трехъ уѣздахъ Рязанской губ. болѣе 600, въ Тверской губ. 200, въ Смоленской 600 и т. д. Въ 1920 г., при усмиреніи крестьянскихъ возстаній въ Томской губ. (Сибирь) разстрѣляно болѣе 5.000 ч., въ Уфимской губ., по оффиціальнымъ даннымъ, 10.000 крестьянъ, а по неоффиціальнымъ — больше 25.000. Въ Бузулукѣ (Самарской губ.) въ томъ же году разстрѣляны 4.000 возставшихъ крестьянъ, въ Чистополѣ 600, въ Елатьмѣ 300. Тѣлесныя наказанія крестьянъ — розгами, шомполами, палками, нагайками — происходили почти повсемѣстно. Среди осужденныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ къ 1 іюля 1923 г. цѣлыхъ 40% приходилось на крестьянъ и рабочихъ. Статистика дѣятельности верховнаго революціоннаго трибунала за тотъ же годъ даетъ ту же цифру: 29% крестьянъ, 11% рабочихъ, 34% интеллигенціи — и только 26% «буржуазіи» въ узкомъ смыслѣ **).

Въ связи съ дѣятельностью «Че-Ка» и замѣнившаго его ГПУ не только былъ возстановленъ дореволюціонный режимъ тюрьмы и ссылки, но и значительно ухудшенъ, особенно для политическихъ арестантовъ. По показанію Лациса, «Че-Ка» арестовала въ 1918-1919 г. г. 128.000 ч., причемъ Лацисъ наивно прибавляетъ: «гдѣ же тутъ тотъ необузданный произволъ, о которомъ при каждомъ удобномъ случаѣ кричатъ наши обыватели?» Надо принять во вни-

*) Мельгуновъ, 111-135.
**) Мельгуновъ, 157-165.

маніе, что всѣ русскія тюрьмы въ 1919 г. вмѣщали нормально только 36.000, чтобы представить себѣ, до какой степени тюрьмы были перегружены и какую ужасную гигіеническую обстановку создавало уже одно это перегруженіе тюремъ. Тотъ же, Лацисъ сообщаетъ, что изъ 128.000 арестованныхъ «болѣе половины были освобождены», и ставитъ вопросъ: «откуда же такая масса невинно - арестованныхъ?» Отвѣтъ его еще болѣе наивенъ: «Когда цѣлое учрежденіе, полкъ или военная школа, замѣшаны въ заговорѣ, то какой другой способъ, какъ арестовать *всѣхъ?*»...

По этому своеобразному принципу, напр., осенью 1921 года были арестованы и отправлены въ ссылку около 500 слушателей заподозрѣнныхъ въ благонадежности политическихъ курсовъ красныхъ командировъ и 450 кандидатовъ къ нимъ. Въ одну ночь въ Москвѣ были арестованы около 1.000 служащихъ жилищныхъ отдѣловъ. Въ той же Москвѣ была устроена засада въ магазинѣ художественныхъ вещей Даціаро — и въ Че-Ка попали всѣ 600 покупателей, зашедшіе въ магазинъ. Былъ случай, когда въ Бутырскую тюрьму привели цѣлую свадьбу — съ гостями, извозчиками и т. д. Въ Одессѣ при одной облавѣ въ іюлѣ 1921 г. было арестовано до 16.000 чел. — чтобы устранить нежелательные элементы въ дни выборовъ въ совѣты. А въ Новороссійскѣ вошло въ обычай устраивать отъ времени до времени особый день «тюрьмы», когда никто не имѣлъ права выходить изъ дома и цѣлыя толпы людей всѣхъ возрастовъ и состояній приводились въ Чрезвычайку *).

Такъ какъ тюремъ не хватало для всѣхъ этихъ арестованныхъ (на 1 іюля 1921 г. ихъ числилось 72.685), то были организованы, по примѣру лагерей для военноплѣнныхъ, спеціальные концентраціонные лагери. Нѣкоторые изъ нихъ прославились своими ужасами. Таковъ былъ знаменитый «лагерь смерти» въ Холмогорахъ, куда свозились со всѣхъ концовъ Россіи плѣнные офицеры бѣлыхъ армій и гдѣ ихъ, еще до устройства лагеря, топили цѣлыми тысячами на баржахъ и разстрѣливали. Мѣстные жители указывали цифру погибшихъ тамъ — до 8.000. Комендантъ Бачулисъ въ этомъ лагерѣ придумалъ раздѣлить заключенныхъ на десятки — и за провинность одного наказывалъ (а за побѣгъ разстрѣливалъ) весь десятокъ. Но есть лагерь, одно упоминаніе о которомъ заставляло дрожать даже и заключенныхъ Холмогорскаго лагеря: это Пертоминскій лагерь. Ссылка туда считалась равносильной смерт-

*) Мельгуновъ, 247-263.

ному приговору. Разстрѣлъ заключенныхъ тутъ же, на мѣстѣ, по прихоти не только коменданта лагеря, но и простого конвойнаго, здѣсь былъ самымъ обычнымъ явленіемъ. За полгода въ 1922 г. на 1.200 заключенныхъ здѣсь пришлось 442 смерти *).

Въ послѣдніе годы совѣтская власть примѣняла этотъ пріемъ-- лагернаго или тюремнаго умиранія вмѣстно смертной казни — къ ликвидаціи своихъ политическихъ конкурентовъ, соціалистовъ - меньшевиковъ и соціалистовъ - революціонеровъ. При «ликвидаціи» меньшевиковъ въ маѣ 1923 г. въ 30 городахъ было арестовано болѣе 3.000 ч., а въ іюлѣ прошла новая «волна репрессій», захватившая новыя сотни, если не тысячи. Ликвидація с. р-овъ началась знаменитымъ процессомъ 47 видныхъ дѣятелей этой партіи въ іюнѣ 1922 г., вызвавшимъ большой шумъ за-границей. Послѣ амнистіи и временной легализаціи партіи, ея вожди были обвинены въ старыхъ преступленіяхъ,и 12 видныхъ вождей партіи были приговорены къ смертной казни, которая была затѣмъ замѣнепа условно - безсрочнымъ заключеніемъ, *если* партія прекратитъ борьбу противъ большевиковъ. Другими словами, политическіе враги были сохранены въ качествѣ заложниковъ и оставлены въ живыхъ подъ угрозой ежеминутнаго разстрѣла за чужія вины **). Для соціалистовъ были назначены отдаленнѣйшія мѣста ссылки въ глухихъ мѣстахъ русскаго сѣвера и Сибири, на Соловецкихъ островахъ, въ устьяхъ Оби, въ Нарымскомъ и Туруханскомъ краѣ,въ условіяхъ полной невозможности существованія.Соловецкіе острова на 8 мѣсяцевъ отрѣзаны отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, и этимъ промежуткомъ тюремщики воспользовались, чтобы устроить 19 декабря 1923 года форменный разстрѣлъ заключенныхъ, отказавшихся повиноваться усиленнымъ мѣрамъ строгости тюремнаго режима ***).

Въ оффиціальномъ отчетѣ делегаціи британскихъ тредъ - юніоновъ, посѣтившей Россію въ ноябрѣ и декабрѣ 1924 г., красному террору посвящено нѣсколько смущенныхъ строкъ, которыя показываютъ, какъ трудно довести истину до сознанія людей, которые не хотятъ замѣчать ее. «Что касается постоянныхъ утвержденій прессы, что настоящій режимъ въ Россіи есть «царство

*) Мельгуновъ,265. Чека, 242-247.

**)См. изданіе загр. делегаціи с. р. «Двѣнадцать смертниковъ», Берлинъ, 1922, стр. 82 - 85.

***). Хронику ссылки и насилій въ тюрьмахъ см. въ «Соц. Вѣстникѣ» и въ «Революціонной Россіи».

террора»,то делегація желаетъ засвидѣтельствовать свое убѣжденіе, что въ это не можетъ добросовѣстно повѣрить ни одинъ безпристрастный человѣкъ, путешествовавшій въ Союзѣ и говорившій съ его гражданами». А далѣе слѣдуетъ фраза: «Конечно, часто встрѣчается *нежеланіе противиться»* людямъ и мѣрамъ, выдвинутымъ коммунистами, и это нежеланіе *внушено скорѣе страхомъ, чѣмъ любовью»*. Мы увидимъ позже, что «нежеланіе противиться» постепенно уступаетъ мѣсто «желанію противиться» — или той «активности» населенія, которую со страхомъ признали уже сами большевики, какъ новое явленіе начинающагося 1925 года. Но делегація права, что предшествовавшее состояніе пассивности объясняется «скорѣе страхомъ, чѣмъ любовью». Въ этой неловкой фразѣ заключается невольное признаніе, что красный терроръ достигъ своей цѣли. Ибо его цѣлью и было, какъ мы видѣли, внушить страхъ населенію, какъ единственное средство управлять обширной страной при посредствѣ новаго привилегированнаго класса, который въ свою очередь управляется кучкой олигарховъ при помощи методовъ устрашенія *).

Мы теперь ознакомились съ тѣми тремя средствами, которыя помогли большевикамъ въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія сохранить за собой власть, захваченную въ трудную для государства минуту. Значитъ-ли это, что власть эта, опираясь на тѣ же средства: партію, армію и красный терроръ, гарантирована навсегда отъ всякихъ неожиданностей? Отвѣтъ на это можно получить уже изъ представленнаго описанія. Мы видѣли, что каждое изъ трехъ средствъ, какъ оно ни дѣйствительно въ началѣ, съ теченіемъ времени постепенно теряетъ свою силу. Партія, разлагаясь изнутри, растворяется въ окружающей массѣ, и ея твердыя очертанія,выдѣлявшія ее въ привилегированную касту, стоящую надъ населеніемъ, постепенно сливаются съ окружающими ее элементами, «безпартійными», спеціалистами, чиновниками и т. д. По мѣрѣ отдаленія отъ момента октябрьской побѣды слабѣетъ идеологія этой побѣды, вымираетъ поколѣніе побѣдителей, выходитъ на сцену новое поколѣніе, чуждое старой традиціи, расщепляется твердый остовъ доктрины и т. д. Послѣдствія всего этого мы еще

---

*) Опроверженіе заявленій англійской делегаціи см. въ статьѣ С. П. Мельгунова, Le règne de la terreur dans la Russie de 1924, въ сборникѣ La Russie dans le régime communiste, Paris 1926, стр. 46-71. Въ 1924 году Мельгуновъ насчитывалъ 1804 смертныхъ приговора и въ три первыхъ мѣсяца, 1925 года — 275.

увидимъ въ послѣдней главѣ. Что касается красной арміи, она съ самаго начала была гораздо менѣе надежна, чѣмъ партія, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, въ арміи воспитывался свой корпоративный духъ и создавались свои порядки, дѣлавшіе ее тѣмъ менѣе уязвимой для непосредственныхъ гоненій, чѣмъ болѣе она становилась похожа на регулярную армію, организованную по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Наконецъ, и терроръ, при всей силѣ произведеннаго имъ первоначальнаго впечатлѣнія, блѣднѣетъ по мѣрѣ того, какъ изсякаетъ самый матеріалъ для террора. Всѣ опасные для власти буржуа, всѣ бѣлые офицеры и т. д. или уже попали въ руки власти и казнены, или приспособились, или же эмигрировали и находятся внѣ досягаемости. Послѣ того, какъ большевики немилосердно разрушили старый порядокъ и истребили старый составъ общества, они очутились передъ новымъ, заведеннымъ ими самими порядкомъ,—но *порядкомъ*, который нельзя же было разрушать до основанія каждый день, чтобы каждый день приниматься за строеніе новаго. Такимъ образомъ, они постепенно связывали себя введенными ими же учрежденіями и обычаями, сокращали количество явныхъ враговъ; сокращая сферу примѣненія террора, усиливали чувство безнаказанности обывателя, не входящаго въ эту сферу.

Средство террора, конечно, не уничтожено; каждую минуту оно можетъ начать снова дѣйствовать. Но «стѣнка» сама постепенно выходитъ изъ правовъ. Населеніе смѣлѣетъ, гипнозъ страха исчезаетъ, какъ онъ исчезъ ко времени французскаго термидора. Такимъ образомъ, каждое изъ трехъ средствъ имѣетъ предѣлъ, за которымъ перестаетъ дѣйствовать съ прежней силой. Къ вопросу о томъ, достигнуть - ли уже этотъ предѣлъ, мы вернемся въ концѣ настоящаго изслѣдованія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Національный вопросъ и Совѣтское Союзное государство (С. С. С. Р.)

I.

Особенности національнаго вопроса въ Россіи. — Національный составъ населенія до и послѣ революціи. — Позднее происхожденіе національныхъ конфликтовъ. — Отсутствіе національнаго прозелитизма въ русскомъ народѣ. — Начало националистической политики правительства. — Покровительство власти малымъ національностямъ. — Отношеніе русскаго либерализма къ національному вопросу и національзму. — Усиленіе націоналистическихъ настроеній въ концѣ XIX вѣка. — Союзъ демократовъ разныхъ національностей въ борьбѣ противъ самодержавія. — Смягченныя требованія національностей во время первой революціи.

За нѣкоторое время до революціи проницательные люди стали предсказывать, что неизбѣжнымъ результатомъ революціоннаго потрясенія въ Россіи будетъ ея раздѣленіе на части. Основаніемъ для такихъ предсказаній служило обостреніе отношеній національностей, жившихъ въ предѣлахъ россійской имперіи, къ самодержавному правительству, пытавшемуся вести по отношенію къ этимъ національностямъ централизаціонную и обрусительную политику въ духѣ крайняго національзма, раздѣлявшагося правыми политическими партіями.

Однако же, нельзя сказать, чтобы эта опасность раздробленія Россіи существовала издавна. Напротивъ, обостреніе національныхъ вопросовъ въ Россіи есть явленіе недавняго происхож-

денія. Конечно, Россія не была совершенно однороднымъ, «одно-національнымъ» государствомъ, какими являются, напр. Германія, Франція, Италія. Россія есть государство «многонаціональное» — и осталась такимъ даже и теперь, послѣ отдѣленія отъ нея цѣлаго ряда народностей. Но было бы все таки неправильно сопоставлять Россію въ отношеніи національнаго вопроса съ такими государствами, какъ Австро - Венгрія или Турція. Сравненія эти часто дѣлались противниками Россіи, а иногда и ея союзниками. Такъ, въ извѣстной брошюрѣ ген. Смутса о Лигѣ Націй Россія трактуется какъ одно изъ трехъ побѣжденныхъ государствъ, наряду съ Турціей и Венгріей, и расчлененіе Россіи объясняется той же причиной — возстаніемъ порабощенныхъ національностей. У радикальнаго мнѣнія Европы этотъ взглядъ нашелъ широкое распространеніе *). Россія въ этой средѣ прослыла передъ революціей «тюрьмой народовъ», освобожденіе которыхъ отъ связи съ Россіей вызывало такое же безпредѣльное сочувствіе, какъ и освобожденіе подданныхъ отъ власти неограниченнаго самодержца.

Нельзя считать правильнымъ такой взглядъ, основанный на смѣшеніи Россіи съ ея правительствомъ и съ политическимъ режимомъ.Дѣло тутъ даже не въ томъ,что Россія составляла съ древнихъ историческихъ временъ одно географическое цѣлое, въ которомъ всѣ части, сѣверъ и югъ, западъ и востокъ, были тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ общностью экономическихъ интересовъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно утверждать тоже самое и о Дунайской монархіи, — что не исключаетъ законныхъ причинъ ея распаденія на части. Гораздо важнѣе характеръ народностей, населявшихъ съ доисторическихъ временъ восточную россійскую равнину, и характеръ отношеній между ними и «господствовавшей» національностью. Въ настоящей главѣ читатель увидитъ разницу въ томъ и другомъ отношеніи между Россіей и двумя другими названными государствами, одинаково подвергшимися разложенію.

Что касается характера національностей, обитающихъ въ Россіи (ихъ количество насчитывалось до 100), то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двоякаго рода народностями. Однѣ представляютъ остатки племенъ, ассимилированныхъ русскими племенами въ

---

*) I. C. Smuts, The League of Nations, London—N. Y., 1918, стр. 10, 11, 16, 23.

процессѣ внутренней колонизацін, длившемся многія столѣтія. Не столько самый этотъ процессъ, сколько позднее время, въ которое онъ совершался, составляетъ характерную особенность русской исторіи. На современной русской этнографической картѣ можно видѣть и теперь живые слѣды этого процесса, давно затершіеся въ другихъ частяхъ Европы, и разныя степени его завершенія. Только въ очень недавній періодъ исторіи этотъ процессъ ассимиляціи былъ остановленъ развитіемъ національнаго самосознанія у уцѣлѣвшихъ отъ него національностей. Другой рядъ народностей, расположенныхъ *на окраинахъ* Россіи, еще позднѣе вошелъ въ политическую связь съ русскимъ государствомъ и, естественно, наиболѣе сохранилъ,какъ свою этнографическую чистоту,такъ и свое національное самосознаніе. Сюда относятся Финляндія, Польша, Балтійскія государства (эстонцы, латыши, литовцы), Закавказье (грузины, армяне, татары и др.), центральныя азіатскія провинціи. Къ первой категоріи относятся народности, остатки которыхъ уцѣлѣли отъ ассимиляціи *внутри* русской территоріи. Такіе остатки имѣются на сѣверѣ (зыряне, самоѣды), на Волгѣ и на Уралѣ (татары, мордва, черемисы, чуваши, башкиры, киргизы) и въ Сибири. Естественно, что при всемъ признаніи принципіальнаго значенія національнаго вопроса, трудно прилагать къ той и другой категоріямъ одну и ту же мѣрку. Численный составъ всѣхъ этихъ національностей опредѣлить нелегко. Единственная надежная статистика національностей въ Россіи относится еще къ 1897 г., когда была произведена перепись національностей. Всѣ позднѣйшія цифры основаны на разсчетахъ рождаемости и смертности — и въ той или другой мѣрѣ испорчены политикой. Въ нижеслѣдующей таблицѣ читатель найдетъ цифры переписи 1897 года, распредѣленныя между территоріями, I), оставшимися въ предѣлахъ старой россійской имперіи и II), отошедшими отъ нея. По отношенію къ первымъ населеніе распредѣлено между Европейской Россіей, Сибирью, Центральной Азіей и Кавказомъ. Въ скобкахъ для сравненія поставлены цифры территоріи, неполно переписанной въ 1920 г. (по совѣтскимъ даннымъ).

1. Національности въ предѣлахъ нынѣшней Россіи (С. С. С. Р.), въ тысячахъ человѣкъ

	1897 г.					(1920 г.)
	Европ. Россія	Сибирь	Центр. Азія	Кавказъ	Всего	
Русскіе:						
1. Великороссы ..	48.559	4.424	588	1 830	55.401	(69.135)
2. Украинцы	20.415*)	223	102	1.305	22.045*)	(16.759)
3. Бѣлоруссы	5.823*)	12	1	20	5.856*)	(1.936)
Итого ..	74 797*)	4.659	691	3.155	83.302*)	(87.830)
Тюрко-татары (киргизы, татары, башкиры, сарты; узбеки, чуваши, туркмены и др.) ..	4.220	475	6.618	1.880	13.193	**) (7.215)
Финно-угры (финны, карелы, мордва и др) ..	2.433	53	13	„		(2.865)
Монголы (калмыки, буряты и др.)	171	289	„	„	460	(267)
евреи..	3.715	33	8	„	3.756	(1.842)
германцы . ..	1.312	5	9	„	1.326	(1.044)
армяне	„	„	„	1.096	1.096	„
грузины	„	„	„	1.352	1.352	„
другія кавказск. народности	„	„	„	1.631	1.631	„
Всего на территоріи нынѣшн. Россіи	86.648	5.514	7.339	9.114	*** 108.615	(103.104)

*) Уменьшеніе этихъ цифръ въ 1920 г. объясняется отчасти опустошеніемъ края во время войны, а также переходомъ около 3 1/2 милл. украинцевъ и бѣлоруссовъ во владѣніе Польши по Рижскому договору 1921 г. См. вторую половину таблицы.

**) Въ перепись 1920 г. не вошелъ Туркестанъ.

***) Все населеніе 1897 г. было 128 милліоновъ. Разница приходится на многія неупомянутыя здѣсь народности. Въ 1918 г. на прежней территоріи рос. имперіи должно было быть около 180 милл. Для 1920 г. мелкія и явно неполныя слагаемыя опущены, но итогъ сохраненъ.

II. Національности, отдѣлившіяся отъ прежней Россійской Имперіи, въ тысячахъ человѣкъ

1897 г.	
1. Финны (Финляндія) 2.353	(1917: 2.921; шведовъ 385, русскихъ 7).
2. Поляки (Польша) .. 7.866	(1910: 9.100. Русскихъ числилось въ русской Польшѣ по переписн 1897 г.: великороссовъ 267, украинцевъ 335, бѣлоруссовъ 29, евреевъ 1.267. По Рижскому договору отошлн къ Польшѣ отъ Россіи въ трехъ воеводствахъ 3.616 русскаго населенія).
3. Литовцы (Литва) .. 1.658	(1922: 2.430; евреевъ 320).
4. Латыши (Латвія) .. 1.427	(1922: 1.508; русскихъ 151).
5. Эстонцы (Эстонія) .. 990	(1920: 1.307; русскихъ 58).
6. Молдаване (Бессарабія) 921	(1917: предположительно 1.270, по румынскому счету около 1.900. Все населеніе Бессарабіи составляло въ 1897 г. 1.935, въ томъ числѣ было молдаванъ 921, украинцевъ 382, великороссовъ 156, евреевъ 228, болгаръ 103, германцевъ 60, и т. д. Въ 1917 г. населеніе составляло въ цѣломъ 2.670, и соотвѣтственно (т. е. въ 1,38 раза) должны быть повышены для настоящаго времени цифры всѣхъ національностей).
Итого, національностей по переписи 1897 г. .. **15.215**	Въ 1910-1922 г. тѣхъ же нац. .. 18.266 Русскаго населенія въ отдѣлившихся государствахъ .. .. около 4.370 евреевъ .. .. около 1.815

Какъ видимъ, въ Россіи прежняго времени русскіе всѣхъ трехъ отраслей русскаго племени составляли 65% населенія (великороссы — 43,3%, малороссы — 17,4% и бѣлоруссы — 4,5%). Въ расчлененной Россіи они составляютъ уже не менѣе 80%, т. е. свыше трехъ четвертей населенія. Остальные 20% въ значительной части не представляютъ сплошныхъ группъ, а, за исключеніемъ Кавказа и центрально - азіатскихъ областей, разбросаны среди русскаго населенія. Конечно, само русское населеніе не составляетъ единаго цѣлаго: антагонизмъ украинцевъ и бѣлоруссовъ съ великороссами чрезвычайно усилился именно въ послѣднее время. Сторонники украинскаго и бѣлорусскаго сепаратизма призываютъ на помощь исторію и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ

(не будемъ входить здѣсь въ разборъ основательности ихъ аргументовъ) стараются доказать, что ихъ языки и національности являются не отраслями восточно - славянской группы, а вполнѣ независимыми членами общей славянской семьи. Къ этому присоединяется тенденція — доказывать, что именно великороссы,вслѣдствіе расовыхъ смѣшеній, суть наименѣе славяне *). Какъ бы то ни было, являются ли украинскій (малорусскій) и бѣлорусскій языки дѣйствительно языками или только нарѣчіями одного языка, ихъ замѣтное появленіе въ исторіи относится къ довольно позднему времени (XII-XIV вѣкъ) и до настоящаго времени оба послѣдніе языка, какъ литературные языки, еще не успѣли вполнѣ сложиться, а какъ разговорные языки, не отошли отъ русскаго настолько далеко, чтобы утерять возможность взаимнаго пониманія. Естественно, что *русская* культурная и историческая традиція, именно какъ русская, а не какъ великорусская, до сихъ поръ жива, несмотря на всѣ усилія затереть ее; а «великорусское» національное сознаніе, именно какъ великорусское, до сихъ поръ совершенно отсутствуетъ, сливаясь съ «обще - русскимъ» національнымъ сознаніемъ вообще.

Что касается другихъ національностей, мы увидимъ, что, за исключеніемъ поляковъ и финляндцевъ, ихъ національное сознаніе весьма недавняго происхожденія, и степени національнаго сознанія тѣхъ изъ народностей, которыя остались въ предѣлахъ Россіи, весьма различны, смотря по ихъ географическому положенію и по степени непрерывности ихъ поселеній. Сравнивать отношеніе этихъ національностей къ русскому ядру съ отношеніемъ порабощенныхъ христіанскихъ народностей къ турецкимъ завоевателямъ, значитъ просто не понимать характера турецкаго господства. Въ Россіи никогда не было ничего подобнаго этому наслоенію двухъ этническихъ группъ, — группы завоевателей и группы побѣжденныхъ. Не существовало и такого глубокаго различія между двумя культурами и цивилизаціями. Въ основѣ сожительства народовъ на восточно - европейской равнинѣ лежалъ не фактъ завоеванія и порабощенія одного этнографическаго слоя другимъ, а медленный и длительный процессъ разселенія и сліянія. До послѣдняго времени ни одна изъ *этихъ* національностей не думала

---

*) О ненаучности метода — доказывать различіе національностей посредствомъ различія расъ — см. въ моей книгѣ «Національный Вопросъ (происхожденіе національности и нац. вопросы въ Россіи)». 1925, Стр. 27 - 37, 110 - 112.

отдѣляться отъ Россіи, и даже идея автономіи была очень мало распространена. Это настроеніе національностей вполнѣ соотвѣтствовало настроенію самого русскаго народа, который никогда не былъ зараженъ аггрессивнымъ націонализмомъ правящей «расы», какой можно, напр., замѣтить у мадьяръ. Фактически, народныя массы едва даже сознавали особность своей собственной національности.

Острое и разгоряченное національное чувство обыкновенно рождается подъ угрозой денаціонализаціи, которая особенно страшна для малыхъ національностей. Для такой страны, какъ Россія, подобной опасности, конечно, не могло существовать. Значительная часть раскинутаго на громадной территоріи и малообразованнаго населенія нигдѣ фактически не соприкасалась съ чуждыми народностями и зачастую не знала о самомъ ихъ существованіи и о возможности національныхъ конфликтовъ. Разумѣется, бывали и исключенія на долгомъ историческомъ пути Россіи. Татарское иго XII-XIV столѣтій должно было создать въ порабощенномъ населеніи и, особенно, въ верхнемъ соціальномъ слоѣ сознаніе, что, въ противоположность мусульманамъ («басурманамъ») и азіатскимъ кочевникамъ оно — русское и христіанское (эти два признака часто смѣшивались, и религіозный признакъ становился чертой этническаго различія). Когда въ XVII столѣтіи на западной русской границѣ возникла опасность денаціонализаціи (полонизаціи), то мѣстное русское населеніе развило очень сильный и даже воинствующій націонализмъ. Это настроеніе сохранилось и впослѣдствіи: русскій политическій націонализмъ въ значительной степени западнаго пограничнаго происхожденія. Въ началѣ XVII вѣка, въ годы смуты, все русское населеніе поднялось для защиты русской политической и національной независимости, подвергшейся польской угрозѣ. Когда начался процессъ европеизаціи Россіи, въ особенности, съ реформой Петра Великаго, ксенофобскія настроенія распространились изъ верхняго слоя въ массы и дали даже поводъ говорить о «разрывѣ» правящаго слоя съ народомъ. Въ наши дни, наконецъ, мы видимъ новый взрывъ націонализма въ связи съ политикой иностранцевъ по отношенію къ Россіи. Но все же, по сравненію съ индифферентизмомъ основной толщи русской народной массы и съ цѣлымъ процессомъ исторіи, эти отдѣльные эпизоды національнаго возбужденія представляются временными, прерывистыми и преходящими. По минованіи непо-

средственной причины они обыкновенно проходили,не кристализуясь въ народномъ сознанiи и оставляя лишь смутный слѣдъ въ народной памяти.*) Надо прибавить, что объектомъ даже и этихъ преходящихъ нацiоналистическихъ вспышекъ никогда не были народности, живущiя внутри Россiи (за исключенiемъ евреевъ). Обыкновенно, нацiональная вражда обращалась на сосѣдей или вообще иностранцевъ. И уже совершенно невѣроятнымъ представлялось бы ожидать, что русскiй народъ перемѣнитъ пассивное отношенiе къ другимъ народностямъ на активное и примется «руссифицировать» насильственно другiя нацiональности, какъ венгры «мадьяризировали» своихъ инородцевъ или греки и сербы старались ассимилировать населенiе Македонiи **). «Руссификацiя» окраинъ и инородцевъ, когда она дѣйствительно началась, была дѣломъ правительственной политики и чиновниковъ, но отнюдь не народа. Воинствующiй нацiонализмъ въ Россiи былъ всегда орудiемъ политической реакцiи. Систематически это орудiе стало примѣняться не раньше царствованiя Николая I.

Но то, что было и осталось неизвѣстно русскому народу, было постепенно усвоено малыми народностями, инкорпорированными въ Россiи. Естественно, что наиболѣе сильное и непримиримое нацiональное чувство развилось прежде всего у тѣхъ народностей,которыя были послѣдними присоединены къ Россiи (1815 и 1809) и обладали наиболѣе развитымъ нацiональнымъ сознанiемъ: среди поляковъ и финляндцевъ.

Напомню, что конецъ XVIII столѣтiя и начало XIX было вообще эрой возрожденiя нацiональнаго сознанiя. Это были годы романтическаго протеста противъ рацiонализма и разсудочности «просвѣтительнаго вѣка», годы первыхъ научныхъ изслѣдованiй народнаго духа, выраженiе котораго искали въ народныхъ пѣсняхъ и легендахъ, народныхъ костюмахъ и т. д. Освободительное движенiе, толчокъ которому дала французская революцiя, прибавило къ этому этнографическому интересу старыхъ фольклористовъ и филологовъ политическую идею «самоопредѣленiя» народовъ, немедленно нашедшую приложенiе въ рядѣ возстанiй порабощен-

---

*) О значенiи соцiальной памяти для развитiя сознанiя нацiональности см. въ моемъ «Нацiональномъ Вопросѣ», стр. 76 - 78, 125 - 126.

**) Объ этихъ попыткахъ см. мои главы въ Enquête dans les Balkans Rapport par les membres de la Commission d'Enquête Donation Carnegie. Paris 1914. 5—11 и passim. О мадьяризацiи Scotus Viator. (Seton Watson), Racial problems in Hungary, 1908

ныхъ народовъ противъ поработителей, колоній противъ метрополій и т. д. Наполеоновская эпоха породила и въ Россіи націоналистическія чувства, искавшія теоретическаго обоснованія и нашедшія его въ специфическихъ признакахъ — русской *вѣры* и русской *формы правленія*. Позднѣе это ученіе о православной и самодержавной стихіи русскаго духа получило оффиціальную формулировку въ знаменитой формулѣ гр. Уварова и болѣе глубокое и тонкое обоснованіе въ ученіи интеллигентскаго кружка, получившаго названіе «славянофиловъ». То и другое относится ко времени царствованія Николая I (1840-е 50-е годы), котораго и надо считать начинателемъ русской націоналистической и реакціонной политики противъ пробуждавшихся національностей *).

Надо признать, впрочемъ, что эта націоналистическая политика далеко не всегда была враждебна пробужденію національнаго сознанія у малыхъ національностей. Напротивъ, самодержавное правительство вначалѣ пыталось сдѣлать и изъ національныхъ движеній внутри Россіи орудіе своей политики. Борясь противъ сильныхъ національностей, оно начало поддерживать *противъ* нихъ — слабыя: Оно въ особенности систематически пользовалось этимъ средствомъ для борьбы съ болѣе для него опаснымъ націонализмомъ сосѣднихъ государствъ. Такъ, русское правительство поощряло скромные зародыши финской національной литературы, защищая ихъ противъ шведской культуры высшихъ слоевъ въ Финляндіи. Точно также русская администрація оказывала покровительство первымъ проявленіямъ латышской и литовской національностей, направленнымъ противъ германской культуры остзейскихъ бароновъ и польскихъ помѣщиковъ. Русское правительство не было враждебно и по отношенію къ возрожденію грузинской и армянской литературы, пользуясь армянскимъ патріотизмомъ въ своей борьбѣ противъ турокъ. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, на Балтійскомъ морѣ и на Черномъ, — русское правительство находило въ возрожденіи и укрѣпленіи мѣстныхъ націонализмовъ опору противъ сосѣдей **).

Каково было отношеніе къ національнымъ вопросамъ русскаго либерализма и общественнаго мнѣнія? Какъ теченіе свободомыслящее и въ своемъ источникѣ космополитическое, либерализмъ былъ принципіально противъ традиціонализма и національной ис-

*) См. «Національный вопросъ», стр. 84 - 88, 133 - 135.
**) См. мой «Національный Вопросъ», стр. 155 - 158.

ключительности. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній нашъ либерализмъ назывался «западничествомъ» и вызывалъ самыя рѣзкія нападенія «славянофильства», на которыя и самъ отвѣчалъ таки-ми-же. Вліяніе русской литературы, поэзіи, критики до самаго конца XIX вѣка дѣйствовало въ либеральномъ, т. е. антинаціоналистическомъ духѣ повсюду, куда это вліяніе проникало. Интеллигенція другихъ національностей находилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ русской прогрессивной литературы и сама была проникнута соотвѣтственнымъ духомъ. Эта интеллигенція, безъ различія національностей, симпатизировала проявленіямъ протеста порабощенныхъ національностей, но при этомъ она имѣла въ виду, главнымъ образомъ, порабощеніе политическое, отъ котораго страдала и сама, не обращая большого вниманія на чисто національныя требованія.

Только въ концѣ XIX вѣка почувствовались признаки перемѣны. Послѣ сравнительно либеральнаго царствованія Александра II послѣдовалъ періодъ усиленія воинствующаго націонализма при Александрѣ III; и при Николаѣ II націоналистическая политика правительства продолжалась. Двѣ національности были въ особенности предметомъ преслѣдованій въ теченіе этихъ двухъ царствованій — и обѣ особенно сознательныя національно: поляки и финляндцы. Къ концу вѣка прибавились къ нимъ кавказскія народности, а со времени погромовъ 1881 г., Игнатьевскихъ «майскихъ» временныхъ правилъ 1882 г., московскаго изгнанія 1891 г. и репрессій Дурново и Плеве въ 1880-90 гг.,и евреи.Среди евреевъ, въ видѣ реакціи на преслѣдованія, развились стремленія къ «исходу», оформившіяся въ національное движеніе сіонизма *). Въ это же время австрійскіе соціалъ - демократы Ренперъ (Шпрингер) и Отто Бауэръ, выдвинули свой проектъ рѣшенія австрійскихъ національныхъ проблемъ — доктрину «національной автономіи» (въ противоположность «территоріальной), которая постепенно завоевала популярность въ Россіи. Русскіе интеллигенты, какъ и интеллигенты другихъ національностей Россіи, въ это время, быть можетъ, впервые почувствовали потребность взглянуть на національныя проблемы глубже, чѣмъ смотрѣли до тѣхъ поръ.

Старшее поколѣніе русской интеллигенціи какъ-то пропу-

*) Для характеристики положенія еврейскаго вопроса въ тотъ моментъ см. сборникъ статей Les juifs en Russie, Paris 1891 и С. М. Дубнова, Новѣйшая исторія еврейскаго народа, т. III, главы III, VI и VII.

стило этотъ моментъ. Оно осталось вѣрно либерально-космополитической традиціи, въ то время какъ молодое поколѣніе — какъ на сторонѣ преслѣдователей, такъ и на сторонѣ преслѣдуемыхъ,— прониклось націоналистическими настроеніями. Односторонній космополитизмъ стараго поколѣнія, игнорировавшій самое существованіе специфически національныхъ вопросовъ, былъ вытѣсненъ одинаково одностороннимъ націонализмомъ, приближавшимся къ пониманію вопроса, но одновременно отталкивавшимъ въ разные лагери интеллигентовъ-націоналистовъ — господствующей національности и національностей преслѣдуемыхъ. Отсюда произошли первыя тренія между русской и инородческой интеллигенціей. Послѣдняя,въ своей обостренной чувствительности,перенесла свои подозрѣнія въ шовинизмѣ и «имперіализмѣ» на русскую интеллигенцію вообще. Надо признать, что, дѣйствительно, эта интеллигенція довольно туго воспринимала тонкости австрійской доктрины «національной автономіи», какъ совокупности *не индивидуальныхъ* только правъ, давно провозглашенныхъ въ декларацiяхъ правъ человѣка и гражданина, но и правъ *коллективныхъ,* не успѣвшихъ еще войти въ либеральную программу.

Эти первоначальныя разногласія и взаимное непониманіе не были, однако, особенно глубоки и быстро отошли на второй планъ, когда передъ интеллигенціей всѣхъ національностей открылась практическая возможность совмѣстной работы. У нихъ вѣдь былъ общій *врагъ* - самодержавіе и общее *знамя* политической свободы. Вопросы національнаго самоопредѣленія не казались неотложными; прежде чѣмъ поставить ихъ на очередь, надо было, все равно, сперва побѣдить общаго врага. Только Польша, державшаяся наиболѣе въ сторонѣ отъ русской интеллигенціи, требовала независимости сейчасъ же, въ первую очередь. Но такъ какъ польская проблема была проблемой возсоединенія трехъ разорванныхъ раздѣлами частей, то вопросъ о Польшѣ былъ, въ сущности, вопросомъ международнымъ. Что касается Финляндіи, она добивалась только возстановленія и дальнѣйшаго развитія своей независимой конституціи, что не исключало общихъ связей съ Россіей въ вопросахъ имперской дипломатіи, обороны и частью въ вопросахъ бюджета. Вообще же говоря, стремленія національностей къ сепаратизму были заранѣе осуждены радикальной частью интеллигенціи, какъ стремленія отсталыхъ соціальныхъ и политическихъ слоевъ: дворянства, духовенства, провинціи. Это пониманіе, несомнѣнно,

соотвѣтствовало дѣйствительности въ австрійскихъ земляхъ, гдѣ національное движеніе, становясь изъ феодальнаго демократическимъ, фактически прошло черезъ эти два разные этапа. Русская демократія, борясь въ однихъ рядахъ съ инородческой интеллигенціей, «за нашу и вашу свободу», хотѣла начать прямо со второго этапа.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда первая русская революція дала впервые возможность національностямъ Россіи сказать открыто и свободно, чего они желаютъ и свободно же организоваться для борьбы за достиженіе желаемаго. Отвѣтъ національностей былъ весьма единодушенъ. Народности не желали одного: *отдѣленія* отъ Россіи и желали тоже одного: возможности организоваться для *совмѣстной* политической борьбы за народное представительство. Въ первой русской государственной думѣ депутаты разныхъ національностей организовали «союзъ автономистовъ - федералистовъ». Во второй думѣ, характернымъ образомъ, слово «федерализмъ» было откинуто: остался «союзъ автономистовъ». Подъ эту сокращенную программу старались въ то время (1905-6) подвести свои требованія всѣ лѣвыя и соціалистическія партіи самыхъ разнообразныхъ національностей. Поляки - соціалисты отказывались отъ требованій независимости и самостоятельнаго учредительнаго сейма; литовскіе соціалъ - демократы — точно также; украинцы постепенно смягчили свои требованія до простой автономіи; болѣе отсталыя національности, какъ бѣлоруссы, латыши, эстонцы, мусульмане разныхъ національностей, даже грузины — всѣ готовы были предоставить *политическую* сторону борьбы общеимперскимъ демократическимъ партіямъ, въ которыхъ часто участвовали и сами, оставляя за собой, какъ собственную непосредственную задачу, весьма практическую программу борьбы за свободу національно - культурнаго развитія: вѣры, языка, школы, литературы *).

Трудно, конечно, говорить, что было бы, если бы событія сложились иначе, чѣмъ они въ дѣйствительности сложились. Но судя по всѣмъ тогдашнимъ настроеніямъ демократическихъ элементовъ національностей Россіи, отношенія національностей могли бы сложиться внутри Россіи, въ итогѣ первой русской революціи 1905 - 1908 г. г., безъ всякихъ отпаденій, на началѣ ши-

*) Подробности и ссылки на литературу см. въ моемъ «Національномъ Вопросѣ», стр. 163 - 174 («поиски мирнаго сожительства»).

рокаго самоуправленія для однихъ, — автономіи, національной или территоріальной, для другихъ. Это, конечно, не исключало бы дальнѣйшей борьбы за болѣе широкія требованія, но исходная точка взаимоотношеній въ новой демократической Россіи была бы, вѣроятно, именно такова. Со стороны демократическихъ русскихъ элементовъ, хотя и заподозрѣнныхъ уже тогда въ «имперіализмѣ», противъ такого рѣшенія не могло бы быть возраженій: оно уже было намѣчено въ программахъ демократическихъ партій, включая и партію, которой принадлежало большинство въ первой государственной думѣ. Однако, дальнѣйшія событія разрушили эту краткую интермедію единенія, внеся въ отношенія между національностями и общеимперскими партіями, не говоря уже о правительствѣ, рѣзкую ноту недовѣрія и вражды.

II.

Причины перемѣны въ примирительномъ настроеніи національностей. — Національзмъ послѣднихъ государственныхъ думъ. — Симпатіи Европы къ угнетеннымъ національностямъ. — Война 1914 г. и освобожденіе національностей. — Расчлененіе Россіи, какъ цѣль непріятеля. — Германская оккупація. — Использованіе національныхъ стремленій противъ Россіи. — Доктрина Ленина. — «Декларація правъ» и германскія аннексіи. — Союзники санкціонируютъ расчлененіе Россіи. — Интересы Франціи на сушѣ и Англіи на морѣ.

Два обстоятельства круто измѣнили примирительное настроеніе, начинавшее складываться между національностями и общерусскими группами въ пору первыхъ успѣховъ русскаго освободительнаго движенія. Первымъ обстоятельствомъ было пораженіе этого движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая порча въ составѣ народнаго представительства, которая не давала основанія надѣяться на дальнѣйшую совмѣстную борьбу «за нашу и вашу свободу». Вторымъ обстоятельствомъ была эксплуатація національныхъ движеній, обострившихся, вслѣдствіе только что упомянутой причины, иностранными правительствами и иностраннымъ общественнымъ мнѣніемъ: эксплуатація, начавшаяся еще до послѣдней войны, какъ подготовка къ ней, но достигшая полнаго развитія уже во время самой войны, революціи и побѣды большевиковъ. Первая причина привела національности отъ автономистскихъ настроеній къ сепаратистскимъ. Вторая — повела отъ сепаратизма къ фактическому отдѣленію *).

*) См. «Національный Вопросъ», глава VI-я (Отъ автономіи къ подавленію, отъ подавленія къ отдѣленію).

Прежде всего національности были горько разочарованы въ Г. Думѣ. Не только имъ не удалось добиться національныхъ правъ при посредствѣ двухъ первыхъ думъ, но въ двухъ послѣднихъ думахъ, послѣ измѣненія избирательнаго закона «положеніемъ 3 іюня 1907 года», онп потеряли часть мѣстъ (поляки пзъ 37 мѣстъ сохранили только 14, мусульмапе и кавказцы изъ 29 только 10) п встрѣтились въ третьей думѣ съ искусственно созданнымъ правительственнымъ большинствомъ, которое въ національныхъ вопросахъ оказалось болѣе реакціонно настроеннымъ, чѣмъ само правительство. Дума рѣшилась на такія мѣры, на которыя не рѣшалось правительство, и не только взяла назадъ нѣкоторыя сдѣланныя первой думой уступки, но перешла въ наступленіе п принялась спѣшно проводить законы п поощрять правительственныя мѣры противъ національностей. У финляндцевъ эти законы п мѣры отняли всякую почву права для дальнѣйшей борьбы, поляковъ задѣли въ самыхъ кровныхъ интересахъ, украинцевъ вытѣснили изъ тѣхъ скромныхъ національныхъ позицій, которыя они было заняли въ борьбѣ за языкъ, школу п литературу, мусульманъ затронули въ ихъ религіозныхъ правахъ и въ ихъ владѣніи землями, которыя стали отбираться для русской колонизаціи, и т. д. Естественно, что националистическія настроенія чрезвычайно усилились среди всѣхъ этихъ національностей, и ихъ отрицательное отношеніе къ правительству съ этихъ поръ распространилось и на русскія представительныя учрежденія. Они потеряли вѣру въ пользу своего союза съ русскими либералами и интеллигенціей и стали искать своихъ собственныхъ путей борьбы.

Таково положеніе, прп которомъ сложилась упомянутая въ началѣ главы увѣренность, что при первомъ же внѣшнемъ замѣшательствѣ народности Россіи найдутъ себѣ поддержку среди враговъ Россіи и используютъ русскія затрудненія для отдѣленія отъ ставшаго ненавистнымъ государства. Первымъ шагомъ на этомъ пути было обращеніе угнетенныхъ національностей къ общественному мнѣнію Европы. Ихъ требованія совпали съ взглядами прогрессивной части европейской общественности и, естественно, вызвали сочувствіе въ широкихъ п вліятельныхъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что предметъ ихъ жалобъ, русское самодержавіе, успѣло вызвать столь же единодушную антипатію въ Европѣ. Уже до войны 1914 года создана была журнальная п памфлетная литература,

*) Національный Вопросъ, 174 - 175 («отъ автономіи къ подавленію»).

знакомившая европейскую публику съ правительственными преслѣдованіями національностей: европейскіе радикалы и либералы сотрудничали въ изданіи этой литературы съ эмиссарами разныхъ національностей. Въ Парижѣ былъ даже созданъ въ 1912 г. «Союзъ національностей», стремившихся къ освобожденію; и здѣсь, и вообще въ кругахъ европейской интеллигенціи готовилась та программа освобожденія малыхъ народовъ, которая впослѣдствіи была опубликована въ знаменитыхъ 14 пунктахъ Вильсона*).

Вступленіе Россіи въ войну на сторонѣ европейскихъ демократій создало въ этой программѣ бросавшійся въ глаза пробѣлъ: тамъ говорилось о народностяхъ Австро - Венгріи и Турціи, но относительно народностей Россіи приходилось выражаться крайне сдержанно. Когда въ концѣ 1916 года «Союзу національностей» удалось созвать съѣздъ народностей въ Лозаннѣ, устроителямъ также пришлось вести его чрезвычайно осторожно, чтобы не быть обвиненными въ прогерманскихъ симпатіяхъ. Но и независимо отъ этого явившіеся туда представители народностей Россіи по большей части формулировали свои пожеланія все еще весьма умѣренно — въ терминахъ автономіи и національно-культурныхъ правъ; а предсѣдатель Отлетъ протестовалъ противъ «расчлененія Европы и возвращенія къ средневѣковому дробленію во имя *ложно - понятаго* принципа національности **). Доживавшее свои дни самодержавіе могло бы воспользоваться этимъ — уже послѣднимъ — шансомъ, чтобы настроить свою политику относительно національностей въ тонъ либеральнымъ стремленіямъ «освободительной» войны. На дѣлѣ оно ничуть не измѣнило своей предыдущей линіи поведенія: вело себя въ оккупированныхъ земляхъ съ польскимъ и украинскимъ населеніемъ въ узко - націоналистическомъ духѣ; по отношенію къ полякамъ стало въ явное противорѣчіе съ объявленнымъ въ началѣ войны либеральнымъ манифестомъ, а по отношенію къ евреямъ, обвиненнымъ въ шпіонствѣ, провело безумный планъ ген. Янушкевича о поголовномъ выселеніи и опустошеніи цѣлаго края, угрожаемаго германскимъ наступленіемъ. Все это еще болѣе усилило противорѣчіе между идеологіей союзныхъ демократій и національной политикой самодержавной Россіи и подготовило то сочувственное отношеніе къ послѣдовавшему распаденію Россіи, о которомъ свидѣтельствуетъ брошюра Смутса.

*) См. мой «Національный Вопросъ», 103, 177 - 181 («отъ подавленія къ отдѣленію»).

**) «Національный Вопросъ», 181-182.

Что касается *непріятеля,* здѣсь мысль о расчлененіи Россіи высказывалась уже совершенно открыто. Расчлененіе Россіи было прямо намѣчено, какъ способъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, ожидавшихся въ результатѣ побѣды. Въ извѣстной петиціи, поданной Бетману - Гольвегу шестью вліятельными промышленными ассоціаціями въ маѣ 1915 г., развивался извѣстный пангерманскій или «среднеевропейскій» планъ перестройки Европы, согласно которому Германія расширялась одновременно и на промышленный Западъ, за счетъ бельгійскихъ и французскихъ земель, — и («для сохраненія равновѣсія») на земледѣльческій востокъ, путемъ аннексіи балтійскихъ провинцій и территоріи на югъ отъ нихъ.

Въ началѣ 1916 г. германская армія, какъ бы слѣдуя намѣченному плану будущихъ аннексій, уже занимала большую часть этой территоріи: Польшу, Балтійскія провинціи, Латвію и Литву и часть Украины *). Изъ національностей Россіи австро - германцы еще до войны подготовили себѣ активнаго союзника. Уже въ 1913 г. началась активная австрійская, а потомъ и германская пропаганда среди національностей, которыя имѣлось въ виду отдѣлить отъ Россіи. Для этой цѣли вождямъ различныхъ національныхъ движеній, большей частью уже и раньше работавшимъ въ Европѣ, раздавались обильныя субсидія. Въ это именно время и Ленинъ въ Краковѣ получилъ на изданіе своихъ сочиненій австрійскія деньги, и программа большевиковъ обогатилась новой сверхъ - націоналистической прибавкой о правѣ «самоуправленія вплоть до полнаго отдѣленія». Когда война началась, непріятель сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ для подготовки расчлененія Россіи. А именно, плѣнные всѣхъ интересовавшихъ австро - германцевъ національностей — финляндцы, эстонцы, латыши, украинцы, мусульмане — были намѣренно разсортированы по своимъ національностямъ, и каждая національная группа помѣщена въ особый концентраціонный лагерь, гдѣ велась систематическая пропаганда сепаратизма и техническая подготовка для возбужденія военныхъ возстаній въ соотвѣтствующихъ частяхъ Россіи **).

*) На совпаденіе между зоной оккупаціи германскихъ войскъ къ началу 1916 г. и планами территоріальныхъ пріобрѣтеній на восточной границѣ указалъ еще André Chéradame, въ его Le plan pangermaniste démasqué Paris, Plon, 1916, 95-101.

**) См. мою «Исторію второй р. революціи», I, 149 154, II, 30, 43, 138. Свѣдѣнія о Ленинѣ въ Краковѣ получены мной отъ одного представителя отдѣлившихся національностей, получившаго тамъ же и въ то же время предложеніе австрійскихъ субсидій. Въ одномъ изъ откликовъ на смерть Ленина въ «Правдѣ» я встрѣтилъ косвенное подтвержденіе этого факта.

Февральская революція, радикально измѣнившая отношеніе власти къ національностямъ, казалось, могла бы еще спасти положеніе. Одними изъ первыхъ актовъ временнаго правительства были деклараціи о независимости Польши и соглашеніе съ финляндскими конституціоналистами, которымъ уступалось все, за что финляндскіе активисты и послѣдователи Мехелина боролись совмѣстно съ русскими либералами. Начались переговоры объ автономіи и съ другими народностями. Но германская подготовка не пропала даромъ. Тренированные пропагандисты разныхъ національностей устремились въ Россію. Здѣсь они провели самочинно образованіе отдѣльныхъ національныхъ группъ внутри русской арміи: такъ появились отряды, сформированные изъ украинцевъ, поляковъ, литовцевъ бѣлоруссовъ, мусульманъ, сибиряковъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и пересаженная въ Россію съ согласія германскихъ военныхъ вождей (въ «пломбированномъ вагонѣ») пропаганда большевиковъ. Ленинъ, пріѣхавъ въ Россію, провозгласилъ огуломъ право «дезаннексіи» всѣхъ когда-либо «аннектированныхъ» провинцій любой страны: Финляндіи, Польши, Эстляндіи, Курляндіи, Украины, Бессарабіи, Грузіи, Арменіи, Дагестана, Туркестана, — а также и Ирландіи, Индіи, Египта, Марокко, Алжира и т. д. Правда, еще въ Галиціи, на лѣтней конференціи 1913 г., большевики ввели въ тезисъ Ленина весьма ехидную поправку.*Право* самоопредѣленія, по этой поправкѣ,«непозволительно смѣшивать съ вопросомъ о *цѣлесообразности* отдѣленія той или иной націи». Вопросъ же о цѣлесообразности, партія большевиковъ «должна рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершенно самостоятельно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ «всего общественнаго развитія» (съ каковой, какъ извѣстно, с. д. постоянно предпочитали *большія* государства мелкимъ). Это рѣшеніе было подтверждено и на съѣздѣ въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1917 г. Что касается соціалъ - демократовъ, они на объединенной конференціи въ сентябрѣ 1917 г. выступили даже и противъ условнаго права отдѣленія. Въ резолюціи говорилось, что эволюція Россіи въ «государство національностей» (какъ предполагалось для Австро - Венгріи Реннеромъ - Шпрингеромъ) «вовсе не ведетъ, къ *расчлененію* Россіи на рядъ независимыхъ или не тѣсно сфедерированныхъ самодовлѣющихъ областей; напротивъ она приводитъ къ усиленію болѣе тѣсныхъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ отношеній между всѣми частями страны, независимо

отъ національнаго состава». Оживленіе сепаратизма, отброшеннаго въ 1905 г. (см. выше), соціалъ - демократы считали опаснымъ для русской революціи *).

Однако же, и этотъ взглядъ, и оговорки самихъ большевиковъ были побѣждены доктриной Ленина — «самоопредѣленіе до полнаго отдѣленія». 2 ноября, черезъ недѣлю послѣ захвата власти, большевики опубликовали «декларацію правъ національностей Россіи», въ которой всецѣло признавался «суверенитетъ» народовъ Россіи и ихъ право располагать собой, вплоть до отдѣленія и образованія независимыхъ государствъ. Кому это было нужно, выяснилось тотчасъ же: еще двѣ недѣли спустя, 16 (29) ноября 1917 года германскій канцлеръ Гертлингъ, только что получившій радіо Ленина изъ Царскаго Села, съ предложеніемъ переговоровъ о перемиріи, поспѣшилъ объявить въ Рейхстагѣ, что онъ «уважаетъ право Польши, Курляндіи и Литвы рѣшить» свою судьбу независимо отъ Россіи. Тщетно большевики требовали референдума для всѣхъ народовъ и тщетно Троцкій обращался съ воззваніемъ объ этомъ къ «союзнымъ народамъ». Въ новый 1918 годъ всѣ эти три провинціи, вмѣстѣ съ частями Лифляндіи и Эстоніи были объявлены окончательно отдѣлившимися отъ Россіи, «какъ уже выразившія свою волю отдѣлиться отъ Россіи и образовать независимое государство». Это въ точности соотвѣтствовало упомянутымъ выше проектамъ измѣненій восточной границы Германіи.

Сверхъ того, по Брестъ-Литовскому договору Россія обязалась немедленно эвакуировать Финляндію, Балтійскія провинціи, Украину и Закавказье. Украина, въ доказательство своей независимости, заключила сепаратный миръ съ Германіей. Такъ осуществились подъ прикрытіемъ ультра - радикальной формулы, первые шаги къ расчлененію Россіи **).

До сихъ поръ — все было понятно для каждаго русскаго. Всѣ знали, что побѣдитель будетъ неумолимъ въ осуществленіи своего рѣшенія — ослабить Россію и использовать ея экономическіе рессурсы для самого себя. Но съ другой стороны, всѣ также ожидали, что, когда союзники достигнутъ цѣли нашихъ общихъ усилій, они помогутъ Россіи исправить роковыя послѣдствія чрез-

*) Резолюцію «лѣтняго» съѣзда 1913 г. см. «Росс. Ком. Партія въ резолюціяхъ» и т. д., стр. 118. Подтвержденіе апрѣльскаго съѣзда 1917 г. — тамъ же, 138.

**) Рѣчь Гертлинга и мотивировка самостоятельнаго выступленія Украины см. въ Сборникѣ Charles Daniélou, Responsabilités et buts de guerre, II, 90, 111—112.

мѣрности ея жертвъ. Конечно, нельзя было ожидать, что они сразу примутся возстанавливать единство Россіи, пока Россія останется въ обладаніи большевиковъ. Можно было даже понять, что вновь созданныя государства имѣютъ разумное основаніе настаивать на своемъ фактическомъ отдѣленіи, чтобы не быть поглощенными совѣтской Россіей. Пока такое положеніе, такъ же какъ вызвавшія его причины, оставалось временнымъ, не было основаній особенно безпокоиться. Но съ пораженіемъ германцевъ положеніе должно было перемѣниться. Германія была побѣждена. Брестъ-Литовскій договоръ, унизительный для Россіи, былъ отмѣненъ. Можно себѣ представить крайнее изумленіе и смущеніе русскаго общественнаго мнѣнія, когда, послѣ напраснаго ожиданія, оно начало понимать, что ослабленіе Россіи есть цѣль не только нашихъ враговъ, но и нашихъ друзей, и что «самоопредѣленіе» національностей въ дѣйствительности превратится въ расчлененіе Россіи, закрѣпленное условіями мирнаго договора, который будетъ заключенъ въ отсутствіи Россіи. Для европейскаго общественнаго мнѣнія, наоборотъ, это было лишь естественное выпрямленіе освободительной линіи, начатой, какъ мы видѣли, еще до войны по почину пропагандистовъ разныхъ національностей и только временно затемненной военнымъ союзомъ антанты съ Россіей. Но за этой либеральной идеологіей русскіе патріоты улавливали мотивъ иного характера. Вѣдь говорилъ же Ллойдъ Джорджъ въ своемъ выступленіи въ палатѣ общинъ 17 ноября 1919 г., что «борьба за объединеніе Россіи можетъ и не быть политикой, подходящей для Британской Имперіи». Ллойдъ Джорджъ напомнилъ при этомъ о «великомъ государственномъ человѣкѣ, лордѣ Биконсфильдѣ», «который смотрѣлъ на великую, гигантскую, колоссальную, растущую Россію, какъ на величайшую угрозу, передъ которой можетъ оказаться Британская Имперія». Очевидно, Ллойдъ Джорджъ раздѣлялъ этотъ взглядъ Биконсфильда.

Реалистическій характеръ союзной политики подтверждался также и тѣмъ, что интересы союзниковъ были въ неравной степени распредѣлены между различными новообразованными государствами. Признаніе державами вновь пріобрѣтенной послѣдними независимости также видоизмѣнялось въ степени и въ быстротѣ, смотря по степени интереса каждаго изъ этихъ государствъ для союзниковъ. Интересъ Франціи былъ главнымъ образомъ со-

средоточенъ па задачѣ — контролировать и сдерживать Германію съ Востока. Для этого, прежде всего, надо было найти одного или нѣсколькихъ замѣстителей Россіи на восточной границѣ. Отсюда — идея Клемансо о заградительномъ «кордонѣ» изъ лимитрофовъ. Но главнымъ замѣстителемъ Россіи въ теченіе долгаго времени считалась въ глазахъ французскихъ политиковъ Польша. Ее считали способной занять мѣсто Россіи, въ особенности, если это будетъ «сильная» Польша, расширенная территоріально. Польскіе политики старались укрѣпить Францію въ этой мысли — и до нѣкоторой степени въ этомъ успѣли. Правда, съ теченіемъ времени надежды союзниковъ на Польшу нѣсколько охладѣли; но продиктованная этими истинами политика продолжалась и отразилась въ рядѣ послѣдствій, начиная съ присоединенія къ Польшѣ, по Рижскому договору, полосы земли съ 3 1/2 милліонами чисто русскаго населенія — въ противоположность болѣе справедливой границѣ, почти совпадающей съ этнографической, — названной «линіей Керзона» и предложенной Польшѣ Лигой Націй въ іюлѣ 1919 г. (см. слѣд. главу).

Что касается британскаго интереса, онъ сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на такихъ новообразованныхъ государствахъ, къ которымъ есть доступъ съ моря. Ллойдъ Джорджъ въ своей рѣчи въ Гилдхоллѣ въ 1919 г. весьма откровенно формулировалъ заднюю мысль этой политики. «Вѣрные инстинкту, который всегда насъ спасалъ», заявилъ онъ, «мы никогда не отходили далеко отъ моря». Это заявленіе было встрѣчено одобрительнымъ смѣхомъ аудиторіи. Въ очерченныхъ Л. Джорджемъ предѣлахъ сфера британскихъ интересовъ послѣ послѣдней войны расширилась, включивъ два новыхъ моря: Балтійское и Черное. Расположенныя у Балтійскихъ береговъ Эстонія и Латвія были предварительно признаны Англіей уже 3 мая и 18 ноября 1918 г., задолго до ихъ окончательнаго признанія верховнымъ совѣтомъ въ январѣ 1921 года. Одинъ американскій писатель даетъ такую оцѣнку этихъ фактовъ: «Признаніе Великобританіей Эстоніи и Латвіи имѣетъ торговое значеніе не только по отношенію къ будущности Россіи, но и по отношенію къ общей имперской политикѣ... Повидимому, это надо понимать такъ, что Балтійское море есть сфера Британской торговли, которой предстоитъ въ будущемъ важное развитіе. Такимъ образомъ, именно британскій флотъ взялъ на себя блокаду Германіи и совѣтской Россіи. Британскій верховный комис-

саръ сидитъ въ Данцигѣ, и британскія морскія единицы патрулировали Балтійскіе берега... Все это соотвѣтствуетъ британской традиціи — устанавливать вліяніе или контроль надъ гаванями и прибрежными полосами, служащими выходомъ для внутренняго населенія, отъ котораго текутъ важные торговые потоки» *).

III.

Открытіе Чернаго моря и «балканизація» Закавказья. — Турки — и объявленіе независимости Закавказской республики. — Германцы — и объявленіе независимости Грузіи, Азарбайджана, Арменіи. — Англичане — и признаніе закавказскаго распада. — Большевики — и новое объединеніе Закавказья подъ ихъ военной властью.

Еще болѣе важная перемѣна произошла въ положеніи Чернаго моря. Объ этомъ будетъ рѣчь подробнѣе въ слѣдующей главѣ; но теперь же необходимо отмѣтить, какъ отразилась эта перемѣна на положеніи закавказскихъ пограничныхъ народностей, Грузіи, Арменіи и Азербайджана. По Севрскому договору 10 августа 1920 г. проходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ былъ сдѣланъ свободнымъ не только для торговыхъ судовъ, но и для военныхъ кораблей, независимо отъ ихъ національности, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Оттоманская делегація протестовала противъ этого, какъ противъ нарушенія суверенитета, неприкосновенности и безопасности Турціи. Русскіе (неоффиціальные) представители также указали, что доступъ военнымъ судамъ въ Черное море оставляетъ безъ защиты 2.230 километровъ берега. Тѣмъ не менѣе по договору въ Лозаннѣ (см. гл. V) это положеніе было закрѣплено съ нѣкоторыми ограниченіями относительно размѣровъ иностранныхъ судовъ, имѣющихъ право одновременно войти въ Черное море. Такимъ образомъ, въ результатѣ совмѣстной войны съ союзниками положеніе Россіи на Черномъ морѣ было чрезвычайно ухудшено, и въ то же время закавказскія народности сдѣлались предметомъ особыхъ заботъ Британскаго правительства.

---

*) Объ эгоистическихъ мотивахъ политики союзниковъ относительно Россіи на парижской мирной конференціи см. наблюденія въ книгѣ Dillon, The peace conference, стр. 291-293, 158-160, 221-223. О роли, предназначенной для Польши, см. тамъ же, стр. 224-230. (сообщеніе на стр. 226-227 о воздѣйствіи на меня Бьюкенана при объявленіи независимости совершенно невѣрно). Приведенная въ концѣ цитата взята изъ книги Bowman, The New World. Problems in political geography, N. Y. 1921, стр. 369.

Невозможно описать здѣсь всю путаницу, вызванную «балканизацiей» Закавказья. Географiя, этнографiя и историческая традицiя до сихъ поръ могущественно вліяли въ направленіи объединенія трехъ главныхъ закавказскихъ народностей и ихъ единенія съ Россіей. Русское населеніе этой области составляло (см. стр. 205) весьма значительное меньшинство. Русская цивилизація имѣла громадное вліяніе на эти мѣстности, ихъ экономическое развитіе создано, главнымъ образомъ, мирными условіями жизни, сложившимися при русской власти. Сепаратистскія тенденціи были здѣсь очень слабы. Онѣ одержали верхъ только въ условіяхъ повелительной необходимости. Тотчасъ послѣ большевистскаго переворота (3 декабря 1917 г.) одинъ изъ главныхъ грузинскихъ лидеровъ, Ной Жорданія, заявилъ: «какъ часть Россіи, мы продолжаемъ стоять на общероссійской платформѣ... Отдѣленіе отъ Россіи означаетъ подчиненіе Востоку... Интересы всѣхъ кавказцевъ требуютъ возстановленія центральной власти въ Россіи». Получивъ предложеніе Энвера на имя «независимаго» кавказскаго правительства о заключеніи мира, краевой центръ сов. раб., солд. и крест. депутатовъ проектировалъ отвѣтить: «являясь составной частью россійской республики, мы можемъ приступить къ переговорамъ лишь по полученіи полномочія отъ учредительнаго собранія (4 января 1918 г.)». Учр. собраніе, такимъ образомъ, вплоть до своего разгона признавалось «единственнымъ хозяиномъ земли русской». И еще въ концѣ февраля 1918 г. на съѣздѣ закавказскихъ членовъ учредительнаго собранія представители всѣхъ трехъ главныхъ національностей — грузинъ, армянъ и мусульманъ — объявили себя членами «единой россійской федеративной демократической республики». Только, когда большевики по Брестъ - Литовскому миру уступили Турціи отъ имени Россіи Карсъ, Ардаганъ и Батумъ, Закавказское правительство, усердно объявлявшееся турками «независимымъ», почувствовало необходимость отдѣлить свое дѣло отъ дѣла всероссійской власти, представленной большевиками. Въ Трапезунтъ была послана особая делегація для заключенія отдѣльнаго мира съ Турціей. По требованію турокъ, войска которыхъ въ тотъ моментъ вторглись въ самую область, закавказскій сеймъ былъ вынужденъ въ засѣданіи 9 (22) апрѣля 1918 г. провозгласить (противъ голосовъ части с. р. и русскихъ к. д.) Закавказье, какъ цѣлое, «независимой демократической федеративной республикой». Но турки вовсе

не желали останавливаться на этомъ и сохранять единство Закавказья. Ихъ цѣлью было выдѣлить закавказскихъ мусульманъ и образовать изъ нихъ отдѣльную независимую «Азербайджанскую республику».Тогда, чтобы спастись отъ мусульманской угрозы,грузины предпочли броситься за помощью къ германцамъ. Они пригласили германскую армію придти и принять на себя защиту Грузіи отъ турокъ и отъ закавказскихъ мусульманъ. Какъ неизбѣжное послѣдствіе этой просьбы, они должны были провозгласить независимость своей отдѣльной грузинской республики, что и было сдѣлано на торжественномъ засѣданіи Національнаго Совѣта Грузіи 26 мая 1918 г., въ присутствіи начальника германскихъ войскъ и германскихъ офицеровъ *). Армянамъ, которые одни только были до конца вѣрны антантѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ послѣдовать примѣру другихъ закавказскихъ народностей и провозгласить свою независимость (28 мая). Имъ же пришлось и заплатить по счету за всѣ эти перемѣны. И турки, и грузины имѣли виды на армянскія территоріи, и армянамъ пришлось уступить передъ двойнымъ нападеніемъ. Имъ некого было просить о помощи, такъ какъ на территоріи Арменіи нѣтъ ни нефти, ни марганца **).

Таково было положеніе дѣлъ на Кавказѣ, когда послѣ перемирія, 11 ноября 1918 г., германское вліяніе исчезло и доступъ въ Черное море сталъ свободенъ для союзныхъ флотовъ. Какъ разъ передъ этимъ моментомъ въ Баку («Азербайджанъ») было опубликовано 26 августа 1918 воззваніе Бальфура къ народамъ Россіи, обѣщавшее поддержать Россію противъ «расчлененія». Въ этомъ же духѣ высказывались вначалѣ и представители британскихъ войскъ, прибывшихъ на помощь Баку противъ Азербайджана и противъ осаждавшихъ его турецкихъ войскъ. Но скоро эта политика измѣнилась. Въ воззваніи ген. Томсона 24 ноября 1918 г., продиктованномъ изъ Лондона, уже заявлялось, въ иномъ тонѣ, что судьба «русской территоріи» между Чернымъ и Каспійскимъ морями будетъ рѣшена (въ отсутствіи Россіи)

---

*) Это изложеніе основано, главнымъ образомъ, на оффиціальномъ изданіи «Документы и матеріалы по внѣшней политикѣ Закавказья и Грузіи. Тифлисъ. Типогр. правительства Груз. республики, 1919», стр. 25-26, 200-222, 317-338. См. также мои статьи: The Balkanisation of Transcaucasia, въ Free Russia, 1920, London, II. 237, 269, 299. Аваловъ, Независимость Грузіи, стр. 59-61.

**) См. Mikael Varandian, Le conflit armeno-géorgien et la guerre du Caucase, Paris, 1919.

на мирной конференціи. А 28 декабря 1918 г. Азербайджанское правительство было признано ген. Томсономъ, въ качествѣ единственной законной власти. 30 декабря 1918 г. Бальфуръ увѣдомлялъ грузинскихъ представителей, что «правительство его Величества съ симпатіей относится къ провозглашенію независимой грузинской республики и готово настаивать на ея признаніи на конференціи и поддержать ея желаніе — послать въ Парижъ делегатовъ съ цѣлью представленія своихъ требованій». Это заявленіе сопровождалось вступленіемъ отряда союзныхъ войскъ изъ Баку въ «нейтральный» Тифлисъ, «согласно общей схемѣ международнаго мира и спокойствія», а также для «возстановленія порядка и нормальныхъ условій жизни на Кавказѣ». При этомъ командующимъ Джорданомъ давалось обѣщаніе «не вмѣшиваться во внутреннюю политику и не нарушать свободы грузинскаго народа». Грузинамъ оставалось примириться съ совершившимися фактами и перемѣнить, на короткомъ промежуткѣ десяти недѣль, германскую оріентацію закавказскихъ новорожденныхъ республикъ на антантистскую. Но была одна идея, связывавшая обѣ оріентаціи: идея о Кавказѣ, какъ «барьерѣ», раздѣляющемъ сферу двухъ имперіализмовъ, — россійскаго и британскаго. Эта идея была одинаково пріятна въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ *).

Въ дальнѣйшемъ, делегатамъ этихъ республикъ приходилось проявить такую же гибкость въ отысканіи покровителей, безъ которыхъ, при быстро мѣнявшихся обстоятельствахъ, ихъ независимость легко могла оказаться эфемерной. Что, уйдя отъ Россіи, они только мѣняли покровителя, въ этомъ уже тогда для самихъ кавказцевъ, въ томъ числѣ и для грузинъ, наиболѣе враждебныхъ къ Россіи, не оставалось сомнѣнія. Однако, пока въ Западной Европѣ была надежда на побѣду надъ большевиками Колчака, Деникина, Юденича, недавніе союзники Россіи, выслушивая внимательно требованія кавказцевъ, не спѣшили удовлетворять ихъ. Грузинскій писатель Аваловъ слышалъ тогда (май, 1919) заявленія союзныхъ дипломатовъ: «державы не рѣшаются на расчлененіе Россіи». И онъ высказываетъ предположеніе, осо-

*) См. статью Azerbaidjan and the Allies, въ Free Russia, I. 42—46. Britain, Turkey and Russia in the Caucasus, by V. M. тамъ-же, I, 359. The Times History of War, Chapter CCXC. End of near East Campaigns. Документы по внѣшней политикѣ Закавказья и Грузіи, стр. 426 - 427. Аваловъ, Независимость Грузіи, 161 - 164, 170 - 172.

бенно интересное въ устахъ сепаратиста: «Если бы объединеніе Россіи осуществилось тѣми силами, которыя шли съ Колчакомъ и Деникинымъ, тогда обезпеченіе автономіи окраинъ съ помощью великихъ союзныхъ державъ было бы, вѣроятно, крайнимъ предѣломъ достижимаго и возможнаго» *).

Но положеніе еще разъ измѣнилось, когда, къ концу 1919 г., обнаружилась слабость «бѣлаго движенія» въ борьбѣ съ большевиками. Въ частности въ Закавказьѣ, послѣ ликвидаціи арміи Деникина, открывался свободный доступъ красной арміи къ тремъ новымъ республикамъ. Это былъ уже не ихъ внутренній вопросъ о сохраненіи ими своей независимости, а вопросъ объ опасности для всей Европы, и въ особенности для Англіи, отъ побѣдоноснаго приближенія совѣтской власти къ границамъ Азіи. Это ставило, съ другой стороны, подъ вопросъ и дальнѣйшее пребываніе въ Закавказьѣ союзныхъ войскъ, недостаточно сильныхъ, чтобы вступить въ открытое столкновеніе съ красными войсками. Вотъ почему союзныя правительства вдругъ вспомнили теперь, что закавказскія государства давно хлопочутъ объ оффиціальномъ признаніи. Верховный совѣтъ пословъ въ Парижѣ постановилъ 12 января 1920 г. признать Грузію и Азербайджанъ *де факто,* а 18 января прибавилъ къ нимъ и Арменію, о которой, характернымъ образомъ, забылъ недѣлю тому назадъ. Въ этотъ моментъ какъ разъ рѣшался выборъ между двумя тактиками, мирной и воинственной, по отношенію къ большевикамъ (см. слѣд. главу). Закавказскихъ делегатовъ призвали впервые въ засѣданіе Верховнаго совѣта (19 января, 1920), чтобы узнать отъ нихъ, какими силами они располагаютъ и какая помощь понадобится имъ въ случаѣ нападенія красныхъ войскъ. Опросъ этотъ выяснилъ ихъ безсиліе, и приходилось выбирать между посылкой сильнаго союзнаго дессанта (тысячъ въ 200) въ Закавказье — или отказомъ отъ активной политики тамъ **). Выборъ быстро склонился въ сторону послѣдняго рѣшенія. Еще ранѣе, — уже 10 мая 1919 г. ген. Томсонъ сообщилъ грузинскому правительству, что англійскія войска уводятся изнутри Закавказья и замѣняются итальянскими. Послѣ германцевъ и англичанъ — это былъ уже третій «мандатарій». Уже готовъ былъ и цѣлый итальянскій корпусъ, но вступленіе во власть Нитти (іюнь, 1919) положило конецъ надеждамъ на покровительство Италіи: Нитти благоразумно

*) Аваловъ. Независимость Грузіи, 194, 201.
**) Аваловъ, 238 - 247.

отказался принять на себя рискъ, предъ которымъ останавливалась даже Англія, памятуя объ отмѣченной Ллойдъ Джорджемъ аксіомѣ, что «инстинктъ всегда спасалъ» англичанъ, помогая имъ во время «выпутаться», когда они забирались слишкомъ «далеко отъ моря». Въ іюлѣ - августѣ 1919 г. британскія войска окончательно покинули Грузію и Арменію, оставшись только на берегу моря — въ Батумѣ, который англичане рѣшили превратить въ свободный международный портъ. Послѣднимъ остаткомъ этихъ союзныхъ плановъ и иллюзій остался Севрскій договоръ 10 августа 1920 г., планировавшій еще обширную независимую Арменію, созданную изъ турецкой и русской частей,провозглашавшій Батумъ международнымъ портомъ и вводившій въ международную семью Грузію и Азербайджанъ. Въ моментъ опубликованія этого договора онъ уже начиналъ становиться анахронизмомъ *).

Европа уходила изъ Закавказья: туда возвращались Россія и Турція. Географія и исторія вступали въ свои права. Закавказскія народности все болѣе оказывались въ необходимости выбирать между своимъ исконнымъ врагомъ и прежнимъ покровителемъ. Но выборъ затруднялся на этотъ разъ тѣмъ обстоятельствомъ, что между націоналистической Турціей Кемаля-паши и совѣтской Россіей намѣчалось сближеніе. Ангора, замѣнившая Константинополь, искала въ Москвѣ союзника противъ захватовъ европейскихъ державъ. Москва хотѣла утилизировать это настроеніе Ангоры для созданія новаго плацдарма для подготовки революціи въ Азіи. Большевизмъ и панисламизмъ подавали другъ другу руки.

Таково было настроеніе, при которомъ туркофильскій Азербайджанъ 1918 года превратился въ 1920 г. въ совѣтофильскій. Въ Баку создалось мѣстное совѣтское правительство, заключившее «братскій союзъ» съ Москвой и отдавшее по договору 30 сентября 1920 г. въ полное распоряженіе Москвы всѣ военные и экономическіе рессурсы края. Арменія тоже оказалась въ необходимости выбирать между молотомъ и наковальней, когда Америка, произведя предварительное разслѣдованіе осенью 1919 г. черезъ ген. Харборда, поняла тѣ большія трудности, которыя возлагалъ на нее мандатъ на Арменію, и отказалась отъ этого мандата. Арменія стояла на дорогѣ совѣтскому вліянію въ передней Азіи. Занявъ Баку и собравъ тамъ 27 августа 1920 г., согласно рѣшенію

*) Аваловъ, 221 - 224.

третьяго интернаціонала, съѣздъ восточныхъ «народовъ» для обсужденія шансовъ революціи на Востокѣ, совѣтское правительство рѣшило идти далѣе. Арменія была вынуждена заключить 7 ноября 1920 г. миръ съ Турціей и уступить послѣдней два уѣзда, Зангезурскій и Карабахскій, чтобы открыть коридоръ для прямого сообщенія между Турціей и большевиками. Арменія тогда рѣшила, что «лучше большевики, чѣмъ турки», и 2 декабря 1920 г. превратилась въ совѣтскую республику. Взамѣнъ независимости, Арменія получила военную защиту отъ турокъ и помощь голодающимъ. Послѣ паденія надеждъ на «великую Арменію», выдѣленную изъ турецкихъ вилайетовъ, это былъ единственный способъ сохранить хотя бы русскую Арменію, какъ территорію, гдѣ можно было сохранить армянскую національность отъ окончательнаго истребленія, которому она подвергалась въ турецкихъ предѣлахъ *).

Нѣсколько труднѣе было покончить съ третьей закавказской республикой, Грузіей. И большевики на первый разъ удовольствовались заключеніемъ съ ней мирнаго договора 7 мая 1920 г., по которому Россія (уже вторично, послѣ дополнительнаго договора 27 августа 1918 г. съ Германіей) признавала независимость Грузіи и соглашалась на уступку Батума, изъ котораго англичане послѣ колебаній и отсрочекъ, наконецъ, ушли окончательно 8 іюля. Предварительно англичане рѣшили въ пользу Грузіи спорный вопросъ о передачѣ ей всей Батумской области. А 27 января 1921 г. державы признали Грузію de jure. Но это уже были — дары данайцевъ. Своимъ признаніемъ союзники лишь снимали съ себя окончательно дальнѣйшую отвѣтственность за ходъ событій въ Закавказьѣ. А ходъ этотъ и исходъ для Грузіи былъ предрѣшенъ. Грузинское правительство — меньшевистское — пользовалось въ Европѣ симпатіями второго интернаціонала и въ сентябрѣ 1920 г. торжественно отпраздновало посѣщеніе Грузіи вождями этой международной организаціи, Рамсеемъ Макдональдомъ, Сноуденомъ, Вандервельде, Реноделемъ, Каутскимъ, Гюисмансомъ и др. Но дѣло теперь рѣшалось не ходатайствами на международныхъ конференціяхъ, а на мѣстѣ, на Кавказѣ. Здѣсь, у себя дома, министры - меньшевики оказались безсильными противъ большевистской пропаганды. По компетентному свидѣтельству историка грузинской независимости, г. Авалова, крестьян-

*) Аваловъ, 283 - 291, 225 - 232.

ская масса въ Грузіи «воспитывалась на совѣтскихъ лозунгахъ классовой борьбы, отобранія земель и пр.» Крестьянство, получивъ даромъ земли, затѣмъ совершенно охладѣло къ вопросамъ политическаго строя — разъ его владѣніе землей не подвергалось опасности. Власть была въ рукахъ одной политической партіи, и, постепенно «суживая самую основу своего существованія, въ концѣ пути правительство Грузіи очутилось на столь узенькомъ карнизѣ, что сбросить его внизъ оказалось возможнымъ простымъ щелчкомъ». Эти наблюденія г. Авалова объясняютъ его же выводъ. «Когда Грузію *довели до столкновенія* съ совѣтской Россіей, (то) не богъ вѣсть какимъ силамъ этой послѣдней не было оказано никакого почти сопротивленія. Все было сдѣлано для того, чтобы наступающая совѣтская армія встрѣтила не «вооруженный народъ», а группу партійныхъ вожаковъ, обширное сообщество лицъ, причастныхъ къ эксплуатаціи государственной власти, а съ ними небольшую кучку вѣрныхъ мюридовъ».

На Кавказѣ давно было сознано, что только союзъ всѣхъ трехъ республикъ можетъ до извѣстной степени обезпечить существованіе каждой. Но добиться соглашенія между собой имъ не удалось даже въ самый рѣшительный моментъ — совѣщанія въ С. Ремо (апрѣль, 1920). Проявленія провинціальнаго «имперіализма», ожесточенные споры о границахъ, насильственные вооруженные захваты и т.д., вмѣстѣ со старой національной враждой другъ къ другу, сдѣлали единеніе невозможнымъ. И теперь совѣтская Россія приносила съ своимъ полу-завоеваніемъ, полудобровольнымъ признаніемъ, рѣшеніе основного кавказскаго вопроса объединенія. Повторялась исторія прежнихъ вѣковъ...*).

IV.

Судьба Бессарабіи и «Сфатулъ Церей». — Румынскія насилія. — Признаніе Франціи.

Намъ остается упомянуть въ этой связи еще объ одномъ захватѣ старой территоріи имперіи, самомъ грубомъ изъ всѣхъ. Мы говоримъ объ аннексіи Румыніей Бессарабіи, провинціи, въ которой родственное румынамъ молдаванское населеніе составляло только 47,5% и притомъ относилось къ румынамъ съ ненавистью. Въ Бессарабіи, какъ во многихъ мѣстахъ Россіи, послѣ побѣды

*) Аваловъ, 265-280, 291-293, 311-312. Общую оцѣнку внутреннихъ причинъ слабости и быстраго паденія независимой Грузіи см. въ предисловіи, стр. X-XIV.

большевиковъ въ ноябрѣ 1917 г. образовалось мѣстное собраніе, не выбранное правильно населеніемъ, а назначенное съѣздомъ молдаванскихъ солдатъ въ Кишиневѣ. Треть этого «національнаго собранія», получившаго позднѣе названіе «Сфатулъ Церей», была прямо составлена изъ членовъ съѣзда (44). «Буржуазные» элементы не были допущены вовсе, большинство было искусственно отдано молдаванскому элементу. Но первоначальной задачей этого страннаго собранія былъ исключительно — созывъ мѣстнаго учредительнаго собранія и, сообща съ всероссійскимъ учредительнымъ собраніемъ, выработка основъ федеративнаго объединенія съ Россіей. Даже объявивъ Бессарабію «молдавской демократической республикой» (2 декабря 1917 г.), «Сфатулъ Церей» продолжалъ считать ее «полноправнымъ членомъ единой россійской федеративной демократической республики», что и было признано оффиціальной декларацiей мѣстнаго французскаго консула. Принимая 27 января 1918 г. слѣдующій шагъ — и объявляя республику «независимой»,«Сфатулъ Церей» все еще мотивировалъ это политической необходимостью, вызванной декларацiей независимости Украины.

Но тутъ произошелъ переворотъ, совершенно напоминающій то, что въ это же время происходило и на Украинѣ. Среди солдатъ румынскаго фронта выдѣлилась большевистская организація, которая свергла «директоровъ» (министровъ) «Сфатулъ Церей». Тогда (январь, 1918) румынскія войска, съ согласія союзниковъ, вошли въ Бессарабію, чтобы возстановить порядокъ и спасти провинцію отъ анархіи. Въ самый день вступленія въ Кишиневъ, ген. Презанъ опровергалъ «злостные» слухи о томъ, что румыны хотятъ овладѣть Бессарабіей, и торжественно обѣщалъ, ссылаясь на короля и палату, уйти тотчасъ, какъ только будетъ возстановлена «власть прежнихъ хозяевъ». Французскій посланникъ Ст. Олеръ гарантировалъ выполненіе этого обязательства. Наконецъ, то же обязательство было повторено въ договорѣ 9 марта, 1918 г. между ген. Авереску и Раковскимъ, какъ представителемъ совѣтской Украины.

Вмѣсто выполненія этихъ обязательствъ немедленно начались самыя жестокія мѣры для руманизаціи бессарабскаго населенія и преслѣдованія всего русскаго. Всѣ учрежденія самоуправленія и суда были распущены королевскимъ декретомъ. Рядъ депутатовъ, стоявшихъ за независимость Бессарабіи, былъ разстрѣ-

лянъ. Другіе успѣли бѣжать. Терроризировавъ такимъ образомъ «Сфатулъ Церей», румыны ввели въ зданіе войска и, въ отсутствіи 25 бѣжавшихъ и разстрѣлянныхъ депутатовъ, при воздержаніи 34-хъ, въ томъ числѣ всѣхъ крестьянъ, противъ трехъ, наиболѣе смѣлыхъ депутатовъ, вынудили постановленіе остальныхъ 86-ти о соединеніи Бессарабіи съ Румыніей (9 апрѣля 1918). Болѣе 20.000 населенія бѣжало за Днѣстръ и около 8.000 пришлось разстрѣлять, чтобы провести это рѣшеніе въ жизнь. Но румынское правительство было и этимъ недовольно. Оно устроило для депутатовъ «Сфатулъ Церей» новую западню въ ночь на 28 ноября 1918 г. и заставило охвостье этой палаты отказаться отъ всѣхъ условій соединенія, выговоренныхъ въ актѣ 9 апрѣля, и отдаться на полную волю румынскаго правительства. Изъ 162 депутатовъ только 46 оставались въ палатѣ, и изъ нихъ только 38 вотировали, среди шума и криковъ, par acclamation, текстъ рѣшенія, подсунутаго румынами *).

Злоупотребленіе силой было на этотъ разъ настолько кричащимъ, что верховный совѣтъ конференціи мира не рѣшился сразу его санкціонировать. Въ этомъ единственномъ случаѣ голосъ Россіи, въ лицѣ В. А. Маклакова, бывшаго русскаго посла въ Парижѣ, былъ выслушанъ союзными послами (2 іюля 1919), и г. Братіано уѣхалъ изъ Парижа безъ удовлетворительнаго рѣшенія... Но оно было только отложено. 28 октября 1920 г. на Quai d'Orsay состоялось подписаніе союзниками договора о Бессарабіи, по которому румынскій суверенитетъ признавался безспорнымъ, а Россіи предоставлялось подписать этотъ договоръ, «когда будетъ существовать русское правительство, признанное договаривающимися сторонами». Возраженія Россіи будутъ представлены Лигѣ Націй... Договоръ этотъ, однако, былъ ратифицированъ немедленно только самой Румыніей и Англіей. Франція, Италія, Японія еще питали сомнѣнія. И только въ засѣданіи 11 марта 924 г. французская палата ратифицировала договоръ, который г. Пуанкаре защищалъ невѣрными историческими справками. Единственное правильное изложеніе фактовъ въ этотъ день было

*) Изложеніе фактовъ н документы, на которыхъ оно основано, см. въ моей брошюрѣ. The case for Bessarabis. A collaction of documents of the Roumanian occupation with s preface by Prof. Paul Miliukov, second edition, нзданіе Russisn Liberation Committee. London 1919. Дальнѣйшія данныя см въ брошюрѣ The Roumanian Occupation in Bessarabia. Documents. съ предисловіемъ А. Н. Крупенского, 1920. Матеріалы по Бессарабскому вопросу со дня румынской оккупацін. Изд. Одесскаго Комитета спасенія Бессарабіи. 1922 (съ десятью новыми добавленіями).

сдѣлано коммунистомъ Кашеномъ, и на его вопросъ, почему не спросили Россіи, г. Пуанкаре отвѣтилъ оскорбительнымъ для Россіи и несправедливымъ восклицаніемъ: «а почему Россія измѣнила Франціи?» Въ главѣ объ антибольшевистской Россіи читатель найдетъ отвѣтъ на этотъ больной вопросъ — отвѣтъ, который отнюдь не опасенъ для репутаціи Россіи, но, быть можетъ, не столь благопріятенъ для ея бывшихъ союзниковъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что совѣтское правительство послѣдовательно стояло на точкѣ зрѣнія необязательности для Россіи всѣхъ рѣшеній, принятыхъ державами безъ ея согласія. И во всѣхъ дальнѣйшихъ попыткахъ переговоровъ съ Румыніей — о пограничныхъ спорахъ, о плаваніи по Днѣстру и т. д. вопросъ о Бессарабіи неизмѣнно представлялъ камень преткновенія. Назначенная въ апрѣлѣ 1921 г. конференція между обѣими странами въ Ревелѣ была отложена, и Ревель замѣненъ Варшавой. Оттуда конференція перенесена на границу, въ Тирасполь, затѣмъ отложена вновь и назначена въ Зальцбургѣ, потомъ состоялась лѣтомъ 1924 г. въ Вѣнѣ. Но вездѣ переговоры обрывались, какъ только доходило до вопроса о Бессарабіи. На этомъ же основаніи Румынія отказалась послать делегатовъ въ Москву въ іюнѣ 1922 г. на конференцію о разоруженіи *).

V.

Отношеніе Америки къ расчлененію Россіи. — Нота Кольби. — Отношеніе Юза. — Резолюція русскихъ демократическихъ партій о національномъ вопросѣ 1921 года.

Необходимо отмѣтить, что во всѣхъ случаяхъ расчлененія Россіи односторонними актами безъ ея согласія только одна держава, Соединенные Штаты Сѣверной Америки занимали позицію, достойную демократической страны и способную удовлетворить русское общественное мнѣніе безъ различія партій. Американская точка зрѣнія съ особенной отчетливостью была изложена въ нотѣ государственнаго секретаря Кольби 10 августа 1920 г., посланной итальянскому правительству въ отвѣтъ на притязанія Польши. «Дружба и честь», говорится въ этой нотѣ, «требуетъ, чтобы интересы Россіи были великодушно охранены и, поскольку возможно, всѣ рѣшенія, имѣющія для нея жизненное значеніе

*) Alfred L. P. Dennis, The foreign policies of Soviet Russia, New York, 1924, стр. 172 - 174. (Russo-Rumanian disputes, 1920-1923.)

и, въ особенности, касающіяся ея суверенитета надъ территоріями прежней русской имперіи, были отложены». Этимъ чувствомъ дружбы и обязательства чести по отношенію къ великой націи, храброе и геройское самопожертвованіе которой такъ много содѣйствовало успѣшному окончанію войны, правительство Соединенныхъ Штатовъ руководилось въ своемъ отвѣтѣ литовскому національному совѣту въ октябрѣ 1919 г. и въ своемъ постоянномъ отказѣ признать балтійскія государства, какъ отдѣльныя націи, независимыя отъ Россіи. Тотъ же духъ проявился въ нотѣ этого правительства отъ 24 марта 1920 г., въ которой было установлено, по отношенію къ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ, предположеннымъ на Ближнемъ Востокѣ, что «никакое окончательное рѣшеніе не должно и не можетъ быть принято безъ согласія Россіи (здѣсь разумѣется слѣдующее заявленіе С. Ш.: «никакое соглашеніе, предпринимаемое въ настоящее время относительно управленія и контроля надъ Константинополемъ и проливами, не можетъ имѣть постояннаго характера, если не предусмотрѣны и не охранены въ полной мѣрѣ жизненные интересы Россіи въ этихъ вопросахъ и если не предусмотрѣно, что Россія, когда она будетъ имѣть правительство, признанное цивилизованнымъ міромъ, сможетъ осуществить свое право быть выслушанной по отношенію къ принимаемымъ теперь рѣшеніямъ»). «Въ согласіи съ этими важными заявленіями о политикѣ С. Ш.», продолжаетъ Кольби, «Соединенные Штаты отказались (7 февраля 1920 г.) одобрить рѣшеніе верховнаго совѣта въ Парижѣ, признавшее независимость такъ называемыхъ республикъ Грузіи и Азербайджана, и дали соотвѣтственныя директивы своему представителю въ Южной Россіи контръ-адмиралу Ньютону Макъ Кюлли. Наконецъ,... правительство Соед. Штатовъ заняло (въ армянскомъ вопросѣ) позицію, что окончательное опредѣленіе границъ (независимой Арменіи) не должно быть устанавливаемо безъ участія и согласія Россіи... Мы не хотѣли, чтобы Россія, пока она остается безпомощной въ рукахъ правительства, не представляющаго націи и располагающаго,въ качествѣ единственной санкціи,одной грубой силой, ослаблялась еще болѣе *политикой расчлененія, задуманной въ иныхъ интересахъ, чѣмъ интересы Россіи*».

Эта благородная линія поведенія, принятая при демократической администраціи, не измѣнилась и при переходѣ власти къ республиканцамъ. Нота статсъ-секретаря Юза, опубликован-

ная по поводу Вашингтонской конференціи (19 сент. 1921 г.), вполнѣ подтвердила заявленія сдѣланныя Кольби*).

Излишне говорить, что вся Россія, безъ различія политическихъ теченій и партій, какъ бы велики ни были ихъ разногласія относительно способа ликвидаціи современнаго положенія Россіи, вполнѣ единодушно привѣтствовала американскую политику и сохранила благодарное чувство къ ея руководителямъ за эту охрану ея суверенитета и достоинства. *Какъ* въ дѣйствительности будетъ ликвидированъ вопросъ о расчлененіи Россіи и въ какой формѣ Россія получитъ голосъ въ международномъ трибуналѣ для выясненія своего отношенія къ совершившимся фактамъ и для выставленія соотвѣтственныхъ требованій, каковы будутъ дальнѣйшія отношенія къ отдѣлившимся народностямъ и ко вновь образовавшимся государствамъ, — всѣ эти вопросы слишкомъ сложны и обстановка, въ какой они будутъ рѣшаться, слишкомъ мало опредѣлилась въ настоящую минуту, чтобы мы могли здѣсь намѣчать какія - бы то ни было рѣшенія. Ограничимся передачей голоса демократическихъ русскихъ теченій, раздавшагося въ тотъ моментъ, когда только - что описанныя событія были еще свѣжи въ общей памяти и когда надежды на возстановленіе единства Россіи еще не были ослаблены измѣнившейся международной обстановкой и фактомъ длительности русскаго кризиса. Голосъ этотъ былъ поднятъ конференціей членовъ всероссійскаго учредительнаго собранія(разогнаннаго большевиками),собравшейся въ Парижѣ въ январѣ 1921 года. Вотъ резолюція, принятая этой конференціей по данному вопросу.

«1. Русскія демократическія партіи всегда признавали законнымъ стремленіе народностей Россіи къ свободѣ самоопредѣленія. Учредительное Собраніе 5 января 1918 г. провозгласило начало федеративнаго устройства Россіи. Но это стремленіе народностей Россіи, при сложившихся трагическихъ обстоятельствахъ, выразилось въ формѣ требованія полнаго выдѣленія окраинныхъ государствъ и разрыва ими всякихъ связей съ Россіей вслѣдствіе желанія оградить себя отъ деспотической власти и разрушительной политики большевистскихъ диктаторовъ.

2. Пока надъ Россіей тяготѣетъ режимъ большевистской диктатуры, до тѣхъ поръ не можетъ опредѣлиться и вылиться въ раціональныя правовыя формы тяготѣніе окраинныхъ госу-

---

*) См. т. II, стр. 169-171.

дарствъ къ Россіи. Закрѣпленіе же морально-политическаго разрыва между ними можетъ повести только къ невыгодной для всѣхъ балканизаціи и взаимнымъ столкновеніямъ, которыя будутъ использованы въ интересахъ чужой имперіалистической политики.

3. Считаясь съ существованіемъ созданнаго усиліями окраинныхъ національностей ряда новыхъ государствъ и съ волей къ охраненію ихъ самостоятельности, поскольку она выражается представительными учрежденіями, основанными на всеобщемъ избирательномъ правѣ, — демократія Россіи полагаетъ, что послѣ ликвидаціи большевистской диктатуры и установленія въ Россіи народовластія, неизбѣжно выявится общность соціально-политическихъ и культурныхъ интересовъ, диктующихъ экономическое и политическое сближеніе, равно выгодное и даже необходимое для обѣихъ сторонъ.

4. Наиболѣе цѣлесообразной формой этого сближенія соотвѣтствующей какъ общимъ тенденціямъ историческаго процесса, такъ и культурнымъ интересамъ человѣчества, представляется федеративное объединеніе.

5. Стоя на точкѣ зрѣнія переустройства Россіи на федеративныхъ началахъ и не имѣя притязаній вооруженной рукою навязывать кому-либо ту или иную форму политической связи, русская демократія признаетъ единственно правильнымъ путемъ взаимное соглашеніе на основѣ свободы и равноправія договаривающихся сторонъ.»

VI.

Національный вопросъ при большевикахъ. — Отъ «отдѣленія» къ федераціи, отъ федераціи къ централизаціи. — Возстановленіе историческихъ народностей. — «Союзъ» республикъ подъ управленіемъ «комиссаріата народностей». — «Великорусскій шовинизмъ» и усиленіе національныхъ тенденцій. — Первая постановка вопроса о выработкѣ системы федеральныхъ учрежденій. — Тенденціи договора 6 іюля 1923 года. — « Потенціальный суверенитетъ ». — Роль «совѣта національностей». — Широта компетенціи федеральной власти. — Вопросъ о «районированіи» Россіи.

Выступивъ съ извѣстными уже намъ претензіями на полное разрѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи, большевики очутились и въ данномъ случаѣ въ полномъ противорѣчіи между своими принципами и ихъ демагогическимъ, прямолинейнымъ

примѣненіемъ для достиженія власти,съ одной стороны,и русской реальностью, когда пришлось примѣнять эти принципы, съ другой. Полная безцеремонпость по отношенію къ судьбѣ принциповъ,послѣ того какъ цѣль демагогіи достигнута, и столь же неограниченная развязность въ достиженіи единственной дѣйствительной и постоянной цѣли -- сохраненія и укрѣпленія власти - сопровождаютъ насъ и въ эту область большевистской политики. Но тутъ складывается нѣсколько иное положеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ жизни. Поощривъ стремленія національностей и давъ имъ въ руки средства осуществить тѣ изъ этихъ стремленій, которыя казались центральной власти не противорѣчащими кругу ея собственныхъ интересовъ или даже отвлекающими національности отъ помѣхи въ области коммунистическаго управленія, большевики черезъ короткое время оказались лицомъ къ лицу съ настойчивыми національными требованіями,заставившими ихъ пойти на уступки дальше, чѣмъ они предполагали первоначально. Осязательный результатъ этихъ уступокъ есть, во - первыхъ, конституція СССР и, во вторыхъ, происходящая подъ покровомъ этой новой федеральной конституціи дѣйствительная національзація тѣхъ или другихъ народностей. Но самое содержаніе федеральной конституціи и, въ особенности, примѣненіе ея на практикѣ идутъ вразрѣзъ съ духомъ уступокъ: въ нихъ снова беретъ верхъ централизація, для которой собственно и дѣлаются всѣ уступки. Особенность положенія въ данномъ вопросѣ та, что борьба здѣсь идетъ не между реальностью и утопіей, какъ въ области «военнаго коммунизма», а между двумя реальностями, исходъ борьбы между которыми нельзя предугадать.

Мы знакомы съ первоначальными декларціями большевиковъ по національному вопросу (стр. 218). Уже въ нихъ мы замѣтили извѣстную неискренность, поскольку большевики сопроводили крикливое провозглашеніе своего основного принципа «самоопредѣленія вплоть до отдѣленія» — іезуитской партійной оговоркой «въ зависимости отъ *цѣлесообразности* такого отдѣленія (что рѣшаетъ, конечно, сама партія). Въ дальнѣйшемъ, лицемѣріе первоначальныхъ декларацій проявляется еще ярче. Мы уже видѣли, какъ энергично центральная власть принялась за собираніе всевозможныхъ «Калужскихъ» и «Ярославскихъ» республикъ въ одной цѣлое и какъ быстро тамъ замерли не только сепаратистскія, но и автономистскія стремленія (см. стр. 154-5).

Что касается наиболѣе серьезныхъ случаевъ отдѣленія, какъ Финляндія, Балтійскія провинціи и т. д., то тутъ на помощь подоспѣла, какъ увидимъ подробнѣе въ слѣд. главѣ, идея сліянія всѣхъ государствъ міра въ лицѣ ихъ пролетаріатовъ въ общемъ революціонномъ подъемѣ. Финляндія, въ частности, провозгласила свою независимость, не дожидаясь согласія совѣтской власти, 4 декабря 1917 г. Но уже 5 декабря Ленинъ заявлялъ, что только жалкіе буржуи спорятъ изъ за границъ государствъ, а рабочіе всѣхъ странъ и національностей не пойдутъ на раздѣленіе изъ-за такого грубаго мотива. «Мы», говорилъ онъ, — «наканунѣ обратнаго завоеванія Финляндіи». А 19 декабря 1917 г. большевистскій оффиціозъ въ Гельсингфорсѣ заявлялъ, что «свободное распоряженіе собою націй возможно только послѣ уничтоженія господства буржуазіи». Русскіе войска не только не выводились изъ Финляндіи, но туда посылались запасы оружія, а затѣмъ и новые, все болѣе значительные воинскіе отряды. 2 января 1918 г., преодолѣвъ свое отвращеніе къ большевикамъ, финляндское независимое правительство добилось признанія совѣтской власти. Но уже черезъ четыре дня русскіе эмиссары убѣждали красную гвардію ускорить возстаніе, и въ двадцатыхъ числахъ января на югѣ Финляндіи русскія войска подъ фирмой «красной гвардіи» начали возстаніе. Когда 25 января президентъ Свинхувудъ обратился съ протестомъ къ совѣтскому правительству, требуя прекращенія вмѣшательства во внутреннія дѣла Финляндіи, онъ получилъ отвѣтъ отъ комиссара Покровскаго: «Въ Финляндіи началась соціальная революція; русское правительство, согласно своимъ принципамъ, обязано помочь пролетаріату; комиссаръ послалъ помощь красной гвардіи и *такъ будетъ поступать и впредь*». 28 января русскія войска объявили себя въ состояніи войны съ бѣлогвардейцами, а 30 января комиссаръ почтъ и телеграфовъ формально обѣщалъ «финляндскимъ братьямъ» всяческую помощь противъ «враговъ народа». Захватъ власти былъ въ сущности произведенъ именно *русскими* войсками подъ *русскимъ* командованіемъ, и затѣмъ заключенъ договоръ русской федеративной республики съ финляндской рабоче - соціалистической республикой, по которому, между прочимъ, всякій русскій рабочій въ Финляндіи пользовался правами финляндскаго гражданина. Только по Брестъ - Литовскому договору (3 марта н. с.) большевики обязались вывести русскія

войска изъ Финляндіи, но и тутъ не исполнили этого условія, переписавъ лишь русскихъ солдатъ въ финляндскую красную гвардію*).

То же произошло и въ прибалтійскихъ вновь образовавшихся государствахъ. Исп. комитетъ совѣтовъ провозгласилъ 23 декабря независимость Эстоніи, Литвы и Латвіи. Но въ то время большевики разсчитывали получить большинство на выборахъ въ эстонское учредительное собраніе. Когда это не удалось — ни въ ноябрѣ 1917 г., ни въ январѣ 1918 г., большевики и тутъ, подъ видомъ гражданской войны, совершили военный походъ въ Прибалтику. «Извѣстія» (25-го декабря 1918 г.) открыто заявляли, что Балтійское море вовсе не потеряло важности для совѣтской Россіи, что прибалтійскія государства есть лучшій путь къ міровой революціи, что Литва, Латвія и Эстонія стоятъ на этомъ пути препятствіемъ, и «эта стѣна должна быть разрушена; русскія совѣтскія войска должны занять Литву, Латвію и Эстонію... Балтійское море должно сдѣлаться моремъ всемірной соціальной революціи». Въ два пріема, въ декабрѣ 1917 г. и въ февралѣ 1918, русскія красныя войска занимали Эстонію и практиковали въ ней военную диктатуру**).Провозглашеніе независимости и здѣсь, такимъ образомъ, сопровождалось попытками фактической оккупаціи и аффиліаціи путемъ договора новыхъ «рабоче - крестьянскихъ республикъ» съ республикой совѣтовъ. Естественно что, принципіальное право *выхода* изъ состава Россіи, провозглашенное декретомъ 2 ноября о суверенности народовъ Россіи, практически превращалось и въ данномъ случаѣ въ право *входа* въ преображенномъ видѣ—новыхъ совѣтскихъ республикъ, членовъ всемірной федераціи. По тому же принципу, когда въ мартѣ 1918 г. произведенъ былъ большевистскій переворотъ въ Венгріи, тотчасъ же съ совѣтской республикой былъ заключенъ тѣсный воен-

---

*) См. документальныя доказательства роли русскихъ войскъ въ «гражданской» войнѣ и основанное на нихъ изложеніе въ книгѣ P. G. La Chesnais. La guerre civile. en Finlande, Paris Bossard, 1919, стр. 19, 29, 33-35, 39, 43-51,58, 83-90, 97, и приложеніе 114-196.По внутреннимъ финляндскимъ источникамъ составлена книга Henning Söderhjielm, La revolution rouge de Finlande en 1918, trad. Rigassi, Payot, 1920, стр. 48, 53-55, 67-75, 87-96 109, 137.

**) См. M. Martna. L'Esthonie, les esthoniens et la question esthonienne. A. Colin, Paris, 1920, гл. X. La guerre contre les Bolsheviks et les Allemands, написана Ed. Laaman'омъ, стр. 211-233. См. также Gaston Gaillard, L'Allemagne et le Balticum, Paris, Chapelot, 1919.

ный и политическій союзъ, обязывавшій къ дѣйствію, «ибо революція въ Венгріи есть только шагъ на пути къ всемірной революціи» *).

Въ январѣ 1918 года третій съѣздъ совѣтовъ провозгласилъ общій принципъ объединенія «суверенныхъ народовъ», предупреждая тѣмъ возможность дальнѣйшихъ отпаденій. «Совѣтская россійская республика утверждается на основаніи свободнаго союза свободныхъ націй, *какъ федерація совѣтскихъ національныхъ республикъ*».«Федерація»—не есть конфедерація.«Входъ»въ «федерацію» гораздо легче, чѣмъ «выходъ». Замѣтимъ, что остріе этого опредѣленія, какъ подчеркиваютъ и совѣтскіе юристы, направлено именно на опредѣленіе формы отношеній къ «національнымъ» республикамъ... «Федерація въ совѣтскомъ строѣ», поясняетъ совѣтскій юристъ Анановъ, «становится необходимой и неизбѣжной отнюдь не для концентраціи губерній и областей РСФСР съ великимъ русскимъ населеніемъ». Здѣсь достаточно «демократическаго централизма». Этотъ авторъ подтверждаетъ, что «первоначальное теченіе къ крайней децентрализаціи въ связи съ лозунгомъ: вся власть совѣтамъ, мѣстами переходившее въ анархію, и отрицаніе всякаго центральнаго руководства было изжито и уступило мѣсто *централизованному режиму* эпохи военнаго коммунизма... Понятія диктатуры и федераціи слились въ идеѣ всероссійской совѣтской власти... Правъ былъ Владиміръ Ильичъ, геніально предсказавшій, что пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство организуются вполнѣ свободно по коммунамъ — и на другой день по захватѣ власти *объединятъ* (курсивъ Ленина) дѣйствіе всѣхъ коммунъ въ ударахъ капиталу.. Логика вооруженной борьбы дѣйствительно потребовала централизаціи совѣтской власти... Федерація продолжала долгое время существовать только въ деклараціи. Конкретная дѣйствительность не позволяла па практикѣ осуществить федеративныя идеи, такъ какъ это грозило бы прорывомъ всего хозяйственнаго фронта, направленнаго противъ классоваго врага» **).

Конституція РСФСР 10 іюля 1918 г. почти цѣликомъ восприняла (ст. 2) декларацію третьяго съѣзда. Но затѣмъ централизаціонная идея продолжала развиваться. Въ мартѣ 1919 г.

---

*) Bolshevism, an international danger, 168.

**) И. Н. Аиаиовъ. Очерки федеральнаго управлеиія С.С.С.Р. (народиые комиссаріаты Союза ССР), Лениеградъ, 1925, издаио въ серіи «Проблемы совѣтскаго права», стр. 11 — 13.

на VIII съѣздѣ коммунистической партіи намѣреніе подтянуть федерированныя части бывшей имперіи выступаетъ уже вполнѣ явственно. «Партія выставляетъ федеративное объединеніе государствъ, организованныхъ по совѣтскому типу», только «какъ одну изъ *переходныхъ формъ къ полному единству*». При этомъ еще разъ подчеркивается, что вся постановка *національнаго* вопроса имѣетъ прикладную цѣль — «сближеніе пролетаріевъ и полупролетаріевъ разныхъ національностей для совмѣстной революціонной борьбы» и «преодолѣніе недовѣрія со стороны трудящихся массъ угнетенныхъ странъ».Наконецъ, VIII съѣздъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ даже принципіальный вопросъ: «кто является носителемъ воли націи къ отдѣленію». Вопросъ этотъ рѣшается съ «историческо - классовой точки зрѣнія, считаясь съ тѣмъ, на какой ступени историческаго развитія стоитъ данная нація».

Послѣ этого становится понятно, почему Исп. Комитетъ совѣтовъ декретомъ 1 іюня 1919 г. *самъ* постановилъ то, что въ настоящей федераціи должно бы было быть результатомъ договора между «суверенными волями» народовъ, а именно: «признавая независимость, свободу и національную автономію рабочихъ массъ Украины, Литвы, Латвіи, Бѣлоруссіи и Крыма...., ЦК считаетъ необходимымъ осуществить тѣсное объединеніе: 1) военной организаціи и командованія вооруженными силами, 2) совѣтовъ народнаго хозяйства, 3) ж.-д. администраціи и хозяйства, 4) финансовъ, 5) комиссаріатовъ труда этихъ республикъ». Такова 1-ая октроированная хартія совѣтской квази - федераціи. По признанію Ананова, «дата 1 іюня 1919 года является исторической въ развитіи совѣтскаго федеративнаго управленія»*). Объединительныя тенден-

---

*) См. Анановъ, 14, **П. Стучка** въ своемъ «Ученіи о Государствѣ и Конституціи Р. С. Ф. С. Р. (Москва, 1922, изд. «Красная Новь»), стр. 260, отмѣчая также актъ 1 іюня 1919 г., какъ «основной», указываетъ, что «то было время натиска на Сов. Республику» и что постановленіе о необходимости тѣснаго объединенія всѣхъ совѣтскихъ республикъ» принято украинскимъ ЦИК'омъ 18 мая 1919 г.; къ нему «присоединились Латвія, Литва и Бѣлоруссія», и соглашеніе утверждено было въ засѣданіи ВЦИК отъ 1 іюня 1919 г. До тѣхъ поръ», подчеркиваетъ Стучка, «между совѣтскими республиками не было договоровъ; тѣсное единеніе ихъ предполагалось само собой, т. е. безъ особыхъ договоровъ (!), и лишь впослѣдствіи, **болѣе по соображеніямъ иностранной политики,** эти отношенія съ самостоятельными республиками стали излагаться въ письменной формѣ». Такъ распоряжалась партія еще въ срединѣ 1919 г. — по - домашнему, игнорируя всякія юридическія формы и свободно шагая черезъ территоріальныя границы. Тутъ же Стучка прибавляетъ: «какъ извѣстно, дальнѣйшія событія прервали эту работу (организаціи «тѣснаго объединенія») и лишь 1 февраля 1920 г. мы читаемъ новое постановленіе ВЦИК объ образованіи новой комиссіи».

ціи еще ярче проступаютъ въ резолюціяхъ десятаго съѣзда коммунистической партіи, вернувшейся къ этому вопросу послѣ долгаго перерыва (мартъ 1921). Резолюція X съѣзда еще рѣшительнѣе, чѣмъ предыдущія. Она прежде всего отвергаетъ, какъ буржуазное измышленіе, всѣ дореволюціонныя формы національнаго движенія и самоувѣренно утверждаетъ, что національная вражда уже уничтожена одними совѣтскими декларациями *).«Опытъ мирнаго сожительства и братскаго сотрудничества цѣлаго ряда націй удался», по утвержденію съѣзда, — и федерація, именно потому, что она носитъ «добровольный характеръ», «можетъ стать переходной формой къ высшему единству трудящихся всѣхъ странъ въ единомъ міровомъ хозяйствѣ». Однако, въ переходное время необходимо болѣе тѣсное единеніе, ибо «изолированное существованіе отдѣльныхъ совѣтскихъ республикъ неустойчиво, непрочно, въ виду угрозы ихъ существованію со стороны капиталистическихъ государствъ». Затѣмъ указываются и другіе практическіе мотивы болѣе тѣснаго объединенія». «Общіе интересы обороны совѣтскихъ республикъ, съ одной стороны, возстановленіе разрушенныхъ войной производительныхъ силъ, съ другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлѣбнымъ совѣтскимъ республикамъ со стороны хлѣбныхъ, съ третьей стороны, повелительно диктуютъ государственный союзъ отдѣльныхъ совѣтскихъ республикъ, какъ единственный путь спасенія». Мы увидимъ, что сохраненная совѣтской властью компетенція въ «федераціи» вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ практическимъ заданіямъ.

По формѣ большевики пошли, однако же, очень далеко въ удовлетвореніи интересовъ отдѣльныхъ народностей. Они выкопали изъ исторіи и воскресили цѣлый рядъ древнихъ народностей и создали изъ нихъ рядъ «автономныхъ областей и республикъ», такъ что карта современнаго административнаго дѣленія собственной Россіи начала очень походить на историко - этнографическую карту древней Россіи. Такъ, спеціальными декретами были созданы Башкирская республика (22 мая 1920), Татарская (24 мая), Чувашская автономная область (24 іюня), Карельская республика (8 и 6 августа), Киргизская (1 сентября), Калмыцкая автономная область (25 ноября), автономныя обла-

---

*) Еврейскій «Бундъ», на своей 12-ой конференціи въ 1920 г. постановилъ (еще до сліянія съ РКП): «требованіе національно-культурной автономіи, выставленное въ рамкахъ капиталистическаго строя,теряетъ свой смыслъ въ условіяхъ соціалистической революціи»

сти народа Мери (древніе «меряне» — 25 ноября), Вотяковъ (5 января 1921), Дагестанская республика (20 января), Черкесская автономная область (20 января), Туркестанская (независимая) республика (1 апрѣля), автономная область народа Коми - Зырянъ (22 августа), Крымская республика (18 октября), Кабардинско - Балкарская (16 января 1922), Чеченско - Ойратская (1 іюня), Черкесская - Адыгейская автономная область (22 іюля 1922), Волжско - Германская, Бурятская (9 января 1922), Горская (20 января 1921) и Якутская (20 апрѣля 1922) республики. Всего числилось въ современной «Россійской соціалистической федеративной совѣтской республикѣ (Р. С. Ф. С. Р.) съ Туркестанской и Узбекской (окт. 1924, см. ниже) 11 (теперь 9) автономныхъ республикъ, 10 (теперь 13) автономн. областей и 1 автономная коммуна. «Кромѣ того», скромно прибавляетъ Анановъ, «въ составѣ РСФСР, какъ извѣстно, имѣется нѣкоторый «остатокъ» не покрываемый сѣткой автономныхъ образованій и составляющій *основное великорусское національное ядро»* — «одиннадцатую республику», какъ ее называетъ проф. Дурденевскій*). Созданныя только - что перечисленными декретами, всѣ эти части мнимой совѣтской федераціи въ сущности являются частями единаго государства, болѣе или менѣе децентрализованнаго въ разныхъ своихъ частяхъ. Но кромѣ этого комплекса территорій, тѣсно связанныхъ съ центромъ и подчиненныхъ ему, существовалъ еще другой кругъ республикъ, считавшихъ себя равноправными съ Р. С. Ф. С. Р. и соединившихся съ нею путемъ договоровъ международнаго характера. Сюда относятся, прежде всего, украинская республика, договоръ съ которой былъ заклю-

*) Анановъ, 16. Привожу, въ дополненіе къ приведенному въ текстѣ хронологическому перечню, также перечисленіе Ананова, подчеркивающее динамическую сторону федерированія. «Одной изъ первыхъ автономныхъ ячеекъ была создана — какъ бы въ откликъ совершавшейся германской революціи — трудовая коммуна нѣмцевъ Поволжья (9 октября 1918 г.) — въ порядкѣ ст. 11 конституціи. Статья эта открывала аналогичный путь автономно - національнаго самоопредѣленія и всѣмъ прочимъ совѣтамъ областей, «отличающимся особымъ бытомъ и національнымъ составомъ». Этимъ порядкомъ въ дальнѣйшемъ воспользовались... въ первую очередь башкиры, киргизы и татары... Эти первыя среди другихъ совѣтскія автономныя республики были предвѣстниками того широкаго автономно-федеративнаго движенія, которое наступаетъ въ РСФСР вслѣдъ за ликвидаціей гражданской войны... Хронологически слѣдовали одно за другимъ выдѣленія въ автономныя республики горцевъ сѣв. Кавказа и Дагестана, вхожденіе въ качествѣ федеративной части въ РСФСР Туркестана, образованіе Крымской и Якутской автономныхъ республикъ, наконецъ,, преобразованіе трехъ автономныхъ областей

ченъ 29 декабря 1920, хотя армія и дипломатическія сношенія нѣкоторое время оставались у ней и у Р. С. Ф. С. Р. раздѣльными. 16 января 1921 былъ заключенъ совершенно аналогичный договоръ съ Бѣлорусской республикой. Съ закавказскими республиками союзные договоры были заключены еще —съ Азербайджаномъ, «установившимъ у себя совѣтскій строй и предложившимъ заключеніе союза»,30 сентября 1920 г.,съ Арменіей—2 декабря 1921 года, съ Грузіей — 21 мая 1921 года. Въ мартѣ 1922 года всѣ три закавказскія государства: Грузія, Азербайджанъ и Арменія составили между собой Закавказскую Федерацію, которая, уже какъ цѣлое, окончательно вошла въ совѣтскій союзъ при его переустройствѣ (см. ниже). Грузія при этомъ имѣетъ три своихъ автономныхъ республики (Абхазская, Аджарская и Осетинская) и Азербайджанъ одну — Нахичеванскую.

Это былъ чрезвычайно оригинальный «союзъ государствъ», управлявшійся въ высшей инстанціи не какими - либо союзными органами, а тѣмъ же самымъ Всероссійскимъ ЦК, который стоялъ во главѣ Р. С. Ф. С. Р. Никакого точнаго разграниченія компетенціи между центральными органами и учрежденіями отдѣльныхъ республикъ, вошедшихъ въ союзъ, не было, и въ разныхъ республикахъ въ различной степени сохранились слѣды недолгой самостоятельности. Декреты ЦК были дѣйствительны для всей союзной территоріи лишь послѣ того, какъ каждый отдѣльный членъ союза ихъ зарегистрировалъ. То, чего не хватало въ законѣ, прекрасно дополнялось тѣмъ фактомъ, что, разницы между закономъ и административнымъ актомъ не было и въ, сущности, въ союзныхъ республикахъ, какъ и въ самой Р. С. Ф. С. Р.,

(Кареліи, Монголо - Бурятской и нѣмцевъ Поволжья) въ автономныя республики. Послѣднимъ актомъ въ этомъ ряду былъ декретъ объ упраздненіи Горской республики, которымъ республика эта расчленялась по національному признаку. Вслѣдъ за Горской республикой послѣдовало расчлененіе по національному признаку Туркестанской автономной С. С. Республики. Постановленіемъ II сессіи ВЦИК XI созыва было предоставлено народамъ Туркестана — узбекамъ, туркменамъ, таджикамъ, каракалпакамъ, каракиргизамъ и киргизъ-казакамъ выйти изъ состава Туркестанской республики и образовать отдѣльныя государственныя и автономно - національныя единицы: союзныя республики Узбекистанъ и Туркменистанъ, объедняющія также узбековъ и туркменовъ Хорезма и Бухары, автономную республику таджиковъ въ составѣ Узбекистана, каракалпакскую автономную область въ составѣ Туркменіи и, наконецъ, Каракиргизскую автономную область, непосредственно входящую въ РСФСР». Анановъ подчеркиваетъ, что всѣ эти отдѣльные эпизоды суть звенья «объединительнаго процесса», начавшагося еще въ эпоху гражданской войны и усилившагося послѣ ея окончанія». Стр. 18-20.

управленіе было въ рукахъ одной и той же, строго централизованной власти — коммунистической партіи. Естественно, что, когда иностранцы спрашивали, какая же форма государственнаго строя установлена въ совѣтской республикѣ, большевики не могли дать точнаго отвѣта. «Федерація» Р. С. Ф. С. Р. не была, въ сущности, федераціей, а унитарнымъ, слегка децентрализованнымъ государствомъ. И *конфедерація* Р. С. Ф. С. Р. съ другими союзными республиками (изъ которыхъ Закавказскія представляли свою федерацію) не была «союзомъ государствъ», а въ лучшемъ случаѣ федераціей *). Въ числѣ органовъ центральнаго управленія числился, правда, «комиссаріатъ національностей». Декретами 19 марта 1920 и 27 апрѣля 1921 г. онъ дважды перестраивался, чтобы включить въ себя также и представителей самихъ національностей. Но тутъ оказалось уже черезчуръ много національностей, такъ какъ въ «Комнацѣ» засѣдали, кромѣ населяющихъ совѣтскую Россію народностей, также и латыши, литовцы, эстонцы, поляки и даже финны и чехословаки. И немудрено,— ибо этотъ органъ занимался, главнымъ образомъ, пропагандой, а не управленіемъ. Къ концу 1920 года «Комнацъ» опубликовалъ 12 милліоновъ листовъ брошюръ на 15 различныхъ языкахъ, готовилъ учебники для національныхъ школъ и основывалъ эти школы. Неопредѣленность отношеній не только не представляла неудобства для центральной власти, но, напротивъ, была ей выгодна, ибо оставляла всю власть въ ея рукахъ. «Опытъ Россіи», говоритъ цитированная выше резолюція десятаго съѣзда, «съ примѣненіемъ различныхъ видовъ федераціи, съ переходомъ отъ федераціи, основанной на совѣтской автономіи (Киргизія, Башкирія, Татарія, Горцы, Дагестанъ), къ федераціи, основанной на договорныхъ отношеніяхъ съ независимыми совѣтскими республиками (Украина, Азербайджанъ) и съ допущеніемъ промежуточныхъ ступеней между ними (Туркестанъ, Бѣлоруссія), цѣликомъ подтвердилъ всю цѣлесообразность и гибкость федераціи, какъ общей формы государственнаго союза совѣтскихъ республикъ».

Однако, то, что было удобно для центральной власти, не могло нравиться національностямъ, которыя всерьезъ пробуждались

---

*) См. небольшую, но очень толково составленную брошюру Михаила Эльяшева: Grundzüge der Sovietverfassung Heidelberg. 1925.

для самостоятельной государственной жизни или, по крайней мѣрѣ, для широкаго самоуправленія. Хотя большевики и вступили въ борьбу (въ особенности, среди мусульманъ) съ стремленіями «буржуазной» интеллигенціи къ національной автономіи, но все же они не могли отказаться отъ задачи, формулированной десятымъ съѣздомъ въ словахъ: «развить и укрѣпить дѣйствующіе на родномъ языкѣ судъ, администрацію, органы хозяйства, органы власти, составленные изъ мѣстныхъ людей, знающихъ бытъ и психологію мѣстнаго населенія, развить прессу, школу, театръ и вообще культурно - просвѣтительныя учрежденія на родномъ языкѣ». И если среди руководителей поднимались, по свидѣтельству Бройдо, «робкіе пока разговоры, что съ нашей національной политикой надо прикончить, что надо ликвидировать игру въ автономію и т. п.» *), то были въ составѣ правительства и такіе люди, какъ грузинъ Сталинъ (Джугашвили), который, напротивъ, полагалъ, что, какъ бы ни развернулись дальнѣйшія событія, нужно воспользоваться моментомъ для закрѣпленія позицій національностей для борьбы въ будущемъ за самостоятельность. Въ особенности сильны были эти стремленія въ Украинѣ.

Борьба двухъ этихъ тенденцій настолько усилилась, что на XII съѣздѣ коммунистической партіи (апрѣль 1923) не было уже и слѣда того самоувѣреннаго оптимизма, съ которымъ десятый съѣздъ (1921) утверждалъ, что національный вопросъ уже рѣшенъ большевиками. «Найти ключъ къ правильному рѣшенію національнаго вопроса», утверждалъ теперь съѣздъ, «еще не значитъ разрѣшить его полностью и окончательно исчерпать это рѣшеніе въ его конкретно - практическомъ осуществленіи». Главное препятствіе съѣздъ усматривалъ «въ пережиткахъ великодержавнаго шовинизма, являющагося отраженіемъ былого привилегированнаго положенія великороссовъ. Эти пережитки живутъ еще въ головахъ нашихъ совѣтскихъ работниковъ центральныхъ и мѣстныхъ. Они выражаются въ кичливо-пренебрежительномъ и бездушно-бюрократическомъ отношеніи русскихъ совѣтскихъ чиновниковъ къ нуждамъ и потребностямъ національныхъ республикъ... Положеніе въ Украинѣ, Бѣлоруссіи, Азербайджанѣ, Туркестанѣ усложняется тѣмъ, что значительная часть рабочаго класса, являющагося основной опорой совѣтской вла-

*) Юбилейная книжка «Журнала Національностей», январь, 1923 г., стр. 8.

сти, принадлежитъ къ великорусской національности. Въ этихъ условіяхъ разговоры о преимуществахъ русской культуры и о неизбѣжности побѣды болѣе высокой русской культуры надъ культурами болѣе отсталыхъ народовъ, являются попыткой закрѣпить господство великорусской національности. Поэтому, рѣшительная борьба съ пережитками великорусскаго шовинизма является первой очередной задачей нашей партіи».

Съ другой стороны, однако, съѣздъ констатировалъ «пережитки національзма» и среди народностей, «не успѣвшихъ еще освободиться отъ чувства старыхъ національныхъ обидъ. Практическимъ выраженіемъ этихъ пережитковъ является нѣкоторая національная отчужденность и отсутствіе полнаго довѣрія ранѣе угнетенныхъ народовъ къ мѣропріятіямъ идущимъ отъ русскихъ... Въ нѣкоторыхъ республикахъ этотъ оборонительный національзмъ превращается нерѣдко въ національзмъ наступательный, въ завзятый шовинизмъ болѣе сильной національности, направленный противъ армянъ, осетинъ, аджарцевъ и абхазцевъ; шовинизмъ азербайджанскій, направленный противъ армянъ, шовинизмъ узбекскій (въ Бухарѣ) — противъ туркменъ и киргизъ, шовинизмъ армянскій и т. д. Прямая борьба съ ними является обязанностью членовъ партіи».

Послѣдствіемъ «великорусскаго шовинизма» съѣздъ считаетъ и «тотъ фактъ, что союзъ республикъ расцѣнивается значительной частью совѣтскихъ чиновниковъ въ центрѣ и на мѣстахъ не какъ союзъ равныхъ государственныхъ единицъ, призванный обезпечить свободное развитіе національныхъ республикъ, а какъ *шагъ къ ликвидаціи* этихъ республикъ, какъ начало образованія такъ наз. «единаго - недѣлимаго». Такимъ же результатомъ стараго наслѣдства слѣдуетъ считать стремленіе нѣкоторыхъ вѣдомствъ РСФСР подчинить себѣ самостоятельные комиссаріаты автономныхъ республикъ и проложить путь къ ликвидаціи послѣднихъ» *).

Въ результатѣ преобладанія такихъ централистскихъ настроеній среди «многочисленныхъ кадровъ старыхъ партійныхъ работниковъ русскаго происхожденія,... незнакомыхъ съ нравами, обычаями и языкомъ трудовыхъ массъ республикъ и потому не всегда чуткихъ къ ихъ запросамъ», съѣздъ опасается

*) Резолюція XII съѣзда по національному вопросу, см.: Р. К. П. въ резолюціяхъ съѣздовъ (2 изд.), 361 - 366.

даже «отрыва партіи отъ пролетарскихъ массъ національныхъ республикъ» и намѣчаетъ рядъ спѣшныхъ мѣръ, чтобы предупредить эту опасность. Но основной и главной мѣрой должно было быть проведеніе отсутствовавшей до сихъ поръ федеральной конституціи, съ выдѣленіемъ федеральныхъ органовъ отъ мѣстныхъ и съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Вопросъ объ этомъ былъ рѣшительно поставленъ уже осенью 1922 года рѣшеніемъ украинскаго ЦИК-а. Въ декабрѣ 1922 года съѣзды совѣтовъ на Украинѣ, въ Бѣлоруссіи, въ восточной Сибири и въ Закавказьѣ такъ же определенно высказались за созданіе союза соціалистическихъ совѣтскихъ республикъ (С. С. С. Р.) съ опредѣленнымъ раздѣленіемъ федеральной и мѣстной компетенцій. 27-го декабря 1922 года десятый всероссійскій съѣздъ совѣтовъ, на которомъ были представлены и всѣ союзныя и автономныя республики (въ первый разъ онѣ были приглашены уже на девятый конгрессъ 1921 года), принялъ соотвѣтствующія рѣшенія. А 30-го декабря 1922 года открылся «первый съѣздъ совѣтовъ С. С. С. Р.» и принялъ декларацію объ основаніи Союза и заключеніи союзнаго договора. И декларація, и договоръ были еще разъ переданы на разсмотрѣніе центральныхъ комитетовъ всѣхъ республикъ. Они были затѣмъ приняты въ окончательной редакціи и введены въ дѣйствіе въ слѣдующей сессіи союзнаго центральнаго комитета, 6 іюля 1923 года. *Только* съ этого времени Россія получила свою федеральную конституцію, причемъ самое имя Россіи выпало изъ этого новаго политическаго образованія.

VII.

Федеральная конституція 6 іюля 1923 г. — Централистскія тенденціи при заключеніи «союза»: экономическія и политическія. — «Потенціальный суверенитетъ» частей союза. — «Совѣтъ Національностей». — Его положеніе по отношенію къ «союзному совѣту», ЦИК'у и «президіуму». — Широта компетенціи федеральной власти.

Въ какомъ же духѣ составленъ договоръ и въ какомъ духѣ примѣняется? Въ духѣ ли благопріятныхъ національностямъ рѣшеній двѣнадцатаго съѣзда партіи, цитированныхъ выше, или въ духѣ централизма, который рѣзко осужденъ этимъ съѣздомъ? Для отвѣта прежде всего нужно знать цѣль, которую преслѣдовала правящая группа, идя на уступки національностямъ. Мы сейчасъ увидимъ, что уступки эти были только кажущимися и что

по существу конституція С. С. С. Р. составляетъ рѣшительный шагъ впередъ къ созданію «единаго и недѣлимаго»... Въ той же самой статьѣ Бройдо, которую мы цитировали, цѣль совѣтскаго правительства при созданіи союзной конституціи высказана совершенно опредѣленно. Цѣль эта — двоякая. Во-первыхъ, «никогда за все время революціи не стоялъ такъ остро вопросъ о необходимости объединенія хозяйственныхъ усилій всѣхъ частей федераціи. Нельзя разсматривать Москву - центръ лишь какъ богатую тетушку, «оказывающую реальное содѣйствіе» окраиннымъ автономіямъ. Нельзя мыслить возможность поднятія производственныхъ силъ любой части федераціи на основѣ ея хозяйственной, а слѣдовательно, и финансовой автономіи... Во имя цѣлаго могутъ быть иногда принесены въ жертву отдѣльныя его части... Немыслимо возстановленіе текстильной промышленности центральнаго района безъ возрожденія туркестанскаго хлопка, безъ, слѣдовательно, рѣшительной ликвидаціи *басмачества;* немыслимо разрѣшеніе послѣднихъ задачъ безъ ввознаго въ Туркестанъ хлѣба, — безъ поднятія, слѣдовательно, сельскаго хозяйства хлѣбныхъ районовъ; невозможно разрѣшить послѣднюю задачу безъ предоставленія крестьянину *коняги,* — слѣдовательно, безъ разрѣшенія вопроса о поднятіи коннозаводства киргизскихъ степей и т. д., и т. д.» Мысль объ экономической взаимозависимости разныхъ частей Россіи приводила, какъ видимъ, при данномъ положеніи къ идеѣ *сосредоточенія всѣхъ рессурсовъ* народной экономіи въ рукахъ центральной власти. Къ тому же вела и начинавшаяся политика выдачи концессій иностранцамъ: центральная власть должна была для этого владѣть самыми лакомыми кусками народной экономіи на всей территоріи государства. Второй задачей являлась необходимость сосредоточенія въ рукахъ центральной власти борьбы съ «не такъ рѣшительно ликвидированной буржуазіей» на окраинахъ и усиленіе для этой цѣли вліянія партіи въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Бройдо правильно указалъ, что «соотношеніе классовыхъ силъ на окраинахъ хуже для насъ, чѣмъ въ центрѣ», ибо «мелкая торговая буржуазія болѣе мощна», а аппаратъ совѣтской власти и партійнаго вліянія слабѣе «въ туркестанской деревнѣ, чѣмъ въ Калужской губерніи». «Борьба противъ религіи и церкви тамъ требуетъ болѣе упорной работы, чѣмъ въ центрѣ». Въ частности, сила «мелко - буржуазной стихіи» въ отсталыхъ окраинахъ проявляется и въ

«туземномъ націонализмѣ, выливающемся въ форму вреднаго для самой автономіи *сепаратистскаго уклона*». Этотъ сепаратизмъ буржуазнаго націонализма вызываетъ, по контрасту, великорусскій шовинизмъ — «руссотяпство, энергично возобновляющее атаку на наши достиженія въ области національной политики»*).

Чтобы устранить всѣ эти неудобства, Бройдо предлагалъ сдѣлать комиссаріатъ національностей (Наркомнацъ) посредникомъ между центральной властью и окраинами не только спеціально по вопросамъ національнымъ («защита нравъ меньшинствъ» и т. д.), но и по всѣмъ другимъ отдѣламъ управленія, устроивъ для этого при «Наркомнацѣ» «федеральные комитеты» по дѣламъ хозяйства, финансовъ и т. д., а въ провинціи подчинивъ имъ провинціальные органы управленія. Это была, конечно, весьма наивная форма созданія при одномъ изъ министерствъ Р. С. Ф. С. Р. цѣлаго федеральнаго государства. Подъ вліяніемъ требованій національностей пришлось эту форму расширить, создавъ отдѣльный «союзъ совѣтскихъ соціалистическихъ республикъ» не *при* «наркомнацѣ» (который былъ уничтоженъ), а *надъ* всѣми учрежденіями Р. С. Ф. С. Р. и рядомъ съ ними. Основная цѣль — централизовать въ рукахъ совѣтской власти всѣ средства вліянія на окраины — однако, при этомъ не была забыта. Такимъ образомъ и произошла своеобразная, единственная во всемъ мірѣ и во всей исторіи форма лжефедераціи, подъ названіемъ С. С. С. Р.

Въ предисловіи къ «основному закону» С. С. С. Р. 6 іюля 1923 года цѣль созданія этой централизованной формы указана весьма откровенно. «Разоренныя поля, остановившіеся заводы, разрушенныя производительныя силы и истощенные государственные рессурсы, оставшіеся въ наслѣдство отъ войны (большевики, конечно, не могутъ признать, что это — итогъ ихъ собственнаго шестилѣтняго управленія), дѣлаютъ недостаточными отдѣльныя усилія отдѣльныхъ республикъ по хозяйственному строительству. Возстановленіе народнаго хозяйства оказалось невозможнымъ при раздѣльномъ существованіи республикъ». Этотъ мотивъ, какъ видимъ, остался основнымъ и главнымъ. Второй мотивъ Бройдо, необходимость политической и партійной централизаціи, затушеванъ. Вмѣсто него выдвинуты впередъ два другіе мотива. Неустойчивость международнаго положенія и опасность

---

*) См. «Жизнь Національностей», январь, 1923 г., стр. 7 - 9.

новыхъ нападеній дѣлаютъ неизбѣжнымъ созданіе единаго фронта. «Наконецъ, само строеніе совѣтской власти, интернаціональной по своей классовой природѣ, толкаетъ трудящіяся массы совѣтскихъ республикъ на путь объединенія въ одну соціалистическую семью».

П. 4-й основного закона 6-го іюня 1923 года оставляетъ «за каждой изъ союзныхъ республикъ право свободнаго выхода изъ союза. Но большевистскій профессоръ Магеровскій правъ, признавая, что это только «*потенціальный суверенитетъ*». Онъ неправъ, однако, что такой странный «суверенитетъ» можетъ существовать параллельно съ суверенитетомъ союза. Другой государственникъ - коммунистъ, Драницынъ, признаетъ болѣе откровенно, что этотъ параграфъ «имѣетъ только декларативное, но не законодательное значеніе» и что, «съ точки зрѣнія революціоннаго коммунизма, всякій выходъ изъ союза представляетъ собою начало національнаго и противореволюціоннаго движенія». Послѣдовательный выводъ отсюда тотъ, что такой выходъ долженъ быть подавленъ во имя «марксизма и революціоннаго коммунизма». Согласно этому выводу, новая конституція Р.С.Ф.С.Р. уже вовсе не упоминаетъ о правѣ выхода*).

Не остается «суверенитета» у отдѣльныхъ республикъ даже и въ «ограниченномъ» смыслѣ, т.-е. и «въ предѣлахъ компетенціи», указанной въ конституціи, какъ говорится въ основномъ законѣ въ подражаніе Швейцаріи. Ибо тутъ же рядомъ имѣется постановленіе, что «утвержденіе и измѣненіе основныхъ началъ настоящей конституціи (т.-е. учредительная функція, «компетенцъ - компетенцъ») подлежитъ исключительному вѣдѣнію съѣзда совѣтовъ союза СССР», въ которомъ, какъ сейчасъ увидимъ, союзные представители вовсе не играютъ рѣшающей роли. Отъ «договорнаго» характера основного закона, такимъ образомъ, ничего не остается: это не только не конфедерація, но даже и не федерація въ истинномъ смыслѣ. Нужно, конечно, все время помнить, что это — не союзъ между народами, а лишь фиктивный договоръ между самозванными представителями «пролетаріатовъ», членами одной и той же централизованной партіи, съ цѣлью наиболѣе свободной эксплуатаціи богатствъ Россіи для международной цѣли. Этотъ характеръ договора еще подкрѣпляется тѣмъ, что въ

*) Eljaschoff, 34 - 38. См. взгляды зарубежныхъ юристовъ на право отдѣленія въ статьѣ Н. Тимашева, «Право національностей», Совр. Записки, XXIX, 385 - 386.

совѣтской Россіи вообще не существуетъ понятія закона въ обычномъ смыслѣ и не существуетъ законодательной функціи, отдѣльной отъ административной. Широкія права центральной власти при этомъ условіи могутъ расширяться до безконечности, путемъ отдѣльныхъ административныхъ распоряженій.

Единственный изъ высшихъ органовъ союзнаго государства, въ которомъ участвуютъ отдѣльныя части союза (не какъ «государства», а какъ «національности»), есть «Совѣтъ національностей»: нѣчто вродѣ второй палаты. Но въ этотъ совѣтъ входятъ не одни только представители четырехъ союзныхъ республикъ (по 5 представителей отъ каждой), а также (въ томъ же числѣ) представители 9 автономныхъ республикъ РСФСР и, сверхъ того, по одному отъ области, представители 13 автономныхъ областей РСФСР и пяти автономныхъ областей другихъ республикъ. Такимъ образомъ, РСФСР, со своими 63 представителями, безусловно преобладаетъ въ «Совѣтѣ національностей» надъ 35 представителями союзныхъ республикъ*). На XII партійномъ конгрессѣ (апрѣль 1923) Раковскій пробовалъ возражать противъ этого, требуя, чтобы въ совѣтѣ національностей были представлены только государства, а не національности, и соглашаясь уступить РСФСР, по примѣру германской конституціи, не болѣе двухъ пятыхъ голосовъ. Но противъ этого выступилъ авторъ проекта Сталинъ, и предложеніе Раковскаго было отвергнуто. Далѣе, и весь совѣтъ національностей оказывается въ безнадежномъ меньшинствѣ по отношенію къ другой, теоретически равноправной съ нимъ палатѣ — союзному совѣту, избираемому съѣздомъ совѣтовъ союза на годъ «пропорціонально населенію» — и притомъ непосредственно административными дѣленіями республикъ, «губерніями», а не республиками. Напомнимъ, что пропорція населенія слѣдующая:

РСФСР	96.002.000
Украина	26.002.000
Бѣлоруссія	3.859.000
Закавказье	5.653.000
Итого	131.546.000 **)

*) См. подсчетъ въ книгѣ Аиаиова, 28 - 29: по Р. С. Ф. С. Р. — 63, по другимъ союзиымъ республикамъ 35, всего 98, а съ присоединеніемъ Узбекской и Туркменской республикъ съ ихъ аниексами, Таджикской авт. республикой и Каракалпакской авт. областью (16 представителей) всего 114.

**) Здѣсь не включеиы 4 милліона жителей «независимыхъ» Бухары и Хорезма (Хивы), присоедииеиныхъ къ федераціи въ октябрѣ 1924 г.

Т.-е., въ «союзномъ совѣтѣ» безусловный перевѣсъ принадлежитъ Р. С. Ф. С. Р. На 114 членовъ «совѣта національностей» въ «союзномъ совѣтѣ» приходится 371 членъ. Обѣ палаты, засѣдающія отдѣльно, вмѣстѣ составляютъ «Центральный исполнительный комитетъ» СССР (ЦИК), являющійся верховнымъ органомъ союза въ промежутки между ежегодными съѣздами совѣтовъ и собирающійся три раза въ годъ на очередныя сессіи. При разногласіи между двумя палатами «совѣтъ національностей» ни въ какомъ случаѣ не можетъ провести своего рѣшенія *). Въ промежуткахъ между сессіями ЦИК-а союзный договоръ выдвинулъ на роль дѣйствительной верховной власти «Президіумъ ЦИК'а, состоящій изъ 21 члена. Изъ нихъ 7 составляютъ «президіумъ» совѣта національностей, другіе 7 — «президіумъ» союзнаго совѣта, а остальные 7 выбираются на соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Президіумъ сперва фактически, а затѣмъ, послѣ договора 6 іюня 1923 года, и по закону, оттѣснилъ на второе мѣсто «совѣтъ народныхъ комиссаровъ» (совѣтъ министровъ), получивъ право отмѣнять его рѣшенія. Президіумъ ЦИК'а, сталъ надъ этимъ «правительствомъ второго класса» высшей властью, главнымъ выраженіемъ «диктатуры пролетаріата» и главнымъ органомъ совѣтской олигархіи. Президіумъ имѣетъ право отмѣнять также рѣшенія всѣхъ исполнительныхъ органовъ всѣхъ членовъ союза и даже постановленія съѣздовъ отдѣльныхъ союзныхъ республикъ, подъ условіемъ послѣдующаго утвержденія этой послѣдней мѣры ЦИК'омъ союза. Президіумъ также «разсматриваетъ и утверждаетъ *проекты* декретовъ и постановленій» всѣхъ органовъ союза и его членовъ. Съ другой стороны, всѣ постановленія ЦИК'а «обязательны къ непосредственному исполненію на всей территоріи СССР». Раньше, какъ мы видѣли, для такой обязательности необходимъ былъ актъ «регистраціи» постановленій центральной власти соотвѣтствующей республикой. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи договоръ 6 іюня вводитъ гораздо большую централизацію, чѣмъ прежде.

*) Точнѣе говоря, въ согласительной комиссіи и въ соединеныхъ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ голосованія производятся раздѣльно для каждаго совѣта; но если нѣтъ большинства въ одной изъ палатъ, то вопросъ рѣшается съѣздомъ совѣтовъ, причемъ «національный» моментъ уже отступаетъ передъ «классовымъ». По словамъ Енукидзе («Правда», 8 ноября, 1924) «права, предоставленныя конституціей совѣту національностей... могутъ существовать только при той основной предпосылкѣ, что всѣ народности... питаютъ другъ къ другу взаимное довѣріе, что у всѣхъ рабочихъ и крестьянъ, стоящихъ у власти въ этихъ національныхъ образованіяхъ интересы идентичны». См. Анановъ, 32.

То же впечатлѣніе получается, если отъ устройства высшихъ органовъ перейдемъ къ распредѣленію компетенціи между федеральной властью и членами союза. Совѣтскіе юристы смѣются надъ «буржуазными» государствовѣдами, которые видятъ въ расширеніи компетенціи отдѣльныхъ штатовъ — увеличеніе ихъ правъ по отношенію къ центральной власти. Совсѣмъ наоборотъ, утверждаетъ, напримѣръ, Гурвичъ: «больше автономіи» — это значитъ не «больше свободы», а «больше трудностей, больше отвѣтственности». Чѣмъ меньше правъ, тѣмъ больше «поддержки, помощи и руководства центра». Совѣтская автономія, поясняетъ тотъ же юристъ дальше, есть только «одинъ изъ способовъ преодолѣть до времени центробѣжную тягу»,«поощрить и усилить центростремительныя тенденціи».Федеративная республика есть потому «шагъ впередъ», что «она есть средство для изживанія національнаго вопроса», котораго не должно быть въ «демократически-централизованномъ государствѣ»*).

Послѣ всѣхъ этихъ откровенныхъ признаній мы уже не удивимся, увидѣвъ въ рукахъ центральной власти, кромѣ обычныхъ функцій, входящихъ въ вѣдѣніе всякой федеральной власти, также и рядъ функцій, существенно стѣсняющихъ самостоятельность отдѣльныхъ членовъ федераціи. Комиссаріаты (министерства) союза дѣлятся на три категоріи: «общесоюзные», «объединенные» и «автономные». Общесоюзные вѣдаютъ централизованными областями управленія (иностранныя, военныя и морскія дѣла, пути сообщенія, почта и телеграфъ и *внѣшняя торговля)* и имѣютъ въ отдѣльныхъ республикахъ только своихъ агентовъ. «Объединенные» комиссаріаты (высшій совѣтъ народнаго хозяйства, продовольствія, труда, финансовъ и рабоче - крестьянской инспекціи) имѣютъ сотвѣтственные филіальные органы въ отдѣльныхъ республикахъ, избираемые этими республиками, но «осуществляющіе въ своей дѣятельности директивы соотвѣтственныхъ народныхъ комиссаріатовъ союза ССР». И только шесть «автономныхъ» комиссаріатовъ (внутреннія дѣла, юстиція, сельское хозяйство, народное просвѣщеніе, здравоохраненіе и соціальное обезпеченіе) являются *по договору* органами отдѣльныхъ республикъ, осуществляющими ихъ компетенцію. Но прочтите книгу С. А. Котляревскаго **).

*) Гурвичъ, Основы совѣтской конституціи, изд. 3-е. Его-же: Принципы федерализма и автономизма въ совѣтской системѣ М., 1924.

**) Котляревскій, «СССР и союзныя республики», см. напр., стр. 11, 17, 125 и др. о трудности установить демаркаціонныя линіи въ такой конституціи, какъ совѣтская.

справьтесь съ перечнемъ «предметовъ вѣдѣнія верховныхъ органовъ власти» въ п. 1 договора 6 іюня, — и вы увидите, что и въ этихъ областяхъ не только «установленіе общихъ началъ»,но и отдѣльныя мѣропріятія находятся въ полномъ распоряженіи центральной власти. А именно, въ компетенцію союзнаго центра входятъ, кромѣ обычныхъ федеративныхъ функцій, также: заключеніе внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ и разрѣшеніе таковыхъ союзнымъ республикамъ, руководство внѣшней торговлей и установленіе системы внутренней торговли, установленіе основъ и общаго плана всего народнаго хозяйства союза, опредѣленіе отраслей промышленности и *отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій,* имѣющихъ общесоюзное значеніе, *заключеніе концессіонныхъ договоровъ,* какъ общесоюзныхъ, такъ и отъ имени союзныхъ республикъ, утвержденіе единаго государственнаго бюджета СССР,въ составъ котораго входятъ бюджеты союзныхъ республикъ, установленіе общесоюзныхъ налоговъ и доходовъ, а также отчисленій отъ нихъ и надбавокъ къ нимъ, поступающихъ *на образованіе бюджетовъ* союзныхъ республикъ, разрѣшеніе дополнительныхъ налоговъ и сборовъ на образованіе бюджетовъ союзныхъ республикъ, установленіе общихъ началъ землеустройства и землепользованія, народнаго просвѣщенія, народнаго здравія, законодательство о межреспубликанскихъ переселеніяхъ и установленіе переселенческаго фонда, основы суда и гражданскаго и уголовнаго законодательства, основные законы о трудѣ и т. д. Какъ видимъ, на долю отдѣльныхъ республикъ не остается почти ничего, въ чемъ бы онѣ не зависѣли отъ постоянно расширяющейся сферы федеральнаго законодательства и управленія.

Въ прямомъ противорѣчіи съ изложеннымъ процессомъ дѣленія Россіи по національному признаку — дѣлались попытки ввести новое административное дѣленіе Россіи по признакамъ хозяйственнымъ. Уже въ 1922 г. Госпланъ представилъ ВЦИК'у проектъ «районированія» Россіи, т. е. раздѣленія ея на обширныя хозяйственныя области соотвѣтственно природнымъ богатствамъ и характеру мѣстныхъ производствъ. Такихъ областей намѣчалось 12 въ европейской и 9 въ азіатской Россіи. Проектъ былъ одобренъ въ принципѣ IX съѣздомъ совѣтовъ (дек. 1922), но столкнулся съ рядомъ возраженій со стороны національныхъ автономныхъ единицъ. Такъ, бѣлорусская республика попадала въ западную область съ центромъ въ Смоленскѣ; средневолжская

область по экономическимъ соображеніямъ тянула къ Самарѣ, что вовсе не устраивало Татарскую республику съ ея центромъ въ Казани. Украина была раздѣлена на двѣ области, а хотѣла оставаться единой. Въ связи съ описанной выше перемѣной настроенія въ пользу національной точки зрѣнія вопросъ о районированіи былъ пересмотрѣнъ на XII съѣздѣ коммунистической партіи (апр. 1923), и рѣшено, что «интересы и права національныхъ республикъ должны полностью учитываться» и планъ районированія «требуетъ осторожнаго подхода и большаго срока для окончательнаго проведенія». На первый разъ была выбрана уральская область, какъ образчикъ промышленной, и нижневолжская, какъ образчикъ земледѣльческой. Третьей областью была сѣверная кавказская (съ центромъ въ Ростовѣ). 25 мая 1925 рѣшено организовать Сибирскую область (изъ трехъ областей, проектированныхъ первоначально). Какъ видимъ, уступка національной точкѣ зрѣнія выразилась въ томъ, то районированіе коснулось преимущественно территоріи РСФСР. Но мы видѣли, что и независимо отъ районированія, конституція Союза даетъ достаточно широкія возможности совѣтской власти распоряжаться экономическими рессурсами національныхъ республикъ и строить всероссійскіе хозяйственные и финансовые планы.

Изъ сказаннаго ясно, что болѣе точное опредѣленіе взаимной компетенціи союза и его составныхъ частей договоромъ 6-го іюня 1923 года не послужило на пользу народностямъ и нисколько не измѣнило того положенія, по которому федерація разсматривается лишь, какъ временная и переходная форма къ полному объединенію съ тѣмъ громаднымъ расширеніемъ сферы вѣдѣнія государства, какое свойственно — тоже «переходной»—формѣ коммунистическаго государства. При переходѣ къ дѣйствительной федераціи считаться съ установленнымъ конституціей 6 іюня порядкомъ, конечно, придется; нельзя будетъ игнорировать и тѣхъ интересовъ цѣлаго, которые руководили составителями конституціи; но при установленіи границъ государственнаго вмѣшательства въ народную жизнь, при раздѣленіи законодательныхъ и административныхъ функцій государства, должно будетъ войти въ болѣе нормальныя рамки и распредѣленіе общегосударственной и мѣстной компетенцій, и взаимоотношенія федеральныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія.

VIII.

Примѣненіе національныхъ автономій къ задачамъ внѣшней политики. — Расширеніе пограничныхъ національныхъ территорій (Бѣлоруссія) и выдѣленіе самостоятельныхъ республикъ на окраинахъ (Молдавія, Туркменистанъ, Узбекистанъ).

Надо отдать справедливость той ловкости и беззастѣнчивости, съ которой большевики использовали національныя стремленія народностей для цѣлей своей внутренней политики — созданія унитарнаго государства, на всемъ пространствѣ котораго безконтрольно хозяйничаетъ центральная правящая олигархія и столь же безконтрольно распоряжается всемогущее ГПУ (или ОГПУ, объединенное государственное управленіе) — государственная полиція, замѣнившая Че-ка. Но не меньшую ловкость обнаружили большевики и въ примѣненіи того же національнаго начала къ цѣлямъ внѣшней политики. И въ данномъ случаѣ ихъ мѣропріятія отличаются свойственной имъ гибкостью безпринципности. Пока у большевиковъ была сильна надежда на немедленную міровую революцію (см. главу V), то самая форма *конфедераціи*, союза государствъ, съ правомъ свободнаго входа и выхода, должна была, какъ мы видѣли (выше, стр. 237-239), служить цѣли присоединенія все новыхъ и новыхъ «соціалистическихъ» республикъ, по мѣрѣ ихъ возникновенія. Сообразно этому, и «народный комиссаріатъ національностей» (Наркомнацъ), основанный въ первые же дни существованія совѣтской власти, включалъ въ себя, помимо представителей народностей совѣтской Россіи, также и представителей поляковъ, финляндцевъ, чехо-словаковъ, латышей, литовцевъ и армянъ (стр. 244). Когда надежда на міровую революцію стала ослабѣвать и оказалось необходимымъ перестроить тактику въ разсчетѣ на длительную пропаганду среди сосѣднихъ европейскихъ и азіатскихъ національностей, то въ этомъ духѣ внесены были измѣненія и во внутреннюю организацію національностей.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было расширеніе территоріи Бѣлорусской республики присоединеніемъ къ ней частей сосѣднихъ уѣздовъ РСФСР. Сдѣлано это со спеціальной цѣлью — усилить пропаганду въ той части Бѣлоруссіи, которая по Рижскому договору присоединена къ Польшѣ. Большевики хотѣли подчеркнуть контрастъ между той свободой, которой національ-

ности пользуются въ предѣлахъ союза ССР и тѣмъ національнымъ гнетомъ, который существуетъ на территоріи, присоединенной къ Польшѣ. Другая мѣра того же рода была принята 11-го октября 1924 года: украинскій ЦИК выдѣлилъ изъ своей территоріи небольшую автономную соціалистическую республику Молдавію, на границѣ съ аннексированой Румыніей Бессарабіей. Обѣ территоріи, бѣлорусская и молдавская, очевидно, предназначены стать плацдармами въ случаѣ военнаго столкновенія съ Польшей и Румыніей, къ которому готовится совѣтская власть.

Аналогичныя мѣры были приняты и въ азіатскихъ владѣніяхъ РСФСР въ связи съ политикой пропаганды въ азіатскихъ колоніяхъ европейскихъ державъ. Воспользовавшись антикоммунистическими возстаніями въ Хивѣ и Бухарѣ — «независимыхъ» государствахъ, находившихся въ слабой конфедеративной связи съ СССР, большевики перестроили всю организацію территорій, пограничныхъ съ Персіей и Афганистаномъ. Названія Туркестана, Хорезма (Хивы) и Бухары исчезли съ географической карты. На мѣстѣ ихъ появились двѣ новыя «независимыя» республики, принятыя въ октябрѣ 1924 г. въ составъ СССР: Туркменская и Узбекская. Черезъ Туркменскую республику большевики могутъ непосредственно вліять на сосѣднія туркменскія племена, живущія въ Персіи (Гокланы и Солары) и въ Афганистанѣ, въ верховьяхъ Мураба и его притоковъ. Узбекская республика (Бухара) выдѣлила отъ себя, по границѣ съ Афганистаномъ, автономную область Таджикскую. Таджики родственны нѣсколькимъ горнымъ племенамъ на индійскомъ скатѣ Памира, и, такимъ образомъ, пріобрѣтается путь вліянія черезъ узкую полосу афганской территоріи на Читраль и Кашмиръ. Далѣе, на востокъ Киргизъ - Кайсацкая автономная республика РСФСР (замѣнившая Туркестанъ) доходитъ до китайской границы и выдѣлила изъ себя на границѣ особую Кара - Киргизскую автономную область, съ очевидной цѣлью послужить базисомъ для пропаганды въ китайскомъ Туркестанѣ.

При помощи всѣхъ этихъ новообразованій на границахъ совѣтской Россіи, національные вопросы весьма умѣло утилизируются для цѣлей третьяго интернаціонала (см. главу V).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Большевистская дипломатія и третій интернаціоналъ.

I.

Общая характеристика большевистской дипломатіи. — Ея начало въ пораженчествѣ. — Перемѣна положенія послѣ октября 1917 г. — Неудача первыхъ мирныхъ переговоровъ. — Реализмъ Ленина. — Иллюзія и дѣйствительность. — Капитуляція Совѣта.

Дипломатія и большевизмъ — не заключаетъ ли въ себѣ уже сопоставленіе этихъ двухъ словъ самаго кричащаго противорѣчія? Возможно ли вообще, чтобы крайняя партія, поставившая своей главной задачей всемірный взрывъ, была допущена цивилизованными державами вести переговоры и заключать соглашенія съ тѣми самыми силами, противъ которыхъ она ведетъ подкопъ, и чтобы такимъ образомъ сознательно облегчалось ей осуществленіе этой задачи?

Увы, дѣйствительность иногда бываетъ невѣроятнѣе всякой выдумки. Жизнь даетъ намъ въ данномъ случаѣ образчикъ дипломатіи, дѣйствующей открыто для тѣхъ же самыхъ цѣлей, которыхъ агенты секретной пропаганды въ то же самое время стремятся достигнуть, работая въ подпольѣ. Мало того, что большевистскимъ дипломатамъ удается вести переговоры, у нихъ бываютъ и минуты успѣха. Ихъ своеобразная манера говорить каждому неперевариммыя истины побиваетъ всѣ рекорды дипломатической откровенности. Имъ при этомъ очень помогаетъ то, чего часто недостаетъ профессіональнымъ дипломатамъ: единство цѣли и строгая послѣдовательность въ ея проведеніи. Конечно, эта заслуга невелика, такъ какъ цѣль большевиковъ слишкомъ проста, абсолютна и недостижима, а ихъ пріемы слишкомъ безотвѣтствен-

ны, дерзки и безпринципны, чтобы служить примѣромъ какой бы то ни было цивилизованной дипломатіи. Надо также оговориться, что, при всей послѣдовательности въ преслѣдованіи своей цѣли, большевистская дипломатія совсѣмъ не претендуетъ на послѣдовательность въ своихъ методахъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, о которыхъ была рѣчь выше — въ области экономики, въ области національнаго вопроса — всякое средство годится, если и пока оно ведетъ къ цѣли. Большевики готовы мѣнять эти средства и нарушать данныя обѣщанія и заключенныя соглашенія, какъ только они найдутъ это нужнымъ для своей главной цѣли. Они при этомъ никогда не затрудняются мѣнять свои доказательства — и даже въ одно и то же время употреблять противорѣчивые аргументы въ дипломатическихъ актахъ и пропагандистскихъ памфлетахъ. Они могутъ безнаказанно лгать, быть уличены въ лганьѣ, быть даже изгнаны за ложь, какъ случилось съ Каменевымъ въ Лондонѣ, и тѣмъ не менѣе продолжать свою работу. Можно было бы конечно возразить, что вѣдь и въ обыкновенной дипломатіи методы Талейрана и Бисмарка не такъ уже необычны и что правило, согласно которому договоры дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ, пока не измѣнились условія, при которыхъ они заключены (rebus sic stantibus), есть обычное правило всякой дипломатіи. Но большевики, пользуясь тѣмъ, что за ними стоитъ великая Россія, которую даже при ихъ управленіи нельзя игнорировать, довели использованіе этихъ правилъ до крайности. Бисмаркъ сказалъ когда то, что онъ можетъ безнаказанно говорить правду, — потому что никто не повѣритъ, что онъ правдивъ. Большевистскіе дипломаты имѣютъ передъ Бисмаркомъ то преимущество, что они каждый день открыто высказываютъ свою главную истину — о міровой революціи — и имъ *вѣрятъ,* — но тонкіе дипломаты старой школы успокаиваются при этомъ на мысли, что до этого еще далеко и что «довлѣетъ дневи злоба его». Въ отличіе отъ этихъ профессіональныхъ дипломатовъ передъ большевиками стоитъ одна громадная задача, недостиженіе которой грозитъ имъ гибелью. Имѣя эту задачу постоянно передъ глазами, они не тонутъ въ массѣ мелочей, загружающихъ дипломатическія будни и составляющихъ дипломатическую рутину. Маньяки иногда бываютъ очень проницательны и дальновидны въ томъ, что не выходитъ за предѣлы ихъ горизонта и освѣщено лучами ихъ навязчивой идеи.

Тѣ, кто думаютъ, что эта навязчивая идея большевиковъ — міровая революція — можетъ измѣниться или даже, что большевики уже «отказались отъ міровой революціи, вмѣстѣ съ коммунизмомъ и другими основами большевизмами», тѣ недостаточно углубились въ пониманіе большевизма и рискуютъ серьезными ошибками въ своихъ сужденіяхъ и разочарованіемъ въ послѣдствіяхъ своихъ сношеній съ большевиками. Не только къ дѣяніямъ большевиковъ, но и къ ихъ идеологіи надо относиться серьезно. Въ день, когда эта идеологія будетъ потеряна, большевиковъ вообще больше не будетъ. Будетъ простая шайка бандитовъ, — какими часто и считаютъ большевиковъ ихъ неразсуждающіе враги. Но простая шайка бандитовъ не владѣетъ секретомъ гипнотизировать массы. Что въ концѣ концовъ потеря большевистской идеологіи неизбѣжна и что большевики къ этому фатально идутъ, — это совсѣмъ другой вопросъ. Но мы говоримъ здѣсь не о конечномъ исходѣ, а о процессѣ, въ которомъ большевистская истина еще сохраняла свою дѣйственную силу. Вотъ почему, постоянно подчеркивая, что сохраненіе власти является для большевиковъ главной *цѣлью,* для которой они готовы пожертвовать всѣмъ остальнымъ, мы, однако, не должны упускать изъ виду и ту демонстративную, иллюзорную цѣль, которой, — по крайней мѣрѣ формально, — служитъ сохраненіе ими власти, какъ *средство.*

Изъ единства и постоянства цѣли вовсе еще не слѣдуетъ, какъ уже сказано, единство тактики. Напротивъ, въ своей тактикѣ большевистскіе дипломаты показали себя чрезвычайно гибкими и податливыми. Они показали, что умѣютъ извлекать пользу изъ уроковъ жизни. Въ десять лѣтъ существованія, такимъ образомъ, они постепенно перешли отъ нелѣпыхъ и дѣтскихъ первоначальныхъ попытокъ подкладывать огонь повсюду, гдѣ есть воспламеняемыя вещества, къ широко задуманной и искусно организованной системѣ дѣйствій, выполняемыхъ ловкими агентами, которые умѣютъ выжидать и приспособлять свои дѣйствія къ мѣняющейся обстановкѣ, разсчитывая, какъ велѣлъ Ленинъ, на «долгое время».

Большевистская дипломатія возникаетъ одновременно съ первыми попытками создать интернаціональную организацію съ откровенно признаваемой задачей — «превратить грабительскую войну въ войну всѣхъ рабовъ противъ всѣхъ господъ». Эта задача

совпала съ пріемами нѣкоторыхъ воюющихъ державъ — ослабить своихъ противниковъ при помощи ихъ же внутреннихъ пораженцевъ. И «дипломатическія» сношенія пораженцевъ съ соотвѣтственными правительствами были, такимъ образомъ, обезпечены. Однако, первыя попытки использовать пораженцевъ для перевода войны на фронтахъ во всеобщую гражданскую войну при помощи «второго интернаціонала» не удались *). Соціалисты этого «Интернаціонала» оказались въ достаточной степени національно настроенными,чтобы въ минуту грозной опасности для родины забыть свои интернаціональныя цѣли. Въ глазахъ большевиковъ они превратились въ «соціалъ - патріотовъ», что равносильно «соціалъ - предателямъ». Тогда наступила очередь «третьяго интернаціонала». Третій интернаціоналъ и большевистская дипломатія — двѣ стороны одного и того же аппарата. На протяженіи этой главы мы найдемъ ихъ, дѣйствующими въ постоянной и тѣсной связи. Мы знакомы съ началомъ, положеннымъ въ Циммервальдъ - Кинталѣ, — въ подпольи. Мы увидимъ сейчасъ продолженіе этой тактики съ высотъ московскаго Кремля. Мы видѣли, что уже въ 1916 году идея Циммервальда широко распространилась среди рабочихъ массъ всѣхъ воюющихъ странъ, а въ 1917 году, она же оказалась сильнѣйшей движущей пружиной русской революціи. Революція въ Россіи, въ качествѣ перваго шага въ направленіи міровой гражданской войны, уже съ самаго начала имѣлась въ виду. За русской революціей должна была немедленно послѣдовать, по этому плану, революція «спартакистовъ» въ Германіи и — на короткомъ промежуткѣ — побѣда британскихъ и французскихъ «товарищей» въ Лондонѣ и Парижѣ (см. выше мнѣніе Ленина, переданное Грумбахомъ, стр. 58). Начало плана осуществилось: русская революція дѣйствительно началась и повела къ захвату власти во имя доктрины Циммервальда. «Дипломатія» большевиковъ за этотъ періодъ очень темна, и свѣдѣнія о ней основаны на данныхъ, подлинность которыхъ усердно оспаривается**). Тѣмъ не менѣе, общій фактъ поддержки большевиковъ германцами не подлежитъ сомнѣнію. Конечно, со стороны большевиковъ рѣчь шла тутъ не о простомъ подкупѣ, а объ использованіи ими тѣхъ пер-

*) Объ этихъ первыхъ попыткахъ см. мою книгу: **Bolshevism, an international danger,** 39-53 и выше, стр. 54-55.

**) О документахъ, собранныхъ Эд. Сиссономъ и напечатанныхъ въ Америкѣ, см. мои замѣчанія въ «Исторіи второй революціи», т. III, стр. 188.

выхъ средствъ, которыя представлялись на пути къ достиженію поставленной цѣли. Путь ихъ велъ не только въ Берлинъ, а черезъ Берлинъ, и въ другія страны. Прежде всего, онъ велъ къ солдатамъ германскаго же фронта. Но былъ моментъ, когда цѣли генерала Людендорфа и Ленина совпали. Разрушеніе русской арміи и государственности, использованіе національнаго вопроса для разложенія Россіи — таковы были эти общія цѣли, удачно достигнутыя совмѣстными усиліями *).

Но послѣ ихъ достиженія положеніе рѣзко измѣнилось. Во - первыхъ, стала на очередь задача реализаціи немедленной міровой революціи, а она была направлена, прежде всего, противъ самой Германіи. Во - вторыхъ (и даже трудно рѣшить, что было тутъ «во-вторыхъ» и что «во-первыхъ»), надо было спѣшно заняться укрѣпленіемъ собственной власти въ Россіи — и, прежде всего, для этого выполнить данныя массамъ обѣщанія. Изъ нихъ первымъ было обѣщаніе немедленнаго мира. Немедленный миръ — при помощи разложенія германскихъ войскъ, какъ интродукція къ немедленной же міровой революціи, и становится первой задачей, въ осуществленіи которой большевистская дипломатія дѣйствуетъ въ неразрывной связи и сотрудничествѣ съ агентами третьяго интернаціонала. Въ этотъ первоначальный періодъ, не только вслѣдствіе скудости средствъ и людей, а и по существу дѣла, большевистскіе дипломаты являются непосредственно и лично въ роли агентовъ пропаганды мірового переворота. Конецъ одной міровой войны и начало новой — причудливо сочетаются въ тактикѣ новой революціонной власти.

Примитивный аппаратъ совѣтскихъ романтиковъ революціи на первыхъ же шагахъ, однако, наталкивается на непредвидѣнныя и весьма прозаическія затрудненія. Началось съ того, что на громоносные приказы изъ Петербурга никто просто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Ни первый декретъ о мирѣ, разнесенный 8-го ноября (новаго стиля, какъ и послѣдующія даты) по всему свѣту безпроволочнымъ телеграфомъ, ни второй, уже прямое об-

---

*) См. выше, стр. 217-218, а также данныя, о которыхъ напомнилъ Б. И. Элькинъ въ «Голосѣ Минувшаго на Чужой Сторонѣ», № 4/XVII, стр. 302 — 303 (по поводу книги ген. Гофмана, An allen Enden Moskau). О перевозкѣ Ленина въ Россію Гофманъ сдѣлалъ предложеніе министерству иностранныхъ дѣлъ черезъ депутата Эрцбергера. Полковникъ Ниманъ (Alfr. Niemann, Kaiser und Revolution, 124) говоритъ: «мы использовали большевизмъ, чтобы парализовать способность Россіи къ сопротивленію».

ращеніе къ союзнымъ представителямъ въ Петроградѣ 22 ноября, не удостоились никакого отвѣта. Если не добромъ, то силой надо было «вынудить» немедленное перемиріе. И большевики приказали сперва генераламъ мириться прямо на фронтѣ съ мѣстными представителями германскаго командованія (отказъ Духонина повелъ къ его убійству), а затѣмъ — и непосредственно солдатамъ — брататься съ германскими солдатами по-ротно. Наконецъ, 28-го ноября центральныя державы выразили согласіе заговорить о перемиріи, и 3 декабря переговоры начались въ Брестъ-Литовскѣ. Троцкій, разумѣется, объяснилъ это, какъ недобровольный шагъ кайзера, вынужденнаго «пройти подъ ярмомъ», изъ страха передъ германскимъ пролетаріатомъ. Онъ выражалъ увѣренность, что и антантистскія правительства будутъ принуждены «массами» къ тому же. Но... новое разочарованіе — германцы согласились 15 декабря только на мѣсячное перемиріе, вмѣсто полугодового, какъ наивно предлагали большевики. Троцкій — а потомъ и Каменевъ — откровенно заявляли, что они намѣренно затягивали переговоры, желая употребить это время на пропаганду въ Германіи, отъ которой ждали немедленныхъ результатовъ. На это были ассигнованы два милліона рублей, и посланы тюки и вагоны пропагандистской литературы. Но... литература была задержана германскими властями, а германскіе «независимые соціалисты» не получили паспортовъ въ Россію. Попытка большевиковъ перенести переговоры изъ Брестъ - Литовска въ Стокгольмъ — для лучшаго международнаго резонанса ихъ рѣчей — тоже провалилась. На предложеніе совѣтскихъ делегатовъ дать свободу самоопредѣленія всѣмъ національностямъ германцы отвѣтили 28 декабря предложеніемъ согласиться на отдѣленіе отъ Россіи Польши, Литвы, Курляндіи, части Лифляндіи и Эстляндіи. Въ то же время они пригласили украинскихъ делегатовъ украинской рады для заключенія съ ними отдѣльнаго мира (заключенъ 9 февраля 1918). «Демократическій» лозунгъ самоопредѣленія вплоть до отдѣленія получилъ въ этой обработкѣ опредѣлено аннексіонистскій характеръ. Троцкій признавался, что «не ожидалъ такого верха безстыдства». Что было дѣлать теперь новичкамъ во власти? *).

---

*) Trotsky, Russian Revolution to Brest - Litovsk, (London, 1919) 131—149. Моя книга Bolshevism: an international danger, 102—104. Dennis, the Foreign policies of Soviet Russia, 23—25. и Майскій. Внѣшняя политика Р.С.Ф.С.Р. 1917 - 1922. Москва, 1922 стр. 9-18.

Тутъ раздался отрезвляющій голосъ Ленина. 8 января 1918 года онъ прочелъ передъ собраніемъ единомышленниковъ свои реалистическія соображенія (напечатанныя 8 марта въ 21 пунктахъ) въ пользу заключенія такого «аннексіонистскаго мира», какого требовала Германія. Другая альтернатива — вести «революціонную войну» съ Германіей — въ данный моментъ была невозможна. Бѣлое движеніе разгорается и далеко не достигло своей высшей точки. Для переустройства Россіи на соціалистическихъ началахъ необходимо имѣть свободныя руки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Хорошо, если германская революція начнется черезъ три - четыре мѣсяца. Но германскіе независимые не даютъ опредѣленныхъ обѣщаній относительно срока. «Несомнѣнно, соціалистическая революція въ Европѣ должна наступить и наступитъ. Всѣ наши надежды на окончательное торжество соціализма основаны на этомъ убѣжденіи и на этомъ научномъ предвидѣніи. Наша пропагандистская дѣятельность и, въ особенности, организація братанія должна быть усилена и развита. Но строить тактику соціалистическаго правительства въ Россіи на разсчетѣ, что германская революція совершится черезъ полгода, было бы ошибкой». Крестьяне не хотятъ воевать, а германцы не потерпятъ дальнѣйшихъ искусственныхъ затяжекъ переговоровъ. «При такомъ положеніи абсолютно недопустимо играть судьбой соціалистической революціи». «Ни одинъ марксистъ не будетъ отрицать, что интересы соціализма выше права самоопредѣленія народовъ» и, слѣдовательно, интересы Польши, Лифляндіи, Курляндіи и др. должны быть пожертвованы интересу сохраненія соціалистической республики *).

Эти соображенія не мѣшали, конечно, использовать германскія суровыя требованія, какъ матеріалъ для пропаганды. Внѣшнимъ образомъ большевики продолжали дѣлать видъ полной увѣренности, что — чѣмъ хуже для Россіи, тѣмъ лучше для міровой революціи. 23 января они сообщили міру по безпроволочному телеграфу, что германскія условія равносильны «чудовищной аннексіи и полному экономическому и политическому удушенію Россіи». Принужденные уступать шагъ за шагомъ передъ дисциплинированнымъ напоромъ германскихъ дипломатовъ и генераловъ, они продолжали отыгрываться легкомысленнымъ хвастовствомъ. «Мы поведемъ другіе переговоры съ Германіей, когда

*) Dennis, 31 - 33, 49.

Либкнехтъ станетъ во главѣ революціоннаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ нимъ мы передѣлаемъ карту Европы». Однако же, въ это самое время генералъ Гофманъ разговаривалъ совсѣмъ инымъ языкомъ въ Брестъ - Литовскѣ... Ничего не значитъ! «Мы не считаемъ мирными переговорами тѣ, которые мы теперь ведемъ съ Германіей. Мы говоримъ съ ними нашимъ обычнымъ революціоннымъ языкомъ». Съ германскимъ *народомъ мы* поведемъ «другіе разговоры — настоящую *окопную* дипломатію». — Но, однако же, вѣдь германскіе генералы пользуются этимъ «другимъ» родомъ большевистской дипломатіи для того, чтобы постоянно повышать свои требованія? — Тѣмъ хуже для нихъ! «Германскій пролетаріатъ и крестьянство отвѣтятъ имъ крикомъ возстанія». И, желая протянуть переговоры, въ цѣляхъ пропаганды, большевики устраиваютъ (вторичный) перерывъ — съ 18 по 29 января. Они все ждутъ германской революціи. Австро - германская стачка, волненія рабочихъ въ Англіи и Италіи кажутся имъ вѣрными предвѣстниками этой революціи *).

Увы, надежды на стачки и рабочія волненія оказываются напрасными. Германская революція не приходитъ. Германскіе генералы продолжаютъ увеличивать свои требованія. Тогда Троцкій, 10-го февраля 1918 года, прибѣгаетъ къ пріему, «небывалому въ міровой исторіи». Передъ лицомъ непріятеля онъ демобилизуетъ русскую армію и «вручаетъ русскій фронтъ покровительству германскихъ рабочихъ». Зиновьевъ, петроградскій диктаторъ, — въ полномъ восторгѣ отъ такого небывалаго шага. «Мы уже нанесли страшный ударъ міровому имперіализму», заявляетъ онъ, «когда три мѣсяца тому назадъ начали наши мирные переговоры. Теперь нашей новой формулой («ни миръ, ни война») мы наносимъ этому имперіализму смертельный ударъ». Въ Смольномъ одинъ членъ Совѣта спросилъ: «но что же дальше?» Ленинъ невозмутимо отвѣтилъ: «дальше — революція въ Германіи». И совѣтъ вотировалъ одобреніе, выразивъ при этомъ увѣренность, «что германскіе, австро - венгерскіе, болгарскіе и турецкіе рабочіе исполнятъ свой долгъ и не позволятъ своимъ правительствамъ напасть на народы Польши, Литвы и Курляндіи» **).

Послѣдствія этихъ квази - «дипломатическихъ» выступленій далеко не отвѣчали фанфаронскому тону совѣтскихъ вождей.

*) См. мой Bolshevism, стр. 103. Майскій, 29-36.
**) Bolshevism, 106. Dennis, 33—34.

Недѣлю спустя (18 февраля) германскія войска, оправившись отъ изумленія по поводу «небывалаго въ исторіи» шага Троцкаго, перешли по-просту въ наступленіе и наводнили русскія окраины. Не ожидавшія этого, русскія войска, доведенныя до послѣдней степени разложенія, отступали въ полномъ безпорядкѣ. Петроградъ былъ въ паникѣ, и правительство рѣшило переселиться въ Москву. 19 февраля совѣтъ капитулировалъ. Отвѣтомъ на это былъ германскій ультиматумъ 21 февраля, значительно ухудшившій условія мира. Дѣлать было нечего: 24 февраля и эти условія были приняты большинствомъ 126 голосовъ центральнаго комитета противъ 85 и 26 воздержавшихся. 28 февраля переговоры возобновились въ Брестъ - Литовскѣ. 3 марта мирный договоръ былъ подписанъ. Русскія войска обязывались эвакуировать Алландскіе острова, Эстляндію, Лифляндію, Ардаганъ, Карсъ и Батумъ. Съ Украиной установилась новая граница. Дополнительный договоръ 27 августа 1918 года расширилъ торговыя права Германіи, парализовалъ дѣйствія совѣтской арміи и флота и наложилъ на Россію тяжелую контрибуцію въ шесть билліоновъ марокъ подъ видомъ вознагражденія за германскія потери. На основаніи оффиціальной статистики, опубликованной комиссаромъ торговли 10 апрѣля, Россія потеряла по Брестъ - Литовскому миру 26% населенія, 27% пахотной площади, 32% средняго урожая, 26% желѣзнодорожной сѣти, 33% своей промышленности, 73% желѣзной добычи, 75% добычи каменнаго угля *).

Для совѣтской власти все это было второстепенными жертвами для спасенія главнаго: ея самой, какъ залога грядущей міровой революціи. Во время переговоровъ Каменевъ всего рѣшительнѣе настаивалъ на двухъ вещахъ: чтобы германцы разрѣшили своимъ солдатамъ братаніе и допустили ввозъ въ Германію пропагандистской литературы. Конечно, не только они не получили удовлетворенія этихъ наивныхъ требованій, но даже вынуждены были обязаться не вести пропаганды. Это было для нихъ совершенно невозможно. Уже самый договоръ сдѣлался немедленно предметомъ пропаганды. 9 марта совѣтское радіо разнесло по всему свѣту рѣзкую критику только что заключеннаго мира, какъ мира эксплуататоровъ, навязаннаго рабочимъ классамъ. Ленинъ въ интервью съ корреспондентомъ „Daily News“ (22 марта) съ прежней самоувѣренностью и апломбомъ вновь подтвердилъ: «за-

*) Dennis, 34—40, 50. Майскій, 37-40.

дача совѣтовъ продержаться до тѣхъ поръ, пока взаимное истощеніе воюющихъ группъ европейскаго капитала не вызоветъ революціи во всѣхъ странахъ». 22 октября 1922 года онъ повторилъ передъ ЦИК-омъ: «въ цѣпи революцій главное звено — революція германская. Успѣхъ міровой революціи зависитъ отъ нея больше, чѣмъ отъ какой либо другой».

II.

Разложеніе германской арміи. — Увѣренность въ близости міровой революціи. — Подготовка революцій въ Европѣ и Азіи къ веснѣ 1919 года. — Провалъ большевистскихъ плановъ.

Хочется сказать: мы имѣемъ дѣло съ сумасшедшими. Но не слѣдуетъ спѣшить съ этимъ сужденіемъ. Въ этомъ сумасшествіи есть методъ. Большевики были увѣрены, что смогутъ разложить германскую армію совершенно такимъ же образомъ, какъ разложили русскую. Уже въ іюлѣ 1917 года Роза Люксембургъ писала одному русскому соціалисту: «русская революція для насъ все. Все въ Германіи колеблется, шатается... Въ теченіе мѣсяцевъ солдаты обѣихъ армій братались, и наши офицеры были безсильны остановить это». Послѣ ноябрьскаго переворота сношенія съ германскими революціонерами стали регулярнѣе, и къ старымъ методамъ разложенія арміи прибавился новый: возвращеніе въ Германію и въ Австрію военноплѣнныхъ, натасканныхъ въ Россіи на коммунизмъ. Каменевъ, участникъ переговоровъ въ Брестъ - Литовскѣ открыто признавался французскому журналисту Vaucher: «мы растянули переговоры на три мѣсяца съ цѣлью выиграть время для проникновенія нашей пропаганды въ Германію... Мы имѣли много случаевъ говорить съ недовольными солдатами» *). Они даже сумѣли распространить въ эти дни переговоровъ, среди германскихъ солдатъ, въ милліонахъ экземпляровъ, спеціальный памфлетъ, подписанный Ленинымъ и Троцкимъ. Напрасно германскіе делегаты жаловались на «нелояльность» большевиковъ. Эти послѣдніе твердо шли къ своей цѣли. И послѣ заключенія мира та же тактика продолжалась. Въ теченіе лѣта 1918 года германскія власти не разъ жаловались на совѣтскую пропаган-

*) Vaucher, l'Enfer Bolchevik, стр. 6 - 7. С. Мстиславскій. Брестскіе переговоры, СПБ. 1918, 59 - 60, 61 - 62 (пренія Гофмана съ Каменевымъ о братаніи на фронтѣ и о распространеніи литературы. Тамъ же, стр. 90, телеграмма Карахана, секретаря делегаціи, о распространеніи среди нѣмецкихъ солдатъ воззванія Ленина и Троцкаго).

ду среди военноплѣнныхъ (Мирбахъ 10 мая, Кюльманъ 6 іюня). Многочисленные военные приказы и рѣшенія военныхъ судовъ въ Германіи подтверждаютъ быстрое паденіе военной дисциплины, при которомъ большевистская пропаганда находила благопріятную почву. Будемъ ли мы датировать начало германскаго пораженія съ 8 августа 1918 года, по Людендорфу, или съ 15 и 18 іюля, по «Форвертсу», во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что разложеніе арміи вообще и пропаганда большевиковъ, въ частности, сыграли въ этой неудачѣ значительную роль. Разсчетъ большевиковъ былъ, такимъ образомъ, правиленъ. Они ошиблись лишь въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ. Заявленія Гинденбурга, что армія не можетъ побѣдить, относятся къ 29 сентябрю и 3 октябрю. Перемиріе съ союзниками было заключено 11 ноября *).

Какой новый шансъ для приближенія міровой революціи! «Никогда раньше», твердилъ Ленинъ въ только что цитированной рѣчи 22-го октября, «всеобщая пролетарская революція не была такъ близка, какъ теперь». А нѣсколько дней спустя Зиновьевъ вторилъ: «банкиры Франціи и Лондона скоро узнаютъ, что революція въ Берлинѣ для нихъ не праздникъ, а memento mori, напоминающее о ихъ близкой гибели». И въ годовщину октябрьскаго перемирія 11-го ноября, Ленинъ еще разъ повторилъ: «международная революція близка, хотя революціи и не совершаются по расписанію. Имперіализмъ не можетъ предупредить международной революціи. Имперіалисты лишь зажгутъ пожаръ въ цѣломъ мірѣ и погибнутъ сами, если попытаются подавлять революціи».

Въ этой увѣренности, большевики энергично принялись за подготовку обширнаго плана революціонизированія всей средней Европы на весну 1919 года. Милліоны русскихъ рублей были брошены въ Германію при посредствѣ новаго русскаго «посланника» въ Берлинѣ Іоффе, съ цѣлью дать толчокъ революціонному движенію. Но большевистская литература была найдена въ ализѣ дипломатическаго курьера, и германцы вѣжливо предложили Іоффе покинуть Берлинъ (5-го ноября 1918 года). На смѣну ему явился въ декабрѣ другой, на этотъ разъ уже неоффиціальный посолъ къ германскому пролетаріату, Радекъ. Его «дипломатическій» успѣхъ выразился въ томъ, что въ январѣ 1919

*) Pourquoi l'Allemagne a capitulé le 11 Novembre, 1918. Etude faite sur les documents du G. Q. G. français. 10 Janvier, 1919.

года онъ заключилъ договоръ съ самимъ Либкнехтомъ. По условіямъ этого договора, Ленинъ обязывался признать Либкнехта президентомъ германской совѣтской республики, дать значительныя суммы на спартаковскую пропаганду и отдать приказъ войскамъ — перейти границу и начать наступленіе для поддержки возстанія спартаковцевъ въ Берлинѣ. Объ этихъ самыхъ красныхъ войскахъ, годомъ раньше, полковникъ Роббинсъ и капитанъ Садуль вели отъ имени Америки и Франціи, переговоры съ Троцкимъ, обѣщая дать имъ инструкторовъ и всяческую помощь для борьбы съ Германіей. Теперь они дѣйствительно предназначались для борьбы съ Германіей, - по не съ цѣлью помочь союзникамъ, а съ цѣлью ввести коммунизмъ въ Европѣ. Съ своей стороны, Либкнехтъ обязался ввести въ Германіи немедленно послѣ захвата власти совѣтское правительство, навербовать армію въ 500 тысячъ человѣкъ, поручить Троцкому верховное командованіе надъ нею и ввести въ жизнь всѣ учрежденія и порядки, требуемые ленинской доктриной. Послѣ успѣшной революціи въ Венгріи, въ мартѣ 1919 года, былъ заключенъ другой договоръ между Ленинымъ и Бела - Куномъ, его ставленникомъ. Согласно этому договору, «впредь до того времени, когда другія европейскія государства перейдутъ къ совѣтскому режиму», должна быть оказываема взаимная военная и матеріальная поддержка. Передвиженія войскъ должны были быть заблаговременно согласованы «между различными совѣтскими государствами». Цѣлью нападенія была намѣчена «Антанта, и, спеціально, Польша и Румынія». Когда 12 февраля Радекъ былъ арестованъ въ своемъ бюро спартаковско - большевистской пропаганды въ Вильмерсдорфѣ (Берлинъ), то были найдены дальнѣйшія доказательства, что «на весну былъ намѣченъ планъ произвести грандіозное большевистское выступленіе въ Германіи — и въ то же время атаковать Германію большевистской арміей на восточной границѣ». Это извѣстіе было подтверждено изъ Москвы (черезъ Гельсингфорсъ). Предполагалось спѣшно приготовить армію въ 150 000 члеовѣкъ для нападенія на Германію въ концѣ апрѣля или въ серединѣ мая черезъ Польшу и Курляндію. Ближайшей задачей было поставлено — привести въ военную готовность нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и занять линію Эльбы. Этотъ планъ былъ выработанъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, германскимъ майоромъ Бушемъ, бывшимъ военноплѣннымъ, который объявилъ себя коммунистомъ и игралъ въ Москвѣ видную роль. Интересно сопоставить съ этими данными

хвастливыя заявленія венгерскихъ лидеровъ возстанія, послѣ удачи ихъ революціи. «Въ три недѣли», заявляли они, «у насъ будетъ 150 000 вполнѣ обученныхъ и экипированныхъ людей. Въ шесть недѣль мы разсчитываемъ имѣть 500 000 обученныхъ людей... Мы окружены недовольными народами... Мы начнемъ съ Чехо - Словакіи... Затѣмъ, наступитъ очередь Румыніи... За ней послѣдуетъ Югославія... Черезъ три мѣсяца къ намъ присоединится Италія. 8-го апрѣля состоится соединенный митингъ рабочихъ и солдатскихъ совѣтовъ въ Берлинѣ. У насъ имѣется безусловно точная информація, что Германія перейдетъ къ большевизму... Долго ли выдержитъ Франція? А затѣмъ наступитъ очередь Англіи... Для Чехо - Словакіи, Румыніи, Болгаріи, Италіи, Франціи и Англіи у насъ все готово до послѣдняго клочка бумаги. Никакая страна противъ насъ не устоитъ» *).

Подготовка большевиковъ къ веснѣ 1919 года не ограничилась Западомъ Европы. Въ то же время ожидалась еще и революція на Востокѣ, и особенно въ Индіи. «Правда» опубликовала сообщеніе, что спеціальное «Бюро мусульманскихъ коммунистическихъ организацій" напечатало въ первые десять мѣсяцевъ 1918 года 4 милліона копій памфлетовъ на татарскомъ, турецкомъ, киргизскомъ, сартскомъ и индостанскомъ языкахъ. Въ то же время взрывчатыя вещества и деньги были посланы большевистскими представителями въ Стокгольмѣ, въ Бомбей, черезъ Лондонъ. Нѣкій «индійскій профессоръ» Маявлеви Могаммедъ Баранатулла, прежній германскій агентъ въ Афганистанѣ во время войны, заявилъ формально въ Москвѣ, что «при нормальномъ ходѣ событій, это лѣто (1919 года) будетъ рѣшающимъ въ процессѣ освобожденія Индіи». Афганистанъ признавался пунктомъ «первостепенной важности для пропаганды въ Азіи», какъ Венгрія для Европы. Надежды большевиковъ въ особенности оживились, когда новый афганскій эмиръ Аманулла въ маѣ объявилъ войну Англіи. Правда, эмиръ былъ вынужденъ, меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, просить мира. Но переговоры между Кабуломъ и Москвой продолжались. Въ августѣ 1919 года московскіе дипломаты посылали ноту къ эмиру, въ которой увѣдомляли его объ успѣхахъ міровой революціи. «Успѣхи нашихъ войскъ на Востокѣ», заявляли они, «позволяютъ разсчитывать, что скоро мы соединимъ наши силы съ силами сибирской революціи. Несмотря

---

*) См. мой Bolshevism, стр. 131 - 177.

на всѣ трудности, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что побѣда будетъ за нами — не только въ Россіи, но и въ международномъ масштабѣ» *)

Не будемъ излагать въ подробностяхъ, какимъ образомъ всѣ эти планетарныя затѣи провалились. Достаточно вкратцѣ напомнить, что нашествіе на Германію черезъ пограничныя страны не осуществилось, три возстанія, инсценированныя одно за другимъ, въ Берлинѣ, были подавлены Носке, Либкнехтъ былъ умерщвленъ, совѣтскій режимъ въ Венгріи ликвидированъ, революціонные взрывы въ Вѣнѣ и въ Словакіи усмирены. Красныя арміи, готовившіяся перейти Западную границу, направлены на внутренніе фронты на сѣверѣ, востокѣ и югѣ — для борьбы съ «бѣлыми» арміями Архангельскаго правительства, Колчака и Деникина. Такимъ образомъ, первый годъ «всемірной революціи» — 1919-й — прошелъ безъ осуществленія большевистскихъ мечтаній. Но въ то же время этотъ годъ доказалъ, какъ широки ихъ планы и какъ активна совѣтская дипломатія и пропаганда въ преслѣдованіи этихъ задачъ.

Въ виду этихъ приготовленій, которыя, конечно, нельзя было скрыть совершенно, какова же была позиція союзниковъ?

III.

Первыя двѣ стадіи сношеній союзниковъ съ большевиками. — Переговоры съ антибольшевиками. — Разстройство отношеній съ большевиками и разрывъ къ концу 1918 г. — Международная изоляція совѣтской власти.

Дипломатія союзниковъ по отношенію къ большевикамъ въ промежутокъ времени отъ октябрьскаго переворота до перемирія 11 ноября 1918 года прошла черезъ двѣ стадіи. Первая стадія продолжалась отъ ноября 1917 до марта 1918 года, т.-е. до подписанія Брестъ - Литовскаго мира. Послѣ заключенія большевиками мира съ Германіей наступаетъ вторая стадія, которая кончается перемиріемъ союзниковъ съ Германіей.

Въ теченіе обоихъ этихъ періодовъ союзная политика руководилась интересами міровой войны. Пока существовала надежда, что большевики будутъ воевать съ Германіей, или что совѣтская власть не ратифицируетъ Брестъ - Литовскаго мира, или

*) Bolshevism, стр 248 - 255.

что, по крайней мѣрѣ, послѣ ратификаціи борьба противъ Германіи возобновится, — союзники сохраняли контактъ съ большевиками и обѣщали имъ помощь и поддержку. Для этой цѣли служили своего рода дипломаты in partibus infidelium. Это былъ во-первыхъ, капитанъ Садуль, представитель Франціи, который каждый день ходилъ къ Троцкому въ Смольный и посылалъ обстоятельные отчеты Альберу Тома, впослѣдствіи опубликованные. Реймондъ Роббинсъ, глава американскаго Краснаго Креста, былъ использованъ для той же цѣли американскимъ посланникомъ Френсисомъ. Наконецъ, британское министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствовало черезъ Локкарта, котораго вначалѣ большевики считали своимъ «другомъ». 2 декабря 1917 года Садуль устроилъ свиданіе между Троцкимъ и Нулансомъ во французскомъ посольствѣ, и оба собесѣдника разстались послѣ двухчасового разговора, «понравившись другъ другу». 2 января 1918 года полк. Роббинсъ получилъ отъ Френсиса письменное заявленіе, въ которомъ обѣщались всякаго рода помощь и даже рекомендація Вашингтонскому правительству формально признать большевиковъ де-факто, если они будутъ продолжать войну и «серьезно поведутъ враждебныя дѣйствія» противъ Германіи. Садуль отлично зналъ, для какихъ цѣлей большевики стараются реорганизовать армію. «Освободившись отъ войны», писалъ онъ 11 января 1918 года, «они сдѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы побороть внутреннюю и внѣшнюю буржуазію, организуютъ Россію и въ мирное время приготовятъ армію, которая затѣмъ поможетъ пролетаріату центральной и западной Европы освободиться отъ стараго порядка». Реймондъ Роббинсъ также призналъ впослѣдствіи передъ слѣдственной комиссіей сената Соединенныхъ Штатовъ, что онъ «съ самаго начала былъ вполнѣ освѣдомленъ объ этомъ намѣреніи (начать міровую революцію), но поощрялъ большевиковъ, такъ какъ первое нападеніе должно было быть направлено противъ Германіи *).

Одновременно, однако же, союзники прибѣгали и къ другимъ мѣрамъ, чтобы парализовать большевистскій миръ съ Германіей. Въ началѣ декабря 1917 года они вели съ антибольшевиками переговоры объ интервенціи, съ цѣлью образованія такъ называемаго «Восточнаго фронта», гдѣ нибудь внутри Россіи, для того, чтобы отвлечь отъ перевозки германской арміи на Запад-

*) Bolshevism, 273 - 278.

ный фронтъ противъ Франціи. *Интервенція* — таковъ былъ смыслъ и содержаніе новой стадіи, которая должна была начаться, какъ скоро надежда использовать большевистскія войска противъ Германіи была окончательно потеряна. Въ теченіе нѣкотораго времени союзникамъ удавалось соединить эту политику съ сохраненіемъ мирныхъ отношеній съ большевиками. Такое промежуточное положеніе продолжалось до лѣта 1918 года, несмотря на отдѣльные эпизоды, вродѣ ареста румынскаго посланника Діаманди (январь 1918 г.), несмотря на протестъ, которымъ союзные дипломаты отвѣтили на совѣтскій декретъ 18 февраля, отмѣнявшій всѣ царскіе долги и иностранные займы, несмотря даже на высадку англичанъ (11 марта) въ Мурманскѣ, прикрытую просьбой мѣстнаго совѣта. Союзники даже продолжали въ это время предлагать помощь большевикамъ. Но къ концу апрѣля стало невозможно сохранять долѣе это двусмысленное положеніе. 5-6 апрѣля японцы и англичане высадились во Владивостокѣ, что вызвало протестъ Чичерина и страшное волненіе въ совѣтской прессѣ. «Намѣрены-ли мы интервенировать *безъ* совѣтовъ или *противъ* нихъ?» спрашивалъ въ недоумѣніи Садуль 30 апрѣля, по порученію Чичерина и Троцкаго. 28 іюня и 13 іюля Чичеринъ протестовалъ противъ продвиженія союзныхъ войскъ на югъ отъ Мурманска. 13 іюня совѣтская власть жаловалась, что французскіе офицеры приняли участіе въ «бѣлогвардейскомъ» бунтѣ чехо - словаковъ. Дѣйствительно, какъ разъ въ это время велись дѣятельные переговоры союзниковъ съ русскими политическими партіями въ Москвѣ, организовались возстанія кругомъ Москвы, формировался первый антибольшевистскій фронтъ въ Самарѣ и появилось первое антибольшевистское правительство («комитетъ членовъ всероссійскаго учредительнаго собранія»)*).

Съ этого момента союзники направили свои усилія въ эту сторону. Дипломатовъ in partibus пришлось отпустить: Садуль сдѣлался большевикомъ, Роббинсъ былъ отозванъ, Локкартъ началъ работать для антибольшевистскаго движенія (10 сентября онъ былъ арестованъ). Дипломатическій корпусъ, перебравшійся послѣ заключенія Брестъ - Литовскаго мира (въ мартѣ) изъ Петрограда въ Вологду, послѣ высадки союзныхъ войскъ (2 августа) въ Архангельскѣ переѣхалъ туда. Остальные послы выѣхали черезъ Финляндію, въ Швецію; консулы послѣдовали за

*) См. т. II настоящаго изданія, стр. 18 - 23, 40 - 44.

послами, и къ концу 1918 года совѣтская Россія осталась безъ дипломатическаго представительства. Въ свою очередь, и первые совѣтскіе послы должны были покинуть столицы Европы, въ которыхъ они было утвердились. Литвиновъ былъ удаленъ изъ Лондона, Берзинъ изъ Швейцаріи, Воровскій изъ Стокгольма, Сурицъ изъ Копенгагена, Розинъ изъ Голландіи. Съ международной изоляціей Россіи начинается новая глава исторіи совѣтской дипломатіи *).

IV.

Страхъ большевиковъ передъ «капиталистическимъ интернаціоналомъ» Лиги Націй. — Приглашеніе на Принкипо. — Сомнѣнія большевиковъ и цинизмъ Ленина. — Приглашеніе циммервальдцевъ въ Москву для созданія третьяго интернаціонала. — Съѣздъ въ Кремлѣ и манифестъ перваго съѣзда.

Главная цѣль союзной интервенціи на новомъ «Восточномъ фронтѣ» — отвлеченіе военныхъ силъ Германіи на востокъ — исчезла послѣ пораженія Германіи. 9-го августа посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ послѣдній разъ назвалъ русскій народъ «союзникомъ противъ общаго врага". Послѣ перемирія 11 ноября 1919 года «общаго врага" болѣе не было. Врагъ антанты былъ разбитъ. Врагъ Россіи, большевизмъ, только самими большевиками считался «общимъ врагомъ» всѣхъ «капиталистическихъ» правительствъ.

Однако же, большевистская дипломатія была увѣрена, что «міровой капитализмъ» понимаетъ «общую опасность» отъ большевизма и немедленно же противопоставитъ ему общій объединенный фронтъ. Большевики были твердо убѣждены, что тутъ имъ предстоитъ пережить самое серьезное испытаніе. Ленинъ въ той же рѣчи 22 октября, въ которой онъ заявлялъ, что никогда пролетарская революція не была еще такъ близка, прибавлялъ и то, что «никогда мы не были въ такомъ опасномъ положеніи». «Союзники воспользуются побѣдой надъ центральными державами, чтобы раздавить большевиковъ». Зная положеніе гораздо лучше антанты, большевики понимали, что ударъ всего выгоднѣе нанести имъ немедленно, въ моментъ ихъ наибольшей слабости. Они ждали этого удара или съ сѣвера, или съ востока, но всего вѣроятнѣе, съ юга, — съ наиболѣе уязвимой точки. Троцкій забла-

*) Майскій, 54-62.

говременно предсказывалъ (12 октября), что союзники придутъ черезъ проливы въ южную Россію и что земля Донского войска «сдѣлается клиномъ міровой революціи». Проектъ Вильсона — образовать Лигу Націй — большевики поняли именно въ этомъ смыслѣ. 24-го октября Чичеринъ разразился посланіемъ къ президенту Вильсону, въ которомъ предлагалъ, въ качествѣ средства уничтожить корень войны, экспропріацію капиталистовъ, разоруженіе и уничтоженіе «экономическихъ границъ». Иначе «Лига Націй» превратится въ «Лигу капиталистовъ» противъ націй. По толкованію Ленина, міровой капитализмъ здѣсь хотѣлъ основать свой собственный «интернаціоналъ», — въ противовѣсъ «третьему московскому интернаціоналу». Въ смертельной схваткѣ предстояло столкнуться двумъ фронтамъ: «фронту Ленина» и «фронту президента Вильсона». «Великая капиталистическая лига націй», писалъ «Трудъ», 18 ноября, «съ германскими юнкерами по лѣвую руку и съ лондонскими банкирами по правую руку центральной фигуры Пирпонта Моргана, — скоро будетъ готова. Тогда соединенная сила международнаго капитала сосредоточится на уничтоженіи интернаціонала рабочихъ, владѣющаго теперь Россіей и готоваго захватить Австро - Венгрію, Болгарію, Германію, Англію и Францію... Одно изъ двухъ: надо выбирать между капиталистическимъ интернаціоналомъ и рабочимъ интернаціоналомъ!» *).

Можно себѣ представить каково было изумленіе большевистскихъ лидеровъ, когда, вмѣсто союзной вооруженной силы, пробравшейся черезъ Проливы, или «капиталистической лиги», марширующей съ Уоллъ - Стритъ, въ Москву пришло 22 января 1919 года предложеніе отъ Парижской конференціи пожаловать и сѣсть за одинъ столъ съ буржуазными дипломатами, чтобы обсудить вмѣстѣ съ ними вопросъ о мирѣ. Это, правда, было прямымъ отвѣтомъ на просьбы Литвинова (24 декабря) и Чичерина (12 января), обращенныя къ Америкѣ, — войти съ большевиками въ переговоры о мирѣ. Но все же парижское предложеніе было неожиданно и звучало странно. Въ первый моментъ большевики думали, что тутъ какое то недоразумѣніе. Но новость скоро подтвердилась, и большевики сразу рѣшили использовать данную имъ «передышку». Правда, Зиновьевъ и Каменевъ возбуждали нѣкоторыя сомнѣнія. Не измѣнится ли самый характеръ совѣт-

*) Bolshevism, 110 - 115.

ской республики и не будетъ ли онъ даже вовсе уничтоженъ переговорами съ буржуазными правительствами? Ленинъ легко разрѣшилъ затрудненіе. «Періоды отдыха», заявилъ онъ, — «необходимы для успѣшнаго развитія въ мірѣ большевистской доктрины. Завоевавъ, такъ сказать, двѣ трети непріятельской территоріи, мы должны прервать наступленіе, чтобы установить новыя линіи сообщенія, организовать новые склады, подвезти побольше тяжелыхъ орудій, амуниціи, свѣжіе резервы. Я никогда не колебался», продолжалъ онъ, «входить въ соглашенія съ буржуазными правительствами, когда, поступая такимъ образомъ, я могъ ослабить буржуазію и усилить пролетаріатъ всѣхъ странъ. Въ войнѣ — это разумное правило стратегіи, — отлагать операціи до того момента, когда моральное разложеніе противника сдѣлаетъ возможнымъ нанесеніе смертельнаго удара... Мы должны помириться не только съ Антантой, но и съ Польшей, Литвой, Украиной и со всѣми другими силами, которыя стоятъ теперь противъ насъ въ Россіи. Мы должны быть готовы пойти на всякія уступки, обѣщанія и жертвы, только, чтобы завлечь нашихъ враговъ къ заключенію мира... Мы будемъ знать, что мы лишь заключили перемиріе, чтобы закончить свои приготовленія къ рѣшительной атакѣ» *).

Совѣтуя, такимъ образомъ, заключить перемиріе съ капиталистическимъ «интернаціоналомъ», Ленинъ, однако, отнюдь не забывалъ и интернаціонала рабочаго. Въ этотъ самый моментъ, 23 января 1919 года, онъ разослалъ циркулярное приглашеніе по безпроволочному телеграфу ко всѣмъ «революціоннымъ соціалистамъ и коммунистамъ окраски Циммервальда и Кинталя», — пріѣхать въ Москву для окончательной организаціи «Третьяго Интернаціонала».

Спѣшность этой задачи мотивировалась въ приглашеніи 1) неспособностью «среднихъ группъ» старой соціалъ - демократіи, извѣстныхъ подъ названіемъ «центра», къ революціонной акціи, 2) быстрымъ ростомъ міровой революціи и опасностью, что эта революція «будетъ задушена союзомъ капиталистическихъ государствъ, организованнымъ противъ революціи подъ лицемѣрнымъ знаменемъ Лиги Націй», 3) попытками предательскихъ соціалистическихъ партій сговориться между собой и помочь своимъ правительствамъ и буржуазіи еще разъ обмануть рабочій классъ

*) Bolshevism, стр. 115 - 118.

п, наконецъ, 4) огромнымъ пріобрѣтеннымъ революціоннымъ опытомъ. Тридцать девять группъ и организацій, въ томъ числѣ двадцать двѣ уже принявшія названіе «коммунистическихъ партій», въ разныхъ странахъ, были признаны достойными участвовать въ организаціонномъ первомъ конгрессѣ «Третьяго Интернаціонала», назначеномъ въ Москвѣ, въ мартѣ 1919 года. Дѣйствительный съѣздъ былъ, правда, не такъ эффектенъ: многія группы, въ томъ числѣ самыя важныя, какъ англійская, американская и т. д., были представлены лишь фиктивно. Самый съѣздъ собирался строго конспиративно въ маленькой залѣ судебныхъ учрежденій въ Кремлѣ (2-6 марта). Среди собравшихся — и еще болѣе среди не попавшихъ на конгрессъ — существовало мнѣніе, что создавать третій интернаціоналъ въ такой обстановкѣ несвоевременно. Но всѣ сомнѣнія должны были умолкнуть передъ приказаніями Москвы, инсценировавшей, при помощи нѣсколькихъ преданныхъ иностранцевъ, эту выставку «революціоннаго пролетаріата Европы, Америки и Азіи». Третій интернаціоналъ былъ объявленъ начавшимъ существованіе, а всѣ учрежденія Циммервальда, какъ «пережившія свою задачу», — послѣ того, какъ «истинно революціонные» элементы Циммервальда перешли въ «Коммунистическій Интернаціоналъ», — были объявлены «ликвидированными» *).

Манифестъ, изданный первымъ конгрессомъ Коммунистическаго интернаціонала, 10-го марта, за подписями Раковскаго, Ленина, Зиновьева, Троцкаго, и Платтена содержитъ въ себѣ рядъ интересныхъ признаній. Здѣсь прежде всего подтверждается, что соціализмъ, предсказывавшій неизбѣжность войны, связывалъ съ нею надежду на соціалистическую революцію. Отвѣтственность за войну, характернымъ образомъ, возлагается на Англію. Далѣе, возможность немедленнаго низверженія капиталистической системы выводится изъ того, что война заставила правительства монополизировать значительную часть производства, распредѣленія и потребленія. «Поглощеніе государствомъ экономической жизни, противъ котораго такъ энергично возставалъ капиталистическій либерализмъ, сдѣлалось фактомъ. Не можетъ быть возврата ни къ свободной конкуренціи, ни къ режиму трестовъ, синдикатовъ и другихъ экономическихъ чудовищъ. Вопросъ только въ томъ, на что будетъ опираться государственное производство въ будущемъ:

---

*) Bolshevism, 118-121. The Two Internationals, by R. Palme Dutt, published by the Labour Research Department. London, 1920.

на имперіалистское государство или на государство побѣдоноснаго пролетаріата". Такъ примитивно представлялась тогда задача всемірнаго коммунистическаго переворота. Задачу эту манифестъ считаетъ еще болѣе облегченной тѣмъ, что мелкія государства стали слишкомъ тѣсны для роста производительныхъ силъ, что объединеніе ихъ не можетъ быть достигнуто «лицемѣрными пунктами Вильсоновской программы», что повсюду въ колоніяхъ идетъ революціонное броженіе противъ иноземнаго гнета. Во всѣхъ этихъ случаяхъ истинное освобожденіе придетъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ рабочаго класса. Освобожденіе это должно придти путемъ замѣны «политической демократіи» и парламентаризма режимомъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Достигнуть этого можно путемъ «разоруженія буржуазіи» съ ея военной системой и «вооруженія рабочихъ и образованія коммунистической арміи». За этимъ послѣдуетъ «гражданская война» и немедленная экспропріація буржуазіи и соціализація производства. Новая революціонная эра уже началась, и ее долженъ использовать третій интернаціоналъ *).

Такова была программа, публично возвѣщенная въ тотъ моментъ, когда въ Парижѣ заканчивалось дѣло мирной конференціи. Соглашеніе русскихъ «фракцій», задуманное Ллойдъ Джорджемъ, какъ часть этой мирной программы, не удалось. Иностранные дипломаты, какъ мы видѣли, къ концу 1918 года покинули Россію, русскіе покинули иностранныя столицы. Міровой «капитализмъ» и міровой коммунизмъ, въ представленіи большевиковъ, стояли двумя фронтами другъ противъ друга. Въ Москвѣ были увѣрены, что предстоитъ немедленная смертоносная схватка. При такихъ условіяхъ не могло быть, конечно, рѣчи ни о какой дипломатіи.

V.

Пробѣлъ 1919 г. и четыре періода компромисса 1920 - 1926 г. г. въ исторіи совѣтской дипломатіи. — Періодъ торговыхъ договоровъ съ лимитрофами: Эстоніей, Латвіей, Литвой и Финляндіей. — Война съ Польшей и Рижскій миръ.

1919 годъ въ исторіи совѣтской дипломатіи является, поэтому почти полнымъ пробѣломъ. Объ отношеніяхъ державъ къ антисовѣтской Россіи за это время мы будемъ говорить въ соотвѣтствующей главѣ. Мы увидимъ тамъ, что дипломатія всего міра

*) The Two Internationals, 68-83.

въ этомъ году была антисовѣтской. Однако, какъ только къ концу 1919 года обнаружились первые признаки неудачи тактики интервенціи и антисовѣтской вооруженной борьбы, такъ европейскія державы снова обратили свои взоры къ совѣтской власти. Съ своей стороны и совѣтская власть, послѣ неудачи революціонныхъ вспышекъ первой половины 1919 года, должна была поневолѣ заинтересоваться непосредственными дипломатическими задачами, вытекавшими съ неизбѣжностью изъ самаго факта нахожденія большевистской власти на такой территоріи, какъ Россія. Уже просто для того, чтобы сохранить за собой этотъ «плацдармъ» для подготовки міровой революціи, большевики должны были позаботиться объ удовлетвореніи хотя бы минимальныхъ нуждъ, вытекавшихъ изъ положенія Россіи среди другихъ государствъ Европы. И дипломатія совѣтской власти шла съ этого времени по нѣкоторой средней линіи, являвшейся равнодѣйствующей между линіей міровой революціи, не забываемой ни на минуту, и линіей реальныхъ потребностей Россіи и международной реальной обстановки, среди которой приходилось дѣйствовать совѣтской власти.

Длинный путь, пройденный совѣтской дипломатіей въ теченіе семи послѣдующихъ лѣтъ (1920 — 1926), можно раздѣлить, для удобства обозрѣнія, на четыре періода. Въ первомъ изъ нихъ (1920 — 1921) единственной возможной и желательной для большевиковъ *реальной* цѣлью въ Европѣ является заключеніе торговыхъ договоровъ. Во второмъ періодѣ сама Европа пытается привлечь совѣтскую власть на международныя конференціи, съ цѣлью выработки какого - нибудь modus vivendi (1922 — 1923). Когда это оказывается невозможнымъ, то наступаетъ періодъ попытокъ *отдѣльныхъ* державъ возстановить нормальныя международныя отношенія съ совѣтской властью, хотя бы цѣной фактическаго или даже правового признанія этой власти (1924). Современный, четвертый, періодъ въ отношеніяхъ внѣшняго міра къ совѣтской Россіи (1925 — 1926) характеризуется разочарованіемъ, которое послѣдовало за признаніемъ. За разочарованіемъ вновь пробудилось и сознаніе международной опасности коммунистической пропаганды, распространяемой во всемъ мірѣ московскимъ интернаціоналомъ. Были, несомнѣнно, дѣлаемы и попытки сговора объ общихъ дѣйствіяхъ или, во всякомъ случаѣ, объ общей линіи поведенія по отношенію къ Россіи. Но эти попытки не получили развитія — прежде всего, въ виду того, что съ возвращені-

емъ экономической и политической устойчивости коммунистическая опасность вообще ослабѣвала и въ отношеніяхъ къ совѣтской власти презрѣніе замѣнило мѣсто страха.

Первый періодъ открывается рядомъ переговоровъ, по почину самой совѣтской власти, съ лимитрофными новыми государствами. Совершенно ясно, что этотъ поясъ, отдѣлявшій Россію отъ остального міра, Финляндію, Эстонію, Латвію, Литву, Польшу, Румынію, Грузію, нужно было прежде всего прорвать, чтобы прекратить ту фактическую «блокаду» Россіи, о которой такъ много кричали совѣтскіе демагоги. Весь этотъ поясъ земель сперва отрѣзала отъ Россіи германская оккупація, потомъ по мѣрѣ ухода германцевъ, совѣтская власть превратила на короткое время въ совѣтскія республики, а затѣмъ все время пыталась дѣлать полемъ первыхъ экспериментовъ для перенесенія революціи изъ Россіи на европейскую почву. Новообразовавшіяся государства, однако, удачно отбились и отъ королевскихъ династій, навязывавшихся имъ германцами, и отъ диктатуры рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Какъ только выяснилась возможность независимаго существованія для всѣхъ этихъ государствъ, такъ тотчасъ же повелительно всталъ передъ ними на очередь вопросъ о точномъ опредѣленіи границъ со стороны Россіи и объ установленіи хотя бы такого мирнаго режима, при которомъ вторженія изъ за русской границы не грозили бы ежеминутно сохраненію ихъ независимости и ихъ элементарной безопасности. Съ другой стороны, совѣтская власть, идя на миръ съ ними, тѣмъ самымъ прорубала себѣ «окно въ Европу», необходимое ей, какъ для мирныхъ торговыхъ сношеній, такъ и для дальнѣйшихъ экспериментовъ въ области міровой революціи *).

Особенно нужда эта чувствовалась по отношенію къ тѣмъ сосѣдямъ, по территоріямъ которыхъ пролегали прежде главные пути русской внѣшней торговли. Въ таковомъ положеніи была, прежде всего, Эстонія, нѣсколько меньшемъ — Латвія и еще въ меньшемъ — Литва. Вотъ почему вниманіе совѣтской власти обратилось въ эту сторону, причемъ особеннымъ предметомъ заботъ являлась Эстонія. Уже 31-го августа 1919 года совѣтское правительство предложило Эстоніи вступить въ мирные переговоры.

---

*) Подробное изложеніе этого періода съ совѣтской точки зрѣнія см. въ книгѣ Б. Е. Штейна, Торговая политика и торговые договоры совѣтской Россіи, 1917 - 1922, Гос. Изд. Москва — Петроградъ, 1923, стр. 97 - 107, 123 - 137. См. также Майскій, стр. 80 - 86.

Прерванные наступленіемъ Юденича, они возобновились 5 декабря въ Юрьевѣ. 2 февраля 1920 года былъ заключенъ мирный и торговый договоръ. На радостяхъ и не въ примѣръ прочимъ, совѣтскіе дипломаты дали Эстоніи 15 милліоновъ рублей золотомъ и лѣсную концессію въ одинъ милліонъ десятинъ. Это, однако, не помѣшало Ленину 27 января заявить на рабочей конференціи, что «Эстонія проходитъ черезъ періодъ Керенскаго» и что «рабочіе скоро низвергнутъ эту власть и создадутъ совѣтскую Эстонію, которая заключитъ съ нами новый миръ». Какъ видимъ, идеологія міровой революціи не должна была пострадать отъ реальныхъ успѣховъ совѣтской власти. Возстаніе въ Эстоніи, какъ вступленіе къ германской и европейской революціи, оставалось перманентной задачей большевиковъ вплоть до конца 1924 г.

Съ Латвіей переговоры начались въ сентябрѣ 1919 года, и миръ былъ заключенъ 11 августа 1920 года. Придя второй, Латвія и получила меньше выгодъ: ей дали 4 милліона рублей золотомъ и лѣсную концессію на 100 000 десятинъ. Рига была менѣе нужна, чѣмъ Ревель, для революціонной пропаганды, чѣмъ и объясняется, что совѣтское посольство здѣсь было менѣе дѣятельно. Однако, и тутъ латвійскому правительству пришлось очень скоро протестовать противъ поддержки, которую московскіе коммунисты оказывали латвійскимъ стачечникамъ. И здѣсь также большевики пытались агитировать за низверженіе латвійскаго правительства съ цѣлью замѣнить его новымъ, послушнымъ Москвѣ.

Положеніе Литвы было особое: совѣтская Россія не нуждалась въ Литвѣ для торговаго транзита, но хотѣла утилизировать ее, какъ союзника на случай столкновенія съ Польшей. Срединное положеніе Литвы между двумя балтійскими государствами и двумя государствами черноморскаго бассейна дало ей возможность занять выгодное нейтральное положеніе. Переговоры съ Литвой начались съ февраля 1920 года, и миръ былъ заключенъ 12 іюля. Литва получила 3 милліона золотыхъ рублей и лѣсную концессію въ 100 000 десятинъ.

Мирное предложеніе Финляндіи было сдѣлано одновременно съ Латвіей, 11 сентября 1919 года. Испытавшая прелести красногвардейскаго вторженія, Финляндія отвѣтила отказомъ. За нимъ крылись широкія территоріальныя и экономическія требованія отъ Россіи. Переговоры начались лишь 12 іюля 1920 года, и миръ заключенъ 14 октября 1920 года. Но послѣ того долго продолжались споры изъ за обладанія Восточной Кареліей.

Наиболѣе трудно сложились отношенія съ Польшей*). Мирныя предложенія Польшѣ дѣлались трижды: 22 декабря 1919 года, 28 января и 2 февраля 1920 года. Но только 27 марта была получена отвѣтная польская нота съ предложеніемъ начать переговоры въ Борисовѣ. Было ясно, что Польша хочетъ рѣшить споръ о границахъ оружіемъ. Борисовъ при наступленіи попадалъ въ сферу военныхъ дѣйствій. Скоро стали извѣстны территоріальныя требованія Польши, которыхъ не могло бы принять никакое русское правительство. Пильсудскій, болѣе непримиримый, чѣмъ даже правыя польскія партіи, — выставилъ требованіе возстановленія польскихъ границъ, какъ онѣ были до 1772 года, т.-е. до перваго польскаго раздѣла, по которому отошли отъ Польши къ Россіи земли, вовсе не населенныя польскимъ населеніемъ. По соглашенію съ украинскимъ вождемъ Петлюрой польскія войска вторглись на Украину и 6-го мая заняли Кіевъ. Верховный Совѣтъ союзниковъ рѣшительно не одобрилъ ни территоріальныхъ требованій, ни дѣйствій поляковъ. Въ іюнѣ польское наступленіе, однако, остановилось. 11-го іюня поляки принуждены были эвакуировать Кіевъ. Въ іюлѣ они отступали по всей линіи, и совѣтскія войска приближались къ Варшавѣ. 10-го іюля поляки обратились за помощью къ союзникамъ.

Съ этого момента исторія совѣтско - польской борьбы переплетается съ исторіей отношеній союзниковъ къ большевистской и антибольшевистской Россіи. Вотъ почему мы должны выйти здѣсь за предѣлы мирныхъ и торговыхъ переговоровъ совѣтскихъ дипломатовъ съ лимитрофными государствами въ болѣе широкую сферу отношеній совѣтовъ къ Европѣ 1920 года.

VI.

Три линии союзной политики относительно Россіи. — Политика Ллойдъ Джорджа побѣждаетъ. — Переговоры съ большевиками въ Лондонѣ. — Польская война вноситъ осложнеиія. — Большевики и рабочая партія. — Высылка Каменева. — Заключеніе торговаго договора.

8 января 1920 года Ллойдъ Джорджъ, Клемансо и Нитти съѣхались въ Парижъ на засѣданія, такъ называемой, «второй Парижской конференціи». Около этого времени въ Парижѣ былъ полученъ рядъ новостей о Россіи. 10 января большевики взяли Новочеркасскъ, 12-го взятъ былъ Ростовъ, резиденція правительства Деникина. Пришли подробности о выдачѣ Колчака въ Ир-

*) Майскій, 87 - 93.

кутскѣ. Естественно, возникъ вопросъ объ измѣненіи политики по отношенію къ совѣтской власти. Клемансо продолжалъ защищать свою политику, — «барьера изъ колючей проволоки» вокругъ Россіи. Эта политика получила свое выраженіе 16 января въ признаніи де-факто независимости Азербайджана, Грузіи и Арменіи. Въ Англіи продолжалась борьба между двумя другими политиками, Ллойдъ Джорджемъ и Черчиллемъ. Ллойдъ Джорджъ былъ за рѣшительное прекращеніе вооруженной борьбы съ большевиками и за заключеніе съ ними торговыхъ договоровъ. Черчилль продолжалъ неуклонно защищать политику дальнѣйшей борьбы и блокады. Каждая изъ этихъ двухъ политикъ также получила свое выраженіе въ рѣшеніяхъ Верховнаго совѣта. Подъ вліяніемъ Ллойдъ Джорджа принято было сдѣланное годъ назадъ предложеніе русскаго кооператора Беркенгейма — войти въ торговыя сношенія не прямо съ совѣтской властью, а съ населеніемъ, черезъ кооперацію. Рѣшеніе верховнаго совѣта 17 января прикрыло этотъ планъ мантіей филантропіи. «Съ цѣлью помочь несчастному положенію населенія Россіи, лишеннаго всѣхъ мануфактурныхъ продуктовъ изъ за границы», верховный совѣтъ соглашался ввозить въ Россію лѣкарства, одежду и земледѣльческія орудія въ обмѣнъ на «излишки» льна и хлѣба черезъ «кооперативныя организаціи, стоящія въ прямомъ контактѣ съ крестьянствомъ по всей Россіи». Лицемѣріе этого рѣшенія подчеркивалось тѣмъ, что совѣтская власть поспѣшила превратить кооперативы въ чисто правительственное учрежденіе, и потому могла безпрепятственно дать согласіе на планъ Ллойдъ - Джорджа (2 февраля).

Но тутъ неожиданно пріѣхалъ въ Парижъ, къ большому неудовольствію Ллойдъ Джорджа, представитель третьей политики, Черчилль, въ сопровожденіи военныхъ и морскихъ экспертовъ. Цѣль его пріѣзда иллюстрировалась оффиціальной публикаціей военнаго министерства, наглядно, при помощи карты, показывавшей приближеніе красной арміи къ границамъ Персіи, Индіи и Китая. Въ сообщеніи подчеркивалось усиленіе опасности въ средней Азіи и необходимость усилить тамъ войска. Въ тотъ же день (18-го января) британскій флотъ былъ посланъ изъ Мальты въ Черное море. Ходили слухи о посылкѣ на Кавказъ двухсоттысячной арміи *).

*) Подробная хроника всѣхъ этихъ событій велась въ еженедѣльникѣ The Free Russia, издававшемся въ 1920 г. въ Лондонѣ организаціей The Russian Liberation Committee Позволяю себѣ ограничиться этой общей ссылкой, вмѣсто многочисленныхъ ссылокъ на повременную печать, которые желающіе могутъ найти въ упомянутомъ изданіи.

Изъ этихъ трехъ политикъ побѣдила въ концѣ концовъ политика Ллойдъ Джорджа. Но для ея побѣды потребовалось больше года. Долгое время, притомъ, британское правительство оставалось одиноко въ своемъ желанiи заключить торговое соглашенiе, а если возможно, то мирный договоръ съ совѣтской властью. Совѣтская делегацiя — не отъ правительства, а, согласно рѣшенiю 17 января, отъ кооперативнаго «Центросоюза», подъ предсѣдательствомъ Красина, была назначена уже 24 февраля, но до конца мая она съ затрудненiями и медленно двигалась черезъ Финляндiю, Швецiю и Данiю. Въ Копенгагенѣ состоялась первая предварительная встрѣча съ представителями державъ. Французскiе и бельгiйскiе делегаты утверждали, что у большевиковъ нѣтъ товаровъ для торговли, а въ обмѣнъ на европейскiе товары они могутъ дать только золото, которое имъ не принадлежитъ. Делегаты Верховнаго Совѣта настойчиво доказывали невозможность вести хотя бы торговыя сношенiя съ Россiей, пока продолжаетъ существовать совѣтскiй режимъ *).

31 мая делегацiя, наконецъ, прибыла въ Лондонъ. Сразу же оказалось, что обѣ стороны подъ прикрытiемъ *торговыхъ* договоровъ хотятъ вести *политическiе* переговоры. И сразу же стало ясно, что ни для тѣхъ, ни для другихъ нѣтъ настоящей почвы. Большевики не шли на условiя, предложенныя Ллойдъ Джорджемъ: прекращенiе антибританской пропаганды и невмѣшательство въ британскiе интересы на Востокѣ, въ особенности въ Персiи, куда вторглись красныя войска. И въ торговыхъ вопросахъ препятствiемъ становилось нежеланiе большевиковъ признавать свои долговыя обязательства. Товары, привозимые большевиками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ носили марки прежнихъ собственниковъ, т. е. оказывались явно - «крадеными». Послѣ мѣсяца безплодныхъ переговоровъ, британское правительство, наконецъ, поставило 1 iюля ультимативныя требованiя, и Красинъ отправился съ ними въ Москву. Ллойдъ Джорджъ поѣхалъ въ Спа, на конференцiю союзниковъ, долженствовавшую выработать условiя замиренiя Европы **).

Въ этотъ моментъ, благодаря просьбѣ тѣснимыхъ большевиками поляковъ о посредничествѣ (10 iюля), совѣтскiй вопросъ осложнился польскимъ. Ллойдъ Джорджъ приготовилъ для Спа

*) Ernest Lagarde. La reconnaissance des Soviets, Payot, 1924, стр. 71-76.

**) См. E. Lagarde, 80-85, о расхожденiи англiйской и французской точекъ зрѣнiя.

„coup de théâtre“: согласіе Ленина на ультимативныя требованія Англіи. Правда, согласіе было двусмысленное — только «въ принципѣ». Но отъ Москвы и это казалось большой уступкой. Державы, однако, не спѣшили соблазняться мнимымъ успѣхомъ Ллойдъ Джорджа. Прежде всего они хотѣли урегулировать совѣтско - польскія отношенія. Борющимся сторонамъ было послано—отъ имени одной Англіи—требованіе: полякамъ не выходить изъ этнографическихъ границъ, большевикамъ и Врангелю — явиться па конференцію въ Лондонъ. Между собой они должны были немедленно заключить перемиріе и провести нейтральную полосу на востокъ отъ «линіи Керзона» (почти совпадавшей съ этнографической границей Польши) и на Перекопскомъ перешейкѣ. Срокъ ультиматума кончался 18 іюля.

Ллойдъ Джорджъ, очевидно, очень переоцѣнилъ свои рессурсы. Совѣтское правительство намѣренно пропустило срокъ и отвѣтило 19 іюля, въ ироническомъ стилѣ, что британское правительство не такъ безпристрастно, чтобы играть роль посредника, что Лига Націй, на которую оно ссылается, есть учрежденіе, оффиціально неизвѣстное совѣтскому правительству, и что съ Польшей оно можетъ сговориться непосредственно, причемъ дастъ полякамъ болѣе выгодную границу, чѣмъ линія Керзона, намѣченная подъ вліяніемъ «русскихъ контръ - революціонеровъ». Англія уступила: британскій отвѣтъ (24 іюля) былъ, что Англія не настаиваетъ на конференціи въ Лондонѣ, но вынуждена будетъ помочь Польшѣ, если большевики вторгнутся въ ея предѣлы. Въ ожиданіи выясненія вопроса британское правительство распорядилось задержать политическую миссію Каменева, уже выѣхавшую изъ Москвы, въ Ревелѣ. Москва тогда сдѣлала новый шагъ впередъ. Чичеринъ 24 іюля согласился на конференцію въ Лондонѣ, но только не для Польши или лимитрофовъ, а для заключенія мира между Россіей и великими державами, на равныхъ правахъ. Онъ требовалъ сдачи Врангеля и его территоріи. Ллойдъ Джорджъ и тутъ попытался истолковать московскую наглость въ благопріятномъ смыслѣ. Онъ отвѣтилъ 26 іюля выраженіемъ удовольствія по поводу предстоящей «мирной конференціи» Россіи съ державами и разрѣшилъ пріѣздъ политической делегаціи Каменева. Однако, въ Булони, куда Ллойдъ Джорджъ въ тотъ же день отправился на свиданіе съ Мильераномъ, онъ нашелъ совершенно другое настроеніе. Мильеранъ напомнилъ ему, что впереди всего стоитъ задача — защитить Польшу отъ вторженія

красныхъ войскъ. И 29-го Ллойдъ Джорджъ послалъ въ Москву другую ноту, согласованную съ французскими желаніями. Помимо державъ и Россіи, приглашались въ Лондонъ также и лимитрофныя государства и Польша, и только послѣ улаженія отношеній съ ними давалось обѣщаніе поднять вопросъ о возстановленіи «нормальныхъ отношеній» между совѣтской Россіей и великими державами.

Совѣтское посольство продолжало издѣваться надъ державами. Оно не спѣшило отвѣтомъ; не спѣшило и открывать формальные переговоры о перемиріи съ поляками и всячески оттягивало начало ихъ; а тѣмъ временемъ красныя войска продвигались впередъ въ предѣлахъ Польши. Не дождавшись отвѣта на ноту 29 іюля, Ллойдъ Джорджъ послалъ повторную ноту 3 августа, въ которой напоминалъ, что рѣшеніе одинъ на одинъ сосчитаться съ Польшей упраздняетъ вообще идею Лондонской конференціи и вынуждаетъ союзниковъ помочь Польшѣ. Отвѣта и на это напоминаніе не было. Тогда раздраженный Ллойдъ Джорджъ вызвалъ на Доунингъ Стритъ Каменева и Красина, пріѣхавшихъ въ Лондонъ 1 августа, и имѣлъ съ ними рѣзкій разговоръ. «Ваши войска идутъ къ Варшавѣ», говорилъ онъ: «это единственное, что въ данную минуту интересуетъ Англію». И онъ ставилъ ультиматумъ: или прекратите наступленіе или черезъ три дня выступитъ противъ васъ британскій флотъ. Палатѣ Общинъ онъ сообщилъ 5 августа, что приняты мѣры для беспрепятственной доставки военныхъ припасовъ изъ Данцига въ Польшу и просилъ обождать до 9-го сообщеній о «дальнѣйшихъ морскихъ и военныхъ мѣрахъ». 8-го августа должно было состояться совѣщаніе съ Мильераномъ въ Hythe.

Наконецъ, Каменевъ сообщилъ Ллойдъ Джорджу московскій отвѣтъ. Но при этомъ, онъ утаилъ самое главное: требованіе большевиковъ не только разоружить польскую армію, но и вооружить гражданскую милицію изъ рабочихъ. Это совершенно мѣняло смыслъ московскихъ требованій и являлось очевидной прелюдіей къ превращенію Польши въ совѣтскую республику. Надо прибавить, что въ эти же дни велась самая энергичная работа коммунистовъ среди британской рабочей партіи. Пользуясь страхомъ возможной войны между Англіей и совѣтами, коммунисты стремились побудить рабочую партію къ активнымъ шагамъ. Эта агитація имѣла несомнѣнный успѣхъ. 9 августа рабочія ор-

ганизацій, собравшись въ помѣщеніи парламента, рѣшили образовать, для предупрежденія войны, «совѣтъ дѣйствія». Между тѣмъ, совѣщаніе союзныхъ премьеровъ въ Hythe въ ночь 8-9 августа приняло рѣшеніе — требовать десятидневнаго перемирія съ Польшей и въ случаѣ отказа большевиковъ принять цѣлый рядъ понудительныхъ мѣръ, включая прекращеніе торговыхъ переговоровъ, экономическое давленіе, всякаго рода военную помощь противникамъ большевиковъ и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, даже примѣненіе оружія. Но тутъ согласіе между Англіей и Франціей кончалось. Ллойдъ Джорджъ, вернувшись въ Лондонъ, долженъ былъ считаться съ агитаціей среди рабочихъ. Конференція, собранная «совѣтомъ дѣйствія» 23 августа, рѣшила помѣшать военнымъ приготовленіямъ. Рабочіе лидеры пытались черезъ Каменева повліять на уменьшеніе требованій. Совѣтское правительство пресѣкло всѣ эти хлопоты, сообщивъ не безъ злорадства 9 августа, что уже поздно: поляки согласились войти въ переговоры о перемиріи и мирѣ. Мильеранъ въ эти дни рѣшительно разошелся съ Ллойдъ Джорджемъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ обнародовалъ формальное признаніе Врангеля (11 августа) и послалъ телеграмму въ Вашингтонъ (13 августа), въ которой подтверждалось и усиливалось рѣзкое сужденіе статсъ - секретаря Кольби (въ нотѣ 10 августа) о большевикахъ. Эти люди заранѣе рѣшились не соблюдать договоровъ, которые они подписываютъ; они конспирируютъ противъ демократическихъ учрежденій и черезъ посредство широко развѣтвленной международной организаціи возбуждаютъ народы къ возстанію. Казалось, Франція и Англія пойдутъ отнынѣ разными путями. Однако, положеніе радикально перемѣнилось, когда красная армія, уже приблизившаяся къ стѣнамъ Варшавы, была отброшена польской арміей, подъ французскимъ командованіемъ, къ Бугу. Первыя извѣстія о перемѣнѣ военнаго счастья (19 августа) совпали съ отказомъ поляковъ принять невозможныя условія, поставленныя большевиками. Съ опубликованіемъ этихъ условій (23 августа) стала ясна двойная игра Каменева. Его обманъ былъ рѣзко подчеркнутъ нотой Бальфура 27-го августа изъ Люцерна, гдѣ излагались результаты свиданія Ллойдъ Джорджа съ Джолитти. А затѣмъ, по возвращеніи Ллойдъ Джорджа въ Англію, 19 сентября, его первымъ дѣломъ было вызвать къ себѣ Каменева и послѣ крайне рѣзкаго разговора, въ которомъ Ллойдъ Джорджъ излилъ всю накопившуюся у него горечь, просто выгнать главу совѣтской делегаціи изъ Лондона. Помимо упомянутаго об-

мана, Каменеву было поставлено въ вину, что онъ имѣлъ сношенія съ «совѣтомъ дѣйствія» и подкупалъ лондонскій коммунистическій органъ The Daily Herald суммой въ 75.000 фунтовъ, для чего продалъ въ Англіи бриллiанты, принадлежавшіе царской фамиліи.

Политическіе переговоры съ отъѣздомъ Каменева прекратились. Таковъ былъ исходъ первой попытки большевиковъ выступить на европейской аренѣ, не прекращая въ то же время своей международной пропаганды. Переговоры о торговомъ договорѣ возобновились только въ ноябрѣ 1920 года на основѣ менѣе выгоднаго для большевиковъ проекта, чѣмъ состоявшееся 7 іюля соглашеніе. Послѣ новыхъ взаимныхъ уступокъ, Красинъ отвезъ проектъ договора въ Москву (конецъ декабря) и 5 марта 1921 года вернулся оттуда съ новыми предложеніями. Торговый договоръ былъ подписанъ Красинымъ и сэромъ Робертомъ Горномъ 16 марта, причемъ одновременно Горнъ вручилъ Красину ноту, перечислявшую факты большевистской агитаціи въ Азіи.

Результатъ борьбы двухъ противоположныхъ теченій въ англійскомъ министерствѣ, Ллойдъ Джорджа и Черчилля съ Керзономъ, — этотъ торговый договоръ, или «предварительное соглашеніе», носитъ своеобразный характеръ. Англія не совершенно отказалась отъ взгляда на русское золото, какъ на непринадлежащее совѣтской власти, — взгляда, настойчиво проводившагося Франціей въ связи съ русскими долгами. Судьба исковъ къ совѣтскому «краденому» имуществу и судьба этого пункта договора была поставлена въ зависимость отъ рѣшенія судовъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь возстанавливался свободный товарообмѣнъ на началахъ наибольшаго благопріятствованія, давалось покровительство торгующимъ въ договаривающихся странахъ, признавался даже дипломатическій иммунитетъ «оффиціальныхъ агентовъ» и т. д. 22 марта Ллойдъ Джорджъ призналъ въ палатѣ общинъ, что этотъ договоръ равносиленъ признанію совѣтскаго правительства де факто. Условіемъ сохраненія договора въ силѣ было поставлено воздержаніе отъ пропаганды и обмѣнъ репатріируемыхъ гражданъ. Любопытно, что на вопросъ объ отношеніи совѣтскаго правительства къ третьему интернаціоналу большевики отвѣтили (нота 5 февраля 1921), что коминтернъ есть «частное учрежденіе» и что правительство не можетъ ручаться за дѣйствія коммунистическаго интернаціонала.

Послѣ анго-совѣтскаго торговаго договора былъ заключенъ 6 мая 1921 г. торговый договоръ съ Германіей, болѣе выгодный для совѣтской власти; торговыя миссіи получали дипломатическій иммунитетъ. 2 сентября Норвегія (а по ея примѣру и Швеція 1 марта 1922 г.), затѣмъ Чехословакія (формально лишь 5 іюня 1922 г.) приняли торговыя миссіи и заключили договоры, имѣвшіе не чисто торговый, а смѣшанный съ политическимъ характеръ. 8 декабря 1921 г. Австрія, 26 декабря Италія заключили торговые договоры, предполагавшіе фактическое признаніе. Положеніе, очевидно, становилось переходнымъ, послѣ того, какъ совѣтская власть справилась съ внѣшними затрудненіями. Но рѣшимости признать ее вполнѣ еще не было *).

VII.

Переоцѣнка близости міровой революціи. — Признанія въ ошибкѣ. — Приспособленіе къ новымъ условіямъ. — Донесенія большевистскихъ агентовъ о положеніи за-границей въ 1921 г. — Моментъ пропущенъ. — Положеніе въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Чехословакіи, Югославіи, Румыніи, Польшѣ. — Работа коммунистовъ въ Европѣ. — Положеніе въ Индіи, Туркестанѣ, Афганистанѣ, Турціи, Персіи. — «Единый фронтъ» порабощенныхъ народовъ.

Какое воздѣйствіе оказали всѣ эти факты на основную большевистскую концепцію міровой революціи? Мы имѣемъ рядъ признаній Ленина и его друзей, что въ своихъ надеждахъ на немедленное пришествіе міроваго переворота, они ошиблись. Но эти признанія нисколько не заставляютъ ихъ отказаться отъ самаго принципа. «Да, быть можетъ, мы ошиблись», говорилъ, напр., Зиновьевъ въ іюлѣ 1920 года, на съѣздѣ коммунистическаго интернаціонала. «Не *одинъ* годъ, а два или три года понадобятся, чтобы вся Европа стала совѣтской. У васъ еще есть отсрочка — пока вы будете уничтожены». 23-го августа 1920 года и Ленинъ выражалъ такое же мнѣніе — съ той же самой неумирающей надеждой. «Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ», говорилъ онъ, «мы поняли, что опираться на міровую революцію — не значитъ разсчитывать на опредѣленную дату, и что увеличивающаяся скорость движенія *можетъ* привести къ революціи весной (1921 г.), но можетъ и не привести... Мы, поэтому, должны научиться приспособлять на-

*) Б. Е. Штейнъ. Торговая политика и торговые договоры Совѣтской Россіи 1917 - 1922 г. 164-191. Гос. Изд. Москва, Петроградъ, 1923. Lagarde, 98-112

шу дѣятельность къ классовымъ взаимоотношеніямъ, какъ въ нашей, такъ и въ другихъ странахъ, чтобы имѣть возможность сохранить диктатуру пролетаріата *на долгое время* и хотя бы постепенно излѣчить всѣ болѣзни и кризисы, которые намъ угрожаютъ». Какъ бы то ни было, прибавлялъ онъ, «міровая революція становится сильнѣе, а экономическій кризисъ въ Европѣ въ то же время все ухудшается.... Несомнѣнно, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, міровая революція сдѣлала большой шагъ впередъ».

Какъ видимъ, о міровой революціи не забывали. Но большевистской дипломатіи теперь приходилось рѣшать несравненно болѣе трудную задачу, чѣмъ прежде. Она должна была «приспособиться» къ измѣнившимся условіямъ работы, вмѣсто того, чтобы навязывать собственныя рѣшенія. Ей приходилось, съ одной стороны, пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ускорить міровую революцію, а съ другой, быть готовой такъ вести себя, чтобы растянуть свою дѣятельность «на долгое время». Соотвѣтственно этому, были формулированы и новыя инструкціи, данныя Чичеринымъ большевистскимъ дипломатамъ на 1921 годъ. Основной мотивъ ихъ: «поддерживайте иностранные раздоры и конфликты и отвлекайте вниманіе отъ совѣтской Россіи». «Мы должны постараться перенести центръ тяжести съ себя на Западъ. Пусть европейскіе дипломаты ломаютъ головы надъ рѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Мы всегда сумѣемъ остаться рѣшающимъ факторомъ. Намъ невыгодно, чтобы насъ боялись и преувеличивали нашу силу. Для насъ лучше остаться на время въ тѣни. Оффиціальное признаніе нашихъ представителей, развитіе торговыхъ сношеній, постепенное распространеніе пропаганды и усиленіе нашего вліянія на пролетарскія массы: таковы задачи нашей дѣятельности». Въ ожиданіи своего часа совѣтскіе дипломаты не должны скупиться на уступки и обѣщанія. «Нужна - ли Германіи наша моральная поддержка? Мы ее дадимъ. Нужна Германіи безопасность на ея восточной границѣ? Мы ее обезпечимъ. Франція желаетъ считать насъ безсильными? Покажемъ ей наше безсиліе. Англія хочетъ насъ эксплуатировать? Мы дадимъ ей полную возможность дѣлать это». Но въ то же самое время не слѣдуетъ пропускать ни малѣйшей возможности для созданія международныхъ конфликтовъ. Чичеринъ подсказываетъ своимъ иностраннымъ представителямъ слѣдующія комбинаціи, заслуживающія ихъ особаго вниманія: «британско - японская комбинація, — какъ угроза Америкѣ; британско - германская — какъ угроза

Франціи; греко - итальянская — какъ противовѣсъ политикѣ Англіи и Франціи на Ближнемъ Востокѣ; чехо - румынская — какъ угроза Венгріи» и т. д. «Если обстоятельства помѣшають нашей дѣятельности на Западѣ, то необходимо будетъ перенести центръ нашей дипломатической работы на Балканскій полуостровъ и захватить сферу вліянія на Ближнемъ Востокѣ» *).

Большевистскіе агенты за-границей дѣйствовали согласно этимъ инструкціямъ. Въ мои руки попала серія ихъ отчетовъ центральному правительству за лѣтніе мѣсяцы 1921 года. Въ дальнѣйшемъ я изложу существенное содержаніе ихъ наблюденій и совѣтовъ **).

Поскольку дѣло идетъ о Западѣ, большевистскіе наблюдатели понимаютъ, что время для непосредственной міровой революціи прошло. Экономическій кризисъ, на который они возлагали свои надежды, постепенно проходитъ. Положеніе уже не грозитъ катастрофой иностранному капитализму. Послѣвоенный кризисъ засталъ рабочій классъ врасплохъ, и онъ пропустилъ благопріятный моментъ для рѣшительной борьбы. Теперь рабочіе еще болѣе дезорганизованы, чѣмъ въ прошломъ году, несмотря на дѣятельность третьяго интернаціонала (наблюдатели могли бы прибавить, что это — не только «несмотря», но отчасти именно *вслѣдствіе* директивъ Ленина, данныхъ третьему интернаціоналу). Словомъ, шансъ нападенія на капитализмъ въ моментъ его наибольшей слабости миновалъ.

---

*) Подборъ цитатъ изъ совѣтскихъ изданій того времени см. въ книгѣ **Samuel Gompers and W. E. Walling, Out of their own mouths. N. Y. 1921**, стр. 142-158.

**) Изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ мною использовамиы для настоящаго отдѣла слѣдующіе: 1) Сводиый «отчетъ о дѣятельности бюро Западно - Европейскаго Секретаріата пропаганды» къ 1 іюня 1921 г., 2) Докладиая записка члена исполкома Эліавы, представленная ЦК комиитерна 5 іюня 1921 г., 3) Положеніе Германіи къ 15 VII 1921 г., 4). Донесеніе въ нар. ком. ин. дѣлъ комиссаріата Дальневосточной республики отъ 6 мая 1921 г. № 217 г. Чита, 5) Воеиио - политическіе плаиы и приготовленія большевиковъ на Востокѣ. Извлеченіе изъ доклада Павловича (Вельтмана), руководителя «совѣта дѣйствія» и организатора Бакинскаго съѣзда, 6) «Положеніе на Ближиемъ Востокѣ въ связи съ возможиыми измѣиеніями политики правительства Національнаго Собранія въ Ангорѣ», предсѣдателя Восточной Коллегіи Наркомида Г. Карахана. Текстъ нашихъ цитатъ ие воспроизводитъ буквально текста подлинника, въ виду того что для настоящаго издаиія использоваиъ въ данномъ отдѣлѣ текстъ аиглійскаго изданія этой киили (1922 г.), и цитаты переведеиы обратно съ англійскаго на русскій языкъ. Коиечно, по существу, въ ихъ содержаиіи нѣтъ никакой разницы; не совпадаютъ лишь отдѣльныя выраженія.

Большевистскіе наблюдатели подчеркиваютъ, что это особенно вѣрно относительно Германіи — той самой Германіи, на которую въ 1919 году возлагались наибольшія надежды. Имъ приходится признать, что эта страна обнаружила въ изумительной степени выдержку, энергію и настойчивость въ трудѣ. Въ Австріи — положеніе остается критическимъ; но оно лучше, чѣмъ въ прошломъ (1920) году. Въ Венгріи и въ Болгаріи народное хозяйство наладилось. Великобританія страдаетъ отъ небывалаго кризиса безработицы, но правительство освѣдомляетъ населеніе о всѣхъ трудностяхъ положенія и, въ результатѣ, довѣріе народа къ правительству не поколеблено. Ближайшая будущность Франціи мрачна. Здѣсь нѣтъ довѣрія и взаимнаго пониманія между страной и правительствомъ. Финансы и хозяйство въ плохомъ состояніи. Единственная надежда, утверждаютъ большевистскіе наблюдатели, — въ возобновленіи торговли съ Россіей — главнымъ довоеннымъ кліентомъ. Но этотъ исходъ исключенъ, вслѣдствіе плохой политики. Италія готова торговать съ кѣмъ угодно на неполитической почвѣ. Но всѣ надежды, которыя были основаны на эмоціональной воспріимчивости итальянскаго рабочаго класса, были обмануты. Революціонный энтузіазмъ итальянскихъ коммунистовъ не устоялъ передъ первымъ серьезнымъ сопротивленіемъ — со стороны фашистовъ. Буржуа организовались для самозащиты, и коммунистическія группы были принуждены бросить открытую пропаганду и уйти въ подполье. Чехо - Словакія оказалась гораздо болѣе сильнымъ организмомъ, чѣмъ можно было ожидать. Причина этого — глубоко укорененный инстинктъ частной собственности (sic). Глубокое взаимное пониманіе между рабочими и нанимателями исключаетъ всякую возможность успѣха для коммунистической пропаганды (напомню, что рѣчь идетъ о 1921 годѣ). Національные конфликты также устранены большой степенью національной терпимости. Напротивъ, Югославія — страна самой низкой культуры. Но это — земледѣльческая страна, и въ ней невозможны никакіе классовые антагонизмы. Соціальное движеніе на коммунистической основѣ, разумѣется, не можетъ пустить корней въ такой странѣ. Однако же, національные конфликты здѣсь очень сильны и могутъ быть использованы въ будущемъ. Румынія такъ же богата, такъ же патріархальна, какъ и до войны, и такъ же лишена всякаго промышленнаго развитія. Но взрывы національной ненависти здѣсь неизбѣжны — въ результатѣ новыхъ аннексій населеній, болѣе развитыхъ и болѣе воспрі-

имчивыхъ къ соціальнымъ ученіямъ, чѣмъ основное румынское ядро. Положеніе Польши еще болѣе скомпрометтировано, и кризисъ здѣсь неизбѣженъ, какъ общій результатъ наступательнаго империализма руководящихъ политическихъ партій, напряженной ненависти присоединеннаго населенія къ полякамъ, высокой степени классоваго сознанія польскаго пролетаріата и крайне печальнаго экономическаго положенія.

Все вышесказанное могло бы привести большевиковъ къ выводу, что на Западѣ Европы коммунистическія организаціи не могутъ добиться никакихъ важныхъ результатовъ. По ихъ докладамъ видно, что они поддерживали ирландское революціонное движеніе, помогали забастовкамъ въ Великобританіи, вели коммунистическую пропаганду во флотѣ, въ Манчестерѣ и въ Бирмингамѣ. Во Франціи, по тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, они перенесли свою дѣятельность (въ 1921 году) во французскія колоніи въ Африкѣ, съ цѣлью протянуть оттуда руку коммунистамъ - революціонерамъ въ Турціи и такимъ образомъ «замкнуть кольцо». Они признаютъ, что ихъ работа въ Германіи совершенно не имѣла успѣха и что попытка устроить возстаніе въ Галле (въ мартѣ 1921 года) была тяжелой ошибкой, причинившей распадъ всей организаціи. «Германскій рабочій слишкомъ реалистиченъ и только тогда рѣшается дѣйствовать, когда ясно видитъ практическія послѣдствія своего шага».

Какъ видно, большевицкіе агенты въ Западной Европѣ не лишены таланта наблюдательности. И ихъ взгляды на шансы большевистскаго успѣха на Западѣ совершенно пессимистичны. Но съ положеніемъ на Востокѣ, по оцѣнкѣ тамошнихъ агентовъ, дѣло обстоитъ иначе. Конечно, и тутъ наблюдатели не обнадеживаютъ возможностью немедленныхъ взрывовъ. Они особенно озабочены тѣмъ, чтобы ихъ главный «козырь» — революція въ Индіи — не былъ испорченъ преждевременными и безразсудными попытками. Но они усматриваютъ большія возможности въ близкомъ будущемъ: правда, не въ смыслѣ широкаго соціальнаго движенія, но какъ послѣдствіе широко раскинутой про - турецкой и панисламистской пропаганды. Они докладываютъ, что были здѣсь «вынуждены отказаться отъ насильственнаго насажденія коммунистическихъ идей и должны были прикрыть цѣли коммунистическаго интернаціонала обликомъ интернаціонализма».

Они, однако, очень довольны достигнутыми результатами. «Въ 1919 году», напоминаютъ они, «намъ было очень трудно защи-

щать Туркестанъ отъ британскаго вліянія. Въ 1921 году мы перешли въ атаку на капиталистическія твердыни въ Индіи». Послѣ перваго съѣзда въ Самаркандѣ и второго съѣзда въ Баку, послѣ дипломатическихъ переговоровъ въ Трапезундѣ, завершившихся заключеніемъ договора между Афганистаномъ и Ангорскимъ правительствомъ (25 апрѣля 1921 года), они чувствуютъ, что достигли той ступени, когда «объединенное и могучее мусульманское движеніе угнетенной націи нанесетъ окончательный ударъ господству капитала и разрушитъ его колоніальный базисъ».

Въ особенности большевики дорожатъ индійскимъ національнымъ движеніемъ, потому что чувствуютъ себя тутъ въ привычной для нихъ атмосферѣ соціальной и классовой борьбы. Однако же, доклады коммунистическихъ организацій въ Индіи не заставляютъ ихъ думать, что надо немедленно же начать возстаніе. Напротивъ, они убѣждены, что должно еще пройти нѣкоторое время, пока разыграется кризисъ и «узкое націоналистическое движеніе, основанное на религіозныхъ предразсудкахъ и пережиткахъ стараго времени, вольется въ могучій потокъ пролетарскаго возстанія». До наступленія этого момента они особенно выдвигаютъ ту роль, которую играетъ турецкое національное собраніе въ Ангорѣ. Они констатируютъ, что, вопреки всѣмъ усиліямъ британской дипломатіи, несмотря даже на «частичные успѣхи» Великобританіи въ Египтѣ и на Афганской границѣ, а также въ югозападной Персіи, имъ все-таки удалось обезпечить себѣ сотрудничество Ангоры. Они особенно гордятся тѣмъ, что покончили съ двойной игрой Афганистана и побудили афганцевъ признать политическое руководство Турціи въ великомъ магометанскомъ движеніи. Оборонительный союзъ противъ иностраннаго нападенія, обусловленный пунктами 4 и 5 договора, «аннулируетъ всѣ англійскія достиженія въ афганскомъ вопросѣ и создаетъ угрожающее положеніе для британскихъ интересовъ въ Индіи».

Какъ видимъ, несмотря на скептицизмъ по отношенію къ Западу, большевицкіе дипломаты продолжали въ 1921 г. быть оптимистами по отношенію къ общему положенію. Они все еще вѣрили въ грядущій «свѣтъ съ Востока». Они пророчествовали о неизбѣжности выступленія панисламизма въ результатѣ общаго сдвига міровой политики изъ Европы въ Азію. Они были совершенно увѣрены въ дружбѣ турецкаго національнаго собранія въ Ангорѣ и надѣялись имѣть «извѣстное вліяніе на ходъ событій въ Малой Азіи и въ Восточной Африкѣ». «Въ настоящее вре-

мя», заявляли они, «все пространство отъ Ганга до Нила представляется единымъ фронтомъ порабощенныхъ націй, борющихся противъ своихъ поработителей за свободу и національную культуру. Духовный и организующій центръ движенія, охватывающій сотни милліоновъ мусульманъ, находится въ Ангорѣ, а его вѣтви — въ Самаркандѣ и въ Каирѣ... *Дипломатическій* фронтъ, на которомъ совѣтская Россія защищаетъ угнетенныя націи отъ жадныхъ рукъ интернаціональнаго капитала, окружаетъ державы антанты правильнымъ полукругомъ отъ Риги до Марокко. Въ ближайшіе дни этотъ фронтъ грозитъ превратиться въ *военный* фронтъ. Для капитала, представляемаго правительствами антанты, точкой наименьшаго сопротивленія является восточная граница Западной Европы, на которой разыграются ближайшія событія, которыя будутъ означать — конецъ капиталистической гегемоніи державъ - побѣдительницъ и эру освобожденія рабочихъ массъ».

Мы увидимъ вскорѣ печальный для большевиковъ исходъ всего этого политическаго ясновидѣнія.

VIII.

Первыя международныя встрѣчн. — Генуя н Гаага. — Планы Ллойдъ Джорджа. — Отказъ Уркварта отъ соглашенія и его причнны. — Рѣшенія съѣзда въ Каннъ. — Ноты Хьюза. — Цѣлн Ллойдъ Джорджа и нтальянцевъ на конференцін въ Генуѣ. — Цѣлн большевнковъ. — Предложенія большевнковъ. — Разногласія между союзннкамн. — Непрнмиримость большевнковъ н уснлія Ллойдъ Джорджа. — Выступленіе Америкн н крахъ конференцін. — Встрѣча большевнковъ съ экспертами въ Гаагѣ. — Рѣзкая постановка требованій Лнтвнновымъ. — Провалъ большевнковъ въ комнссіяхъ конференцін. — Послѣднія попытки нтальянцевъ н англнчанъ спастн конференцію. — Упрямство Литвннова. — Выступленіе Амернки н провалъ конференціи.

Всѣ изложенныя свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія о неуклонномъ стремленіи совѣтской власти въ ближайшій благопріятный моментъ произвести, при содѣйствіи третьяго «коммунистическаго» интернаціонала («Коминтерна»), новыя попытки революціонныхъ движеній на любомъ мѣстѣ земного шара, были, конечно, извѣстны всѣмъ правительствамъ. Но при различіи интересовъ разныхъ державъ и при послѣреволюціонномъ истощеніи никакія попытки общаго отпора не были возможны. Съ другой стороны, необходимость сближенія съ совѣтской властью предуказывалась двумя аксіомами, одинаково безспорными: 1) «Мира

не будетъ въ Европѣ, пока не будетъ мира съ Россіей», 2) для индустріальныхъ странъ Европы Россія необходима, какъ рынокъ сырья и рынокъ сбыта мануфактурныхъ товаровъ. Ждать пока Россія перестанетъ быть совѣтской Россіей, державы не могли не только потому, что потребность въ русскомъ рынкѣ, таившемъ потенціальныя возможности, чувствовалась слишкомъ сильно, но и потому, что каждый опасался, какъ бы другой не пришелъ первымъ и не занялъ самыя прочныя позиціи, самые лакомые куски народной экономіи. Всѣ вмѣстѣ боялись Германіи, какъ самаго сильнаго конкурента, наиболѣе знающаго Россію и наиболѣе ей близкаго.

Особенно горячимъ сторонникомъ сближенія съ совѣтской Россіей оставался, несмотря на разочарованія 1920 г., Ллойдъ Джорджъ. Послѣ Вашингтонской конференціи конца 1921 г. имъ владѣла мысль — явиться такимъ же устроителемъ мира на сушѣ, какимъ явилась Америка на океанѣ. Для этого нужно было устроить обще - европейскую конференцію широкаго масштаба, въ которой участвовали бы, помимо союзниковъ Антанты, собиравшихся до сихъ поръ, также и побѣжденныя державы — Германія, Австрія, Болгарія, — и вновь образованныя государства, и нейтральныя, и, наконецъ, Россія. По отношенію къ Россіи Ллойдъ Джорджъ продолжалъ держаться убѣжденія, что торговля и непосредственныя сношенія съ Россіей есть наилучшій способъ смягчить «дикіе нравы» большевиковъ и превратить «каннибаловъ» и «убійцъ», какъ онъ называлъ ихъ въ сердитыя минуты передъ палатой общинъ, въ приличное правительство. Послѣ договора 16 марта, бывшаго равносильнымъ признанію де-факто, англійскіе суды, дѣйствительно, начали защищать торговлю«крадеными товарами»*).Была сдѣлана серьезная попытка одной большой фирмы „The Russo-Asiatic Consolidated ltd.“, владѣвшей копями въ Кыштымѣ, Ташлыкѣ и т. д., сговориться съ большевиками относительно возстановленія ея дѣятельности въ Россіи. Директоръ фирмы, Лесли Урквартъ, провелъ августъ и сентябрь 1921 г. въ Москвѣ и обсудилъ во всѣхъ подробностяхъ проектъ контракта въ 27 пунктахъ. И вотъ его выводъ: «Компанія предпочитаетъ остаться по прежнему истцомъ противъ Россіи за убытки, причиненные совѣтскимъ правитель-

*) Lagarde 104 - 108: измѣненіе взгляда англійскихъ судовъ по дѣлу Лютерна - Сагора. Штейнъ, 218-234. Выше стр. 288.

ствомъ вслѣдствіе незаконнаго присвоенія имущества и оборотнаго капитала». Мотивы этого рѣшенія были формулированы Лесли Урквартомъ въ письмѣ къ Красину, дающемъ прекрасную сводку всѣхъ насилій, совершенныхъ большевиками надъ основными понятіями права и всѣхъ послѣдствій этихъ насилій. «Такъ какъ коммунизмъ не признаетъ права частной собственности, на которомъ было основано прежнее гражданское и уголовное уложеніе, то суды были упразднены и судьи отставлены», говорится въ этомъ документѣ. «Ничего не было учреждено взамѣнъ, кромѣ т. наз. суда революціонной совѣсти. При новой системѣ налоги были отмѣнены, фабричные, таможенные, лѣсные и желѣзнодорожные законы и правила уничтожены, какъ и всѣ вообще существовавшіе прежде источники права, — это видно изъ статей проекта договора о концессіяхъ, разобраннаго въ этомъ письмѣ, — и ихъ мѣсто заняли неполные декреты и инструкціи, которые мѣняются каждый день. Далѣе, коммунистическая система не признаетъ никакихъ обязательствъ между частными лицами, и поэтому никакой контрактъ или обязательство между двумя лицами не можетъ быть исполненъ. Да и само государство не признаетъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ частнымъ лицамъ и подданнымъ. Единственное обязательство, признанное и наложенное коммунистическимъ государствомъ, есть обязательство абсолютнаго подчиненія личности государству. Это необычайное положеніе — отсутствіе всѣхъ законовъ и правилъ — доминировало, какъ вы знаете, во всѣхъ преніяхъ въ теченіе переговоровъ».

Резюме того, что говорилось представителемъ британскаго дѣлового міра, дается имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы указали, что при настоящей коммунистической системѣ государственнаго хозяйства Россіи ничего не производится для торговли, что практика неограниченныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ крайне истощила остатки кредита и что запасы продуктовъ и матеріаловъ, оставшіеся отъ старой капиталистической системы, были истощены. Отмѣна права собственности, экономической свободы и сложная система экономическихъ запрещеній вообще убили частную инициативу и предпріимчивость, а устраненіе частной прибыли уничтожило всякое побужденіе къ работѣ и производству. Политика національзаціи всей промышленности и торговли убила иностранный кредитъ и иностранный капи-

талъ, безъ котораго возрожденіе русской промышленности будетъ очень трудно, если не невозможно, не придетъ, пока будетъ существовать и далѣе настоящая экономическая система». Невозможно яснѣе представить въ немногихъ словахъ пагубные плоды совѣтскаго хозяйства до «Нэпа».

Мы увидимъ (см. слѣдующую главу въ III томѣ), что всѣ соображенія Уркварта пришлось принять во вниманіе очень скоро послѣ того, какъ они были высказаны. Но, въ ожиданіи, эти соображенія продолжали оставаться самой серьезной и глубоко обоснованной мотивировкой того, почему съ совѣтской Россіей *вообще* нельзя было вступать ни въ какія дѣловыя сношенія. Мимо этихъ соображеній дѣловыхъ людей нельзя было пройти молчаніемъ. И на съѣздѣ въ Каннъ 6 января 1922 г. верховный совѣтъ антанты, согласившійся съ предложеніемъ Ллойдъ Джорджа о созывѣ первой общеевропейской конференціи, принялъ во вниманіе аргументы Уркварта. Было признано, что привлечь иностранные капиталы для возстановленія экономической жизни разоренныхъ войною странъ возможно лишь тогда, когда владѣльцы этихъ капиталовъ будутъ увѣрены, «что ихъ имущества и права будутъ пользоваться неприкосновенностью и прибыль отъ ихъ предпріятій будетъ обезпечена». А для этого нужно: 1) «признаніе всѣхъ прежнихъ публичныхъ долговъ и обязательствъ», 2) «признаніе обязательства вернуть, возстановить или, въ случаѣ невозможности этого, возмѣстить всѣ потери или убытки, причиненные иностраннымъ интересамъ конфискаціей или секвестромъ имущества, и *возстновить систему судопроизводства,* обезпечивающую безпристрастность выполненія коммерческихъ и другихъ сдѣлокъ», 3) созданіе «*общепризнанныхъ средствъ обмѣна и вообще финансовыхъ и денежныхъ условій,* обезпечивающихъ достаточныя гарантіи для торговли». Съ другой стороны, Каннскія предварительныя условія устанавливали, очевидно, имѣя въ виду Россію, а) *невмѣшательство* въ «принципы, на основѣ которыхъ націи хотятъ организовать свою *внутреннюю экономическую жизнь* и свой образъ правленія — каждая страна имѣетъ право избрать себѣ систему, которую она предпочитаетъ», б) обязательство воздерживаться отъ пропаганды, направленной къ ниспроверженію порядка и политической системы, установленныхъ въ другихъ странахъ и

в) воздержаніе отъ враждебныхъ дѣйствій противъ сосѣдей (въ данномъ случаѣ, лимитрофныхъ государствъ).

Собственно, эти правила уже заключали въ себѣ причину неудачи намѣченной конференціи. Было совершенно ясно, что нельзя ставить первый рядъ требованій, не мѣняя основъ «внутренне - экономической жизни» совѣтской Россіи, и нельзя ограничивать этихъ требованій только одними иностранцами. Нота статсъ-секретаря Хьюза 25 марта 1921 г. опредѣленно подчеркнула это главное возраженіе. «Напрасно ожидать возстановленія торговли», говорилъ американскій государственный человѣкъ, «пока не обезпечены прочно экономическія основы производства. Производство обезпечивается безопасностью жизни, твердыми гарантіями частной собственности и правъ свободнаго труда» (очевидно, не для однихъ иностранцевъ). Было ясно, что безъ перестройки «внутренней экономической жизни» совѣтской Россіи всѣ эти условія неосуществимы, а на перестройку экономическихъ основъ совѣтская власть не пойдетъ, ибо тогда ей пришлось бы отказаться и отъ основныхъ своихъ *политическихъ* принциповъ, неразрывно связанныхъ съ экономическими.

На такой двусмысленной основѣ открылись засѣданія конференціи въ Генуѣ, 10 апрѣля 1922. Эта двусмысленность могла бы не вскрыться при двухъ условіяхъ: если бы державы явились на конференцію объединенные между собой и если бы совѣтская делегація держалась въ предѣлахъ предложеній, пріемлемыхъ для запада. Но ни того, ни другого не было на-лицо. Ллойдъ Джорджъ во что бы то ни стало хотѣлъ довести конференцію до благополучнаго конца — не только, чтобы получить репутацію успокоителя Европы, но и по болѣе реальной причинѣ (о которой см. ниже). Съ этой цѣлью онъ готовъ былъ идти на самыя крайнія уступки, устраивалъ съ совѣтскими делегатами тайныя засѣданія, на которыхъ всячески натягивалъ компромиссныя рѣшенія, потомъ проваливавшіяся при гласномъ обсужденіи, прибѣгалъ къ угрозамъ и т. д. Къ Ллойдъ Джорджу въ большинствѣ случаевъ присоединялась Италія, руководимая фантастической надеждой устроить себѣ отдѣльную сферу вліянія въ Украинѣ и на сѣверномъ Кавказѣ и получить тамъ чужія концессіи. Но владѣльцы этихъ концессій и главные кредиторы Россіи, французы и бельгійцы, отнюдь не склонны были идти на чисто словесные

компромиссы Ллойдъ Джорджа. Они требовали реальныхъ гарантій, а за ихъ отсутствіемъ отказывались отъ соглашенія *).

Съ другой стороны, совѣтская власть, смотрѣвшая на созывъ Генуэзской конференціи, какъ на свою побѣду, и имѣвшая нѣкоторое основаніе себѣ приписывать иниціативу этой конференціи, тоже не была единой. Умѣренное крыло ѣхало въ Генуэ, гордое своей «новой экономической политикой», которой разсчитывало поразить Европу. Чичеринъ еще въ нотѣ 28 октября 1921 г. британскому правительству обѣщалъ (условно) признать довоенныя обязательства Россіи, особенно въ интересахъ мелкихъ держателей русскихъ цѣнностей, и заявлялъ: «совѣтское правительство возстановило частную торговлю, частную собственность на мелкія предпріятія и право концессій на крупныя предпріятія. Оно даетъ иностранному капиталу гарантіи закона и долю въ барышѣ, достаточную, чтобы удовлетворить его требованія и побудить его принять участіе въ экономической дѣятельности въ Россіи. (Для урегулированія долговъ) русское правительство предлагаетъ спѣшно созвать международную конференцію, чтобы разсмотрѣть требованія державъ относительно Россіи и требованія Россіи относительно державъ и заключить окончательный мирный договоръ». Согласно этому, совѣтская делегація явилась, вооруженная длиннымъ спискомъ концессій, предлагаемыхъ иностранцамъ, точной смѣтой расходовъ въ три милліарда зол. рублей,, необходимыхъ для экономическаго возстановленія Россіи и также длиннымъ счетомъ русскихъ убытковъ отъ интервенціи. Мнѣніе лѣваго крыла характеризуется слѣдующими строками «Правды» (25 декабря 1921 г.): «великія капиталистическія державы не могутъ обойтись безъ насъ... Повсюду въ Европѣ господствуетъ всеобщій страхъ войны... Экономическая сторона положенія *вынуждаетъ* капиталистовъ торговать съ нами. При этихъ условіяхъ мы... пріобрѣтаемъ громадное значеніе и громадную власть, которая далеко превосходитъ нашу экономическую, техническую и реальную силу... Мы никому не позволимъ насъ грабить или шутить съ нами». Зиновьевъ въ то же время (22 декабря 1921 года) успокаивалъ коммунистическую партію: «новая экономическая политика — только времен-

*) Помимо газетныхъ свѣдѣній о Генуэзской конференціи, мною использованы наблюденія Л. М. Неманова. Ср. его статьи «Отъ Рапалло до Берлинскаго договора» въ Русскомъ Эконом. Сборникѣ, т. VI и VII.

ное отклоненіе, тактическое отступленіе, подготовка территоріи для новой и рѣшительной атаки труда на фронтъ интернаціональнаго капитализма».

Обѣимъ сторонамъ, и европейской и русской, при такихъ условіяхъ предстояло въ Генуѣ жестокое разочарованіе.

Для начала большевики внесли два документа, отразившіе настроеніе обоихъ своихъ крыльевъ. 18 апрѣля появился документъ агитаціонный — для галлереи, — который делегаты тотчасъ же объявили только «историческимъ». 20 апрѣля они внесли документъ дѣловой, въ которомъ, сохраняя требованія кредитовъ непосредственно совѣтской власти и немедленнаго признанія де-юре, Чичеринъ въ условной и предварительной формѣ признавалъ довоенные и военные долги и соглашался вернуть иностранцамъ секвестрованныя имущества или, взамѣнъ ихъ, дать соотвѣтствующія компенсаціи.

При обсужденіи отвѣта державъ на эти предложенія (меморандумъ 2 мая) и обнаружились разногласія между союзниками*). Ллойдъ Джорджъ готовъ былъ согласиться на признаніе и дать заемъ, но не больше одной двадцатой той суммы, которую хотѣли получить большевики (15 милл. фунтовъ — сумма, которой располагало казначейство по trade facilities act). Но, въ виду несогласія Франціи и Бельгіи, ни о признаніи, ни о займѣ отвѣтъ 2 мая даже не упоминалъ. Это одно сдѣлало его непріемлемымъ для совѣтской делегаціи. Затѣмъ, при обсужденіи пункта 7-го этого отвѣта вскрылось, отмѣченное выше, противорѣчіе каннскихъ рѣшеній, и союзники радикально разошлись между собой. Англичане и итальянцы доказывали, что долженъ быть распространенъ принципъ невмѣшательства на соціальный и экономическій строй совѣтской Россіи и поэтому нельзя требовать возврата старымъ собственникамъ націонализированныхъ имуществъ въ натурѣ. Задняя мысль при этомъ была — получить старыя концессіи французовъ и бельгійцевъ на Украинѣ и на Кавказѣ для себя самихъ. Противъ этого рѣшительно возстали бельгійцы. Они утверждали, что внутренній строй Россіи для Европы не безразличенъ, ибо Европа не можетъ дать юридической и моральной санкціи режиму, основанному на отрицаніи частной

*) Эти разногласія подробно развиты въ рѣчи Радека 9 марта 1922, изданной въ видѣ брошюры Genua. Die Einheitsfront des Proletariats und die Kommunistische Internationale. Hamburg. 1922.

собственности, подавленія частной инціативы, свободной конкуренціи, гражданскихъ свободъ — на безправіи и подавленіи личности. Это было бы укрѣпленіемъ совѣтской власти и грознымъ оружіемъ для ея пропаганды. Въ то же время это не дало бы Европѣ никакихъ непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ при теперешнемъ разореніи Россіи, и никакихъ гарантій ея возстановленія на здоровыхъ началахъ въ будущемъ. Въ моментъ, когда эта нищая Россія обращается къ Европѣ за помощью, всего умѣстнѣе указать ей на необходимость, въ интересахъ ея и Европы, возвращенія къ нормальному европейскому строю. На этомъ основаніи бельгійцы отказались уступить въ вопросѣ о частной собственности иностранцевъ. Франція послѣ нѣкотораго колебанія присоединилась къ Бельгіи. Тогда Ллойдъ Джорджъ, чтобы спасти положеніе, поручилъ юристамъ выработать двусмысленную редакцію пункта 7-го, по которой «возвращеніе, возстановленіе или, въ случаѣ невозможности, вознагражденіе» относилось не къ «собственности» иностранцевъ, а къ ихъ «интересамъ», — и все это «безъ ущерба для признанной за русскимъ правительствомъ каннской резолюціей свободы по собственному желанію устраивать свой внутренній строй собственности, хозяйства и правительства». Это, конечно, нисколько не мѣняло дѣла, и Жаспаръ отказался подписать меморандумъ 2-го мая. Вслѣдъ за нимъ, по настоянію Пуанкарэ, отказался и Барреръ, замѣнявшій уѣхавшаго въ Парижъ Барту. Меморандумъ былъ переданъ Чичерину безъ подписей Бельгіи и Франціи.

Это означало — крахъ конференціи. Крахъ этотъ былъ окончательно закрѣпленъ двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, совѣтская делегація, — очевидно, доложившая въ Москву, что дѣло плохо, — получила изъ Москвы инструкцію — быть непримиримыми и вновь занять строго принципіальную позицію. «Лѣвое» теченіе, какъ видно изъ брошюры Радека, считало, что погибающая въ послѣвоенномъ хаосѣ Европа для собственнаго спасенія вынуждена будетъ дать большевикамъ и признаніе, и кредиты: нужно только потребовать ихъ съ надлежащей рѣшительностью. На возможность провала конференціи сторонники міровой революціи отвѣчали угрозой «единаго пролетарскаго фронта». А совѣтскіе реалисты прибавляли къ этому, что гораздо выгоднѣе будетъ, сорвавъ конференцію, добиться уступокъ путемъ сепаратныхъ соглашеній съ конкурирующими между собой странами.

Ллойдъ Джорджъ и тутъ не сдавался. Рѣшивъ продолжать переговоры и получивъ завѣреніе Красина, что совѣтская власть сниметъ вопросъ о кредитахъ и удовлетворится признаніемъ де-юре, онъ поручилъ комиссіи англійскихъ и итальянскихъ юристовъ спѣшно разработать проектъ такого признанія, — тутъ же, въ Генуѣ. Но пока комиссія работала, въ американскихъ и французскихъ газетахъ появилось сообщеніе, вскрывшее подоплеку хлопотъ Ллойдъ Джорджа. Оказалось, что онъ уже заключилъ съ Красинымъ соглашеніе о передачѣ всего производства и вывоза нефти изъ Россіи могучему нефтяному тресту Шелль - Ройяль - Детчъ, находившемуся подъ покровительствомъ Англіи. Красинъ и представитель Шелль подтвердили, что соглашеніе заключено, но еще не подписано.

Это и было вторымъ обстоятельствомъ, окончательно похоронившимъ Генуэзскую конференцію. Разъ дѣло зашло о нефти, вмѣшалась Америка, до сихъ поръ молчавшая. Американскій «наблюдатель» Чайльдъ заявилъ Ллойдъ Джорджу, что Америка ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ монополіи Шелль - Ройяль - Детчъ и потребуетъ по отношенію къ русской нефти политики «открытыхъ дверей». Послѣ этого выступленія Ллойдъ Джорджъ сразу охладѣлъ къ экономическому возстановленію Россіи и пересталъ проявлять уступчивость. Но надо было найти приличный выходъ. Его придумалъ Ратенау, который предложилъ передать нерѣшенные вопросы на разсмотрѣніе экспертныхъ комиссій, которыя соберутся въ Гаагѣ. Генуэзская конференція закрылась 17-го мая, не принеся никакихъ положительныхъ результатовъ въ русскомъ вопросѣ.

15 іюня въ Дворцѣ Мира, въ дѣловой обстановкѣ, безъ торжественныхъ встрѣчъ, пріемовъ и парадовъ, открылась Гаагская конференція «экспертовъ». Здѣсь говорили не о возстановленіи мира въ Европѣ, а только о технической сторонѣ совѣтскихъ предложеній. Большевиковъ выслушали до конца, обсудили ихъ предложенія со всей подробностью, — и именно поэтому провалъ большевиковъ въ Гаагѣ былъ гораздо болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ въ Генуѣ. Этотъ провалъ былъ тѣмъ болѣе рѣшительнымъ, что въ Гаагу эксперты пріѣхали съ весьма примирительнымъ настроеніемъ и съ полной готовностью сторговаться. Уже началась та охота за сепаратными концессіями, на которую такъ разсчитывали большевики. Ллойдъ Джорджъ продолжалъ стремиться къ своей цѣли и, въ отвѣтъ на ноту Пуанкарэ, отчетливо призналъ

право совѣтской власти національзировать имущества иностранцевъ. Поколебались даже бельгійцы, и, казалось, что Франція въ Гаагѣ останется одинокой *).

На этомъ фонѣ благопріятнаго для нихъ настроенія большевики еще ярче проявили свое круглое невѣжество и свою полную неспособность считаться съ реальной обстановкой. У нихъ окончательно побѣдило непримиримое теченіе, что и отразилось прежде всего, въ возглавленіи делегаціи, вмѣсто культурнаго Чичерина, неотесаннымъ Литвиновымъ. Литвиновъ былъ предназначенъ примѣнить методъ наглости и напористости. Первоклассныхъ европейскихъ спеціалистовъ, вооруженныхъ знаніемъ и опытностью, онъ долженъ былъ побѣдить аррогантнымъ тономъ. Естественно, что единственное чувство, которое онъ сумѣлъ возбудить въ партнерахъ, вынужденныхъ имѣть съ нимъ дѣло, было чувство негодованія и презрѣнія. Надо прибавить, что делегація была связана инструкціей, стоявшей на непримиримой почвѣ и обусловливавшей тѣ немногія уступки, которыя Москва соглашалась дать, категорическимъ требованіемъ дачи кредитовъ непосредственно совѣтской власти. Литвиновъ *сразу поставилъ вопросъ ребромъ*. Онъ потребовалъ, чтобы первой была созвана комиссія о кредитахъ, и на первомъ совмѣстномъ засѣданіи 27-го іюня первымъ вопросомъ поставилъ: всѣ-ли правительства, представленныя на конференціи, согласны дать совѣтской власти деньги? Удивленные эксперты спросили: сколько и для какихъ цѣлей? Отвѣтомъ явился пресловутый планъ возстановленія Россіи, котораго не удалось предъявить въ Генуѣ. По этому плану требовалось, на первое время, 1.050 милліоновъ золотыхъ рублей на транспортъ, 924 милліона на сельское хозяйство, 750 милліоновъ на промышленность и 500 милліоновъ на банки. Всего — 3.224 милліона золотыхъ рублей (350 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ): сумма минимальная, сокращенная дважды комиссаріатами и спеціальной комиссіей и потребная въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ. Одинъ крупный американскій банкиръ выразился по этому поводу, что это — все равно, что обсуждать поѣздку на Марсъ.

Въ ближайшіе дни, 28 и 29 іюня, собрались двѣ другія комиссіи — о долгахъ и о частныхъ имуществахъ. Литвинова спросили о русскомъ бюджетѣ, о денежномъ обращеніи, экспортѣ и

---

*) Характеристика Гаагской конференціи основана на тѣхъ же данныхъ, какъ и характеристики Генуэзской конференціи.

импортѣ Россіи и напомнили, что Красинъ въ Генуѣ обѣщалъ вернуть собственникамъ 90% ихъ прежнихъ предпріятій. Литвиновъ отвѣтилъ попыткой устроить агитаціонную анкету среди владѣльцевъ русскихъ бумагъ и полнымъ отказомъ считаться съ правами прежнихъ владѣльцевъ предпріятій. Никакія попытки уговорить Литвинова частнымъ путемъ быть болѣе сговорчивымъ не удались. Онъ продолжалъ настаивать: кредиты прежде всего; и отнюдь не удовлетворялся такими скромными цифрами, которыя могли предложить англичане. Большевики устремили все свое вниманіе на переговоры съ отдѣльными промышленными группами, не понимая, что успѣхъ и тутъ зависѣлъ отъ общаго исхода конференціи. Справки экспертовъ о спискѣ націонализованныхъ имуществъ иностранцевъ оставались безъ отвѣта, а попытка Сокольникова обмануть экспертовъ оптимистическимъ докладомъ о бюджетѣ была немедленно разоблачена съ цифрами въ рукахъ. Оставалась маленькая надежда на пріѣздъ Красина, который на этой конференціи игралъ второстепенную роль. Но теперь устами Красина говорила Москва, и первымъ дебютомъ его (7-го іюля) было категорическое опроверженіе несомнѣннаго факта, что онъ говорилъ Гриму о возвращеніи собственникамъ 90% предпріятій. 10 іюля Литвиновъ повторилъ свой первый вопросъ: какія правительства, въ какомъ размѣрѣ и въ какой формѣ согласны предоставить совѣтской власти кредиты?

Отвѣта большевики такъ и не дождались, потому что черезъ два дня въ комиссіи о частныхъ имуществахъ произошелъ рѣшительный и окончательный бой. Вмѣсто списка націонализованныхъ предпріятій Литвиновъ представилъ списокъ предлагавшихся иностранцамъ концессій. Въ этомъ спискѣ значилась лишь ничтожная часть имуществъ, отобранныхъ у иностранцевъ. Предсѣдатель, Филиппъ Ллойдъ Гриммъ призналъ этотъ списокъ непріемлемымъ. Литвиновъ въ отвѣтъ заявилъ, что это все, что въ Москвѣ собираются передать — на концессіонныхъ началахъ, безъ всякаго вниманія къ правамъ прежнихъ собственниковъ. На вопросъ о вознагражденіи пострадавшимъ отъ націонализаціи иностранцамъ онъ отвѣтитъ только тогда, когда выяснится размѣръ кредитовъ, которые европейскія правительства согласны дать большевикамъ. Красинъ выражался еще рѣшительнѣе: надежда на возвращеніе предпріятій есть «утопія» въ виду произведенныхъ революціей экономическихъ перемѣнъ. Иностраннымъ экспертамъ давалось понять, что имъ эта революція еще предстоитъ. Въ вѣж-

ливой формѣ бельгійскій делегатъ Каттье сдѣлалъ выводъ изъ этихъ заявленій: стало быть, Москва не хочетъ ни возвращать имуществъ, ни платить за нихъ.

Больше говорить было не о чемъ. На слѣдующій день комиссія о частной собственности признала, — «въ виду этихъ декларацій, безполезнымъ продолженіе совмѣстныхъ засѣданій съ русской комиссіей». 14 іюля къ этому заключенію присоединилась и комиссія о кредитахъ, — такъ какъ займы для Россіи могли бы быть построены только на благопріятномъ рѣшеніи вопроса о собственности. Гдѣ нѣтъ довѣрія и гарантій, не можетъ быть и денегъ. Никакое правительство не можетъ тутъ повліять на частный капиталъ, — единственный имѣющійся на лицо, — а слѣдовательно, и никакая экономическая реконструкція Россіи невозможна при такомъ положеніи. Вслѣдъ за предсѣдателемъ Авеццана, то же повторилъ и британскій делегатъ, Хилтонъ Юнгъ, прибавившій къ этому, что «никакой финансовой блокады Россіи не существуетъ со стороны европейскихъ правительствъ, но само русское правительство ставитъ Россію въ положеніе блокады. Дѣло самого русскаго правительства снять эту блокаду, если оно хочетъ получить какіе - нибудь кредиты». Чистая фантазія и то требованіе, чтобы нашлись капиталисты, которые вручили бы свои деньги непосредственно совѣтскому правительству, не имѣя возможности контролировать степень дѣловой способности этого правительства вести свои предпріятія. Невозможенъ, наконецъ, и правильный торговый оборотъ въ странѣ, если правительство становится между покупщикомъ и продавцомъ. Выводъ Юнга былъ: «исключительно по винѣ совѣтскаго правительства мы не нашли благопріятной почвы для экономическаго возстановленія Россіи». Французамъ и бельгійцамъ оставалось только присоединиться къ этимъ заявленіямъ.

14-го іюля и третья комиссія — о долгахъ — присоединилась къ двумъ предыдущимъ.

Однако, этимъ дѣло не кончилось. Началась опять закулисная бѣготня съ цѣлью какъ нибудь наладить расклеившееся дѣло. Итальянцы и англичане принялись убѣждать большевиковъ внести какое нибудь новое предложеніе, обѣщая при возобновленіи переговоровъ отколоться отъ Франціи и Бельгіи. Представители Малой Антанты и лимитрофныхъ государствъ, боявшіеся послѣ неудачи конференціи новыхъ попытокъ совѣтскаго наступленія, вслѣдствіе усиленія лѣвыхъ теченій въ Москвѣ, тоже усерд-

но убѣждали державы устроить совмѣстное засѣданіе всѣхъ трехъ комиссій съ русской комиссіей, какого требовали большевики. Предсѣдатель пленарной не-русской комиссіи Патійнъ предложилъ тогда большевикамъ представить свое новое предложеніе въ засѣданіи 19-го іюля. Частнымъ образомъ, Патійнъ сговорился съ Литвиновымъ относительно этого «новаго предложенія», и публика была увѣрена, что засѣданія конференціи будутъ продолжаться. Однако же Литвиновъ и тутъ обманулъ: его предложеніе касалось не экспертовъ, а правительствъ. Литвиновъ предлагалъ делегаціямъ запросить свои правительства — и обѣщалъ тогда запросить свое, — согласны-ли они обсуждать подробности уплаты долговъ и вознагражденія владѣльцевъ,независимо отъ вопроса о кредитахъ, непосредственно путемъ сношеній совѣтскаго правительства съ заинтересованными лицами въ теченіе двухлѣтняго срока. Комиссія рѣшила, что въ такой формѣ вопросъ ея не касается, и закрылась.

Отмѣтимъ, что и здѣсь, какъ въ Генуѣ, изъ нелѣпаго положенія, созданнаго большевиками, комиссіи помогла выйти Америка. Въ послѣдніе дни конференціи былъ полученъ отвѣтъ Хувера на предложеніе устроить анкету относительно Россіи. Хуверъ отвѣчалъ, что Соединенные Штаты въ такой анкетѣ не нуждаются, ибо имѣютъ прекрасныя свѣдѣнія о положеніи въ Россіи отъ своихъ агентовъ, помогавшихъ Россіи во время голода 1921 — 1922 года. Эти агенты, разсѣянные повсемѣстно въ Россіи, ясно видѣли бѣдственное положеніе русскаго народа. Изъ ихъ показаній американское правительство сдѣлало выводъ, что никакой рѣчи объ экономическомъ возстановленіи Россіи не можетъ быть, пока контроль надъ экономической жизнью страны и надъ всей промышленностью будетъ находиться въ рукахъ совѣтской власти. Предоставленіе совѣтской власти кредитовъ и всякая иная попытка приступить къ экономическому возстановленію Россіи при содѣйствіи совѣтской власти поведетъ лишь къ усиленію этой власти и къ продленію совершенно неописуемаго положенія, въ какомъ, по винѣ совѣтскаго правительства, оказалась эта нѣкогда богатая и экономически мощная страна. Поэтому американское правительство продолжаетъ стоять на прежней точкѣ зрѣнія — отказа отъ всякихъ переговоровъ съ совѣтской властью.

Путемъ опыта двухъ общеевропейскихъ конференцій и европейскія государства, казалось, должны были придти къ тому же выводу.

IX.

Лозанская конференція. — Соглашеніе 4 марта 1915 г. о Константннополѣ. — Исторія вопроса о пролнвахъ. — Прнглашеніе большевнковъ на конференцію. — Туркн выдвигаютъ Чнчернна и сговарнваются за его спнной съ англнчанамн. — Чнчернгъ нзлагаетъ русскій взглядъ на конфлнктъ турокъ съ англнчанамн. — Ультнматумъ Керзона. — Протесты н уступкн большевнковъ. — Подпнсь большевнковъ подъ чужнмъ соглашеніемъ о пролнвахъ.

Однако, совѣтской делегаціи суждено было еще разъ, въ 1922 году, принять участіе въ общеевропейской конференціи, причемъ подведенъ былъ унизительный итогъ паденія международнаго престижа Россіи при совѣтской власти. Рѣчь шла объ урегулированіи отношеній Европы къ побѣжденной Турціи на конференціи въ Лозаннѣ. Въ качествѣ союзника, вложившаго свой громадный вкладъ милліонами человѣческихъ жизней и матеріальнымъ разореніемъ для побѣды, Россія должна бы была явиться на эту конференцію съ претензіей, вытекавшей изъ соглашенія 4 марта 1915 года. По этому соглашенію британское правительство, при содѣйствіи Франціи, согласилось на присоединеніе къ Россіи Константинополя, западнаго берега Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ съ хинтерландомъ до линіи Эносъ — Мидія на европейской сторонѣ проливовъ и отъ Измидскаго залива до рѣки Сакаріи — на азіатской сторонѣ и съ присоединеніемъ островов Имброса и Тенедоса, господствующихъ надъ выходомъ изъ Дарданеллъ*).Отказъ большевиковъ отъ «секретныхъ договоровъ», отъ совмѣстнаго съ союзниками окончанія войны и сепаратный Брестъ - Литовскій миръ лишили Россію формальнаго права настаивать на этомъ единственномъ пріобрѣтеніи, которое могло компенсировать Россію за ея жертвы. Но вопросъ о проливахъ не исчерпывался вопросомъ о судьбѣ Константинополя. Пріобрѣтеніе Константинополя могло явиться случайнымъ плодомъ исключительно - благопріятныхъ обстоятельствъ. А вопросъ о

---

*) Кромѣ общихъ сочиненій, см. С. Горяннова, Босфоръ н Дарданеллы (франц. переводъ, Парижъ, 1910), Hoschiller, L'Europe devant Constantinople, Paris, 191 . Coleman Phillipson and Noel Buxton, The Question of the Bosphorus and Dardanelles, London, 1917. Von Siebert, Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegs-jahre, Berl. und Leipz. 1921. Документальный матеріалъ о переговорахъ, предшествовавшнхъ соглашенію 4 марта 1915 г., нзданъ большевнкамн: «Европейскія державы н Турція во время міровой войны. Раздѣлъ азіатской Турцін, по секретнымъ документамъ б. мнн. нн. дѣлъ, 1 томъ», — н «Европ. державы н Турція н т. д. Константнноиоль н пролнвы н т. д. 2 тома». Обзоръ днпломатнческой перепнскн, обнародованной въ этомъ капнтальномъ нзданіи, см. въ Le Monde Slave, octobre, 1926, K. Martel, L'Orient et la guerre .daprès les archives diplomatiques russe.

свободномъ выходѣ изъ Чернаго моря былъ вопросомъ вѣковымъ, получавшимъ по мѣрѣ индустріализаціи Россіи все болѣе жизненное значеніе для нея. Въ моментъ рѣшенія такого вопроса международнымъ трибуналомъ Россія, очевидно, не могла отсутствовать. Отсутствіе Россіи означало бы невозможность рѣшить этотъ споръ окончательно. Но на мѣстѣ Россіи была совѣтская власть. Пригласить ее, хотя и непризнанную, для участія въ международномъ актѣ, рѣшившемъ судьбу проливовъ, очевидно, было нужно уже для того, чтобы придать этому акту валидность. Но пригласить совѣтскую Россію было выгодно и потому, что въ ея присутствіи можно было безнаказанно рѣшить вопросъ *противъ* Россіи, *вопреки* ея національнымъ интересамъ.

Въ чьихъ, если не русскихъ, интересахъ рѣшался этотъ вопросъ, когда Турція была дважды побѣждена, ея правительство перенесено изъ Константинополя въ Ангору, Константинополь занятъ союзными войсками, султанъ лишенъ званія халифа, бѣжалъ и замѣненъ послушнымъ исполнителемъ велѣній революціонной власти, — когда, однимъ словомъ, вопросъ былъ такъ упрощенъ и развернутъ съ такой широтой, какъ никогда доселѣ въ исторіи? Исторія же и даетъ отвѣтъ на вопросъ, cui prodest. Нѣсколько разъ, имѣя дѣло одинъ на одинъ съ турками, въ 1798, въ 1805, въ 1833 годахъ, Россія добивалась необходимаго для нея права свободнаго выхода своихъ военныхъ судовъ изъ закупоренной бутылки — Чернаго моря. Для всѣхъ другихъ флотовъ, по «древнему правилу» Оттоманской имперіи, входъ въ Черное море былъ закрытъ. Въ отвѣтъ на это, уже въ 1809 и въ 1833 годахъ Англія начала добиваться закрытія проливовъ для Россіи — или же открытія ихъ и для самой себя. Эта позиція Англіи стала съ 1841 г. традиціонной: ея держался еще и лордъ Грей въ переговорахъ 1908 года. Входъ былъ закупоренъ для Россіи, и даже послѣ пораженія Россіи въ Крымской войнѣ, отъ 1856 г. до 1871, уничтожено самое существованіе военнаго флота. Послѣ объявленія независимости Румыніи въ 1877 году и освобожденія Болгаріи въ 1878, Россія была въ Черномъ морѣ уже не одна. Ея стремленія съ этого времени опредѣлились формулой Нелидова: свободный выходъ торговыхъ и военныхъ судовъ для всѣхъ прибрежныхъ государствъ; закрытіе доступа всѣмъ военнымъ судамъ другихъ государствъ. Но въ ожиданіи, пока обстоятельства могли сдѣлать осуществленіе этой формулы возможнымъ, Россія удовлетворилась закрытіемъ Чернаго моря для *всѣхъ* военныхъ судовъ, т.-е. сохра-

ненiемъ «стараго турецкаго правила». Ея интересы на этотъ переходный перiодъ совпали съ турецкими. Только такая постановка давала возможность, за укрѣпленiями Дарданеллъ и Босфора, силу которыхъ англичане испытали на самихъ себѣ въ послѣднюю войну, сидѣть спокойно и не тратить огромныхъ средствъ, которыя при открытiи проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ нацiй понадобились бы для приведенiя всей длинной полосы Черноморскаго прибережья въ состоянiе обороны. Конецъ той же войны показалъ, какъ свободно можетъ распоряжаться иностранный флотъ въ Черномъ морѣ, угрожая Варнѣ, Констанцѣ, Одессѣ, Севастополю, Новороссiйску, Батуму, Трапезунду, если загражденiя въ проливахъ преодолѣны. Надо припомнить, что тутъ у Британiи появился новый интересъ, выразившiйся въ признанiи независимости Азербайджана, Грузiи и Арменiи въ 1919 году, въ извѣстныхъ намъ переговорахъ компанiи Шелль о бакинской нефти и въ попыткѣ объявить Батумъ международнымъ портомъ.

Таковы были условiя, при которыхъ Англiя, Францiя и Италiя 27 октября 1922 года пригласили совѣтское правительство делегировать своихъ представителей на конференцiю въ Лозанну, спецiально «для участiя въ обсужденiи вопроса о проливахъ». Напрасно Чичеринъ, 2 ноября, и Раковскiй, 27 ноября, протестовали противъ такого ограниченiя, справедливо указывая, что Россiя заинтересована въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ,связанныхъ съ установленiемъ новыхъ порядковъ на Ближнемъ Востокѣ. Ихъ требованiя были категорически отвергнуты, и совѣтскiе делегаты, прiѣхавшiе уже въ Лозанну, смирились. Они оговорились, впрочемъ, что не будутъ признавать силы за рѣшенiями, принятыми въ ихъ отсутствiи, и подпишутъ только ту часть мирнаго договора, которая будетъ выработана при ихъ участiи. Заявленiе, какъ сейчасъ увидимъ, оказалось нѣсколько преждевременнымъ.

Первое засѣданiе Лозаннской конференцiи по вопросу о проливахъ (4-го декабря) представляло своеобразную картину. Чичеринъ въ длинной рѣчи защищалъ традицiонную позицiю, — но не русскую, а турецкую! Съ этимъ «мандатомъ — полнѣйшаго закрытiя проливовъ для *всѣхъ* военныхъ судовъ, кромѣ турецкихъ» — «для насъ, какъ и для другихъ», — совѣтская делегацiя прибыла въ Лозанну *). Быть можетъ, и рѣчь Чичерина была

*) См. Годовой отчетъ за 1923 г. народнаго комиссарiата по иностр. дѣламъ II съѣзду совѣтовъ СССР, стр. 10-12, 1920. Мое изложенiе основано, помимо печатныхъ свѣдѣнiй, на наблюденiяхъ Л. М. Неманова, какъ и относительно Генуи и Гааги.. См. Р. Эк. Сборникъ, VI.

привезена готовой. А Изметъ - паша упорно молчалъ, отказавшись даже, несмотря на понуканія Керзона, высказать, согласенъ - ли онъ съ позиціей Чичерина. Скоро эта загадка объяснилась. Турки выпустили своего недальновиднаго союзника, чтобы изложить свои максимальныя требованія — полное закрытіе проливовъ: позиція, какъ сказано выше, тожественная съ *провизорной* русской позиціей. Объ *основной* русской позиціи, формулированной Нелидовымъ, Чичеринъ не проронилъ ни звука. Устами Чичерина турки потребовали дальше и того, чтобы раньше турецкаго заявленія раскрыли свою программу союзники. Разсчетъ былъ, очевидно, на то, что союзники *разойдутся:* было извѣстно, что итальянцы и англичане стоятъ на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія: первые за закрытіе, вторые за открытіе проливовъ для военныхъ судовъ. Но Франція, нуждавшаяся въ поддержкѣ Англіи по вопросу о германскихъ репараціяхъ, помогла сгладить противорѣчія и выработать среднее предложеніе о закрытіи проливовъ для «большихъ судовъ» при условіи демилитаризаціи зоны проливовъ. 6 декабря лордъ Керзонъ изложилъ это компромиссное предложеніе, ограничивавшее право прохода военныхъ судовъ черезъ проливы размѣрами, «не превышающими морскихъ силъ самой могущественной черноморской державы (т.-е. Россіи)». Карты были теперь открыты, и 8 декабря Изметъ - паша заговорилъ. Онъ безъ церемоніи отбросилъ въ сторону турецкую максимальную позицію, защищавшуюся Чичеринымъ, и приспособилъ свой планъ къ союзническому, пытаясь спасти, что можно: а именно, право укрѣпленія проливовъ и ограниченіе тоннажа военныхъ судовъ, входящихъ въ Черное море. Затѣмъ, съ такой же безцеремонностью большевиковъ вытолкнули изъ той комиссіи, которая занялась болѣе детальной торговлей между турками и союзниками. Кое-что союзники уступили. Тѣмъ временемъ большевики снеслись съ Ангорой, и Измету было послано приказаніе — быть менѣе сговорчивымъ. 18 декабря Изметъ и Чичеринъ неожиданно огласили свои новые проекты. Керзонъ (19 декабря) безъ церемоніи отбросилъ и новый совѣтскій проектъ, сдѣлалъ еще двѣ-три маленькія уступки Измету и объявилъ результатъ окончательнымъ. На послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ проливамъ (20 декабря), уже Чичеринъ не проронилъ ни слова, а новыя замѣчанія Измета были снисходительно приняты Керзономъ, какъ «второстепенныя». Споръ перешелъ на другіе вопросы. Чичеринъ заявлялъ журналистамъ, что не подпишетъ со-

глашенія о проливахъ. Въ оффиціальномъ меморандумѣ 30 декабря онъ продолжалъ защищать «полную политическую, финансово - экономическую и юридическую независимость»... Турціи.

Неудача англо - французскихъ переговоровъ о Германіи и оккупація Рура вдохнула въ турокъ новую смѣлость, и на весь январь 1923 г. отвлекла вниманіе Европы отъ Лозанны. Къ концу января Керзонъ началъ торопить съ окончательнымъ заключеніемъ мира, а Пуанкаре, напротивъ, обнадеживалъ турокъ, что проектъ договора не ультимативенъ, и погрозилъ британскому кабинету, что Франція можетъ заключить и сепаратный миръ. При такихъ условіяхъ состоялось 2 февраля пленарное засѣданіе комиссіи о проливахъ, въ которомъ Чичеринъ сдѣлалъ заявленіе, могущее считаться не только совѣтскимъ, но и русскимъ вообще. «Въ виду того, что проектъ державъ угрожаетъ безопасности и жизненнымъ интересамъ Россіи, что онъ дѣлаетъ невозможнымъ установленіе прочнаго и мирнаго положенія на Ближнемъ Востокѣ и Черномъ морѣ, что проектъ этотъ, неизбѣжно для Россіи и для другихъ державъ, поведетъ къ усиленію бремени морскихъ вооруженій..., делегація Россіи, Украины и Грузіи не даетъ своего согласія на проектъ державъ... Безъ согласія Россіи нѣтъ и не можетъ быть рѣшенія вопроса о проливахъ. Если конвенція будетъ подписана безъ Россіи, послѣдняя сохранитъ полную свободу дѣйствій».

Конвенція не была подписана, такъ какъ въ засѣданіи 4 февраля заупрямились турки — конечно, не по вопросу о проливахъ. Впередъ выдвинулся вопросъ о Мосулѣ — въ Лозаннѣ тоже «запахло нефтью», — и рядъ другихъ вопросовъ, въ которыхъ Турція считала свой суверенитетъ нарушеннымъ. Затѣмъ, 5 февраля, вдогонку Керзону, ожидавшему турецкаго рѣшенья въ поѣздѣ, было, по восточному обычаю, послано согласіе.Но тутъ уже заупрямился Керзонъ, и вопросъ о подписаніи мирнаго договора былъ отложенъ.

Вторая сессія Лозаннскаго конгресса, открывшаяся 23 апрѣля, не поднимала больше вопроса о проливахъ. Соотвѣтственно этому, и совѣтскіе делегаты не были приглашены. Попытка Воровскаго, пріѣхавшаго въ Швейцарію, добиться правъ дипломатическаго представителя, наткнулась на рѣшительное сопротивленіе федеральнаго совѣта (начало мая). Воровскій уже приготовился уѣзжать, но 10 мая онъ былъ убитъ офицеромъ Конради. Одновременно съ возникшимъ такимъ образомъ конфликтомъ со Швей-

царіей открылся гораздо болѣе опасный конфликтъ съ британскимъ правительствомъ изъ-за англійскихъ рыболовныхъ судовъ, арестованныхъ въ мурманскихъ водахъ. Усилившееся какъ разъ тогда вліяніе лорда Керзона въ консервативномъ кабинетѣ тотчасъ отозвалось въ рѣшительной перемѣнѣ англійской политики относительно совѣтскаго правительства. 8 мая послана была въ Москву ультимативная нота, въ которой заявлялось, что британское правительство, быть можетъ, слишкомъ долго отсрочивало вопросъ, желательно-ли и даже возможно-ли оставлять отношенія съ совѣтскимъ правительствомъ «въ теперешнемъ аномальномъ — въ сущности безпримѣрномъ — положеніи». Керзонъ предупреждалъ, что безполезно будетъ отрицать долѣе обвиненія въ пропагандѣ, какъ якобы основанныя на подложныхъ свѣдѣніяхъ. Нота требовала «безусловнаго и полнаго удовлетворенія», грозя въ противномъ случаѣ отказомъ отъ торговаго соглашенія 16 марта 1921 года. Одновременно было послано британское судно въ Бѣлое море. Рабочая партія страшно взволновалась и телеграфно умоляла совѣтскую власть воздержаться отъ всякаго шага, могущаго вызвать примѣненіе силы.

Перспектива вооруженнаго столкновенія съ Англіей вызвала проявленіе обоихъ теченій, крайняго и умѣреннаго, боровшихся за руководство внѣшней политикой въ совѣтской Россіи. Съ одной стороны, были выведены на улицы сотни тысячъ народа съ выкриками на знаменахъ, вродѣ: «лордамъ въ морду», «по зубамъ англійскихъ лордовъ», «отставка Керзона» и т. п. и посланъ 14 мая самоувѣренный отвѣтъ, въ которомъ снова всѣ невыгодныя для большевиковъ свѣдѣнія объявлялись вымышленными, хотя и констатировалось, что русская политика въ Азіи не похожа на британскую. Съ другой стороны, въ самый день уличныхъ демонстрацій Чичеринъ и Троцкій уговаривали московскій и петербургскій совѣты «не дѣлать ни одного шага, не говорить ни одного слова, которые могли бы закрыть путь къ мирной развязкѣ». Красинъ немедленно полетѣлъ на аэропланѣ въ Лондонъ, получилъ 17 мая свиданіе съ Керзономъ и разрѣшеніе на десятидневную отсрочку для представленія Москвой другого, болѣе удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ отвѣтъ и былъ врученъ Керзону 23 мая. Въ немъ дѣйствительно дѣлались нѣкоторыя уступки, но ничего не говорилось о главномъ для Англіи пунктѣ — пропагандѣ въ Азіи — и вновь предлагалось рѣшить спорные вопросы на политической конференціи, которой давно уже добивались большевики.

Заявленія Чичерина и Зиновьева въ московскомъ и петербургскомъ совѣтахъ показываютъ, почему на основной вопросъ о пропагандѣ большевики не могли по существу дать удовлетворительнаго отвѣта. Чичеринъ говорилъ: «освободительное движеніе восточныхъ народовъ есть одинъ изъ величайшихъ фактовъ нашихъ дней... Глубокія симпатіи соединяютъ насъ съ восточными народами, борющимися противъ угнетенія». А глава коминтерна Зиновьевъ, выражался еще откровеннѣе. «Если бы не было ни одного агитатора - коммуниста на Востокѣ, все равно, сотни милліоновъ народовъ Востока... будутъ подниматься, искать вокругъ себя союзниковъ и *находить* ихъ сперва въ лицѣ одной нашей совѣтской республики, завтра же въ лицѣ другихъ совѣтскихъ республикъ, которыя, несомнѣнно, возникнутъ» *).

Естественно, что нота Керзона (28 мая) признала всѣ пункты совѣтскаго отвѣта удовлетворительными, кромѣ этого. Она настаивала на расширенной формулѣ прежняго обязательства большевиковъ — не вести пропаганды, особенно въ Азіи, и на отозваніи совѣтскихъ представителей изъ Кабула и Тегерана. Керзонъ прибавилъ еще требованіе уплаты убытковъ англійскимъ гражданамъ. Отвѣтъ Москвы (11 іюня) былъ почти равносиленъ капитуляціи. Однако, совѣтское правительство просило у Керзона эквивалентныхъ обязательствъ о неподдержкѣ бѣлаго движенія и отказывалось сразу отозвать своихъ представителей. 13 іюня московскій отвѣтъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Этимъ сравнительно благополучнымъ исходомъ конфликта Москва, повидимому, была обязана не столько Керзону, сколько новому премьеру Болдвину, замѣнившему въ промежуткѣ больного Бонаръ - Лоу. Надо прибавить, что рабочая оппозиція въ палатѣ депутатовъ все время оказывала сильнѣйшее давленіе на ходъ конфликта. Это не помѣшало представителю правительства Макъ - Нилю заявить въ палатѣ, что разрывъ торговаго соглашенія не можетъ серьезно отразиться на британской торговлѣ, такъ какъ большинство британскихъ торговыхъ палатъ высказалось въ томъ смыслѣ, что англо - совѣтскій договоръ 1921 года не имѣетъ для британской торговли никакой цѣны.

Пока длился англо - совѣтскій конфликтъ, совѣщанія Лозанской конференціи, наконецъ, приблизились къ окончанію. Тогда

*) Конечно, совѣтскіе отчеты о внѣшней политикѣ (см. цнтнр. отчетъ 1923 г. стр. 32-41) строго корректны и молчатъ о точкѣ зрѣнія коминтерна.

участники вспомнили о совѣтской делегаціи, подпись которой была нужна подъ соглашеніемъ о проливахъ. Мы видѣли, что въ февралѣ большевики рѣшительно отказывались отъ подписи — и имѣли для этого уважительныя основанія. Но дать первую подпись подъ международнымъ актомъ — это вѣдь было почти равносильно признанію де-юре, котораго добивались большевики. Вопросъ о признаніи въ это время становился на очередь. Какъ было отказаться отъ такого соблазна? И большевики рѣшились подписать договоръ о проливахъ, — правда, не въ Лозаннѣ, — ибо Швейцарію они бойкотировали, — а въ Константинополѣ. 20 іюля они отвѣтили на пригласительную телеграмму отъ 27-го — согласіемъ, оговоривши лишь, что продолжаютъ считать режимъ, установленный въ проливахъ, совершенно неудовлетворительнымъ и сохраняютъ за собой право предложить внести въ него измѣненія. Любопытно, что и тутъ свою готовность уступить они мотивировали тѣмъ, что Турція дала свое согласіе, — «и на совѣтскія республики не падаетъ, поэтому, отвѣтственность за нарушеніе правъ и интересовъ турецкаго народа, за охрану которыхъ совѣтскія республики борются и будутъ бороться». Въ эту минуту, рѣшаясь на позорнѣйшій шагъ съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ интересовъ, совѣтская власть помнила только о томъ, что она «своимъ присоединеніемъ сможетъ содѣйствовать защитѣ правъ и интересовъ восточныхъ народовъ». Такая защита входила, какъ мы знаемъ, въ програму всемірной революціи.

Періодъ участія совѣтскаго правительства въ общеевропейскихъ конференціяхъ на этомъ кончается. Дальше идетъ періодъ признаній совѣтской власти де - юре отдѣльными державами. Но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому періоду, поставимъ еще разъ вопросъ: въ какомъ положеніи была за разсмотрѣнный періодъ 1922 — 1923 годовъ другая, тѣневая сторона совѣтской дипломатіи, — дипломатія коминтерна?

X.

Третій интернаціоналъ въ 1922-23 г.г. — Развитіе дѣятельности третьяго интернаціонала. — Контроль русской коммунистической партіи. — Коминдѣлъ отмежевывается отъ коминтерна. — «Хартія» коминтерна: «21 пунктъ» и желѣзная дисциплина Москвы.—Недовольство національныхъ партій. — Изоляція московскаго коминтерна. — Наступленіе коминтерна подъ лозунгомъ «единаго фронта» и «рабоче-крестьянскаго правительства». — Оппортунизмъ тактики 1922-23 гг.

Третій интернаціоналъ за описываемое время далеко ушелъ не только отъ тѣхъ временъ, когда Радекъ, въ качествѣ секретаря Циммервальдской конференціи, началъ свою пропагандистскую дѣятельность, по его признанію, съ пятьюдесятью франками двадцатью пятью сантимами въ карманѣ и принужденъ былъ фальсифицировать свои радіо при помощи копѣечныхъ гельсингфорскихъ газетъ, но и отъ того момента, когда, захвативъ власть въ свои руки, большевики ассигновали первые два милліона рублей на пропаганду въ Западной Европѣ, усиленно стараясь создать пролетарскую революцію въ Германіи при помощи *подпольной* газетки «Факелъ». Бюджетъ коминтерна въ 1923 году — не менѣе 200 000 000 золотыхъ рублей. Прошло и то время, когда Ленинъ въ мартѣ 1919 г. наспѣхъ сорганизовалъ первый *полуфиктивный* съѣздъ интернаціонала въ Москвѣ (см. выше), стараясь предупредить соціалистическую Бернскую конференцію. Послѣ того, коммунистическій интернаціоналъ имѣлъ еще четыре съѣзда: второй 19 іюля — 7 августа 1920 г., третій — въ іюлѣ 1921 года, четвертый 7 ноября — 3 декабря 1922 года и пятый 17 іюня — 8 іюля 1924 года. Въ промежуткахъ между съѣздами засѣдали и весьма энергично работали исполнительный комитетъ съѣзда и его президіумъ. Отъ времени до времени собирались между съѣздами расширенныя засѣданія исполнительнаго комитета. Вся эта работа оставила по себѣ слѣдъ въ громадномъ количествѣ печатной бумаги. По этому опубликованному матеріалу до нѣкоторой степени можно судить и о секретной дѣятельности коминтерна, извѣстной только правительствамъ по документамъ развѣдки, которые, однако, всякій разъ, когда появлялись въ печати, систематически оффиціальными вождями коминтерна объявлялись подложными. За - границей коминтернъ имѣетъ многочисленныя агентуры для пропаганды и наблюденія, іерархически подчиненныя главнымъ центрамъ. Карта этой густой сѣти совѣтскихъ аген-

товъ за - границей неоднократно печаталась по разнымъ источникамъ *).

Вся эта громоздкая бюрократическая машина, питающаяся поддержкой Москвы, находится, какъ сейчасъ увидимъ, подъ строжайшимъ контролемъ органовъ русской коммунистической партіи. И въ Россіи (Зиновьевъ), и за-границей (Литвиновъ) самые вліятельные лидеры, соединяли должности членовъ коминтерна и РКП. Кромѣ того, по всей заграничной сѣти были разосланы агенты политическаго наблюденія (ГПУ, т.-е. государственное политическое управленіе, замѣнившее пресловутую «Чека»). Верховное руководство, конечно, сосредоточивалось въ рукахъ сперва Ленина, а потомъ его «учениковъ» и наслѣдниковъ его власти. Зиновьевъ въ докладѣ XIII съѣзду коммунистической партіи наивно объяснилъ, какъ это просто дѣлалось. «У насъ дѣло происходило такъ», говорилъ онъ, «что мы, работники коминтерна, *непосредственно* намѣчали линію и совѣтовались съ тов. Ленинымъ лично. Этого было достаточно, и весь ЦК зналъ, что, стало быть, дѣло находится на правильныхъ рельсахъ. Когда это стало невозможно (по болѣзни, а потомъ и за смертью Ленина), то мы и въ этой области замѣнили руководство Ильича коллективомъ (т.-е. «политическимъ бюро», стоящимъ во главѣ всего управленія государствомъ)».

Однако же, когда начались изложенныя выше дипломатическія сношенія 1920 - 1922 г. г., положеніе осложнилось. Оказалось, весьма неудобнымъ заразъ и вести переговоры о возобновленіи торговыхъ и экономическихъ отношеній, и заниматься переправкой нелегальной агитаціонной литературы, какъ дѣлали первые, выгнанные изъ столицъ въ 1919 году послы. Чичеринъ требовалъ — и добился въ 1921 году, — чтобы вѣдомство иностранныхъ дѣлъ было освобождено отъ отвѣтственности за дѣятельность коминтерна. Съ другой стороны, и дѣятели коминтерна, на съѣздѣ возлѣ Бремена въ концѣ 1920 года, потребовали, чтобы ихъ освободили отъ стѣсненій, налагаемыхъ обязательной умѣренностью дипломатической бюрократіи. Разумѣется, разграниченіе это было чисто - формальнымъ и никакой перемѣны въ зависимости коминтерна отъ политбюро по существу не произвело **).

Самая главная трудность, однако же, была въ томъ, чтобы построить самый коминтернъ на основахъ «желѣзной дисциплины»,

*) См., напр., Dennis 339, 375, прим. 65-е.
**) Dennsi 363, 375, прим. 64-е.

какой требовалъ Ленинъ, чтобы маршировать своими заграничными отрядами, какъ дисциплинированной арміей. На это съ самаго начала было устремлено главное вниманіе московскихъ руководителей коминтерна. Это значило, что въ области доктрины и тактики ни одна изъ партій, вошедшихъ въ коминтернъ, не должна уклоняться ни вправо, ни влѣво, строго слѣдуя очереднымъ лозунгамъ, диктуемымъ конгрессами коминтерна, и что всѣ приказанія Москвы должны исполняться безпрекословно. Въ этомъ духѣ составлены, принятые на второмъ конгрессѣ, драконовскіе «21 пунктъ» Ленина, дышащіе всей непримиримостью крайней лѣвой Циммервальда и Кинталя. Эта «хартія» коминтерна постоянно подтверждалась на всѣхъ послѣдующихъ съѣздахъ. Документъ этотъ такъ характеренъ и такъ мало извѣстенъ, что необходимо дать здѣсь его сжатое изложеніе. Мы принимаемъ здѣсь нашъ собственный планъ изложенія *).

1. Партіи, желающія принадлежать къ третьему коммунистическому интернаціоналу, обязаны вполнѣ и какъ можно скорѣе порвать съ реформистскими и съ «центристскими» теченіями соціализма. Коминтернъ не можетъ терпѣть въ своей средѣ, не рискуя походить на второй интернаціоналъ, такихъ завѣдомыхъ оппортунистовъ, какъ Турати, Каутскій, Гильфердингъ, Лонге, Макдональдъ, Модильяни и т. п. (п. 7).

2. Они должны удалить со всѣхъ важныхъ постовъ въ рабочемъ движеніи (партійныхъ организацій, редакцій, тредъ - юніоновъ, парламентскихъ партій, *ассоціацій,* мѣстной администраціи) всѣхъ членовъ реформистскихъ и центристскихъ партій и замѣнить ихъ вѣрными коммунистами, не смущаясь тѣмъ, что на первое время простые рабочіе займутъ мѣста «испытанныхъ» оппортунистовъ (п. п. 2 и 11).

3. Партіи, не измѣнившія радикально свою тактику, должны озаботиться, чтобы не менѣе двухъ третей ихъ центральныхъ комитетовъ и важнѣйшихъ центральныхъ учрежденій состояли изъ товарищей, заявившихъ публично и безъ колебаній до второго съѣзда о необходимости ввести партію въ интернаціоналъ.

Исключенія разрѣшаются исполнительнымъ комитетомъ коминтерна (п. 20).

---

*) «21 пунктъ» въ свое время былъ напечатанъ въ газетахъ; но вообще онъ скрывается большевиками, какъ документъ, не подлежащій оглашенію. Только этимъ можно объяснить, что противникамъ III интернаціонала приходится по частямъ доказывать все то, что здѣсь соединено и приведено въ систему.

4. Партіи, сохранившія свою соціалъ - демократическую программу, должны немедленно замѣнить ее коммунистической программой, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ.Всѣ программы должны быть утверждены очереднымъ съѣздомъ или исполнительполнительнымъ комитетомъ коминтерна (п. 10).

5. Всѣ вступившія партіи должны измѣнить свое названіе и называться «коммунистическая партія такой то страны, — секція третьяго коммунистическаго интернаціонала», чтобы отличіе ихъ отъ старыхъ соціалистическихъ партій было ясно каждому (п. 17).

6. Эти партіи должны быть построены на началѣ демократической централизаціи и желѣзной дисциплины. Партійный центръ долженъ имѣть всю власть и обладать самыми широкими правами (п. 12).

7. Такъ какъ повсемѣстно въ Европѣ и въ Америкѣ классовая борьба входитъ въ фазисъ гражданской войны, то коммунисты, не довѣряя буржуазной законности, должны повсюду создавать параллельныя, нелегальныя организаціи, которыя въ свое время помогутъ имъ исполнить свой долгъ во время революціи. Партіи, дѣйствующія легально, должны отъ времени до времени подвергаться чисткѣ (перерегистраціи) для очищенія отъ проникнувшихъ туда мелкобуржуазныхъ элементовъ (п. п. 3 и 13).

8. Всѣ рѣшенія конгрессовъ и исполнительнаго комитета коминтерна обязательны для всѣхъ вступившихъ партій. Члены, принципіально отвергающіе условія и инструкціи, изданныя коминтерномъ, исключаются изъ партіи. Это относится и къ делегатамъ чрезвычайныхъ партійныхъ съѣздовъ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ послѣ второго конгресса всѣ примкнувшія и заявившія о желаніи вступить партіи обязуются разсмотрѣть условія 21 пункта на чрезвычайныхъ съѣздахъ. (п. п. 18, 19 и 21).

9. Каждая партія обязана вести *упорную* борьбу противъ амстердамскаго интернаціонала, «желтыхъ» тредъ - юніоновъ, противъ соціалъ - патріотизма и соціалъ - пацифизма, — вѣры въ Лигу Націй, въ сокращеніе вооруженій, въ арбитражъ, какъ средство для предупрежденія войнъ (п. 6).

10. Каждая партія обязана развивать коммунистическую дѣятельность въ тредъ - юніонахъ, рабочихъ совѣтахъ, кооперативныхъ обществахъ и устраивать тамъ коммунистическія ячейки, подчиненныя партіи (п. 9).

11. Громадное значеніе имѣетъ въ данное время систематическая агитація среди земледѣльческаго населенія. Безъ привлеченія, по крайней мѣрѣ, бѣднѣйшаго крестьянства не можетъ быть побѣды пролетарской революціи (п. 5).

12. Специальной обязанностью является энергичная пропаганда въ арміи. Тамъ, гдѣ она запрещена исключительными законами, она должна вестись нелегальными путями. Не исполнить этой задачи — значитъ измѣнить революціонному долгу и быть недостойнымъ званія члена третьяго интернаціонала (п. 4).

13. Въ странахъ, обладающихъ колоніями, каждая партія должна поддерживать всякое освободительное движеніе въ колоніяхъ не только словами, но и дѣйствіями, помогать изгнанію туземныхъ имперіалистовъ изъ колоній, и вести систематическую агитацію въ своихъ войскахъ противъ всякаго подавленія колоніальныхъ народовъ (п. 8).

14. Примкнувшія партіи оказываютъ всякую поддержку каждой совѣтской республикѣ въ борьбѣ съ контръ - революціонными силами, обязываются вести пропаганду противъ доставки вооруженій врагамъ совѣтскихъ республикъ и вести всѣми законными и незаконными средствами пропаганду среди войскъ, посланныхъ, чтобы задушить рабочія республики (п. 14).

15. Печать должна быть подъ полнымъ контролемъ партійнаго комитета. Всѣ важные документы исполнительнаго комитета должны печататься всѣми руководящими партійными органами (п. п. 1 и 19).

Правила эти были еще усилены послѣдующими конгрессами. Такъ, третій конгрессъ напомнилъ объ обязанности организовать коммунистическія ячейки, и президіумъ исполнительнаго комитета выработалъ (14 сентября 1921 года) подробную инструкцію объ образованіи ячеекъ на заводахъ, въ профессіональныхъ союзахъ, въ арміи и во флотѣ. Послѣ третьяго конгресса исполн. комитетъ распорядился (іюль 1921 года), чтобы національные партійные съѣзды устраивались не раньше, а *послѣ* міровыхъ съѣздовъ, чтобы не противорѣчить его обязательнымъ рѣшеніямъ. Четвертый конгрессъ особенно богатъ запретительными мѣрами. Подтверждаются всѣ прежнія. Запрещается делегатамъ привозить съ собой императивные мандаты: это противорѣчитъ централизаціонному устройству партіи. Подтверждается право исключенія членовъ. Напоминается о скорѣйшемъ составленіи программъ. Запрещается выборнымъ членамъ партійныхъ учрежденій подавать въ отстав-

ку: ибо посты есть достояніе всей партіи. Составъ исполнительнаго комитета намѣчается и выбирается на самомъ конгрессѣ. Устанавливается должность спеціальныхъ полномочныхъ ревизоровъ національныхъ партій. Запрещается считать оппортунизмомъ очередныя измѣненія въ программѣ и т. д. *).

Разумѣется, національныя партіи при всемъ желаніи не могли, да и не хотѣли, втиснуть себя въ эти узкія московскія рамки, дѣйствительно походившія на «игольное ушко, черезъ которое нельзя пройти верблюду оппортунизма», какъ хвастался Зиновьевъ на II конгрессѣ. Началась глухая борьба, закончившаяся тѣмъ, что сколько - нибудь независимые люди и цѣлыя партіи были исключены изъ коминтерна. Чѣмъ сильнѣе и значительнѣе была партія, претендовавшая на вступленіе, тѣмъ подозрительнѣе относились московскіе вожди къ ея «мелкобуржуазнымъ» *уклонамъ* и «соціалъ - демократичсекимъ» традиціямъ. Въ такомъ положеніи оказались, прежде всего, германскіе независимые соціалъ - демократы, потомъ французская и норвежская партіи, итальянцы, чехо - словаки... На мѣста видныхъ дѣятелей, пользующихся вліяніемъ въ мѣстныхъ группахъ, назначались креатуры Москвы, иногда темныя личности, исключенныя изъ партіи. На жалобы, что Москва употребляетъ коминтернъ, какъ орудіе для своихъ собственныхъ цѣлей, Зиновьевъ весьма откровенно заявилъ на четвертомъ съѣздѣ: «совѣтская республика и интернаціоналъ суть фундаментъ и кровля одного и того же зданія: одно принадлежитъ къ другому. Между первой пролетарской республикой и коммунистической партіей взаимодѣйствіе обязательно».

Каковъ же результатъ этой тактики? Московскіе коммунисты получили то, что хотѣли: послушную машину, автоматически работающую въ ихъ рукахъ. Но какая цѣна этой машины? Вотъ свидѣтельство одного изъ послѣднихъ выгнанныхъ — Фроссара,въ брошюрѣ, написанной въ сентябрѣ 1923 года **): «Рѣшившись

---

*) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой книги, я не привожу цитатъ, когда сообщаемыя свѣдѣнія получены изъ повременной печати (въ данномъ случаѣ, конечно, совѣтской) путемъ ихъ выборки и систематизаціи. Ссылки на другія сочиненія въ этихъ случаяхъ имѣютъ характеръ подтвержденія моей собственной работы.

**) L. O. Frossard, La décomposition du Communisme, Vers l'unité du prolétariat, въ Les Cahiers Jaurésiens No 1.

во что бы то ни стало добиться отъ людей не того, чтобы они вмѣстѣ дѣйствовали, но чтобы они одинаково думали, коминтернъ, разложивъ во всѣхъ странахъ пролетаріатъ, довершилъ собственное паденіе. На какія партіи можетъ онъ опираться, за исключеніемъ русской партіи, составленной на восемь десятыхъ числа своихъ 500.000 членовъ — изъ совѣтскихъ чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ красной арміи, — партіи, подчиненной неумолимой дисциплинѣ, муштрующей меньшинства обычными пріемами всѣхъ правительствъ. Англійская делегатка на четвертомъ конгрессѣ признала, что она представляетъ партію меньше, чѣмъ въ тысячу членовъ — въ странѣ, гдѣ рабочая партія составляетъ пять милліоновъ. Бельгійцевъ — четыреста, а рабочая партія, съ которой они претендуютъ бороться, насчитываетъ 700 000 членовъ. Голландцевъ — двѣ тысячи, швейцарцевъ — двѣ тысячи, американцевъ — восемь тысячъ, испанцевъ — нѣсколько сотъ. Численность итальянцевъ нельзя сравнивать съ численностью максималистской партіи, которая порвала окончательно съ Москвой по причинамъ, аналогичнымъ съ нашими. Австрійцы — не въ счетъ. Коммунистическая норвежская партія, одна изъ наиболѣе численныхъ въ Европѣ, исключена Москвой и находится въ подобномъ нашему положеніи. Чехо - словаки, подъ интеллигентнымъ управленіемъ Шмераля, умѣряютъ разумнымъ оппортунизмомъ резолюціи, которыя диктуетъ имъ исполнительный комитетъ. Кровавая истерика Бела - Куна убила коммунизмъ въ Венгріи. На Балканахъ, гдѣ партія имѣла преобладающее положеніе, она — наканунѣ потери его, потому что лишена права сообразовать свою дѣятельность со средой, въ которой она развивается. Германцевъ — двѣсти или триста тысячъ — они сами не знаютъ, сколько — противъ 1 200 000 соціалъ - демократовъ... Французская партія, лишенная всякаго политическаго вліянія, была бы quantité négligeable, если бы не газета Жореса («Юманитэ»), тиражъ которой даетъ ей видимость силы. Въ итогѣ, вліяніе третьяго интернаціонала распространяется на партіи численно слабыя и безсильныя. Надо еще прибавить, что многія изъ нихъ существуютъ исключительно на финансовую поддержку Москвы. Если отдѣлить совѣтское правительство отъ интернаціонала, то отъ этой партійной пыли почти ничего не останется... Въ дѣйствительности, коммунистическаго интернаціонала не существуетъ и міровой кон-

грессъ есть одна вывѣска. Что нибудь значитъ только русская партія и ея вожди. Такъ какъ они раздаютъ другимъ партіямъ небесную манну, то они держатъ ихъ въ своемъ подчиненіи». Не забудемъ, что все это говоритъ человѣкъ, который самъ игралъ первыя роли въ этой комедіи.

За осуществленіемъ первой задачи — выдѣленіемъ «чистыхъ» коммунистическихъ кадровъ (мы только что видѣли, въ какомъ видѣ) — логически слѣдуетъ второй шагъ: попытка объединить около нихъ всѣ рабочія массы. Ибо массы необходимы, чтобы сдѣлать революцію. Этотъ лозунгъ — «въ массы» — и выставляетъ третій съѣздъ. Но тутъ то и сказывается вся фиктивность основныхъ коммунистическихъ формацій. Рабочихъ надо еще *отбить* у другихъ организацій, несравненно болѣе могущественныхъ. Объединить ихъ нужно по-одиночкѣ, «снизу», не касаясь этихъ другихъ организацій, зараженныхъ всѣми грѣхами «реформизма и центризма» и соціалъ - демократической «мелкобуржуазности». Въ декабрѣ 1921 года и объявляется дополнительный лозунгъ «общаго фронта» (снизу) всего пролетаріата. Но въ реальной обстановкѣ идея «общаго фронта» понимается упрощенно, «сверху», болѣе легкимъ путемъ прямой коалиціи съ соціалистическими партіями, а не труднымъ путемъ новой кристаллизаціи атомовъ. Московскіе владыки приходятъ, конечно, въ ужасъ отъ такого упрощенія, отъ опасной близости и отъ проникновенія, уже въ самыя «чистыя» коммунистическія партіи, подобнаго праваго «уклона». Къ такому же уклону, на такую же наклонную плоскость, ведетъ, однако, и другой лозунгъ третьяго и четвертаго конгрессовъ: «рабочее (или даже «рабоче - крестьянское») правительство». Напрасно толкуетъ Зиновьевъ, что этотъ лозунгъ есть просто «псевдонимъ диктатуры пролетаріата». Оппортунисты коминтерна готовы понять его чуть не какъ правительство Макдональда и потерять за нимъ изъ виду революцію. И, однако же, оппортунизмъ этихъ лозунговъ соотвѣтствуетъ общему настроенію 1921 - 22 годовъ: настроенію торговыхъ договоровъ, конференцій объ экономическомъ возстановленіи Россіи и «Нэпа». Волей - неволей Зиновьевъ принужденъ уступить. Потомъ, на пятомъ конгрессѣ, онъ будетъ жаловаться, что это — оппортунистъ Радекъ ввелъ его въ грѣхъ и «протащилъ» въ резолюціи четвертаго конгресса такую оппортунистическую контрабанду. Но на четвертомъ — даже непримиримый книжникъ и теоретикъ Бухаринъ мобилизируется,

чтобы доказать, что гибкость и измѣнчивость «тактическихъ проблемъ» вполнѣ совмѣстима съ принципіальностью и послѣдовательностью коммунистической программы. Споръ шелъ между Бухаринымъ и Тальгеймеромъ лишь о томъ, слѣдуетъ ли включать эти переходныя требованія и *частичные* лозунги, которыхъ требуетъ тактика, въ общую программу или предоставить ихъ національнымъ секціямъ интернаціонала, давъ имъ такимъ образомъ нѣкоторую свободу дѣйствій. Подъ вліяніемъ Ленина этотъ споръ былъ рѣшенъ въ смыслѣ невключенія. Такимъ образомъ Бухаринъ доказывалъ на четвертомъ съѣздѣ, что *можно* заключать займы и даже военные союзы съ буржуазными государствами *съ цѣлью разрушенія другихъ буржуазныхъ государствъ*. Завоевать весь міръ нельзя голыми руками, а потому «каждое пролетарское государство имѣетъ право на *красную интервенцію*». Допустимы, далѣе, экономически *нераціональныя* мѣры (напримѣръ, признаніе частной собственности для германскихъ крестьянъ), если они политически цѣлесообразны для захвата власти (на это Тальгеймеръ отвѣтилъ Бухарину, что «военный коммунизмъ» не есть средство, пригодное для всѣхъ странъ, и что «необходимо опредѣленно указать, что политика военнаго коммунизма въ Россіи, т.-е. устраненіе денегъ, уничтоженіе свободной торговли, реквизиціи въ деревнѣ, *не была возможна безъ наличія запасовъ, оставленныхъ царизмомъ*»). Допустимо утверждать, что европейскіе рабочіе суть аристократы, получающіе черезчуръ высокую заработную плату за счетъ колоній, которыя они грабятъ вмѣстѣ съ капиталистами. «Это ученіе давало намъ сильное оружіе», — такъ защищалъ его Бухаринъ на пятомъ съѣздѣ: «съ помощью его мы создаемъ связь между Западной Европой и Азіей, находимъ увязку между революціей промышленнаго пролетаріата и колоніальными возстаніями, которыя являются составной частью міровой революціи». Мы знаемъ, что надежды на колоніи возрастали по мѣрѣ ослабленія надеждъ на Европу. Къ такимъ же теоретическимъ вольностямъ относятся, очевидно, и лозунги «единаго фронта» и «рабоче - крестьянскаго правительства».

XI.

Поворотъ къ тактикѣ 1924 г. — Пробужденіе надеждъ Зиновьева на міровую революцію. — Ожиданіе революціи въ Германіи. — Предостереженіе Радека и Красина. — Зиновьевъ сваливаетъ на умѣренныхъ неудачу германской революціи.— Подготовка революціи въ Болгаріи. — Правительство Цанкова предупреждаетъ приготовленное большевиками возстаніе. — Зиновьевъ упорствуетъ, предпочитая революціонную тактику признанію де юре. — Зиновьевъ противъ Чичерина и «правыхъ уклоновъ» на пятомъ конгрессѣ коминтерна.

Послѣ четвертаго конгресса оппортунистическое настроеніе третьяго интернаціонала рѣзко измѣнилось. Не завершивъ еще первыхъ двухъ указанныхъ шаговъ, полнаго очищенія и «большевизаціи» своихъ партій и проникновенія въ массы, коминтернъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Зиновьева — задался третьей задачей: направить эту несуществующую армію на активныя *выступленія*. Можетъ быть, тутъ играла роль мысль, высказывавшаяся Зиновьевымъ на четвертомъ конгрессѣ,что только активныя массовыя выступленія могутъ окончательно выдѣлить искреннихъ и послѣдовательныхъ коммунистовъ отъ некоммунистовъ. Такія выступленія, какъ педагогическое средство, могли, очевидно, предприниматься и безъ всякой надежды на успѣхъ. Но несомнѣнно, что у Зиновьева была и такая надежда, и она сильно окрѣпла подъ вліяніемъ событій 1923 г. Прежній діагнозъ положенія въ Европѣ опредѣлялся формулой Радека: мы находимся въ періодѣ упадка революціоннаго настроенія, въ промежуткѣ между двумя волнами міровой революціи. Этотъ діагнозъ одно время раздѣлялъ и Зиновьевъ. Почему онъ измѣнилъ его? Объ этомъ онъ самъ заявилъ на пленарномъ засѣданіи исполнительнаго комитета въ началѣ февраля 1924 г. «Мы увѣрены», докладывалъ онъ партійнымъ товарищамъ, «что послѣднія событія въ Германіи, Польшѣ и Болгаріи есть *начало новой волны* международной революціи. Это есть начало какой-то новой главы». «Это событія крупной важности». По обыкновенію, мнѣніе Зиновьева сдѣлалось мнѣніемъ коминтерна въ специальной резолюціи, опубликованной въ «Правдѣ» 7 февраля 1924 г. «Событія въ Германіи, Польшѣ и Болгаріи», послушно повторяетъ коминтернъ вслѣдъ за Зиновьевымъ, «разыгравшіяся въ періодъ май-ноябрь 1923 г., являются началомъ новой главы въ исторіи международнаго движенія. Эти событія имѣютъ, въ виду большого значенія германскаго революціоннаго движенія, величайшую важность для коммунистическаго

интернаціонала». Въ особой резолюціи «о задачахъ компартіи Франціи», напечатанной въ тотъ же день, находимъ напоминаніе о «суровыхъ революціонныхъ обязательствахъ», налагаемыхъ на «коммунистическія партіи *окружающихъ Германію странъ*». Нужно готовиться къ германскимъ событіямъ, нужно помнить, что вся международная и въ первую голову французская реакція обрушится на германскую революцію еще съ большей силой, чѣмъ она обрушилась на революцію русскую. Успѣхъ самой германской революціи во многомъ зависитъ отъ того, сумѣетъ ли рабочій классъ Франціи надѣть намордникъ на французскій имперіализмъ». Для этой цѣли, между прочимъ, рекомендуется агитировать за отдѣленіе отъ Франціи ея колоній.

Въ чемъ же дѣло? Что возбудило въ Зиновьевѣ такія неумѣренныя надежды? Прежде всего, это было настроеніе Германіи послѣ оккупаціи Рура, въ январѣ - іюнѣ 1923 г. Пока длилось «пассивное сопротивленіе» германской «буржуазіи», коммунисты успѣшно работали, утилизируя общее раздраженіе населенія и непомѣрно возраставшую дороговизну жизни. Но что, если сопротивленіе кончится и «буржуазіи» враждующихъ странъ вздумаютъ помириться? Четвертый конгрессъ коминтерна на этотъ случай уже напередъ заготовилъ рѣшеніе. Въ такомъ случаѣ надо кричать, что Пуанкаре и Штреземанъ мирятся на спинахъ рабочихъ, и всѣми силами противиться франко - германскому примиренію, поддерживая необходимую для коммунистической агитаціи смуту. И вдругъ Германія въ самомъ дѣлѣ покорилась и прекратила пассивное сопротивленіе. Достаточно было отдаленной надежды на успокоеніе Европы, чтобы коммунисты обезпокоились. Въ «Юманите» 10 сентября 1923 г. была напечатана интересная статья Радека, въ которой онъ билъ въ набатъ. «Германія, управляемая антантой, откроетъ ей доступъ къ границамъ нашей рабоче-крестьянской республики. Искушеніе будетъ очень велико для военныхъ авантюристовъ и сторонниковъ реакціи — навязать Россіи буржуазную реставрацію и уплату долговъ стараго режима. Красная Россія, измѣряя всю величину опасности, находитъ себя вынужденной сказать себѣ, что даже и любовь къ миру должна имѣть свои границы». Изъ Берлина Радекъ спѣшитъ въ Москву, чтобы и тамъ натвердить тѣ же мысли. «Будучи рѣшительными сторонниками политики мира», внушаетъ Радекъ москвичамъ, «русскіе рабочіе знаютъ, что побѣда контръ - революціи въ Германіи, по-

кореніе Германіи штыками Антанты создало бы громадную опасность для С.С.С.Р Завладѣвши Германіей, союзники сдѣлали бы изъ нея плацдармъ для новаго нашествія на Россію, чтобы вырвать фабрики изъ рукъ рабочихъ и наложить на крестьянъ жестокій налогъ для уплаты съ процентами долговъ царя и буржуазіи».

Однако же въ Москвѣ Радеку приходится не понукать, а сдерживать слишкомъ горячихъ товарищей. Въ петербургской «Правдѣ» тотъ же Радекъ пишетъ: «время общаго кризиса не наступило, хотя и приближается... Пока мы еще слабѣе противной стороны. Мы не только не должны давать теперь генеральнаго сраженія, но мы должны избѣгать всего, что даетъ врагу возможность разбить насъ по частямъ... Большевики могли захватить власть съ 70.000 членовъ, такъ какъ русская буржуазія была не организована... Германская буржуазія организована, какъ ни одна буржуазія въ мірѣ... Мы имѣемъ 300.000 организованныхъ рабочихъ... Милліонъ членовъ, вотъ минимумъ, котораго должна добиться въ ближайшее время германская компартія».

Изъ круга совѣтскихъ дипломатовъ тоже шли совѣты умѣренности. Красинъ доказывалъ на XIII конференціи партіи (17 января 1924), что только въ обращеніи къ иностранному капиталу можно найти выходъ изъ грозящаго совѣтской власти банкротства. «Мы, можетъ быть, въ состояніи будемъ получить изъ-за границы заемъ въ 300-500 милл. зол. р. Но для международнаго капитала необходимо взять болѣе мирный тонъ и приспустить знамя міровой революціи». Къ этимъ взглядамъ склонялся и Троцкій. Но Зиновьевъ думалъ какъ разъ наоборотъ. Въ своемъ докладѣ на XIII съѣздѣ коммунистической партіи (май 1924) онъ разсказалъ о своемъ поведеніи въ 1923 г. Изъ доклада видно, что онъ пытался изъ Москвы диктовать поведеніе германской коммунистической партіи въ рѣшительные дни конфликта. «Когда мы оцѣнили событія такъ, что вопросъ о кризисѣ есть вопросъ нѣсколькихъ недѣль, мы тогда сказали: теперь наступилъ моментъ войти въ (саксонское) правительство, чтобы сдѣлать изъ Саксоніи плацдармъ». Когда же Зиновьевъ увидѣлъ, что въ саксонскомъ правительствѣ товарищи ведутъ себя «не какъ подобаетъ революціонерамъ, а какъ участники обыкновенной коалиціи», то исполнительный комитетъ коминтерна послалъ имъ строгій окрикъ. Но тутъ произошла неожиданность: Радекъ сталъ на защиту праваго крыла германскихъ комунистовъ, а когда *ЦК* принялся вы-

правлять ихъ «мелкобуржуазный уклонъ», то Радекъ, лучше знавшій положеніе и понимавшій, что революціи въ Германіи устроить нельзя, отказался подчиниться рѣшеніямъ. Онъ даже имѣлъ дерзость напомнить Зиновьеву, что въ коминтернъ онъ «выбранъ международнымъ конгрессомъ, а не вами (т. е. не *ЦК партіи*)». Интересенъ отвѣтъ на это Зиновьева. «Формально онъ правъ, но понятно, что мы должны представлять нашу партію». Зиновьевъ внушительно прибавилъ: «мы не позволимъ дѣйствовать такими методами, не позволимъ переносить фракціонную борьбу въ ряды коминтерна. Кто захочетъ наскочить на насъ, у того навѣрняка останется на лбу шишка». «И если будутъ прыжки вправо тов. Радека и другихъ (разумѣется Троцкій), то мы такихъ людей быстро поставимъ на мѣсто»...

Полный вѣсъ этихъ угрозъ Радекъ скоро испыталъ на себѣ. На него была взвалена вся отвѣтственность за неудачу германской революціи, которую Зиновьевъ окончательно назначилъ на 9-е ноября. Причины неудачи подробнѣйшимъ образомъ разсматривались въ рядѣ совѣщаній 1924 г. Зиновьевъ призналъ долю своей ошибки, но главную ошибку онъ все-же возложилъ на Радека, который въ рѣшительную минуту «держалъ партію за фалды, когда нужно было звать ее въ бой». Благопріятный моментъ былъ пропущенъ не по запоздалости и недостаточности подготовки, какъ утверждали германскіе товарищи, а, главнымъ образомъ, потому, что не хватило духа во время броситься въ бой. Вопреки экспертизѣ германцевъ, Зиновьевъ объявилъ въ февральскомъ пленумѣ исполнительнаго комитета новый приказъ коминтерна: германская ком. партія «не должна снимать съ порядка дня вопроса о возстаніи и завоеваніи власти. Наоборотъ, этотъ вопросъ долженъ стоять передъ нами во всей своей конкретности и неотложности».

Подобное же теченіе имѣлъ и вопросъ о революціи въ Болгаріи. Какъ извѣстно, при Стамбулійскомъ коммунисты свили себѣ въ Болгаріи прочное гнѣздо, крѣпко связавшись съ коммунистическимъ теченіемъ среди болгарскихъ земледѣльцевъ. Только послѣ паденія Стамбулійскаго (9 іюня) правительство Цанкова обратило вниманіе на коммунистическую опасность. Рѣшившись 21 іюля выслать изъ страны всѣхъ большевистскихъ агентовъ, правительство только тутъ наткнулось на подлинные документы, доказывавшіе участіе коминтерна въ подготовкѣ болгар-

ской революціи*). Самый моментъ паденія Стамбулійскаго засталъ болгарскихъ коммунистовъ врасплохъ, и своихъ обязательствъ они не выполнили. За это они и получили строгое внушеніе отъ Зиновьева. Но черезъ два дня, 11 іюня, была сдѣлана попытка возстанія въ Плевнѣ, съ цѣлью созданія «рабоче-крестьянскаго правительства». Вслѣдъ затѣмъ подготовка новаго возстанія была перенесена заграницу болгарскими эмигрантами, которые связались здѣсь съ Вѣнскимъ центромъ пропаганды коминтерна, и отъ него получали необходимыя средства. Къ 24 іюня, когда въ Москвѣ заканчивались засѣданія расширеннаго пленума исп. ком. коминтерна, относится документъ, подписанный чешскимъ коммунистомъ Нейратомъ, предсѣдателемъ спеціальной балканской комиссіи коминтерна. Комиссія констатировала, что сверженіе Стамбулійскаго «аннулируетъ достигнутые коминтерномъ на Балканахъ важные результаты», но не отчаялась и постановила «питать и поддерживать воинственные проекты Югославіи, дабы вызвать конфликтъ съ Болгаріей». При этомъ должна была сыграть роль македонская организація и хорватская партія Радича, съ которыми коминтернъ и вступилъ въ сношенія. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ было выяснено, что на Балканахъ переворотъ, чтобы быть удачнымъ, долженъ былъ быть не «пролетарско - диктаторскимъ», а «рабоче - крестьянскимъ». Былъ и тутъ назначенъ, очевидно, изъ Москвы, срокъ переворота — 17 сентября 1923 г. Правительство Цанкова, знавшее объ этомъ, естественно, рѣшило предупредить заговорщиковъ. 12 - 13 сентября вожди коммунистовъ по всей странѣ были арестованы, ихъ газеты и клубы закрыты, въ ихъ помѣщеніяхъ произведены обыски, давшіе обильный матеріалъ для исторіи переворота. Однако, коммунисты, не желая заслужить второй выговоръ отъ Москвы, все-таки, рѣшились дѣйствовать въ назначенный день. Уцѣлѣвшіе отъ ареста вожди — въ томъ числѣ представитель Болгаріи въ коминтернѣ Коларовъ — спѣшно создали новый центральный комитетъ, возстановили связи съ провинціальными центрами, и 17 сентября движеніе все-таки началось по ранѣе даннымъ приказамъ и по общему плану. Тактика была обычная: захватъ учрежденій, обезоруженіе арміи и полиціи и провозглашеніе совѣтской республики. Но дальше нѣсколькихъ деревень успѣхъ не рас-

*) Чичеринъ, конечно, объявилъ эти документы подложными, но это не помѣшало офиціально признать участіе коминтерна въ болгарскомъ возстаніи.

пространился. Через пять дней возстаніе было подавлено кровавыми мѣрами. Коларовъ спасся бѣгствомъ.

Какъ видимъ, попытки немедленной революціи въ 1924 году неизмѣнно приводили только къ одному результату: пораженію. Тѣмъ не менѣе, это ничуть не обезкуражило Зиновьева. Въ теченіе 1924 года энергическіе переговоры съ балканскими факторами и съ коммунистами пограничныхъ съ Россіей странъ продолжаются. Повсюду они вызываютъ мѣры предосторожности, принимаемыя правительствомъ противъ коммунистовъ. Аресты, высылки, закрытіе газетъ и т. д. становятся обычными мѣрами: районъ ихъ примѣненія постепено расширяется. Но и эти неудачи не производятъ никакого впечатлѣнія на оффиціальный оптимизмъ Зиновьева и его единомышленниковъ. Засѣданія, доклады, рѣшенія XIII съѣзда русской коммунистической партіи (конецъ мая) и пятаго конгресса третьяго интернаціонала (іюнь) проходятъ подъ знакомъ самой энергической борьбы противъ «оппортунизма» и правыхъ уклоновъ — уже не въ рядахъ партій, не вошедшихъ въ коминтернъ, а въ рядахъ собственныхъ «секцій» третьяго интернаціонала.

Зиновьевъ, конечно, ясно сознаетъ, что его политическая линія рѣзко расходится съ линіей Красина — Радека, Троцкаго, которые настаиваютъ на сближеніи съ заграницей и съ иностраннымъ капиталомъ. Но онъ сознательно же предпочитаетъ разореніе Россіи подъ «своей» властью — побѣдѣ «правыхъ уклоновъ» въ партіи и отсрочкѣ міровой революціи. «Радекъ полагаетъ», говорилъ онъ на засѣданіи XIII конференціи РКП («Правда», 25 января 1924 года), «что мы должны пересмотрѣть генуэзскія рѣшенія въ сторону большихъ уступокъ международной буржуазіи, для того, чтобы получить не столько признаніе де-юре, которое его мало интересуетъ, сколько возможность дѣловыхъ сношеній... Мы въ политбюро и въ ЦК держимся того мнѣнія, что у насъ нѣтъ теперь никакихъ основаній идти на большія уступки международной буржуазіи. Наоборотъ, мы считаемъ, что наступилъ моментъ напомнить международной буржуазіи то, что говорилъ Вл. Ил. отъ имени всего правит. послѣ Генуэзской конференціи. Онъ говорилъ: «чѣмъ позже вы пойдете на соглашеніе, тѣмъ худшія условія получите, тѣмъ меньше мы вамъ уступимъ»... Если послѣ долгихъ размышленій тов. Ленинъ и ЦК отвергли концессіи Уркварта, то это, между прочимъ, потому, что въ послѣднюю минуту тов. Ленинъ сказалъ себѣ: лучше наша израненная, сѣрая, пока еще

довольно бѣдная, совѣтская Россія, *но своя,* чѣмъ Россія, которая для быстроты возстановленія пуститъ къ себѣ въ огородъ такого крупнаго звѣря, какимъ является Урквартъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы пустить сюда *настоящую,* не такъ называемую новую буржуазію, которую мы все же здорово потрясли... Это же будетъ величайшій притокъ свѣжей крови въ жилы русской буржуазіи и изъ па вообще!» Вопросу о признаніи Зиновьевъ не склоненъ приписывать большое значеніе. «Не такъ важно, признаютъ насъ сейчасъ де-юре или нѣтъ». «За признаніе де-юре мы не платимъ никакими матеріальными благами... ни пшеницей, ни золотомъ. Если они согласны открыть намъ новые кредиты, мы согласны поговорить о компенсаціяхъ». Такъ, уже въ самомъ началѣ 1924 года, опредѣлилась непримиримая политика Зиновьева, уцѣлѣвшая до конца этого года.

На открытіе пятаго конгресса коминтерна «Правда» помѣстила довольно ядовитую карикатуру. Зиновьевъ съ кафедры мечетъ громы и молніи. А сзади испуганный и съежившійся Чичеринъ съ дипломатическимъ портфелемъ подъ мышками рветъ на себѣ волосы. Эта карикатура могла бы служить отличнымъ символомъ взаимоотношеній между совѣтской тайной и явной дипломатіей въ 1924 году: дипломатіей признанія де-юре и дипломатіей міровой революціи. Пятый конгрессъ прошелъ подъ знаменемъ борьбы противъ «радекизма» и оппортунизма. «Правые уклоны» были отысканы и подвергнуты бичеванію Зиновьевымъ почти во всѣхъ европейскихъ секціяхъ коминтерна. Вопреки экспертизѣ мѣстныхъ знатоковъ положенія, Зиновьевъ начерталъ самую оптимистическую (въ своемъ смыслѣ) картину общаго положенія въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Капитализмъ не крѣпнетъ, а продолжаетъ разлагаться. Наступившая въ Европѣ «демократическо - пацифистская эра» лѣвыхъ министерствъ есть лишь новый предвѣстникъ приближающейся катастрофы: «лѣвый фашизмъ» и есть послѣдній рессурсъ буржуазіи. Макдональдъ и Эрріо дѣлаютъ дѣло, которое въ Россіи сдѣлалъ Керенскій. Соціалъ - демократія при этомъ поступила на службу къ буржуазіи, въ качествѣ «третьей буржуазной партіи». Именно поэтому не слѣдуетъ заключать съ соціалистами «*честныхъ* коалицій», какъ совѣтуетъ Радекъ, а, напротивъ, слѣдуетъ преслѣдовать ихъ и доказывать, что они только новая разновидность фашизма. Оппортунистическіе лозунги, принятые на четвертомъ конгрессѣ, не слѣдуетъ принимать всерьезъ. «Единый фронтъ», «рабочее правительство» — это только «словесные обо-

роты рѣчи», «стратегическіе маневры», которые нельзя превращать въ «тактику эволюціи, тактику оппортунизма». Не надо, конечно, отвергать или мѣнять этихъ неосторожныхъ лозунговъ. Достаточно дать имъ правильное толкованіе. Революціонную тактику не только не слѣдуетъ замѣнять эволюціонной: ее слѣдуетъ усилить, особенно въ колоніяхъ. Для этого нужно обратить особое вниманіе на Англію. Но и вообще не слѣдуетъ жаловаться на медленность движенія: оно идетъ своимъ чередомъ, и за годъ сдѣланы огромные успѣхи — завоевана цѣлая одна шестая земного шара...

Съ такимъ настроеніемъ, послѣдовательно проводившимся исполнительнымъ комитетомъ, коминтернъ неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ политикой признаній де-юре, проводившейся, какъ увидимъ, въ этомъ году европейскими правительствами по отношенію къ совѣтской власти. Не успѣвая слѣдить за эволюціей взглядовъ и за борьбой разныхъ теченій въ совѣтской Россіи, европейское общественное мнѣніе проглядѣло весь періодъ торжества Зиновьевской тактики надъ тактикой Чичерина, Радека и Красина. Оно все еще жило въ 1924 году впечатлѣніями и свѣдѣніями изъ эпохи «нэпа», 1922 - 23 годовъ. Ему предстояло жестокое разочарованіе.

XII.

Признаніе совѣтской власти де юре въ Англіи. — «Де факто» и «де юре» въ международномъ правѣ. — Американская доктрина. — Континентальная доктрина. — Противорѣчіе въ позиціи союзниковъ по вопросу о признаніи. Прогнозъ Бенеша. — Муссолини и Кулиджъ. — Оговорки Макдональда къ акту признанія. — Усилія англійской рабочей партіи въ пользу признанія. — Англо - совѣтская конференція и рѣчь Зиновьева. — Топтаніе на мѣстѣ. — Макдональдъ уступаетъ давленію рабочихъ. — Безсодержательность договора. — Отрицательное отношеніе парламента и паденіе Макдональда. — Парламентскіе выборы и письмо Зиновьева. — Нота Грегори. — Правительство Болдвина отказываетъ въ утвержденіи договора. — Чемберленъ совѣщается съ Эрріо о сопротивленіи Москвѣ.

Послѣ всего, что произошло въ 1922 - 23 г. г., послѣ заключенія совѣтской властью ряда торговыхъ договоровъ, послѣ привлеченія ея на рядъ европейскихъ конференцій, послѣ подписанія ея представителями Лозаннскаго договора — вопросъ о признаніи совѣтской власти былъ, въ сущности, *фактически* рѣшенъ. Только при неясности международной правовой доктрины о признаніи можно было поставить потомъ отдѣльно вопросъ о призна-

ніи *де-юре*. Но и этотъ вопросъ былъ уже разрѣшенъ Германіей въ самый разгаръ Генуэзской конференціи — заключеніемъ договора въ Рапалло.

Въ исторіи идея признанія — смыслъ терминовъ „de facto" и „de jure" былъ иной, чѣмъ теперь. Правительства *де- юрѣ* — это были правительства «легитимныя», правительства старой Европы, свергнутыя революціями конца XVIII и XIX вѣковъ. По отношенію къ нимъ правительства, созданныя революціонными переворотами, были правительствами *де - факто*. И только о признаніи ихъ де-факто, о перевѣсѣ революціоннаго де-факто надъ легитимнымъ де-юре, могла идти рѣчь. Ибо другая международная идея, идея невмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ государствъ, не позволяла вообще прилагать международныя *правовыя* санкціи къ тому, что совершилось внутри страны. Признаніе только и могло быть признаніемъ де-факто. Лишь позднѣе этотъ первоначальный смыслъ доктрины былъ забытъ, и голое признаніе «де факто» стало приниматься, какъ только *безразличное* отношеніе къ признаваемому правительству. Чувствовалось, что при болѣе дружественномъ отношеніи недостаточно преклоненія передъ совершившимся фактомъ появленія новаго правительства; нужна еще какая то санкція, международное признаніе даннаго правительства, правительства переворота, «законнымъ» правительствомъ. Являлся новый, революціонный легитимизмъ. Но тогда неизбѣжно возникалъ и вопросъ объ *условіяхъ* признанія новыхъ правительствъ законными*).

Въ сущности, только доктрина Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ разрѣшила вопросъ о де-факто и объ условіяхъ правового признанія сразу и примѣняла его послѣдовательно. Эта послѣдовательность сказалась и на отношеніи Америки къ совѣтскому правительству.Доктрина Томаса Джефферсона,провозглашенная имъ въ 1792 году по поводу созыва французскаго конвента, приняла подъ свою защиту «дефактизмъ» существованія ревеволюціонныхъ правительствъ, поставивъ въ то же время условіемъ ихъ признанія новый демократическій «легитимизмъ», противоположный старому, монархическому: легитимизмъ народнаго избра-

*) Julius Goebel, the recognition policy of the United States vol. LXV', N° 1 Studies in history, Economics and public Law ed. ly the faculty of political Science of Columbia University, 1915. Chapter 1: legitimacy, revolution and recognition См. также очень полезную киигу М. А. Циммермаиа: Вмѣшательство и призиаиіе въ международиомъ правѣ, Пламя, Прага, 1926, особ. стр. 88 и слѣд. Въ обѣихъ книгахъ обширпая библіографія.

нія. «Нашимъ принципамъ содѣйствуетъ», писалъ великій законодатель заокеанской демократіи, «признаніе *законнымъ* (rightful) любого правительства, которое создано *волей народа, опредѣленно выраженной*. Поэтому и всякое измѣненіе его, призведенное волей націи, *опредѣленно выраженной*, будетъ также, безъ сомнѣнія, признано». Въ другомъ письмѣ (декабрь, 1792 года) Джефферсонъ говорилъ, развивая подробнѣе свой тезисъ: «Мы, разумѣется, не можемъ отказать другимъ народамъ въ признаніи того принципа, на которомъ основано наше собственное правительство: а именно, что всякая нація имѣетъ право управляться сама въ какихъ хочетъ формахъ, мѣнять эти формы по своему желанію и вести внѣшнія дѣла съ другими народами черезъ какой угодно органъ: короля, конвентъ, собраніе, комитетъ, президента и т. д. *Единственно, что существенно, это воля націи*» *).

Оговорку объ «опредѣленномъ выраженіи» народной воли — т. е., очевидно, опредѣленной *формѣ* ея выраженія—Соединеннымъ Штатамъ пришлось развить, когда Европа захотѣла вмѣшаться въ американскія дѣла, а затѣмъ — когда они сами оказались въ положеніи легитимной власти, угрожаемой узурпаторомъ. Первое случилось во время борьбы южно и центрально - американскихъ государствъ за независимость и возникновенія доктрины Мунро; второе во время отложенія южныхъ штатовъ и гражданской войны 1860 годовъ. *Не всякая революція* даетъ право на признаніе, утверждали они теперь. Чтобы быть законнымъ, утверждалъ Мунро въ своей деклараціи 1822 г., въ противовѣсъ точкѣ зрѣнія легитимизма, выставленной священымъ союзомъ, — *правительство должно основываться на согласіи управляемыхъ* **). Позднѣе по поводу революцій въ Перу, быстро смѣнявшихъ другъ друга, Сюардъ писалъ отъ имени государственнаго департамента въ 1866 - омъ году: «революцій въ республиканскихъ государствахъ нельзя признавать, пока народъ не принялъ ихъ *органическимъ закономъ въ торжественной обстановкѣ*, что представлялось бы достаточнымъ, чтобы гарантировать ихъ устойчивость и прочность». Мы не отрицаемъ, писалъ Сюардъ черезъ годъ, «права націй измѣнять хотя бы и силой республиканскую конституцію. Все, чего мы требуемъ, — это, чтобы новое правительство было санкціонировано *формальнымъ* согла-

*) См. Goebel, глава IV: Jefferson and the establishment of the Recognition Doctrine, 97-114.

**) См. Циммерманъ, 106-113. Goebel, 135-136.

сіемъ народа». На этомъ основаніи Соединенные Штаты отказали въ признаніи правительству Перу. То же ученіе они послѣдовательно примѣняли къ Перу, Бразиліи, Чили, Венесуэлѣ и Экуадору въ 1885, 1889, 1891, 1892, 1895 годахъ. Ту же доктрину примѣнилъ, наконецъ, и Вудро Вильсонъ въ своемъ посланіи конгрессу 22 января 1917 года (I am proposing government by the cousent of the governed)—и въ своемъ привѣтствіи совѣтскому съѣзду, когда полагалъ, что совѣтская власть удовлетворяетъ этому условію. Ту же доктрину примѣняли Соед. Штаты, отказывая совѣтской власти въ признаніи, когда убѣдились, что эта власть не можетъ считаться признанной народомъ*).

На европейскомъ континентѣ мы не встрѣчаемъ столь же послѣдовательнаго примѣненія той же доктрины**). Однако, слѣды пониманія ея имѣются и здѣсь. Напр., третейское рѣшеніе швейцарскаго федеральнаго суда, установивъ, что «каждый отказъ признать правительство изъ за его формы или его происхожденія долженъ считаться свего рода интервенціей», признало и то, что для введенія правительства въ интернаціональную семью необходимо, чтобы оно удовлетворяло извѣстнымъ условіямъ, а именно: 1) имѣло бы *право* дѣйствовать законно, съ согласія народа, выраженнаго или плебисцитомъ или фактомъ молчаливаго подчиненія новой власти безъ протеста, 2) гарантировало бы законный порядокъ, судъ и безопасность иностранцамъ, 3) защищало бы пріобрѣтенныя права, въ томъ числѣ и частную собственость, провозглашенную декларацией правъ человѣка и гражданина 1789 года (берлинскій актъ 26 февраля 1885 года) и 4) признавало бы международное право и не вмѣшивалось бы во внутреннія дѣла другихъ государствъ.

Совершенно очевидно, что ни одному изъ поставленныхъ здѣсь условій совѣтская власть не удовлетворяетъ. Тѣмъ не менѣе, ея настойчивыя хлопоты о признаніи де-юре встрѣтили сочувствіе среди европейскихъ державъ, удовлетворившихся принципомъ, что «каждая нація вправѣ имѣть то правительство и тотъ режимъ, которые хочетъ», и не входившихъ въ разборъ вопроса, дѣйствительно ли русскій народъ хочетъ своего прави-

---

*) См. Goebel глава VII, Civil War and Reaction и глава VIII. Developmants since 1865, особенно стр. 199, 202, 208. Циммерманъ, 164 - 167.

**) Разборъ различныхъ доктринъ о признаніи см. въ послѣдней части книги Циммермана (отдѣлъ V).

тельства и гдѣ доказательства, что онъ свободно выбралъ его и ему подчиняется, хотя бы недобровольно. Гораздо чувствительнѣе были державы къ требованіямъ, касающимся признанія и охраны правъ иностранцевъ. И особенную чувствительность правительства обнаружили къ вопросу о невмѣшательствѣ большевиковъ въ ихъ внутреннія дѣла. Но ставить эти отдѣльныя требованія и игнорировать самое существо режима, который дѣлалъ ихъ неисполнимыми, — это было такое противорѣчіе, которое при всякой попыткѣ ближе подойти къ большевикамъ неизбѣжно вскрывалось. Попытка игнорировать это глубокое противорѣчіе въ началѣ переговоровъ, обыкновенно, мстила за себя въ концѣ, и политическіе дѣятели, пытавшіеся закрыть глаза на это противорѣчіе, были наказаны крушеніемъ ихъ примирительныхъ попытокъ и ущербомъ для ихъ собственной политической репутаціи.

По ироніи исторіи, 1924-ый годъ — годъ наибольшаго развитія активности и наибольшей непримиримости коминтерна, оказался годомъ признаній совѣтской власти и наиболѣе доброжелательнаго къ ней отношенія. Предсказывая это въ своей новогодней статьѣ 1-го января 1924 года чехо-словацкій министръ Бенешъ тутъ же поставилъ вопросъ: «будетъ ли признаніемъ де-юре разрѣшена русская проблема?». Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, настоящія трудности русской проблемы — политическія, хозяйственныя, финансовыя, — только тогда серьезно начнутся». Бенешъ оказался пророкомъ*).

Вопросъ о признаніи де-юре былъ поставленъ на очередь въ ноябрѣ 1923 года — одновременно въ римской палатѣ депутатовъ Муссолини и въ англійскомъ предвыборномъ манифестѣ рабочей партіи. Это совпаденіе какъ бы символически обозначало, что въ данномъ вопросѣ идея лѣвыхъ круговъ Европы сочетается съ весьма практическимъ и реальнымъ интересомъ. 3-го декабря 1923 года Соединенные Штаты посланіемъ президента Кулиджа къ конгрессу поставили себя внѣ того и другого. «Наше правительство», говорилъ президентъ, «не предполагаетъ входить въ сношенія съ режимомъ особаго рода, который отказывается признать святость международныхъ обязательствъ. Я не предлагаю торго-

*) Статья Бенеша напечатана въ Prager Presse. Совѣтскій отчетъ о признаніяхъ см. въ «Годовомъ отчетѣ нар ком. по ин. дѣл. за 1924 г. III съѣзду совѣтовъ, М. 1925. (Англія 6-8, 49-58; Италія 9-13, Франція 86 и слѣд.).

вать дорогими для человѣчества правами ради торговыхъ выгодъ. Я не предлагаю сдѣлать американскіе принципы предметомъ торговли». Но «для спасенія русскаго народа» и Кулиджъ заявлялъ о своей готовности къ «самымъ широкимъ уступкамъ».

Первые оффиціальные акты признанія де юре ознаменовались не весьма идейнымъ соревнованіемъ между Италіей и Англіей на скорость. Новый британскій кабинетъ рабочей партіи, побѣдившей на выборахъ, въ первомъ же своемъ засѣданіи постановилъ признать совѣтское правительство де-юре и выполнилъ это рѣшеніе нотой 1 февраля 1924 года. Это вызвало ноту Муссолини, отъ 7-го февраля, въ которой итальянскій премьеръ спѣшилъ установить свой пріоритетъ, великодушно признанный совѣтскимъ правительствомъ въ отвѣтной нотѣ 11-го февраля. Признаніе Макдональда, однако, оказалось далеко не такимъ безусловнымъ, какъ этого требовали и ожидали въ Москвѣ отъ представителя «демократическо - пацифистской эры». Во - первыхъ, британская нота 1-го февраля признавала московскую власть правительствомъ де - юре только «тѣхъ территорій бывшей Россійской имперіи, которыя признаютъ его авторитетъ». Здѣсь, очевидно, уцѣлѣлъ обрывокъ американской доктрины, требовавшей санкціи народнаго признанія. Во - вторыхъ, нота заявляла, что есть вопросы, «тѣсно связанные съ фактомъ признанія», и что признаніе «автоматически вводитъ въ силу, согласно принятымъ правиламъ международнаго права (другая ссылка не необходимое условіе признанія), всѣ договоры, заключенные до русской революціи». Затѣмъ, Макдональдъ напоминалъ, что, несмотря на признаніе, «истинно»-дружественныя отношенія нельзя считать вполнѣ установленными, пока та или другая сторона имѣетъ основаніе подозрѣвать другую въ веденіи пропаганды, направленной противъ ея интересовъ и къ ниспроверженію ея учрежденій» (третье условіе). Насколько Макдональдъ, членъ и должностное лицо второго интернаціонала, не скрывалъ отъ себя особенностей тактики третьяго интернаціонала, видно изъ его энергическаго выраженія въ тѣ же дни, что онъ «не потерпитъ обезьяньихъ уловокъ русскихъ дипломатовъ». Бенешъ въ чешской палатѣ и Болдвинъ въ британской, 6 и 14 февраля, напомнили, что признаніе не вызывается никакими непосредственными матеріальными выгодами. «Тѣ, кто только въ хозяйственныхъ интересахъ ищутъ обоснованія для признанія», говорилъ чешскій министръ иностранныхъ дѣлъ, «ошибутся. Замѣтныхъ хозяйственныхъ результатовъ нельзя ожидать въ Рос-

сіи на долгое время. Говорить, что кто - нибудь можетъ придти слишкомъ поздно, неправильно». А Болдвинъ говорилъ: «называйте г. Ходгсона посломъ, архимандритомъ или какъ угодно, но торговли не будетъ, если не будетъ увѣренности, что за товары заплатятъ и дадутъ правовую защиту. Германцы признали совѣты, но.... со свойственной имъ прямотой они принуждены признать, что усилія ихъ ни къ чему не привели, — и они уходятъ».

Лѣвое крыло рабочей партіи было крайне обезпокоено тѣми оговорками, которыя сдѣлалъ Макдональдъ, и недовольно его медлительностью. Уже 13-го февраля Макдональдъ былъ принужденъ оговориться въ палатѣ общинъ, что его признаніе было *безусловнымъ*. Соотвѣтственныя объясненія были даны и въ Москвѣ. «Слово де-юре непонятно обывателю», объяснялся Макдональдъ въ «Дэли Диспатчъ», «но если совѣты придаютъ ему важность, то онъ готовъ подписаться подъ нимъ». Къ этому двусмысленному подтвержденію Макдональдъ присоединилъ длинный списокъ пунктовъ, по которымъ еще предстоитъ сговориться съ совѣтскимъ правительствомъ. На это Чичеринъ далъ 9-го февраля немедленный отвѣтъ о предѣлахъ совѣтскихъ уступокъ. «Пусть Макдональдъ не заблуждается», говорилъ Чичеринъ, подтверждая ту генуэзскую позицію, которую, какъ мы знаемъ, Зиновьевъ готовъ былъ еще усилить: «онъ натолкнется на непреклонную твердость совѣтскаго правительства въ вопросѣ о долгахъ и о національзированныхъ имуществахъ. Правительство Макдональда знаетъ, что мы сохранимъ *принципіальныя* позиціи въ нашей внѣшней политикѣ. Восточная политика С. С. С. Р. основывается на принципахъ нашей общей политики (это отвѣтъ на требованіе не вести пропаганду въ Азіи). Въ области экономической правительство Макдональда знаетъ, какое важное значеніе мы придаемъ кредиту». Здѣсь въ немногихъ словахъ — цѣлая инструкція, какъ Раковскій долженъ былъ говорить съ Макдональдомъ. А коминтернъ въ эти самые дни призывалъ рабочихъ требовать въ массовыхъ демонстраціяхъ полной независимости Ирландіи, Египта и Индіи... Нѣсколько позднѣе, въ началѣ марта, исполнительный комитетъ коминтерна посылаетъ въ Лондонъ инструкцію (напечатанную въ «Дэйли Телеграфъ»), согласно которой всѣ коммунистическія секціи, въ особенности секція пропаганды въ Западной Европѣ, въ виду предстоящихъ стачекъ въ Англіи, приглашаются помочь британскимъ товарищамъ, такъ какъ «Британія полна броженіемъ, и объединеніе всѣхъ революціонныхъ элементовъ можетъ

дать внезапный и неожиданный результатъ». «Комитетъ дѣйствія» полагаетъ, что долгъ всѣхъ активныхъ группъ, идущихъ подъ знаменемъ коминтерна, помочь революціонному броженію въ Британіи всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами». Мы знаемъ, впрочемъ, что «21 пунктъ» второго конгресса формально обязывалъ коммунистическіе филіалы къ этому поведенію.

Совѣтская делегація для веденія переговоровъ, подъ предсѣдательствомъ назначеннаго chargé d'affaires Раковскаго, пріѣхала только въ апрѣлѣ. 14 апрѣля состоялось первое засѣданіе англо - совѣтской конференціи. Въ тотъ же день появилось замѣчательное заявленіе крупныхъ банкировъ лондонскаго City объ условіяхъ, при выполненіи которыхъ совѣтская власть можетъ найти деньги въ Англіи. Дѣловымъ языкомъ, безъ малѣйшей аффектаціи, банкиры устанавливали элементарныя условія возстановленія довѣрія: уваженіе къ собственности, гарантія независимаго суда, свобода частной торговли и т. д. Было ясно, что эти предложенія для большевиковъ непріемлемы. И уже 20 апрѣля въ «Правдѣ» появилась рѣчь Зиновьева передъ желѣзнодорожнымъ съѣздомъ въ Москвѣ, въ которой заявлялось, что если этотъ «клочокъ бумаги» (заявленіе банкировъ) принять всерьезъ, то можно уже сразу сказать, что англо - совѣтская конференція осуждена на неудачу. «Предъявленныя къ намъ требованія сводятся къ перемѣнѣ режима»... «Мы не для того боролись нѣсколько лѣтъ съ иностранной буржуазіей, чтобы перемѣнить правительство по приказу полудюжины банкировъ». Дальше доказывалось, что совѣтская Россія — самое безопасное мѣсто для помѣщенія капиталовъ, потому что въ ней соціальная революція уже произошла, тогда какъ всѣ другія страны находятся «болѣе или менѣе, наканунѣ революціи»... «Если настоящее рабочее правительство образуется въ Англіи, тогда, конечно, ихъ дѣла погибнутъ и капиталы взлетятъ на воздухъ. Рискъ остается, и даже гарантія третьяго интернаціонала ничего тутъ не можетъ подѣлать». «Мало того», прибавлялъ Зиновьевъ: «мнѣ извѣстно, что не только третій интернаціоналъ не можетъ гарантировать, что не будетъ революціи, но онъ готовъ гарантировать прямо противоположное». Подобныя штуки, очевидно, не могли развязать британскихъ кошельковъ, и конференція дѣйствительно съ самаго начала была осуждена на провалъ. Но съ другой стороны, она не могла провалиться, потому что этотъ провалъ грозилъ проваломъ и рабочему кабинету Макдональда. Въ итогѣ,

почти въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мы присутствуемъ при топтаньи на мѣстѣ, и только толчки извнѣ, со стороны лѣваго крыла рабочей партіи кое - какъ доводятъ фиктивные переговоры до столь же фиктивнаго соглашенія.

Оффиціальные отчеты о засѣданіяхъ 15, 20, 27 мая даютъ именно картину топтанья на мѣстѣ. Признайте долги, говорятъ англичане. Хорошо, отвѣчаютъ большевики, только не требуйте немедленной уплаты, скиньте проценты и убавьте сумму: тогда мы будемъ платить... изъ займа, который отъ васъ получимъ. Но мы не можемъ дать вамъ займа. — Тогда гарантируйте парламентскимъ рѣшеніемъ уплату процентовъ по займу. — Не можемъ и этого. — Убавьте сумму долга и процентовъ. — Тоже не можемъ, но отдѣлите вопросъ о довоенныхъ долгахъ отъ вопроса о частныхъ убыткахъ. — Мы уже вступили въ переговоры съ владѣльцами націонализированныхъ предпріятій о концессіяхъ, отвѣчаютъ большевики. — А какъ же съ остальными претензіями? — Обозначимъ круглую цифру (10 милліоновъ фунтовъ, вмѣсто 80, съ уплатой изъ доходовъ отъ концессій, собственникамъ предпріятій; 6 милліоновъ фунтовъ, вмѣсто 40 — владѣльцамъ бумагъ; пять милліоновъ фунтовъ за убытки съ разсрочкой на двадцать лѣтъ: эти цифры приводилъ Стиль Мэтландъ во время преній въ палатѣ общинъ).

На 5-ое іюня назначено было очередное собраніе конференціи, но за невозможностью сговориться оно было отложено безъ назначенія срока. Топтаніе на мѣстѣ надоѣло даже и комиссіи рабочаго кабинета. Раковскій въ «Обзерверѣ» обвинялъ въ неуступчивости англійское правительство. Ожидался пріѣздъ Литвинова. Но Литвиновъ пріѣхалъ и уѣхалъ, не выведя конференціи изъ тупика. Потомъ слеталъ спѣшно въ Москву Раковскій — не то, чтобы привезти оттуда уступки, не то, чтобы привезти ультиматумъ Макдональду. Надо было спѣшить, чтобы выяснить вопросъ передъ роспускомъ палаты на каникулы. Вотъ почему 5-го августа состоялось, наконецъ, рѣшительное засѣданіе. Послѣ девятнадцатичасового засѣданія, закончившагося утромъ на слѣдующій день, обѣ стороны признали, что соглашеніе невозможно: англичане не хотятъ гарантировать займа, а большевики не хотятъ платить долговъ и убытковъ. О разрывѣ конференціи было сообщено и въ печати. Но тутъ около провалившейся конференціи начинается усиленная возня лѣвыхъ депутатовъ, находящихся въ связи съ большевиками. Макдональда поднимаютъ съ по-

стели, ему грозятъ разрушить его собственный кабинетъ, если онъ не сдастся. Угрозы подѣйствовали. Послѣ совѣщанія рабочихъ депутатовъ съ совѣтскими представителями, Макдональдъ рано утромъ разсылаетъ сообщеніе, что конференція не кончена. Все утро 6-го августа проходитъ въ торговлѣ съ Понсонби о примирительной формулѣ. Наконецъ, послѣ полудня формула найдена, немедленно собрано засѣданіе конференціи, рѣшены всѣ спорные вопросы, а вечеромъ, при аплодисментахъ рабочей фракціи и среди насмѣшливыхъ возгласовъ обѣихъ оппозиціонныхъ партій, Понсонби защищаетъ въ палатѣ договоръ, текстъ котораго ей неизвѣстенъ.

Каково содержаніе этихъ странныхъ двухъ договоровъ, подписанныхъ 8 августа? Если нельзя ни о чемъ сговориться съ совѣтскими делегатами, рабочее правительство сдѣлало, что могло: оно заключило договоръ *о заключеніи договора въ будущемъ*, послѣ того, какъ всѣ нерѣшенные вопросы будутъ рѣшены, причемъ этотъ договоръ войдетъ въ силу лишь послѣ того, какъ парламентъ гарантируетъ уплату процентовъ по займу. Къ числу же нерѣшенныхъ вопросовъ пришлось отнести: взаимныя претензіи англичанъ объ уплатѣ военныхъ долговъ и большевиковъ — объ уплатѣ за убытки по интервенціи; соглашеніе большевиковъ, по крайней мѣрѣ, съ половиной кредиторовъ; опредѣленіе суммъ вознагражденія владѣльцевъ бумагъ и мелкихъ претензій; размѣръ займа, его условія, его предназначеніе и т. д. За то признана была въ договорѣ монополія внѣшней торговли и иммунитетъ нѣкотораго количества служащихъ совѣтской торговой миссіи. Съ британской стороны была сдѣлана попытка построже опредѣлить понятіе пропаганды, распространивъ запрещеніе вести пропаганду на «организаціи, получающія финансовую помощь отъ правительства» (подразумѣвается, конечно, коминтернъ).

Члены обѣихъ палатъ 6 и 7 августа разбили впрахъ эту «поддѣлку — подъ договоры, — a fake — по выраженію Ллойдъ Джорджа, и заявили, что парламентъ никогда не дастъ той гарантіи займа, въ которой самъ Макдональдъ отказывалъ большевикамъ еще 18 іюня. Макдональдъ пробовалъ заявлять, что парламентъ свободенъ въ своемъ рѣшеніи и что онъ, Макдональдъ, вовсе не стоитъ за каждую букву договора. По существу онъ въ этотъ день, 8 августа, связалъ съ совѣтскими договорами самое существованіе кабинета и предрѣшилъ его паденіе.

Положеніе еще осложнилось тѣмъ, что въ тѣ же дни, когда лѣвое крыло рабочей партіи оказывало давленіе на Макдональда для подписанія договора, оно повліяло также на правительство въ отправленіи правосудія. Подъ давленіемъ рабочихъ депутатовъ на правительство, а правительства на судебную власть, было прекращено судебное преслѣдованіе противъ редактора коммунистической газеты the Workers Weekly, Кемпбеля, за прямой призывъ солдатъ къ возстанію.

Послѣдствія извѣстны. Дѣло Кемпбеля и англо - совѣтскій договоръ сдѣлались предметомъ оживленной агитаціи противъ рабочаго кабинета, и уже въ концѣ сентября Макдональдъ увидѣлъ, что заемъ не будетъ ратификованъ палатой и что ему придется на этомъ вопросѣ распустить палату и сдѣлать новые выборы. Кризисъ и разыгрался въ засѣданіяхъ палаты 8 и 9 октября, причемъ вотумъ недовѣрія оппозиціоннаго большинства палаты былъ связанъ именно съ дѣломъ Кемпбеля. Выборы были назначены на 29 октября, а 24 октября появилось въ печати знаменитое письмо Зиновьева — секретная инструкція коминтерна британской коммунистической партіи. Коминтернъ еще разъ вмѣшался въ работу совѣтской дипломатіи, — и на этотъ разъ съ тѣмъ результатомъ, что, по признанію рабочаго депутата Клайнса, «сотни тысячъ голосовъ» перешли на сторону противниковъ рабочаго кабинета. Собственно, послѣ всего, что сказано выше о 21 пунктѣ, объ инструкціи о ячейкахъ, 14-го сентября 1921 года, и о настроеніи коминтерна въ 1924 году, въ инструкціи Зиновьева мы не найдемъ ничего новаго. Въ ней говорится, что «вооруженному возстанію должна предшествовать борьба противъ уклона къ компромиссу, характернаго для большинства англійскихъ рабочихъ, противъ идей эволюціи и мирнаго преодолѣнія капитализма. Лишь по завершеніи этой борьбы возможенъ успѣхъ вооруженнаго возстанія». Но рядомъ съ этой основной позиціей коминтерна тутъ же развивается и дополнительная Зиновьевская идея, что возстаніе все-таки возможно въ любую минуту и что къ нему надо готовиться. Надежды, какъ мы знаемъ, прежде всего, переносятся съ Европы на колоніи. «Въ Ирландіи и въ колоніяхъ», говоритъ Зиновьевская инструкція, «дѣло стоитъ иначе. Тамъ остро стоитъ національный вопросъ. Можно воспользоваться этой почвой и не тратить времени на продолжительную подготовку рабочаго класса». Еще далѣе Зиновьевское нетерпѣніе, тоже намъ извѣстное, врыва-

ется уже и въ область классической основной конструкціи. «Но даже и въ Англіи и въ другихъ странахъ», продолжаетъ инструкція, «гдѣ рабочіе политически развиты, сами событія могутъ быстрѣе революціонизировать массы, чѣмъ пропаганда. Напримѣръ, забастовочное движеніе (мы помнимъ инструкцію, напечатанную «Дэйли Телеграфъ»), репрессіи правительства». И инструкція настойчиво требуетъ, въ предвидѣніи этихъ возможностей, усиленія агитаціи въ британской арміи и флотѣ. Рекомендуется «имѣть ячейки во всѣхъ центрахъ, а также на аммуниціонныхъ заводахъ и на военныхъ складахъ». Далѣе повторяется прямое указаніе одного изъ 21 пунктовъ. «Въ случаѣ угрозы войны, можно будетъ, при содѣйствіи транспортныхъ рабочихъ, парализовать всѣ военныя подготовленія буржуазіи и превратить имперіалистическую войну въ классовую». Повторяется и то утвержденіе пятаго конгресса, что «буржуазія ищетъ новой войны», и рекомендуется пригласить военныхъ спеціалистовъ, придавъ имъ «наиболѣе энергичныхъ и способныхъ людей» изъ коммунистическихъ ячеекъ, чтобы сформировать «оперативный органъ военной секціи» и приготовить такимъ образомъ «будущихъ руководителей британской красной арміи». «Не откладывайте этого до будущаго момента», внушаетъ глава коминтерна: «онъ можетъ быть чреватъ событіями, которыя застанутъ васъ врасплохъ». Одновременно съ этимъ вѣскимъ документомъ была опубликована 24 октября нота британскаго правительства Раковскому, подписанная чиновникомъ вѣдомства Грегори, но просмотрѣнная, — и даже усиленная — Макдональдомъ, какъ онъ впослѣдствіи признался. Глава рабочаго кабинета вынужденъ былъ заявить совѣтскому правительству, что «никакое правительство не потерпитъ такого соглашенія съ иностраннымъ правительствомъ, при которомъ въ то же самое время, какъ это послѣднее находится съ нимъ въ формальныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ корректнаго характера, пропагандистская организація, органически съ нимъ связанная, поощряетъ и даже приказываетъ подданнымъ первой державы устраивать заговоры и подготовлять революціи для его сверженія». На всегдашнее возраженіе, повторенное и въ этомъ случаѣ Литвиновымъ, что дипломатическое вѣдомство не отвѣтственно за дѣйствія коминтерна, британская нота отвѣчала: «всякій, кто знаетъ организацію и связи коммунистическаго интернаціонала, не усумнится въ его тѣсной связи и контактѣ съ совѣтскимъ правительствомъ».

Нѣтъ надобности удлинять наше изложеніе разсказомъ о дѣланномъ негодованіи Москвы, о протестахъ ея представителей, о цѣломъ рядѣ комиссій, занимавшихся изслѣдованіемъ вопроса о подлинности инструкціи Зиновьева, о горячихъ преніяхъ на эту тему въ палатѣ общинъ и т. д. Чистымъ результатомъ этого шума, который большевики могутъ записать въ свой активъ, было паденіе кабинета, оказавшагося въ плѣну у собственныхъ единомышленниковъ, и полный разрывъ замѣнившаго его кабинета Болдвина съ совѣтской политикой Макдональда. Но самое сильное, что сказано въ перепискѣ новаго правительства съ Раковскимъ, есть все же цитаты изъ ноты Макдональда, 24-го октября, приведенныя выше.

21-го ноября новое британское правительство опубликовало двѣ ноты. Въ первой кратко заявлялось, что «разсмотрѣвъ договоры 8-го августа,правительство,послѣ надлежащаго обсужденія ихъ,не находитъ себя въ состояніи рекомендовать упомянутые договоры для разсмотрѣнія въ парламентѣ, или представить ихъ королю для ратификаціи». Лучшимъ оправданіемъ такого рѣшенія является циническое и наглое заявленіе Литвинова, напечатанное въ «Правдѣ» и 22 октября перетелеграфированное за-границу. «Мы не были дураками, когда подписывали договоръ съ Англіей. Глупцы находятся далеко отсюда. Намъ нужны деньги и притомъ только наличными... Если товарищи внимательно вчитаются въ текстъ договора, то имъ станетъ ясно, что Англія получила удовлетвореніе своихъ требованій изъ собственныхъ средствъ. Мы изъ своего кармана ничего не заплатимъ. Мы даже не сказали, что будемъ вообще платить. Мы сказали только, что обсудимъ англійскія претензіи послѣ предоставленія намъ займа». Это было то, что въ палатѣ общинъ Стиль Мэтландъ обозначилъ живописнымъ выраженіемъ — «откусить собственный хвостъ»... На это англичане не пошли.

Вторая нота 21 ноября болѣе длинная, отвергала доказательства поддѣльности инструкціи Зиновьева и вообще отказывалась вступать въ споръ о подлинности, который рѣшался для британскаго правительства характеромъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ документъ былъ полученъ. Позднѣе, въ преніяхъ 9 - 10 декабря, министръ внтренннихъ дѣлъ Джойнсонъ Хиксъ подтвердилъ, что правительству извѣстна вся исторія документа, отъ написанія его коминтерномъ до передачи его редакціямъ лондонскихъ газетъ. Онъ прибавилъ, что угрозамъ коммунистическимъ нашествіемъ въ случаѣ незаключенія договора онъ не вѣритъ. «Пусть лучше сама совѣтская власть заявитъ: руки прочь отъ

Англіи, отъ Египта, отъ всѣхъ странъ міра подъ британскимъ управленіемъ. Пока она этого не сдѣлаетъ, съ ней не будетъ никакого договора».

Таково было послѣднее слово необыкновенной въ лѣтописяхъ дипломатіи исторіи, изложенной нами въ этомъ отдѣлѣ. Признаніе оставалось въ силѣ и послѣ денонсированія договоровъ 8 августа. Но, какъ видимъ, оно только привело къ болѣе близкому контакту, результатомъ котораго было полное охлажденіе. И не только охлажденіе. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Остенъ Чемберленъ, имѣлъ при проѣздѣ черезъ Парижъ, 4 декабря, возможность впервые поднять съ Эрріо вопросъ о совмѣстныхъ мѣрахъ самообороны противъ пропаганды большевиковъ въ азіатскихъ и африканскихъ колоніяхъ Англіи и Франціи. «Мы», заявилъ по этому поводу Эрріо прессѣ, «легко сговорились съ г. Чемберленомъ относительно необходимости подавить большевистскіе подкопы». Но тутъ мы уже выходимъ за предѣлы разсматриваемаго періода признаній, — въ новый періодъ совѣтскихъ отношеній въ Европѣ.

XIII.

Признаніе совѣтской власти Франціей. — Аналогія съ Англіей. — Роль Эрріо и де Монзи. — Неуступчивость Пуанкаре. — Положеніе мѣняется послѣ побѣды на выборахъ лѣваго картеля. — Колебанія Эрріо. — Условность ноты о признаніи. — Рѣчь Зиновьева. — Пріѣздъ Красина и Садуля. — Впечатлѣніе ревельскаго путча 1 декабря 1924 г. и агитація коммунистовъ въ Парижѣ. — Мѣры правительства. — Работа коминтерна въ концѣ 1924 г. Безплодные споры о долгахъ. — Правительство Пенлеве ведетъ иную линію.— Враждебность англійскаго правительства.

Исторія французскаго признанія совѣтской власти де - юре представляетъ много аналогій съ только что разсказанной. Тѣ же колебанія отвѣтственныхъ политиковъ, тѣ же понуканія со стороны лѣвыхъ элементовъ общественнаго мнѣнія, та же фальшивая аргументація о громадномъ мѣстѣ, занимаемомъ Россіей на земномъ шарѣ, о необходимости присутствія Россіи для возстановленія равновѣсія Европы, та же заинтересованность отдѣльныхъ лицъ, — и тѣ же вмѣшательства коминтерна въ рѣшающія минуты, съ тѣмъ же окончательнымъ выводомъ — о невозможности имѣть съ подобной властью корректныя международныя отношенія, о безполезности экономическихъ соглашеній съ режимомъ, отрицающимъ самыя основы здоровой экономической жизни, о

положительномъ вредѣ разнузданной пропаганды этой власти и ея органа, коминтерна, всюду, гдѣ есть малѣйшая возможность раздуть мѣстное недовольство.

Вплоть до 1924 г. французское правительство рѣшительно отказывалось вступить на путь соглашеній съ большевиками, какъ по принципіальнымъ, такъ и по практическимъ соображеніямъ. Только въ 1922 г. прекратились сношенія съ русскимъ посольствомъ въ Парижѣ. Всѣ старыя конвенціи и договоры оставались въ силѣ, а дѣйствія совѣтскаго правительства не признавались имѣющими какое-либо правовое значеніе. Суды признавали старые русскіе законы. Только въ области торговыхъ отношеній правительство терпѣло присутствіе (съ 1921 г.) въ Парижѣ совѣтскаго агента Скобелева, представителя лондонскаго «аркоса» (*формально* лишь частное «кооперативное» общество—All Russian Cooperative Society),который входилъ въ сношенія съ французскими торговцами и промышленниками. Но французскій судъ показалъ на дѣлѣ наслѣдниковъ Бунатьяна (12 дек. 1923), что онъ не допускаетъ торговли «крадеными» товарами*).

Первыя попытки сближенія съ совѣтской властью главныхъ сторонниковъ признанія, г. г. Эрріо и де-Монзи, относятся еще къ 1922 и 1923 годамъ. Оба дѣятеля, депутатъ и сенаторъ, побывали въ Россіи, подверглись обработкѣ совѣтскихъ властей, оба напечатали, по совѣтскимъ документамъ, статьи, а потомъ и книги, въ которыхъ представляли русскую дѣйствительность въ чрезвычайно пріукрашенномъ видѣ**) Эрріо, какъ идеалистъ, и де-Монзи, какъ реалистъ и практикъ, настаивали на необходимости сближенія: первый, чтобы обогатить и успокоить человѣчество, второй,—чтобы«не опоздать»и взять съ Россіи *то,что она можетъ дать въ минуты своей слабости.*Но ни тотъ,ни другой не рѣшались еще тогда заговорить о признаніи де-юре. Они говорили лишь о посылкѣ миссій, о «четырехъ этапахъ», долженствующихъ предшествовать признанію. При министерствѣ Пуанкарэ и на это, однако, не было никакой надежды, и вопросъ о признаніи сдѣлался частью программы оппозиціи. Въ качествѣ представителя таковой, г. де-Монзи поставилъ Пуанкарэ 10 вопросовъ, на которые министръ - президентъ отвѣтилъ 9-го апрѣля 1924 года. Въ отвѣтѣ Пуанкарэ напомнилъ, что переговоры о сближеніи уже

*) Lagarde, 113-128.
**) Herriot. La Russie Nouvelle и de-Monzie. Du Kremlin au Luxembourg (1924).

происходили (между гр. де Шевильи и Лекихъ), но они оборвались на несогласіи большевиковъ принять французскія условія, которыя были 22-го февраля 1924 года сообщены Америкѣ. Это были тѣ же условія, которыя ставились въ Каннъ, въ Генуѣ и въ Гаагѣ. Возобновленіе уплаты процентовъ по русскимъ займамъ и прямое соглашеніе съ держателями русскихъ бумагъ. Взаимный отказъ отъ требованія вознагражденія за убытки, связанные съ затяжкой войны, съ одной стороны, интервенціей, съ другой. Компенсація за національзованныя имущества иностранцевъ. Наконецъ, невмѣшательство во внутреннія дѣла и отказъ отъ агрессивныхъ дѣйствій по отношенію къ пограничнымъ странамъ. Торговля съ Россіей и теперь свободна, но предпринимателли всѣхъ національностей встрѣчаютъ въ Россіи всяческія затрудненія, а крупнѣйшіе германскіе промышленники, «создавъ въ Россіи значительныя предпріятія, принуждены были въ послѣднее время сложить свои пожитки и покинуть предѣлы Россіи».

Положеніе вопроса о признаніи измѣнилось въ результатѣ побѣды лѣваго блока на выборахъ 11-го мая 1924 года. Де-Монзи самъ разсказалъ, что для устройства предвыборнаго соглашенія между радикалами и соціалистами первые принуждены были ввести въ свою программу признаніе совѣтской власти, ибо для соціалистовъ это есть «долгъ». Однако, давъ этотъ вексель, Эрріо, уже въ качествѣ побѣдителя, не очень спѣшилъ его уплатить, — такъ же, какъ и Макдональдъ. «Я отказываюсь повиноваться международнымъ приказамъ изъ Москвы», заявилъ онъ уже 25 мая. А 17 іюня, выступая передъ палатой съ декларацій, Эрріо сдѣлалъ весьма осторожное заявленіе: «необходимо принять нѣкоторыя предосторожности, собрать информацію» и потомъ уже «установить формулу, которая должна охранить французскіе интересы». Для лѣвыхъ единомышленниковъ Эрріо этого было чересчуръ недостаточно. На Эрріо было произведено давленіе. Тридцать сенаторовъ и столько же депутатовъ, членовъ новообразованнаго общества «новой франко - русской дружбы», близкаго въ своей русской части къ большеивкамъ, обратились 20 іюля съ просьбой къ Эрріо — ускорить признаніе де-юре. Эрріо обѣщалъ заняться этимъ вопросомъ по заключеніи Лондонскаго соглашенія. Но только съ октября начала работать спеціальная комиссія для подготовки вопроса подъ предсѣдательствомъ де-Монзи. Уступая требованію большевиковъ, чтобы признаніе было безусловное, комиссія рѣшила выдѣлить оговорки и условія возобновленія

нормальныхъ отношеній въ отдѣльное отъ признанія препроводительное письмо. Однако, въ актѣ о признаніи, посланномъ 28-го октября и — случайно или не случайно — совпавшемъ съ англійскими выборами, условія эти были все-таки введены въ самый текстъ «безусловнаго» признанія. Нота оговорила и сохраненіе старыхъ договоровъ и охрану правъ французскихъ гражданъ, и сохраненіе матеріальной отвѣтственности по отношенію къ Франціи, взятой на себя Россіей съ 1914 года, наконецъ, и невмѣшательство во внутреннія дѣла. 18 ноября Эрріо объяснялъ даже комиссіи иностранныхъ дѣлъ палаты, что признаніе вызвано, помимо важности совѣтскаго рынка, также и необходимостью слѣдить за «активной политикой» совѣтовъ во французскихъ колоніяхъ и протекторатахъ. Какъ нарочно, въ подтвержденіе этой необходимости въ печати явилась выдержка изъ рѣчи Зиновьева 22 октября: «У насъ есть товарищеская связь черезъ коммунистическій интернаціоналъ», заявлялъ Зиновьевъ, «и намъ не для чего заводить другую связь... Тов. Марти въ 1919 году твердо усвоилъ, что его обязанность сказать: нѣтъ, я поверну оружіе противъ французскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ французскими рабочими... Что касается нынѣшняго французскаго правительства... какъ своихъ ушей имъ не видать расплаты по старымъ царскимъ долгамъ. Не для этого мы дѣлали революцію». Предостереженіе, какъ видимъ, достаточно вѣское.

Развивая свою линію поведенія, коминтернъ озаботился къ самому моменту пріѣзда совѣтскаго посла Красина въ Парижъ пріурочить посылку другого, своего собственнаго посла: приговореннаго французскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни за сношенія съ непріятелемъ капитана Садуля. Подъ чужимъ именемъ Садуль перебрался черезъ границу, и слухи о его пріѣздѣ въ Парижъ распространились въ парламентскихъ кругахъ наканунѣ пріѣзда Красина. 4-го декабря въ 11 часовъ утра Красинъ высадился изъ вагона на Gare du Nord, а черезъ четверть часа арестованный полиціей посолъ коминтерна былъ отведенъ въ тюрьму на ул. Cherche-Midi. Надо прибавить, что въ тѣ дни прибыли извѣстія о попыткѣ коммунистической революціи въ Эстоніи, изъ которыхъ было совершенно ясно, что Ревельскій путчъ 1-го декабря есть дѣло того же коминтерна. Собственно, еще за два мѣсяца до этой попытки документы, захваченные при арестѣ центральнаго комитета эстонскихъ коммунистовъ, обнаружили, что на 28 октября назначалось вооруженное возстаніе при участіи ча-

стей красной арміи, которая для этого должна была перейти границу и, въ случаѣ удачи, Эстонія должна была быть объявлена совѣтской республикой. На границѣ было заготовлено оружіе, а части петроградскаго гарнизона, долженствовавшія принять участіе въ возстаніи, уже съ іюля проходили спеціальный курсъ обученія подъ руководствомъ коминтерна. Аресты задержали исполненіе этого плана, но, совершенно такъ же, какъ въ Болгаріи, онъ былъ только отсроченъ. Приговоры суда надъ судившимися эстонскими коммунистами дали ближайшій толчокъ для приведенія плана въ исполненіе.

Вся эта наглядная картина, въ связи съ заявленіями въ «Юманитэ», что на очередь поставлена «большевизація» французской коммунистической партіи, и въ особенности въ связи съ поразившей парижанъ импозантной уличной демонстраціей коммунистовъ 23-го ноября, при перенесеніи тѣла Жореса, вызвала въ средѣ населенія глубокое волненіе. Подъ вліяніемъ этого настроенія даже лѣвыя правительственныя газеты перемѣнили тонъ. Такъ, органъ Эрріо, «Эръ Нувель», 5-го декабря писалъ: «мы, которые первые сказали правительству: признайте совѣты, будемъ первыми, которые потребуютъ,чтобы Эрріо вернулъ паспорта Красину». А журналъ «Котидьенъ» напечаталъ 9-го декабря полный текстъ секретной инструкціи № 128 объ образованіи ячеекъ на заводахъ, о надзорѣ за складами оружія и транспортными средствами, о спеціальныхъ курсахъ для подготовки наиболѣе способныхъ членовъ ячеекъ, о методахъ воздѣйствія на слабыя стороны человѣческой натуры для привлеченія въ составъ коммунистовъ. 6 декабря правительство рѣшилось на чрезвычайныя мѣры: полиція явилась въ школу имени Ленина въ Бобиньи, одну изъ тѣхъ, гдѣ велась подготовка дѣятелей вооруженнаго возстанія, — и захватила тамъ тетрадки слушателей, въ которыхъ не только проповѣдовался захватъ власти вооруженной рукой, не дожидаясь экономической эволюціи, но и давались указанія вродѣ слѣдующихъ: «партія должна дѣйственно и морально поддерживать марокканцевъ путемъ разложенія арміи въ Марокко. Она должна войти въ сношенія съ націоналистами Туниса и Алжира, усилить тамъ пропаганду нашей партіи» и т. д. Было выслано до полусотни иностранныхъ коммунистовъ, по преимуществу итальянцевъ. 9-го декабря по поводу этихъ мѣръ въ палатѣ депутатовъ развернулись чрезвычайно интересныя пренія, въ которыхъ соціалисты, поддерживавшіе правительство Эрріо, попытались провести грань между

собой и коммунистами, а Эррiо указалъ предѣлъ терпимости власти къ подготовкѣ революцiонныхъ выступленiй.

Такова была атмосфера, въ которой прошла первая недѣля пребыванiя совѣтскаго посла въ Парижѣ. Печать и въ ближайшiе дни не оставляла въ покоѣ новыхъ обитателей рю де Гренель и обратила особое вниманiе на дѣятельность коминтерна. Никогда, кажется, не было такого количества упоминанiй въ печати о коммунистической пропагандѣ и о мѣрахъ противъ коммунистовъ, какъ въ послѣднiя недѣли 1924 года. Мѣры противъ коммунистовъ въ Эстонiи и переговоры между пограничными съ Россiей государствами о созывѣ конференцiи для обсужденiя общихъ мѣръ противъ коммунистической опасности; поѣздка болгарскаго премьера Цанкова въ Бѣлградъ и въ Букарестъ для выработки такихъ же мѣръ противъ намѣченной на весну 1924 года коммунистической революцiи. Преслѣдованiе пограничныхъ бандъ въ Болгарiи, часть которыхъ несомнѣнно находилась въ связи съ московскими коммунистами. Арестъ въ разныхъ городахъ Румынiи 430 коммунистовъ, изобличенныхъ въ связи съ Москвой, высылка совѣтскаго представителя Краковецкаго изъ Албанiи, ликвидацiя коммунистической партiи въ Бѣлградѣ, роспускъ крестьянской партiи Радича и арестъ самого Радича за союзъ съ Москвой, открытiе отдѣленiя Мопра (Международное общество помощи рабочимъ) въ Женевѣ, имѣвшаго задачей организацiю пропаганды во французскихъ колонiяхъ, передача этому обществу для той же цѣли пяти миллiоновъ франковъ черезъ Мюнстербергера въ Берлинѣ, поворотъ въ Берлинской политикѣ, выразившiйся въ переводѣ главнаго сторонника просовѣтской политики Мальцана на постъ посла въ Вашингтонѣ, охлажденiе отношенiй къ московскимъ коммунистамъ въ Турцiи и въ Данiи и т. д. Всѣ эти факты постоянно мелькали передъ глазами читателя, отнюдь не располагая его въ пользу новаго совѣтскаго представительства въ Парижѣ, шокировавшаго къ тому же парижскихъ обывателей своимъ роскошнымъ, отнюдь не пролетарскимъ образомъ жизни.

Но все же, главная причина неудачи совѣтской миссiи въ Парижѣ была иная. Она заключалась въ коренномъ расхожденiи при дѣловой постановкѣ вопросовъ. Для одной стороны — признанiе долговъ и платежи по нимъ, удовлетворенiе держателей русскихъ бумагъ и владѣльцевъ нацiонализованныхъ предпрiятiй было conditio sine qua non соглашенiя съ совѣтской властью; а другая сторона говорила, какъ Зиновьевъ: не видать вамъ совѣтскихъ де-

негъ, какъ ушей своихъ, но всетаки, дайте намъ кредиты, и изъ вашихъ же денегъ мы часть вамъ заплатимъ. Это коренное разногласіе до пріѣзда Красина было нѣсколько затушевано Раковскимъ, который при предварительныхъ переговорахъ съ де-Монзи надавалъ всякихъ обѣщаній. Пріѣхалъ Красинъ — не генуэзскій, а гаагскій, — связанный императивными приказами Москвы, и сразу обнаружилось, что между французской и совѣтской точками зрѣнія — цѣлая бездна. Попытка устроить подъ своимъ патронажемъ объединеніе частныхъ кредиторовъ и внушить ему хитроумный планъ уплаты русскихъ долговъ изъ доходовъ отъ «смѣшанныхъ» предпріятій, орошенныхъ иностраннымъ же капиталомъ, провалилась. И де-Монзи, какъ человѣкъ весьма практическій, сразу понялъ, что поставилъ свою ставку на невѣрнаго коня. Онъ какъ-то сразу охладѣлъ къ собственной комиссіи, работа ея затормозилась, во вліятельныхъ кругахъ стали говорить, что Красинъ «не тотъ человѣкъ, который нуженъ». Съ другой стороны, то же стали говорить и въ Москвѣ, которая послѣ Красина привыкла посылать болѣе терпкій фруктъ, Литвинова. Къ концу года стало извѣстно, что Красинъ уѣзжаетъ и самъ не можетъ сказать, кто будетъ вмѣсто него вести переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ и конференція, раньше назначенная на 10 января, была отложена безъ назначенія срока.

Въ то же время совѣтская политика Эрріо, несомнѣнно, содѣйствовала паденію его авторитета. Какъ и въ паденіи Макдональда, конечно, не одна эта политика сыграла роль. Но доля ея вліянія при расшатаніи власти французскаго премьера была весьма значительной.

XIV.

1925-й годъ. Зиновьевъ переходитъ къ тактикѣ террористическихъ актовъ.—Покушеніе въ Болгаріи.—Первые успѣхи на Дальнемъ Востокѣ. — Ихъ подготовка въ Монголіи и Кантонѣ. — Связь коммунистовъ съ возстаніемъ Абдъ - эль - Крима. — Пессимизмъ Коминтерна въ первой половинѣ 1925 г. и быстрый переходъ Зиновьева отъ пессимизма къ оптимизму. — Директивы противъ Англіи и предсказаніе новой міровой войны. — Новое настроеніе во Франціи и Англіи, вызванное наступленіемъ большевиковъ.

Мы видѣли, что 1924-й годъ кончался при довольно неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ для совѣтской власти. Зиновьевскій азартъ — въ направленіи оживленія его надеждъ на революцію въ Европѣ пропалъ даромъ. Ни въ Германіи, ни въ Болгаріи, ни въ

Эстоніи революціонные замыслы большевиковъ не удались*). Тогда Зиновьевъ перешелъ было къ иной тактикѣ: обычной тактикѣ безсилія: къ тайнымъ заговорамъ и отдѣльнымъ террористическимъ актамъ. Былъ, повидимому, задуманъ цѣлый рядъ покушеній на главъ государствъ и видныхъ политическихъ дѣятелей. По крайней мѣрѣ въ печати утверждали опредѣленно, что были раскрыты и парализованы покушенія, задуманныя коммунистами противъ сербскаго короля Александра, президента чехословацкой республики Масарика сэра Остена Чемберлена.Эти сообщенія получили особенную вѣроятность, когда произошли ужасныя событія въ Болгаріи. Здѣсь сдѣлана была въ апрѣлѣ 1925 г. попытка истребить коллективнымъ террористическимъ актомъ,безпримѣрнымъ по дерзости и по размаху варварскаго замысла, сперва царя Бориса, а потомъ, на его похоронахъ, всю правящую верхушку и все военное командованіе Болгаріи, чтобы вслѣдъ затѣмъ повторить неудавшуюся раньше попытку революціоннаго взрыва. Инициатива замысла документально возводится къ спеціальной конференціи въ Баденѣ, близъ Вѣны, 29 декабря 1924 - 2 января 1925 г, на которой рѣшено, подъ руководствомъ особаго комитета Коларова (болгарскій представитель Коминтерна), Мануильскаго и Свидерскаго приступить къ «безпощадному уничтоженію агентовъ правительства Цанкова путемъ примѣненія массоваго и индивидуальнаго террора». Планъ послѣдующаго возстанія былъ подробно разработанъ совѣтскимъ генеральнымъ штабомъ. На 15 апрѣля было назначено выполненіе плана. Въ этотъ день произведено было покушеніе на царя по дорогѣ изъ Орханіе въ Софію, а когда оно не удалось, благодаря личному мужеству Бориса, то убитъ былъ ген. Георгіевъ, и на его похоронахъ взорвана адской машиной, заранѣе заготовленной на чердакѣ, часть собора, гдѣ происходило отпѣваніе. При этомъ, дѣйствительно, погибло болѣе 150 нотаблей и ранено до 200, хотя министры избѣгли гибели.Виновники покушенія были заранѣе извѣстны полиціи, такъ-же какъ и ихъ связь съ московскими коммунистами. Они были частью убиты при преслѣдованіи, частью арестованы и казнены по судебному приговору. Покушеніе, такимъ образомъ,сорвалось.Мало того,оно произвело крайне тяжелое впечатлѣніе повсюду въ Европѣ и было первымъ рѣшительнымъ

---

*) См. выше, стр. 328 - 331, 348 - 349.

поводомъ къ рѣзкому и открытому повороту по отношенію къ большевикамъ со стороны признавшихъ ихъ правительствъ*).

Въ этотъ то моментъ Зиновьевъ былъ вознагражденъ за неудачи въ Европѣ крупными удачами въ Азіи и Африкѣ. Мы знаемъ, что сюда, на Востокъ и въ колоніальныя страны, давно были устремлены надежды Москвы и Коминтерна **).

Наконецъ, въ срединѣ 1925 г. посѣянныя ими сѣмена дали первые серьезные всходы.

Надо сказать, что этотъ успѣхъ былъ заслуженный, ибо для политическаго завоеванія Азіи большевиками въ предыдущіе два года была продѣлана большая работа. Особенное вниманіе было обращено на вооруженіе Дальняго Востока. Центрами большевистской дѣятельности являются здѣсь Монголія, Восточно - Китайская дорога, возвращенная Китаемъ совѣтской Россіи, и юго - восточный Китай, особенно Кантонъ, центръ дѣятельности недавно умершаго китайскаго реформатора Сунъ - Ятъ - Сена, передъ смертью вошедшаго въ близкія отношенія съ Коминтерномъ. Монголія образовала «національную республику» въ іюнѣ 1924 г., а 3 ноября это рѣшеніе подтверждено Большимъ Хурултаномъ ***). Въ началѣ іюля 1925 г. она праздновала годовщину своей «независимости» подъ протекторатомъ совѣтской власти. Ея столица, Урга, была переименована въ Уланъ - Баторъ, т. е. «Красный Богатырь», и монгольская армія, реформированная на основѣ всеобщей воинской повинности и обучаемая въ военномъ и политическомъ отношеніи совѣтскими инструкторами, переименована въ іюнѣ 1925 г. въ Красную Народную Армію. За 1925 годъ эта армія получила отъ большевиковъ 30 орудій, 60 пулеметовъ и 5.000 винтовокъ русскаго образца. Въ связь съ этой арміей вступилъ китайскій генералъ Фенгъ - Юй - Сянъ, занявшій въ Пекинѣ опредѣленно - сочувственную позицію большевикамъ во время волненій 1925 года. Такимъ образомъ, въ Монголіи пріобрѣтенъ былъ твердый базисъ для совѣтскаго военнаго наступленія въ предѣлы Китая. Другимъ опорнымъ пунктомъ является Восточно - Китайская дорога, гдѣ красные военные спецы и политическіе работники усердно изучали театръ войны въ Манчжуріи. Наконецъ, въ тылу

---

*) О рѣшеніи Баденской конференціи см. корреспонденцію Нѣманова въ«Послѣднихъ Новостяхъ».О планѣ возстанія и о попыткѣ 15 апрѣля изложено по болгарской печати того времени.

**) См. выше. Также книгу Palmieri, La politica Asiatica dei bolscevichi, Bologna, 1924.

***) См. годовой отчетъ за 1924 г., стр. 99 и слѣд.

у владыки Мукдена, Чжань - Дзо - Лина, представляющаго консервативный элементъ Китая и связаннаго съ Японіей, велась работа военной подготовки въ Шанхаѣ и особенно въ Кантонѣ, въ окрестностяхъ котораго организована военная школа въ Вампи для подготовки коммунистическаго командованія и политическаго руководства реформируемой арміей кантонскаго праительства, провозгласившаго себя независимымъ во время тѣхъ же волненій. Въ теченіе 1925 г. въ юговосточный Китай было переброшено около тысячи лучшихъ военныхъ спеціалистовъ и политическихъ работниковъ, окончившихъ спеціальные курсы въ Москвѣ, а въ китайскіе и иностранные банки Шанхая и Кантона переведено для агитаціи и закупки оружія за 1925 г. три милліона долларовъ. Кантонская армія выдержала военное крещеніе, отбившись отъ нападенія соединенныхъ войскъ сосѣднихъ провинцій и сохранивши, подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ, самостоятельность Кантонскаго правительства, находящагося въ рукахъ лѣвой фракціи партіи гоминданъ, вошедшей въ связь съ коммунистами.

Вся эта дѣятельность развертывалась на благопріятной почвѣ общаго недовольства населенія Китая, и въ особенности ея интеллигенціи — студентовъ, иностраннымъ засиліемъ и «неравноправными договорами» иностранцевъ съ Китаемъ. Совѣтская власть давно уже объявила всѣ такіе договоры царскаго времени уничтоженными. Естественно, что эта почва и была избрана для взрыва. Начатая въ Шанхаѣ борьба за рабочій день разраслась «въ нѣсколько дней», какъ побѣдоносно заявилъ Зиновьевъ, въ борьбу за уничтоженіе договоровъ и изгнаніе иностранцевъ. Одновременно начались стачки и весьма чувствительный для англичанъ бойкотъ англійскихъ товаровъ. Методъ провокаціи, начиная съ вынужденныхъ выстрѣловъ европейской полиціи въ Шанхаѣ 30 мая и кончая запретомъ Кантонскаго правительства впускать англійскія и японскія суда въ устье рѣки, на которой расположенъ Кантонъ (18 августа), прямо былъ расчитанъ на немедленное превращеніе возстанія въ вооруженный конфликтъ и формальную войну. Одновременно въ Сиднеѣ коммунистами была устроена попытка остановить движеніе торговыхъ пароходовъ Англіи.

Сравнительно съ этимъ широкимъ размахомъ поддержка возстанія Абдъ - Эль - Крима въ Марокко имѣла второстепенное значеніе. Но благодаря поведенію французскихъ коммунистовъ и она превратилась въ яркую демонстрацію военныхъ и политическихъ методовъ Коминтерна. Всѣ распоряженія конгрессовъ Коминтерна

относительно работы въ колоніяхъ и относительно поддержки вооруженныхъ выступленій туземцевъ противъ европейцевъ были здѣсъ примѣнены въ полной мѣрѣ. Французская полиція установила прямую связь французскихъ коммунистовъ съ московскими, и было документально доказано, что деньги на поддержку Марокскаго возстанія доставляются Коминтерномъ черезъ посредство пресловутаго «глаза Москва» въ Парижѣ, Сюзанны Жиро. Пропаганда братанія войскъ, убійства офицеровъ солдатами и т. д. велась совершенно открыто. Разсчетъ на пассивность и на зависимость лѣваго правительства отъ соціалистовъ, на моральную поддержку соціалистовъ, въ видѣ требованія немедленнаго мира съ Абдель - Кримомъ, объявленія цѣлей войны и т. д., былъ также совершенно очевиденъ.

Какое дѣйствіе эти движенія въ Китаѣ и въ Марокко оказали въ Москвѣ, видно изъ сопоставленія того, что говорилось большевистскими вождями непосредственно передъ ними — и послѣ выясненія ихъ удачи. Въ маѣ и даже въ іюнѣ еще слышатся унылые отголоски разочарованія въ ходѣ міровой революціи, вызванпаго отмѣченными выше неудачами. Зиновьевъ уже нѣсколько разъ принужденъ былъ признать «стабилизацію капитализма» въ Европѣ и то обстоятельство, что непосредственная «революціонная конъюнктура» миновала. Въ концѣ марта, на засѣданіи расширеннаго пленума Испол. Ком. Коминтерна онъ принужденъ былъ ограничить свой оптимизмъ утвержденіемъ, что «въ рядѣ странъ повѣяло свѣжей струей», въ доказательство чего могъ привести только -- смѣлое поведеніе коммунистовъ «на судебныхъ процессахъ и въ тюрьмахъ». 23 мая на публичномъ докладѣ Бухаринъ еще повторялъ, что «съ осенняго пораженія германскаго пролетаріата въ 1923 г. революціонная кривая понижается», что со стороны европейскихъ державъ началось наступленіе на коммунизмъ и «буржуазія всѣхъ странъ сговаривается насчетъ объединенныхъ мѣропріятій противъ большевистской опасности».Но онъ уже выражалъ надежду, что «если будетъ хорошій урожай», то положеніе перемѣнится, — и даже приписывалъ этому ожиданію то обстоятельство, что «буржуазія торопится» съ интервенціей. Наконецъ, и тезисы XIV партійной конференціи «о задачахъ коминтерна» (начало іюня) еще занимаются меланхолическими размышленіями по поводу «стабилизаціи капитализма и замедленія международной революціи». Конференція утѣшала себя тѣмъ, что, хотя «прямая революція» невозможна, и «непосредственно - революціонная си-

туація» миновала, но все же остается «революціонная ситуація вообще», которая можетъ перейти опять въ «непосредственную» и въ «прямую», какъ то было послѣ революціи 1905 года. Тутъ мы находимъ безконечныя выписки изъ сочиненій Ленина по вопросу о «длительной затяжкѣ», о необходимости въ этомъ случаѣ «продержаться и упрочиться на долгій періодъ», о возможности или невозможности для «отсталой России» «побѣдонсно завершить соціалистическую революцію», если всѣ окружающія страны остаются «капиталистическими и имперіалистическими». На досугѣ даже ведется споръ съ «троцкизмомъ», о томъ, «какова должна быть тактика «въ періодъ замедленія международной революціи». Очевидно, тактика уступокъ внутреннимъ силамъ, возрождавшимся въ Россіи*), — тактика первой половины 1925 г., диктовалась именно всѣми этими теоретическими и практическими соображеніями.

Однако, «уклонъ къ пассивности» и «къ національной ограниченности», котораго боялась РКП въ тезисахъ начала іюня, быстро прошелъ,какъ только выяснился размахъ событій въ Китаѣ.11 іюня, на митингѣ въ Москвѣ, Зиновьевъ уже торжествуетъ «репетицію великихъ потрясеній, которыя, несомнѣнно, въ будущемъ произойдутъ въ грандіозномъ масштабѣ». Онъ вспоминаетъ тутъ предсказанія Ленина, что «не то въ 1925 г., не то въ 1928 г. слѣдуетъ ожидать новой большой міровой бойни, которая будетъ стоить человѣчеству въ 5-10 разъ больше жертвъ,чѣмъ война 1914-1918 гг.» Онъ выдаетъ себя заявленіями о «потребности вооруженія китайскихъ рабочихъ» и надеждой, что «не можетъ быть, чтобы не раздалось отвѣтныхъ выстрѣловъ». Подъ вліяніемъ вѣстей съ Востока, онъ быстро сбрасываетъ съ себя остатки смущенія и утверждаетъ, что «оцѣнка Исп.Ком.Коминтерна была вѣрна».Правда, «мы говорили, что на Западѣ движеніе идетъ медленно; зато на Востокѣ оно развивается быстрѣе». «Мы на Востокѣ возмѣщаемъ сторицей упадокъ въ европейскихъ странахъ, и... вообще не можемъ жаловаться на монотонность міровыхъ событій». Тогда же Зиновьевъ пишетъ (7 іюня) статью о «всемірно-историческомъ значеніи шанхайскихъ событій», гдѣ устанавливаетъ связь между возстаніемъ колоній и «ускореніемъ пролетарской революціи» въ Европѣ. И снова это самооправданіе: «правъ, тысячу разъ правъ пленумъ Исп. Ком. Коминтерна, когда онъ предвидѣлъ измѣненіе маршрута

*) См. о нихъ въ концѣ третьяго тома этого сочиненія.

міровой революціи»... «Прошло немного недѣль, какъ Коминтернъ произнесъ слово «стабилизація»... и событія наглядно показали, насколько она относительна». Нѣтъ больше сомнѣній: «капитализмъ обреченъ», — и Зиновьевъ ждетъ немедленной «переклички между колоніями и пролетаріатомъ Лондона, Нью-Іорка, Токіо, Парижа»... Красныя газеты заполняются подробнѣйшими реляціями о событіяхъ въ Китаѣ, и одновременно съ этимъ принимаютъ угрожающій тонъ по отношенію къ Англіи, разоблачая ея политику — вооружить и возстановить противъ С.С.С.Р. «лимитрофы». Тщательно отмѣчается, что эстонская и латвійская арміи перешли на англійскую систему вооруженія, «разсчитанную на постоянное снабженіе англійскими военными матеріалами», комментируется появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, «не по соображеніямъ этикета», приводятся толки печати, что конференція балтійскихъ государствъ въ августѣ займется «вопросомъ о совмѣстныхъ военныхъ вооруженіяхъ» на случай нападенія иностранной державы, обсуждается вопросъ объ англійской «политикѣ окруженія Москвы враждебнымъ кольцомъ отъ Балтійскаго до Чернаго моря, о «возможности экономической блокады СССР» и т. д. Годовщина 4 августа 1914 г. вызываетъ передовицы въ «Извѣстіяхъ» и въ «Правдѣ» о «поготовкѣ новой имперіалистической бойни», о «грядущей войнѣ, къ которой капитализмъ катится съ неизбѣжностью рока» и, въ частности,«о возобновленіи войны противъ СССР».«Во всѣхъ странахъ военныя клики берутъ верхъ... Акціи военной интервенціи противъ СССР стали снова котироваться... Ожили черные планы отгородить совѣтскій союзъ отъ цивилизованнаго міра колючей проволокой» и т. д.

Надо признать, что всѣ эти крики получили нѣкоторое подтвержденье въ томъ новомъ настроеніи Англіи и Франціи, которое было вызвано событіями въ Азіи и въ Марокко и прямымъ участіемъ въ этихъ событіяхъ московскаго коминтерна — или, что то же — московскаго правительства. Мы видѣли, что въ маѣ и въ іюнѣ 1925 года разыгралось выступленіе племенъ Рифа противъ фрнцузской территоріи въ Марокко, и мѣстные коммунисты. въ несомнѣнной связи съ Москвой, попробовали примѣнить къ французской арміи въ Марокко тѣ самые пріемы разложенія, которые такъ удачно были испробованы большевиками въ Россіи. Эта позиція коммунистовъ была притомъ открыто защищаема въ палатѣ депутатомъ Доріо, уличеннымъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ.

Наслѣдникъ Эрріо во власти, Поль Пенлевэ, хотя и вѣрный лѣвому картелю и «мандату» избирателей 11 мая 1924 года, вынужденъ былъ повести другую линію по отношенію къ коммунистамъ. Онъ самъ слеталъ на аэропланѣ въ Марокко (9-15 іюня), твердо сталъ на національную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ, и обличилъ работу коммунистовъ. Насколько французское общественное мнѣніе, въ особенности, конечно, консервативное, было раздражено всѣми этими фактами, видно, напримѣръ, изъ того, что въ іюльской книжкѣ Revue de deux Mondes появилась статья адмирала Дегуи, въ которой рекомендовалась общеевропейская экзекуція противъ совѣтской власти,—съ вознагражденіемъ участниковъ территоріями за счетъ Россіи. Съ своей стороны, и Англія была близко затронута движеніемъ противъ иностранцевъ въ Китаѣ, начавшимся послѣ столкновенія въ Шанхаѣ 30 мая и развернувшимся въ цѣлый рядъ стачекъ и въ бойкотъ англійскихъ товаровъ при прямомъ содѣйствіи московскихъ коммунистовъ. Успѣхъ ихъ въ томъ и другомъ случаѣ, конечно, объясняется тѣмъ, что оба движенія происходили не на соціальной, а на національной почвѣ. Но тѣмъ они были опаснѣе для метрополій. 27 іюня министръ по дѣламъ Индіи лордъ Беркенхэдъ заявилъ въ англійской палатѣ общинъ, что, согласно заявленію Чемберлена, волненія въ Китаѣ поддерживаются агентами иностранной державы, и что, наконецъ, «наступитъ время, когда англичане спросятъ себя, не слѣдуетъ ли дать отпоръ странѣ, имѣющей въ Лондонѣ свое дипломатическое представительство, но стремящейся, по признанію собственныхъ вождей,разрушить британскую имперію путемъ тайной дѣятельности во всемъ мірѣ». А 2 іюля самъ Чемберленъ призналъ въ палатѣ, что рѣчь Беркенхэда была произнесена съ вѣдома кабинета и что подъ иностранной державой, мутящей Китай, разумѣлась совѣтская власть. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Джойнсонъ Хиксъ, говорилъ, что онъ охотно принялъ бы мѣры противъ московской пропаганды, но не хочетъ «опережать общественнаго мнѣнія».

Въ концѣ сентября и началѣ октября 1925 г. признаки этого мнѣнія обнаружились достаточно явственно. Статьи д-ра Шадвеля въ «Таймсѣ» обратили вниманіе на возросшую опасность дѣятельной коммунистической пропаганды въ промышленныхъ районахъ Англіи, — пропаганды, тѣсно связанной съ Москвой и съ московской доктриной. Эта пропаганда, питающаяся застоемъ въ торговлѣ и безработицей, не грозитъ революціей, но питаетъ револю-

ціонныя настроенія, которыя выльются въ серьезные безпорядки при общей стачкѣ. Наблюденія Шадвеля иллюстрировались конгрессомъ тредъ-юніоновъ въ Скарборо (9-10 сентября). Томскій, представитель совѣтскихъ профессіональныхъ союзовъ и защитникъ «единаго фронта», заявлялъ здѣсь, что большевики вовсе «не скрываютъ» своихъ идей, во имя которыхъ они «освободили отъ тяжести собственности» русскихъ «капиталистовъ, банкировъ, предпринимателей и землевладѣльцевъ», — и что именно для этой цѣли они стремятся къ созданію единаго рабочаго интернаціонала. Конгрессъ принялъ 2.456.000 голосами противъ 1.218.000 «революціонную» резолюцію, осуждающую участіе рабочихъ въ предпріятіяхъ („copartnership") и призывающую къ организаціи рабочаго класса для «низверженія» капитализма. Зато на конференціи рабочей партіи въ Ливерпулѣ (29-30 сентября) лидеры коммунистическаго движенія потерпѣли жестокое пораженіе. Всѣ ихъ поправки къ резолюціямъ были отвергнуты огромнымъ большинствомъ (болѣе двухъ милліоновъ голосовъ) и подтверждено рѣшеніе прошлогодняго конгресса: не принимать коммунистовъ въ члены рабочей партіи, причемъ было еще прибавлено, что они не должны также приниматься и въ составъ провинціальныхъ и родственныхъ группъ и не должны выставляться кандидатами на выборахъ. «Парламентарная» тактика Макдональда получила общее одобреніе. Послѣ этого на съѣздѣ консервативной партіи въ Брайтонѣ раздались требованія, чтобы коммунисты были привлечены къ суду за подготовленіе возстанія. Премьеръ Болдвинъ отвѣтилъ на это (8 октября), что правительство вполнѣ понимаетъ опасность и употребитъ всю силу закона противъ попытокъ распропагандировать войска (московская пропаганда была раскрыта также во флотѣ) и вообще противъ мятежныхъ словъ и дѣйствій.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю (14 октября), семеро главныхъ лидеровъ британской коммунистической партіи и «меньшинства» профессіональныхъ союзовъ были арестованы въ ихъ главномъ штабѣ на Кингъ-Стритъ и всѣ ихъ бумаги захвачены. Часть этой корреспонденціи, свидѣтельствующая о тѣсной связи съ московскимъ интернаціоналомъ, была впослѣдствіи напечатана*). Изъ этой публикаціи можно видѣть, что британская коммунисти-

---

*) Communist Papers. Documents selected from those obtained on the arrest of the Communist Leaders on the 14 and 21 october 1925. Presented to Parliament by command of his Majesty, 1926, стр. 57, 62-63, 95-101, 75-80.

ческая партія содержалась на счетъ Москвы (въ 1924 г. ей ассигновано было 5.000 фунтовъ, въ 1925 г. 15.000 ф.) и послушно выполняла всѣ предписанія коминтерна и его пленума. Предписанія эти были здѣсь отчасти тѣ же, какъ и по отношенію къ коммунистическимъ партіямъ другихъ странъ: сюда относились правила регистраціи, организаціи (переустройства въ фабричныя «ячейки»), пропаганды, печати и т. д. Отчасти дѣлались приспособленія къ спеціальнымъ условіямъ и возможностямъ британской партіи. Такъ, напримѣръ, изъ Англіи посылались приглашенія дальневосточнымъ делегатамъ на колоніальную конференцію, велись особыя сношенія съ Индіей, Египтомъ, Палестиной, Канадой, Австраліей, Новозеландіей, велась спеціальная кампанія среди рудокоповъ, пропаганда среди восточныхъ студентовъ въ Оксфордѣ, организація мѣстной «коммунистической молодежи» и т. д. Все это, конечно, было не ново для тѣхъ, кто слѣдилъ за дѣятельностью интернаціонала; но для широкихъ круговъ, не знавшихъ, чему вѣрить: обвиненіямъ правой печати или отрицаніямъ коммунистическихъ пропагандистовъ, правительственное изданіе съ приложеніемъ многочисленныхъ факсимиле московскихъ писемъ и распоряженій имѣло, конечно, значеніе полнаго доказательства. Судъ вынесъ 24 ноября обвинительный приговоръ по всѣмъ пунктамъ обвиненія (мятежные памфлеты и рѣчи, возбужденіе войскъ къ бунту и нарушеніе «акта о возбужденіи къ бунту» 1797 г. Приговоръ: годъ заключенія въ тюрьмѣ).

Конецъ года нанесъ новый ударъ московскому интернаціоналу изъ ближайшей къ нему среды. Генеральный совѣтъ «амстердамскаго» интернаціонала профессіональныхъ союзовъ подтвердилъ 5 декабря, несмотря на усилія британскихъ друзей большевиковъ, февральское рѣшеніе — не вести переговоровъ съ представителями « краснаго интернаціонала » (т. е., въ большинствѣ, совѣтскихъ профессіональныхъ союзовъ) объ ихъ участіи на объединительной конференціи, пока они не примутъ конституціи Амстердамскаго интернаціонала (и, конечно, пока не откажутся отъ открыто заявленнаго намѣренія — его разрушить). Британскіе пробольшевистскіе вожди тредъ-юніоновъ собирались было созвать объединительную конференцію съ большевиками, *помимо* Амстердамскаго генеральнаго совѣта; но теперь уже и Перселъ нашелъ, что такая конференція объединила бы только Москву съ ничтожными меньшинствами нѣсколькихъ отдѣльныхъ тредъ-юніоновъ.

Какъ мы уже упоминали, около этого времени, несомнѣнно, происходили переговоры между Англіей и Франціей, развивавшіе тему бесѣды Эрріо съ Чемберленомъ. По слухамъ, предполагалось дипломатическое выступленіе въ Москвѣ съ требованіемъ, подъ угрозой разрыва дипломатическихъ сношеній, выслать третій интернаціоналъ изъ Россіи. На этотъ разъ дѣло разстроилось, повидимому, потому, что ни одна изъ державъ не рѣшалась взять на себя иниціативу. Все же, здѣсь начался тотъ новый періодъ въ отношеніяхъ Европы къ совѣтской власти, о которомъ мы говорили выше.

Необходимо подчеркнуть, что признаніе де-юре сыграло въ этомъ поворотѣ правительственнаго и общественнаго мнѣнія опредѣленную роль: конечно, не ту, на какую разсчитывали его иниціаторы, а скорѣе ту, на которую разсчитывали противники признанія. Признаніе, именно, поставило державы въ обязательныя отношенія съ признанными по точно опредѣленнымъ практическимъ вопросамъ. Какъ можно было предвидѣть, самый характеръ этихъ отношеній разоблачилъ большевиковъ гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ могла сдѣлать дюжина спеціальныхъ анкетъ и сотни журнальныхъ и газетныхъ статей.

XV.

Совѣтская дипломатія въ 1926 году. — Впечатлѣніе Локарно. — Оріентація противъ Англіи и противъ Лиги Націй. — Договоры съ Германіей и Турціей. — Совѣтско - германскій гарантійный договоръ. — Свиданіе съ Тевфикомъ - Рушди. — Договоръ съ Афганистаномъ. — Отказъ отъ конференціи о разоруженіи. — Ворошиловъ и Зофъ о вооруженіяхъ Европы. — Европейская политика относительно сосѣдей Россіи. — Польша и Румынія. — Совѣщанія ген. штабовъ въ Варшавѣ. — Переговоры СССР. съ балтійскими государствами. — Предложенія Польши. — Совѣтско - литовскій договоръ и переписка съ Польшей.

1926-й годъ не измѣнилъ общаго направленія внѣшней политики совѣтской власти въ томъ отношеніи, что политика эта продолжала вестись сразу въ двухъ направленіяхъ: установленія мирныхъ договорныхъ отношеній съ державами, съ одной стороны, и одновременнаго подкопа подъ миръ во имя міровой революціи, подготовляемой третьимъ интернаціоналомъ, — съ другой. Но надо признать, что этотъ годъ принесъ съ собою нѣкоторое ослабленіе кричащаго противорѣчія между этими двумя линіями. На этотъ разъ Зиновьевъ не безъ основанія могъ констатировать, что, въ противоположность «нѣкоторому улучшенію» 1924 года, «капита-

листическая Европа вновь переживаетъ цѣлый рядъ новыхъ тяжелыхъ затрудненій» (рѣчь 28 марта объ «итогахъ VI пленума ИККИ» *): Парадоксально было то, что эти затрудненія шли параллельно съ тѣмъ очень большимъ шагомъ впередъ въ «стабилизаціи» Европы, который отмѣченъ именемъ: Локарно. Замѣна принудительнаго Версальскаго мира системой договоровъ, при которой среднеевропейскіе конфликты между Германіей, Франціей, Бельгіей, Польшей и Чехословакіей должны будутъ разрѣшаться путемъ добровольныхъ соглашеній и посредничества, а война является лишь крайнимъ средствомъ, причемъ всѣ сговорившіяся страны защищаютъ обиженнаго отъ обидчика, — эта система съ самаго начала, когда она готовилась и была осуществлена (16 октября 1925), привела въ крайній страхъ совѣтскихъ дипломатовъ. Мы уже знаемъ, что, въ случаяхъ замиренія Европы, первое, что приходило имъ въ голову, это была мысль, что теперь всѣ набросятся на нихъ и покончатъ съ той аномаліей въ Европѣ, которую представляетъ господство большевизма на европейскомъ Востокѣ. Но мало по малу они успокоились, когда увидѣли, что европейскія противорѣчія еще не разрѣшены въ Локарно и что, напротивъ, самое прикосновеніе къ больнымъ мѣстамъ европейскаго, плохо уравновѣшеннаго организма вызываетъ рядъ новыхъ обостреній, которыхъ такъ или иначе удавалось до сихъ поръ избѣжать путемъ отсрочекъ. Они тогда почувствовали себя въ своей привычной сферѣ. Раздувать конфликты и обострятъ разногласія — было, какъ мы знаемъ, основнымъ методомъ ихъ тактики. А тутъ представилось столько удобныхъ случаевъ для этого. И совѣтская дипломатія принялась горячо за работу. Она выбрала себѣ двѣ точки прицѣла, подсказанныя Локарно: Англію и Лигу Націй. Совѣтская политика 1926 г., подготовленная предыдущимъ періодомъ, но окончательно выявившаяся именно теперь, заключается въ возбужденіи всѣхъ, кого можно, противъ Англіи и въ созданіи въ міровомъ масштабѣ организма, который можно бы было противопоставить Лигѣ Націй. *Отрицательная* антианглійская директива этой политики прекрасно осуществлялись поддержкой внутри и во-внѣ Англіи двухъ радикальныхъ движеній, подвергавшихъ опасности англійское міровое преобладаніе: затянувшійся болѣе чѣмъ на полгода конфликтъ горняковъ и широко развернувшееся движеніе

*) См также заявленія на самомъ пленумѣ.

китайскихъ націоналистовъ противъ иностранцевъ, о началѣ котораго мы уже упоминали. *Положительная* антианглійская директива, сводившаяся къ созданію особой «Антилиги», достигалась, конечно, несравненно труднѣе; но и тутъ нѣкоторое основаніе было положено для будущихъ достиженій. Недаромъ совѣтскіе публицисты заключали, что, если Локарно замѣнило Версаль, то и само Локарно было, если не замѣнено, то сдвинуто нѣсколько на сторону новой системой «послѣлокарнскихъ» сепаратныхъ союзовъ и соглашеній, до нѣкоторой степени возстановлявшихъ довоенную систему дѣленія Европы на противоположные лагери*).

Предвкушеніемъ этой политики явилась уже поѣздка Чичерина за-границу, тотчасъ послѣ Локарно, въ октябрѣ - декабрѣ 1925 года. Пока Германія не вступила формально въ Лигу Націй (это произошло только 8 сентября 1926 года), можно было надѣяться сыграть на ея націоналистическихъ чувствахъ, противившихся этому вступленію. Да и сама Германія была заинтересована показать союзнымъ державамъ, что она не одинока и что у нея есть, въ случаѣ чего, выборъ между Западомъ и Востокомъ. При такомъ положеніи неудивительно, что Чичеринъ вернулся домой съ подаркомъ: онъ заключилъ съ Германіей 12 октября 1925 г., передъ самымъ отправленіемъ германской делегаціи въ Локарно, демонстративный торговый договоръ, который сопровождался столь же демонстративнымъ займомъ въ 100 милліоновъ марокъ, — въ пику союзникамъ, упорно отказывавшимъ совѣтской власти въ кредитахъ. Брокдорфъ - Ранцау, очевидно, продолжалъ политику Мальцана. Мало того, съѣздивъ въ *Парижъ,* Чичеринъ свидѣлся тамъ съ поспѣшившимъ на свиданіе изъ Женевы Тевфикомъ Рушди-беемъ и 17 декабря 1925 г. подписалъ съ нимъ новый политическій договоръ. Этотъ договоръ не обѣщалъ, правда, болѣе Ангорскому правительству вооруженій и дружественнаго «нейтралитета» на Кавказской границѣ, какъ предыдущій договоръ, — но все же давалъ обязательство не входить съ державами въ политическія комбинаціи, направленныя другъ противъ друга. За Турціей уже сами собой намѣчались Афганистанъ и Персія: ядро «паназіатской Лиги» было такимъ образомъ намѣчено. Чтобы не оставить никакихъ сомнѣній въ принципіально - враждебномъ от-

*) См., напр., передовую «Извѣстій» 14 августа 1926 г. «Квадратура круга».

ношеніи совѣтской власти къ Лигѣ Націй, Чичеринъ, возвращаясь, оставилъ интервью въ «Роте Фане», въ которомъ заявлялъ (въ согласіи съ Рыковымъ), что «никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, Совѣтская Россія не войдетъ въ Лигу Націй» — это «орудіе капиталистическихъ махинацій противъ слабыхъ странъ и колоніальныхъ народовъ». Онъ подчеркнулъ также, что его свиданіе съ Бріаномъ прошло удовлетворительно и переговоры — «экономическіе,юридическіе и политическіе»—будутъ возобновлены (мы увидимъ ихъ судьбу); но что о намѣреніяхъ британскаго правительства онъ ничего не знаетъ. Онъ не скрылъ тутъ также ни своей симпатіи къ партіи гоминданъ въ Китаѣ, ни своего убѣжденія, что Россія и Лига Націй «построены на различныхъ принципахъ», а потому никакой арбитражъ между ними невозможенъ. Наконецъ, на обратномъ пути Чичеринъ заѣхалъ въ Ковно и въ Ригу, стараясь отвлечь Литву и Латвію отъ тяготѣнія въ локарнскую орбиту. Затѣмъ намѣтилась серія переговоровъ съ пограничными государствами. «Правда» писала въ тѣ дни, подчеркивая общую цѣль Чичеринскихъ усилій: «Чемберленъ убѣжденъ, что «окружилъ» насъ въ Локарно. Напротивъ, мы окружимъ его въ самой Англіи рабочими массами»... И *эта* цѣль тоже намѣтилась уже съ прошлаго, 1925 года.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Германіи и Турціи, прибавимъ, что 24 апрѣля въ Берлинѣ былъ заключенъ германо - совѣтскій договоръ, по которому обѣ стороны обязались соблюдать нейтралитетъ, въ случаѣ нападенія третьей державы или группы державъ на одну изъ нихъ,и вообще поддерживать«дружественный контактъ». Въ германской нотѣ, сопровождавшей текстъ договора, пояснялось, что его цѣль — «противодѣйствовать стремленіямъ въ средѣ Лиги Націй, односторонне направленнымъ противъ СССР», и что по отношенію къ СССР статьи 16 и 17 статута Лиги Націй могутъ быть примѣнены только тогда, если сама Германія признаетъ СССР «нападающей стороной», причемъ участникамъ локарнскихъ договоровъ сообщено, что Германія вообще не склонна связывать себя обязательствомъ участвовать въ примѣненіи санкцій, установленныхъ этими параграфами. Въ рейхстагѣ Марксъ пояснилъ далѣе, что Германія хотѣла приспособить Рапалльское соглашеніе къ Локарнскому и успокоить совѣтскія опасенія. Интересно отмѣтить, что заключеніе договора было особенно сочувственно встрѣчено германскими правыми политическими кругами, руково-

дившимися при этомъ двоякими соображеніями: во-первыхъ, желаніемъ сохранить дружественныя отношенія къ восточному сосѣду и, во вторыхъ, соблазномъ отвѣтить на обидное для германскаго самолюбія мартовское засѣданіе Лиги, въ которомъ не удалось принять Германію въ Лигу, демонстраціей полной самостоятельности Германіи въ выборѣ оріентаціи на Востокъ или Западъ. Напротивъ, въ кругахъ союзныхъ державъ договоръ вызвалъ тревогу, какъ съ трудомъ совмѣстимый съ «духомъ» локарнскихъ соглашеній и явно направленный къ ихъ ограниченію*). Но *формально* Германія не нарушила данныхъ въ Локарно обязательствъ; сами союзныя державы подали примѣръ заключенія сепаратныхъ соглашеній; поэтому пришлось воздержаться отъ предъявленія Германіи составленнаго было Бенешемъ «вопросника» о соотвѣтствіи договора локарнскимъ соглашеніямъ.

13 ноября 1926 г. Чичеринъ, передъ отъѣздомъ по болѣзни за-границу,устроилъ свиданіе въ Одессѣ съ турецкимъ министромъ ин. дѣлъ Тевфикомъ Рушди. Здѣсь уже не было колебаній между Востокомъ и Западомъ: Чичеринъ привѣтствовалъ Турцію, какъ стараго и испытаннаго союзника на Востокѣ — одного изъ вѣрныхъ участниковъ комбинаціи, противополагаемой европейскому «имперіализму». Оба собесѣдника поднимали бокалы за арміи и особенно за флоты обѣихъ державъ, говорили объ общихъ интересахъ на Черномъ морѣ, о невступленіи Турціи въ Лигу Націй, о непередачѣ Англіи желѣзнодорожныхъ концессій въ пограничныхъ съ Кавказомъ мѣстностяхъ и т. д. Понятно, почему совѣтская печать крайне нервно реагировала на предложенія Германіи — быть посредникомъ при вступленіи Турціи въ Лигу Націй. Восточный другъ былъ гораздо ближе западнаго — и бесѣду съ нимъ можно было вести на чистоту... Новыхъ договоровъ сравнительно съ заключенными тутъ уже не понадобилось.

Въ срединѣ сентября 1926 г. въ печати появились свѣдѣнія о новомъ договорѣ совѣтской власти съ Афганистаномъ. Договоръ заключенъ по образцу предыдущихъ: формально это договоръ «о

---

*) Литвиновъ заявлялъ на пленарномъ засѣданіи второй сессіи ЦИК СССР 24 апрѣля 1926: «если Локарно, какъ мы всегда подозрѣвали, имѣетъ одной изъ своихъ цѣлей образованіе единаго антисовѣтскаго фронта, изоляцію нашего союза, то надо признать, что подписанный сегодня договоръ дѣйствительно противорѣчитъ духу Локарно и... намъ удалось въ нѣкоторой мѣрѣ лишить Локарно его антисовѣтскаго жала».

нейтралитетѣ» въ случаѣ нападенія третьей державы. Но, конечно, этой третьей державой можетъ быть только Англія. Надо сказать, что въ договорѣ есть еще параграфъ, по которому «каждая сторона соглашается не допускать на своей территоріи дѣятельности элементовъ, имѣющихъ цѣлью враждебныя дѣйствія противъ другой договаривающейся стороны». Другими словами, не нужно дожидаться открытой войны, чтобы элиминировать дѣятельность англійскихъ агентовъ въ Афганистанѣ.

Свое враждебное отношеніе къ Лигѣ Націй совѣтская дипломатія имѣла полную возможность проявить по поводу переговоровъ объ участіи СССР въ конференціи о разоруженіи, которая намѣчена была въ декабрьской сессіи Лиги Націй на 15 февраля 1926 года въ Женевѣ. Предвидя отказъ СССР послать своихъ делегатовъ на конференцію въ Швейцарію (въ виду неудовлетворенности извиненіями Швейцаріи по поводу убійства Воровскаго), совѣтъ Лиги запросилъ швейцарское правительство, которое 30 декабря заявило Лигѣ Націй о своей готовности предоставить совѣтскимъ представителямъ гарантіи неприкосновенности, равныя со всѣми другими делегатами. Совѣтское правительство этимъ не удовлетворилось и потребовало перенесенія конференціи за предѣлы Швейцаріи. Въ виду невозможности для державъ своевременно сговориться по существу вопроса о разоруженіи, отказъ СССР послужилъ предлогомъ для пяти державъ (въ томъ числѣ Франціи, Италіи и Японіи) просить объ отсрочкѣ конференціи. Отсрочивъ ее до 15 мая, совѣтъ Лиги послалъ Чичерину 18 марта новое приглашеніе — и получилъ отъ него 7 апрѣля рѣзкій отказъ. «Поведеніе руководителей Лиги Націй въ дѣлѣ выбора мѣста конференціи», писалъ Чичеринъ, «окончательно убѣждаетъ совѣтское правительство въ совершенной несерьезности и неискренности начинанія Лиги и въ *неспособности и непригодности Лиги Націй* для такого серьезнаго дѣла, какъ созывъ всеобщей конференціи по разоруженію». Чичеринъ могъ безнаказанно позволить себѣ этотъ издѣвательскій тонъ, въ виду завѣдомой трудности и безнадежности дѣла реальнаго разоруженія. Но, въ частности по отношенію къ Лигѣ, этотъ тонъ былъ еще приподнятъ исполнительнымъ комитетомъ третьяго интернаціонала послѣ неудачи попытки ввести Германію въ Лигу Націй въ мартовскую сессію Лиги. Коминтернъ призывалъ по этому поводу «рабочихъ и трудящихся всего міра» къ «борьбѣ противъ Лиги Націй», въ виду того, что «банкротство Женевы разо-

блачило эту игру» и доказало, что «пацифистская физіономія Локарно есть лишь кулиса», а «духъ Локарно есть духъ штыка и гранатъ». Въ день открытія конференціи «Извѣстія» помѣстили передовицу, въ которой утилизировали статью «извѣстнаго пацифиста Куденгофъ - Калерги» въ «Фоссише Цейтунгъ». Тамъ говорилось, что теперь въ Европѣ вмѣсто одной «Эльзасъ - Лотарингіи» появилась «цѣлая дюжина», и перечислялся этотъ печальный «балансъ стабилизированной Европы» *).

Естественно, что совѣтская печать имѣла полную возможность торжествовать, когда, черезъ нѣсколько дней, обнаружились коренныя разногласія между Англіей, желавшей ограничить разоруженіе наличными вооруженными силами державъ, не вводя въ разсчетъ «потенціальной мощи» каждой страны, — и Франціей, къ которой присоединились итальянцы и бельгійцы и которая въ лицѣ Поля Бонкура настаивала, чтобы принималась во вниманіе также и вся «потенціальная мощь», т. е. все содѣйствующее боеспособности страны. Не упоминаемъ уже о другихъ разногласіяхъ, о позиціи Америки и т. д. Ворошиловъ еще 23 февраля на торжественномъ засѣданіи въ Большомъ театрѣ противопоставлялъ «разговорамъ о разоруженіи» фактическій ростъ вооруженій главныхъ державъ и дѣлалъ отсюда выводъ, что «войны намъ не избѣжать и въ этой предстоящей войнѣ намъ нужно имѣть мощную красную армію». Послѣ провала конференціи Зофъ писалъ въ «Правдѣ» **) объ усиленіи морскихъ вооруженій, — въ частности прибалтійскихъ государствъ. Онъ напоминалъ, что на конференціи въ Римѣ, три года назадъ, державы «подъ давленіемъ Антанты, главнымъ образомъ представителей Англіи», отвергли предложеніе СССР закрыть проливы въ Балтійское и Черное моря. Изъ своихъ фактическихъ сопоставленій Зофъ дѣлалъ выводъ: «на лицо напряженная работа по созданію единаго фронта противъ СССР отъ Балтійскаго до Чернаго моря и тщательная подготовка новой войны противъ

---

*) Полезно напомнить этотъ списокъ для уясненія, на что было устремлено особое вниманіе совѣтскихъ дипломатовъ. Вотъ этотъ списокъ: «1. Виленскій вопросъ. — 2. Вопросъ о Данцигѣ и польскомъ коридорѣ. — 3. Мемельскій вопросъ. — 4. Вопросъ о Верхней Силезіи. — 5. Вопросъ объ украинскихъ земляхъ, входящихъ въ составъ Польши. — 6. Вопросъ о нѣмецкой Богеміи. — 7. Вопросъ о венгерскихъ границахъ. — 8. Вопросъ о южномъ Тиролѣ. — 9. Итало - юго - славянскій вопросъ. — 10 Албанскій вопросъ. — 11. Вопросъ о Македоніи. — 12. Вопросъ о Бессарабіи».

**) «Правда», 1 іюля, статья: «Какъ они вооружаются».

насъ». Нельзя отрицать, что все это было хорошо обосновано и что рѣчь тутъ шла не только объ опасности для совѣтской власти, но и объ опасности для Россіи.

Здѣсь мы переходимъ къ политикѣ европейской и совѣтской дипломатіи по отношенію къ новымъ зарубежнымъ государствамъ и старымъ сосѣдямъ на западной русской границѣ. Какъ извѣстно, Локарно, установивши извѣстныя гарантіи противъ нарушенія границъ на Рейнѣ, не дало такихъ же гарантій по отношенію къ границамъ, установленнымъ между срединной Европой и Россіей. Не дало потому, что въ этомъ не была заинтересована Англія. А именно здѣсь—на востокѣ и юговостокѣ Европы—накопилось, какъ видно изъ только - что приведеннаго перечня, наибольшее количество горючаго матеріала. Получившійся пробѣлъ необходимо было восполнить, какъ со стороны Европы, такъ и со стороны Россіи. Со стороны Европы это было сдѣлано, прежде всего, объединеніемъ (1920-1921) Чехословакіи, Югославіи и Румыніи въ т. наз. «Малую Антанту». Однако же, обѣ первыя державы не рѣшились распространить территоріальныя гарантіи на восточныя границы Румыніи и Польши, имѣя въ виду возможность претензіи СССР на отошедшія къ Польшѣ земли и на Бессарабію*).

Франція дѣйствовала смѣлѣе и пошла дальше. У нея восточный пробѣлъ Локарно вызвалъ оживленіе старой политики Клемансо, — политики «колючей проволоки» на русской границѣ. Взамѣнъ отсутствовавшей Россіи Франція попыталась создать по границѣ съ совѣтской Россіей ту цѣпь союзовъ «отъ моря и до моря», о которой говорилъ Зофъ. Съ своей стороны, и совѣтская Россія не могла, конечно, не реагировать на французско - польскую политику, стараясь изолировать Польшу и Румынію и привлечь новообразованныя пограничныя государства на свою сторону. Та и другая политика — Запада и Востока — столкнулись съ собственными интересами и намѣреніями этой цѣпи государствъ. Въ результатѣ получилась затаенная борьба за вліяніе на балтійскія государства.

Нѣкоторый свѣтъ на закулисную исторію этой борьбы былъ пролитъ, благодаря столкновенію эстонскаго посланника въ Москвѣ, Бирка, съ эстонскимъ премьеромъ Пійпомъ. Изъ писемъ и интервью Бирка видно, что уже въ декабрѣ 1925 года было устро-

*) См. Albert Rousset, La Petite Entente, ses origines, son histoire, ses connexions, son avenir, Paris, Bossard, 1923, стр. 29, 39, 77 — 78, 87.

ено въ Варшавѣ совѣщаніе представителей генеральныхъ штабовъ лимитрофныхъ государствъ (Польши, Латвіи, Эстоніи) съ участіемъ представителя румынскаго ген. штаба. На этой конференціи въ глубокой тайнѣ, подъ предлогомъ обсужденія техническихъ вопросовъ — координаціи работы развѣдки и т. д. — обсуждалось «образованіе противъ СССР единаго фронта, въ которомъ Польша со своей арміей заняла бы доминирующее положеніе и играла бы роль гаранта въ прибалтійскихъ государствахъ» *).Нетрудно было догадаться, что Польша здѣсь дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Франціи, а Эстонія — подъ вліяніемъ Англіи. Румынская газета «Универсулъ» сообщала въ февралѣ 1926 г. о новомъ польско - румынскомъ «гарантійномъ» договорѣ. А 14 мая 1926 года, по сообщенію «Нью - Іоркъ Американъ» (правда опровергавшемуся французскимъ военнымъ министерствомъ), въ Парижѣ былъ подписанъ (какъ секретное дополненіе) между представителями польскаго и румынскаго ген. штабовъ, при ближайшемъ участіи французскаго военнаго совѣта, договоръ о взаимной помощи Польши и Румыніи въ случаѣ войны противъ СССР или противъ Германіи; здѣсь предусматривалось право прохода румынскихъ войскъ черезъ территорію Польши и намѣчалось стратегическое расположеніе румынскихъ войскъ противъ СССР **). Былъ заключенъ (10 іюня) и договоръ между Франціей и Румыніей, гарантировавшій послѣдней Бессарабію и итальянско-румынское соглашеніе о томъ же предметѣ.

Дипломатія СССР, чтобы «внести ясность» въ положеніе, предложила съ своей стороны (въ мартѣ) Латвіи, Эстоніи и Финляндіи заключить отдѣльные договоры о взаимномъ ненападеніи, «по образцу подписанныхъ нами съ Турціей и Германіей». Всѣ эти государства отвѣтили въ мартѣ тождественными меморандумами, гдѣ возбуждались разныя сомнѣнія.Прежде, чѣмъ, окончательно отвѣтить, эти страны устроили свиданіе министровъ иностранныхъ дѣлъ 14 іюля въ Ревелѣ, на которомъ присутствовалъ и представитель Польши. Въ результатѣ сговора они возобновили раньше сдѣланное Польшей предложеніе о «кругломъ столѣ», предложивъ (24 іюля) созвать «предварительную комиссію» пред-

*) См. во второмъ томѣ отголоски этихъ приготовленій среди правыхъ круговъ русской эмиграціи. Сообщенія Бирка см. въ «Извѣстіяхъ» 4 августа и «Правдѣ» 21 августа. Ср. передовицу «Извѣстій» 16 февраля 1926 г.

**) См. New York American, 7 сентября 1926 (цитированъ по «Правдѣ» 8 сентября).

ставителей балтійскихъ государствъ съ участіемъ Польши — для составленія коллективнаго съ СССР договора. Такимъ образомъ осуществилась-бы идея созданія единаго фронта Прибалтійскихъ государствъ съ Польшей. Отъ этого фронта, правда, отдѣлилась Литва, которая уже тогда (апрѣль) жаловалась на польскія военныя приготвленія на ея границѣ и вела переговоры съ СССР о заключеніи сепаратнаго договора *).

Съ своей стороны, Польша продолжала работу по объединенію прибалтійскихъ государствъ при своемъ участіи. Съ этой цѣлью въ маѣ 1926 г. разъѣзжалъ по этимъ странамъ начальникъ восточнаго отдѣла м. и. д. Польши Яниковскій, который предлагалъ повсюду заключеніе военнаго союза, — доходя даже до предложенія односторонней гарантіи со стороны Польши противъ нападенія, если взаимныя гарантійныя соглашенія окажутся неудобными. Яниковскій получилъ уклончивые отвѣты: интересы балтійскихъ государствъ, особенно Финляндіи, были слишкомъ различны для такого рѣшительнаго шага **).

Совѣтская дипломатія рѣшительно отказалась согласиться на созывъ «предварительной комиссіи», усматривая въ немъ, съ полнымъ основаніемъ, обходный путь къ составленію общаго фронта балтійскихъ государствъ и Польши противъ СССР. Тогда (20 августа) Финляндія и Латвія съ Эстоніей согласились вести непосредственные переговоры съ СССР, не отказываясь, однако, отъ «контакта» съ другими участниками. Соотвѣтственное порученіе и было дано совѣтскимъ представителямъ въ Гельсингфорсѣ, Ревелѣ и Ригѣ, а Польшѣ было предложено заключить отдѣльный договоръ о ненападеніи и о взаимномъ нейтралитетѣ во время ожидавшагося пріѣзда въ Москву польскаго м.и.д.Залѣсскаго въ августѣ. Коминдѣлъ сообщилъ однако, что «это предложеніе не встрѣтило сочувствія польскаго правительства». Польша предложила и другимъ участникамъ предварительно посовѣщаться въ Женевѣ во время сентябрьской сессіи Лиги Націй. Сепаратные переговоры, такимъ образомъ, были сорваны.

Между тѣмъ толки о польскихъ приготовленіяхъ на литовской границѣ продолжались: говорили о переучетѣ лошадей, призывахъ

*) Это видно изъ заявлеиія литовскаго мин. ин. дѣлъ Рейииса послѣ его отставки. Рейиисъ подтверждаетъ, что договоръ должеиъ былъ быть аиалогиченъ съ совѣтско - турецкимъ, причемъ вопросъ, о Вильиѣ и Мемелѣ былъ выдѣлеиъ. См. „Times", 23 апрѣля, 1926.

**) О поѣздкѣ Яииковскаго см. показаиія Бирка и Times 26 мая 1926.

офицеровъ на учебные сборы, мобилизаціи запаса, подтягиваніи конницы, заготовкѣ квартиръ, исправленіи мостовъ, полетахъ аэроплановъ и т. д. Повидимому, подъ этими впечатлѣніями Литва ускорила свои переговоры съ СССР объ отдѣльномъ пактѣ. 28 сентября пріѣхалъ въ Москву литовскій премьеръ и м. и. д. Слежевичъ, и въ тотъ же день гарантійный договоръ былъ подписанъ. Кромѣ обычныхъ условій о ненападеніи, нейтралитетѣ въ случаѣ чужого нападенія и о невступленіи во враждебныя соглашенія, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить отказъ отъ арбитража въ случаѣ конфликтовъ. Въ противоположность «буржуазнымъ государствамъ», «вовлекающимъ въ споръ третью сторону», СССР предложилъ ограничиться въ спорныхъ случаяхъ «согласительной комиссіей», не представляя себѣ возможности найти «безпристрастнаго судью». Въ отдѣльной нотѣ Чичеринъ заявилъ, что «фактическое нарушеніе литовскихъ границъ (разумѣется занятіе Вильны), имѣвшее мѣсто противъ воли литовскаго народа, не поколебало отношенія СССР къ территоріальному суверенитету» (слѣдуетъ ссылка на прежній договоръ 1920 г.).Съ своей стороны Литва сдѣлала оговорку относительно своихъ «обязательствъ, вытекающихъ изъ статута Лиги Націй».Это содержаніе нотъ вызвало въ Польшѣ негодованіе и упреки, что совѣтское правительство нарушило рижскій договоръ.Совѣтская печать отвѣчала, что Рижскій договоръ вовсе не предрѣшаетъ спора между Литвой и Польшей о Виленщинѣ и что сама Польша поступила гораздо хуже,заключивъ союзъ съ Румыніей на предметъ владѣнія Бессарабіей. 23 октября польскій повѣренный вручилъ въ Москвѣ и формальную ноту, въ которой Польша напоминала, что СССР отказался отъ претензій на западъ отъ установленной рижскимъ договоромъ границы и что вопросъ о Виленщинѣ рѣшенъ окончательно совѣщаніемъ пословъ 15 марта 1923 г. На это послѣдовалъ отвѣтъ, переданный въ Варшавѣ 19 ноября, что постановленія «такъ называемой конференціи пословъ» для СССР необязательны, что они продолжаютъ оспариваться и Литвой и что о соглашеніи Польши съ Литвой, которое предусмотрѣно рижскимъ договоромъ, въ Мосвѣ ничего неизвѣстно *).

---

*) О польской точкѣ зрѣиія иа литовско - совѣтскій договоръ см. въ журиалѣ **L'Est Européen, Novembre,** 1926, стр. 335 - 345. Авторъ статьи обращаетъ внимаиіе иа то, что въ совѣтско - литовскомъ договорѣ 1920 г., заключеиномъ до поражеиія совѣтскихъ войскъ польскими, саикціоиироваиа общая граиица СССР съ Литвой, — и въ скрытомъ видѣ эта конфигурація территорій, а ие только Виленщииа, подтверждеиа договоромъ 28 сеитября 1926 г.

Въ ближайшіе дни послѣ этого обмѣна нотъ были прерваны переговоры объ отдѣльныхъ договорахъ съ Финляндіей (27 ноября) и съ Латвіей (28 ноября). Повидимому, разногласіе было вызвано главнымъ образомъ предложеніемъ СССР — считать соглашенія автоматически потерявшими силу, если сговаривающіяся стороны заключатъ вредный для интересовъ той или другой изъ нихъ договоръ съ другимъ государствомъ. Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду предупредить возможность недопустимаго для СССР соглашенія балтійскихъ государствъ между собой или съ Польшей. Но формальнымъ поводомъ для разрыва послужило въ Финляндіи несогласіе СССР на «буржуазный» способъ - арбитража. А въ Латвіи совѣтское правительство само взяло назадъ приглашеніе латвійскихъ делегатовъ въ Москву для обсужденія торговаго договора.

Какъ видимъ, ни франко - польскій планъ созданія барьера противъ СССР, ни совѣтскій планъ сепаратнаго вовлеченія лимитрофовъ въ свою орбиту не были осуществлены въ теченіе 1926 года, и литовско-совѣтскій договоръ остался единственнымъ успѣхомъ совѣтской дипломатіи въ этой, наиболѣе касающейся Россіи области.

XVI.

Работа третьяго интернаціонала въ 1926 г. — Анти-англійская политика въ Англіи и въ колоніяхъ. — Поддержка всеобщей забастовки 1 мая.— Неудача забастовки. — Поддержка стачки горняковъ. — Воззванія исп. комитета III интернаціонала. — Раздраженіе въ Англіи. — ИККИ апеллируетъ къ «англорусскому комитету». — Неудача Парижскаго совѣщанія. — Конгрессъ въ Борнемаусѣ противъ коммунистовъ. — Отношенія съ Японіей. — Неудача Дайренской и Чанчуиской конференцій. — Договоръ 20 января 1924 года. — Отношенія съ Китаемъ. — Гражданская война въ Китаѣ и вмѣшательство III интернаціонала.

Бухаринъ закончилъ свой докладъ на XV-й конференціи коммунистической партіи (26 октября 1926 г.) слѣдующимъ обобщеніемъ: «Тремя колоннами движется сейчасъ международная революція. Она движется на Востокѣ въ маршѣ многихъ сотенъ милліоновъ китайскаго народа. Она движется на крайнемъ Западѣ мѣрной поступью англійскихъ углекоповъ. И она движется въ совѣтскомъ союзѣ — въ нашемъ растущемъ наступленіи на капиталистическіе элементы нашей экономики... Этимъ тремъ силамъ суждена окончательная побѣда».

Мы видимъ, на чемъ основывается теперь, послѣ стольких разочарованій, оффиціальный оптимизмъ коминтерна. Это — тѣсная связь СССР, все еще вводящаго «соціализмъ въ одной странѣ», съ третьимъ интернаціоналомъ — и направленіе обѣихъ силъ на одну точку: антианглійскую политику въ метрополіи и въ колоніяхъ. На европейскомъ континентѣ, какъ мы видѣли, политика СССР, въ лицѣ его дипломатіи, выражается въ борьбѣ противъ Локарно, Лиги Націй и противъ объединенія пограничныхъ государствъ подъ вліяніемъ Франціи и той же Англіи. Внѣ континента та же политика СССР, въ лицѣ третьяго интернаціонала, устремлена на тѣ двѣ задачи, о которыхъ говоритъ резюме Бухарина: поддержка англійскихъ углекоповъ и китайской революціи. Сенсаціонными свѣдѣніями объ успѣхахъ той и другой работы — и проклятіями соціалистовъ - «предателей» и капиталистовъ въ моменты неудачъ — были полны въ теченіе цѣлаго года столбцы совѣтскихъ газетъ. Остановимся на главныхъ перипетіяхъ того и другого движенія.

Уже на XIV конгрессѣ партіи, въ концѣ 1925 г., Зиновьевъ объявилъ: «къ маю 1926 г. въ Англіи ожидается громадный конфликтъ горнорабочихъ, который пріобрѣтетъ необычайный размахъ... Теперь только начинается въ Англіи дѣйствительно массовое революціонное рабочее движеніе». На заключительномъ засѣданіи VI-го расширеннаго пленума коминтерна Зиновьевъ выразился еще рѣшительнѣе *). «Всѣмъ намъ ясно, что Англія находится наканунѣ грандіозныхъ боевъ, равносильныхъ началу соціальной катастрофы... Если стачка вспыхнетъ, первоочередной и главной задачей будетъ оказать международную поддержку на всѣхъ участкахъ европейскаго и всемірнаго фронта этой стачкѣ».

Нѣкоторымъ вступленіемъ къ этой поддержкѣ былъ грандіозный митингъ въ Альбертъ-холлѣ 9 марта, гдѣ дѣятели рабочихъ группировокъ соединились съ коммунистами въ требованіи освобожденія коммунистовъ, заключенныхъ по упоминавшемуся выше судебному приговору (стр. 360), а затѣмъ «конференція дѣйствія», открывшая свои засѣданія въ Лондонѣ 21 марта для подготовки борьбы. Естественно, что, когда 1 мая генеральный совѣтъ конгресса профсоюзовъ объявилъ всеобщую забастовку, исполнительный комитетъ третьяго интернаціонала поспѣшилъ призвать «пролетаріевъ всѣхъ странъ» къ матеріальной помощи и къ по-

*) См. эти рѣчи въ «Правдѣ», 1 января и 24 марта, 1926 г.

всемѣстной организаціи «комитетовъ дѣйствія» и «рабочихъ дружинъ самозащиты». Воззваніе цитировало первомайскій кличъ (арестованнаго за этотъ кличъ) англійскаго депутата-коммуниста Саклатвала къ рабочимъ: «если вамъ придется стрѣлять, то стрѣляйте *не* въ рабочихъ». Начиная съ 5 мая совѣтскія газеты запестрѣли заголовками и лозунгами, которые показывали, какія надежды соединяются совѣтскими вождями съ этой забастовкой. «Пути сообщенія Англіи прерваны». «Случаи неповиновенія солдатъ». «Болдвинъ заявляетъ: рабочіе вожди такъ близко подошли къ провозглашенію гражданской войны, какъ это не имѣло мѣста въ Англіи уже въ теченіе столѣтій». «Движеніе солидарности охватываетъ весь міровой пролетаріатъ». «Генеральный совѣтъ организуетъ отдѣлы: транспорта, информаціи, продовольствія, инструкцій и финансовый» (т. е. становится вторымъ правительствомъ). «Милліонъ экземпляровъ «Британскаго Рабочаго». «Англія вступаетъ въ новую эпоху», писалъ три дня спустя исполнительный комитетъ коминтерна; «старой Англіи больше нѣтъ; рождается новая Англія».... «Побѣда идей Ленина въ пролетарскомъ авангардѣ Англіи пойдетъ теперь съ гораздо большей быстротой». Изо дня въ день сталъ печататься заголовокъ: «мы всегда съ вами и поддержимъ въ борьбѣ до конца». И ВЦСПС послалъ 2 1/4 милліона рублей (которые, впрочемъ, генеральный совѣтъ тредъ-юніоновъ отказался принять)....

Прошла всего недѣля, и «Правда» принуждена была писать: «наступаетъ второй періодъ... Правительство, преодолѣвъ растерянность, наконецъ, осмѣливается двинуть войска... Моментъ уже упущенъ генеральнымъ совѣтомъ»... «Стачка подходитъ къ третьему періоду... Правительственное радіо сообщаетъ о прекратившихся столкновеніяхъ... Рабочій классъ расхоложенъ успокоительными призывами генеральнаго совѣта. Его революціонная энергія не нашла канала для своего выхода»... И сразу прежніе лозунги замѣняются новой темой: «англійскіе правые вожди предали горнорабочихъ». Карикатуры на «вождей» смѣняютъ одна другую. А 13 мая Зиновьевъ печатаетъ длинное объясненіе, почему забастовка не удалась, и совѣтуетъ «прогнать эту шайку продажныхъ негодяевъ», какъ «Томасъ и К-о» — и тутъ же утѣшается, что эти «полубольшевики» все же разыграли «репетицію будущихъ великихъ боевъ».

Заголовокъ «мы всегда съ вами», однако, не снимается съ

крайнихъ газетъ. Поддержка, предложенная стачечникамъ, переходитъ по наслѣдству къ горнорабочимъ. Начиная съ 16 мая заголовки въ «Правдѣ» и «Извѣстіяхъ» звучатъ: «стойкость англійскихъ горнорабочихъ», «капитуляція генеральнаго совѣта возмущаетъ англійскихъ рабочихъ», «Кукъ привѣтствуетъ горнорабочихъ СССР», «горняки СССР перевели бастующимъ англійскимъ углекопамъ 2.600.000 рублей», «горняки готовятся къ длительной борьбѣ», «умремъ съ голоду, а не уступимъ» и т. д. Широко развертывается критика болѣе умѣренныхъ вождей ген. совѣта тредъюніоновъ: имъ не слѣдовало «обороняться»; надо было «наступать». Печатается рядъ карикатуръ на этихъ вождей и на «разъѣдающую англійское рабочее движеніе реформистскую язву». «Англійскіе рабочіе возмущены измѣной предателей» *). Мало по малу, однако, въ этотъ разгулъ фальшиваго торжества врываются безпокойныя ноты. «Безпредѣльная наглость англійскихъ шахтовладѣльцевъ». «Стачка горняковъ въ величайшей опасности», взываетъ исполнительный комитетъ третьяго интернаціонала 26 іюня — и призываетъ къ борьбѣ противъ «верхушки горняковъ, съ предателями и капитулянтами изъ генсовѣта», къ «апелляціи къ широкимъ слоямъ рабочихъ массъ», къ прекращенію ввоза угля въ Англію и къ денежнымъ сборамъ. За счетъ этихъ рабочихъ массъ «красная печать продолжаетъ рекламировать ихъ «непреклонность»... «если даже всѣ шахты зарастутъ травой» («Извѣстія», 27 мая). Зиновьевъ, Бухаринъ читаютъ доклады о «міровомъ значеніи» стачки и объ ея «урокахъ».Исполкомъ Коминтерна принимаетъ 8 іюня «тезисы», въ которыхъ подробно анализируются причины неудачи и устанавливаются «ближайшія задачи англійской компартіи» въ 23 пунктахъ: главнымъ образомъ, рекомендуется «жестокая критика правыхъ и лѣвыхъ руководителей» и... «дорога новымъ вождямъ». А для себя коминтернъ провозглашаетъ: «дѣло горняковъ — наше дѣло».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ усилій красной прессы приходится констатировать къ іюля — ростъ крайняго возбужденія въ Англіи противъ СССР (см. ниже) и «новый ударъ по англійскому пролетаріату», который расплачивается за московскіе «уроки». «Палата общинъ приняла законъ о продленіи рабочаго дня; предстоитъ закрытіе цѣлаго ряда шахтъ и увольненіе горняковъ»

---

*) См. въ «Правдѣ» статьи Лозовскаго, корреспонденцію Мерфи, передовыя и т. д., во второй половинѣ мая.

(«Извѣстія», 3 іюля). Заголовокъ: «мы съ вами... до конца» къ этому времени сперва перешелъ съ жирнаго шрифта на мелкій, а потомъ и совсѣмъ исчезъ со столбцовъ красныхъ газетъ.

Пришлось въ концѣ концовъ возобновить разговоры съ «предателями». ВЦСПС телеграфировалъ ген. совѣту о необходимости поднять вопросъ о международной помощи горнякамъ въ англо-русскомъ комитетѣ профессіональныхъ союзовъ, — учрежденіи, которое, какъ мы знаемъ, маклерствовало съ совѣтской стороны между коммунистами и англійскими рабочими организаціями. Отвѣтъ (29 іюня) былъ прохладный, и только на вторичную телеграмму объ «ускоренномъ рѣшеніи» получено согласіе на созывъ англо-русскаго комитета въ Парижѣ. Состоялось это свиданіе 30 іюля. Конечно, англичане пріѣхали съ убѣжденіемъ во вредѣ иностраннаго вмѣшательства въ стачку. Это дѣло наше — національное, говорилъ предсѣдатель ген. совѣта Пью: «мы не хотимъ указки со стороны и вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла». «Притомъ же вы»,упрекалъ онъ москвичей,«все время муссировали общественное мнѣніе совершенно невѣрной и ложной информаціей». «Никто у насъ и не думалъ,» прибавлялъ Персель, «что эта стачка объявлялась съ революціонными намѣреніями». «Конечно, съ присущей намъ пролетарской прямотой», докладывалъ делегатъ Андреевъ, «мы квалифицировали поведеніе ген. совѣта какъ предательство». Съ своей стороны, заявляли московскіе делегаты, они пріѣхали съ цѣлью усилить мѣры помощи горнякамъ. Изъ 600.000 фунтовъ, собранныхъ для углекоповъ, московская помощь составляетъ 450.000 фунтовъ. Изъ другихъ странъ углекопамъ предлагали займы за проценты. Уголь подвозится безпрепятственно; словомъ, стачка проходитъ во «враждебномъ окруженіи». Эти факты москвичи пытались сдѣлать исходной точкой для обсужденія мѣръ международной борьбы «единымъ фронтомъ» противъ «наступленія капитала», подчеркивая при этомъ, что «экономическіе конфликты» должны перейти въ «общеклассовую общеполитическую борьбу». А генсовѣтъ «всячески клялся, что стачка эта — чисто промышленная и экономическая». Наконецъ, московскіе делегаты пытались вызвать комитетъ на рѣшеніе о «военной опасности», «усиливающейся съ каждымъ днемъ». Англійскіе делегаты отвели всѣ эти предложенія на томъ основаніи, что они не уполномочены ихъ разсматривать, и потребовали, чтобы ВЦСПС предварительно «дезавуировалъ свои рѣшенія». Они прямо заявили моск-

вичамъ, что ихъ комиссія внѣшнихъ сношеній рѣшила, что «возбужденіе вопроса въ международномъ масштабѣ принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы». Не убѣдивъ другъ друга, делегаты разъѣхались, и самое существованіе англо-русскаго комитета казалось подорваннымъ такимъ проваломъ *). Генеральный совѣтъ конгресса тредъ-юніоновъ одобрилъ поведеніе своихъ представителей.

Борьба съ ген. совѣтомъ была перенесена тогда въ самую Англію. 30 августа собралась въ Лондонѣ годичная конференція «революціоннаго меньшинства» тредъ-юніонозъ. Составъ ея увеличился сравнительно съ 1925 г. съ 750.000 рабочихъ, объединенныхъ въ 406 организацій, пославшихъ 683 делегата, — до 956.000 рабочихъ, объединенныхъ въ 521 организацію, пославшихъ 802 делегатовъ. Конечно, здѣсь, какъ въ прошломъ году въ Скарборо, были проведены всѣ рѣшенія коммунистовъ, осужденъ генсовѣтъ, выдвинута впередъ «всемѣрная помощь» забастовщикамъ, созданіе «новаго руководства», «необходимость пропаганды въ арміи и флотѣ» и т. д. Все это приведено въ связь съ «опасностью новаго вооруженнаго нападенія на СССР, котораго добивается консервативное правительство съ момента прихода къ власти».

На все это долженъ былъ отвѣтить очередной конгрессъ тредъ - юніоновъ, собравшійся 6-11 сентября въ Борнемаусѣ. Но вопросъ о всеобщей стачкѣ тамъ даже не стоялъ на повѣсткѣ. Совѣтской делегаціи было отказано въ визѣ. Къ негодованію московскихъ лидеровъ, предсѣдатель Пью заговорилъ во вступительной рѣчи о «глубокой правильности демократическихъ методовъ» и отдалъ должное ген. совѣту за то, что онъ «не допустилъ революціонной вспышки». Конечно, представители движенія меньшинства нашли поводы устроить на конгрессѣ нѣсколько бурныхъ сценъ. Но даже Кукъ заявилъ, что горняки отказываются отъ обсужденія вопроса объ общей стачкѣ. Рѣзкая телеграмма ВЦСПС была напечатана съ протестомъ ген. совѣта противъ «нарушенія правилъ вѣжливости» и «персональныхъ поношеній», къ которымъ англичане не привыкли. Когда вновь поднятъ былъ на съѣздѣ вопросъ о «единомъ фронтѣ», т. е. о способѣ объединить Амстердамскій интернаціоналъ и Профинтернъ — этотъ аннексъ Коминтерна, то даже Перселъ заговорилъ о затрудненіяхъ, которыя дѣлаютъ русскіе, и о предпочтительности разрѣшенія вопроса путемъ

---

*) См. докладъ Андреева 1 августа въ пленумѣ ВЦСПС («Правда», 14 августа).

вхожденія «Профинтерна» въ Амстердамъ (т. е., пояснилъ Лозовскій, ликвидаціи Профинтерна). Затѣмъ, крайняя резолюція металлистовъ была отвергнута 2.416.000 голосами, и принята 2.959.000 голосами компромиссная резолюція портныхъ. Подводя итоги, «Правда» (16 сентября) принуждена была признать, что «если судить по резолюціямъ, Борнемаусъ есть большой шагъ назадъ по сравненію съ Скарборо» (см. выше стр. 359). «Руководящая головка профдвиженія несмѣнена». «Предатели» остаются во главѣ. Но, все же, «Правда» спѣшитъ утѣшить себя «полѣвѣніемъ англійскихъ рабочихъ массъ». Вожди — вправо, массы — влѣво. «Противорѣчіе между Скарборо и Ливерпулемъ передвинулось внутрь англійскаго профдвиженія». И хотя эта «передвижка» скорѣе въ пользу Ливерпуля, чѣмъ Скарборо, — «Правда», во что бы то ни стало торжествуетъ побѣду. Она не унываетъ, и снова появляются (22 сент.) заголовки: «горняки не прекращаютъ борьбы», «предложенія правительства отвергнуты». А 10 ноября опять: «забастовка горняковъ въ опасности», «Профсоюзные чиновники снова пытаются предать интересы горняковъ» («Извѣстія», 2 ноября). Такъ тянется эта канитель, уже утрачивая всякій политическій интересъ, до печальнаго конца забастовки и до конца года — до доклада Мерфи на VII пленумѣ коминтерна и до минорнаго заключенія Лозовскаго: «Англійское рабочее движеніе переживаетъ глубокій кризисъ... Буржуазія отказалась отъ прежнихъ примирительныхъ методовъ... Единый фронтъ противъ рабочаго класса проникъ внутрь самого рабочаго движенія», — въ лицѣ его «вождей, какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ». Дѣйствительно, внѣ этого «единаго фронта» съ буржуазіей, созданнаго политикой Москвы, осталась только «коммунистическая партія Англіи», — единственная проводившая «правильную» (т. е. московскую) линію и подвергающаяся теперь опасности, на которую «мы не должны закрывать глаза»: «опасности, что первый ударъ буржуазіи и ея реформистскихъ лакеевъ будетъ направленъ именно на компартію и на движеніе меньшинства». Эти «репрессіи могутъ вызвать отрывы и колебанія». Общій выводъ формулируется словами Ленина: «мы должны учиться на нашихъ пораженіяхъ». Уроковъ, какъ мы видѣли, было немало; но въ прокъ они пока не пошли.

Потерпѣвъ неудачу въ Англіи, третій интернаціоналъ зато получилъ компенсацію на Дальнемъ Востокѣ. Правда, тутъ при-

шлось поддерживать не рабочій пролетаріатъ, а широкое національное движеніе противъ иностранцевъ. Этотъ пріемъ, однако, какъ мы знаемъ, былъ тоже хорошо извѣстенъ большевикамъ, употребившимъ его съ успѣхомъ и при расчлененіи Россіи, и при поддержкѣ Турціи и при пропагандѣ въ Индіи. Разсчеты на Азію не покидали ихъ съ самаго начала ихъ работы *); а послѣ Локарно, какъ сказано выше, ихъ усилія приняли окончательно форму борьбы за созданіе «антилиги» «восточныхъ» націй противъ западныхъ. Почва на Востокѣ оказалась, какъ сейчасъ увидимъ, гораздо болѣе благодарной, чѣмъ въ Европѣ, хотя работа здѣсь и не вела прямо ни къ какой «соціалистической» революціи.

Отношенія на Дальнемъ Востокѣ излагаются, поскольку дѣло касается Японіи, въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ второго тома **). Здѣсь мы лишь дополнимъ въ краткихъ чертахъ наиболѣе необходимое для пониманія положенія на Дальнемъ Востокѣ,сложившагося къ настоящему моменту.Отношенія совѣтской власти съ Японіей стали понемногу налаживаться съ тѣхъ поръ, какъ потерпѣла неудачу бѣлая борьба въ Сибири — а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла оправданіе и японская интервенція, предпринятая подъ предлогомъ поддержки антибольшевистскаго движенія. Японцы пробовали было остаться и послѣ этого момента въ роли оккупантовъ Приморья и Сахалина; но они столкнулись съ растущимъ недовольствомъ въ самой Японіи, гдѣ партія «моряковъ» была противъ расходовъ на сухопутныя авантюры, а пострадавшее отъ экономическаго кризиса населеніе — вообще противъ громадныхъ издержекъ, какихъ стоила оккупація. Въ то же время рѣшительно высказалась противъ продленія японской оккупаціи Америка, вырвавшая у Японіи на Вашингтонской конференціи обѣщаніе — уйти изъ Приморья. Предвидя это требованіе, японская дипломатія хотѣла заручиться къ моменту конференціи или предварительнымъ соглашеніемъ съ совѣтской властью, или, по крайней мѣрѣ, возможностью заявить, что она ведетъ съ большевиками прямые переговоры. Для этой цѣли японцы предложили Дальневосточной республикѣ***)вступить съ ними въ непосредственные переговоры, которые и открылись въ Дайренѣ 20 августа 1921 г. Но тутъ японцами были выставлены совершенно непріемлемыя требованія:

*) См. выше, стр. 270.
**) См. т. II-й стр. 154-190.
***) См. о ней т. II-й, стр. 152-153, 158-160, 174-175,

они все еще надѣялись оторвать Забайкалье отъ Москвы и для этого потребовали, чтобы Дальневосточная республика обязалась не вводить коммунистическаго режима, сохранить принципъ частной собственности и открыть широкій доступъ къ мѣстнымъ природнымъ богатствамъ, промышленности и торговлѣ японскимъ гражданамъ, обязавшись также предоставить японцамъ свободное плаваніе по Амуру и по Сунгари, срыть всѣ приморскія укрѣпленія, начиная съ Владивостока, который долженъ былъ быть поставленъ подъ иностранный контроль, и не держать въ водахъ Тихаго океана никакого флота. Правда, всѣ эти условія были видоизмѣнены въ процессѣ переговоровъ, и выработанъ согласительный текстъ договора, все же весьма выгодный для Японіи. Но тѣмъ временемъ и Вашингтонская и Генуэзская конференціи прошли; въ «ширмахъ» болѣе не было надобности, а совѣтскіе дипломаты продолжали требовать отъ японцевъ точнаго указанія на срокъ эвакуаціи и вступленія въ непосредственные переговоры не только съ Дальневосточной республикой, но и съ РСФСР. Японцы предпочли сорвать конференцію; для этого они выставили вновь первоначальныя требованія, и Дайренская конференція была прервана 16 апрѣля 1922 г. Японцы еще разсчитывали въ тотъ моментъ на возможность успѣха бѣлаго наступленія на ДВР. и на занятіе Уссурійской ж. д. Скоро они въ этомъ окончательно разочаровались и рѣшили произвести «полную эвакуацію японскихъ войскъ изъ Приморской области не позднѣе 1 ноября» и на этомъ основаніи возобновить переговоры съ пріѣхавшимъ на Дальній Востокъ совѣтскимъ дипломатомъ Іоффе. Вторая конференція открылась 4 сентября 1922 г. въ Чанчунѣ, станціи Южно-китайской ж. д. — но кончилась 26 сентября такъ же неудачно, какъ и Дайренскіе переговоры — и по той же причинѣ. Совѣтскіе дипломаты требовали расширенія переговоровъ на предметы, непосредственно касавшіеся РСФСР, и полной эвакуаціи, а японцы не соглашались выходить за предѣлы дальневосточныхъ вопросовъ и не хотѣли эвакуировать Сахалина до полученія извиненія за т. наз. «Николаевскій инцидентъ» *). Черезъ мѣсяцъ послѣ разрыва Владивостокъ былъ очищенъ японскими войсками, и красные войска заняли городъ. Только съ пріѣздомъ новаго дипломата Карахана, замѣнившаго Іоффе, переговоры снова открылись,

---

*) См. т. II-й, стр. 161-168.

тянулись цѣлый годъ съ перерывами и кончились соглашеніемъ 20 января 1924 г.— только тогда, когда тяжелое внутреннее положеніе (пассивный балансъ торговли, уменьшеніе золотого запаса, ростъ займовъ, землетрясеніе, усиленіе аграрныхъ волненій, ростъ рабочаго движенія) и затрудненія во внѣшней политикѣ (укрѣпленіе Сингапура англичанами, англо-французскіе переговоры, маневрированіе американскаго флота въ Тихомъ океанѣ) заставили Японію идти па скорѣйшее примиреніе съ СССР. Договоромъ 20 января 1924 г. возстановлялись дипломатическія п консульскія отношенія, обѣщался пересмотръ договоровъ, кромѣ Портсмутскаго, давалось обязательство невмѣшательства во внутреннія дѣла и отказа отъ поддержки враждебныхъ организацій, давалось согласіе на концессіи на минеральныя, лѣсныя и иныя богатства, отсрочивался вопросъ о долгахъ. Японцы обязывались закончить эвакуацію Сахалина въ маѣ 1925 г. и получали концессіи на Сахалинѣ: 50% мѣсторожденій нефти, эксплуатацію угольныхъ залежей на западномъ берегу Сѣв. Сахалина съ уплатой большевикамъ 5-8% валовой добычи угля, 5-15% — нефти; давалось право безпошлиннаго ввоза и вывоза матеріаловъ для предпріятій. Въ дополнительной нотѣ СССР высказывалъ сожалѣніе о событіяхъ въ Николаевскѣ *).

Отношенія съ Китаемъ были значительно сложнѣе, чѣмъ съ Японіей, и повели не къ ликвидаціи старыхъ конфликтовъ, а къ возникновенію новыхъ. Большевики довольно искусно подошли къ использованію національнаго движенія Китая противъ иностранцевъ, сразу поставивъ себя внѣ и въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ иностранцевъ и отъ ихъ притязаній въ Китаѣ своимъ двукратнымъ предложеніемъ въ 1919 г. и,вторично, въ 1920 (за подписью Карахана) отказаться отъ контрибуціи за боксерское возстаніе, отъ всѣхъ факторій и привилегій русскихъ купцовъ, отъ права экстерриторіальнаго суда, и вообще «навсегда ликвидировать всѣ акты насилія и несправедливости, совершенные относительно Китая прежними россійскими правительствами совмѣстно съ Японіей и союзниками». Китайскую ж. дорогу большевики предлагали превратить въ чисто коммерческое предпріятіе. Съ своей сто-

---

*) О Дайренской и Чанчунской конференціяхъ см. Мих. Павловича (М. П. Вельтмана), Совѣтская Россія и имперіалистическая Японія, Москва, 1923 (изд. «Красная Новь»), стр. 71-84. Международная политика Р. С. Ф. С. Р. въ 1917-1922 гг., стр. 179-184. Новый Востокъ, т. VII, статья Б. Семенова: Японо - совѣтское соглашеніе, стр. 26-37.

роны они хотѣли получить отъ Китая фромальное признаніе де юре. Можно представить себѣ, какое глубокое впечатлѣніе эти предложенія произвели на общественное мнѣніе Китая. Однако, первыя сношенія не были удачны, отчасти благодаря воздѣйствію союзниковъ, отчасти же вслѣдствіе введенія красныхъ войскъ въ Монголію, гдѣ большевики боролись съ Унгерномъ и помогали монгольскимъ князьямъ въ ихъ стремленіи къ независимости (см. выше стр. 353). Послѣ долгихъ хлопотъ главѣ торговой делегаціи, Юрину, удалось получить разрѣшеніе пріѣхать въ Пекинъ; но онъ не нашелъ базиса для соглашенія, хотя истратилъ немало денегъ изъ золотого запаса; и былъ отозванъ. Въ 1922 г. посланъ былъ Іоффе, ведшій одновременно переговоры съ Китаемъ и съ Японіей, — и также ничего не добившійся, кромѣ устройства нѣкоторыхъ связей съ пекинской интеллигенціей. На его мѣсто былъ назначенъ Караханъ, начавшій съ щедрой раздачи подарковъ вліятельнымъ лицамъ въ Китаѣ. Къ этому времени, однако, Китай пылалъ въ огнѣ гражданской войны, и дальнѣйшія совѣтско-китайскія отношенія тѣсно связаны съ ходомъ этой внутренней борьбы, въ которой третій интернаціоналъ принялъ непосредственное участіе. Чтобы понять его роль, необходимо остановиться на главныхъ моментахъ этой борьбы.

Со времени двойной революціи 1911-1913 г., свергнувшей манчжурскую династію, Китай раздѣленъ на части. Сперва обнаружилось расхожденіе между сѣверомъ и югомъ, причемъ, помимо мѣстныхъ автономистскихъ стремленій, это расхожденіе окрасилось также и политическими разногласіями. Президентъ Юаншикай являлся представителемъ неумершихъ еще монархическихъ тенденцій, а Югъ — Нанкинъ и Кантонъ — признавали своимъ руководителемъ Сунъ-ят-Сена, усвоившаго въ эмигрантскихъ кругахъ Европы радикальные республиканскіе и соціалистическіе взгляды. Оба претендовали объединить Китай; но Юаншикай былъ сторонникомъ централизма, Сунъ-ят-Сенъ — федералистомъ. Два раза, въ 1913 и 1915 гг.,Сунъ-ят-Сенъ пытался поднимать Южный Китай: первый разъ совсѣмъ неудачно, второй разъ немного успѣшнѣе. Смерть Юаншикая (1916 г.) закрѣпила раздѣленіе Китая на части. Это былъ тяжелый моментъ для Китая: Юаншикай въ 1915 г. вынужденъ былъ принять знаменитыя «двадцать одно» требованія Японіи; правда, нѣсколько смягченныя во второй (апрѣльской) редакціи сравни-

тельно съ первой (февральской), но, тѣмъ не менѣе, нарушавшія суверенитетъ Китая и вводившія нѣчто вродѣ японскаго протектората надъ Китаемъ *). Замѣститель Юаншикая, Ли-Юанъ-Хунъ, принадлежалъ къ японофильской партіи «Аньфу», руководимой лидеромъ Дуанъ-Ци-Джуемъ. Партія эта была дискредитирована въ общественномъ мнѣніи Китая своими уступками Японіи. Это недовольство и послужило толчкомъ къ дальнѣйшему дробленію Китая. На югѣ Сунъ-ят-Сенъ поднялъ новое возстаніе и провозгласилъ «правительство защиты конституціи». На сѣверѣ образовалась новая партія, «чжилійская», подъ руководствомъ Цао-Куня и У-Пей-Фу. Лѣтомъ 1922 г. У-Пей-Фу овладѣлъ Пекиномъ. Тогда Японія и побѣжденная партія Аньфу выставили противъ У-Пей-Фу «некоронованнаго короля» трехъ мукденскихъ провинцій Чжанъ-Цзо-Лина. Осенью того же 1922 г. Чжанъ-Цзо-Линъ пытался возстановить положеніе, но былъ разбитъ наголову. Онъ объявилъ тогда свои три провинціи (Хейлундзянъ, Гиринъ и Мукденъ) независимыми и вошелъ въ сношенія съ Сунъ-ят-Сеномъ, чтобы общими силами свергнуть чжилійцевъ. Въ слѣдующіе 1923-1924 гг. Чжанъ-Цзо-Линъ занялся усиленіемъ своихъ военныхъ силъ (см. т. II, стр. 192). Послѣдствія этого сказались въ октябрѣ 1924 г., въ битвѣ у Шанхай-Гуана: Чжанъ-Цзо-Линъ разбилъ здѣсь У-Пей-Фу и чжилійцевъ, причемъ рѣшающую роль сыгралъ уходъ съ поля битвы союзника У-Пей-Фу, «христіанскаго генерала» Фынъ-ю-Сяна въ Пекинъ. Дуанъ-Ци-Джуй (лидеръ Аньфу) былъ послѣ того, подъ вліяніемъ Чжанъ-Цзо-Лина, провозглашенъ «временнымъ правителемъ» Китая **).

Къ этому моменту союза Чанъ-Цзо-Лина съ Фынъ-Ю-Сяномъ относится первый успѣхъ совѣтской дипломатіи въ Китаѣ. Фынъ-Ю-Сянъ командовалъ «народной арміей», которая черезъ Ургу, Удде и Калганъ была въ связи съ большевиками (см. выше, стр. 353). 31 мая 1924 г. Караханъ заключилъ договоръ съ Пекиномъ и 20 сентября того же года перестраховалъ его мукденскимъ соглашеніемъ съ Чжанъ-Цзо-Линомъ. Властитель Манчжуріи обезпечилъ себѣ этимъ договоромъ (и дополнительнымъ къ нему воен-

*) См. La Chine en Rèvolution, Edmond Rottach, Paris, Perrin, 1914. Putnam Weale, Fight for the Republic in China. Gilbert Reid, China captive or free, N, Y 1921. John Dewey, China, Japan and the U S. A, (No 1, The New Republic pamphlets.

**) Новый Востокъ, №10 - 11. Изъ исторіи гражданской войны въ Китаѣ.

нымъ соглашеніемъ) тылъ (сѣверозападныя провинціи, находившіяся подъ управленіемъ Фынъ-Ю-Сяна) въ трудный моментъ борьбы съ У-Пей-Фу — и, какъ мы видѣли, выигралъ борьбу. А большевики добились, наконецъ, возможности поставить свою администрацію на Китайской ж. д. 3 октября КВД фактически перешла въ руки новаго большевистскаго управленія, замѣнившаго прежнее «бѣлое» (инженера Остроумова). СССР была признана Китаемъ, надъ зданіемъ русскаго посольства въ Пекинѣ взвился красный флагъ съ серпомъ и молотомъ. Мало того, Караханъ, какъ единственный посолъ среди полномочныхъ министровъ, получилъ права старѣйшины дипломатическаго корпуса. Началась энергичная большевистская пропаганда въ чайныхъ и ресторанахъ, — и интриги противъ другихъ державъ. Въ Кантонѣ, на родинѣ Сунъ-ят-Сена, орудовалъ изгнанный изъ Англіи большевикъ Бородинъ, выхлопотавшій присылку въ Кантонъ большевистскихъ инструкторовъ и открытіе при мѣстномъ совѣтѣ кадетской школы.Основой для сближенія партіи Сунъ-ят-Сена — гоминданъ — съ большевиками послужили еще бесѣды съ нимъ Іоффе въ Шанхаѣ въ 1923 г. Теперь Сунъ-ят-Сенъ пріѣхалъ больной въ Пекинъ (гдѣ и умеръ 12 марта 1925 г.). По дорогѣ, въ Японіи, онъ не безъ успѣха проповѣдовалъ идею паназіатской Лиги противъ захватной политики великихъ державъ. Въ Пекинѣ Сунъ-ят-Сенъ засталъ напряженное положеніе между Фынъ-Ю-Сяномъ, другомъ большевиковъ, и правителемъ Дуанъ - Ци-Джуемъ, обязаннымъ Чжанъ-Цзо-Лину своимъ возстановленіемъ. Недовольный агитаціей, развитой большевиками, и подготовкой переворота въ Кантонѣ, Чжанъ--Цзо-Линъ рѣшилъ, что пора ликвидировать своего пекинскаго союзника Фынъ-Ю-Сяна и обратился къ Карахану за поддержкой, на основаніи военнаго соглашенія. Онъ нуждался въ новыхъ русскихъ патронахъ и ружьяхъ, ибо часть вооруженія арміи была русскаго образца. Отъ Карахана онъ, конечно, услыхалъ отвѣтъ, что большевики не могутъ идти противъ своихъ друзей, владычествующихъ въ окрестностяхъ Пекина. Тогда, раздраженный отказомъ Чжанъ-Цзо-Линъ круто повернулъ линію своей политики въ сторону Японіи и Англіи. Онъ вызвалъ японскаго генеральнаго консула въ Мукденѣ и заявилъ о своемъ согласіи на постройку на японскія средства желѣзнодорожной линіи Таонаньфу-Цицикаръ, которая врѣзалась клиномъ въ русскую сферу въ Сѣверной Манчжуріи и

своимъ остріемъ направлена была въ самое сердце совѣтскихъ сообщеній съ Дальнимъ Востокомъ. По этой дорогѣ, по прямому пути изъ Фузана въ средоточіе Хейлунгіанской провинціи, можно было бы въ кратчайшій срокъ перевезти цѣлую армію въ тылъ тихоокеанскихъ сообщеній Москвы. Въ то же время (мартъ 1925 года) Чжанъ-Цзо-Линъ обратился и къ британскому и американскому генеральнымъ консуламъ и заявилъ имъ, что, если онъ получитъ необходимую денежную поддержку, то немедленно устранитъ большевистское вліяніе въ Китаѣ. Англія и Америка, однако, не спѣшили согласиться, и 30 мая произошла провоцированная большевиками стрѣльба въ Шанхаѣ, которая послужила сигналомъ къ широкому развитію національнаго движенія противъ иностранцевъ. Конечно, это движеніе вызвано вовсе не одними тѣми студенческими и рабочими группами, на которыя большевики имѣли вліяніе. Ихъ роль ограничилась раздачей 1-2 милліоновъ долларовъ въ стачечный фондъ и раздачей милліоновъ пропагандистскихъ листковъ, составленныхъ выученниками Москвы и вызывавшихъ смѣхъ у образованныхъ китайцевъ *). Партія гоминданъ только однимъ своимъ лѣвымъ крыломъ приближалась къ большевикамъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать уже отмѣченной выше большой роли, которую сыграли большевики въ организаціи правительствъ и армій Фынъ-Ю-Сяна и Кантона. Эта двойная угроза съ сѣверо-запада и съ юга заставила Чжанъ-Цзо-Лина прекратить противоестественный союзъ съ большевиками и вновь сблизиться съ У-Пей-Фу, съ Японіей и Англіей, а на Китайской желѣзной дорогѣ стать во враждебное отношеніе къ новой большевистской администраціи. Въ составѣ войскъ союзниковъ Чжанъ-Цзо-Лина были и остатки русскихъ бѣлыхъ войскъ, и русскимъ инструкторамъ онъ былъ отчасти обязанъ своей побѣдой при Шанхайкванѣ **).

Борьба между этими двумя фронтами — Чжанъ-Цзо-Лина съ У-Пей-Фу и Фынъ-Ю-Сяна съ кантонцами—шла въ 1926 г. съ перемѣннымъ счастьемъ. Но въ общемъ итогѣ народныя арміи сѣверо-запада и кантонскія войска Юга, особенно послѣднія, къ концу 1926 года оказались сильно продвинувшимися навстрѣчу другъ другу за счетъ своихъ противниковъ, главнымъ образомъ У-Пей-Фу, центральная позиція котораго была сильно ослаблена

*) Putnam Weale (Bertram Lennox Simpson). Why China Sees Red, Macmillan, 1926, стр. 77-89, 154.
**) Т. II, стр. 192 - 193.

этой смычкой красныхъ. Перемѣна положенія будетъ ясна изъ сопоставленія двухъ прилагаемыхъ картограммъ, одна изъ которыхъ представляетъ раздѣлъ Китая между чтырьмя главными борющимися силами въ началѣ 1925 г., а другая — расположеніе тѣхъ же самыхъ силъ къ концу 1926 г. *).

Въ началѣ 1926 г. Чжанъ-Цзо-Линъ далъ волю своему раздраженію противъ большевиковъ, арестовавъ (22 января) совѣтскаго начальника управленія Китайской ж. дороги Иванова (замѣстителя Остроумова) и разгромивъ профессіональные союзы. Со стороны СССР немедленно послѣдовалъ протестъ и требованіе: въ трехдневный срокъ освободить Иванова и арестованныхъ служащихъ, съ «просьбой» къ Пекинскому правительству — въ противномъ случаѣ «разрѣшить» большевикамъ возстановить порядокъ собственными силами. Чжанъ-Цзо-Лину пришлось

---

*) Провинціи обозначены нумерами — одинаковыми на обѣихъ картограммахъ. Территорія Чжанъ-Цзо-Лина и его союзника Сунъ - Чуанъ - Фана и др., обозначена точками; территорія У-Пей-Фу—кружками, территорія Фынъ-Ю-Сяна и народныхъ армій горизонтальными линіями; территорія Кантонскаго правительства — вертикальными линіями. Распредѣленіе провинцій между четырмья группами было слѣдующее:

ВЪ НАЧАЛѢ 1925 ГОДА:

I группа (Чж.-Цзо-Линъ)	II группа (У-Пей-Фу)	III группа (Фынъ)	IV группа (Кантонъ)
1. Хейлундзянъ	9. Сычуанъ	16. Чахаръ	20. Гуандунь
2. Гиринъ	10. Кейчжоу	17. Суйюань	21. Гуанси
3. Мукденъ	11. Хубей	18. Женси	12. Хонанъ (часть)
Съ осени 1924 г.	12. Хонанъ	19. Хенань	
4. Жехе	13. Аньхой		22. Фудзянь (часть)
5. Чжили	14. Чженьцинь		
6. Шаньдунь	15. Кьянси		
7. Цзяньсу			
8. Шаньси (частью)			

КЪ КОНЦУ 1926 ГОДА:

1. Хейлундзянъ	11. Хубей	16. Чахаръ	20. Гуандунь
2. Гиринъ	12. Хонанъ (частью)	17. Суйюань	21. Гуанси
3. Мукденъ		18. Женси	10. Кейчжоу
4. Жехе		19. Хенань	12. Хонанъ (часть)
5. Чжили		24. Кансу	
6. Шаньдунь			22. Фудзянь (часть)
7. Цзяньсу			
8. Шаньси (частью)			
23. Юнианъ			

Надо прибавить, что главная тяжесть борьбы падаетъ на серединныя и восточныя провинціи, густо населенныя и съ хорошими сообщеніями. Присоединеніе западныхъ и сѣверныхъ, мало населенныхъ, гористыхъ, съ плохими путями сообщенія, мало измѣняетъ въ общей картинѣ.

Вліяніе Чжанъ-Цзо-Лина.
– Чжилійск. партіи.
– Народной партіи.
– Кантона (Гоминдана)
Схема распредѣленія дѣйствующихъ силъ на территоріи Китая.
Провинціи въ Китаѣ:
1. Хейлундзянъ
2. Гиринъ
3. Мукденъ
4. Жехе
5. Чжили
6 Шаньдунь
7 Цзяньсу
8. Шаньси
9 Сычуанъ
10. Кейчжоу
11 Хубей
12. Хонанъ
13. Аньхой
14 Чженьцинь
15. Кьянси
16. Чахаръ
17. Суйюанъ
18. Женси
19. Хенань
20. Гуандунь
21. Гуанси
22. Фудзянь
23. Юннанъ
24. Кансу
С.С.С.Р.
Иркутскъ
Чита
Монголія
Харбинъ
Мукденъ
Пекинъ
Желтое Море
Японія
Формоза
Кантонъ
Тибетъ
Въ началѣ 1925 года.
С.С.С.Р.
Иркутскъ
Чита
Монголія
Харбинъ
Пекинъ
Желтое море
Японія
Формоза
Кантонъ
Тибетъ
Къ концу 1926 года.

уступить, такъ какъ его мѣры были явнымъ нарушеніемъ договоровъ 1925 г. СССР съ Пекиномъ и съ нимъ самимъ (см. выше). Конфликтъ произошелъ изъ-за неплатежа за перевозку китайскихъ войскъ и изъ-за насильственныхъ мѣръ военныхъ властей на жел. дорогѣ, повлекшихъ за собой отказъ Иванова перевозить войска. Эти спорные вопросы были временно урегулированы; Ивановъ освобожденъ, и профсоюзы возстановлены. Но затѣмъ Чжанъ-Цзо-Линъ началъ открытыя дѣйствія противъ вождя «народныхъ армій», своего недавняго союзника въ борьбѣ съ У-Пей-Фу, Фынъ-Ю-сяна. Мукденцы произвели высадку въ его тылу въ Таку и оттѣснили народную армію отъ Тянцзина. Затѣмъ они завладѣли (17 апрѣля) Пекиномъ, причемъ съ юга Чжанъ-Цзо-Лину помогъ У-Пей-Фу, политика котораго снова совпала съ политикой его соперника. За обоими продолжали стоять Японія, Англія и Америка. У-Пей-Фу высказался противъ большевистской пропаганды еще рѣзче Чжанъ-Цзо-Лина, и оба согласились потребовать удаленія Карахана изъ Пекина по обвиненію въ нарушеніи договора и въ устройствѣ безпорядковъ въ Китаѣ. Въ Пекинѣ установилось временное и непрочное состояніе равновѣсія между партіями аньфу и чжили. На Китайской ж. д. большевики замѣнили Иванова Емшановымъ и послали Серебрякова улаживать разногласія съ владыкой Мукдена. Народная армія отступила по Монгольской жел. дорогѣ въ направленіи къ Калгану и до осени держалась въ трудно доступномъ проходѣ Нанькоу. Эта армія, связанная съ Монголіей совѣтской помощью, еще далеко не была революціонизирована и требовала дальнѣйшей обработки со стороны большевиковъ. Пользуясь наступившимъ затишьемъ, большевики и приступили къ такой обработкѣ. Для этой цѣли, прежде всего, дальнѣйшее отступленіе народной арміи на Удде и Ургу было остановлено. Всѣ заготовленные Москвой боевые припасы и склады были заблаговременно перенесены сначала въ Боа - Ту, а затѣмъ, по судоходной рѣкѣ Хуанъ - Хе, еще глубже въ провинціи Суйюань и Ганьсн. Имѣлось въ виду при этомъ отвести народныя арміи въ югозападномъ направленіи — для координаціи съ Кантонскими войсками, дѣйствовавшими въ болѣе населенныхъ, богатыхъ — и лучше распропагандированныхъ провинціяхъ. Большевики упрекали народную армію за то, что въ оккупированныхъ мѣстностяхъ она не вводила диктатуры пролетаріата, которая освободила бы дѣйствующую армію

отъ обязанности охранять тылъ и занятыя мѣста. (Эта система примѣняется кантонской арміей, какъ одинъ изъ методовъ классовой войны). Пока народная армія приводилась въ порядокъ въ районѣ Боа-Ту подъ руководствомъ совѣтскихъ инструкторовъ, Фынъ-Ю-Сянъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ генштабъ разработалъ планъ участія его войскъ въ осеннемъ наступленіи кантонской арміи *). Съ другой стороны, главнокомандующій кантонской арміей Ху-Ханъ-Минъ послѣ продолжительной побывки въ Москвѣ вернулся въ мартѣ на Дальній Востокъ съ цѣлью пересоздать армію по совѣтскому образцу, для распространенія революціи на весь Китай (его рѣчь во Владивостокѣ, «Таймсъ», 27 марта).

Осень 1926 г. дѣйствительно ознаменовалась новыми перемѣнами. Съ одной стороны, мукденскій владыка опять принялся нарушать права Китайской жел. дороги, захватилъ ея флотилію на Сунгари, помѣщенія, связанныя съ судостроеніемъ, и учебный отдѣлъ дороги (въ Пекинѣ былъ закрытъ совѣтскій университетъ). Двѣ ноты Чичерина (31 августа и 7 сентября) на этотъ разъ остались безъ послѣдствій. Около этого же времени Караханъ выѣхалъ изъ Пекина, направляясь во Владивостокъ.

На югѣ Китая происходили гораздо болѣе крупныя событія. Тамъ въ концѣ августа началось намѣченное на осень наступленіе кантонской арміи на сѣверъ, въ провинцію Цзянси, къ Ханькоу, на Янгтцекіангѣ. Союзникъ Чжанъ-Цзо-Лина, глава приморскихъ провинцій Сунъ-Чуанъ-Фанъ не оказалъ помощи У-Пей-Фу, на войска котораго обрушились въ первую голову кантонцы; провинція была занята, Ханькоу взятъ, а за нимъ настала очередь провинцій Хубей и Хонана. Чжанъ-Цзо-Линъ оставался пассивнымъ зрителемъ, повидимому, не безъ удовольствія слѣдя за разгромомъ своего соперника, У-Пей-Фу. Но положеніе измѣнилось, когда въ ноябрѣ опасность стала угрожать уже и ближайшимъ къ кантонцамъ провинціямъ его союзника, Сунъ-Чуанъ-Фана, — Фудзяну, который былъ занятъ, и Аньхой, губернаторъ которой колебался. Состоялись новыя совѣщанія съ англичанами, торговля которыхъ, вмѣстѣ съ ихъ преобладаніемъ на Янгтцекіангѣ были существенно подорваны взятіемъ Ханькоу. Въ результатѣ этихъ совѣщаній Чжанъ-Цзо-Линъ, наконецъ, вышелъ изъ состоянія пассивности, и началась переброска мукден-

*) См. статью г. В. К. въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 29 декабря 1926.

скихъ войскъ на театръ дѣйствій. Одновременно, однако, появились сторонники и альтернативнаго рѣшенія: помириться съ успѣхами Кантона и подѣлить Китай окончательно на двѣ половины между Кантономъ и Пекиномъ (съ Мукденомъ). Новый 1927 годъ застаетъ эту дилемму нерѣшенной. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что старый годъ кончается въ моментъ большихъ успѣховъ кантонцевъ; правда, послѣдніе не тожественны съ большевиками, но, какъ сказано, они сливаются съ ними своимъ лѣвымъ флангомъ и весьма охотно принимаютъ отъ нихъ все, что касается усовершенствованія военнаго дѣла.

Возможно, конечно, что, достигнувъ съ большевистской помощью своихъ національныхъ цѣлей, китайскіе націоналисты на этомъ и остановятся, не переходя къ совѣтской системѣ, — какъ это было и съ Турціей. Но въ данный моментъ, когда дѣло еще не рѣшено, остается полный просторъ для надеждъ и фантазій третьяго интернаціонала. «Военный Вѣстникъ», органъ штаба Красной Арміи, (13 ноября) уже обсуждаетъ, въ связи съ открывшимися переговорами между Сѣверомъ и Югомъ, планъ военно-революціонныхъ операцій въ новомъ, болѣе широкомъ масштабѣ. Для подготовки этихъ операцій именно и признается необходимымъ установить передышку, въ видѣ болѣе или менѣе длительнаго мирнаго соглашенія съ Чжанъ-Цзо-Линомъ. Тѣмъ временемъ будетъ организовано и политически укрѣплено національно-революціонное движеніе на вновь занятыхъ территоріяхъ; передохнетъ и сама кантонская армія, въ составъ которой вошло немало элементовъ, вновь присоединившихся отъ У-Пей-Фу и Сунъ-Чуанъ-Фана, и, наконецъ, по возможности будетъ разложенъ тылъ и войска Чжанъ-Цзо-Лина. Въ то же самое время большевики надѣются сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ Индонезіи. Съ острова Явы, гдѣ возстаніе поддерживается связью съ Кантономъ, они расчитываютъ перебросить возстаніе также и на о. Суматру. Эта цѣль уже достигнута въ первые дни 1927 г.

Это мажорное настроеніе большевиковъ не могло не отразиться на VII расширенномъ пленумѣ третьяго интернаціонала, въ концѣ ноября и началѣ декабря 1926 г. Бухаринъ, замѣститель Зиновьева, ничуть не уступалъ опальному вождю Коминтерна ни въ откровенности, ни въ опредѣленности. Онъ характеризовалъ положеніе, какъ «промежуточное между двумя валами революціи», причемъ большевики тянутъ событія вверхъ, на гребень

вала, тогда какъ соціалъ-демократы, ихъ вѣчные соперники, тянутъ книзу. *Они* — за «стабилизацію капитализма, *мы* — противъ». Они утверждаютъ, что «капитализмъ живетъ въ нормальныхъ условіяхъ; *мы* — уже потому не можемъ раздѣлять этого мнѣнія, что фактъ существованія нашихъ пролетарскихъ республикъ самъ по себѣ служитъ выраженіемъ не обычнаго состоянія». Соціалъ-демократы «противъ разрушающихъ стабилизацію элементовъ»; они и «противъ восточно-азіатской революціи». «Мы считаемъ великую революцію въ Китаѣ началомъ восточно-азіатской революціи», «крупнаго фактора разрушительнаго характера». Соціалъ-демократы «противъ войны, противъ нарушенія мира», для «насъ — Лига Націй есть разбойничья организація». Они говорятъ, что мы «хотимъ повсюду раздуть пожаръ» :не удалось на Западѣ, хотимъ «поджечь и ограбить Востокъ». «Мы должны сказать—и это будетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности: коммунистическія партіи—это партіи мятежа, партіи возстанія, а Коминтернъ—это міровая организація пролетаріата, ведущая къ возстанію». Яснѣе этого, кажется, говорить было невозможно. Въ частности, по докладу Мануильскаго, Коминтернъ долженъ «сигнализировать пролетаріату всего міра опасность новой войны»—Америки съ Японіей; а китайская компартія должна при этомъ быть «особо бдительной» и «найти правильные пути революціи». Правда, китаецъ Танъ-Пинъ-Сянъ старался лить холодную воду на это разгоряченное краснорѣчіе. Онъ доказывалъ — какъ доказывали въ 1923 г. германцы —, что «революціонное движеніе въ Китаѣ еще далеко отъ окончательной побѣды»; что «военныя операціи опередили революціонное развитіе массъ»; что «революціонныя организаціи еще слишкомъ слабы». Онъ рекомендовалъ программу-минимумъ: уничтоженіе феодальнаго строя и освобожденіе отъ иностранцевъ въ единомъ фронтѣ со всѣми группами гоминдана, съ крестьянствомъ и съ мелкой и средней буржуазіей. Но это болѣе осторожное рѣшеніе было, конечно, и болѣе опаснымъ. Естественно, что «партія мятежа», дѣйствующая противъ «стабилизаціи» силами «разрушительнаго характера» и раскидывающая свои сѣти по всему міру не могла расположить въ свою пользу правительствъ Европы, — особенно въ такой періодъ, когда — отчасти подъ вліяніемъ именно этой коммунистической опасности, — въ рядѣ странъ власть перешла въ руки консервативныхъ круговъ.

XVII.

Отношеніе Европы къ совѣтской Россіи въ 1926 г. — Отношеніе Англіи: вопросъ о разрывѣ отношеній. — Отношеніе Франціи: медленность переговоровъ о долгахъ.—Другія государства (Сѣв. Америка, Германія).

Такъ какъ главное остріе коммунистической политики было направлено противъ Англіи *), то естественно, что въ Англіи и проявились всего ярче антисовѣтскія настроенія. Мы видѣли, какъ обострились отношенія между большевиками и ихъ ближайшими союзниками въ Англіи — генеральнымъ совѣтомъ тредъ-юніоновъ. Рабочая партія продолжала энергично очищать свой составъ отъ коммунистовъ, и коммунистическая партія Англіи все болѣе изолировалась отъ болѣе умѣренныхъ теченій въ рабочей средѣ. Громадный провалъ стачки горняковъ и ухудшеніе ихъ положенія послѣ всѣхъ перенесенныхъ испытаній не могли не убѣдить рабочихъ въ рискованности методовъ, употребляемыхъ большевиками въ борьбѣ съ капиталомъ. Тѣмъ болѣе рѣзко были настроены консервативные круги, въ средѣ которыхъ созрѣло намѣреніе — требовать отъ правительства прямого разрыва торговаго соглашенія 1921 г. съ большевиками, отказа имъ въ признаніи и высылки всѣхъ представителей большевиковъ изъ Англіи. Поводомъ къ заявленію этихъ требованій была большевистская пропаганда противъ Британской имперіи и посылка денежныхъ субсидій всеобщей забастовкѣ и англійскимъ горнякамъ. Въ цѣломъ рядѣ засѣданій палаты общинъ представителямъ правительства приходилось давать отвѣты на вопросы этого рода членовъ палаты. Такія заявленія дѣлались Чемберленомъ въ засѣданіяхъ 21 апрѣля, 19 мая, 4 іюня, 21 іюня, 25 іюня, 1 декабря. Смыслъ заявленій британскаго министра иностранныхъ дѣлъ былъ всегда одинъ и тотъ же. «Если бы мнѣ теперь пришлось заключать торговый договоръ съ совѣтами и признавать ихъ, я не сдѣлалъ бы ни того, ни другого. При каждомъ моемъ разговорѣ съ представителемъ совѣтской власти я напоминаю ему, что коммунистическая пропаганда препятствуетъ добрымъ отношеніямъ съ Англіей и что я не буду вести дальнѣйшихъ переговоровъ (о долгахъ), пока она будетъ продолжаться. Уже въ настоящее вре-

*) Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить переводъ на англійскій языкъ книги Троцкаго: «Куда идетъ Англія» (Where is Britain going) съ пессимистическимъ прогнозомъ, съ предисловіемъ Брельсфорда, и полемику по этому поводу Троцкаго, «Извѣстія», 14 марта 1926; «Правда», 11 февраля и 25 мая.

мя у меня имѣется достаточно основаній, чтобы прервать дипломатическія сношенія съ большевиками, — и если правительство рѣшило не дѣлать этого, то только для того, чтобы не прибавлять къ положенію, и безъ того сложному и трудному, какъ внутри такъ и во-внѣ государства, новаго повода для внутреннихъ разногласій и для внѣшней пропаганды».

Поучительное засѣданіе 25 іюня показало, что правительство было совершенно право въ своей тактикѣ. Ибо ему пришлось выдержать въ этомъ засѣданіи напоръ какъ справа, такъ и слѣва. Читая эти дебаты, можно было думать, что мы присутствуемъ при преніяхъ не 1926 г., а 1920 г. «Непримиримые» (the „diehards“) возобновляли аргументацію временъ бѣлой борьбы въ Россіи. Представители рабочихъ становились въ позицію защиты большевиковъ и, отрицая невѣрныя ссылки «непримиримыхъ», игнорировали самоочевидные факты. Правительственной публикаціей захваченныхъ при арестѣ коммунистическихъ лидеровъ бумагъ (см. выше) они воспользовались лишь для того, чтобы высмѣять эти документы, подлинность которыхъ уже не могли, вслѣдъ за большевиками, отрицать: эти данныя, по ихъ истолкованію, доказывали лишь слабость совѣтской пропаганды въ Англіи и незатронутость ею рабочей партіи. Наконецъ, Ллойдъ Джорджъ (про котораго говорили, что онъ собирается посѣтить Москву) продолжалъ доказывать, что царская власть была не лучше большевистской и что британскіе купцы никогда не спрашивали объ убѣжденіяхъ тѣхъ, съ кѣмъ торговали. Очевидно, въ виду такихъ настроеній министръ внутреннихъ дѣлъ Джойнсонъ Хиксъ не рѣшился даже запретить ввоза совѣтскихъ субсидій горнякамъ: онъ запретилъ лишь субсидіи всеобщей забастовкѣ, какъ дѣйствію явно незаконному и насильственному. Но онъ, какъ мы видѣли, не пустилъ въ Англію совѣтскихъ делегатовъ. И на вопросъ, какимъ иммунитетомъ пользуется Аркосъ (см. выше), представители правительства отвѣчали, что дипломатическимъ иммунитетомъ пользуется только одно лицо, предсѣдатель, въ виду того, что въ совѣтской Россіи торговля монополизирована государствомъ.

Во Франціи, менѣе затронутой совѣтской наступательной политикой, положеніе въ теченіе 1926 года не перемѣнилось замѣтно. Это особенно ярко видно изъ безконечно тянувшихся и ни къ чему не приводившихъ переговоровъ о совѣтскихъ долгахъ

Франціи. Съ октября 1925 г. переговоры въ комиссіи Дальбіеза были отсрочены на неопредѣленный срокъ, и ведшій ихъ Красинъ уѣхалъ въ Москву. Въ этотъ моментъ дѣло остановилось на отвергнутомъ Кайо предложеніи Красина. Совѣтская власть предлагала тогда погасить русскіе довоенные долги по двойной биржевой цѣнѣ бумагъ въ опредѣленный день, но при условіи, что на сумму равную той суммѣ долга, которая будетъ признана, будутъ предоставлены денежные и товарные кредиты совѣтскому правительству, притомъ безъ процентовъ на первые 5-7 лѣтъ, по истеченіи которыхъ большевики начнутъ погашать и эти кредиты, и довоенные долги.

Въ декабрѣ 1925 г. пріѣхалъ въ Парижъ Чичеринъ и вмѣстѣ съ Красинымъ обѣщалъ Бріану представить болѣе пріемлемыя для французовъ предложенія. Бріанъ согласился тогда созвать конференцію и назначилъ главой французской делегаціи де-Монзи. Во главѣ русской делегаціи сталъ новый полпредъ Раковскій. Конференція открылась, послѣ отсрочекъ, 25 февраля 1926. Раковскій началъ съ заявленія, что онъ понимаетъ, что «мы не въ Генуѣ и не въ Гаагѣ», и что въ Москвѣ поняли, что кредитовъ получить нельзя безъ урегулированія вопроса о долгахъ. Однако, совѣтская власть отказывается отмѣнить декреты объ аннулированіи долговъ и о націонализаціи промышленности. Въ видѣ исключенія, можно вознаградить держателей русскихъ бумагъ за убытки; но вопросъ о долгахъ долженъ быть связанъ съ вопросомъ о предоставленіи совѣтской власти кредитовъ. Выясняя далѣе совѣтскую позицію, Раковскій въ концѣ марта заявилъ, что довоенный русскій долгъ долженъ падать на Россію лишь въ той долѣ, какая останется за исключеніемъ отдѣлившихся отъ Россіи территорій. Довоенные долги должны исчисляться не во франкахъ золотомъ, а просто во франкахъ, какъ были заключены, — и на эти суммы должны быть выданы новыя обязательства — въ золотѣ. Французская делегація согласилась не требовать принципіальнаго признанія довоенныхъ долговъ, удовлетворившись фактическимъ погашеніемъ ихъ въ опредѣленной части. *Если* будетъ достигнуто соглашеніе о долгахъ, французы признали пріемлемымъ и предоставленіе совѣтской власти долгосрочныхъ кредитовъ, но безъ подчиненія этого вопроса вопросу о долгахъ. Величина кредитовъ будетъ зависѣть отъ условій платежей по долгамъ и отъ общей трудоспособности совѣтовъ.

30 марта французская делегація представила опредѣленный проектъ рѣшенія вопроса о долгахъ. Она соглашалась ограничить долгъ территоріей, оставшейся за Россіей, но не соглашалась обмѣнивать прежнія облигаціи, находящіяся сейчасъ на рукахъ у держателей русскихъ бумагъ, на новыя совѣтскія и не соглашалась также дѣлать различіе между тѣми, кто пріобрѣлъ эти бумаги до и послѣ 1918 года. Вопросъ о кредитахъ предлагалось рѣшить послѣ урегулированія вопроса о долгахъ. Наконецъ, въ видѣ опыта, французская делегація предлагала возобновить платежи по купонамъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ суммѣ 20 милл. долларовъ въ годъ, что составляло около 30% нормальныхъ довоенныхъ платежей по долгамъ. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ долженъ быть урегулированъ общій вопросъ о погашеніи долговъ, причемъ СССР долженъ участвовать въ переговорахъ отпавшихъ отъ Россіи государствъ по тому же вопросу.

14 апрѣля совѣтская делегація отвѣтила, что считаетъ французское предложеніе непріемлемымъ, и предложила урегулировать довоенные долги — не временно, а окончательно, на основаніи уплаты совѣтской властью ежегодно по 40 милл. фр. золотомъ въ теченіе 62 лѣтъ. Взамѣнъ прежнихъ облигацій при этомъ должны быть выданы новыя, и соглашеніе должно вступить въ силу только послѣ предоставленія сов. власти опредѣленныхъ денежныхъ и товарныхъ кредитовъ. Въ регулированіе долга отпавшихъ частей сов. власть не вмѣшивается. Нотой отъ 21 апрѣля французская делегація отвергла это предложеніе. Для продолженія переговоровъ былъ образованъ особый редакціонный комитетъ, который закончилъ работу въ началѣ мая. Комитетъ этотъ установилъ, что на Россію падаютъ 75% прежняго долга, а 25% падаетъ на отдѣлившіяся государства. Французы согласились, что относительно этой послѣдней части сов. власть въ переговорахъ не будетъ участвовать. Но во всемъ остальномъ и редакціонный комитетъ не пришелъ ни къ какому соглашенію.

Вопросъ былъ переданъ тогда на разсмотрѣніе финансовой комиссіи, въ которой, въ началѣ іюня, вновь начались переговоры. Послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, французскіе члены комиссіи, наконецъ, пошли на соглашеніе и приняли періодъ 62 лѣтъ; но они потребовали, чтобы черезъ десять лѣтъ это соглашеніе было пересмотрѣно. Большевики отъ этого отказались. Съ своей стороны, они вновь выдвинули предложеніе — раздѣлить держа-

телей русскихъ бумагъ на двѣ категоріи: пріобрѣтшихъ бумаги до 1918 г. и послѣ 1918 г. Первые должны были получить около 25% довоенныхъ платежей; вторымъ большевики соглашались дать около 10 - 15%. При этихъ условіяхъ, полагали совѣтскіе представители, хватитъ предлагаемой ими суммы на уплату всѣмъ кредиторамъ. Французы отвѣтили, что по французскимъ законамъ провести такое различеніе невозможно. Это подтвердила и синдикальная палата биржевыхъ маклеровъ, запрошенная по этому поводу. Но французы предложили понизить годовую сумму платежей, начиная съ 60 милл. франковъ и постепенно увеличивая ее въ теченіе 62 лѣтъ, такъ чтобы въ среднемъ получилось 88 милліоновъ.

Совѣтская делегація нотой 8 іюля отвергла и это предложеніе. Она соглашалась платить 60 милл. фр. въ годъ въ теченіе 62, причемъ требовала мораторія на 1 - 3 года и предоставленія долгосрочныхъ кредитовъ въ суммѣ 75 милліоновъ долларовъ деньгами и 150 милл. товарами, всего 225 милл. долларовъ, непремѣнно въ американской валютѣ, съ уплатой процентовъ только черезъ три года по денежнымъ кредитамъ и черезъ пять лѣтъ — по кредитамъ товарнымъ.

10 іюля французская делегація внесла свое послѣднее предложеніе. Она соглашалась понизить средніе ежегодные платежи съ 88 до 82 милл. франковъ, съ ежегоднымъ повышеніемъ, начиная съ 50 милл. фр. Но если бы большевики предоставили подданнымъ другихъ государствъ (имѣлись въ виду англичане) болѣе благопріятныя условія уплаты долговъ, то тѣ же условія должны были автоматически распространяться и на французскихъ кредиторовъ. Отъ этого послѣдняго требованія сов. делегація рѣшительно отказалась, и работы конференціи были прерваны. Въ октябрѣ деМонзи докладывалъ Бріану, что французская делегація дошла до крайняго предѣла уступокъ и безъ шаговъ навстрѣчу со стороны сов. делегатовъ довести дѣло до благополучнаго конца невозможно. На этомъ пока и остановились переговоры.

Изъ другихъ государствъ, отношенія которыхъ къ совѣтской Россіи могутъ представлять интересы, остановимся на Соединенныхъ Штатахъ и на Германіи. Какъ извѣстно, въ Соед. Штатахъ есть небольшая группа, представленная сенаторомъ Бора, которая стремится добиться признанія де юре совѣтской власти. За ней стоятъ, главнымъ образомъ, нѣкоторые торговые круги и не осо-

бенно вліятельное въ Америкѣ радикальное общественное мнѣніе. Противъ признанія, кромѣ пользующихся огромнымъ вліяніемъ представителей разныхъ церквей, стоятъ такъ-же, какъ стояли и при покойномъ предсѣдателѣ Гомперсѣ, рабочіе союзы. Въ 1926 году въ финансовыхъ кругахъ большое впечатлѣніе произвела поѣздка въ Москву Паркера Уиллиса, редактора Journal of Commerce, который по возвращеніи заявилъ, что совѣтское правительство прочно, что оно въ настоящемъ составѣ вызываетъ достаточное довѣріе въ смыслѣ исполненія договоровъ, что государственная монополія внѣшней торговли полезна, ибо уменьшаетъ рискъ, и что поле для промышленной дѣятельности въ Россіи необозримо. Возможно, что подъ впечатлѣніемъ этихъ заявленій давленіе Уоллъ - Стритъ на Вашингтонъ въ вопросѣ о признаніи увеличится. Уже есть извѣстія, что Пятакову дана виза въ С. Ш., которой раньше не хотѣли дать Сокольникову. Но съ другой стороны приближеніе выборовъ заставляютъ воздерживаться отъ осложненія избирательныхъ платформъ еще и этимъ вопросомъ. Въ случаѣ побѣды демократовъ мѣсто сенатора Бора будетъ замѣнено демократическимъ сенаторомъ Свансономъ извѣстнымъ противникомъ большевиковъ. Если же у руля останется республиканская администрація, то все же едва ли она легко измѣнить традиціонную линію поведенія, намъ извѣстную. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всѣ попытки сторонниковъ большевиковъ наладить переговоры съ государственнымъ департаментомъ по вопросу о совѣтскихъ долгахъ оставались безъ всякихъ послѣдствій. Такую же судьбу имѣлъ и пробный шаръ Красина въ октябрѣ, — съ заявленіемъ готовности отказаться отъ встрѣчныхъ претензій и урегулировать американскій долгъ, достигающій 187 милл. долларовъ съ 200 милліонами наросшихъ процентовъ.

Намъ остается отмѣтить особое положеніе по отношенію къ СССР Германіи, — уже извѣстное намъ по Рапалльскому договору, по новому договору 1926 г. и по положенію Германіи въ Лигѣ Націй между Востокомъ и Западомъ. Мы указывали выше и на причину этого двойственнаго отношенія: тотъ громадный интересъ, какой представляетъ изъ себя Россія для Германіи въ экономическомъ отношеніи, какъ рынокъ для покупки сырья и сбыта мануфактурныхъ товаровъ, дополняющій и укрѣпляющій индустріальное развитіе Германіи. На этомъ экономическомъ разсчетѣ основывается и желаніе Германіи, чтобы Россія оставалась какъ

можно больше и дольше — земледѣльческой страной. Но въ концѣ года были сдѣланы разоблаченія, которыя напомнили и о другомъ источникѣ интереса — спеціально *правыхъ* политическихъ теченій Германіи — въ поддержкѣ большевиковъ.

Эти разоблаченія были сдѣланы въ рѣчи с. д. Шейдемана въ засѣданіи рейхстага 16 декабря по поводу рейхсвера. Этой рѣчи предшествовали сообщенія „Manchester Guardian" о ввозѣ изъ СССР военнаго снаряженія для германскихъ милитаристовъ. Частнымъ образомъ, конечно, и ранѣе было извѣстно, что Германія завела въ Россіи фабрики оружія, газовъ и аэроплановъ. Но тутъ впервые эти разоблаченія были сдѣланы съ высоты парламентской трибуны отвѣтственнымъ политическимъ дѣятелемъ. Шейдеманъ имѣлъ въ виду этимъ разоблаченіемъ содѣйствовать сверженію кабинета Маркса, — что и было достигнуто. Онъ заявилъ, что германскій рейхсверъ продолжаетъ быть государствомъ въ государствѣ, со своими собственными законами и собственной политикой. Въ министерствѣ рейхсверга существуетъ особый департаментъ подъ иниціалами F. G. Во главѣ его стоятъ офицеры высокихъ ранговъ, состоящіе на дѣйствительной службѣ; другіе офицеры служатъ по найму. Съ 1923 г. этотъ департаментъ расходовалъ ежегодно около 70 милліоновъ золотыхъ марокъ. Онъ находится въ связи съ оргнизаціей, носившей сперва названіе «Гефу», а затѣмъ называвшейся «Вико» (Wirthschafts Kontor). Задача этой организаціи — созданіе военной промышленности въ Россіи. Съ этой цѣлью въ мартѣ 1922 г. генералъ Гессе вступилъ въ переговоры съ фирмой Юнкерса. Контракты были подписаны фальшивыми именами. Германскіе офицеры ѣздили въ Россію съ фальшивыми паспортами. Затѣмъ Шейдеманъ говорилъ о связи офицеровъ рейхсвера съ крайними правыми монархическими организаціями, о созданіи этими правыми организаціями нелегальныхъ военныхъ частей, о связи съ флотомъ, на случай поддержки монархическаго переворота, и о доставкѣ оружія изъ Россіи. Конечно, правые депутаты поспѣшили объявить заявленія Шейдемана «измѣной»; но печать разныхъ теченій не только не отрицала приведенныхъ имъ фактовъ, а, напротивъ болѣе или менѣе откровенно признала указанныя дѣйствія патріотическими и неизбѣжными при созданномъ Версальскимъ миромъ положеніи. Что касается совѣтской Россіи, куда извѣстіе о рѣчи Шейдемана пришло въ послѣдній день засѣданія VII пленума коминтерна,

Радеку было поручено опровергнуть эти заявленія въ «Правдѣ». Но онъ ограничился голымъ отрицаніемъ. Такимъ образомъ, упомянутыми вѣскими фактами слѣдуетъ дополнить исторію совѣтско - германскихъ отношеній, начинающуюся подготовкой военнаго разгрома Россіи и торжества октябрьскаго переворота. Завязанныя уже тогда, эти отношенія, очевидно, не прерывались и послѣ захвата власти большевиками. И все, что говорилось о существованіи въ совѣтской Россіи спеціальныхъ германскихъ военныхъ организацій, надо считать соотвѣтствующимъ истинѣ. Этимъ же объясняется и сдѣланное ранѣе наблюденіе, что именно правыя и крайнія правыя партіи оказываются особенно заинтересованными въ поддержаніи сношеній съ совѣтской Россіей.

Въ заключеніе, упомянемъ еще о событіи, совершившемся въ послѣдніе дни 1926 г. и ярко иллюстрирующемъ непрочность положенія на восточныхъ европейскихъ границахъ. Мы упоминали выше о договорѣ, заключенномъ литовскимъ министерствомъ Слежевича съ СССР, — договорѣ, въ которомъ Виленщина признавалась достояніемъ Литвы. Этотъ договоръ послужилъ поводомъ къ сверженію радикальнаго министерства Слежевича военнымъ переворотомъ, произведеннымъ въ ночь съ 16 на 17 декабря. Свергнутое министерство было замѣнено смѣшаннымъ кабинетомъ, съ преобладаніемъ націоналистовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, въ миніатюрѣ произошло то, что случилось и въ крупныхъ государствахъ послѣ признанія большевиковъ. Но въ этомъ вѣтряномъ углу Европы всякое подобное потрясеніе тотчасъ вызываетъ опасность разрастись въ международный конфликтъ. Западная граница Россіи въ этомъ отношеніи стала вторыми Балканами. Всѣ нерѣшенные вопросы грозятъ потянуться къ рѣшенію, когда поднятъ одинъ изъ нихъ—въ данномъ случаѣ Виленскій (см. ихъ перечень, сдѣланный Куденгофъ-Калерги, на стр. 367). Тутъ же, однако, проявились и сдерживающія силы, показавшія, что постоянныя угрозы совѣтской печати военной опасностью не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. На территоріи Литвы уже появилось коммунистическое правительство Пожелло. Но шансы его чрезвычайно ничтожны. На границѣ Литвы стоитъ сильная польская армія, которая не позволитъ литовцамъ начать военную авантюру. Съ другой стороны, и красная армія удерживается отъ движенія къ Вильнѣ — санкціями Лиги Націй. Что касается Германіи, она, по выраженію публициста Теодора Вольфа, боится

выйти въ дождь безъ зонтика, — предоставляя это большевикамъ. Она предпочитаетъ получить свое отъ Литвы и Польши (обмѣнъ Мемеля на Данцигскій Коридоръ) въ порядкѣ переговоровъ. Словомъ, военное международное столкновеніе не столь неизбѣжно, даже въ случаѣ нарушенія мира на этихъ спорныхъ границахъ. Конечно, если бы внутренній кризисъ затянулся, положеніе можетъ стать болѣе угрожающимъ. Но именно поэтому, вмѣсто крайняго рѣшенія вопроса, литовскіе переворотчики и поспѣшили согласиться на компромиссѣ, выразившемся въ появленіи министерства Вальдемарса. Совѣтско-литовскій торговый договоръ, готовый къ подписанію,остановленъ Ковенскими событіями. Но Вальдемарасъ только - что заявилъ, что и его линія, какъ линія всякаго литовца, лежитъ ближе къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ. Такимъ образомъ, одновременно съ демонстраціей грозящихъ Европѣ опасностей отъ балканизаціи Россіи литовскій переворотъ демонстрировалъ и ту сложную сѣть сдержекъ, которыми, въ интересахъ общаго мира, охвачена эта граница между центральной и восточной Европой. Конечно, и Россіи, при всякомъ положеніи — и при новомъ правительствѣ — съ этими сдержками придется считаться.

Экономическіе районы: 1. Сѣверо - восточный. 2. Сѣверо - западный 3. Западный. 4. Центрально - промышленный. 5. Вятско - ветлужскій. 6. Средне - волжскій. 7. Юго - западный. 8. Южно - рудничный. 9. Центрально - черноземный. 10. Сѣверо - кавказскій. 11 Нижне - волжскій. 12. Закавказскій.

Экономическiе районы: 1 Туркестань. 2. Западно - Киргизскiй. 3. Восточио - Киргизскiй. 4. Уральскiй 5 Сибирскiй. 6. Лено - Забайкальскiй 7. Якутскiй. 8. Дальне - Восточный.

Складъ изданія:
Librairie «La Source», 106, rue de la Tour, Paris (XVIe)